

3. Vēsture un zinātnisko publikāciju saraksts.

1. Новые тенденции в использовании фразеологических единиц в заголовках. Неологизмы в лексике, грамматике и фонетике. Рига, ЛГУ, 1985. сс. 43 - 50.
2. Modern English Colloquial Idioms. Riga, LVU, 1986. 58.p. (coauthors A. Dančenko, I. Zauberga).
3. Analīz izcelsmes frazeoloģismu aizēšana latviešu valodā // Latviešu valodas kultūras iautājumi. Rīga, Avots, 1986. 100 - 110. lpp.
4. Frazeoloģismu okazionāla lietošana latviešu valodā // Latviešu valodas kultūras iautājumi. Rīga, Avots, 1988. 111 - 122 lpp.
5. Оказиональное использование фразеологических единиц как семантико-стилистическая универсалия индоевропейских языков // Известия АН ЛССР, Зинатне, Рига, 1986. . 10. сс. 121 - 128.
6. Динамические аспекты латышской фразеологии. (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук). Рига, ЛГУ, 1986. 24 с.
7. Aizēūtās frazeoloģijas dinamika. Valodas aktualitātes 1986. Rīga, Zinātne, 1987. 60 - 70. lpp.
8. Некоторые проблемы перевода окказинально использованных фразеологических единиц (на материале перевода с английского латышский) // Системный и функциональный анализ языка, Рига, ЛГУ, 1987. сс 25 - 31.
9. Проблема нормы в разных аспектах латышской фразеологии // Критерии нормативности в литературном языке и терминологии. Рига, 1987. сс. 9 - 10.

10. Anglo - Latvian Phraseological Borrowing. Riga. LVU. 1988-52 p.
11. Контекстуальное варьирование компонентного состава и семантики фразеологических единиц // Вариативность в германских языках. - Калинин, 1988. сс.138 - 139.
12. Окказиональные преобразования во фразеологических неологизмах // Типологические черты языка в контрастивном аспекте. Рига, ЛГУ, 1988. сс. 132 - 140 (В соавторстве А. Начисчионе).
13. Netulkotā frazeoloģija latviešu valodā // Latviešu valodas kultūras jautājumi. Rīga. Avots. 1988. 141 - 151.lpp.
14. Заимствование английской фразеологии в латышском языке // Известия АН ЛССР. Зинātne. Рига, 1989. No 5 сс 50 - 59.
15. Latviešu frazeoloģijas cilmes problēmas // LPSR ZA Vēstis. Zinātne. 1989. Nr.9. 46 -57. lpp.
16. Native and Borrowed Phraseology in Latvian / Nacionālais un internacionālais valodā. - Rīga. LVU. 1989. pp. 19 - 22.
17. Phraseology and Translation. - Riga. LVU. 1989. 26 p.
18. Vāsu cilmes frazeoloģija latviešu valodā . Valodas aktualitātes 1988. - Rīga. Zinātne. 1989. 138 - 147 lpp.
19. Заимствование русской фразеологии в латышском языке // Закономерности языковой эволюции. - Рига, ЛУ, 1990 сс. 19 - 20.
20. Terminu un frazeoloģijas attiecības // Latviešu valodas kultūras jautājumi. - Rīga, Avots. 1989. 134. - 138.lpp.

21. Runāsim latviski. - Rīga. LŪ. 1990. 60 lpp. (kopdarbs I.Zaubera, M.Brēde, V.Gurtaņa)
22. Заимствованная фразеология латышского языка (XVII - XX вв.) - Рига. ЛУ, 1990, 186 с.
23. Diachronic Development of Biblical Phraseology in Latvian // The 6th International Congress of Balticists Abstracts. - Vainiaus Universiteto Leidvija. 1991. 95 - 96.p.
24. Runāsim latviski. - Rīga. LŪ. 1991. 1 - 2.daļa. 132 lpp. (Kopdarbs M.Brēde, V.Gurtaņa, I.Zaubera).
25. Контекстуальные изменение семантики фразеологизмов в латышском языке. // Условия референтной определенности слова. Рига. ЛУ. 1991, сс 3-12.
26. Diachroniskās izmaiņas bībeles izteiksmes frazeoloģijā. // Kultūra un vārds. - Daugavpils. 1992. - 3 - 4.lpp.
27. Latviešu īpašvārdu atveide angļu rakstu valodā. // Latvijas Zinātnieku akadēmijas Vēstis. A. - 1992. - Nr.5. - 42 - 44 lpp.
28. Latviešu valodas sarunu tēmas. - Rīga. LŪ. 1992. 55 lpp. (Kopdarbs I.Zaubera, M.Brēde, V.Gurtaņa).
29. English-Latvian Borrowing of Idioms // Contrastive and Applied Linguistics. Rīga. LŪ. 1992. pp. 36 - 48.
30. Latvian Idioms. Rīga. LŪ. 1993. 29 p.
31. Translating contextually transformed idioms. // Second "Language International" Conference Abstracts. Copenhagen. 1993.

Latvijas PSR Augstākās un vidējās speciālās
izglītības ministrija
Ar Darba Sarkanā Karoga ordeni apbalvotā
Pēteris Stučka Latvijas Valsts universitāte
Angļu filoloģijas katedra

NEOLOĢISMI LEKSĪĀ, GRAMATIKĀ UN FONĒTIKĀ

ZINĀTNISKO RAKSTU KRĀJUMS

P. Stučka Latvijas Valsts universitāte
Rīga 1985

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра английской филологии

НЕСЛОГИЗМЫ В ЛЕКСИКЕ, ГРАММАТИКЕ И ФОНЕТИКЕ

СПОРИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Латвийский государственный университет им. П.Стучки

цируется только в начальной позиции;

7) результаты аудитивного анализа подтверждают значимые различия между значениями длительности (в абсолютном исходе односложного слова и в интервокальной позиции двухсложного слова, в абсолютном исходе односложного слова и в конечной позиции перед последующим согласным) и интенсивности сонантов (в начале и конце односложного слова).

Итак, если различия по длительности и интенсивности сонантов воспринимаются носителями языка, можно сделать вывод о их релевантности в акте коммуникации. Предъявление соответствующих сонантов сегментов-стимулов в бинарном виде предотвращает возможность некорректной интерпретации сигнала по индивидуальному порогу физической громкости (каждый стимул не ниже величины физиологической константы по длительности воспринимаемого звука - 60 мсек).

Л и т е р а т у р а

1. Потапова Р.К. О типологических особенностях слога. - В кн.: Распознавание образов. М., 1976, с. 60-67.
2. Чистович Л.А. Речь: Артикуляция и восприятие. - М.: Л.: Наука, 1965. - 241 с.
3. Byers V.W. Intelligibility of initial versus final consonants in monosyllabic words. - J. Acoust. Soc. Am., 1973, vol. 53, N 1, p. 328.
4. Мера В. Skanču kvantitāte. - LVU Zin.raksti, 1970, 38. sēj., 39-30. lpp.
5. Vecozola M. Sonantu kvantitāte mūsdienu angļu un latviešu literārajā valodā. - LVU Zin.raksti, 1976, 248. sēj., 3-12. lpp.

А.Г. Вейсберг
Рига

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЗАГОЛОВКАХ

Проблема стилистического использования фразеологических единиц (ФЕ) в речи представляет большой научный и практический интерес. В предлагаемой статье рассматривается использование ФЕ в заголовках периодических изданий на латышском языке 80-х годов. В 80-х годах наблюдается тенденция к резкому расширению окказионального использования ФЕ в текстах печати вообще и в заголовках в частности. Это объясняется повышенными требованиями к эффективности печатного слова и поисками средств для увеличения экспрессивности и информативности газетного языка.

В данной работе используется понятие ФЕ разработанное А.В.Куниным (1, с.210). Следуя определению, ФЕ имеет два свойства - раздельнооформленность и семантическую двупланность. Эти свойства играют ведущую роль при использовании ФЕ в речи.

Как известно, ФЕ в речи можно использовать узуально и окказионально. При окказиональном использовании ФЕ наблюдается дополнительный стилистический эффект, повышенная экспрессивность, порожденные контрастом между исходной формой ФЕ и ее окказиональным употреблением.

Окказиональное использование ФЕ, хотя и является отступлением от языковой системы и нормы, имеет однако, системный характер в речевом использовании (1, с. 187; 2, с. 36) и речевую нормативность (3, с. 36).

Существует целый ряд приемов окказионального использования ФЕ, впервые выявленных А.В.Куниным (4). Эти приемы различны, но образуют систему на уровне языка (5, с. 52), они воспроизводимы - "принципы и приемы окказионального изменения ФЕ, основные разновидности этих приемов исторически вос-

производит, хотя и реализуются они по-разному (3, с. 42.).

Все элементарные случаи окказионального использования ФЕ средствами этих приемов можно разделить на два типа: 1) семантические преобразования ФЕ, 2) структурно-семантические преобразования ФЕ. При семантических изменениях структура ФЕ не затрагивается, но ФЕ подлежит обыгрыванию. При структурно-семантических преобразованиях изменяется структура ФЕ и вследствие этого и семантика (5, с. 85.).

Наши наблюдения показывают, что в заголовках особенно часто употребляются приемы, связанные с контекстуальной редукцией компонентного состава ФЕ. Такие структурно-семантические преобразования обусловлены спецификой газетного стиля и требованиями к заголовку.

Какова же эта специфика? Язык газет почти всегда отражает борьбу противоположных тенденций - красоты и стандарта, экспрессивного и лаконичного. Особенно это касается заголовков, которые должны быть и лаконичны, и содержательны, и экспрессивны.

Бесконечное употребление даже самых выразительных ФЕ в конце концов приводит к потере свежести, экспрессивности и к возникновению штампов и клише. Отсюда и наблюдаемое тяготение к окказиональному изменению ФЕ, актуализация средств выражения. Окказиональное использование ФЕ дает возможность сделать заголовки выразительными, привлечь внимание читателя, придать новую экспрессивную окраску и заголовку, и всему тексту. Если еще принять во внимание то, что все приемы редукций экономичны, то понятно, почему они в последнее время так часто используются.

Редукция компонентного состава рассмотрена П. Л. Тедриным, который выделяет следующие приемы контекстуального сокращения ФЕ:

а) опущение отдельных компонентов,

б) употребление словоочетаний, представляющих собой начальный, средний или конечный фрагмент фразеологической единицы,

в) использование лишь отдельных образных компонентов (6, с. 159.).

Согласаясь с общими теоретическими выводами Н.Л.Надрина относительно редукции, мы, однако, считаем, что последний прием скорее является аллюзией, а первые два следует определять как эллипсис. Мы также предлагаем еще один прием редукции - фразеологическое умолчание (ароміорезія). Все эти приемы объединяет то, что во всех случаях редуцирована исходная форма ФЕ, приемы выполняют реминисцентную функцию (6, с. 160.), однако между ними есть и отличия, которые мы рассмотрим на конкретном речевом материале.

Фразеологический эллипсис. Мы обращаем внимание только на окказиональный эллипсис, поскольку эллипсис узусальный представляет собой явление языков и особых стилистических функций в речи не выполняет. Сущность фразеологического эллипсиса заключается в намеренном отсечении и устраниении отдельных компонентов ФЕ, при сохранении лексико-семантического стержня оборота. Опускается все второстепенное в семантическом отношении, однако ФЕ и в её сокращенном виде способна передать свойственный ей смысл. При изменении объема плана выражения не изменяется объем плана сдержанности, а экспрессивность ФЕ повышается. По нашему мнению, главная функция и цель фразеологического эллипсиса - экономия речевых средств, при сохранении образности и полного фразеологического значения оборота. С точки зрения стилистики за счет редукции возникает напряжение и в какой-то мере эффект недоговаривания, на счетной недосказанности (7, с. 44.). Однако нам кажется, что последнее в большей степени характерно для умолчания, чем для фразеологического эллипсиса.

Однако ясно, что фразеологический эллипсис имплицитно создает дополнительную стилистическую информацию в речи и, благодаря реминисцентной функции приема, читатель воспринимает в сознании исходную фразеологическую формулу.

Стилистический эффект зависит во многом и от того, какой компонент ФЕ отсутствует. Чем важнее роль отсутствующего компонента в семантическом построении ФЕ, тем больше стилистический эффект.

Priset saur adatas aci

Saur adatas aci - lideros. (P.J. 19.10.1984.)

В этом заголовке отсутствие глагола не создает особого стилистического эффекта, и читатель моментально понимает смысл заголовка. Здесь на первый план выходит функция экономики.

Udens smelas mutē

Kad smelas ūdens, tad vreib. (P.J. 27.10.1984.)

В этом примере при отсутствии одного из ключевых элементов ФЕ на первый план выходит стилистическая функция приёма.

По нашим наблюдениям в заголовках эллипсису обычно подвергаются многокомпонентные ФЕ, чаще всего 2-, 3-, 4-компонентные. Эти наблюдения схожи с данными по фразеологии украинского языка (С, с. 20).

Фразеологическое умолчание (aprosiopis) в отличие от фразеологического эллипсиса, умолчание как прием окказионального использования ФЕ практически не изучен. Под фразеологическим умолчанием мы понимаем намеренный обрыв ФЕ, сопровождаемый стилистическим эффектом недосказанного и имплицитно напоминающий исходную форму ФЕ. Если в случае фразеологического эллипсиса автор не намекает на то, что используется прием окказионального изменения, то при фразеологическом умолчании это обычно выражено эксплицитно - графически (многоточие, тире). Автор как бы открыто намекает на то, что он не договаривает до конца, следовательно читатель сам должен догадаться о смысле. Таким образом, внимание читателя привлекается к умолчанному слову, где обычно делается допуск на ошибку, которая снимает напряжение, созданное приемом. Эффект недомолвки намного сильнее, чем при эллипсисе, и его можно считать важной стилистической

функцией приема. Конечно, и в случае фразеологического умолчания имеет место экономия языковых средств.

Этому приему обычно подвергается многокомпонентные ФЕ, очень часто пословицы и поговорки.

Tie paši vēži, tikai citā kultūrē.

Tie paši vēži ... (P.J. 8.3.1984.)

Kad vilks aītās, par vēlu barot suni.

Kad vilks aītās ... (P.B. 25.3.1981.)

Kas neriskē, tas nevinnē.

Kas neriskē, tas ... (P.J. 1.2.1985.)

Еще дальше по пути редукции идет прием фразеологической аллюзии. Фразеологическая аллюзия (намек) является ссылкой, намеком на известную читателю ФЕ. Она осуществляется употреблением в тексте одного или нескольких компонентов ФЕ, имитацией структуры ФЕ или намеком на образ ФЕ. В употреблении аллюзии самым ярким образом проявляется взаимодействие между ФЕ и контекстом, который выявляет имплицитные компоненты. Что касается заголовков, то зачастую раскрыть их смысл без помощи контекста невозможно. Это обычно имеет в виду автор, помещая аллюзию в самом композиционно важном месте – в заголовке, заставляя этим читателя прочитать всю статью. Таким образом, текст компенсирует недостаточность информации, заложенной в заголовке, он полностью актуализирует ФЕ, а заголовок выступает как отправная точка разворачивания статьи, часто раскрывая позицию автора. Фразеологическая аллюзия в заголовке, которая раскрывается на всем протяжении текста, называется сквозной (термин Макаевой (9, с. 19)).

pašam galā vēlē

Paškerššanās ar pašu galu. (P.J. 8.5.1984.)

notikt kādu uz lāpstipēm

Neapstrīdamā lāpstīņu problēma. (S. 30.1.1985.)

izlaist džinu no krūkas

Džins palika krūkā. (S. 8.1.1985.)

Наряду с элементарной аллизией в заголовках часто встречаются сложные приемы окказионального использования ФЕ, включающие в свой состав аллизию. Как известно, сложные приемы разделяются на две группы: осложненные приемы, в которых один ведущий прием осложняется другим, и конвергентные приемы, в которых невозможно выделить главный прием (С., с. 178.).

Так, заголовок Без пункта из "и" (Л.З. 6.11.1984.) является аллизией на ФЕ Пункт из "и" (ставить точку над "и"). Однако в статье говорится о последнем матче в чемпионате, который должен был "ставить точку над "и". Но игра закончилась ничьей, и наша команда не получила и одного очка (в латышском языке слово "punktā" является полисемантичным и означает и "точку", и "очко"), поскольку был превзойден лимит ничьей. Так вместе с аллизией в заголовке употреблен прием двойной актуализации, и мы имеем дело с конвергентными сложными приемами, так как выделить ведущий прием невозможно.

Как пример осложненных преобразований проанализируем следующий заголовок.

Pilnā kucēnī "Mistral" dīkt... (Зрелос 3.10.84.).

Здесь аллизия на ФЕ "Pilnā kucēnī dīkt" — осложнена развернутой метафорой, окончание которой находится в самом конце статьи — "Tomēr jāteico, ka šeit īesestī kucēnī sprīnījās itin cīgrī". Таким образом, приемы окказионального употребления обладают текстособразующей и композиционно-организующей функциями.

Эти три приема ни в коей мере не исчерпывают весь арсенал приемов окказионального использования ФЕ, применяемых в заголовках. Эти приемы открывают новые возможности для использования экспрессивно-стилистических свойств ФЕ. Изучение особенностей окказионального использования ФЕ дает возможность выяснить сферы применения тех или иных приемов, их

стилистические свойства, а также выработать практические рекомендации для журналистов.

Принятые сокращения названий газет

P.J. - Padomju Saunatne

R.B. - Rīgas Balso

S. - Sports

Л и т е р а т у р а

1. Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс). - М., 1970.
2. Кунин А.В. О стилистическом контексте во фразеологическом ракурсе. - Учен. зап. МПШИЯ им. М.Тореза, М., 1976, вып. 10.
3. Начисчионе А.С. Окказиональное стилистическое использование фразеологических единиц (на материале произведений Дж.Чосера): Дис... канд. фил. наук. М., 1976.
4. Кунин А.В. Основные понятия фразеологической стилистики. - В кн.: Тезисы конференции "Проблемы лингвистической стилистики". М., 1969.
5. Шадрин Н.Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов. - В кн.: Лингвистические исследования. М., 1973. - Ч. II.
6. Шадрин Н.Л. Контекстуальная редукция фразеологических единиц и передача ее семантико-стилистических функций в переводе. - В кн.: Лексикологические основы стилистики. Л., 1973.
7. Кимбарова З.А. Расчленение фразеологических единиц в изложении английской газеты. - Учен. зап. МПШИЯ им. М.Тореза. М., 1976, вып. 94.
8. Гнатук И.С. Трансформация традиционных фразеологизмов в

- языке современной украинской художественной прозы:
Автореф. дис... канд. филол. наук. - Киев, 1982
9. Мамлева А.Г. Лингвистическая природа и стилистические
функции аллитерации: Автореф. дис... канд. филол.
наук. - М., 1977

В.А. Гуртая
Рига

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОСОДИЧЕСКОЙ
ПРИРОДЫ ГЛУХИХ ЗВУКОВ СОГЛАСНЫХ ЛАТВИЙСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СООПЛАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ

Исследования просодии текста в современной литературе, посвященной проблемам звучащей речи, занимают значительное место. В большой степени это обстоятельство связано с увеличением объема информации, получаемой человеком через устные средства информации - радио, телевидение, установ- ки записи и воспроизведения устной речи.

В последнее время в промышленную эксплуатацию вносятся системы автоматической синтезированной речи, что существенно увеличивает объем передаваемой речевой информации. К важнейшим прикладным задачам изучения просодии относится также активно развивающаяся область - машинный перевод устной речи. Это далеко не полный перечень прикладных задач, требующих теоретической разработки рассматриваемой проблемы.

В этой связи немаловажным оказывается вопрос о функциях просодии, единицах просодии, средствах просодии. В самом общем виде функциями просодии являются: оформление звучащей речи с помощью супraseгментных средств; членение ее на отрезки, равные слогу, фонетическому слогу, синтагме, фразе, фокобзацу. Акустическими средствами реализации указанных единиц служат частота тона, интенсивность, длительность, пауза. Вместе с тем важную функцию выполняет акусти-

ческие характеристики сегментов.

Просодия на уровне не акустического описания представляют сложное явление. Просодическое оформление высказывания и просодическая организация всего текста продиктованы прежде всего типом текста, целевой установкой его реализации.

Данная статья представляет собой экспериментально-фонетическое исследование глухих шумных согласных современного латышского языка (в сопоставлении с английским). На данном этапе развития фонетических знаний консонантизм современного латышского литературного языка остается сравнительно мало изученным. Абсолютно не исследован экспериментально консонантизм латышского языка в сопоставлении с консонантизмом других языков. В то же время известно, что обращение к акустической природе согласных на материале различных языков помогает не только глубже проникнуть в существо исследуемого явления, но и определить своеобразие каждого из объектов исследования. Дополнительно в работе использован аналогичный материал в области английского консонантизма, что было необходимо для выявления специфики основного объекта исследования - латышского консонантизма.

В ходе исследования была выдвинута основная гипотеза, которая формулировалась следующим образом: латышским глухим шумным согласным присуща позиционное и контекстуальное варьирование просодических характеристик, которые образуют относительно стабильные зоны значений.

Для выявления акустических характеристик глухих шумных согласных (длительности и интенсивности), в качестве эксперимента взяты слова в латышском и английском языках с ударением на первый слог. Анализируемые интервокальные глухие шумные согласные в обоих языках находились в одинаковом фонетическом контексте - в отдельных словах, во фразах и в тексте - максимально близким по своему грамматическому составу.

Latvijas PSR Augstākās un vidējās speciālās
izglītības ministrija

Ar Darba Sarkanā Karoga ordeni apbalvotā
Pēteru Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Angļu filoloģijas katedra

MODERN ENGLISH COLLOQUIAL IDIOMS

Metodiskā izstrādne

Sastādītāji:

N. Dančenko, A. Veisbergs, I. Zauberga

P. Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Rīga 1986

Modern English Colloquial Idioms: Metodiskā izstrādne
/Sast. N.Dančenko, A.Veisbergs, I.Zauberga. - Rīga:P.Stuč-
kas LVU, 1986. - 59 lpp.

Darbs ietver vairāk nekā 300 bieži lietotas angļu
idiomas, kas galvenokārt ņemtas no divām jaunākajām
vārdnīcām "Longman Dictionary of English Idiom" un
"Supplement to the New English Russian Dictionary"
(profesora I.Galperina redakcijā).

Metodiskā izstrādne veidota ar mērķi atvieglot
literatūras (periodikas un daļlīteratūras) lasīšanu,
kā arī veicināt idiomu pareizu, stilistiski atbilstošu
lietošanu sarunvalodā. Vairums idiomu doti piemēri
angļu valodā un iespējamie tulkojumi latviešu un krievu
valodā.

Методическая разработка включает свыше 300 наиболее
употребляемых английских идиоматических выражений. В
большинстве своем они почерпнуты из двух недавно изданных
словарей "Longman Dictionary of English Idiom" и "Прило-
жение к большому англо-русскому словарю" под редакцией про-
фессора И.Р.Гальперина.

Работа предназначена для студентов старших курсов.
Она облегчит чтение газет и литературы на английском
языке, а также поможет студентам стилистически более адек-
ватно оформлять их устную речь. Большинство фразеологизмов
иллюстрируется примерами и переведены на латышский и
русский языки.

Apstiprināts

Angļu filoloģijas katedras sēdē
1986.gada 27.janvārī,
prot. Nr. 6

M 70104-032u 86.4602020000
MB12(11)-86

© P.Stučkas
Latvijas Valsts
universitāte, 1986

Abbreviations used in the text

(D)	- direct object of the verb
(I)	- indirect object of the verb
(P)	- object of the preposition
N	- noun or noun phrase
Nm	- mass (uncountable) noun
coll.	- colloquial
derog.	- derogatory
Det.	- determiner
esp.	- especially
euph.	- euphemistic
fm.	- formal
humor.	- humorous
impol.	- impolite
lit.	- literary
sl.	- slang
US	- American
L	- Latvian
R	- Russian
Ex	- example

hold / have the ACES - coll. to be in a position of control because one has greater power or advantages than another

L - turēt trumpjus (grožus) savās rokās

R - занимать главенствующее положение, быть при тузах

Ex - His employer held the (all the, most of the, the important, etc.) aces, so he was forced to accept lower wages.

your ACTUAL - coll. humour, the real or original (valuable thing or famous person)

L - visistākais

R - самый настоящий

Ex - This is made of your actual gold, you know. They were looking at a painting by your actual Picasso.

not know ... from ADAM - coll. not to know (someone) at all

L - galīgi nepazīt, nezināt

R - совсем не узнать

Ex - He spoke to her in a friendly way, but she didn't know him from Adam.

What is Det+N/Nm in AID of - coll. what is the reason for

L - priekš kam te ...

R - зачем это?

Ex - What are all these books in aid of? - Why are all these books here?

go up in the AIR - coll. to become very angry

L - saskaisties, uzsprāgt gaišā

R - взвинтиться, разозлиться

Ex - My mother went up in the air because I was so late getting home.

roll in the AISLES - coll. (of an audience) to be greatly

amused, laugh uncontrollably

L - aiz smiekliem vai pārplīst

R - кататься, валяться со смеху

Ex - They were rolling in the aisles at his jokes.

and ALL - coll. and other similar things

L - un tamlīdzīgi

R - и всякое такое

Ex - She had books and papers and all.

have ANTS in one's pants - coll. to be in a state of anxiety or impatience

L - dīdīties aiz nepacietības

R - волноваться, дергаться

Ex - He's got ants in his pants about the contract - he's worried that we won't be paid if we don't finish the work before the time agreed.

also : with ants in one's pants.

cost an ARM and a leg - coll. to cost (someone) a large amount of money

L - izmaksēt traku naudu, dārgi

R - стоить целое состояние

Ex - That new ' must have cost (him) an arm and a leg.

would give one's right ARM - coll. to be willing to give up smth. of great value or importance to oneself, be willing to give much

L - a dot visu uz pasaules

R - отдать все на свете

Ex - He would have given his right arm for such a chance.

also (coll.) would give one's ears/ eyeteeth/ back teeth

have been AROUND - coll. to have had varied experience of life and the world esp. the kind of experience which gives one knowledge of how to deal with

people, difficult situations, etc.

L - pazit dzivi

R - БЫТЬ БЫВШИМ ЧЕЛОВЕКОМ, ДАВНО НА СВЕТЕ ЖИТЬ

Ex - She'd been around and I knew it wouldn't be easy to deceive her.

have (got) down to a fine ART - to have learned to do (something) perfectly

L - attistit lidz pilnibai

R - хорошо подучаться, довести до совершенства

Ex - She can get money out of her father whenever she likes: she's got it down to a fine art.

(well) I ASK you! - coll. would you believe it! (used to express great surprise at a statement)

L - Iedomajies tikai!

R - Представь себе! Подумать только!

Ex - Where else in the world, Rolf, would the bloody Lord Mayor come down to the local pub to have an interview, I ask you!

be someone's for the ASKING, taking, etc. - to be free, be obtainable if one wishes it

L - gem tik ciet

R - Дарн!, Ваме!, Берите!

Ex - I've got far more fruit here than I really need so whatever you want is yours for the asking.

also: be there for the asking, taking, etc.

get AWAY from it all - coll. to escape from the difficulties and worries of daily life, work, etc.

L - atkratities, tikt prom

R - отрешиться от всего

Ex - The politician tried to get away from it all at the weekend when he went with his family to the country.

a BAG of nerves - coll. a very nervous or anxious person

L - nervu kamols

R - комок нервов, сгусток нервов

Ex - I was a bag of nerves on the day I had to give a speech to a large group of people.

pack one's BAGS - coll. to leave, esp. because of annoyance,

a disagreement, etc.

L - satit makšķeres

R - собирать вещи, паковаться, уходить, покинуть

Ex - If you don't like your work, why don't you pack your bags and find another job?

the big BANANA - sl. an important and influential person

L - liels dūsis

R - "большой" человек

Ex - Before he became a big banana he was a much friendlier and most likable person.

prop up the BAR - coll. to be habitually present and drinking alcohol in a specific pub

L - nikt pie bāra letes

R - быть всегдетаем в каком-либо питейном заведении

Ex - If you want to know where Bill is, he's probably propping up the bar in the King's Head

not know BEANS about - coll. chiefly US, to know nothing or have no knowledge (about a subject activity, etc.)

L - nav ne mazākās sajāgas

R - понятия не иметь о чем-либо

Ex - He won't be able to help you because he doesn't know beans about history.

be the BEE'S knees - coll. to be the best or most highly valued of people. Often in the phrase "think one is the bee's knees".

L - būt augstās domās par sevi

R - высоко (о себе) мнить

Ex - My brother thinks he's the bee's knees because he is the youngest in the family and is allowed to do whatever he wants.

have had a BELLYFUL/basiful/ - coll. to have had too much of something unpleasant or unfortunate and so to wish to have no more of it

L - liūz kaklam

R - иметь по горло, хватать по горло

Ex - He had had a bellyful of his wife's complaints, and so had decided to leave her.

make it BIG - coll. to be very successful in something, often in business

L - iet no rokas

R - преуспевать

Ex - My brother started growing flowers on a small piece of land. Now he has (really) made it big and owns flower shops all over England.

a BIT on the side - coll. a sexual relationship with a woman or man other than one's wife or husband

L - laist pa kreisi

R - роман, любовное приключение (на стороне)

Ex - I thought my husband might be having a bit on the side.

thrilled to BITS - coll. very excited or pleased

L - milzīgā sajūsmā

R - в (диком) восторге

Ex - I'm thrilled to bits with my new car.

in the BLACK - coll. having some money in the bank, not in debt

L - uz grāmatīgas

R - иметь на счету

Ex - He was left with £ 28.000. For the first time in months he was in the black at the bank.

a BLACKBOARD jungle - coll. a school where the pupils are regarded as violent or uncontrollable

L - mežoru bars, nevis skolēni;

R - сумасшедшая школа

BLOW (D) (wide) open - coll. to make generally known, reveal (a secret, etc.) to public examination

L - atklāt, noraut priekškaru

R - снять завесу с чего-либо, предать огласке

Ex - The discovery of these private letters has blown the politician's plans wide open.

(and) BOB'S (or bob's) your uncle - coll. (a) everything is all right (used esp. when something good had happened suddenly or without difficulty)

L - un viss kārtībā

R - и все дела! и все в ажуре!

Ex - All you have to do is add an egg to the cake mixture, cook it for 30 minutes, and Bob's your uncle - you've got a perfect cake.

go down a BOMB - coll. to be very successful; be very much liked or admired

L - gūt lielus panākumus

R - иметь большой успех

Ex - John's new girlfriend went down a bomb at the party.

go down like a BOMB - coll. to be a great shock, surprise or disappointment

L - zibenīgi izplatīties

R - распространиться молниеносно

Ex - The news of John's arrival went down like a bomb in the village.

go (like) a BOMB - coll. to be popular, esp. (of articles on sale); to be bought eagerly and in great numbers

L - izpirkt, pazust momentā

R - в момент не стало, расхватили

Ex - Suits like that go like a bomb in London.

make /earn, cost, spend/ a BOMB - coll. to earn, cost or spend a large amount of money

L - pelnīt baltu naudu

R - зарабатывать, платить, тратить бешенные деньги

Ex - Miss Crompton wrote more than 35 William books and must have made a bomb thereby.

put a BOMB under - coll. to urge (someone) to do something, esp. by sending him a reminder

L - atgādināt, pasteidzināt

R - поторопить, намекнуть, напомнить

Ex - We'd better put a bomb under Mr. James: he hasn't delivered those chairs we ordered last year. Send him a letter to ask what's happening, will you?

would/ could/ will not say "BOO" to a goose - coll. is very timid and afraid of giving offence

L - bailīgs kā zaķis, mušai pāri neļodaris

R - и мухи не обидит

Ex - The strongest man in Britain ... is also the meekest. "He would not say boo to a goose," says his wife, Janis, "He is very shy and nervous of people he doesn't know."

cook the BOOKS - coll. to change the written details or records of what a business, organization, person, etc. has spent and earned, esp. in order to take money unlawfully.

L - sagrozit skaitļus

R - "состряпать" цифры, "подогнать" данные, цифры

Ex - He seems to be spending a lot of money recently - perhaps he's cooking the books at work.

give /push/ the BOOT - coll. to dismiss (someone from his job) or end a relationship with (someone)

L - izmest uz ielas

R - выставить за дверь, уволить

Ex - Unfortunately, Maurice could not see any decent way to give Rosy the boot. To start with, she had been given to think she had a position for several years.

hang up one's BOOTS - coll. rather humour. to cease doing an activity, e.g. to retire from work

L - aiziet pelnītā atpūta

R - уйти на покой, отдых

Ex - Well, I am 65 now and I think it's time to hang up my boots and turn my attention to my garden.

cannot be BOTHERED - coll. to be unwilling to take the time or trouble (to do something)

L - nebāk ne prāt; i nedomāju

R - и не подумаю

Ex - I couldn't be bothered to clean the car today. I'll do it tomorrow.

on the BOTTLE - coll. drinking large amounts of alcohol, esp. habitually

L - nodzerties, uzkārt uz korķa

R - пить, закладываться за воротник, "не просыхать"

Ex - Haven't you had enough? You've been on the bottle for days.

the greatest /best/ thing since sliced BREAD - coll. humor. a person or thing that is greatly liked or admired

L - vislabākais

R - самый лучший, самый хороший

Ex - I don't know why people think so highly of him: he only taught in America and now everyone thinks he's the greatest thing since sliced bread!

make a BREAK for it - coll. to attempt to escape, esp. from prison or the police

L - ма́гнати а́злаисти́а

R - пыта́ться про́рваться, осу́ществить по́пытку к бе́гству

Ex - He tried to make a break for it and I had to clobber him.

BRIGHT-EYED and bushy tailed - coll. very cheerful and lively

L - прѝсѝгѝ, арѝвѝрѝнѝтѝ

R - весѝлѝ, зарѝвѝтѝльнѝй, заво́дноѝ, дово́льнѝй

Ex - He came home from work last night all bright-eyed and bushy-tailed - he's just been given a pay increase.

BROAD in the beam - coll. (of a person) having broad hips

L - бѝт арѝомѝгѝа гѝрнѝа

R - шѝрокий в бе́драх

Ex - She is getting very broad in the beam - she must try to lose some weight.

give the BRUSH-off - coll. to treat (someone, esp. a lover) in a cold unwelcoming way in order to get rid of him

L - бѝт вѝзѝа, лога́йдоѝа

R - хо́лодно, непрѝветлѝво обо́йтѝсь с кем-лѝбо, оо́дѝть хо́лодом

Ex - he was getting very offended because the girl he liked kept giving him the brush-off.

get the BRUSH off - to be treated in this way

Ex - I got the brush-off from SUE when I asked her to go to the cinema with me.

come down in BUCKETS / sheets - coll. to rain very heavily

L - лѝт ка́ па жа́гѝа

R - лѝть как ѝз ве́дрѝ

Ex - The rain came down in buckets and we stayed in.

cry BUCKETS - coll. to cry very much

L - liet gaužas asaras

R - пролить много слез, плакать навзрыд

Ex - The boy cried buckets when his dog was killed.

have the BUG - when the idiom is have the bug, the type of interest is often specified, as in 'have the photography bug'

L - ķerte uz kaut ko

R - БЫТЬ ПОМЕШАННЫМ НА ЧЕМ-ЛИБО

Ex - Sarah "had the acting bug" and wanted a small part.

play silly BUGGERS - sl. to behave foolishly or in a way that annoys someone; not act seriously

L - muļķoties, ākstīties

R - дурачиться

Ex - Sue kept running up behind her brother and seizing his cap from his head. As she ran away laughing, he said: 'Oh, can't you stop playing silly buggers!'

give the BULLET - coll. to dismiss (someone) from his job

L - atlaist

R - уволить

Ex - I've just seen my boss. He's given me the bullet.

get the BULLET - to be treated this way

L - tikt atlaistam

R - БЫТЬ УВОЛЕННЫМ

Ex - I got the bullet from my last job for coming to work late every morning.

have a BUN in the oven - coll. often humor. (of a woman) to be expecting a baby; be pregnant

L - būt uz grūtām kājām, gaidīt bērnu

R - ждать ребенка, БЫТЬ В ИНТЕРЕСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Ex - Ed ... I've something to tell you ... I've a bun in the oven.

in SAHOOTS (over) - coll. doing or planning something secretly (with another or others) esp. something unlawful

L - slepeni sadarboties, kalt plānus

R - в сговоре, сговорчески

- Ex - The children had been in cahoots over the surprise for their mother's birthday.
- with a CAPITAL/ big A, B, C etc. - coll. (used to suggest that a person is an extreme example of the kind described, holding very strong opinions or having very fixed habits)
- L - ar lielo burtu
R - с БОЛЬШОЙ БУКВЫ., ИСТИННЫЙ, НАСТОЯЩИЙ
- Ex - He's a teacher with a capital T.
He's a Conservative with a capital C.
- go through the (whole) CARD - coll. to consider or try all the possibilities offered
- L - visu izmēģināt, pārdomāt
R - всё испробовать, всё посмотреть
- Ex - The public is advised to go through the (whole) card before it makes its choice in the election.
- play / keep / hold one's CARDS close to one's / the chest - coll. to be very secretive; not make known one's advantages all at once
- L - neatklāt kārtis
R - втихаря, не открыть свои карты
- Ex - He had to play his cards close to his chest in order to get the best possible contract.
- be the CAT'S whiskers - coll. to be the person or thing most highly approved of or regarded. Usually in the phrase "think one is the cat's whiskers"
- L - būt par sevi augstās domās
R - возомнить о себе высоко
- Ex - My new secretary thinks she is the cat's whiskers though she is no better than the last one.
- look what the CAT'S brought /dragged in/ ! - coll. usually humor. used to express surprise at the entrance of a particular person into a room, etc., e.g. when his appearance is untidy
- L - būt nekārtīgā izskatā, ne pēc kā neizskatīties
R - быть не весть на что похололим
- Ex - He had to walk two miles through the pouring rain, and arrived at our house looking like something

the cat's dragged in.

also: look like something the cat's brought/ dragged in
not have /stand/ a CAT in hell's chance - coll. to have no
chance at all (of doing something, being suc-
cessful, etc.)

L - bez mazākajām izredzēm

R - не иметь ни малейшей возможности

Ex - The smaller boy didn't have a cat in hell's
chance of winning the fight.

also: not have a snowball's chance in hell

CHANCE it - coll. to take a risk

L - riskēt

R - рискнуть

Ex - It may rain but I'll chance it and not take a
coat.

fancy one's /someone's/ CHANCES - coll. to believe that
one /someone/ is likely to succeed

L - ticēt panākumiem

R - верить в успех

Ex - The other people who are trying to get this job
have far more experience than you have. I don't
fancy your chances at all.

two bites of/at/ the CHERRY - coll. two attempts or chances
at doing something

L - atkārtota iespēja

R - пару попыток, две возможности

Ex - One is not often given two bites at the cherry
in the world of business.

CHICKEN feed - coll. something of little value, esp. a
small amount of money

L - sīkums, kapēikas

R - ничто, крохи, мелочь

Ex - Your rent is chicken feed in comparison with
mine.

stick one's CHIN out - coll. to show defiance (the wish
to oppose a command, suggestion, etc.)

L - iespītēties, nepakļauties

R - упрямиться, демонстративно не повиноваться

- Ex - His father swore at him for disobeying him, but the child just stuck his chin out and refused to speak.
- give the CHOP - coll. to dismiss (someone from his job)
- L - izaviest no darba
- R - уволить
- Ex - Mr. Turner has worked for the company for 20 years and now they're giving him the chop.
- in CIVVY street - coll. not in the army, navy, etc.
- L - civilā dzīvē, uz brīvām kājām
- R - "на гражданке", быть гражданским
- Ex - I'm a soldier now but when I was in civvy street I worked in a factory.
- like the CLAPPERS - coll. very quickly
- L - kā vējš, zibenīgi
- R - молниеносно, очень быстро, как ветер
- Ex - He ran like the clappers to escape from the police.
- (as) CLEAN as a whistle - coll. very clean, e. g. in being completely free from guilt or suspicion
- L - nevainīgs kā jēriņš
- R - совершенно невиновен, "чистенький"
- Ex - The police searched the flat thoroughly for stolen goods but could find nothing - it was as clean as a whistle.
- take (D) to the CLEANERS - coll. cause (someone) to lose all or a great deal of his money, etc. esp. through betting or failing in business
- L - izputināt
- R - расорять
- Ex - He has been (really, completely, etc.) taken to the cleaners and now he can hardly afford to keep his family.
- CLOSE to home - coll. (esp. of a remark) exactly describing something or cleverly referring to something about which someone is very sensitive
- L - trāpīt vārigā vietā
- R - прямо в точку, (задеть) за живое
- Ex - She is very sensitive about being the oldest of

our friends; when you said that everyone you knew looked middle-aged, it came very close to home.

Join the CLUB ! - coll. humor. that's just the same unfortunate situation I am in!

L - atrasties līdzīgā situācijā

R - То же самое! Мы в одной лодке!

Ex - Oh dear, I haven't got any money left this month. - Join the club! We've spent our last penny too.

COIN it (in) - coll. to make or earn a great deal of money quickly

L - pelnīt baltu naudu

R - сорвать куш, зарабатывать бешенные деньги

Ex - He works for the most important film company in America - he must be (really) coining it (in).

toss /flip/ a COIN - to let chance decide between two possibilities by throwing a coin in the air

L - izlemt metot monētu, šārlisvai cipars

R - орёл или решка

Ex - Heads we go to Greece for our holidays, tails we go to Italy.

COME again - coll. please say what you just said again because I did not hear you the first time (often used humorously when one is surprised at what has been said)

L - atkārtojiet lūdzu

R - Просните, не расслышал! Неужели! Ещё раз! Что вы сказали? Повторите, пожалуйста!

Ex - Let me take you to lunch. - Come again? I thought you didn't have any money!

COME it over /with/ - coll. to show by one's behaviour that one believes oneself to be better than (someone)

L - pasvītrot savu stāvokli, priekārocības

R - внушать, подчёркивать

Ex - Just because he earns more than I do he tried to come it over me whenever we meet.

COME to that - coll. when one begins to consider other facts (used when the speaker wants to add further detail to an earlier remark)

L - ja tā padomā

R - если подумать, если так

Ex - I haven't seen you for a long time. Come to that,
I haven't seen your brother either.

not know whether one is COMING or going - coll. to be confused; not know what one is doing or should do

L - nekā neapraist

R - ничего не соображать

Ex - There is so much happening this morning I don't know whether I'm coming or going.

(as) COMMON as muck - coll. derog. (of a woman, family, etc.) having rough low manners; behaving in a way that is not regarded as polite

L - prasts

R - низкопробный, невоспитанный, "из грязи, да в князи"

Ex - She wears expensive clothes and jewellery, but when she starts talking you realize that she's as common as muck.

what's COOKING? - coll. what is happening? what is being planned? what is everyone doing?

L - Kas te notiek?

R - что затевается? что происходит?

Ex - What's cooking? Why is everyone suddenly so quiet?

COOL it - sl. stop acting, speaking, etc. in an angry and excited way; be more calm and careful

L - nomieries, vēsu prātu

R - охладись! успокойся!

Ex - For month after month we've been asked to save electricity... cool it when we buy sugar...eat less, drink less, have less fun.

The battle on the terraces continued at the weekend despite sports Minister Denis Howell's "cool it" plea to soccer fans.

lose one's COOL - coll. to become excited angry, etc., lose control of one's feelings

L - zaudēt pašsavaldīšanos

R - выйти из себя, потерять самообладание

Ex - The employer seemed calm during the discussion, but he lost his cool when he heard their final demand for a pay increase

COP it - coll. to be punished or scolded

L - dabūsi pa kaklu

R - (тебе) достанется! Получишь взбучку!

Ex - You'll cop it when you get home because you're so late.

a /the/ COP shop - coll., often humor. a police station

L - policijas iecirknis

R - полицейский участок

not be much COP - coll. to be unworthy of much admiration or attention, not be very good, be rather unattractive, stupid, etc.

L - nebūt nekam īpašam, nīka vienība

R - ничего особенного, не Аполлон

Ex - "With your crooked shoulder", she said "You're not all that much cop".

a fair CRACK of the whip - coll. a fair chance of doing something

L - taisnīga sadale

R - возможность, справедливость

Ex - All we wanted was a fair crack of the whip, but our employers would not even hear our suggestion.

CUPBOARD love - coll. pretended love that is shown in the hope that one will obtain something

L - liekulota mīlestība

R - корыстная любовь, притворная любовь, притворство

Ex - It's no good going to your mother with your cupboard love - she won't give you any money either.

CUT it out! - coll. a command to stop doing something, esp. to stop behaving in an annoying way or stop talking foolishly

L - izbeidz!

R - Прекратите!

Ex - When the teacher came into the room, he said "Cut it out! Stop the talking and get on with your work!"

a DAB hand - coll. a person who is able to do a particular thing easily and well

L - zelta rokas

R - легкая рука, умелые руки

Ex - My mother is a dab hand at making cakes.

(as) DAFT as a brush - coll. (of a person) very silly not at all sensible

L - galīgi nojūdzies

R - рехнувшийся, совсем свихнулся

Ex - Look at that fellow - he's walked straight across the road without looking at the traffic. He must be daft as a brush!

push up the DAISIES - coll., often humor. to be dead

L - būt tai saulē

R - (бить) на том свете

Ex - Old John has been pushing up the daisies for years now.

(as) DEAD as a/the/ dodo - coll. completely dead or out of date

L - galīgi novecojis

R - совсем мертвый, устарелый, как прошлогодний снег

Ex - Last year's fashions in clothes are dead as a dodo now.

die the DEATH - coll. (of an actor, etc.) to be badly received by the audience in a theatre, etc.

L - tikt izsvilptam

R - бить освистанным, умереть со стыда

Ex - It is every actor's fear that he will die the death by telling a joke that nobody laughs at.

flog (D) to DEATH - coll. to deal with or discuss (a subject) till it is no longer in any way interesting

L - līdz nāvei aprīkt

R - наскучить до смерти, набить оскомну

Ex - Every day the newspapers have contained articles about the government's plans to reduce unemployment - they've been almost flogged to death before they've been put into practice.

one DEGREE under - coll. slightly unwell

- L - justies nelāgi
R - немного не по себе, заболеть, температурить
Ex - I was (feeling) one degree under with a sore throat so I had to miss going to the cinema.
more (numeral, noun) than you /they/ have had hot DINNERS = coll. very many or much... (often used to scold a person with little experience for pretending to be knowledgeable)
- L - vairāk nekā tev matu uz galvas
R - больше чем у тебя волос на голове
Ex - Don't scorn the old man's stories; he has visited more countries than you've had hot dinners.
go the DISTANCE = coll. to perform a difficult action from beginning to end; complete something successfully
- L - tikt galā, pabeigt
R - справиться, завершить
Ex - He has started a University course, but I don't think he'll go the distance.
- in DOCK = coll. not operating; in need of repair
L - sagājis čupā
R - неисправный
Ex - I can't come this week. My car's in dock.
- dressed/done/ up like a DOG'S dinner - coll. derog. wearing bright showy clothes, esp. to impress other people
- L - sapucējusies kā lelle
R - расфуфуриться
Ex - She was dressed up like a dog's dinner just to go to the pictures.
- let the DOG see the rabbit - coll. let me/him/them/us see, come near, take part
- L - palaid mani
R -пусти(-те) меня/его/их/нас
Ex - When he came in cold after work my father used to push me away from the fire with the words: "Come on, let the dog see the rabbit".
- in the DOLDRUMS - in a situation where nothing important, new, or encouraging happens
- L - būt panīkušam, nomāktam

- R - В ЗАСТОЕ
Ex - Our local football team is really in the doldrums. It has lost every game this year.
- (all) DONE and dusted - coll. finished and ready
L - pabeigt, būt kārtība
R - БЫТЬ ПОЛНОСТЬЮ ГОТОВЫМ, СОВСЕМ ЗАКОНЧИТЬ
Ex - Normally I do not finish working until after tea but yesterday I was all done and dusted just after lunch.
- play (D) by EAR - coll. to deal with (matters) as they arise, without making plans in advance. Usually in the phrase "play it by ear"
L - improvizēt, rīkoties pēc apstākļiem
R - делать / решить по ходу дела, ориентироваться на месте, сориентироваться
Ex - He was surprised when he was called into his employer's office, but decided to remain calm and play it by ear.
- have EGG/jam on (or all over) one's face - coll. to be shown to be foolish (or silly)
L - palikt muļķa loma
R - остаться в дураках
Ex - The train robbers seem to have got away with no trouble at all; the police have egg on their faces today.
- give (I) the ELBOW - coll. to get rid of (someone), esp. to end a relationship with (someone)
L - saraut attiecības, taisīties vaļā
R - Порвать с кем-либо
Ex - I'm getting tired of my boyfriend - well, why don't you give him the elbow then?
- throw (D) in at the deep END - coll. to introduce (a person) into a difficult part of an event or activity for which he is unprepared, e.g. because of lack of experience or skill
L - atrasties dubultgrūtā situācijā, atrasties spīlēs
R - попотеть, находится в затруднительном положении
Ex - On my first day in my new job I was thrown in at the deep end because my boss was ill and I had to

deal with all the problems by myself.

with one's EYES closed - coll. very easily; with no trouble

L - viegli, ar aizvērtām acīm, kā pa sviestu

R - легко, с закрытыми глазами

Ex - She has no experience at all. I could do her work with my eyes closed.

all the FASHION /rage/ go - coll. very popular, very fashionable

L - pēdējais modes kriedziens

R - по последней моде

Ex - Short dresses and long boots went all the fashion last year.

like / as if / it's going out of FASHION /style/ - coll.

without restraining oneself at all. Often in the phrase spend money like (as if) it's going out of fashion

L - it kā rītdien tā vairs nebūs vajadzīga

R - как будто уже не надо

Ex - People always complain about rising prices, but every Christmas they spend money like it's going out of fashion.

be splitting FEATHERS - coll. to be very angry

L - pārskaitusies

R - быть в ярости

Ex - She was splitting feathers when she saw the untidy state of the house.

have had a FEW - coll. to be drunk or not in complete control of one's actions after drinking alcohol

L - iedzert pa mēriņam, iemest pa vienu

R - "пропустить несколько", заложить за воротник

Ex - Welly's had a few, Humphrey said as they pushed into the bar.

on the FIDDLE - coll. doing something dishonest in order to get money

L - blādītās, šmanktās

R - мошенничать

Ex - We could then have the ridiculous situation of having to issue free tickets to enable us to check that people were not on the fiddle.

- (as) FLAT as a pancake - coll. very flat or level
L - plāns kā dēlis
R - плоский как доска
- touch one's FORELOCK - coll. humor. to show respect for someone esp. in an unnecessarily humble way
L - pielīst, klanīties
R - пресмыкаться, быть подобострастным, "кланяться"
Ex - The boss expects you to listen to what he says but he doesn't expect everyone to touch his forelock every time he enters the office.
- burn (D) to a FRAZZLE - coll. to burn (something esp. food) completely or thoroughly
L - piesvīlīnāt, pīdedzīnāt
R - совсем сжечь, "одни угли остались"
Ex - I cooked the meat for too long and when I took it out I found that it had been burnt to a frazzle.
- wear (D) to a FRAZZIE - coll. to make (someone) very tired
L - nodzīt, nogurdīnāt
R - сильно утомлять
Ex - These children are wearing me to a frazzle.
- be FULL of oneself - coll. often derog. to think and talk about nothing but oneself; consider oneself to be very important, clever, etc.
L - aizņemtis ar sevi
R - исходить собой, быть исполненным чувства собственного достоинства
Ex - She was always very unsure of her ability but since she did well in the examinations she has been full of herself.
- part of the FURNITURE - coll. a person who is taken no notice of because he has worked in a place for so long, visited a place so often, etc., that he is considered a usual part of the place itself
L - būt pastāvīgam, kļūt par mēbeli, inventāru
R - вместо мебели, часть обстановки, привычная фигура

Ex - That old fellow in the corner is part of the furniture - he's been coming in this pub every night for longer than anyone can remember.
what's the GAME? - coll. what is happening? what is going on?

L - Kas par lietu? Kas noticis?

R - Что происходит? В чем дело?

Ex - There was nobody in the office this morning and nobody at home when I telephoned - what's the game?

GALLOWS humour - coll. rough humour

L - karātavu humors

R - юмор висельника, мрачный юмор

Ex - The man from the film studio where she worked was famous for his gallows humour.

between you, me and the/lamppost/ GATEPOST - coll. as a secret or private matter, not to be revealed to anyone else

L - starp mums runājot

R - между нами говоря, по секрету

Ex - Between you, me and the gatepost, she is having trouble with her husband.

give (yield) up the GHOST - coll. stop putting any effort in doing something

L - atmet ar roku

R - махнуть рукой на

Ex - He seems to have given up the ghost on this job; he just isn't trying any more.

don't GIVE me that - coll. do not expect me to believe or tolerate what you've just said

L - nemuļkojies, ko tu muldi, nestāsti pasakas

R - Глупости! Не говори чепухи!

Ex - I'm leaving you. - Oh, don't give me that! You can't live without me.

GIVE or take - apart from or except for (a few unimportant matters, irregularities)

L - ja neskaita, izņemot

R - если не считать, кроме

Ex - Give or take a few mistakes in translation, this

book is an excellent guide to the literature of France.

GLAD hand - to accept something enthusiastically

L - vētraini aplausi

R - бурные аплодисменты, овации

Ex - The house was full and the audience gave a glad hand to the three singers.

GO all out - coll. to attempt with the greatest possible determination

L - izlikt visu sevi, izpumpētis

R - "выложиться"

Ex - He decided to go all out to get a better job.

get someone's GOAT - coll. to cause someone much annoyance

L - pataisa traku

R - раздражать

Ex - The way he refuses to admit his mistakes gets my goat.

to be GONE on - coll. very interested in (a subject) or very much attracted by (someone) in love with (someone)

L - aizrāvis

R - увлечся

Ex - He would work a bit harder if he weren't (so) gone on the girl in the next office.

loose as GOOSE - of a person - awkward, clumsy, ungainly in appearance

L - tīrais lācis, kā zilonis trauku veikalā

R - нескладный, неуклюжий, словно медведь

Ex - He was big and muscular, yet loose as goose in contrast to his nimble brother.

how does that GRAB you? - coll. how do you like that?

L - Kā jums tas patīk?

R - как вам это нравится? что вы на это скажете?

Ex - He said he got twenty thousand pounds for that book. How does that grab you?

a GUINEA pig - a person who is used as a subject in medical or other experiments

L - izmēģinājumu trusītis

R - ПОДОПЫТНЫМ КРОЛИК

Ex - The fattest drawings were described by most guinea pigs as "Unattractive, uninfluetial".

bring out/up one's big GUNS - to make a special effort to defeat one's opponent by using something powerful that has been held back

L - likt kārtis galdā

R - пускать в ход тяжелую артиллерию

Ex - The card game had been going badly for him, so he decided to bring up his big guns and played his highest card.

make somebody's HACKLES rise /raise somebody's hackles/ - make somebody angry, annoy somebody

L - satracināt

R - раздражаться, становиться на дыбы

Ex - Her hackles rise when she hears one of the Miss World Contestants give as her ambitions marriage and children.

to get in somebody's HAIR - coll. to make somebody angry or nervous

L - satracināt, kaitināt

R - раздражать кого-либо, досаждать кому-либо

Ex - I don't want any more relatives around, they get in my hair.

that's not the HALF of the story - not all, only part of what there is

L - tas vēl nav viss, tie ir tikai ziedīqi

R - это ещё не всё, главное ещё впереди

Ex - "Producer in one company, drama adviser in another, lecturer and occasional actor," says the blurb of one of his books, but that is only half of the story.

not have two HALFPENNIES to rub together - coll. to have very little or no money

L - būt bez kapeikas, pliks kā nabags, galīgi tukšs

R - не иметь ни копейки за душой

Ex - I don't know how that family get enough to eat - they never seem to have two halfpennies to rub together.

to HAMMER home - force somebody to learn, understand something (by tiresome repetition)

L - ieskr'drot; iedzīt paurī

R - довести до сознания, вдолбить, втолковать

Ex - He is an utter twit. It took me two hours to hammer home the compromise solution.

with an open HAND - not fml. in a generous way

L - devīgi, ar plašu roku

R - благожелательно, широко

Ex - They have always treated us with an open hand so we must be generous in return.

have to HAND it to (P) - coll. to be forced to admit or recognize, perhaps unwillingly, the ability, skill, etc. of (someone)

L - jāatzīst ...

R - быть вынужденным признать

Ex - I've got to hand it to him, he's - the best doctor at this hospital.

to reject something out of HAND - refuse to accept something without even considering it

L - noraidīt uzreiz, i virsū neskatīties

R - отказать наотрез, отклонить (предложение и т.п.) без обсуждения

Ex - Your stories have always been rejected out of hand by the highbrow magazines.

show one's HAND - to do or to say something that reveals one's intentions to others

L - atklāt nodomus

R - выдать себя, раскрыть свои намерения

Ex - The man walked into the bank and immediately showed his hand by drawing a gun.

let it all HANG out - sl. to give free and unrestrained expression to one's emotions, feelings

L - ļaut vaļu jūtām, izlādēties

R - (дать) разрядиться, расслабиться

Ex - You've been in a bad temper all day. Go to the party and enjoy yourself. Let it all hang out!

let (D) go HANG - not fml. stop caring about or taking notice of

L - atņest ar roku, pamest novārtā

R - упускать из виду

Ex - Try to practise your English every day. You shouldn't let it go hang.

the HAPPY event - the birth of the child

L - bērns piedzimšana, lielā diena

R - рождение ребенка, разрешение от бремени

Ex - For Alice the happy event was a victory over her mother.

HARD done by - not fml. offended or suffering bad treatment

L - pamatīgi apstrādāts

R - обиженный

Ex - Oh! don't look so hard done by, my boy.

somewhere to hang one's HAT - not fml. place that one can regard as one's home

L - vieta, kur iekriet, piemesties, pārgulēt

R - иметь свой угол

Ex - It's not the best flat in town but at least it's somewhere to hang your hat.

tip one's HAT to (P) - to show respect to something or somebody

L - uzklausīt, ņemt galvā

R - придавать значение

Ex - Some young people these days do not wish even to tip hats to the opinions of their parents.

to have something (a good deal) under one's HAT - to be very clever

L - galva savā vietā

R - быть (очень) умным человеком

Ex - The classmates soon noticed that the newcomer had a good deal under his hat.

keep (D) under one's HAT - not fml. keep secret, not make known to anybody

L - turēt noslēpumā

R - скрывать, держать в тайне

Ex - I think you should tell the police about the accident. It's not wise to keep information like that under your hat.

to HAVE it off /away/ - impol. coll. to have sexual intercourse (with somebody)

L - saisaist ar kādu

R - переспать

Ex - How does he know she's not having it off whenever his 'back's turned.

to drag somebody out of the HAY - to arouse somebody, cause somebody to become active, stir up from inactivity

L - modināt, uzstutēt uz kājām; palīdzēt; mudināt but aktīvākam

R - поднять кого-либо на ноги, разбудить кого-либо

Ex - The sounds of the bell dragged the drunken soldiers out of the hay.

go HAYWIRE - coll. go wrong, become confused or out of control

L - izjukt, nojūgties

R - рухнуть

Ex - My plans have gone haywire.

talk somebody's HEAD off - not fml. to talk a great deal to someone, esp. until he is tired or bored

L - runāt vienā runāšanā, runāt aizgūtnēm

R - без конца болтать, заговорить

Ex - I went to see my aunt the other day and she talked her head off, I couldn't say a word.

HEAR tell - coll. to receive information, be told of

L - dzirdējis

R - слышать

Ex - I haven't heard tell of that old woman for years.

cross my HEART and hope to die - really; it is true; I assure you.

L - tik tiešām, lai es izputētu

R - ей-богу! провалиться мне на этом месте

Ex - She's gone! Cross my heart and hope to die, she's gone forever.

pull/tug at/on somebody's HEARTSTRINGS - coll. (of a story, film) to cause a person to feel great emotion, esp. of pity

L - aizkustināt

R - растрогать кого-либо, взволновать кого-либо до глубины души

- Ex - The film about the death of a young child was one that really tugged at the heartstrings.
in the HEAT of the moment - without thought, while being influenced by the importance or excitement of the event, occasion
- L - (strīda) karstumā; strēbt karstu putru; darīt kaut ko karstgalvīgi
- R - сгоряча
- Ex - He was a jealous man who had discovered that his wife had a lover and had hit her in the heat of the moment.
- give (I) the(ol)d HEAVE-HO - coll. to get rid of someone, something
- L - tikt vaļā, atkratīties
- R - избавиться, выставить за дверь
- Ex - The owner of the club had to give some of his noisier customers the heave-ho.
- set (D) back on his HEELS - to make(a person) feel surprised, shocked, etc.
- L - atsēdināt, atstāt uz mutes, palikt mēmam, šokēt
- R - привести в недоумение, шокировать
- Ex - The question that set the press back on its far from credulous heels was the last one.
- HERE and now - immediately, at this present moment
- L - tūlīt, uzreiz, nekavējotī
- R - в настоящее время
- Ex - Let's decide here and now how much money I owe you.
- be up to HERE -coll. 1) to have more (work, things to do, etc.) than one is able to cope with,
2) to have had more than one can bear or tolerate,
3) to be completely full of (food, emotions)
- L - 1) derba līdz acīm,
2) būt līdz kaklam, nespēt paciest,
3) līdz kaklam, līdz acīm, pāri mēram
- R - 1) много работы, дел по горло,
2) хватит, более чем достаточно,
3) сыт по горло
- Ex - 1) We are up to here in the shop. I'm sure we won't finish everything tonight.

2) I am up to here with the children. They have been crying and arguing all day.

3) I can't eat any more. I'm up to here.

be on a HIDING to nothing - not fml. to have no chance at all of succeeding

L - bezcerīgi, bezizejās stāvoklī

R - в безвыходном положении, в тупике

Ex - The Indian batsmen were on a hiding to nothing. They could not win.

to be over the HILL - 1) to get (be) over the worst part of something, recover

2) to become outdated

L - 1) (tik) būt pāri ļaunākajam,

2) novecot

R - 1) начать преодолевать кризис, выходить из трудного положения,

2) начать устаревать, выходить из моды и т. п.

Ex - Lord Young believes that Britain is over the hill of unemployment.

2) I'd say her manners are a bit over the hill.

take to the HILLS - not fml. to run away, to hide

L - laisties lapaš

R - дезертировать, бежать и скрываться

Ex - A desire to take to the hills ... tended to overcome even the most dedicated historians.

HIT it off (well, badly, etc.) - coll. to have (friendly, unfriendly) relations

L - sadraudzēties, sadzīvot, satikt

R - сработаться, не сработаться

Ex - He doesn't seem to be hitting it off with his United Ulster Unionist colleagues.

(with) no HOLDS barred - without rules or restrictions on fairness, what may be done, etc.

L - visiem iespējamām līdzekļiem

R - любой ценой, не гнушаясь никакими средствами

Ex - The two women wanted the same man and they each tried to get him with no holds barred.

high on the HOG - to spend (money) lavishly, without much consideration

L - devīgi, bagāti, ar plašu žestu

R - щедро, не считаясь с затратами

Ex - The manager of their company lives as if they were high on the hog

low on the HOG - to be economical, not wasteful

L - ekonomiski, taupīgi

R - экономно, прижимисто

Ex - The family must be low on the hog. Look what they eat and wear!

HOLY cats /cow/ ! - Good God! Good Heavens! Gosh!

L - Tu saki ...

Nu gan ir !

R - черт возьми! ну и ну! (выражает досаду, удивление и т. п.)

Ex - They say there will be another Cabinet reshuffle.

Holy cats! that's already the third in two years.
off the HOOK - 1) out of difficulty or trouble

2) ready-made

L - 1) izsprucis, ticis sveikā cauri

2) gatavs (par apģerbu)

R - 1) избавленный /избавившийся, освободившийся/
от неприятностей

2) готовый (об одежде)

Ex - 1) Sheer luck you are off hook this time.

2) The price of the off the hook suits has gone up.
to give the HOOK - to dismiss to remove from office or
employment

L - izsviest no darba, izmest uz ielas

R - уволить / выгнать / с работы

Ex - After the row with the boss he was given the hook.

not give /care/ two HOOTS - not give a damn

L - vienalga, nelikties ne zinis, neinterēsēties ne tik, cik melns aiz naga

R - совершенно все равно, наплевать

Ex - I don't believe our Blessed Lady cares two hoots whether I put my gym shoes on the left or the right of my dancing shoes.

the (great) white HOPE - not fml. a person (or a thing) who is expected to bring fame, glory, victory, etc. to a group or team of which he is a representative

L - mūsu lielā cerība

R - светлая надежда

Ex - The housing associations ... are one of the white hopes of the housing movement.

full of HOPS - having hangover, after-effects of drinking

L - pagirains

R - хмельной, захмелевший

Ex - After the night booze all the guests but one were full of hops.

(straight/right) from the HORSE'S mouth - coll. from a very trustworthy source of information

L - bez vidutāja, no pirmavota

R - (сведения) получены из первых рук; информация вполне надежна, из осведомленных кругов

Ex - She would not believe what the neighbours said her husband had gone. She wanted to hear it straight from the horse's mouth.

a HOUSEHOLD name/word - not fml. a person or thing whose name is known by everyone

L - slavenība, kā vārds visiem uz mēles

R - не сходить с языка, ходячее, часто повторяющееся имя или слово

Ex - She married one of her publishers ... and became a household word.

HUFF and puff - coll. show signs of making a great effort or to become confused in trying to do something.

L - elst, pūst un vaidēt

R - пыхтеть и сопеть

Ex - He began to huff and puff when asked awkward questions.

HUSTLE and bustle - confused and busy activity

L - trokšnis un jēga

R - давка и сутолока, толкотня

Ex - The railway station was a scene of hustle and bustle.

pay (D) back with INTEREST - coll. to punish for an injury
that one has suffered by causing even more harm
to him - that he has caused to oneself

L - atmaksāt ar uzviju, dots devējam atdodas

R - воздать с лихвой, отплатить

Ex - I was kicked on the ankle in the football match
this afternoon. But I think I know who did it,
and I've promised to pay them back with interest.

d'you want JAM on it? - coll. what more do you want?

L - vēl gribēsi? un...negribēsi?

R - чего еще не достает? Тебе еще птичьего молока
не хватает?

Ex - I have just bought you a beautiful new house and
filled it with new furniture, and now you say you
want a car too. D'you want jam on it?

set one's JAW - show firmness or purpose or not admit defeat
esp. by putting one's jaw in a firm position

L - izrādīt mērķtiecību, nepadoties

R - стиснуть зубы

Ex - When she failed her driving test for the third
time she just set her jaw and decided to have
more lessons.

the JET set - coll. a rich and fashionable group of people
who seem only to be interested in enjoyment and
pleasure

L - uzdzīvotāji, dzīves baudītāji, reaktīvā laikmeta
aristokrāti

R - прожигатели жизни

Ex - I dream of being part of the jet set of having
all that money to lavish on myself.

no JOY - no news, reply, information, luck

L - nekas jauns, nekā laba

R - ничего не известно, нет никаких новостей (сведений),
ответа нет; ничего хорошего, не повезло, не удалось

Ex - Anything new about them?

- No joy.

step on the JUICE (gas US) - coll. to increase the speed
of a vehicle, esp. a car

L - spiest pedāli grīdā

R - вжимать газ, нажать на педаль

Ex - Come on, step on the juice or we will be late.
take a running JUMP - coll. to go away (used when the speaker is annoyed, angry, impatient, etc. with the person he is talking to)

L - lasies; atkratīties

R - отступить, отойти

Ex - It is easier to tell Papa to take a running jump than Mama.

KICK and scream - coll. to complain loudly and forcefully

L - plosīties, arditīties, spert zemi gaišā

R - рвать и метать

Ex - Arthur may agree to your suggestions now, but he'll kick and scream when he realizes what the effect of them is.

on the KNOCK - coll. on hire purchase

L - uz nomaksu

R - с молотка, с распродажи

Ex - We didn't have enough money to buy the new television so we got it on the knock.

at a rate of KNOTS - coll. very fast

L - trakā ātrumā

R - молниеносно

Ex - I got through the work at a rate of knots.

not (to) KNOW one is born - coll. to have an easy life, esp. in comparison with a former or earlier time

L - dzīvot kā niere pa taukiem

R - не знать никаких забот

Ex - The young people today don't know they are born.

a LADIES' man - not fml., slightly derog. a man who likes the company of women and makes special efforts to charm them

L - dāmu cienītājs, donžuāns, meitu gēģeris

R - дамский угодник, донжуан

Ex - He had always been a ladies' man but he did not marry until he was over 50.

to take a LEAK - coll. to discharge as urine, piss

L - nolaišt ūdeni

R - пописать

Ex - On his way to the meeting, he ran into the loo to take a leak.

the LID came off - to lose patience, burst out

L - pacietība bija galā, mērs bija pilns

R - терпение лопнуло

Ex - After a few remarks from her the lid came off.

to be in LOCKSTEP with somebody - to be of the same opinion

L - būt vienprātis

R - иметь общее мнение, сходиться во мнении с кем-либо

Ex - The government must be in lockstep with /C/.

LOTUS eater - rather lit. , lazy, dreamy people

L - laišks sapņotājs

R - праздный мечтатель

Ex - The people who live in the small rich country are lotus eaters - they think only of amusing themselves and have no interest in problems of the rest of the world.

push one's LUCK - coll. to take foolish risks, do something that can only succeed if one's good luck continues

L - mūķīgi riskēt

R - испытывать судьбу

Ex - He's already increased my wages three times this year, and I'd be pushing my luck if I asked for more money now.

a dirty old MAN - coll. a man who is too interested in sex e.g. one who follows young girls and boys

L - izvirtulis

R - похотливый старик, развратник

Ex - I told her not to come to meet my train at the station because the only people there at that time of the night are usually dirty old men.

get one's MARCHING orders - coll. to be dismissed from a job, position of responsibility

L - sarpent vikka pasi

R - получить отставку

Ex - The captain knew that if his team lost another match he would get his marching orders.

talk a MILE a minute - coll. to speak rapidly and without a pause

L - bert ka pupas

R - болтать без устали , без остановки

Ex - As soon as she stepped off the plane she began to talk a mile a minute, telling us all about her holiday.

have a MIND like a steel trap - not fml. to be able to learn easily a large number of facts about many different subjects, be quick to understand everything.

L - staigajoša enciklopēdija

R - быть ходячей энциклопедией

Ex - My friend writes dictionaries and has a mind like a steel trap.

a one-track MIND - coll. habit of thinking and talking about a single subject, esp. sex

L - vienvirziņa domašana

R - однонаправленное мышление

Ex - Every time I see him he tells me about his most recent girlfriend - he's got a one-track mind.

there is one born every MINUTE - coll. there is always someone who can be easily deceived

L - mulķi nekad netrūks

R - дураки не переводятся

Ex - I sold my old car to someone who paid me double what it's really worth. Well, there is one born every minute.

to have one's MOMENTS - coll. to have times of happiness, success, etc. esp. when these times are considered rare or very different from usual

L - ir ko atcerēties

R - есть что вспоминать

Ex - How was your holiday? - Well, it had its moments.
on the MONEY - to be precisely on time when needed

L - kā saukta, pašā reizē

R - точно в назначенное время или в назначенном месте, как из пушки

Ex - You came on the money, she is in despair.

MOTHER'S milk - not fam. something that a person naturally enjoys

L - kā medus uz mēles, īsta bauda

R - бальзам на душу

Ex - My brother loves poetry - it's mother's milk to him.

be all MOUTH and trousers - coll. to have a tendency to talk a great deal while taking little or no practical action to support what one says

L - braukt ar muti

R - много говорить, да ничего не делать

Ex - He'll talk all night about your problems and how to solve them, but he won't actually do anything to help. His trouble is that he is all mouth and trousers.

shoot off one's MOUTH - coll. 1) express loud opinion
2) reveal a secret

L - 1) palaist muti,

2) izpaust noslēpumu

R - 1) громко высказываться,

2) выдать секрет

Ex -1) During the six months that he had occupied a desk in our class I have never heard him shooting off his mouth on subjects about which he knew nothing.

flex one's MUSCLES - coll. to test one's abilities on a comparatively unimportant job or activity in preparation for making the fullest possible use of them in more important activity

L - iemēģināt roku

R - слегка примеряться, работать не в полную силу

Ex - Up to now this winter has been just flexing his muscles - his new book is clearly the product of a careful plan of development.

the NAME of the game - sl. the real nature of something

L - galvenais, lietas būtība

R - самое главное, суть

Ex - The name of the game is survival, our children's if not our own.

down on one's NECK - acting against a person, causing him to suffer, be punished

L - iesties uz kādu

R - (получать) нагоняй

Ex - He was a noisy child, and every teacher in the school was down on his neck before the end of the week.

NEEDLE match - not fml. a game of sport or a competition in which the opponents are very eager to defeat each other, esp. because of bad feelings between them

L - asa, sīva cīņa uz dzīvību un nāvi

R - острая игра

Ex - The captain said: "This is no joke. Both teams are keen to win. A few of the lads have had private wagers with opposing players so that it makes it more of a needle match."

a NEST egg - not fml. money saved by a person or family for future use

L - krājumiņš, nauda sešs

R - небольшие сбережения

Ex - They have a /their/ nest egg in the bank - they hope to buy a house in two or three years.

to do a NUMBER (on somebody's head) - to confuse and trick somebody into something

L - apstrādāt kādu, sajaukt kādam galvu

R - заморочить кому-либо голову, ловко обработать кого-то

Ex - The two shop assistants did a nice number on the customers head and he bought the second hand car.

NUTS and bolts - coll. the basic practical details

L - visi knifi

R - все тонкости

Ex - The speaker explained the nuts and bolts of his plans to establish a new telephone system for the country.

(give somebody) a fourpenny ONE - coll. a blow with one's hand

L - iegāzt, iekraut pa gīmi

R - дать как следует

Ex - I'll give you a fourpenny one if you do not behave better.

a soft OPTION - an easy way of dealing with something, as opposed to a difficult one

L - viegla izeja, vieglākais ceļš

R - легкий путь

Ex - When a difficult situation arises, most people prefer to take the soft option, but this is not always possible.

OUT on one's feet - to be extremely tired

L - knapi turas uz kājām, krit no kājām nost

R - в изнеможении, еле на ногах стоит, спит на ходу

Ex - After the five hours sightseeing tour she was out on her feet.

to go OVERBOARD for (P) - coll. to show great excitement, eagerness, interest, etc.

L - aizrauties, būt sajūsmā, ekstāzē

R - проявлять энтузиазм, охать и ахать по какому-либо поводу, лезть из кожи вон

Ex - She has a changed personality and he fell overboard for her talent as Emma Peel.

bore the PANTS off(P)-coll. to bore (someone) very much

L - apņikt līdz kaklam

R - до смерти надоест

Ex - All I ask is that at seventy-seven he should hang up his typewriter... And stop boring the pants off the rest of us.

scare, frighten the PANTS off(P)-coll. to make (someone) very afraid

L - pārbiedēt līdz nāvei

R - напугать до смерти

Ex - He scared the pants off his sister by talking about death all night.

to PAPER over the cracks - to smooth over the differences (in order to conceal them)

- L - notušet pretrunas, negludumus, likvidēt domstarpības
- R - замазать противоречия, разногласия; создать видимость благополучия
- Ex - The press started displaying interest in their work and they tried to paper over the cracks.
- a PAPER tiger - not fml. a person, threat, etc., that has the appearance of being powerful but is in fact ineffective
- L - šķietami apēcīgs, tukši draudi
- R - пустая угроза, мнимая сила
- Ex - The government's plans for high taxes on private wealth have been delayed for so long that most people now consider them to be paper tigers.
- would not put (D) PAST (P) - coll. would consider (someone) quite capable of doing (something unusual, unfair, etc.)
- L - ģarām jau nu nepalaidīs
- R - мимо уж не пропустит
- Ex - I wouldn't put anything past that man: he would do anything for money.
- beat a PATH to someone's door - not fml. to go to see eagerly, often because of the person's popularity, success
- L - iemit tacīgu
- R - проторить дорожку
- Ex - She was now so famous that all the newspaper reporters in London were beating a path to her door.
- keep one's PECKER up - coll. to remain cheerful, esp. in a difficult situation
- L - nenokārt degunu
- R - не вешать носа
- Ex - Things may be bad at the moment but keep your pecker up and I am sure they will get better.
- PICK (D) clean - to get, tear, steal everything that can be taken so that it is left completely bare
- L - arzagt, aptīrīt līdz pēdējam
- R - обчистить, обворовать, своровать все под чистую

- Ex - When Andy finished his shower he found his 22nd floor suite... had been picked clean.
- make a PIG'S ear(out) of (P) - coll. to do badly
- L - izdarīt slikti, sacūkot
R - плохо сделать, только грязь развести
- Ex - This work's a real pig's ear. Do it again.
- PILLOW talk - not fml. intimate conversation about love or sex between two people
- L - intīma saruna
R - интимная беседа
- feel the PINCH - not fml. to experience hardship because of lack of money
- L - izjust naudas trūkumu, kurpe spiež
R - ощущать нехватку средств
- Ex - Even the town council is now feeling the pinch.
- PINCH and scrape - not fml. to try to spend as little money as possible, esp. in order to save it
- L - knapiņāties, lai ietaupītu
R - экономить на всем, урезывать
- Ex - By pinching and scraping for the last three years I've saved enough money to visit my parents in America.
- squeeze (D) until the PIPS squeak - coll. to force someone to do something
- L - piespiest, izspiest sulu
R - выжать все до последнего, выжимать последний сок
- Ex - The politician said that too many rich people had obtained their money without working for it, and he was now going to introduce new taxes that would squeeze them until the pips squeak.
- make a /one's PITCH / play for (P) - coll. to attempt to obtain (something or someone) using persuasion, etc.
- L - pārvināt, mēģināt iegūt
R - пытаться заполучить
- Ex - He made his pitch play for my girlfriend as soon as we arrived at the party.

to be on (someone's) PLATE - to require someone's attention, effort, etc., something that a person has to do

L - priekšā stāvošs, veicams tuvākā nākotnē

R - предстоять кому-либо, требовать чьего-либо внимания, труда и т.п.

Ex - Now the thing on your plate is to find a substitute for Mrs. Brown.

PLAY hard to get - coll. make it difficult for someone to meet or talk with one, often in order to make oneself more attractive to someone

L - tēlot nepieejamo

R - стромить из себя неприступную, недоступную

Ex - I've asked her to go out with me several times, but she always says she's too busy. I'm not sure whether it's true or she's just playing hard to get.

to slide down a greasy POLE - to go from bad to worse

L - slidēt uz leju

R - стремительно катиться вниз

Ex - Jim seemed to be so promising a student and then suddenly he started sliding down a greasy pole.

keep POSTED - coll. keep (someone) informed about the progress, etc.

L - regulāri informēt

R - держите в курсе

Ex - We'd be very interested to know your first impressions of the town, and how you like the new job - do keep us posted.

pipped at the POST - coll. defeated just when thought winning

L - izjaukt nodomu, sakaut finiša taisnē

R - перебежали нам дорогу

Ex - We thought the owner would agree to sell us the house but we were pipped at the post by a more generous offer from someone else.

to PRICE oneself out of the market - to drive away customers by sticking to high prices

L - zaudēt klientus augstu cenu dēļ

R - зависить цены и потерять покупателей; оттолкнуть потребителей высокими ценами

keep /maintain/ a low PROFILE - not fml. behave in a way that does not attract attention

L - izturēties neuzkrītoši, neselt galvu pārāk augstu, nebāzt degunu laukā.

R - затаяться, не высовывать носа

Ex - Keep a low profile until the trouble over your activities is past.

a PROPHECY of doom - a person who always expects the worst to happen

L - vienmēr paredzēt to ļaunāko, neticēt pozitīvam iznākumam

R - фома неверующий

Ex - John is sure that our new business will fail - he's such a prophet of doom.

beat (D) to the PUNCH - coll. to do or obtain something before (someone)

L - nocelt deguna priekšā

R - увести из под носа

Ex - We'll have to decide now whether we want this house or someone else will beat us to the punch.

accidentally on PURPOSE - not fml. with conscious intention but also with the desire that it may appear to have been an accident

L - būt šķietami netīšam, ar slepenu nodomu

R - тайным умыслом

Ex - The boy told his father that he had dropped the radio when he fell on the stairs, but he later admitted to his mother that he had broken it accidentally on purpose because he wanted a new one.

to put the make on someone - make a pass at, make amorous advances

L - kantēties klāt, koķētēt, piesieties

R - заигрывать, лезть, приставать (к женщине)

Ex - It was funny to watch her put the make on John.

pull RANK - not fml. to take unfair advantage of one's

position in an organization to force someone in lower position to act in a certain way

L - izmantot dienesta stāvokli

R - настаивать, давить (пользуясь служебным положением)

Ex - I don't like to pull rank (on you) but I think you ought to complete that work today.

shoot the RAPIDS - not fml. to do something that is risky or dangerous

L - spert riskantu soli

R - рисковать, делать рискованный шаг

Ex - If your plan were to fail we would be left in a worse situation than we are now, and at the present time it is just too dangerous to shoot the rapids.

take as READ - to regard (something, such as the details of a meeting) as being understood or agreed without being fully read out or otherwise stated or expressed

L - pieņemt bez liekiem paskaidrojumiem, pats par sevi saprotams

R - само собой разумеется

Ex - You've all seen Mr. Smith's statement, so I think we can take it as read.

You may take it as read that John will be angry when he hears what you've done.

ours (yours, theirs, mine, etc.) not to REASON why - coll. we have no right to question or criticize an order given by someone in control

L - no jau smas par to spriest

R - не нам (вам, мне) решать

Ex - Theirs not to reason why. Theirs but to do and die.

have a rough RIDE - to suffer an unpleasant experience or hard treatment

L - pārdzīvot grūtu dzīves periodu

R - пережить трудный период в жизни

Ex - I had a rough ride with my boss - he just wouldn't listen to my ideas at all.

see (D) RIGHT - coll. give (someone) payment or a reward, make sure that (someone) is paid for his work

L - prast novērtēt, nepalikt parāda

R - хорошо заплатить, "не обидеть"

Ex - It shouldn't take you long to get this job done. And don't worry about the money, I'll see you right.

ROB (D) blind - coll. to get a lot of money from (someone), esp. by deceit

L - plēst baltu naudu

R - грабить бес засрения совести

Ex - We're all being robbed blind by the people who control food prices.

between a ROCK and a hard place - in a hopeless situation

L - bezizejas stāvoklī

R - в безвыходном положении

Ex - Being sacked he found himself between a rock and a hard place.

be ROLLING in it /money/ - coll. to be very rich

L - būt naudai kā spaļu

R - денег - куры не клюют

Ex - She can have everything because her father owns several companies and is rolling in it.

bring the ROOF down - coll. used as a warning if a person is too loud

L - jumtu mājai nenocējiet!

R - крыша рухнет

Ex - "Stop that noise, you'll bring the roof down!"

(the) ground RULES - not fml. basic rules accepted by everyone concerning the way one should behave, etc.

L - vispārpieņemtie atzinumi, spēles noteikumi

R - общие, основные правила

Ex - You shouldn't express your opinion in this organization until you've learned the ground rules.

give (I) the RUNAROUND - coll. to deceive (someone close) by having secret relationships with other men

or women at the same time

L - krāpt, būt neusticīgam, laist uz visām pusēm

R - быть неверным, изменять (с другим)

Ex - He had thought there was nothing wrong with their marriage, but then he opened some of her letters while she was away and discovered that she'd been giving him the runaround.

not be someone's SCENE - sl. to be of no interest to someone, not suit someone's character or abilities

L - tas nav priekā manis

R - быть не для когонибудь, не по чьей либо части

Ex - I don't know anything about that kind of music, it's just not my scene.

SCRATCH a (N) and you'll find a (N) - if one learns fully about (a particular kind of person), one discovers that he is really different. (usually worse)

L - vajag tikai pameklēt

R - нужно только посмотреть и ...

Ex - Scratch a theatre critic and you'll find an unsuccessful actor.

to SCRATCH one's way - to advance resolutely overcoming all obstacles

L - izsisties

R - пробиться, преуспеть.

Ex - Though not too bright he managed to scratch his way in the world of letters.

the hot SEAT - coll. a position in which one must answer difficult questions, take great responsibility, etc.

L - būt neaprkaužamā stāvoklī, kā uz adatām

R - положение, которому не поддашься

Ex - The politician will be in the hot seat on television tonight: he will have to answer some unpleasant questions.

to SHOOT from the hip - to express one's opinions loudly and thoughtlessly

I - izmūldēt, neapdomīgi pateikt

R - высказываться необдуманно, резко; выпаливать;
вносить необдуманные предложения

Ex - This is not the place to shoot from the hip, my
young friend.

get SHOT of (F) - coll. to settle (difficulty, a job, etc.)
so that it needs no further attention

L - pielikt punktu, nokārtot, lai nebūtu vairs jā-
atgriežas

R - покончить

Ex - I'll be home as soon as I can, but there's a
small problem I'd like to get shot of before I
leave the office.

get the SHOW on the road - coll. to get something into
active operation

L - iekustināt

R - пустить в действие

Ex - We've been discussing these plans for nearly a
year - if we don't get the show on the road soon
the plans will be out of date.

brush (D) to one SIDE - to disregard, pay no attention

L - atlikt malā, noniecināt

R - отбросить в сторону

Ex - I tried to give him some advice, but he brushed
all my suggestions to one side.

let the SIDE down - not fml. to disappoint one's compa-
nions, etc., by acting in a manner that causes
them to be disapproved of or that prevents them
from gaining a victory

L - pievilt, neattaisnot cerības, neturēt kanti

R - разочаровать неуместным псевдением и т.п.

Ex - You must behave very politely, and don't let the
side down by complaining about the food.

knock /throw/ (D) SIDEWAYS - coll. to shock or confuse

L - izsist no sliedēm

R - сбить с толку

Ex - He was knocked sideways when he heard that he had
failed his examinations.

to SIT *at - sl. to have influence, hold power, to sit
pretty

- L - būt pie varas, turēt stūri savās rokās
R - быть у власти, пользоваться влиянием, командовать
Ex - It must feel good to be related so closely to someone who is sitting fat.
- knock /hit/ (D) for SIX - coll. to defeat (an opponent) destroy completely the effectiveness of (a plan, idea, etc.)
- L - pilnīgi sagraut
R - разбить на голову
Ex - Conscious of the rightness of our cause, let us knock the enemy for six.
- take up/in/ the SLACK - not fml. to improve the organization of a firm, industry, etc., so that it becomes more productive
- L - uzlabot organizāciju, pievilkt grožus
R - ускорить, улучшить (производство)
Ex - The employers have stated that in order to take in some of the slack they will have to dismiss many workers.
- not lose (any,much) SLACK over /about/ (P) - not fml. not to worry about
- L - nelauzīt lieki galvu, neuztraukties
R - "не убиваться"
Ex - I have sometimes looked at the other man and wondered what he's got that I haven't, but I've never lost sleep about it ...
- not have/stand/ a SNOWBALL'S chance in hell - coll. to have no chance at all, be certain to fail
- L - nebūt ne mazākajām izredzēm, nespīd ne tik, cik melns aiz naga
R - не иметь ни малейшей возможности
Ex - Now that my husband's broken his leg, we haven't got a snowball's chance in hell of going on holiday this summer.
- stone cold SOBER - coll. not drunk at all
- L - skaidrs kā diena
R - трезвый как стеклышко
Ex - There's no reason why I shouldn't drive you home.

I've drunk nothing but coffee all night, so I'm stone cold sober.

SOCK it to (P) - sl., chiefly US. to impress (someone) by putting as much of one's skill as one can

L - likt lietā visu iespējamo, sevi visu izlikt

R - пустить в дело все возможные средства, выложиться

Ex - That audience has paid a lot of money to hear you sing, and they want value for their money - so go out there and really sock it to them.

SOD'S law - coll., humor. a rule stating if anything can go wrong in some activity, then it will

L - sviestmaizes likums

R - закон подлости

Ex - He had just bought a new watch, but the same day he dropped it and broke it. Well, that's sod's law, isn't it?

SORT well /ill/ with (P) - to be of a similar nature or character, be in accordance with

L - saderēt, atbilst, sapašēt

R - хорошо /плохо/ подходить

Ex - His bad manners sorted ill with his appearance and expensive clothes.

to turn SOUR on someone - to result in a sudden failure

L - izjukt

R - (неожиданно) окончиться неудачей для кого-либо, опротиветь кому-либо

Ex - His newly established acquaintance with the manager turned sour on him.

in a (tight) SPOT - coll. in a difficult situation

L - ķezā

R - в затруднительном положении

Ex - He's in a bit of a spot because he isn't able to pay all his bills this month.

SPADE work - hard work done at the beginning of an operation, activity, etc.

L - melnais darbs

R - черная работа

Ex - Most of the spade work has already been done -

from now on all we have to worry about is finishing the job on time.

back to SQUARE one - not fml. back to the starting point

L - nonākt turpat, kur sācis

R - все с начала

Ex - After we've spent two years working on plans for these buildings, it's been decided that we must use cheaper materials. So now we're back to square one.

in a tight SQUEEZE - not fml. in a difficult position, e.g. because one lacks money

L - būt spiedīgā stāvoklī, kurpe spiež

R - в затруднительном положении

Ex - When the government is in a tight squeeze it usually tries to borrow money from abroad.

a rubber STAMP - a person or group that agrees to decisions without taking part in making them

L - tie, kas piekrīt klusuciešot

R - тот, кто молчаливо поддакивает

Ex - As a late member of the House of Commons, I welcome any movement that will reduce the danger of the oldest of all representative bodies becoming a mere rubber stamp.

to get off to a flying START - not fml. a very fast or successful beginning in one's job, a competition, etc.

L - spožs sākums

R - блестяще начать

Ex - Our team got off to a flying start this year by winning all their first four matches.

a head START - not fml. an advantage over other people, esp. as given at the beginning of a race or competition

L - sākt ar priekšrocībām, ar pārsvaru

R - преимущество, завоеванное с самого начала

Ex - The rules committee has managed to wound Mr. Heath's chances and give his opponent a head start

under one's own STREAM - not fml. without any help from others

L - pašaujoties uz saviem spēkiem, patstāvīgi

R - самостоятельно

Ex - I can't come to collect you, so you'll have to come under your own steam.

get /bc/ (all) STEAMED up - coll. to become excited, angry, annoyed

L - būt uzvilkta

R - горячиться

Ex - You can easily buy another copy of the book you've just lost, so there's no need to get all steamed up.

a tall STORY - not fml. a story that is impossible to believe, esp. one that is told for humorous effect

L - mednieku stāsts

R - небывицы

Ex - My father's account of his adventures during the war sounds like a collection of tall stories, but most of them are actually true.

go STRAIGHT - coll. lead an honest life

L - laboties, sakt jaunu un godīgu dzīvi

R - исправиться, сделаться честным человеком, уважать закон

Ex - It's not easy for a man who's just come out of prison to go straight.

at full STRETCH - using all one's strength and energy

L - ar pilnu jaudu

R - изо всех сил, во всю силу

Ex - They had to work at full stretch in order to get the job finished before the end of the week.

tear a STRIP off (P) - coll. to scold (someone) angrily

L - strastēt, lamāt no pānkām āra

R - срывать шкуру, выпугать

Ex - Jean angrily tore a strip off the beautiful young actress who she says broke up her marriage.

put (B) off his STROKE - not fml. to spoil the smooth progress of activity

L - izsist no slīdēm

R - сбивать (сбить) с толку

Ex - The only problem was that some members of the audience tended to alter the questions. This clearly put Mr. Heath off his stroke.

all of a SWEAT - coll. very anxious, afraid, worried

L - ar bailēs pamirušu sirdī

R - с самирашем сердца

Ex - She stood up all of a sweat in front of the door, not daring to open it.

get into the SWING of (P) - coll. to become accustomed to an activity and begin to enjoy it

L - pierast, piešauties, uzsist roku, iešūpoties

R - привыкнуть, набить руку

Ex - It's not easy work, but when you get into the swing of it you should be able to do it quite quickly.

pick up the TAB - coll., chiefly US to pay for something, esp. the bill for food, etc., that others have had

L - samaksāt rēķinu

R - заплатить по чистому счету за кого-либо

Ex - My uncle always picks up the tab when we go to a restaurant.

TAKE (D) out of himself - not fml. to cause (someone) to be less concerned with his problems by providing him with amusement that makes him feel happier

L - izklaidēt, likt aizmirsties

R - отвлечь(ся), дать забыть

Ex - My wife was very distressed after her father's death. She needed taking out of herself, so we went on holiday.

TAKE (D) up short - not to allow (someone) to finish what he is saying

L - pārtraukt, neļaut pabeigt

R - немедленно прервать кого-либо

Ex - The minister was just beginning to explain his plan when he was taken up short by a loud whistle from somewhere in the audience.

be TAKEN short - coll., euph. 1) to experience a sudden need to go to the toilet in a situation where this is very inconvenient,

2) to be surprised or unready for some event

L - 1) pēkšņi ievajadzēties uz tualeti,

2) pārsteigt nesagatavotu

R - 1) внезапно появиться желанию выйти в туалет

2) застать врасплох

Ex - 1) I was taken short at the football match.

2) I was taken short when the visitors called, as I had no drinks in the house to offer them.

grind one's TEETH - not fml. to have feelings of great anger.

L - no dusmām griezti zobus

R - скрежетать зубами (от злости)

Ex - If there is one thing calculated to make British artists grind their teeth, it is to be faced with generalizations about national characteristics.

there is no TELLING/knowing/- it is impossible to find out or know about (something)

L - nav zināms; kas zina

R - кто знает; не известно

Ex - You'd better have a good meal now. There's no telling when we'll have the chance to eat again.

ride the /s/ TIGER - not fml. live in a dangerous way, be likely to be ruined at any moment

L - balansēt kā uz nāža armens

R - жить как на дуэкане

Ex - Several members of the government have been riding the tiger during the present difficulties, and it is unlikely that they will keep their jobs.

like there's no TOMORROW - coll. as if the chance will never come again

L - kā pēdējo reizi

R - как будто на завтра ничего не останется, как будто завтра конец всему

Ex - He was eating like there's no tomorrow.

argue the TOSS - not fml. to oppose a decision that cannot be changed

L - censties grozit negrozāmo

R - оспаривать принятое решение

Ex - There's nothing to be gained by arguing the toss - you'll just have to accept that the job's been given to someone else.

out of one's TREE - sl. mad or very foolish

L - galigi nojudzies

R - рехнуться

Ex - He's out of his tree! He's just driven up the road on the wrong side for a bet!

teething TROUBLES - not fml. problems that arise during the early stages of some activity

L - iesākuma grūtības

R - проблемы роста

Ex - We're having a lot of teething troubles with the new machine, but when we've improved it it should be the best of its kind.

to TWIST in the wind - to suffer from uncertainty

L - pārdzīvot savu nenoteikto stāvokli

R - мучиться неизвестностью; тяжело переживать неопределенность своего положения и т.п.

Ex - They said the factory was about to be closed and workers sacked - how she hated this twisting in the wind.

to come UNGLUED - US. to lose control over one's emotions

L - saudēt pašsavaldībenos, eksplodēt

R - расстроиться, "расклеиться", потерять самообладание

Ex - The mere sight of this slippery woman made him come unglued.

to WALK heavy - to stress one's self-importance.

L - staigāt ar svarīgu izskatu, "telot svarīgo"

R - важничать, напускать на себя важный вид

Ex - Having to substitute for the boss during his absence Nick all of a sudden started walking heavy.

WALK tall - not fml. not be humble or ashamed of oneself

- L - iet ar augstu paceltu galvu
R - ХОДИТЬ С ВЫСОКО ПОДНЯТОЙ ГОЛОВОЙ
Ex - If you depend too much upon others you will never be able to walk tall.
- (all) WASHED out - coll. tired and lacking energy
L - galīgi izpumpējies, pārguris
R - (совершенно) опустошенные, измотанные
Ex - I slept very badly last night and I feel all washed out.
- muddy the WATERS - not fml. to cause confusion where it had been clear before
L - izraisīt apjukumu, duļķot ūdeni, jaukt gaisu
R - ЗАМУТИТЬ ВОДУ
Ex - All the arrangements have been made for our holiday, so I don't want you to muddy the waters by saying you can't come.
- (to be) on the same WAVELENGTH - coll. having similar opinions or tastes
L - sapresties, būt domā biedriem
R - хорошо друг друга понимать, быть соратником, быть друзьями
Ex - The new general was not on the same wavelength as the other commanders, and he was in danger of ruining their plans by his own decisions.
- have come a long WAY - not fml. to have progressed far, esp. to have become famous or successful
L - iet gāru ceļu līdz panākumiem
R - пройти (проделать) долгий путь к успеху
Ex - Still, I commented, diplomatically, he'd come a long way since playing for free in Hyde Park.
- look like a wet WEEKEND - coll. to look very sad and unhappy
L - kā nelaimes čupīņa, drūms
R - ХМУРЫЙ КАК ДОЖЛИВЫЙ ДЕНЬ
Ex - If you're coming to the party, please try to be a bit more cheerful. I don't want you standing around looking like a wet weekend.
- take the WHEEL - to take control

L - gēmt stūri savās rokās

R - встать у руля

Ex - We can no longer trust politicians. It is time that the people themselves took the wheel and governed the state as it should be governed.

give (I) a WHIRL - coll. to try (something or someone new) to see if it works well or if one likes it

L - izmēģināt

R - попробовать, испытать

Ex - We talked until the early morning and finally decided to give his suggestion a whirl.

by a WHISKER - coll. by a very small amount

L - par mata tiesu

R - на волосок, самую малость

Ex - Jones beat Smith by a whisker.

the donkey WORK - coll. the hard, often physical or tiring part of a job

L - melnais darbs, neinteresantā darba daļa

R - тяжелая работа

Ex - It is oftenthe young, less experienced people who get left to do the donkey work while those with more experience do more interesting things.

WORK like magic - to be very effective

L - palīdz uz goda, dara brīnumus

R - молниеносно срабатывает, чудеса творит

Ex - If you have difficulty in sleeping well, try drinking a glass of hot milk before you go to bed - it works like magic.

be WORLDS apart - not fml. to be very different

L - būt ļoti atšķirīgiem

R - быть совершенно разным, очень отличаться

Ex - They decided to get married even though their families were worlds apart.

a WORM'S-EYE view - not fml. an understanding of a subject, problem that is based on actual knowledge of details

L - zinātāja viedoklis

R - истинное понимание

Ex - I talked to some men who had recently lost their jobs; I got a worm's-eye view of the real effects of unemployment.

in one's /someone's/ back YARD - coll. in a position or relationship very close to a person

L - tepat blakus

R - совершенно рядом, очень близко

Ex - We need a strong man to lead us in our present difficulties but we do not have to look far for such a man - he is here in our own back yard.

LATVIJAS PSR ŽURNĀLISTU SAVIENĪBA
LATVIJAS PSR ZA A. UPĪSA VALODAS UN
LITERĀTŪRAS INSTITŪTS

LATVIEŠU VALODAS KULTŪRAS JAUTĀJUMI

(Rakstu krājums)
22. laidiens

Sastādījusi *A. Rubina*

RĪGA «AVOTS» 1986

Prievārda *no* lietojums šai teikumā skan stipri arhaiski, it kā teksts būtu tulkots pirms simts gadiem, kad līdzīgās konstrukcijās vācu *von* ļoti bieži latviski tulkoja ar *no*.

Dažkārt prepozicionāls savienojums lietots gadījumos, kur literārā norma prasa bezprievārdisku konstrukciju, proti, darbības vārdu ar lietvārdu lokatīvā: *Uz aerodroma mainījās lidmašīnas, lidotāji, tikai Šmaks neskrēja laikam līdz.* (Karogs, 1985, № 9, 71. lpp.) [Pareizi: *aerodromā mainījās.*]

Kaut gan latviešu valoda ir bagāta ar septiņiem lietvārda locījumiem, tomēr vārdu sintaktiskai saistīšanai nepieciešami arī prievārdi. Turklāt tie lietojami pareizi.

ANDREJS VEISBERGS

ANĢĻU IZCELSMES FRAZEOLŪGISMU AIZGŪSANA LATVIEŠU VALODĀ

Valodas frazeoloģiskā fonda attīstība noris trejādi: veidojoties jaunai frazeoloģismu struktūrai, mainoties frazeoloģismu semantikai un frazeoloģismiem ienākot no citām valodām.

Latviešu valodai dažādos attīstības laikos ir bijuši kontakti ar vairākām valodām, kas atstājušas pēdas arī latviešu frazeoloģijā. To ietekmējušas gan somugru valodas, gan vācu un krievu valoda. Ar 19. gadsimtu vērojams krievu valodas ietekmes pieaugums, un 20. gadsimta vidū tā ir pārņēmusi no vācu valodas galvenās kontaktvalodas pozīcijas. Vācu valoda ir devusi latviešu valodai gan daudz frazeoloģiskā materiāla, gan arī veikusi starpniekvalodas funkciju — caur vācu valodu latviešu valodā ir ienākuši

aizgūtie frazeoloģismi no citām valodām. Pašlaik šo funkciju lielā mērā pilda krievu valoda.

Valodu kontakti var pastāvēt gan starp valodām, kas atrodas tiešā (ilglaicīgā vai īslaicīgā) saskarē, kā, piemēram, latviešu un krievu valodas, gan arī starp tādu tautu valodām, kurām nav tiešas saskares, kā angļu un latviešu valodas. Šai gadījumā kontaktu uztur atsevišķi cilvēki — tulkotāji, starptautiskie komentētāji utt.

Mūsu gadsimtā un it īpaši tā otrajā pusē pasaulē strauji pieaug angļu valodas ietekme. Latviešu frazeoloģijas fonda ieplūst arvien vairāk aizguvumu no angļu valodas. Zināma daļa šo frazeoloģismu ienāk arī ar krievu valodas starpniecību, pie tam, ja frazeoloģisms ir jau pārņemts krievu valodā, aizgūšana noris straujāk.

Aizgūšanas procesā frazeoloģisms iziet divas fāzes. Pirmā fāze ir jauna frazeoloģisma parādīšanās valodā, otrā — frazeoloģisma iesakņošanās valodā. Skaidrs, ka ir daudz frazeoloģismu, kas iziet pirmo aizgūšanas fāzi, bet valodā nenostiprinās. Vēlēšanās «aizņemties frazeoloģismu» autoram (tulkotājam) var rasties dažādu apsvērumu dēļ. Var būt nepieciešamība ar frazeoloģismu izteikt kādu jaunu parādību vai jēdzienu, piemēram, *puķu bērns* (*a flower child*), *zilā berete* (*a blue beret*), *Mērfija likums* (*Murphy's Law*), *jaunais vilnis* (*the new wave*): *..atbrīvotības vietā stājās saniknotība, bet «puķu bērns» uzvilka liķa masku.* (Lit. un Māksla, 1986, 10. janv.) *Arī mes varam realizēt savā intonācijā «jauno vilni», izmantojot ļoti bagāto etnogrāfisko materiālu.* (Padomju Jaunatne, 1985, 16. nov.)

Šādu vēlēšanos var izraisīt teksta stilistiskās īpatnības, piemēram, frazeoloģisma okazionāls lietojums oriģinālā, tā apspēlējums, ko nav iespējams saglabāt ar frazeoloģisma aprakstošu tulkojumu, piemēram,

strawberry leaves — *zemeņu lapas* (hercoga tituls): «*Man jau apnikušas zemeņu lapas.*» — «*Tās jūms piedien.*» — «*Tikai sabiedribā.*» — «*Jūs neizliktu bez tās,*» piebilda lords Henrijs. — «*Es arī nedomāju šķirties kaut no vienas lapiņas.*» (O. Vailds, Doriana Greja ģimēne. R., 1976, 222. lpp.)

Sveša frazeoloģisma lietošanu var veicināt arī tīri personiski faktori: citas valodas ietekme, kas gūta, ilgstoši uzturoties ārzemēs, vēlēšanās izglītot lasītāju, piešķirt tekstam stilistisku nokrāsu. Šādu iemeslu dēļ tulkotājs parasti frazeoloģismu kalko vai pārņem oriģināla formā. Stilistisku apsvērumu dēļ, piemēram, *dzelzs lēdija* (*iron lady*) lietota vispārinātā nozīmē. *Matemātikā mums bija stingra skolotāja, ista «dzelzs lēdija».* (Padomju Jaunatne, 1985, 4. maijā.)

Taču, kā jau teikts, vairākums primāri aizgūto frazeoloģismu, it īpaši daiļliteratūrā, paliek kontekstuāla, okazionāla parādība. Pastāv vairāki faktori, kas veicina frazeoloģismu iesakņošanos valodā. Tie ir gan pašai valodai raksturīgi, kā, piemēram, aizgūtā frazeoloģisma atbilstība valodas attīstības tendencēm, frazeoloģisma labskanība, nesamākslotība, gan arī no valodas viedokļa ārēji faktori — frazeoloģisma aktualitāte, rašanās apstākļi, pat tā radītājs, lietošanas vide, valodas lietotāju attieksme pret aizguvumu. Ja šie faktori ir pozitīvi (visnozīmīgākais ir aktualitātes faktors), frazeoloģisms strauji iesakņojas valodā. Tā visas Eiropas valodās tika pārņemti tādi frazeoloģismi kā *aukstais karš* (*the cold war*), *dzelzs priekškars* (*the iron curtain*), ko «popularizēja» V. Čērčils. Pašlaik aktuāls ir frazeoloģisms *zvaigžņu kari* (*star wars*).

Jāsaka, ka padomju lingvistikā frazeoloģijas aizgūšanas jautājumos joprojām valda uzskatu dažādība, īpaši par kalka un aizgūta frazeoloģisma at-

tiecībām.¹ Šie jēdzieni palaikam tiek pat pretstatīti. Taču jau S. Balli norādījis, ka «būtu kļūdaini pārāk stingri šķirt aizguvumu no kalka; tie atšķiras pēc formas, bet gandrīz neatšķiras pēc izcelsmes un savām galvenajām īpašībām; tos rada viens un tas pats cēlonis, un tiem ir vienāda loma vārdu krājuma papildināšanā.»²

Uzskatīsim, ka frazeoloģiskais aizguvums ir vispārīgs jēdziens, bet kalks (puskalks) un netulkotais aizguvums ir frazeoloģiskā aizguvuma paveidi.

Pirmkārt aplūkosim netulkotos frazeoloģismus — aizguvumus ar pilnu fonogrāfisko atbilstību oriģinālam. Šim aizguvumu paveidam raksturīga pilnīga ekvivalence oriģinālam, tā ka frazeoloģisms tiek pārņemts bez jebkādām izmaiņām. Netulkotos aizguvumus latviešu valodā galvenokārt veido latīņu, franču, angļu, vācu un itāļu frazeoloģismi. Skaitliski visvairāk aizgūto frazeoloģismu ir no latīņu valodas, piemēram, *alma mater*; *deus ex machina*; *terra incognita*; *persona non grata*; *tabula rasa*, mazāk no jaunajām valodām, franču *tête-à-tête*; *enfant terrible*, vācu *Sturm und Drang*; *Drang nach Osten*, itāļu *ŷata morgana*; *così fan tutte*. Angļu frazeoloģismi latviešu valodā ieplūduši tikai divdesmitajā gadsimtā. Visbiežāk lietotie angļu netulkotie frazeoloģismi latviešu valodā ir *better late than never*; *brains trust*; *brain drain*; *common sense*; *deeds not words*; *ŷair play*; *ŷifty ŷifty*; *happy end*; *home rule*; *How do you do?*; *last not least*; *life is not a bed of roses*; *my house is my castle*; *self made man*; *Stars and Stripes*; *stiff upper lip*; *time is money*; *Rule Britannia!*; *Union Jack*; *to be or not to be*; *home*

¹ *Солодухо Э. М.* Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. Казань, 1977, с. 10—18.

² *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961, с. 79.

sweet home; Scotland Yard; high life; my better half; Fleet Street; heavy metal rock u. c.

Daži piemēri. *Kam biezāks maks, lai maksā! Bet kas iznāk? Tagad es te sēdu.* «*Life not a bed of roses*», kā angļi saka. (A. Dripe. *Pēdējā barjera*, R., 1971, 218. lpp.) ..*tomēr rakstnieks atstāj viņu attiecību risinājumu lasītāja izdomai — varbūt būs «happy end», bet varbūt arī ne.* (Karogs, 1985, № 1, 138. lpp.) *Šie apstākļi tad arī izveidoja Gunāru tādu, kāds viņš ir tagad, divdesmit astoņu gadu vecumā: ne ko pielikt, ne atņemt, īsts self made man, — vienīgi paša spēkiem un itin kā spītējot šķēršļiem, viņš, kā saka, ir izlauzis sev ceļu dzīvē..* (Liesma, 1985, № 10, 11. lpp.) *Valfrīds Taumanis nespēja un — pat ja gribētu — nespētu saprast, ka pasaulē bija arī tādi savādi cilvēki, kas cienīja drosmi un nicināja nodevību, bet par visu augstāk stādīja tīru spēli, Fair play, kā angļi saka.* (V. Lācis. *Akmeņainais ceļš*, R., 1964, 195. lpp.)

Paralēli netulkotam aizguvumam autori bieži vien sniedz frazeoloģisma kalku. Tādējādi ir grupa frazeoloģismu, kurus latviešu valodā lieto divos paveidos — gan kā netulkotos aizguvumus, gan kā kalkus. Netulkoto aizguvumu skaits pastāvīgi papildinās, un savu stilistisko īpatnību dēļ tie bieži vien ir vajadzīgi.

Visizplatītākais aizgūšanas paveids ir frazeoloģiskā kalkošana. Frazeoloģiskais kalks ir frazeoloģisma leksisko vienību burtisks tulkojums, tāpēc katram nozīmīgam frazeoloģisma komponentam atbilst komponents kalkā. Tā kā kalkošana saduras divas tendences, proti, frazeoloģisma modeļa īpatnību saglabāšana un piemērošana aizguvējai valodai (pēdējā tendence parasti dominē), ir iespējamās arī zināmas novirzes no oriģināla. Nozīmes maiņa kalkošana ir reta parādība. Ja frazeoloģismam ir politiski ideolo-

ģisks saturs (šādu frazeoloģisko kalku latviešu valodā ir samērā daudz), kalks, saglabājot apzīmējamo nojēgumu, bieži iegūst atšķirīgu papildu stilistiski emocionālo nozīmi. Tā, piemēram, frazeoloģisms *brīvā pasaulē* (*the free world*) gan angļu, gan latviešu valodā nozīmē 'nekomunistiskās Rietumu valstis', bet ietvertais novērtējums ir atšķirīgs, par ko liecina arī fakts, ka latviešu valodā šo frazeoloģismu vienmēr lieto pēdiņās: «*Brīvajā pasaulē*» tiek konstatēta *varmācības epidēmija*. (A. Milts. Esejas par morāli. R., 1985, 66. lpp.) *Miļā tautiete, jūs taču esat «brīvajā pasaulē»*. *Stāstiet droši! Jums te ne no viena nav jābaidās*. (A. Upīts. Bezsaules noriets. R., 1967, 152. lpp.)

Šajā sakarā dažas domas par pēdiņu lietošanu frazeoloģismos. Pirmajā frazeoloģisma aizgūšanas fāzē pēdiņas norāda uz aizgūšanas faktu. Frazeoloģismam valodā iesakņojoties, vajadzība pēc pēdiņām zūd, izņemot gadījumus, kad frazeoloģisms lietots nozīmē, kas ir atšķirīga no tā parastās nozīmes. Diemžēl šāda likumība praksē netiek ņemta vērā. Liekas, ka pēdiņas tiek lietotas pēc autora subjektīva ieskata, jo bieži vien viens un tas pats frazeoloģisms identiskā kontekstā tiek lietots gan ar, gan bez pēdiņām: *Jurim ir daudz līdzīgu un slavenu priekšgājēju, bet viņš pats, šķiet, šai plejādē būs pēdējais mohikānis*. (Liesma, 1985, № 4, 9. lpp.) *..bet no šī sastāva līdz tagadējai «Daugavai», kā redzams, nav aizspēlējis neviens. «Pēdējais mohikānis» bija Kokarevs..* (Sports, 1985, 6. apr.) Dažkārt vērojams, ka pat viena raksta ietvaros frazeoloģisms tiek lietots ar un bez pēdiņām: *Īstenība ir zināma: zvaigžņu kara programma ir agresijas doktrīna. ..galvenais ASV uzdevums ir panākt atbalstu ASV nostājai Ziemeļā un R. Reigana «zvaigžņu karu» programmai. Runājot par Rietumeiropas NATO valstu līdzdalību*

«zvaigžņu karu» programmas īstenošanā.. (Cīņa, 1985, 2. jūl.)

Kopumā kalki no angļu valodas veido divas samērā atšķirīgas grupas: pirmkārt, tie ir parunas, aforismi, spārnoti izteicieni un citi izvērsti frazeoloģismi, otrkārt, — nominatīvi terminoloģiski frazeoloģismi. Terminoloģisko frazeoloģismu ir daudz vairāk, un to skaits palielinās straujāk. Minēsim pazīstamākos izvērstos frazeoloģismus, kas aizgūti latviešu valodā; raksturīgi, ka daudziem frazeoloģismiem ir zināmi autori, tāpat tie nepieder pie angļu valodas vissenāko frazeoloģismu fonda (autors dots iekavās): *turēt sausu pulveri — to keep one's powder dry* (O. Kromvels); *laiks ir nauda — time is money* (B. Franklins); *lēciens tumsā — a leap in the dark* (T. Hobss); *zināšanas ir spēks — knowledge is power* (Fr. Bēkons); *baltā cilvēka nasta — the white man's burden* (R. Kiplings); *pāršķirt jaunu lapu — to turn a new leaf* (T. Mors); *kļūdities ir cilvēciski — to err is human* (A. Poups); *nemētājiem, ja pats dzīvo stikla namā — people who live in glass houses should not throw stones*; *kas maksā, tas pasūta mūziku — he who pays the piper should call the tune*; *ticēt savai zvaigznei — to believe in one's star*; *dot, iedegt zaļo gaismu — to give something a green light*; *laisīt naudu — to make money*; *sist zem jostasvietas — to hit below the belt*; *būt vai nebūt — to be or not to be u. c.* Daži piemēri no periodikas.

Nemētājiem ar akmeņiem, ja pats dzīvo stikla namā! Šo vispārzināmo bausli vēlreiz atgādināja indiāņu virsaitis Rasels Minss. (Liesma, 1979, № 7, 25. lpp.) Vajadzēja tikai dabūt «zaļo gaismu» šo ieroču masveida ražošanai. (Padomju Jaunatne, 1985, 13. sept.) Bet, kad līdz ciņas beigām bija atlikušas 5—10 minūtes, jautājums kļuva īsti

hamletisks: būt vai nebūt vienīgajiem vārtiem.
(Padomju Jaunatne, 1985, 9. apr.)

Lielākā daļa šo frazeoloģismu lasītāja uztverē ne-
saistās ar konkrētu autoru, bet daži jaunākie aiz-
guvumi vēl var radīt zināmas asociācijas ar pirm-
avotu.

Arī daudzi nominatīvi terminoloģiskie frazeolo-
ģismi var atsaukt lasītāja atmiņā to pirmavotus, pie-
mēram: *varas gaiteni* — *corridors of power*
(C. Snovs), *klusais amerikānis* — *the quiet Ame-
rican* (G. Grīns), *pēdējais mohikānis* — *the last of
the Mohicans* (F. Kūpers). Pirmos divus frazeolo-
ģismus bieži lieto politiska rakstura tekstos, bet pē-
dējais frazeoloģisms uzskatāms par vispārlietojamā
frazeoloģiskā fonda sastāvdaļu ar ļoti plašu lietoša-
nas diapazonu. Frazeoloģisms *klusais amerikānis* lat-
viešu valodā ienācis no G. Grīna romāna nosaukuma
«The Quiet American». Vispirms tas ticis pārtulkots
«Rāmais amerikānis», taču krievu valodas ietekmē
un lai precīzāk izteiktu jēdziena būtību — *diversants*,
terrorists, kas slēpjas zem labvēlīga viesā vai komer-
santa maskas — apzīmētājs *rāmais* ticis aizstāts ar
klusais. Līdzās jau minētajiem visbiežāk lietotie no-
minatīvie frazeoloģiskie aizguvumi no angļu valodas
ir šādi: *lielgaballaivu diplomātija* — *gunboat di-
plomacy*; *lielās rungas politika* — *big stick policy*
(T. Rūzvelts); *atvērto durvju politika* — *the open
door policy* (Dž. Grejs); *dzeltenā prese* — *yellow
press* (E. Vordens); *ciņa par eksistenci* — *struggle
for life* (Č. Darvins); *klusējošais vairākums* — *the
silent majority* (R. Niksons); *Džons Buls* — *John
Bull* (Dž. Arbetnots); *grāmatu tārps* — *a book
worm* (T. Nešs); *lidojošais šķivītis* — *flying saucer*;
pārmaiņu vēji — *winds of change* (H. Makmilans);
linča tiesa — *Lynch law*; *zaļā berete* — *a green be-
ret*; *zilā berete* — *a blue beret*; *trešais grozs* —

Basket Three; vienvirziena iela — a one-way street; Britu lauva — the British Lion (Dž. Draidens); atspoles diplomātija — shuttle diplomacy; tēvocis Sems — Uncle Sam; ēnu kabinets — shadow cabinet; smadzeņu skalošana — brain washings; raganu medības — witch hunt; pirmā lēdija — the first lady; džentlmeņu nolīgums — gentlemen's agreement; zelta drudzis — gold fever; apziņas plūsma — the stream of consciousness (V. Džeimss); elektriskais krēsls — electric chair; fortūnas džentlmeņi — gentlemen of fortune; visuvarenais dolārs — all mighty dollar (V. Irvings); tumšais zirdziņš — the dark horse; melnais kontinents — the Dark continent; nopratināšana jautājumu krustugunis — cross examination; Baltais nams — the White House; baltās apkaklītes — the white collars; zilās apkaklītes — the blue collars; džungļu likums — jungle law (R. Kiplings); dzelzs lēdija — the iron lady (M. Tečere, labprātīgi pieņemot sev šo «titulu» nedēļu pēc tam, kad angļu konservatīvo partijas līderi šādi iedēvēja padomju laikraksts «Красная звезда», 1976, 23. janv.). Piemēri: Trijās nedēļās no nepazīstamā «tumšā zirdziņa» līdz valsts izlases dalībniekam. (Padomju Jaunatne, 1985, 24. maijā) Tēvocis Sems ASV Baltajā namā arī mīl uzjautrināties. (B. Arklāns. Kāda balss, tāda atbalss. R., 1967, 7. lpp.) Šī nav pirmā reize, kad Baltais nams mēģina aktivizēt «raganu medības». (Rīgas Balss, 1985, 17. dec.) ..biznesmeņi, kas pat labi zina rūpniecības džungļu likumus.. (Rīgas Balss, 1985, 22. nov.) Par «dzelzs lēdiju» dēvētā premjerministre.. (Cīņa, 1985, 27. apr.)

Aizgūšanas gaitā no vārdu savienojuma reizumis izveidojas saliktenis, piemēram, *a blue stocking — zilzeķe; Scotland Yard — Skotlendjards; Wall Street — Volstrita; Fleet Street — Flitstrita.*

Noris arī pretēja parādība — oriģinālvalodas sa-
liktenis tulkojumā iegūst vārdu savienojuma formu,
piemēram: *smadzeņu skalošana* — *brainwashing*;
groza bumba — *basketball*; *kājas bumba* — *football*,
piemēram, *Gluži vienkārši ir pienācis brīdis, kad
groza bumba un tās entuziasti stāv kārtējās
basketbola sezonas vārtos.* (Padomju Jaunatne, 1985,
27. aug.)

Un beidzot atzīmēsim, ka ne visi frazeoloģiskie
kalki ir latviešu valodā pilnīgi nostabilizējušies. Tā,
piemēram, angļu frazeoloģismam *brain drain* lat-
viešu tekstos sastopami četri kalki — *smadzeņu pār-
sūkņēšana*, *smadzeņu noplūde*, *smadzeņu aizplūšana*
un *smadzeņu pārplūde*: Šī «*smadzeņu pārsūkņēšana*»
Amerikai dod vismaz divkārtu labumu. (J. Porietis.
Kāda bijī, kāda esi, Amerika? R., 1972, 23. lpp.)
*Vašingtona centīsies pārvilināt spējīgākos zinātnie-
kus un speciālistus pāri okeānam, izmantojot aug-
stākas algas piedāvājumus kā «smadzeņu
noplūdes» pārbaudītu līdzekli.* (Cīņa, 1985,
29. maijā.) *Un arī tai nav viennozīmīga vērtējuma,
jo civilo pētījumu programma gan aicināta pasargāt
Rietumeiropu no «smadzeņu aizplūšanas» pāri okeā-
nam, gan no tehniskās atpalicības.* (Padomju Jau-
natne, 1986, 1. janv.) «*The Washington Post*» kon-
statē arvien stiprāku «*smadzeņu pārplūdi*» uz
militāro rūpniecību. (Padomju Jaunatne, 1985,
25. dec.)

Liekas, ka *smadzeņu pārsūkņēšana* visprecīzāk iz-
saka frazeoloģisma nozīmi, jo šis process ir apzināti
organizēts, nevis stihisks. Pieņemams būtu arī kalks
smadzeņu aizplūšana, bet pārējie divi uzskatāmi par
nevēlamiem.

Kalks *smadzeņu skalošana* uzskatāms par jau sta-
bilu latviešu valodā, to lieto bieži vien bez pēdīgām:
Bet zemēs, kur valda visvarenā televīzija, nabaga

cilvēki, kas pakļauti visīstākajai smadzeņu skalošanai, seko saviem «vadoņiem» kā aitas. (Lit. un Māksla, 1985, 15. nov.) Tāpēc vēl jo neizprotamāka ir jauna nepareiza kalka parādīšanās — *smadzeņu mazgāšana: Padomju iekārtas diskreditēšana, idejiska demoralizēšana, «smadzeņu mazgāšana» ir tie mērķi, kuriem kalpo BBC «krievu programmu» scenāriji.* (Padomju Jaunatne, 1985, 7. sept.)

Samērā jauns ir arī frazeoloģisma *acid rain* kalks latviešu valodā *skābais lietus*. Diemžēl parādīties paralēls kalks — *skābju lietus*³: *Japānā arvien asāka kļūst «skābju lietus» problēma.* (Veselība, 1985, № 2, 30. lpp.)

Semantiskas kļūdas kalkošanā ir samērā reta parādība. Viena no šādām kļūdām ir angļu frāzes *a champion of peace* — *miera cinitājs* tulkošana ar *miera čempions: Jāpiebilst, ka tas nav pirmais gadījums, kad ar sociāldemokrātijas tiešu atbalstu Nobela miera prēmija piešķirta tamlīdzīgiem «miera čempioniem» kā M. Beginam un A. Sadatam, arī A. Saharovam un vēlāk notiesātajam K. Tanakam.* (Karogs, 1985, № 1, 129. lpp.) Šāda kļūda radusies, izvēloties nepareizo *champion* tulkojumu.

Tā kā aizgūšana valodu kontaktu apstākļos joprojām paplašināsies, ir nobriedusi nepieciešamība dziļāk izpētīt frazeoloģiskās aizgūšanas likumības, lai šis process noritētu bez kļūmēm.

³ *Red. piezīme.* ZA Terminoloģijas komisijas sēdē 1986. g. 13. martā, apspriežot dabas aizsardzības terminus, nolemts ar skābēm piesārņotu lietu (angļu *acid rain*, kr. кислотный дождь) saukt par *skāblietu*, semantiski saistot to ar vārdkopu *skābjots lietus*; attiecīgi — ar skābēm piesātināta migla (angļu *acid smog*, kr. кислотный смог) ir *skābsmogs*, ar skābēm piesārņots mežs (angļu *acidified forest*, kr. кислотно зараженный лес) — *skābjots mežs*.

LATVIJAS PSR ŽURNĀLISTU SAVIENĪBA
LATVIJAS PSR ZA. A. UPISA VALODAS UN
LITERĀTŪRAS INSTITŪTS

LATVIEŠU VALODAS KULTŪRAS JAUTĀJUMI

(Rakstu krājums)

22. laidziens

Sastādījusi *A. Rubina*

RĪGA «AVOTS» 1986

FRAZEOLŌGĪSMU OKAZIŅĀLA LIETOŠANA LATVIEŠU VALODĀ

FrazeolŌgismus var lietot preskriptīvi un okaziŅāli. Lietojot frazeolŌgismu preskriptīvi, tas tiek iesaistīts tekstā bez būtiskām izmaiņām — tādā formā, kā tas valodā parasti sastopams, un ar tradicionālo nozīmi. Lietojot frazeolŌgismu okaziŅāli, autors variē tā nozīmi vai arī struktūru un nozīmi, tā radot papildu stilistisku efektu. FrazeolŌgismiem ir raksturīgas divas galvenās īpašības — to stabilitāte un daļēji vai pilnīgi pārnesta nozīme. Taču, tā kā frazeolŌgismu veido vismaz divi komponenti, tā stabilitāte ir relatīva. Uz šo īpatnību tad arī balstās daudzi okaziŅālās lietošanas paņēmieni. Mainot frazeolŌgismu formu vai arī variējot to nozīmi, var panākt frazeolŌgisma labāku iekļaušanos tekstā, izvairoties no «garlaicīgas» frazeolŌgismu atkārtošānās, «uzspodrināt» nolietotos frazeolŌgismus, padarīt stāstījumu asprātīgāku un negaidītāku.

Liekas, ka pēdējā laikā latviešu valodā vērojama tendence plašāk lietot frazeolŌgismus okaziŅāli. Grūti noteikt, vai šo tendenci veicina ciešāka saskare ar svešvalodām, autoru cenšanās stilistiski bagātināt savu izteiksmi vai vēl kādi citi cēloņi.

Aplūkojot okaziŅāli lietoto frazeolŌgismu daudzveidību, var rasties iespaids, ka okaziŅālie pārveidojumi ir pilnīgi nejaušības un autora izdomas varā. Taču patiesībā ir vairāki noteikti frazeolŌgismu okaziŅālās izmantošanas paņēmieni. Zinot tos, var viegli atrast galvenās likumsakarības un pēc vajadzības frazeolŌgismus variēt. Šie paņēmieni ir atkārtojami (reproduktīvi)¹, un tos var izmantot tek-

¹ *Начисционе А. С. Оказиональное стилистическое использование фразеологических единиц (на материале произведений Дж. Чосера). М., 1976, с. 10.*

stos, katru reizi paužot citu informāciju, tie ir savstarpēji saistīti un veido sistēmu.

Frazeoloģismu okazionāla lietošana ir izplatīta angļu valodā. Pastāv izstrādāta teorija par frazeoloģismu okazionālo lietošanu angļu valodā. Diemžēl latviešu valodniecībā šis jautājums atstāts novārtā. Tam pievērsusies vienīgi Ļ. Orlovska, kas rakstījusi par frazeoloģismu okazionālo izmantošanu E. Salenieka romānā un raksturojusi dažas būtiskas frazeoloģisko okazionālismu īpatnības.²

Tulkojot okazionāli lietotus frazeoloģismus, ne vien var saglabāt frazeoloģismus un to okazionālo lietojumu, bet tas noteikti jādara. Ir iespējams angļu valodai izstrādāto okazionālismu sistēmu un lietošanas paņēmieni klasifikāciju izmantot citām valodām. Šai klasifikācijā visi elementārie okazionālās lietošanas gadījumi tiek iedalīti 1) semantiskos pārveidojumos un 2) strukturāli semantiskos pārveidojumos.

Pie semantiskajiem pārveidojumiem pieder tie okazionālie pārveidojumi, kuros izmainīta vai apspēlēta frazeoloģismu nozīme, bet nav skarta to struktūra. Strukturāli semantiskie pārveidojumi ir tādi, kuros ir strukturālas un, protams, arī semantiskas izmaiņas. Pastāv iespēja, ka vienā frazeoloģismā noris vairākas izmaiņas. Šādā gadījumā runājam par saliktiem (kompleksiem) pārveidojumiem.

Pievērsīsimies biežāk sastopamajiem okazionālajiem pārveidojumiem latviešu valodā. Piemēri ņemti no jaunākās latviešu oriģinālliteratūras un periodiskajiem izdevumiem.

Visbiežāk sastopamie **semantiskie pārveidojumi** ir frazeoloģisma literalizācija (burtiskojums), metafo-

² Orlovska Ļ. Frazeoloģiskie okazionālismi E. Salenieka romānā «Tā viņi strādāja». — Grām.: Leksiskas un gramatiskas inovācijas. R., 1982.

ras izvērsums, tradicionālā stilistiskā izmantojuma pārkāpums un daļēji arī zeigma.

Frazeoloģisma literalizācija (burtiskojums) ir paņēmiens, ar kuru «atdzīvina» frazeoloģisma komponentu tiešās leksiskās nozīmes. Lasītājs (klausītājs) vienlaikus uztver gan frazeoloģisma pārnesto, gan tā elementu tiešo nozīmi: *Dedzināšot mājas, kāršot un šaušot. Pagaidām tās bija valodas, taču — nav dūmu bez uguns. Gan dūmi, gan uguns citos pagastos jau pletās plašumā.* (D. Avotiņa. Pāri akacim. R., 1983, 106. lpp.) *«Jaunais cilvēks, cik jums gadu?» — «Astoņpadsmit...» — «Tad jums laiks stāvēt pašam uz savām kājām, nevis uz manām.»* (M. Birze. Nejauši noklausītas sarunas. R., 1965, 21. lpp.) *Galū galā viņš nav ne pirmais, ne pēdējais, kas cieš par taisnību. Gribat sist mani krustā? Lūdzu, sitiet, te ir naglas un āmuriņš.* (A. Skailis. Nolādētie zagļi. R., 1977, 77. lpp.)

Metaforas izvērsums. Tā kā vairākums ekspresīvo frazeoloģismu ir balstīti uz metaforu, tad tekstā iespējams to izvērst, proti, it kā turpināt frazeoloģisma metaforisko tēlu. Šāda izvērsta metafora var aptvert teikumus, rindkopas un pat visu literāro darbu. Metaforas izvērsumā atšķirībā no literalizācijas «neatdzīvina» komponentu tiešo nozīmi, bet izvērš un papildina frazeoloģisma veidoto gleznu: *Katrs pats ir savas laimes kālējs, ja nemāk izkalt, iznāk čiks.* (A. Kolbergs. Cilvēks, kas skrēja pāri ielai. R., 1978, 261. lpp.) *Tie labi saprot, ka pie citādas iekārtas viņi nevarēs nosmelt krējumu no lielās piena bļodas Krievijas, tie ir visstingrākie režīma aizstāvji..* (A. Bels. Saucēja balss. R., 1973, 93. lpp.) *..dažu sabiedrības locekļu mantiskais stāvoklis rada viņos narkotisku ilūziju par šķietamu piederību pie «sabiedrības krējuma»,*

kaut gan patiesībā viņi tādi ķilķeni vien ir. (Padomju Jaunatne, 1984, 4. sept.)

Samērā reti sastopams frazeoloģisma tradicionālā stilistiskā izmantojuma pārkāpums. Ar šo paņēmieni frazeoloģismu iekļauj neparastā kontekstā; tas tiek attiecināts uz objektu, kas parasti lasītāja uztverē nesaistās ar doto frazeoloģismu, piemēram, frazeoloģisms, kas raksturo cilvēku, tiek lietots, runājot par nedzīvu priekšmetu vai otrādi: *Oi, kādu biezputru bija ievārijis pirmais velosipēds. Piedevām muižā vēl ievelkas kāda vecene: velnapēda šai sabraukusi sivēniņu.* (E. Salenieks. Tā viņi strādāja. R., 1967, 139. lpp.) *Žanis saprata, ka ceļš viņu vadājis aiz deguna, un tam vairs neklausīja.* (J. Lapsa. Zirgs, kas naktī dzied. R., 1985, 83. lpp.)

Frazeoloģiskā zeigma. Zeigma ir kāda vārda lietojums vienā gramatiskā, bet dažādā leksiskā nozīmē saistījumā ar citiem vārdiem. Frazeoloģiskajā zeigmā vārds vienā saistījumā ir frazeoloģisma sastāvdaļa, bet saistījumā ar citu vai citiem vārdiem tas ir lietots savā tiešajā nozīmē. Atkarībā no konteksta frazeoloģiskā zeigma var būt gan semantiska izmaiņa, kad frazeoloģiskā struktūra netiek aizskarta, gan arī strukturāli semantiska izmaiņa. Sekojošajā piemērā frazeoloģisms eksistē savā parastajā formā, bet vārds *strādāt* turklāt ir arī saistīts ar nefrazeoloģiski lietoto vārdu *rokām*: *Būt piemājas dārza saimniekam reizēm nozīmē vairāk strādāt ar galvu nekā ar rokām!* (Dārzs un Drava, 1984, № 10.)

Nākošajos divos piemēros brīvais vārdu saistījums it kā sašķēļ frazeoloģismu struktūru, lai gan semantiskais process ir viens un tas pats — frazeoloģiskā zeigma: *Tomēr netieku vaļā no domas, ka par daudz strādājam ar buldozeru, pa maz ar galvu.*

(Lit. un Māksla, 1984, 14. sept.) *Viņi min Valdim vienlaikus uz pirkstgaliem un papēžiem, tomēr rīdzinieks pamanās izdarīt metienu.* (Padomju Jaunatne, 1984, 28. sept.)

Strukturāli semantiskie pārveidojumi ir aizstājumi, frazeoloģisma paplašinājumi, iespraudumi, pārrāvumi, noklusējumi, alūzija, elipse, frazeoloģiskie atvasinājumi un citi.

Aizstājumi. Aizstājot frazeoloģisma komponentus, autors var frazeoloģismā mainīt vienu vai vairākus komponentus. Aizstāšana iespējama, gan saglabājot frazeoloģismā esošo komponentu skaitu, gan arī to palielinot vai samazinot. Jo lielāka ir jauno un aizstāto elementu semantiskā atšķirība, jo lielāks stilistiski ekspresīvais iespaids. Aizstājot kādu vārdu frazeoloģismā ar tā antonīmu, var radīt paradoksus (tā veidoti daudzi no O. Vailda pazīstamajiem paradoksiem). Tas izskaidrojams ar to, ka cilvēka apziņā frazeoloģismi, it sevišķi sakāmvardi, tiek uztverti par neapšaubāmām patiesībām. Tādējādi aizstāšana var stipri sekmēt novecojušo frazeoloģismu atjaunināšanu.

«Labāk zīle rokā nekā mednis kokā» — *Tā sakot, labāk zīle rokā nekā trīs punkti kokā.* (Padomju Jaunatne, 1984, 18. sept.)

«Dieva priekšā visi vienlīdzīgi» — *Atvainojiet, bet kofeīna priekšā visi vienlīdzīgi.* (M. Birze. Lielā žūrija. R., 1970, 25. lpp.)

«Kā akmens no sirds novēlās» — *Paldies dievam, klūdu bija maz, orķestris skanēja, to es noģīdu uzreiz. Kā zvila no sirds novēlās.* (M. Zariņš. Viltotais Fausts jeb... R., 1973, 236. lpp.)

«Kas neriskē, tas nevinnē» — *Kas tagad laukos nebūvē, tas nevinnē.* (A. Dripe. Vēstules no kolhoza. R., 1981, 64. lpp.)

Frazeoloģisma paplašinājums rodas, ja frazeoloģisma sākumā vai beigās pievieno vārdus vai vārdkopas, tā modificējot frazeoloģisma nozīmi. Pievienotie vārdi it kā iekļaujas frazeoloģisma sastāvā un veido kopīgu tēlu.

«Nosmelt krējumu» — *Uzskatu, ka **klasikas krējums** jau ir nosmelts, labākie R. Blaumaņa, V. Lāča u. c. darbi jau realizēti.* (Lit. un Māksla, 1984, 7. dec.)

«Nogrimt aizmirstībā» — *Ja zagšanu pārtrauktu, bija reālas cerības, ka tā nogrimis aizmirstības **akačos**.* (A. Kolbergs. Cilvēks, kas skrēja pāri ielai. R., 1978, 291. lpp.)

«Ledus ir laužts» — *Tagad pret ACSK un Dinamo spēlēt ir daudz vienkāršāk. **Baiļu, pārlieka respekta ledus ir laužts.*** (Liesma, 1984, № 7, 5. lpp.)

Iespraudums. Valodnieki mēdz izdalīt šo paņēmieni, lai gan to iespējams uzskatīt arī par frazeoloģisma paplašināšanas variantu. Iespraustie vārdi kļūst par frazeoloģisma sastāvdaļu, dažādi modificējot tā nozīmi. Iespraudumi frazeoloģisma nozīmi var precizēt, pastiprināt vai pavājināt, kā arī citādi pārveidot. Jebkurā gadījumā iespraudumi ciešāk iesaista frazeoloģismu kontekstā. Iespraustie elementi dažkārt var veikt vairākas funkcijas vienlaikus. Iespraudumi var būt gan ar spēcīgu stilistisku nozīmi, gan arī tīri formāli. Formālus iespraudumus nevar uzskatīt par okazonāliem pārveidojumiem, jo tie nerada stilistisku papilddefektu.

«Cīņa ar vējdzirnavām» — *Lai arī ko mēs pārņemtu šiem intelektuālā ordeņa bruņiniekiem.. viņu ideālistisko donkivotismu cīņā ar **kapitālistiskās īstenības vējdzirnavām**, tomēr nekad viņiem nav bijis raksturīgs buržuāzisks prakticisms vai veikala taisīšana.* (Lit. un Māksla, 1984, 2. nov.)

«Nest savu nastu» — *Zilbiksis nesa smago zināšanu nastu klusu un nekurnēdams, kautrīgi stāvēdams malā no pasaules kņadas un burzmas.* (A. Bels. Saucēja balss. R., 1973, 126. lpp.)

«Kārtot rēķinus» — «*Nu nav, nevienas pašas sēnītes nav,*» bēdīgi konstatē mazie, kamēr lielākie savā starpā kārtā **aizkavējušos un arī tikko radušos rēķinus.** (Padomju Latvijas Sieviete, 1984, № 9, 20. lpp.)

Frazeoloģisma pārrāvums. Atšķirībā no iepriekšējā paņēmiena, kur iespraudums kļūst par frazeoloģisma strukturālu un semantisku daļu, pārrāvumā papildementi, lai gan sašķel frazeoloģismu, tomēr paliek jūtami kā svešķermeņi tā sastāvā. Pārrāvums salīdzinājumā ar iespraudumu ir parasti stilistiski mazāk ekspresīvs.

«Ilenu maisā nenoslēpsi» — *Šo ilenu, kā saka, maisā nevar noslēpt.* (Cīņa, 1984, 4. sept.)

«Būt velna apsēstam» — *Arī Mazirbes braucējs bija, kā tautā saka, velna apsēsts.* (J. Liepiņš. Vasarlaiks. R., 1977, 55. lpp.)

«Ilenu maisā nenoslēpsi» — *Šo ilenu, kā saka, iet caur kuņģi, bet to mūsu iekšās libji ir ielikuši.* (Turpat, 54. lpp.)

Pēdējā piemērā vienlaikus ir pārrāvums un aizstājums, bet aizstājums tajā ir jūtami nozīmīgāks.

Noklusējums. Noklusē parasti frazeoloģisma beigu daļu. Šo paņēmieni bieži lieto dialogos un avīžu rakstu virsrakstos, tā radot intriģējošu līdz galam neizteiktības noskaņu.

«Tie paši vēži, tikai citā kulītē» — *Tie paši vēži..* (Padomju Jaunatne, 1984, 8. aug.)

«Kad vilks aitās, par vēlu barot suni» — *Kad vilks aitās...* (Rīgas Balss, 1981, 25. martā.)

«Vilks spalvu met, bet tikumu ne» — «*Bet sieviņu gan esi noķēris uz ef! Zirgs spalvu met, bet —*

hehehe! (M. Zariņš. Vienas vasaras stāsti. R., 1975, 99. lpp.)

Pēdējā piemērā līdzās noklusējumam ir arī aizstājums.

Alūzija ir netieša atsauksme, mājiens uz frazeoloģisma radīto tēlu. Parasti tekstā atrodams tikai kāds frazeoloģisma elements, kas rada iespēju atminēt frazeoloģisma tēlu.

«Labāk zīle rokā nekā mednis kokā» — *Bet, ja risks būtu izdevies, varēja reāli pretendēt uz bronzas medaļām. Un kurš gan šādā situācijā būtu samierinājies ar zīli, ja kokā redzams mednis.* (Padomju Jaunatne, 1984, 5. martā.)

«Gaiss tāds, ka cirvi var pakārt» — *Ieeju, gais neiedomājams. Taisni vai pakaries, par cirvi nemaz nerunājot.* (A. Bels. Saucēja balss, 19. lpp.)

«Zvejot duļķainos ūdeņos» — *Nē, tas nav priekš manis. Lai būtu mazākas zivtiņas, ka tikai pietiekami duļķains ūdens.* (A. Kolbergs. Cilvēks, kas skrēja pāri ielai, 167. lpp.)

Elipse ir tāds frazeoloģisma pārveidojums, kurā no frazeoloģisma tekstā parādās ne visi, bet tikai viens vai daži komponenti, kas saglabā visa frazeoloģisma sākotnējo nozīmi, tikai lakoniskākā, koncentrētākā veidā. Lai gan elipsē trūkst dažu frazeoloģisma elementu, tie it kā neredzami piedalās teksta veidošanā, jo lasītājam tie jāatsauc atmiņā. Eliptisks frazeoloģisms ar laiku var nostiprināties valodā par patstāvīgu frazeoloģismu.

«Saiet dēlī» — *Priekšniek, es metu smēķēšanu nost! Uz visiem laikiem! Citādi jūtu — kuņģis dēlī.* (J. Juzefs. Neskatī vīru no cepures. R., 1975, 38. lpp.)

«Visi gali ūdenī» — *Jūs neko neesat darijusi, un mēs neko nezinām. Gali ūdenī. Heil!* (M. Zariņš. Kapelmeistara Kociņa kalendārs. R., 1982, 61. lpp.)

Frazeoloģiskais atvasinājums ir konstrukcija, kurā okazionāli mainīta frazeoloģisma komponentu forma, piemēram, verbāla elementa vietā liekot nominālu komponentu, mainot īpašības vārda pakāpi, lietojot pamazināmās formas, kur to nav izējas frazeoloģismā.

«Iet pāri liķiem» — *Zilbiksis bija un palika tikai diletants, kas nepretendēja uz paliekošu vietu mākslas censoņu plejādē, viņš nebija sāncensis, konkurents, pāri liķiem gājējs.* (A. Bels. Saucēja balss, 126. lpp.)

«Pūst ziepju burbuļus» — *Jauneklim — ģimnāzistam — nākamam studentam, zinību vīram, tautas karotājam, labākas nākotnes vedējam, nepieklājas ziepju burbulīšus pūst.* (A. Upīts. Plaisa mākoņos. R., 1955, 33. lpp.)

Turpinot šo apskatu, pievērsīsim uzmanību problēmas praktiskajai pusei, proti, tulkošanas jautājumiem. Kaut gan okazionālie frazeoloģiskie pārveidojumi bieži vien ir 30—50% no kopējā frazeoloģismu lietojuma skaita, tulkošanas teorijā tie aplūkoti maz — galvenokārt tikai starp citu, kā neparasta, unikāla valodas īpatnība. Šī iemesla dēļ okazionāli lietoti frazeoloģismi tiek uzlūkoti par nepārtulkojamiem valodas kurioziem.

Kā jau atzīmējām, frazeoloģismu okazionālo pārveidojumu paņēmieni ir savstarpēji saistīti un veido sistēmu. Tāpēc tulkojumā var ne vien aizstāt frazeoloģismus ar to analogiem, kā bieži dara, ja valodās trūkst attiecīgo ekvivalentu, bet arī variēt okazionālos lietošanas paņēmienus, protams, atbilstoši konteksta prasībām. Šāda pieeja ļauj tulkojumā paturēt gan frazeoloģismu, gan okazionālo pārveidojumu un saglabāt darba stilistisko nokrāsu adekvāti oriģinālam. Ja attiecīgajā kontekstā nekādi nav iespējams

okazionāli lietoto frazeoloģismu pārtulkot, var lietot kompensācijas paņēmieni, tas ir, iesaistīt saturam atbilstošu frazeoloģismu tulkojumā tur, kur tas nav oriģinālā, protams, saglabājot arī okazionālo lietojumu. Šāda kompensācija ir pilnīgi pieņemama, jo teksta adekvātums jāvērtē visa teksta, nevis vārda vai teikuma līmenī.

Par ilustrāciju minētajiem pieņēmumiem varam aplūkot piemērus no O. Vailda romāna «Doriana Greja gīmetne» diviem tulkojumiem.

«To throw one's bonnet over the mills» — «*I know, my dear, I should have fallen madly in love with you,*» she used to say, «*and thrown my bonnet right over the mills for your sake. As it was our bonnets were so unbecoming and the mills were so occupied in trying to raise wind that I never even had a flirtation with anybody.*» (O. Wilde. The Picture of Dorian Gray. Moscow, 1963, p. 210.)

Šim angļu frazeoloģismam nav ekvivalenta latviešu valodā. Tāpēc interesanti, kā tulkotāji atrod izeju no šādas situācijas. R. Krodera tulkojumā saglabāts gan angļu frazeoloģisms, gan arī izvērstā metafora, kas tulkoti vārdu pa vārdam. Taču šai gadījumā teksta saturs grūti uztverams: «*Es zinu, mīļais, ka būtu jūs iemilējusi bez prāta,*» viņa teica, «*un jūsu dēļ, kā saka pie mums Anglijā, būtu savu cepuri sviedusi pār dzirnavām. Bet Dieva laime, ka tās toreiz bija tik kroplas un dzirnavas griezās tik ātri, lai pievilktu vēju, ka es ne ar vienu nekad nešlirtēju.*» (O. Vailds. Doriana Greja portrets. R., 1933, 175. lpp.)

J. Ezeriņa tulkojumā frazeoloģisms aizstāts ar citu frazeoloģismu, mainīts arī okazionālā lietojuma paņēmieni (metaforas izvērsuma vietā — literalizācija). Tulkojums ir raits un asprātīgs: «*Es zinu, mans mi-*

Ļais, ka es neprātīgi jūs iemīlētu,» viņa sacīja, «un jūsu dēļ, kā mēdz teikt, galīgi galvu zaudētu. Laime, ka toreiz par jums neviens nekā nezināja, citādi man nebūtu kur uzlikt cepuri, un, tā kā mūsu galvas ir domātas tikai cepurēm, tad es ne ar vienu netiku flirtējusi.» (O. Vaids. Dorian Greja ģīmetne. R., 1976, 191. lpp.)

Jāuzsver vēl viena frazeoloģismu okazionālas lietošanas īpatnība. Ļoti bieži okazionālajām izmaiņām (gan semantiskajām, gan strukturāli semantiskajām) tekstā ir daudz lielāka stilistiskā un ekspresīvā nozīme nekā pašam frazeoloģismam. Tāpēc pat ļoti precīzs frazeoloģisma tulkojums var būt neadekvāts teksta līmenī, jo frazeoloģismam var būt pakārtota nozīme salīdzinājumā ar okazionālo lietojumu. Tāds ir, piemēram, frazeoloģisms *to call a spade a spade* O. Vailda lugā «Cik svarīgi būt nopietnam»: — *When I see a spade I call it a spade. — I am glad to say that I have never seen a spade. It is obvious that our social spheres have been widely different.* (O. Wilde. Plays. London, 1977, p. 292.) Tam precīzi atbilst saukt lietas istajā vārdā. Taču, lietojot šo frazeoloģismu, tulkotājs zaudētu oriģināla metaforisko tēlu un arī iespēju veidot literalizāciju latviešu tulkojumā. J. Roze tāpēc frazeoloģismu tulkojis vārdu pa vārdam: «*Kad es redzu lāpstu, es to arī saucu par lāpstu.*» — «*Varu jums teikt, ka nekad neesmu redzējusi lāpstu. Ir skaidrs, ka mūsu sociālās sfēras ir ļoti dažādas.*» (O. Vaids. Cik svarīgi būt nopietnam. R., 1924, 58. lpp.)

Tātad varam secināt — lai veiksmīgi pārtulkotu okazionāli lietotus frazeoloģismus, ir svarīgi: 1) frazeoloģismu tekstā pareizi saskatīt (dažreiz, piemēram, alūzijas gadījumā, to var pat nepamanīt), 2) noteikt okazionālisma veidu, 3) izvēlēties pēc iespējas atbilstošu frazeoloģismu valodā, kurā tulko.

ņemot vērā frazeoloģisma spēju pakļauties okazionālām izmaiņām, kas nepieciešamas teksta adekvātai atveidei tulkojumā. Okazionālas lietošanas paņēmieni var pēc vajadzības mainīt, ja vien šāda maiņa ļauj saglabāt teksta semantisko un stilistisko atbilstību.

Kā redzams, okazionāli lietoto frazeoloģismu tulkošana prasa radošu attieksmi, un tajā lielā mērā izpaužas tulkotāja valodas izjūta un mākslinieciskā gaume.

А. Г. Вейсберге

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ УНИВЕРСАЛИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Проблема стилистического использования фразеологических единиц (ФЕ) в речи представляет большой научный и практический интерес. В последние годы в советской лингвистической науке появились работы, посвященные исследованию фразеологической стилистики, значительная часть их посвящена изучению вопросов использования ФЕ в речи в отдельных языках [1] или сопоставлению стилистического использования ФЕ двух языков.

Практическая ценность изучения этих вопросов заключается в первую очередь в преодолении трудностей перевода. Это подчеркивается в нескольких работах, однако, обычно не дается теоретического объяснения самой возможности адекватного перевода ФЕ, употребленных в речи.

Представляется интересным рассмотреть вопросы использования ФЕ в речи на примерах, взятых более чем из двух языков. В таком разрезе выявление наиболее активных и продуктивных процессов, наблюдаемых на продолжении определенного времени в сфере фразеологии, не мыслится вне связи с теорией языковых универсалий [2, с. 7].

Теория языковых универсалий пока еще развивается, и сфера семантико-стилистических универсалий изучена слабо.

Однако некоторый опыт исследования фразеологии в связи с теорией языковых универсалий уже существует. «Фразеология представляет собой языковую универсалию: нет языка, в котором не было бы фразеологических выражений» [3, с. 246, также 4, с. 105].

Исходя из такого предположения представляется полезным изучить специфику употребления ФЕ в речи, а именно, один вид употребления ФЕ в речи — ее окказиональное использование.

В данной работе используется понятие ФЕ, разработанное А. В. Куниным. Под ФЕ понимается устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением [5, с. 210]. Согласно такому определению ФЕ имеет два свойства — раздельнооформленность и семантическую двуплановость. Эти свойства играют ведущую роль при использовании ФЕ в речи.

Как известно, ФЕ в речи можно использовать узуально и окказионально. При окказиональном использовании ФЕ наблюдается дополнительный стилистический эффект, экспрессивность и эмоциональность, рожденные контрастом между исходной формой ФЕ и ее окказиональным употреблением, причем эффективность стилистико-семантического явления прямо пропорциональна степени отступления от языковой нормы и обратно пропорциональна коэффициенту предсказуемости частоте его употребления.

Окказиональное использование ФЕ — это явление объективное, порожденное противоречием между расчлененной формой фразеологизма

(раздельнооформленность) и семантической целостностью при языковом использовании. Это противоречие является источником самых разнообразных трансформаций ФЕ в речи.

Окказиональное использование ФЕ, хотя и является отступлением от языковой традиции, однако, в результате уже упомянутых свойств ФЕ, которые делают окказиональное использование возможным, оно имеет системный характер в речевом использовании, т. е. в сфере употребления ФЕ [5, с. 187; 6, с. 36].

Таким образом, окказиональное использование ФЕ в речи отражает диалектическую связь между языковой и речевой системностью, так как раскрывает взаимоотношение между фразеологическим фондом языка и особенностями его речевой актуализации. Системность проявляется в наличии внутренне организованной совокупности приемов окказионального использования фразеологии, свойственных данному фразеологическому фонду языка и определяющих характер окказионального функционирования ФЕ в [7, с. 61].

То же самое относится к вопросу о нормативности окказионального использования ФЕ: языковая норма и речевая норма — две стороны жизни ФЕ — это относительные противоположности, функционирующие в единстве в речевом процессе, ибо ясно, что если существует системность в речевом использовании фразеологии, то это и говорит о нормативном характере данного явления.

Существует целый ряд приемов окказионального использования ФЕ, впервые выявленных А. В. Куниным [8]. Эти приемы различны, но образуют систему на уровне языка, они воспроизводимы — «принципы и приемы окказионального изменения ФЕ, основные разновидности этих приемов исторически воспроизводимы, хотя и реализуются они по-разному» [9, с. 42].

Итак, такие свойства, как раздельнооформленность и семантическая двуплановость ФЕ, обуславливают возможность окказионального использования ФЕ, а воспроизводимость приемов и системный и нормативный характер окказионального использования свидетельствуют о распространении окказионального использования ФЕ.

Исходя из этого можно предположить, что окказиональное использование ФЕ в речи является таким же нормальным и обычным процессом, как и узуальное использование, она является как бы другой стороной одного процесса — употребления ФЕ. Об этом же свидетельствуют статистические данные о соотношении узуального и окказионального фразеологического употребления, где окказиональное использование часто составляет до 30—40% общего употребления ФЕ в тексте (например, в работах английских писателей О. Уайльда, Дж. Голсуорси, Дж. Фаулза, в отдельных романах латышского писателя А. Бела, в публицистике А. Дрипе, в работах немецкого писателя К. Опица и др.).

Сопоставление материала пяти языков дает возможность выдвинуть гипотезу об универсальном характере данного явления. Это подтверждает предположение, что окказиональное использование ФЕ принадлежит к языковым универсалиям, ибо «языковая универсалия определяется как некоторый признак, закон, свойство, тенденция, присущие всем языкам или языку в целом» [10, с. 375].

Не имея полной информации обо всех языках, невозможно достоверно доказать правильность данной гипотезы. Мы ограничимся европейским ареалом индоевропейской семьи языков и будем считать, что окказиональное использование ФЕ является неполной (статистической) [11, с. 253] семантико-стилистической универсалией, что дает возможность в известной мере предсказать вероятность наличия речевого окказионального употребления при существовании в языке ФЕ. Привлечение языков других языковых семей покажет, является ли универсалия окказионального использования ФЕ полным или статистическим (неполным).

Еще один факт, говорящий в пользу нашей гипотезы, — это традиция перевода. Переводчики, переводя окказионально использованные ФЕ с одного языка на другой, обычно стараются сохранить окказиональное использование. Это — теоретический идеал переводчика [12, с. 310], однако это возможно сделать только при наличии сходного речевого процесса в языке перевода.

Вместе с тем мы в никакой мере не отрицаем существования национальных особенностей во фразеологии и в процессе употребления ФЕ в речи, в частности, различия в частоте употребления, даже возможность отсутствия тех или иных приемов окказионального использования ФЕ в отдельных языках. Однако эти особенности не опровергают того общего, что характерно для окказионального использования ФЕ в разных языках. Общими являются сама возможность окказионального использования ФЕ, семантические или структурно-семантические изменения. А конкретные лексические и грамматические изменения в ФЕ и в контексте могут различаться в большей степени. Так, в процессе окказионального использования ФЕ мы наблюдаем единство противоположностей, ибо всякий отдельный случай окказионального употребления ФЕ представляет собой и общее, и единичное, т. е. характерное для конкретного языка.

В данной статье не ставится задача изучить специфические формы реализации общего для языков. Такой, типологический, подход имеет место при переходе от вопроса, *какие* признаки являются универсальными, к анализу, *как* реализуются те элементы и свойства, которым приписывается статус универсалий, так как типология прежде всего занимается качественными различительными характеристиками [13, с. 5].

Мы проиллюстрируем гипотезу примерами окказионального использования ФЕ в речи из оригинальных текстов пяти индоевропейских языков: 1) русского (славянский язык), 2) английского, 3) немецкого (германские языки), 4) французского (романский язык), 5) латышского (балтийский язык).

Как уже было отмечено, существует ряд приемов окказионального использования ФЕ. Все элементарные случаи окказионального использования ФЕ средствами этих приемов можно разделить на два типа: 1) семантические преобразования ФЕ, 2) структурно-семантические преобразования ФЕ.

При семантических изменениях структура ФЕ не затрагивается, но ФЕ подлежит обыгрыванию. При структурно-семантических преобразованиях изменяется структура ФЕ, а вследствие этого и семантика [14, с. 85]. Созданная автором данной статьи картотека содержит множество примеров окказионального применения ФЕ в литературе и периодике указанных пяти языков. Для экономии места мы будем приводить только по одному примеру из материала каждого языка, а также не будем подробно разбирать каждый пример окказионального использования ФЕ, ибо там контекст достаточно выразителен.

1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФЕ

1. **Двойная актуализация.** Двойная актуализация заключается в обыгрывании значения ФЕ и буквального значения ее переменного прототипа в целом или буквальной интерпретации одного или нескольких компонентов ФЕ, в результате чего создается неожиданное столкновение двух планов восприятия. Двойная актуализация точнее остальных приемов отражает двуплановость семантики ФЕ. При разгадке двойной актуализации контекст обычно содержит полный или частичный повтор ФЕ, позволяющий читателю делать двоякую интерпретацию и толкование ФЕ.

Но простое репродуцирование компонентов ФЕ в последующем или предваряющем ее контексте еще не приводит к двуплановости ее восприятия. Двуплановость восприятия возникает только при таком употреблении, при котором неоднозначно актуализируется его главное (прямое) значение. Однако можно создать эффект двойной актуализации и без повтора ФЕ или ее компонентов. Контекст тогда дает намек на обыгрывание ФЕ. В результате употребления этого приема наблюдается резкое нарастание экспрессивности.

Яблоко от яблони недалеко падает

Яблоко от яблони недалеко падает, а нужно, чтобы оно падало дальше — на прилавок («Крокодил», 1954, № 29).

to call a spade a spade

— When I see a spade I call it a spade.

— I am glad to say that I have never seen a spade. It is obvious that our social spheres have been widely different. (O. Wilde)

j-n in Harnisch bringen

Damit stimmt ans trefflichste überein, dass in die Klugheit leicht «in Harnisch» bringt! (R. Musil)

comme une vache regarde passer un train

A la même heure, le rapide de Paris file vers Le Mans et s'étire, parallèle à sa fumée, à travers le Bocage, qui est si bien l'une des régions du monde où il y a le plus de vaches qui regardent passer le train. (H. Bazin)

nas dumu bez uguns

Dedzināsol majas, karšol un šausol. Pagaidam tas bija valodas, taču nas dumu bez uguns. Gan dumī, gan uguns citos pagastos un pletas plašuma. (D. Avotiņa)

2. Развернутая метафора. Сущность этого приема заключается в развертывании образа с целью оживления стершейся образности или лучшей интеграции ФЕ в контексте. При развертывании метафоры сама ФЕ не изменяется, однако происходит конкретизация и раскрытие значений одного или более компонентов ФЕ, создавая таким образом целую систему образов и метафор. Развернутая метафора может охватить предложение, абзац, даже весь текст. Следовательно, метафора может быть развернута только в контексте, а, с другой стороны, именно она и составляет этот текст. В отличие от приема двойной актуализации, исключается возможность буквального понимания словосочетания, его компонентов, ибо метафора сама по себе является стилистическим приемом, основанным на переносе значения. Картина, созданная развернутой метафорой, остается на метафорическом плане, тогда как при двойной актуализации происходит столкновение двух планов восприятия.

Висеть на волоске

Им разрешают переходить улицу только на перекрестках, то есть именно в тех местах, где движение сильнее всего и где *водворк*, на котором обычно висит жизнь пешехода, легче всего оборвать. (И. Ильф, Е. Петров)

To play with fire

— As far as I can make out, the young women of the present day seem to make it the sole object of their lives to be always *playing with fire*.

— The only advantage of *playing with fire*, lady Caroline, is that one never gets even singed. It is people who don't know how to play with it who get burned up. (O. Wilde)

Wes Brot ich esse, des Lied ich singe

Wes Brot ich esse, des Lied ich singe, so sagt das Sprichwort. Bierman hat kaum noch Lieder gemacht und gesungen für die Millionen Leute in diesem Land... ich respektiere den Beschluss meiner Regierung dem Liedermacher sein «Brot» bei jenen essen zu lassen... Die Menschen haben ein Gefühl, dafür, wessen Lied wir singen... Er hat unser Brot gegessen. Unser Lied hat er nie gesungen. («Junge Welt», 1976, 22 Jan.)

Donner la vie

Je connais la vie que je donne, moi! repris elle avec un rire qui tremblait. C'est vivre à quatre dans une pièce où la pluie coule et où les rats viennent mordre les gosses dans le noir parce qu'on ferme la lumière à onze heures. C'est la mort que je donne, moi! (G. Ceshorn)

Cirpt avis

Viņam šķīta, ka pašanlē patlaban iestājusies nuku laiks, kur viena daļa cilvēku ir avju lomā, bet otra daļa cērp šīs acis. Viņš grūbja būt pie cirpējiem. Vajadzēja atrast dzirkles... Dīdāns izdomāja savas dzirkles, izdomāja savu sistēmu. (A. Bels)

3. Нарушение стилистической дистрибуции. Сущность этого приема заключается в характеристике ФЕ объекта, которому такая характеристика не свойственна. Обороты, которые обычно употребляются по отношению к людям, используются по отношению к предметам и абстрактным понятиям, и наоборот.

Эффект обманутого ожидания создает повышенную экспрессивность, оживляет образ. Неординарное использование ФЕ путем этого приема вносит элемент непредсказуемости, фактор новизны, что, в свою очередь, привлекает внимание читателя.

С головы до ног

Лежа весь вечер, я представляю себе, как пугливо и зыбко мерцают мои освещенные окошки, такие одинокие среди бушующего леса, *с головы до ног* посевших от вьюги. (И. Бунин)

The family skeleton

And then *the family skeleton* is always reading family prayers. (O. Wilde)

Jedem auf Herz und Nieren prüfen

Wir prüfen Ihren Wagen *auf Herz und Nieren*. («Der Tagesspiegel», 1970, 5 Nov.)
... Je fâchetais, mais je le lisais assez peu, le ton vengeur, les gros titres, c'est un journal écrit *à tue-tête*. (R. Merle)

Ievairt biežputru

Oi, kadu *biežputru* bija *ievairis* pirmais velosipēds... (E. Salenieks)

4. Фразеологическая зевгма. Зевгма является употреблением слова в одинаковых грамматических, но в разных семантических отношениях к двум словам в контексте; при этом семантические отношения с одной стороны буквальные, а с другой — перенесенные.

Фразеологическая зевгма — это употребление ФЕ в зевгматической конструкции на основе общего лексического элемента, который актуализирует значение ФЕ и переменного словосочетания. Таким образом, стилистический эффект создан синтаксически. Фразеологическая зевгма может содержать и более двух элементов, связанных с общим компонентом. Чем больше семантическая разница между фразеологическим и переменным элементом, тем сильнее стилистический эффект.

Потерять остатки совести

Накормив Винтика, коротышки точно таким же образом накормили и Пончика, который, как уже говорилось, *потерял* не только вес, но вместе с ним и *остатки совести*... (Н. Носов)

To go to the dogs

I congratulate you, sir. If the country doesn't *go to the dogs or the radicals*, we shall have you Prime Minister some day. (O. Wilde)

Gehirn verdunkeln

Deutsches Volk, was für ein Rindvieh bist du, im ganzen gesehen! Erst *verdunkelst du dir das Gehirn und dann die Fenster*... (B. Apitz)

être dans son bon droit

Il eut pitié de cet homme important qui reprenait *son bon droit avec ses lunettes et ses papiers*. (G. Cesborn)

Likt galvas kopa

Bet vai nebūtu labāk steidzīgi *likt galvas un informāciju kopa*, lai izpētītu, ko tad mēs paši šiem jauniešiem varam piedāvāt. (Literatūra un Māksla, 1986, 10. janv.)

II. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФЕ

1. Фразеологический эллипсис. Сущность окказионального эллипсиса заключается в намеренном отсечении и устранении отдельных компонентов ФЕ, сохраняя при этом семантический стержень выражения. Опускается все второстепенное в семантическом отношении, однако ФЕ и в сокращенном виде способна передать свойственный ей смысл. При изменении объема плана выражения не изменяется объем плана содержания, а экспрессивность и динамичность ФЕ повышается, так как за счет редукции возникает напряжение и эффект недоговаривания. Стилистический эффект зависит и от того, какой компонент ФЕ отсутствует. Чем больше роль отсутствующего компонента в семантическом построении ФЕ, тем больше стилистический эффект. Эллипсису обычно подвергается ФЕ широко известные, в противополож-

ном случае читатель не смог бы воспринять окказионально использованную ФЕ.

глядеть сквозь пальцы

Сквозь пальцы. (Молодой коммунары, 1979, 6 сент.)

a friend in need, is a friend indeed

A friend in need. (Morning Star 1980, 15 Sept.)

die Katze aus dem Sack lassen

«Was für Gedanken?» fragte der Gestapooffizier. «Das wir all doch den Krieg satt haben.» «Na, das ist ja *die Katze aus dem Sack!*» stellte der Gestapooffizier mit Genugtuung fest. (E. Weinert)

chapeau bas

Je trouvais ses personnages inhumains, mais cette fois, chapeau! (A. Maurois)

izlist caur adatas aci

Caur adatas aci — lideros. (Padomju Jaunatne, 1984, 19. nov.)

2. Фразеологическая аллюзия. Фразеологическая аллюзия является ссылкой, намеком на ФЕ. Она осуществляется употреблением в тексте одного или нескольких компонентов ФЕ, имитацией структуры ФЕ или намеком на образ ФЕ. В употреблении аллюзии самым ярким образом проявляется взаимодействие ФЕ и контекста, выявляющее имплицитные компоненты, которые зачастую раскрыть без контекста вообще невозможно. Подобно фразеологическому эллипсису, и в случае аллюзии ФЕ должна быть достаточно хорошо известна и широко употребляема.

хвататься за соломинку

На столе телефон.

На столе *соломинка*. (В. Маяковский)

out of the frying pan into the fire

And anyway, it was only *out of the frying pan*. I'm even worse now than I was before. (J. Fowles)

Gebranntes Kind scheut das Feuer

(В. Brecht) Ich bin misstrauisch gegen jedes Geld. Ich bin ein *gebranntes Kind*, Feldfebel.

Nez à nez

(М. De Ghelderode) O Terre, tu es une sphère et j'en suis une autre, nous voici *panse à panse*.

guiss tads, ka cirvi var pakart

teejn, *guiss* neidomajams. Taisni vai *pakaries*, par *cirvi* nemaz nerunājot. (A. Bels)

3. Замена. Прием замены заключается в замене одного или нескольких традиционных лексических компонентов ФЕ другими словами и даже предложениями. Таким образом изменяется смысл ФЕ. При этом количество компонентов ФЕ может остаться то же или измениться. Возможно несколько разновидностей замены: синонимическая — обычно уточняет образ, однако редко имеет сильную экспрессивность. Очень сильный стилистический эффект наблюдается в случаях паронимической и антонимической замены, причем в случае последней, по нашим наблюдениям, создается эффект парадокса. Это обусловливается тем, что ФЕ в понимании читателя воспринимается как кое-что общепринятое и опровержение этого, при антонимической субституции, создает эффект аллогизма. Вообще замена является одним из самых распространенных приемов окказионального преобразования ФЕ и способствует увеличению стилистического эффекта и в целях оживления сниженной и стершейся образности часто употребляемых ФЕ.

куй железо, пока горячо

Остал утверждал, что *стулья нужно ковать, пока они горячи*. (И. Ильф, Е. Петров)

to hit below the belt

I can stand brute force, but brute reason is quite unbearable. There is something unfair about its use. It is *hitting below intellect*. (O. Wilde)

gehüpft wie gesprungen

Dennoch, schreiten wir fort! *Gefallen wie gesprungen*. (В. Brecht)

cousues de fil blanc

— Comment? vous le saviez?

— Je ne le savais pas; je le prévoyais et vos circonlocutions, *cousues de câble blanc*, ont confirmé mon attente... (A. Maurois)

labāk zīle rokā, nekā mednis kokā

Ya sakot, *labāk zīle roka, nekā trīs punkti kokā.* (Padomju Jaunatne 1984, 18. sept.)

4. В к л и н и в а н и е. Вклинивание является самым распространенным видом окказионального преобразования ФЕ. При употреблении этого приема в структуру ФЕ вводится один или несколько переменных компонентов, которые становятся частью окказионально используемой ФЕ. Таким образом, количество компонентов изменяется. Чаще всего вклинивание вводится с целью уточнения передачи дополнительной информации, усиления или ослабления смысла ФЕ, перевода на другую стилистическую сферу и т. д. Вклинивание может выполнять и несколько функций одновременно. Возможность вклинивания обуславливается раздельнооформленностью ФЕ.

Убить время

Надо было *убить бесконечное время* до одиннадцати. (И. Бунин)

to know which side one's bread is buttered on

He was a lean, wiry Yankee who *knew which side his experimental bread was buttered on.* (I. Shaw)

Eulen nach Athen tragen

Noch ist er fähig, manche *Eule Behutsam nach Athen zu tragen.* (H. Giese)

les jours lointains

Depuis *le jour déjà lointain* où je l'ai acheté pour un sou, ce cahier jaune aux pages vides m'attire irrésistiblement. (B. Solet)

Nakt gaismā

... un jaņa slēptais netikums nu ir *nācis košā ugunsgreka gaismā* (Padomju Jaunatne 1985, 27. jūn.)

5. Д о б а в л е н и е. Добавление заключается в расширении границ ФЕ в результате добавления в начале или в конце ФЕ переменных компонентов. В отличие от развернутой метафоры, добавленные элементы становятся неотъемлемой частью окказионально использованной ФЕ. Добавление обычно употребляется с целью уточнения, придания дополнительной информации образу и в других функциях.

Дамоклов меч

Дамоклов меч милитаризма. (Новое Время, 1985, № 38)

to put a spoke in the wheel

He ought, perhaps, *to have put a spoke in the wheel of their marriage.* (J. Galsworthy)

Einen Stein im Brett haben

«Wer hatte gedacht», meditierte Zinsdorff, «dass dieser Lautensack in Berghof *einen so dicken Stein im Brett hat.*» (L. Feuchtwanger)

mettre sous le bât mariteux

Qu'il s'en est fallu de peu que cette petite gueuse ne me mit *sous le bât mariteux et piteux.* (R. Rolland)

nogrīni aizmirstībā

Ja zagšanu pārtrauktu, bija reālas cerības, ka tā *nogrīms aizmirstības akačos.* (A. Kolbergs)

Какие же выводы можно сделать из анализа данного языкового материала?

В первую очередь, мы полагаем, что проанализированный материал пяти языков говорит в пользу гипотезы о существовании языковой универсалии окказионального использования ФЕ, хотя для полного доказательства гипотезы надо расширить круг рассматриваемых языков.

Во-вторых, кроме универсальности самого окказионального использования ФЕ, наблюдается универсальность приемов семантических и структурно-семантических изменений, а также продуктивность приемов. Существуют различия в синтаксическом, лексическом и грамматическом плане. В этой связи следует отметить, что семантически эквивалентные случаи окказионального употребления ФЕ в языках разного строя может классифицироваться как результат действия разных приемов. Особенно это касается добавления и вклинивания.

Так, французский пример добавления при эквивалентном переводе и без изменений в его содержательном и стилистическом плане в других рассматриваемых языках классифицировался бы как вклинивание. Различия синтаксических конструкций языков обуславливают эту особенность.

Здесь встает вопрос о целесообразности разделения вклинивания и добавления, так как по сути дела оба приема представляют собой расширение ФЕ с введением нового компонента в состав ФЕ. Такой подход был предложен уже Н. Л. Шадриным [15, с. 144—145], однако не получил должного развития. Действительно, деление проводится по чисто формальному принципу — в каком месте ФЕ появился новый компонент. Но в обоих случаях новый элемент становится частью ФЕ и вносит какие-то структурные, семантические и стилистические изменения.

Еще один вывод — при переводе не всегда целесообразно придерживаться того же приема окказионального изменения, поскольку многие приемы довольно близки по своей сущности, например, развернутая метафора, добавление, вклинивание или фразеологическая зевгма и буквализация. В конкретных обстоятельствах часто возможны и даже неизбежны замены приемов без ущерба для стилистики и семантики текста.

Нам представляется, что сопоставительный анализ окказионального использования ФЕ может дать и другие поправки и коррективы для теории окказиональных изменений.

Подход к окказиональному употреблению ФЕ как к языковой универсалии сможет содействовать дальнейшему исследованию этой проблемы, наблюдению за различиями и закономерностями окказионального использования ФЕ в разных языках и особенно в тех, где такая работа вообще еще не начата, и таким образом содействовать дальнейшему прогрессу фразеологической стилистики в области языкознания и теории перевода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шрайбер В. И. Актуализация фразеологических единиц в литературно-художественных текстах. Автореф. ... канд. филолог. наук. М., 1981. 23 с.; *Fauleit D., Kühn G. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der Deutschen Sprache. Leipzig. 1975. 286 S.*
2. Селиванов Г. А. К общей характеристике активных процессов в области фразеологии. — В кн.: Активные процессы в области русской фразеологии. Иваново, 1980, с. 3—13.
3. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1983. 287 с.
4. Солодухо Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии. Казань, 1982. 168 с.
5. Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс). М., 1970. 344 с.
6. Кунин А. В. О стилистическом контексте во фразеологическом ракурсе. — В кн.: Лингвистика текста. Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 103. М., 1976, с. 146—150.
7. Начисчионе А. С. Воспроизводимость приемов окказионального преобразования фразеологических единиц в речи. — В кн.: Лексические и грамматические инновации. Рига, 1982, с. 61—68.
8. Кунин А. В. Основные понятия фразеологической стилистики. — В кн.: Тезисы конференции «Проблемы лингвистической стилистики». М., 1969, с. 71—75.
9. Начисчионе А. С. Окказиональное стилистическое использование фразеологических единиц (на материале произведений Дж. Чосера). Дис. ... канд. филолог. наук. М., 1976. 193 с.
10. Березин А. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979. 416 с.
11. Ульянов С. Семантические универсалии. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 5. М., 1970, с. 250—299.
12. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. 352 с.
13. Гухман М. М. Лингвистические универсалии и типологические исследования. — *Вопр. языкознания*, 1973, № 4, с. 3—15.
14. Шадрин Н. Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов. — В кн.: Лингвистические исследования, ч. 2. М., 1973, с. 78—97.
15. Шадрин Н. Л. Окказиональное распространение фразеологических единиц и отражение этого приема в переводе. — В кн.: Язык и стилистика английского художественного текста. Л., 1977, с. 144—152.

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. П. Стучки

Дата поступления 04.11.85.

АКАДЕМИЯ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. УПИТА

На правах рукописи

ВЕЙСБЕРГС Андрей Гунарович

УДК 808.83-318(048)

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛАТЫШСКОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ

IO.02.02 -- языки народов СССР (латышский язык)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

РИГА 1986

Работа выполнена на кафедре английской филологии Латвийского государственного университета им. П. Стучки

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: доктор филологических наук, член-корреспондент АН ЛатвССР
А. Я. БЛИНКЕНА

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ: доктор филологических наук
Д. П. НИТИНЯ,
кандидат филологических наук
З. Я. ИКЕРЕ

Ведущая организация: Институт языка и литературы
АН ЛитССР

Защита диссертации состоится " " _____
1986 года в _____ часов на заседании Специализированного совета К 010.02.01 Института языка и литературы им. А. Упита АН Латвийской ССР, г. Рига, ул. Тургенева, 19.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Отделения общественных наук АН Латвийской ССР, г. Рига, ул. Тургенева, 19, 2-й этаж.

Автореферат разослан _____ 1986 г.

Ученый секретарь Специализированного
совета кандидат филологических наук

Я. Валдманис.

Настоящая работа посвящена изучению динамических аспектов фразеологии латышского языка. В ней сделана попытка комплексно рассмотреть две сферы фразеологии, обладающие наибольшей динамичностью: окказиональное преобразование и использование собственно латышских фразеологических единиц (ФЕ) и заимствование ФЕ из английского языка под влиянием англо-латышских языковых контактов. Выдвинута также гипотеза об универсальности окказионального использования ФЕ (на примере 5 языков).

Актуальность исследования. Фразеология латышского языка изучена далеко не полностью. Несмотря на отдельные работы А.Я.Озолса, А.Г.Лау, В.Руке-Дравини, Э.Я.Кокаре, Л.Я.Орловской и др. многие вопросы латышской фразеологии не имеют еще достаточного теоретического осмысления, более того, и в современной балтистике нет работ, посвященных этим вопросам. Вследствие установившихся взглядов фразеологию нередко считают статичной как в формальном, так и в смысловом плане. Однако динамичность и статичность фразеологии — это две стороны одного явления, так как именно статичность, канонический, устоявшийся характер фразеологии, снижающий художественную ценность, экспрессивность ФЕ, вызывает тенденцию к образованию новых ФЕ (в том числе путем заимствования) и к обновлению имеющихся ФЕ путем окказиональных трансформаций.

Цель и задачи исследования. Целью диссертации является изучение двух динамических аспектов латышской фразеологии: заимствования ФЕ из английского языка в условиях языковых контактов и окказионального использования ФЕ в речи.

Для достижения названной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) установить границы ФЕ в латышском языке, выявить главные их свойства;
- 2) определить сущность лингвистических терминов, употребляемых в сфере заимствования ФЕ, разработать классификацию способов и типов заимствования ФЕ;

3) изучить особенности фразеологического заимствования, установить семантически-тематические группы заимствованных ФЕ, определить каналы заимствования, сферы проникновения ФЕ в латышский язык, выявить процессы изменения ФЕ при их заимствовании и ассимиляции;

4) произвести наиболее полный учет английских ФЕ, заимствованных в латышский язык;

5) выявить главные приемы окказионального использования ФЕ в латышском языке, их особенности и функциональную нагрузку;

6) определить системные отношения этих приемов;

7) рассмотреть вопрос об универсальном характере речевых окказиональных изменений (на основе 5 языков).

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Заимствование ФЕ в условиях языковых контактов носит системный характер.

2. Заимствование ФЕ в латышский язык происходит как прямым, так и косвенным путем (через русский язык), наблюдается некоторая интерференция русского языка.

3. Наибольшей интенсивностью при заимствовании отличаются ФЕ номинативно-терминологического характера, особенно в сфере международной политики, торговли и т.д.

4. Окказиональное использование ФЕ в латышском языке - явление распространенное и продуктивное.

5. Приемы окказионального использования носят системный характер.

6. Речевые окказиональные изменения ФЕ являются универсальной европейского ареала индоевропейских языков.

Научная новизна работы. Впервые комплексно исследованы два динамических аспекта латышской фразеологии - заимствование ФЕ и функционирование их в речи. Разработана классификация способов и типов заимствования ФЕ, рассмотрена система окказионального использования ФЕ в речи и выдвинута гипотеза об универсальности окказионального использования ФЕ. Анализ окказионального употребления ФЕ в речи в латышском языке

может быть использован при сравнительном изучении этого процесса в свете гипотезы об универсальности окказионального преобразования ФЕ. ФЕ рассмотрена как языковая и речевая единица, исследован механизм перевода ФЕ из языка в речь и из речи в язык.

Теоретическая значимость работы. Работа расширяет теорию фразеологии латышского языка. В ней рассмотрен ряд вопросов, связанных с заимствованием фразеологии и стилистическим использованием ФЕ. Предложена новая классификация фразеологических заимствований, уточнена терминология, специфичная для заимствования ФЕ, углублено представление о стилистических возможностях использования ФЕ, выдвинута гипотеза об окказиональном использовании ФЕ как семантико-стилистической универсалии индоевропейской языковой семьи.

Практическое значение. Результаты исследования могут быть учтены при чтении курсов по языковым контактам, стилистике, фразеологии в специальных вузах, на филологических факультетах университетов, а также использованы в переводческой практике. Собранный материал имеет лексикографическую ценность. Он был частично использован при составлении словаря "Английские идиоматические выражения", может быть включен в англо-латышские словари и словарь латышской фразеологии. Его предполагается использовать при составлении англо-латышского фразеологического словаря.

Объект исследования. В первых двух разделах диссертации использовался материал, полученный методом сплошной выборки из периодической печати (газет "Cīpa", "Padomju Jaunatne", "Sports", "Rīgas Balso", "Literatūra un Māksla", "Dzimtienes Balso" и др., научно популярных и общественно-политических журналов "Liesma", "Zvaigzne", "Veselība", "Lauku Dzīve", "Zinātne un Tehnika", "Lārza un Drava", "Sieviete", "Skola un Ģimene", "Horizonts" и др.) за период с 1982 по 1986 год. Для сравнения были взяты материалы из центральной периодики 1945-1946 и 1965-1966 гг., а также отдельные примеры из прессы других лет.

Кроме того, было проанализировано около 200 произведений латышских писателей (главным образом 30-80-х годов нашего века). Фразеологический материал этих источников был использован при рассмотрении как заимствования, так и окказионального использования. Для главы, посвященной заимствованию, был также взят материал, отобранный из фразеологических словарей, словарей идиом, пословиц и поговорок как советских так и зарубежных авторов. Для иллюстрации гипотезы об универсальном характере речевого окказионального использования ФЕ были привлечены также произведения русских и зарубежных писателей.

Основные методы и приемы исследования. Основным методом при проведении настоящего исследования служил метод фразеологической идентификации, предложенный А.В.Куниным^I. Применялись также метод синхронного лингвистического описания (с диахроническим исследованием в отдельных случаях) и функционально-стилистический анализ. Производился также статистический подсчет частоты употребления рассматриваемых фразеологизмов и опрос информантов с целью выявления их реакции на некоторые заимствования и некоторые ФЕ, не зафиксированные в словарях.

Методологической основой работы явилось диалектически-материалистическое учение о динамике и развитии, как следствии борьбы противоположностей, о сущности языка в единстве одновременного и разновременного.

Апробация работы и публикации. Основные теоретические положения диссертации прошли апробацию на научных конференциях ЛГУ им.П.Стучки (1985, 1986), лингвистических чтениях кафедры английской филологии ЛГУ им.П.Стучки (1985, 1986), заседании кафедры английской филологии Вильнюсского государст-

^I Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс). М., 1970, с.45.

венного университета (1985), Эндзелиновских чтениях АН Латв.ССР (1986). Диссертация обсуждалась на заседании кафедры английской филологии ЛГУ им.П.Стучки и на заседании Отдела латышского языка Института языка и литературы им. А.Упита АН Латв.ССР. По теме диссертации имеются 5 публикаций общим объемом 5,9 печатного листа. Материал диссертации используется в лекциях по лексикологии для студентов 3 и 4-го курсов факультета иностранных языков ЛГУ им.П. Стучки.

Структура диссертации. Работа изложена на 193 страницах машинописи и состоит из предисловия, введения, четырех глав, заключения и библиографии, содержащей 184 работы отечественных и 28 работ зарубежных авторов.

В предисловии дан краткий историографический обзор изучения фразеологии в латышском языкознании.

Во введении обосновываются выбор темы исследования и ее актуальность, определяются цель и задачи работы, охарактеризованы материал и методы исследования.

В первой главе рассматривается вопрос о сущности ФЕ латышского языка, ее границах и объеме. Приводятся три основные концепции ФЕ, встречающиеся в советской лингвистике: 1) ФЕ представляет собой семантически преобразованное сцепление слов, соотносимое со словом и его синтаксическими функциями (А.М.Бабкин, Н.Н.Амосова, И.И.Молотков). Например: iet valā (начинается); 2) ФЕ есть семантически, хотя бы частично, преобразованное сцепление слов, соотносимое как со словом, так и с предложением, и обладающее хотя бы минимальной устойчивостью (А.В.Кунин, А.Д.Райхштейн, И.И.Чернышева). Например: meklēt vācu rokkrakstu (искать свой почерк); 3) ФЕ представляет собой сцепление слов и без семантического преобразования, обладающее отдельностью номинации (В.Л.Архангельский, Н.М.Шанский). Например: Amerikā Savienotās Valstis (Соединенные Штаты Америки). Последнюю концепцию следует считать слишком широкой, так

как она включает устойчивые сочетания нефразеологического характера, а первую - слишком узкой, поскольку она оставляет за пределами исследования большинство устойчивых единиц с малой идиоматичностью. Кроме того, граница между полностью и частично идиоматичными оборотами весьма неопределенна, так как фразеология представляет собой совокупность выражений с разной степенью идиоматической окраски - от ярко выраженной до едва заметной. И, наконец, ограничение фразеологии одним разрядом устойчивых словесных комплексов не может быть оправданным с точки зрения функциональной значимости языковых знаков различных типов в общественной коммуникации. Исходя из этих соображений, под ФЕ следует понимать более или менее устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением.

Далее на основе определения и функционирования ФЕ в речи рассмотрены ее главные свойства. Категориальными свойствами латышской фразеологии являются переосмысленность (метафоричность), раздельнооформленность, относительная устойчивость, свойствами вторичного значения - экспрессивность, эмоциональность, семантическая целостность, потенциальная семантическая двуплановость; определена важность этих свойств в динамических аспектах фразеологии.

В работе использована структурно-семантическая классификация (А.В.Кунин), включающая четыре класса ФЕ: 1) номинативные ФЕ, например: melnā diena (черный день); 2) номинативно-коммуникативные ФЕ, например: tikt uz gala gara (прилично устроиться); 3) междометные и модальные ФЕ, например: pie joda! (к черту!); 4) коммуникативные ФЕ (поговорки, пословицы), например: mušā audzis, pa sprundi barots (рос в лесу, молился пням).

Во второй главе рассматривается заимствование ФЕ из английского языка, которое является объективным процессом, одним из видов обновления фразеологического фонда языка. Выделено несколько типов языковых контактов, причем англо-

латышские языковые контакты трактуются как культурные, дистантные, в некоторой степени косвенные, при отсутствии прямого соприкосновения больших масс людей - носителей обоих языков¹. В этой связи отмечается, что очень большую роль играют переводчики, политические обозреватели, спортивные комментаторы, которые активно вовлечены в двуязычие и связаны со сферой массовой информации. Серьезное влияние английской фразеологии на латышскую началось с конца 19 века, когда в латышский язык начали проникать и закрепляться в нем английские ФЕ. Например: *Un Eplantes vakams vārds: "time is money" (laiks ir nauda) paliek visur taisnība* (*Latviešu Avīzes, 1873, Nr.48*).

На начальном этапе заимствование осуществлялось, главным образом, через языки-посредники (русский и немецкий). В 20-40-е годы 20 века¹ между английским и латышским языками существовали прямые контакты, что содействовало в некоторой мере и быстрейшему заимствованию фразеологии, хотя не в таких масштабах, как лексики. После войны наступил период ослабления языковых контактов, затем в конце 50-х - начале 60-х годов процесс заимствования снова усилился.

Хотя заимствованные фразеологизмы являются объектом исследования в течение длительного времени, однако в вопросах терминологии до сих пор существует большая путаница. Суть проблемы состоит в соотношении таких терминов, как фразеологическая калька, вкрапление, собственно заимствование, беспереводное заимствование, полукалька, перевод и т.д. Этими терминами в разных комбинациях оперируют авторы при рассмотрении проблем заимствования фразеологии. В настоящей работе термин "фразеологическое заимствование" выдвигается как самый широкий, охватывающий все типы ФЕ иноязычного происхождения, а также все способы заимствования из другого

¹ Балдунчикс Ю.Н. Заимствование англизмов в латышский язык. Дис. ... канд. филол. наук. Рига, 1983. с.6-7.

языка. Такая концепция предполагает, что все остальные способы заимствования являются его частными случаями. К ним относятся:

1) заимствование ФЭ в ее исходной форме – перенос иноязычной ФЭ в неизменном виде в язык-рецептор, например: fair play (чистая игра);

2) фразеологическая транскрипция (заимствование с частичными фонографическими изменениями) – транскрипция компонентов ФЭ с небольшими отклонениями от исконного звучания, обусловленными особенностями передачи звуков на латышский язык, например:

Džons Buls – John Bull (Джон Буль – англичанин);

3) фразеологическое калькирование – заимствование ФЭ путем точной или измененной передачи модели (структуры и лексических значений) иноязычного прототипа средствами заимствующего языка, например:

smadzeru aizplūde – brain drain (утечка мозгов).

Вследствие употребления этих способов возникают 4 типа заимствованных ФЭ. Три из них соответствуют способам заимствования, а четвертый – комбинированный – является результатом калькирования и транскрипции и называется фразеологической полукалькой, например:

pēdējais mohikānis – the last of the Mohicans (последний из могокан).

И способы, и типы носят системный характер, так как охватывают все возможности фразеологического заимствования; они взаимосвязаны и показывают степень глубины различий между оригиналом и заимствованием.

Изучение заимствованной фразеологии связано как с выделением корпуса объекта исследования, так и с определением языка-источника той или иной заимствованной ФЭ конкретно. Существование интернациональных и межъязыковых эквивалентов затрудняет установление языка-источника многих ФЭ, так как эквивалентность может быть результатом двух процессов – заимствования и независимого развития.

Эти соображения определяют важность выдвижения жестких критериев определения первоисточника.

1. При беспреводном заимствовании факт заимствования налицо в форме материальной оболочки ФЕ языка-источника. Например: Union Jack, common sense.

2. Фразеологические кальки следует считать переводными заимствованиями с английского языка, например: Mana nama ir mana pils - My house is my castle (мой дом - моя крепость).

3. Сочетание в составе ФЕ исконно национальных элементов - реалий, имен существительных, историзмов с мотивированностью, аллюзий - тоже указывает на заимствование (обычно это фразеологические полукальки), например: vīa-varenais dolārs - almighty dollar (всемогущий доллар); Britu lauva - British Lion (британский лев).

4. В отдельных случаях, особенно в стадии проникновения, заимствование ФЕ сопровождается формальным признаком этого процесса, а именно - вводной фразой: как говорят в Англии (Америке, у нас, здесь ...). Например: Vašingtona ir ierēdzu, jāb kā vīrus žeit zauc - balto arkaķlīšu pilsēta (white collar - белый воротник) (Radomju Jaunatne, 23.3.1975).

5. Следует также считать заимствованными из английского языка те ФЕ, которые возникли в нем под влиянием соответствующих иноязычных прототипов из экзотических языков, например: smadzēgu skalošana - brainwashing (промывание мозгов) - из китайского языка; aprakt kara cirvi - to bury the hatchet (заключить мир); miera pipe - pipe of peace (трубка мира) - из языков аборигенов Северной Америки.

6. И, наконец, известно происхождение ФЕ, зафиксированное в разных источниках, например ФЕ patmaigu vēji - wind of change (ветер перемен), употребленная премьер-министром Англии Г.Макмилланом в 1960 г., или dzelzs lēdija - iron lady (железная леди), впервые появившаяся в

советской газете "Красная Звезда" (23.I.1976) и употребленная М.Тетчер в речи 31.I.1976 г.

Процесс заимствования сложен и неравномерен. Наиболее динамичное заимствование ФЕ из английского языка происходит в прессе, которая популяризирует неологизмы во многих областях общественно-политической, экономической и культурной жизни. Сам процесс заимствования нам представляется двух-этапным:

1) использование новой ФЕ в речи (фактически это явление окказиональное);

2) укоренение ФЕ, вхождение ее в систему языка, установление связей с исконными единицами.

Конечно, такое деление является формальным, однако между этапами существуют различия, которые удобнее рассмотреть отдельно.

Окказиональное заимствование ФЕ определяется, главным образом, экстралингвистическими мотивировками: 1) необходимость номинации при переводе новых явлений, понятий, предметов в форме ФЕ; 2) психологические и социальные мотивировки; 3) стилистические соображения при переводе; 4) влияние чужой среды (интерференция в речи людей, работающих за границей, и т.д.). Иногда эти мотивировки перекрещиваются.

Способствующими факторами следует считать высокий престиж английского языка, а также процесс интернационализации фразеологии, в котором английский язык тоже играет роль производителя международных ФЕ номинативно-терминологического характера. Такими сферами являются международные отношения, политическая экономия, торговля, юриспруденция, военная тематика, журналистика, музыка.

Однако пробное, окказиональное употребление ФЕ еще не означает, что фразеологическое заимствование закрепится в языке. Имеется ряд факторов, которые определяют закрепление ФЕ в языке. К ним относятся интралингвистические факторы: соответствие ФЕ требованиям языка и тенденциям его развития, иными словами, удача кальки во всех отношениях - граммати-

ческом, фонетическом (благозвучие, ритмика), лексическом и семантическом, а также экстралингвистические факторы - актуальность обозначаемого явления, среда пользования, исторические условия, личность создателя ФЕ, конкретное взаимодействие языков и характер этого взаимодействия.

Экстралингвистические факторы прямо влияют на судьбу заимствованной ФЕ и их (особенно фактор актуальности) следует считать решающими. Так, ФЕ dzelza priekškaris - iron curtain (железный занавес) существовала в 18 веке во Франции и в 19 веке в Германии, но была малоупотребительна. Засвидетельствовано использование этой ФЕ в 1920 г. П. Сноуден в английском языке. Но лишь после того, как она была употреблена Геббельсом, затем подхвачена Черчиллем, который использовал ее в своей Фултонской речи в 1946 г., она действительно прочно вошла в английский язык и калькировалась во все языки Европы. Здесь проявилось действие вышеупомянутых факторов, главным образом фактора актуальности.

Фразеологические заимствования в исходной форме являются неотъемлемой частью фразеологического фонда латышского языка. Хотя заимствований этого типа из английского языка не столь много, как, например, из классических языков, но тем не менее пласт их постоянно пополняется (brain drain, Brains Trust, know how). Существуют различия в стилистико-функциональном характере употребления этих ФЕ - они могут быть книжного характера (a household name), газетно-публицистического (Fleet Street), разговорного характера (to be or not to be). Фразеологические заимствования этого типа нельзя считать преходящим явлением, так как они обладают специфическими стилистическими особенностями и сохраняются в языке даже при существовании калькированных форм. Например: Kam biezāks maks, lai maksā! Bet kas iznāk? Tagad es te sēdu. "Life is not a bed of roses", kā angļi saka (A. Driņe. Pēdējā barjera. Rīga, 1971, lpp. 218).

Основным и наиболее многочисленным типом заимствований являются фразеологические кальки. В диссертации приводятся различные взгляды лингвистов на сущность термина "фразеологическая калька". Рассматриваются различия в социально-оценочном смысле некоторых общественно-политических ФЕ, например: brīvē pasaule - the free world (свободный мир), где один и тот же денотат имеет разные коннотации. Выделяется несколько черт, обуславливающих доминирующее положение калькирования при заимствовании - предпочтение языком комбинаций своего материала по сравнению с полным заимствованием, окказиональное калькирование и др. Относительно большинство ФЕ, заимствованных в латышский язык, являются новыми и в английском языке, что следует считать отличительной чертой заимствования. Большой удельный вес занимают кальки номинативно-терминологического характера с политической тематикой. Отмечается большое количество ФЕ индивидуально-авторского происхождения; это свидетельствует, с одной стороны, о недавнем происхождении ФЕ, с другой - о практической потере связи ФЕ с первоисточником; исключения составляют лишь несколько ФЕ, например: varas jaiteri - corridors of power (коридоры власти) (Ч.Сноу), klusais amerikānis - the quiet American (тихий американец) (Гр.Грин).

Рассмотрен вопрос о соотносительности ФЕ и терминологического сочетания, так как терминология как источник ФЕ занимает все более значительное место как в разных языках, так и при заимствовании. Установлено, что некоторые терминологические сочетания (особенно политические) близки по своим характеристикам (устойчивость, переосмысление, коннотация) к ФЕ. Например: vaņāni republikā - vaņāna republic (базиликовая республика); ābolīna lapa - clover leaf (пересечение после типа клеверного листа).

Другую группу составляют сочетания, которые при употреблении в "родном" терминологическом поле являются терминами (так как у них отсутствует переосмысление), а при ис-

пользовании в нетерминологическом контексте становятся ФЕ. Например: sint zem jostas vietā - to hit below the belt (ударить ниже пояса, т.е. поступить предательски). Таких словосочетаний с расширенной семантикой много, и латышский язык заимствует их из английского обычно с неограниченной сферой функционирования, например: tumānā zirzīpē - a dark horse (темная лошадка), которая не ограничена ни сферой спорта, ни сферой политики, или tīra spēle - fair play (чистая игра), употребляемая и как терминологическое сочетание (в спорте) и как ФЕ.

В диссертации приводится список наиболее популярных фразеологических калек номинативно-терминологического и коммуникативного характера, включающий 172 ФЕ.

К третьему типу отнесены фразеологические транскрипции. Этот тип занимает как бы промежуточное положение между калькой и заимствованием в исходной форме. ФЕ, заимствованные этим способом, подчиняются грамматике и фонетике языка-рецептора и обычно сохраняют полное семантическое тождество с оригиналом. Графически различия по сравнению с источником довольно незначительны и соответствуют правилам воспроизведения слов иноязычного происхождения в латышском языке. Этот тип объединяет разные названия, которые вследствие метонимизации обрели статус ФЕ. Например: Šerlōks Holms - Sherlock Holmes (Шерлок Холмс - детектив); Džons Buls - John Bull (Джон Буль - англичанин).

Фразеологические полукальки появляются в случае "непереводимости" одного или несколько компонентов ФЕ. "Непереводимость" может возникнуть, если ФЕ содержит:

1) имя собственное, например: linča tiesa - Lynch Law (суд Линча); Mērfija likums - Murphy's law (закон Мерфи - закон подлости);

2) слова, характерные для иноязычной действительности, не имеющие эквивалентов в языке-рецепторе, например: bits paaudze - the beat generation (бит-поколение).

Однако вследствие частого употребления и популярности ФЕ тервет связь с конкретной страной и народом. Так, например, ФЕ pēdējais mohikānis - the last of the mohicans (последний из могикан) практически потеряла эту связь и может употребляться в любом контексте, не вызывая ассоциаций со страной, в которой она была создана. "Solidaritātes" pēdējais mohikāni, pagrīdē ierāvušies, galīgi atklāj savu pērkamību ... (V. Hermanis, Divatnē ar globusu. Rīga, 1984, lpp. 114). Если элементы ФЕ существуют в языке как самостоятельные лексические единицы и проникли в латышский язык до появления в нем кальки ФЕ, то эти ФЕ следует считать полными фразеологическими кальками, так как они построены из материала латышского языка, например:

džungļu likums - jungle law (закон джунглей);

dzeltenā prese - yellow press (желтая пресса).

Так как при калькировании проявляются две тенденции: с одной стороны, приспособить ФЕ к языку-рецептору, с другой стороны, сохранить тождество кальки и ее прототипа, причем доминирует первая из них, - возникают трансформации, затрагивающие грамматический, лексический и семантический уровни ФЕ. Наиболее важными из них являются:

1) замена лексических компонентов ФЕ:

vecā labā Anglijā - merry old England (старая добрая Англия);

2) лексикализация английских ФЕ:

zilzeke - blue stocking (синий чулок);

3) фразеологизация английских слов:

smadzeņu skalošana - brainwashing (промывание мозгов);

4) расширение ФЕ для достижения большей ясности:

pelēkā smadzeņu viela - the grey matter (серое вещество);

5) эллипсис:

kas maksā, tas pasūta mūziku - he who pays the piper tunes the music (кто платит, тот и заказывает музыку);

6) появление уменьшительного окончания существительного: tumšais zirgziņš - a dark horse (темная лошадка).

И, наконец отмечена нестабильность заимствованных ФЕ. Это явление обычно временное, преходящее. Существуют и ФЕ, у которых нет периода нестабильности, поскольку заимствование оказалось удачным с самого начала. Другие же даже в период укоренения имеют варианты, например: dzelza priekš-
kars (aizkars) - iron curtain (железный занавес), mana
pans ir mana pils (pans cietokenis) - My house is my castle (мой дом - моя крепость). Некоторые ФЕ подвергаются ошибочным изменениям даже после закрепления в языке одной формы, например: smadzeņu skalošana (smazģošana) - brain-washing (промывание мозгов), smadzeņu aizplūde (pārsāk-
ņēšana, norplūde, varplūde) - brain drain (утечка мозгов) и т.д. Нестабильность кальки в первой фазе заимствования представляет собой явление объективное, во второй же фазе она является результатом плохого знания автором фонда заимствованной фразеологии.

В третьей главе рассмотрен другой динамический аспект латышской фразеологии - окказиональное использование ФЕ в речи. На материале латышского языка подтверждается, что на современном этапе развития языкознания ограничиваться рассмотрением ФЕ только как языковых единиц нельзя, так как это ведет к искажению сущности ФЕ.

Противопоставление речи и языка трактуется как проявление взаимодействия тождества и различия, порождающего динамичность ФЕ как единицы языка (в диахроническом аспекте) и как единицы речи (в диахроническом и синхроническом аспектах).

Под окказиональным использованием ФЕ понимается целенаправленное изменение традиционной семантики или структуры и семантики ФЕ. Окказиональное употребление ФЕ обусловлено стремлением лучшего использования ее в тексте или достижения большей выразительности; оно возможно благодаря таким свойствам ФЕ, как раздельнооформленность и семантическая двуплановость. Свою роль играет и потенциальная возможность

вычленения отдельных элементов ФЕ в качестве самостоятельных семантических единиц, семантическая автономность компонентов ФЕ.

Многообразие окказиональных преобразований не является случайным, в действительности оно представляет собой результат действия ограниченного числа приемов окказионального употребления (которые можно и комбинировать). Этими приемами по определенным принципам обрабатывается ФЕ. И принципы, и сами приемы носят в языке системный характер. Следовательно, окказиональное использование ФЕ в речи — явление нормативное.

Все элементарные случаи окказионального использования ФЕ в латышском языке можно разделить на два типа:

1) семантические преобразования ФЕ, когда нарушается устойчивость ФЕ на семантическом уровне;

2) структурно-семантические преобразования ФЕ, когда изменяется структура ФЕ, а вслед за ней и семантика¹;

Помимо элементарных случаев окказионального использования ФЕ, т.е. при помощи одного приема, существует сложные случаи, когда применяется два или несколько приемов преобразования в одном фразеупотреблении. Если при этом можно выделить ведущий прием, то мы имеем дело с осложненным стилистическим употреблением ФЕ, если же его выделить невозможно, то следует говорить о фразеологической конвергенции, которая определяется как параллельная актуализация нескольких приемов.

В диссертации рассматриваются следующие приемы окказионального использования ФЕ:

I. Семантические изменения:

¹ Шадрин Н.Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов. — В кн.: Лингвистические исследования, 1972, ч.2, М., 1973, с.87.

1) развернутая метафора. Сущность этого приема заключается в развертывании образа ФЕ с целью оживления стершейся образности или лучшей интеграции ФЕ в контексте. Сама ФЕ не изменяется, но ее семантика конкретизируется на метафорическом плане. Если простая метафора статична, то развернутая – динамична, выполняет текстообразующую функцию. Отмечена тенденция к сложному употреблению этого приема в латышском языке. Например:

programmas nagla (гвоздь программы);

Vēl pirms paris gadiem ITT un Maskavas apgabala "Spartaka" mačs batu bija sacensību nagla. Tagad no rīdzinieču puses tā nagla bija mazliet ierūsīnāta, bet no Piemaskavas basketbolistu puses – pašiem garšējumi (Padomju Jaunatne, 30.10.1984);

2) двойная актуализация. Этот прием заключается в намеренном обыгрывании значения ФЕ и буквального значения ее переменного прототипа в целом или не скольких компонентов ФЕ, в результате чего создается неожиданное столкновение двух планов восприятия. Двуплановость ФЕ, актуализированная этим приемом, чисто речевая. Двойная актуализация в латышском языке создается за счет столкновения компонентов ФЕ и слов контекста на основе: а) тождества слова и компонента ФЕ; б) синонимии; в) антонимии; г) принадлежности к одной тематической группе;

stāvēt pašam uz savām kājām (стоять на своих ногах)

- Jaunais cilvēks, cik jums gadu? ...

- Astoņpadsmit ...

- Tad jums laiks stāvēt pašam uz savām kājām, nevis uz mānām (M. Birze. Nejaunī noklausīta saruna. Rīga, 1965, lpp. 21);

3) фразеологическая зевгма. Этот прием предусматривает употребление ФЕ в зевгматической конструкции на основе общего лексического элемента, который благодаря семантической двуплановости актуализирует переносное значение ФЕ и прямое значение переменного словосочетания. Отмечена возможность

отсутствия якобы обычного комического эффекта при наличии стилистического эффекта:

saglabāt vēsu prātu (сохранять присутствие духа);

Verieši prata saglabāt vēsu prātu un netricotās rokās
(Sports, 29.10.1985);

4) нарушение стилистической дистрибуции. Сущность этого приема заключается в том, что ФЕ дает такую характеристику объекту, которая ему не свойственна, т.е. это окказиональное расширение диапазона сочетаемости ФЕ. В латышском языке чаще всего неодушевленные предметы, абстрактные понятия включаются в сферу действия ФЕ, обычно характеризующую людей. Обратное явление в латышском языке наблюдается крайне редко.

vadāt kādu aiz deguna (водить за нос);

Drīz atklājās, ka ceļš bija neparasti viltīgs (...)

Čanis saprata, ka ceļš viņu vadājis aiz deguna, un tam vair neklausīja (J.Lapsa. Zirgs, kas naktī zviedz. Rīga, 1985, lpp.831).

2. Структурно-семантические изменения:

1) замена. Прием заключается в замене одного или нескольких традиционных лексических компонентов ФЕ другими словами или словосочетаниями. В латышском языке существуют две разновидности замены: с сохранением структуры ФЕ и с распространением ее. Замены могут быть начальные, средние или конечные, причем последние обычно стилистически более выразительны, так как стилистический эффект замены основан, в первую очередь, на эффекте обманутого ожидания, а сознание читателя подготовлено к восприятию ФЕ ее первыми компонентами. По смысловому изменению замены подразделяются на синонимические, антонимические, тематические и тематически не связанные с компонентом ФЕ. Мы считаем, что антонимическая замена вызывает самый сильный стилистический эффект и в большинстве случаев возникает эффект парадокса, так как ФЕ воспринимается читателем как нечто общепринятое.

kara kurinātājs (поджигатель войны);

Baidities kļuva par goda lietu. "Miera kurinātājs" bija goda nozīmums (Literatūra un Māksla, 17.5.1985);

2) распространение компонентного состава ФЕ. Сущность этого приема сводится к нарушению традиционного количественного состава ФЕ в сторону его увеличения. В традиционную структуру ФЕ включаются слова и словосочетания, которые становятся частью окказионально используемой ФЕ как семантически, так и структурально, модифицируют ее значение, усиливая или уменьшая его, придают ФЕ больше конкретности, приближают к речевой ситуации. В нашем понимании термин "распространение" включает понятие "вклинивание" и "добавление", поскольку позиция не имеет существенного значения. В диссертации рассматриваются функциональное назначение этого приема и наиболее часто употребляемые распространители состава ФЕ.

caļus skaita rudenī (цыплят по осени считают);

Pavasari par to pāragri būtu domāt, jo basketbola sāļus allaž skaita rudenī (Padsimji Jaunatne, 19.3.1985);

3) сокращение компонентного состава ФЕ. Нами выявлено несколько приемов окказионального использования ФЕ, ведущих к сокращению их состава:

а) фразеологический эллипсис - намеренное отсечение отдельных компонентов ФЕ при сохранении семантического стержня выражения;

skabargu cita arī redz, bet balki savā ne
(в чужом глазу видеть соринку, а в своем не видеть бревна);

Ko jūs te runājat, paskatieties kā iet citur. Skabargu redzāt, bet balki neredzāt (A. Dripe. No pievardzīgs optimista pozīcijas. Rīga, 1984, lpp.155).

Этот прием порождает лаконичность выражения и выполняет реминисцентную функцию. Возможно превращение окказионального эллипсиса в эллипсис узуальный;

б) фразеологическое умолчание - намеренный обрыв ФЕ, сопровождающийся стилистическим эффектом недосказанного и имплицитно напоминавший исходную форму.

starp vilkiem dzivojot, kas kā vilka
(с волками жить - по волчьей вить);

Varbūt grandiozajā kinomašīnērijā nemaz nevar citādi strādāt? Starp vilkiem dzivojot ... Muļķības! (J.Larva, Zirgs, kas nakti dzied. Rīga, 1985. lpp.102).

Прием обычно выражен графически (многоточие, тире) и очень распространен в заголовках;

в) фразеологическая аллюзия - ссылка, намек на известную читателю ФЕ. Она осуществляется употреблением в тексте одного или нескольких компонентов ФЕ, имитацией ее структуры или намеком на ее образ;

visi gali ūdenī (все концы в воду);

Pret Dukuli vajadzēšot ierosināt krimināllietu, jo daži kali no ūdens tomēr izvilkti (A.Driņķe. Cietā galva. Rīga, 1970, lpp.134).

В латышском языке наблюдается несколько разновидностей фразеологической аллюзии: фрагментарная, сквозная, описательная;

4) разрыв ФЕ. Этот прием заключается в речевом разъединении состава ФЕ словом или словосочетанием; при этом разъединяющие компоненты не вступают в синтаксическую связь с компонентами ФЕ.

dabūt pa bīksēm (получить по штанам);

Tas nekas, ka dažs uz mums tūstā nīgri prātu, dabūjis vulgāri sakot, pa bīksēm, taču publicistikas prestižam noteikti nāktu par labu (Karogs, 1986, Nr.1, lpp.39).

Хотя структура ФЕ разорвана, но синтаксические связи между ее компонентами и семантическая целостность сохранены. Дистантность расположения компонентов ФЕ порождает экспрессивный эффект и компоненты-разделители придают ФЕ смысловые нюансы, повышают информативность фразеупотребления;

5) окациональное изменение грамматических категорий компонентов ФЕ. В латышском языке нами выделены четыре главных вида этого приема:

а) изменение парадигматической формы прилагательного:
būt uz zala zara (быть в хорошем положении);

Pērn, kad Lietuvas komanda bija uz zilāka zara,
viesi uzvarēja pārliecinoši - 2:0 (Padomju Jaunatne 5.6.
I 1985);

б) изменение числа существительного:
uzlikt punktu uz "i" (поставить точку над "и");

Bet šobrīd, lai saliktu visus punktus uz "i" mūs vēl
gaida pēdēja tikšanās (Padomju Jaunatne 6.6.1985);

в) использование уменьшительной формы существительного,
что характерно для латышского языка:

patiesības grauds (крупица истины);

Ņemot viennozīmīgi apgalvot, vai sievietes vārds
bija kāds graudīņš patiesības (Literatūra un Māksla, 25.10.
1985)

г) изменение части речи компонента ФЕ, проявляющееся,
главным образом, в субстантивизации глагольного компонента:

(dzīvot) ceruri kuldams (хорошо жить);

Mūsu cilvēki, es apgalvoju, aug līdzī padarītajam un ?
z ina, cik tālu esam vēl no "cerures kulšanas" (Zvaigzne,
1986, Nr.1, lpp.7).

Фразеологическая конвергенция.

В отличие от элементарных приемов конвергенция обла-
дает более значительным объемом информации и большей глуби-
ной образности. Например:

tikt uz zala zara (прилично устроиться);

ТТТ Alma-Atā kāpj uz augšu, un tagad jau Abolteva (ta
tulkojumā skan pilnētas nosaukums) dārzā ņemam to, kas
pienākas. Pēc ACSK zaudējuma Minskas "Horizontam" (60:73)
turnīra tabulas koka jau varam sakt spieģāņos pēc zilā-
ka - "otrá zara" (Padomju Jaunatne, 28.12.1984).

Во фразеопотреблении различаются следующие приемы окказио-
нального использования: 1) фразеологическая аллюзия;
2) развернутая метафора; 3) изменение парадигматической
формы прилагательного.

Семантические процессы в фразеопотреблении весьма

сложны, разделить их на приемы можно лишь формально, так как все приемы органически связаны между собой, т.е. фразеологическая конвергенция не является простой суммой составляющих ее стилистических приемов. Таким образом, мы имеем дело с диалектическим законом перехода количественных изменений (3 приема) в качественные (образ не делим на создавшие его приемы). Анализ материала латышского языка показал, что такие приемы, как аллюзия, распространение ФЕ, развернутая метафора, диспонируются к конвергентному использованию.

Анализ материала позволил сделать некоторые выводы о частоте использования приемов окказионального употребления ФЕ (на материале прессы 1985 года):

развернутая метафора	236 (18%)
двойная актуализация	63 (5%)
фразеологическая зевгма	48 (4%)
нарушение стилистической дистрибуции	13 (1%)
замена	156 (12%)
распространение компонентного состава ФЕ ...	377 (29%)
фразеологический эллипсис	52 (4%)
фразеологическое умолчание	104 (8%)
фразеологическая аллюзия	142 (11%)
разрыв ФЕ	50 (4%)
окказиональное изменение грамматических категорий компонентов ФЕ	51 (4%)
<hr/>	
Итого:	1298 (100%)

Элементарные случаи окказионального использования составляют 79%, осложненные - 15%, фразеологическая конвергенция - 6% от общего числа употреблений.

Примерная доля окказионального использования ФЕ в латышской прессе 80-х годов составляет 3-20% от всех фразеупотреблений (на примере газеты "Padomju Lauhatne" в 1945г. - 1%, в 1965г. - 5% и в 1985г. - 19%).

Таким образом, наблюдается выраженная тенденция роста

окказионального использования ФЕ в газетной речи, что в большой мере можно считать показателем развития языка. Такой динамический процесс можно объяснить двумя факторами: во-первых, стремлением авторов повысить экспрессивность и эмоциональность текста, избежать штампов и клише; во-вторых, демократизацией литературного языка, более эластичным подходом к норме употребления ФЕ, так как окказиональное использование ФЕ, объективно предполагается самой сутью ФЕ, существовало в языке народа и перед широким входением в письменный и литературный язык.

Четвертая глава, посвященная окказиональному использованию ФЕ как семантико-стилистической универсалии, рассматривает этот вопрос как гипотезу на основе 5 языков европейского ареала индоевропейской семьи языков (латышского, русского, французского, английского и немецкого). Отмечается, что окказиональное использование ФЕ вытекает из основных свойств ФЕ, что является это объективное, системное, нормативное. Об этом свидетельствуют и традиция перевода, где окказиональное использование обычно сохраняется, и статистические данные.

Под языковой универсалией понимается свойство, присущее всем языкам или языку в целом. Ограниченность исследования позволяет говорить лишь о статистической (неполной) универсалии. Привлечение других языков покажет, является ли универсалия полной или неполной. Гипотеза проиллюстрирована примерами из оригинальных текстов. Вместе с тем не отрицается существование национальных особенностей использования ФЕ в речи, в частности проявляющихся в частоте употребления тех или иных приемов, возможно даже в отсутствии некоторых приемов окказионального использования ФЕ. Так, установлено, что характерным свойством латышского языка является употребление уменьшительной формы существительного, что не наблюдается в других языках. Однако эти особенности не опровергают то общее, что характерно для окказионального употребления ФЕ в разных языках. Общим является сама возможность

окказионального использования ФЕ, основные семантические и структурно-семантические изменения большинства приемов. Возможность окказионального употребления ФЕ является одним из основных условий динамического развития как латышской фразеологии, так и фразеологии других языков.

Основные положения диссертации изложены в следующих статьях:

1. Новые тенденции в использовании фразеологических единиц в заголовках. - В кн.: Неологизмы в лексике, грамматике и фонетике. Рига, 1985. (0,5 п.л.)
2. Окказиональное употребление фразеологических единиц в латышском языке. - В кн.: Вопросы культуры латышского языка. Рига, 1986. (0,7 п.л., на лат. яз.)
3. Заимствование фразеологизмов английского происхождения в латышском языке. - В кн.: Вопросы культуры латышского языка. Рига, 1986. (0,7 п.л., на лат. яз.)
4. Английские идиоматические выражения. Рига, 1986. (3 п.л., в соавторстве)
5. Окказиональное использование фразеологических единиц как семантико-стилистическая универсалия индоевропейских языков. - Изв. АН ЛатвССР, 1986, №10 (1 п.л.)

LATVIJAS PSR ZINATŅU AKADEMIJA
ANDREJA UPĪŠA VALODAS UN LITERATŪRAS INSTITŪTS

Valodas aktualitātes

1986

RĪGA „ZINĀTNE” 1987

Kā zināms, jebkura dzīva valoda nepārtraukti attīstās un atjaunojas. Šie procesi noris visos valodas līmeņos - fonētiskā, gramatikā, leksikā, arī frazeoloģijā. Lai gan frazeoloģija ir it kā konservatīva (frazeologismu sastāvā, piemēram, var pastāvēt vārdi, kas leksiskajā līmenī vairs nepakļaujas literārajai normai: mest plinti krūmos, no "a" līdz "cet", meitu jūnkurs, meitu gēgeris), tomēr tajā ir arī skaitliski ievērojamas inovācijas. Šo apstākli nosaka tas, ka frazeoloģija, tāpat kā leksika, atspoguļo mainīgo dzīves realitāti - jaunu jēdzienu un parādību veidošanos.

Valodas frazeoloģiskā fonda attīstība noris trejādi - veidojoties jaunām frazeologismu struktūrām, mainoties frazeologismu semantikai un frazeologismiem ienākot no citām valodām.¹ Liekas, ka pašreizējā laika periodā un arī prognozējamā nākotnē frazeologismu aizgūšana būs ieguvusi vislielāko nozīmi latviešu frazeoloģijas fonda papildināšanā. Šis raksts vēltis frazeoloģiskajiem aizguvumiem latviešu valodā no angļu valodas.

Pirms apskatām valodu kontaktu un aizgūšanas konkrētās formas, jāatzīmē, ka jēdziens "frazeologisms" tiek traktēts tā plašākajā nozīmē, kas iekļauj gan izvērtos frazeologismus (sakāmvārdus, aforismus, spārnotus izteicienus), gan terminoloģiska rakstura nominatīvas vārdkopas ar diviem galvenajiem nosacījumiem: pirmkārt, frazeologisms ir stabila vārdkopa, otrkārt, vismaz viens tā komponents ir lietots pārnestā vai daļēji pārnestā nozīmē. Šāda koncepcija pašlaik ir dominējošā, un

¹ Sk.: Ра й х ш т е й н А. Д. О сопоставлении фразеологических систем. - Иностранные языки в школе, 1980, № 4, с. II.

to nosaka dažādi apsvērumi.²

Latviešu valoda savas attīstības dažādos laikos ir bijusi kontaktā gan ar somugru valodām, gan ar vācu un krievu valodu.³ Pēdējās, bagātinot latviešu frazeologiju tieši, tas ir, dodot latviešu valodai savu frazeoloģisko materiālu, ir veikušas - un krievu valoda joprojām veic - starpniekvalodas funkcijas. Atšķirībā no minētajām valodām latviešu frazeoloģiskie aizguvumi no angļu valodas ir samērā jauna parādība, jo par to plašāku ieplūšanu latviešu valodā var runāt, tikai sākot ar 20. gs. Šie aizguvumi pagaidām nav arī pētīti. Pašreizējā laikposmā angļu frazeologija tiek aizgūta kļ. tieši, tā ar krievu valodas starpniecību, par ko liecina arī fakts, ka visiem angļu frazeoloģismiem, kas aizgūti latviešu valodā, ir arī atbilstoši aizguvumi krievu valodā.

Neraugoties uz to, ka angļu valoda ir vadošā svešvaloda Latvijas skolās, runāt par angļu-latviešu divvalodību būtu nepareizi, jo nepastāv tieša saskare starp plašām abu valodu lietotāju masām. Tātad ir individuāla divvalodība - valodu kontaktu uztur atsevišķas cilvēku grupas, piemēram, tulkotāji, starptautiskie komentētāji, žurnālisti u. c. Novērojumi liecina, ka frazeoloģisko aizguvumu vairākums pirmo reizi parādās un arī nostiprinās publicistikā, it īpaši starptautiskās politikas un sporta sfērā - tātad tieši tur, kur kontakti ar angļu valodu kā vadošo pasaules masu informācijas līdzekļu valodu ir visciešākie.

Pievēršoties konkrētiem aizguvumu tiptiem, jāatzīmē, ka tādi ir četri.

² Sk.: Чернышева И. И. Актуальные проблемы фразеологии. - Вопросы языкознания, 1977, № 5, с. 42.

³ Sk.: Rūķe-Draviņa V. Diachronic Changes in Latvian Phraseology. - Grām.: IV Vissavienības baltistu konference. R., 1980, 74. lpp.

Pirmkārt, netulkotie aizguvumi jeb frazeologiskie aizguvumi ar pilnu fonogrāfisko atbilstību oriģinālam. Pastāv diezgan stabila, lai arī neliela, šo aizguvumu kopa, ko samērā bieži lieto daļlīteratūrā un publicistikā, piemēram: to be or not to be, fifty fifty, better late than never, last but not least, happy end, common sense, deeds not words, high life, Stars and Stripes, Union Jack, fair play, self made man, heavy metal, know how u. c. Šī organizācija pārstāv Padomju Savienības izgudrotājus, uzņēmumus un pētniecības institūtus licenču un "know - how" pasaules tirgū. (Padomju Jaunatne, 1986, 29. janv.) Šo aizguvumu skaits palielinās lēni, taču nevar runāt par to izžušanu vai pilnīgu aizstāšanu ar citiem aizguvumu tiem. Aizguvumi pilnīgi atbilst to oriģināliem, zināmu eksotisma nokrāsu piešķir pats aizgūšanas veids. Relatīvi daudz vairāk šī tipa aizguvumu ir no latīņu valodas, arī no franču un itāļu valodas.

Otrkārt, frazeologismi ar daļējiem fonogrāfiskiem pārveidojumiem. Šādi pārveidojumi palīdz frazeologismus labāk iesaistīt latviešu valodā. Tīru šī tipa aizguvumu ir ļoti maz, piemēram, Džons Buls (no angļu John Bull) 'jebkurš anglis', Šerloks Holmsa (no angļu Sherlock Holmes) 'detektīvs', fortūnas džentlmeņi (no angļu gentlemen of fortune), kā arī leksikalizētie angļu frazeologismi: Flitstrīta (no Fleet Street) 'angļu avīzes', Volstrīta (no Wall Street) 'amerikāņu finansu aprindas', Skotlendjards (no Scotland Yard) 'angļu policija, kriminalizmeklētāji' u. c. Skolotājs laikam ir Šerloks Holms, jo bieži vien kāds uzdod jautājumu: kur ir jūsu audzēknis? (Padomju Jaunatne, 1985, 5. okt.)

Treškārt, frazeologiskie puskaiki, kas iekļauj savā sastāvā kā kalkošanas elementu, tā arī elementu, kurš aizgūts ar daļējam fonogrāfiskām izmaiņām, pie tam pēdējais rodas nepārtulkojamības gadījumā. Šo nepārtulkojamību izraisa ipašvārds frazeologisma sastāvā, svešzemju vidē raksturīgi jēdzieni, piemēram, tēvocis Sems (no uncle Sam), linča tiesa (no Lynch law), pēdējais mohikānis (no the last of the Mohicans), Mērfija likums (no Murphy's law), bita paaudze (no the beat ge-

neration), rēdīt SOS signālus (no to ~~sent~~ SOS calls) u. c. Tēvocis Sems Baltajā namā arī mīl uzjautrināties. (B. Arklāns. Kāda balss, tāda atbalss. R., 1967, 7. lpp.)

Un ceturtais frazeoloģisko aizguvumu tips - frazeoloģiskie kalki. Frazeoloģiskā kalkošana neapšaubāmi ir visbiežāk izmantotais aizgūšanas paveids, un frazeoloģisko kalku skaits veido ap 90 procentu no kopējā aizgūto frazeoloģismu skaita. Kalkošana ir frazeoloģisma leksisko vienību burtisks tulkojums, aizstājot tas frazeoloģisma struktūrā ar atbilstošiem latviešu valodas komponentiem. Šī iemesla dēļ tādi frazeoloģismi kā džungļu likums (no angļu jungle law), dzeltenā prese (no yellow press), ānu kabinets (no shadow cabinet) uzskatāmi nevis par puskalkiem, bet gan par pilnīgiem frazeoloģiskiem kalkiem, jo to komponenti latviešu valodā funkcionē kā patstāvīgas leksiskās vienības.

Tā kā kalkošana saduras divas tendences, proti, frazeoloģisma modeļa īpatnību saglabāšana un piemērošanās jaunās valodas likumiem, tad var rasties dažādas novirzes no burtiska tulkojuma, izmaiņas laika gaitā un citi dinamiski procesi. Aizgūšanā frazeoloģisms it kā iziet divas fāzes: pirmkārt, tā ir frazeoloģisma parādīšanās jeb okacionālā lietošana, otrkārt, frazeoloģisma nostiprināšanās valodā. Dažiem frazeoloģismiem, kas valodā jau nostiprinājušies un ko akceptējuši lingvisti, laiku pa laikam blakus parādās jauni - "uzlaboti" kalki. Tā, piemēram, angļu frazeoloģismam brain drain latviešu valodā atbilst kalks smadzeņu aizplūšana: Tai nav viennozīmīga vērtējuma, jo civilo pētījumu programma gan aicināta pasargāt Rietumeiropu no smadzeņu aizplūšanas pāri okeānam, gan no tehniskās atpalicības. (Padomju Jaunatne, 1986, 1. janv.) Sastopams arī kalks smadzeņu pārsūkņēšana, kas uzsver šī procesa organizēto raksturu: Šī "smadzeņu pārsūkņēšana" Amerikai dod vismaz divkāršu la. mu. (J. Porietis. Kāda bijī, kāda esi, Amerika? R., 1972, 23. lpp.) Bet tādi kalki kā smadzeņu noplūde (Ciga, 1985, 29. maijs) un smadzeņu pārplūde (Padomju Jaunatne, 1985, 25. dec.) uzskatāmi par kļūdainiem.

Latviešu valodā jau nostabilizējies angļu saliktega brainwashing frazeologiskais kalks smadzeņu skalošana: Baltais nams vienlaikus iesaistījās ASV informācijas agentūru (USIA) citu valstu sabiedrības "smadzeņu skalošanas" kampaņā. (Padomju Jaunatne, 1985, 19. sept.) Tāpēc pārsteidzoši ir avi-
 žu slejās ieraudzīt jaunveidojumu - smadzeņu mazgāšana: Padomju iekārtas diskreditēšana, idejiskā demoralizēšana, "smadzeņu mazgāšana" ir tie mērķi, kuriem kalpo BBC krievu programmu scenāriji. (Padomju Jaunatne, 1985, 7. sept.)

Divi varianti eksistēja arī frazeologismam Star Wars - zvaigžņu karš un zvaigžņu kari -, taču pēdējais, kas atbilst angļu oriģinālam, pakāpeniski nostiprinājās kā pareizais.

Interesanta ir arī frazeologisma the quiet American kal-
 košanas vēsture. G. Grīna romāns latviski, kā zināms, tika pārtulkots kā "Rāmāis amerikānis", bet šāds traktējums neatbilst frazeologismā ietvertajai jēgai - 'maskējies terorists'. Tāpēc, lietojot šo vārdkopu kā frazeologismu, vārds "rāmāis" tiek aizstāts ar atbilstošāku apzīmētāju - "klusais". Liekas, ka zināma nozīme ir bijusi arī krievu valodas ietekmei.

No angļu valodas aizgūtās frazeoloģijas fondu veido divas samērā atšķirīgas frazeoloģismu grupas. Pirmkārt jāmin komunikatīva rakstura frazeoloģiskie kalki - parunas, sakām-vārdi, spārnoti izteicieni, verbāli frazeoloģismi, piemēram: turēt sausu pulveri (no to keep one's powder dry), laiks ir nauda (no time is money), sist zem jostasvieta (no to hit below the belt), dot zaļo gaismu (no to give something the green light), kas maksā, tas pasūta mūziku (no he who pays the piper calls the music) u. c. Šādu izvērstu komunikatīvu frazeoloģismu no angļu valodas aizgūts samērā maz.

Apjoma un nozīmes ziņā daudz svarīgāka ir terminoloģiski nominatīvo frazeoloģismu grupa, kas ļoti strauji papildinās ar jauniem aizguvumiem. Šai sakarā izvirzās jautājums par termina un frazeoloģijas attiecībām. Šie jēdzieni it kā izslēdz viens otru, jo ideālam terminam nepiemīt ekspresivitāte un metaforiska daba. Tomēr novērojumi ir parādījuši, ka eksistē virkne saliktu terminu, kam piemīt metaforiska daba, sevišķi

kas attiecas uz sabiedriski politisko terminologiju. Turklāt terminu ar frazeologismu vieno to stabilitāte. Kā piemērus varētu minēt šādus angļu frazeologismu kalkus: lielās rungas politika (no big stick policy), dunča un apmetņa bruņinieki (no cloak and dagger knights), treknais runcis (no a fat cat), zilā berete (no the blue beret), zaļā berete (no the green beret), lidojošais šķivītis (no a flying saucer) u. c. Tātad pastāv frazeoloģismi, kas ir reizē arī salikti termini.

Ir arī grupa frazeoloģismu, kas izveidojušies no saliktiem terminiem, kuriem nav piemītusi pārnesta nozīme. Sakarā ar to, ka daudzas terminoloģijas sfēras kļūst plaši zināmas, termini ieplūst tādās sfērās, ar ko tiem agrāk nav bijis nekāda sakara, tātad termins frazeoloģizējas, lai gan saglabā arī savu terminoloģisko nozīmi. Bieža termina lietošana nostiprina tā frazeoloģisko raksturu, piemēram, kalks sist (sitieni) zem jostasvietas latviešu valodā tiek galvenokārt lietots tieši pārnestā nozīmē, nevis tā sportiskās izcelsmes nozīmē: Varbūt to varētu vērtēt kā sitienu zem jostasvietas, taču jādomā, ka izdevējs apspriedies ar juristiem. (M. Birze. Lai atgrieztos. R., 1984, 186. lpp.) Tādas pašas pārmaiņas notiek frazeoloģismā aukstais karš, kas kalkots no angļu the cold war: Tā kā Diānas un Arga attiecības ievirzījušās aukstā kara gultnē (satiekoties darbavietā, ārēju pieklājību abi gan vēl saglabā), Diānai gribas atgūt monopoltiesības... (Liesma, 1986, Nr. 1, 11. lpp.)

Aizgūtai frazeoloģijai ir raksturīga frazeoloģisma vispārīnāšana jau pašā aizgūšanas sākumā. Tā, piemēram, angļu frazeoloģisms a dark horse (tumšais zirdziņš) izgājis garu attīstības ceļu no speciālā žargona (1860. g.) caur sarunvalodu (1900. g.) līdz literārajai valodai (ap 1940. g.). Paralēli šim procesam mainījušies arī frazeoloģisma semantika - pirmā nozīme 'nepazīstams zirga skriešanās sacīkstēs', otrā 'nepazīstams kandidāts prezidenta vēlēšanās ASV' un trešā - visplašākā - 'jebkāds nepazīstams kandidāts'. Pārgemot frazeoloģismu latviešu valodā, tika aizgūta tā visplašākā nozīme, kas aptvēra visas minētās sfēras: Trijās nedēļās no ne-

pazīstama "tumšā zirdziņa" līdz valets izlases dalībniekam. (Sports, 1985, 22. sept.) Starptautiskajā olimpiskajā komitejā Birmingemū dāvā par "tumšo zirdziņu". (Padomju Jaunatne, 1985, 24. maijs)

Vēl sarežģītāku ceļu nogājis frazeologisms iron ledy (dzelze lēdija). Tā Lielbritānijas premjerministri 1976. gadā 23. janvārī nodāvēja padomju laikraksts "Krasnaja zvezda". Acīmredzama ir asociācija ar krievu valodā tik populāro apzīmējumu dzelzs kanclers. Taču liekas, ka šāds apzīmējums tā arī paliktu okazonāla paradība, ja tā paša gada 31. janvārī pati M. Tečere to nepieņemtu kā pagodinošu titulu, kas ļoti strauji ieviesās angļu valodā un pēc tam tika kalkots arī citās valodās: Par "dzelzs lēdiju" dēvētā premjerministre ārpolitikā kā pamatvirzienus izvēlējās. (Cipa, 1985, 27. apr.) Bieža šī frazeologisma lietošana novedusi pie otrreizējās frazeologizācijas sliekšņa: Matemātikā mums bija stingra skolotāja, ista "dzelzs lēdija": (Padomju Jaunatne, 1985, 4. maijs.)

Aizgūšana var ietekmēt arī jau latviešu valodā pastāvošas vārdkopas. Tā, piemēram, angļu vārdkopai one way road ir ne tikai tiešā nozīme - 'vienvirziena ceļš', bet arī frazeoloģiskā nozīme - ' kaut kas tāds, kas izdevīgs tikai vienai pusei'. Šo frazeoloģisko nozīmi bieži lieto arī mūsu politiskie komentētāji: "Vienvirziena ceļš" versijas uzdevums ir ne tikai viltot agresoru neveiksmju cēloņus un progresīvo spēku panākumu istas avotus, bet arī sagatavot atkāpi no normalizācijas māģistrāles. (Planētas pulss 1976. R., 1977, 59. lpp.) Šajā frazeoloģiskajā kalkā it kā krustojas divi frazeoloģijas atjaunošanas papēmieni - jaunas nozīmes veidošana un aizgūšana.

Dinamika novērojama arī aizgūvumu tipu starpā. Gandrīz visiem pirmās grupas aizgūvumiem, t. i., aizgūvumiem ar pilnu fonogrāfisko atbilstību oriģinālam, ar laiku izveidojas arī frazeoloģiskie kalki, piemēram, būt vai nebūt, dzīve nav rožu dārzs, laiks ir nauda, tīra spēle u. c., vai arī citu aizgūvumu tipu paralēles.

Aizgūtā frazeoloģija nav statiska, tajā novērojamas tādādas parādības kā determinologizācija, nozīmes vispārināšana, frazeoloģismu varianti, otrreizējā frazeologizācija, viena frazeoloģisma dažādi aizgūšanas paveidi u. c. Šīs parādības skar frazeoloģismus kā valodas vienības.

Citi procesi frazeoloģijā noris tās lietošanas sfērā jeb funkcionēšanā. Konkrēti runa ir par aizgūtās frazeoloģijas okazonālu lietošanu tekstā, t. i., par mērķtiecīgu frazeoloģismu struktūras un semantikas izmaiņšanu kontekstā, lai radītu stilistiski spēcīgāku iespaidu. Šī parādība ir svarīga tai aspektā, ka liecina par aizgūtas frazeoloģijas asimilizāciju latviešu valodā, jo nevar apspēlēt frazeoloģismus, kas valodā vēl nav nostiprinājušies.

Šī parādība norāda arī uz to, ka funkcionēšanā nav būtisku atšķirību starp nacionālo un aizgūto frazeoloģiju. Aizgūtā frazeoloģija atklaujas tiem pašiem okazonālo izmaiņu pamatprincipiem kā latviskas cilmes frazeoloģija, piemēram, elipse frazeoloģiskajā vārdkopā vecā labā Anglija: Jā, bet kā tad tas nācis, ka "vecās labās" idillisko mieru iztraucējuši šie krāpains miljoni? (Liesma, 1982, Nr. 6, 25. lpp.)

Iespējama arī metaforas izvērsšana, piemēram, frazeoloģismā puķu paaudze: Pēc tam kad septiņdesmito gadu vidū nobīra pēdējās "puķu paaudzes" ziedlapiņas, kad izbalēja tās spilgtās krāsas, ieskanējās lirisks refrēns. (Literatūra un Māksla, 1986, 10. janv.) Nākamajā piemērā izvērts frazeoloģisms tumšais zirdziņš: Lai nokļūtu uz platāka ceļa, Rīgas "Celtņieka" meistarkomandai vispirms vajadzēja savaldīt un tad arī apsegt (lasi - uzvarēt) pirmās līgas "tumšo zirdziņu" - Voroņežas vienību "Atoms". Jāteic, ka zirdziņš (viņš ir arī līgas debitants) bija ne vien tumšs, bet arī ne sevišķi kautrīgs un droši auļoja turp, kurp "visu atzītie" līderi... (Padomju Jaunatne, 1985, 26. febr.)

Iespējama arī frazeoloģisma literarizācija - visa frazeoloģisma vai tā komponentu tiešās nozīmes "atdzīvināšana", piemēram, frazeoloģismā trešais grozs: Tā sauktais trešais grozs nav domāts politiskiem vančakiem un mieram naidīgiem

humānistiem. (Dzimtenes Balss, 1985, 25. jūl.)

Bieži sastopama arī frazeologismu paplašināšana, piemēram, frazeologismā sēdēt (būt) vienā laivā: Tādas nebūt ne mazas valsts kā VFR pārstāvis reiz izteicās, ka sēdēt ar ASV vienā "valītas laivā" ir tas pats, kas atrasties tur kopā ar ziloni. (A. Apikins. Dzeltēnais sātans. R., 1982, 156. lpp.)

Nobeigumā varam secināt, ka aizgūtā frazeologija veido ļoti sarežģītu un dinamisku sistēmu, pie tam dinamika izpaužas gan aizcušanas procesā, gan frazeologismu lietošanā.

Министерство высшего и среднего специального
образования Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. П.Стучки
Кафедра немецкой филологии

СИСТЕМНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ЯЗЫКА

Межвузовский сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1987

в организации всего текста показывает, что в качестве структурного элемента сюжета и композиции перспекция не играет почти никакой роли. Во-первых, перспекция вообще не такое уж частое явление в художественном тексте, а если она и присутствует, то на разбросанных перспективных событиях трудно составить самостоятельный сюжет, развернутый во времени и пространстве, как это можно сделать с ретроспекцией. Во-вторых, сверхфразовая перспекция, представляющая собой самостоятельный сюжетный пласт, встречается чрезвычайно редко.

Асимметричность оппозиции ретроспекции и перспективы проявляется также в отношении этих категорий к полю модальности. Последование этих категорий в рамках формы индикатива показывает, что ретроспекция связана с модальностью действительности. Что же касается перспективы, то она, даже будучи выраженной формами индикатива, во многих случаях сопрягается с полем недействительности. Такова прежде всего абсолютная перспекция, которая передает еще не реализованные события, гипотетические, ожидаемые. Они располагаются в широком диапазоне модальности, включающем и модальность действительности (реальность предстоящих событий связанных с внутренней логикой развития происходящего или с точным знанием предстоящего, поддержанным фоновыми знаниями рассказчика и читателя), и различные оттенки и модификации модальности недействительности (потенциальная модальность, модальность предположения).

Литература

1. Fünfundszig Erzähler der DDR. - Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1981.-Bd.I.
2. Deutsche Literatur des 20. Jahrhunderts. - Berlin: Neues Leben, 1977.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛЬНО
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(на материале перевода с английского на
латышский)

Проблема перевода окказионально использованных фразеологических единиц (ФЕ) представляет научный и практический интерес. Особенно большую важность она приобретает в связи с трудностями перевода. Хотя перевод окказионально использованных ФЕ нашего сложнее, чем примененных узуально, однако в теории перевода этому вопросу отводится весьма незначительное место. Этот вопрос рассматривается также во фразеологической стилистике, где изучены отдельные приемы окказионального использования с точки зрения их переводимости [Шадрин 1969, 22]. Между тем растущее число переводов, некачественный перевод ФЕ, измененных автором, обуславливает важность теоретического рассмотрения этого вопроса.

Под окказиональным использованием ФЕ мы понимаем целенаправленное изменение семантики или структуры и семантики ФЕ в контексте, например:

to kill two birds with one stone

George Shultz, the incoming United States Secretary of State, should pursue a rapprochement with Cuba if he is interested in killing two birds (both albatrosses) with one diplomatic stone. (The Globe and Mail, 22.7.1982)

Окказиональное использование ФЕ обусловлено стремлением лучшего введения ФЕ в текст и достижения большей выразительности, оно возможно благодаря таким свойствам ФЕ, как раздельнооформленность и семантическая двуплановость. Эти свойства могут использоваться при окказиональном использовании, создавая яркий стилистический эффект, который рождается в результате несовпадения узуальной формы ФЕ (в памяти человека) и ее окказионального использования. Сумес-

твует под приемов окказионального использования, при помощи которых можно разными способами "обрабатывать" ФЕ, а также комбинировать эти приемы в одном фразеупотреблении.

Перевод окказионально использованные ФЕ с одного языка на другой, переводчики обычно стараются сохранить окказиональность - это теоретический идеал переводчика [Влахов 1980, 310]. Возможность этого, с нашей точки зрения, кроется в том факте, что окказиональное использование ФЕ - явление распространенное во всех языках, т.е. явление универсальное [Вейсбергер 1986]. Кроме универсальности самого явления, совпадают и стилистические функции большинства приемов, что позволяет в большой мере сохранить их при переводе, хотя и это не обязательно - хорошие результаты дает и замена одного приема другим.

В отношении визуального использования ФЕ большинство лингвистов [Влахов 1980], [Рейцкер 1974], [Крупнов 1976], [Surger 1973], [Koller 1972], [Kade 1976] сходятся на существовании следующих способов передачи ФЕ на другой язык:

- 1) полное сохранение иноязычного образа, т.е. фразеологический эквивалент;
- 2) частичные изменения образа ФЕ, т.е. аналог;
- 3) полная замена образа ФЕ;
- 4) нефразеологический перевод, т.е. снятие образности;
- 5) фразеологическое калькирование.

Термин "фразеологическое калькирование" нам представляется неудовлетворительным, так как он служит и для обозначения заимствованных ФЕ. Более точным является термин "окказиональное фразеологическое калькирование", предложенный [Р.П.Зоривчак 1976]

Из указанных пяти способов четыре сохраняют фразеологизм как таковой и поэтому более предпочтительны, чем нефразеологический перевод.

Перечисленные выше способы применяются и при переводе окказионально использованных ФЕ, что и будет рассмотрено ниже.

QE обычно сохранить окказиональное использование не трудно, например:

the seven deadly sins

Beer, the Bible and the seven deadly virtues have made our England what she is! (Wilde O. The Picture of Dorian Gray.- London, 1980.-P.182)

septiņi nāves grēki

Alus, bibele un septiņi nāves tikumi ir padarījuši Angliju par to, kas tā ir. Veilids O. Doriāna Grēja gīmetne.- Rīga, 1976.- 211 lpp.

Замена компонента QE легко поддается переводу.

2. При переводе QE аналогом, окказиональное использование иногда может быть воспроизведено легко, например:

a lame duck

Two little lame ducks - charming, callow, yellow little ducks! (Galsworthy J. To Let.-M., 1976.-P.107)

nelaimas putns

Divi mazi "nelaimas putniņi" - brīnišķīgi, vēl ar pīcīgu draudzību dzelteni, mazi pīlēņi. Golsvertijs Dž. Izīrējams.-Rīga, 1961. - 126 lpp.

а иногда аналог "сопротивляется" окказиональному использованию, и надо прибегать к другим способам перевода, часто к окказиональному калькированию. Например, английская QE to be boggy with a silver spoon in the mouth имеет аналог в латышском языке piedziņt krokliņa. Однако в следующем контексте эта латышская QE не поддается окказиональному использованию идентичному английскому оригиналу:

England with the silver spoon in her mouth and no longer the toothy, greedy, ill-natured, vulgar, will to part with it. (Galsworthy J. The Silver Spoon.-M., 1976.-P.68)

Из-за этого переводчик окказионально калькирует QE и воспроизводит прием развернутой метафоры:

Anglija ar sudraba karoti mutē! Zobu viņai vairs nav, lai karoti zaturētu, bet nav arī gribas šķirties no tā. Golsvertijs Dž. Sudraba karote.-Rīga, 1977. - 70 lpp.

3. Замена образа обычно влечет за собой замену окказионального использования, что требует от переводчика большой находчивости и творческого подхода. Такую замену образа ФЕ и приема последующей двойной актуализации переводчик осуществил в романе О.Уайльда "Портрет Дориана Грея":

to throw one's bonnet over the mills

"I know, my dear, I should have fallen madly in love with you", she used to say, "and thrown my bonnet right over the mills for your sake. As it was, our bonnets were so unbecoming and the mills were so occupied by trying to raise the wind, that I never had even a flirtation with anybody". (Wilde O.The Picture of Dorian Gray.-London,1980.-P.163 - 164)

galīgi zaudēt galvu

- Es zinu, mans mīļais, ka es noprātīgi jūs iemīlētu, - viņa sacīja, - un jūsu dēļ, kā mēdz teikt, galīgi galvu zaudētu. Laime, ka toreiz par jums neviens nekā nezināja, citādi man nebūtu kur uzlikt cepuri, un, tā kā mūsu galvas ir domātas tikai cepurēm, tad es ne ar vienu netiku flirtējuši. Vaļds O.Doriana Greja gīmetne.-Rīga,1976.-191 lpp.

Замена образа ФЕ привела к замене всего контекста, который в латышском языке очень далек в смысловом отношении от оригинала. Тем не менее сохранено окказиональное использование ФЕ, яркий стилистический эффект, порожденный обыгрыванием ФЕ, остроумие, что в данном случае является главным, так как адекватность перевода определяется не на уровне слов или даже предложений, а на уровне всего текста.

4. Нефразеологический перевод ФЕ автоматически снимает и возможность передачи окказионального использования и является крайне нежелательным.

Так английская ФЕ a skeleton in the cupboard не имеет фразеологического эквивалента или аналога в латышском языке и обычно переводится лексическими средствами. Однако в следующем примере двойной актуализации, такой подход был бы очень нежелателен:

"I can just remember her. She's the skeleton in the family cupboard, isn't she? And they are such fun". /.../

"She wasn't such of a skeleton as I remember her, murmured Euphonia, "extremely well covered". (Galsworthy J. In Character.-M., 1975.-P.169)

Поэтому переводчик переводит ФЕ occasionальной калькой с пояснением, что позволяет сохранить яркий эффект двойной актуализации:

- Es viņa tik tikko vēl abscecos. Viņa ir mūsu ģimenes kaste, par kuru nerunā, vai ne? Bet tas ir tik interesanti! /.../

- Cik man atnācā, rēgu viņa no sevišķi atgādināja, - nomurmināja Jufimija, - foršas viņai bija gluži apalģas. Golsverzijs Dž. Cilpā. - Rīga, 1961. - 196 lpp.

5. Итак, при переводе occasionально использованной ФЕ возрастает роль occasionального калькирования, которое можно применять не только при отсутствии других возможностей перевода ФЕ, но как уже указывалось, и при трудностях перевода occasionального использования ФЕ:

too many cooks spoil the broth

Floyd's head was lost in the tool-box, but her voice was heard saying: "Too many cooks, better let me. (Galsworthy J. Maid in Waiting. - M., 1960. - P.224).

Flēras galva bija nozudusi instrumentu kastē, taču bija dzirdams, ka viņa saka: "Kur daudz pavāru, tur ēdiens piedēgi ļaujiet man vienai". Golsverzijs Dž. Meitene gaida.- Rīga, 1978.- 211 lpp.

В этой связи нам представляется, что опасение некоторых лингвистов в отношении калькирования ФЕ в какой-то мере преувеличены. Occasionальное фразеологическое калькирование (конечно артистически и лингвистически удачное) не только приемлемо, но и в ряде случаев неизбежно. К тому же нельзя отрицать, что какая-то часть occasionально калькированных ФЕ со временем входит в национальный фонд фразеологии языка перевода, а заимствование ФЕ - явление объективное, свидетельствующее о развитии языка.

Последний пример примечателен еще в одном аспекте. Наши наблюдения показали, что при приемах окказионального сокращения состава ФЕ в латышских переводах очень часто дается полная форма ФЕ, что означает, что снимается окказиональное использование ФЕ. Например:

let sleeping dogs lie

Goazes frowned, "I'm not sure", he said, "that sloeping dogs! Well, I'm on my way there now". (Galsworthy J. The White Monkey.-M., 1976.-P.206)

modināt gulošu lauvu

Somsa sarauca pīri. - Neesmu pārliecināts, vai vajadzētu modināt gulošu lauvu ... Nu, kas būs - būs, es pašlaik eju uz tūrieni. Golsverzija DŽ. Baltais pērtiķis.-Rīga, 1977. - 208 lpp.

В случае сокращения ФЕ, которую переводчик окказионально калькирует, - это понятно, поскольку читатель может и не понять незнакомой ему фразы. Если такая ФЕ в контексте имеет большее значение, чем ее окказиональное использование, такой подход оправдан, но в последнем примере сокращение фразеологизма стилистически важно, а ФЕ (аналог английской) хорошо известна латышскому читателю и снятие окказионального использования нам представляется нецелесообразным. Является ли такая тенденция следствием различий в популярности окказионального использования ФЕ (в английском языке это явление более распространенное), или субъективно детерминирована опасением, что читатель не поймет сокращенную форму ФЕ - пока еще вопрос нерешенный.

И, наконец, при невозможности сохранения ФЕ существует возможность переноса ее в текст в более удобное для перевода место, что допускается принципом компенсации [Бархударов 1975, 239], поскольку адекватность перевода оригиналу определяется на уровне всего текста. К сожалению, переводчики почти не используют этот метод в практике.

Вопросы перевода окказионального использования ФЕ еще далеки от полного решения и, конечно, подойдут к ним еще ближе при самом переводе было бы ошибкой. Тем не менее

некоторые теоретические выводы, ими представляется, могли бы содействовать лучшему переводу окказионального использования ФЕ.

Литература

1. Шадрин Н.Л. Перевод контекстуально преобразованных фразеологических единиц как семантико-стилистическая проблема: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1969.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. - М., 1980.
3. Вейсбургс А.Г. Окказиональное использование фразеологических единиц как семантико-стилистическая универсалия индоевропейских языков // Извест. АН Латв. ССР, 1986. - № 10. - С. 121 - 129.
4. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. - М., 1974. - С. 145 - 169.
5. Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика. - М., 1976. - С. 118 - 135.
6. Burgor H. Idiomatik des Deutschen. - Tübingen, 1973. - S. 100 - 104.
7. Koller W. Grundprobleme der Übersetzungstheorie. - Bern und München, 1972. - S. 170 - 173.
8. Kade O. Phraseologismen als Übersetzungsproblem. // Aktuelle Probleme der Phraseologie. - Leipzig, 1976. - S. 49 - 62.
9. Зоричак Р.П. Фразеология писателя как проблема перевода /на материале переводов поэтических произведений Т.Г. Шевченко на английский язык/. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Киев, 1976.
10. Бархударов Л.С. Язык и перевод. - М., 1975.

**АКАДЕМИЯ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. УПИТА**

**КРИТЕРИИ НОРМАТИВНОСТИ
В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ
И ТЕРМИНОЛОГИИ**

**Тезисы докладов и сообщений
регионального теоретико-методологического
семинара
20–21 октября 1987 года**

РИГА 1987

А. Вейсберге (Рига)

ПРОБЛЕМА НОРМЫ В РАЗНЫХ АСПЕКТАХ ЛАТЫШСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Фразеология представляет собой живую динамическую развивающуюся подсистему языка. Ее синхронное, кажущееся статичным, состояние — результат диахронического развития, которое ни на один момент не прекращается.

Под фразеологизмом подразумевается относительно устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением.

С точки зрения нормативности фразеологию можно рассмотреть по крайней мере в трех аспектах:

- 1) нормативность фразеологизма с точки зрения архаического и нового, т.е. с точки зрения развития языка,
- 2) нормативность с точки зрения стиля (жаргон, просторечие, разговорный язык, клише, поэтическая речь),
- 3) нормативность с точки зрения употребления фразеологизма.

Обновление фразеологического фонда идет или за счет внутренних ресурсов языка (главным образом это переосмысление устойчивых фраз) или за счет заимствования из других языков.

Заимствование фразеологии происходит главным образом с русского и английского языков. С русского языка заимствуются фразеологизмы разговорного и публицистического характера, они часто неприемлемы с точки зрения нормы литературного языка, так как дублируют латышские фразы или уже закрепившиеся формы выражения, например: but pie sevis, kruķit baranku, pieņemt vāgus.

С английского языка заимствуется преимущественно политическая фразеология, которая часто расширяет свою дистрибуцию и генерализуется.

Сотворение новых фразеологизмов за счет внутренних ресурсов происходит главным образом двумя путями: 1) терминологические сочетания обретают переосмысленность и входят в литературный язык (главным образом в публицистику), напри-

мер: kaķes reakcija, pārņemst stafeti; 2) разговорные фразы постепенно входят в литературный язык, например: sadzīt gri-
da, iet karsti, karāties gaisā. Первый путь представляет со-
бой переход единицы из сферы терминологии в литературный
язык, не нарушая его нормы. К тому же, это процесс постепен-
ный и часто длительный. Второй процесс тоже является объек-
тивным и отражает демократизацию литературного языка. Конеч-
но, в фразеологизмах разговорного языка и просторечия сущес-
твуют элементы, которые не всегда можно считать нормативными
для литературного языка, например: runāt pa ģēlu, iedot pa
feisu. Хотя такие фразеологизмы появляются и в письменных ис-
точниках, например: Es nešķraidu pa ielām, nedauzu spuldzes,
neizdzenu moskvicišus, nedodu kādam pa feisu. (Cīņa, 16.5.
1985.) Paģājušajā nedēļā tepat parkā mēs vienam vadevām pa
feisu. (Liesma, 11.1986.), для нормы литературного языка
они неприемлемы, так как дублируют латышские нормативные вы-
ражения.

Следует различать языковую и речевую норму в фразеоло-
гии. Это касается употребления фразеологизмов. В речи фразео-
логизмы употребляются и как языковые единицы, и как речевые
единицы, что допускает большие отклонения от языковой нормы.
Такие отклонения следует считать речевой нормой, ибо они
определены особенностями фразеологии и языковыми приемами
употребления фразеологии, которые носят системный характер,
например: Piena pres... papīra krasti jeb vēlreiz par skolu
sēnīcām. (Rīgas Balss, 27.1.1986.) Bet vai ķīmijas specia-
l'zācījas skolu godam "kantēs" tomēr nav pārāk apaļas kļu-
vušas? (Padomju Jaunatne, 18.5.1985.)

Происходящая демократизация литературного языка ведет к
более эластичному подходу к норме употребления фразеологии.
Это открывает большие экспрессивные и эмоциональные возмож-
ности использования фразеологии.

A. Veisbergs

**ANGLO-LATVIAN PHRASEOLOGICAL
BORROWING**

Latvijas PSR Augstākās un vidējās speciālās
izglītības ministrija
Ar Darba Sarkanā Karoga ordeni apbalvotā
Pētera Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Angļu filoloģijas katedra

A.Veisbergs

ANGLO - LATVIAN PHRASEOLOGICAL BORROWING

Apstiprināts ar P.Stučkas LVS
Izdevniecības padomes lēmumu
par mācību līdzekli

P.Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Rīga 1988

Vaisbergs A. Anglo - Latvian Phraseological Borrowings:
Māc.līdz. - Rīga: P.Stučkas IVU, 1988. - 52 lpp.

Mācību līdzekļi atspoguļotas angļu frazeoloģijas aizgūšanas problēmas latviešu valodā. Izstrādāta aizgūvumu klasifikācija, frazeoloģiskās aizgūšanas terminoloģija. Aplūkoti aizgūšanas periodi, sfēras, dažādas transformācijas aizgūšanas gaitā un citi aspekti.

Mācību līdzeklis paredzēts Svešvalodu fakultātes angļu valodas un literatūras studentiem speckursu "Frazeoloģija" un "Valodu kontakti" apguvei. Izmantojams arī leksikoloģijas un vispārējās valodniecības kursus, kā arī individuālajā darbā.

Настоящее учебное пособие представляет собой теоретический обзор главных проблем заимствования английской фразеологии в латышском языке. Разработана терминология заимствования, определены ее фазы, способы, главные сферы заимствования. Дан широкий языковый материал.

Учебное пособие предусмотрено для студентов факультета иностранных языков по спецкурсам "Фразеология" и "Языковые контакты" и также может быть использовано по курсам перевода, лексикологии и общей лингвистики. Рекомендуется также для индивидуальной работы.

V 70104-031u
M812(11)-88 133.28.4602020000

P.Stučkas
Latvijas Valsts
universitāte,
1988

Contents

1. Phraseology.....	4
2. Language contacts.....	5
2.1. Concepts.....	5
2.2. Language contacts of Latvian as reflected in phraseology.....	9
3. Phraseological borrowing.....	11
3.1. The concept of borrowing.....	11
3.2. Loans.....	11
3.3. Phraseological loan.....	12
3.4. Types of phraseological loans.....	12
4. Identifying loans.....	13
5. Current borrowing from English.....	17
6. Peculiarities of phraseological borrowing.....	20
7. Complete phraseological loans.....	25
8. Phraseological translation loans.....	31
9. Phraseological transcription loans.....	35
10. Mixed phraseological loans.....	36
11. Transformations in the process of phraseological borrowing.....	37
Recommended literature.....	43
Appendix-Phraseological loans of English origin in Modern Latvian.....	45

1. Phraseology

Phraseology constitutes the most vivid and stylistically peculiar part of the word stock of a language. Although a lot has been written on the problems of phraseology since Ch.Balli put it forward as an object of linguistic interest, there is still no uniform view among linguists even on the most basic questions of phraseology, such as the definition of a phraseological unit (PU), the boundaries of phraseology, its scope, etc.

In Soviet linguistics the greatest problems have been those of the definition of the PU and the classification of PUs. Up to this day the views vary from those considering a PU in the narrow sense as a completely unmotivated unit that can be identified with a word both semantically and syntactically (N.N.Amosova, A.M.Babkin, B.A.Larin, A.I.Molotkov) to a very broad understanding of phraseology as a word group even without a figurative meaning. (V.L.Arhangelski, N.M.Shanski).

Our understanding of a PU lies somewhere in between these extreme views. The analysis of language material of Soviet and foreign linguistic studies makes it possible to single out a few most essential features that are characteristic of a PU:

- 1) a PU consists of at least two components,
- 2) a PU is a stable combination,
- 3) at least one component in a PU is used with a figurative meaning.

These features have been successfully combined in A.V.Kunin's definition of a PU - "A PU is a stable word combination with a fully or partially figurative meaning".¹

¹Кунин А.В. Английская фразеология (Теоретический курс).- М., 1970.-С.210.

The definition is general and elastic enough to comprise the biggest possible number of units that bear phraseological character, and particular enough to make it possible to separate occasional formations on the one hand and word combinations without a figurative meaning on the other hand from phraseological units proper. This understanding of a PU is also more or less identical with the English understanding of the term "idiom".¹ As PUs present a multitude of types from fully opaque combinations to transparent units² we suppose the boundary between them will always be a problematic case, especially when we refer to the diachronic aspect of phraseology. Being live and dynamic units they often change their place in the "motivation ladder".

Having stated that phraseology possesses national features we should also point out the opposite - in many languages there is a great number of PUs that have a distinctly international character. This can be seen in comparing PUs of different languages - many of them are equivalent. Often such equivalence is the result of the independent development of a national phraseology and can be accounted for by the universal laws of human life, understanding, psychology, which is very evident in somatic and comparative PUs. However, from time immemorial there has been another way of enriching the phraseological stock of a language - borrowing.

2. Language contacts.

2.1. Concepts.

Howadays there is a conspicuous tendency towards

¹Oxford Dictionary of Current Idiomatic English by A.P.Gowie, R.Mackin and I.R.McCaig. Oxford, 1984. - Vol. 2. - PP. 10. - 16.

²A. Lakkaï. Idiomaticity as a Language Universal // Universals of Human Language. - California, 1978. - Vol. 3. - P. 445.

greater contacts, cooperation, and exchange among nations and consequently greater interaction among languages.

Every live language permanently develops, increases its means of expression. The majority of innovations occur on the lexico-semantic level, though all the other levels of a language, phonemic and syntactic and especially the morphologic are also open to changes.

We view phraseology as a live, dynamic system and its present, seemingly static, condition as a result of a long diachronic development that never stops.

The changes and the replenishment of the phraseological stock proceed in three ways: structural (creating new word combinations), semantic (creating new meanings in word combinations) and by means of borrowing. Thus, the replenishment of phraseology is possible either by means of inner resources of a language or by borrowing from other languages.

Borrowing can occur only in conditions of language contacts. Language contacts present a lot of problems of linguistic, social, ethnographic, psychological and historical nature. From the linguistic point of view language contacts are closely connected with bilingualism, internationalization, integration of languages.

The term "language contact" was proposed by A. Martinet and made popular by U. Weinreich¹, yet it receives different interpretation with different scholars - U. Weinreich, E. Haugen, V. Rozentsweig, Y. Zhuktenko, V. Aristova. We suppose this is the result of considering either ethnic or cultural language contacts, but not one alongside the other.

Different classifications and forms of language contacts have been thoroughly analysed by Y. Zhuktenko so we recommend his book² to those who are interested in the

¹ Weinreich U. Languages in Contact. - N.Y., 1953. - P. 148.

² Жукутенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. -

problem.

The usual and accepted understanding of the term "language contact" supposes ethnic contact, i.e. lasting stable communication between two or more nations on one territory or on the verge of their territories, that leads to an exchange of language material, interference and borrowing through widespread bilingualism.

However, there can be also cultural, social, economic, and political contacts between nations without direct physical contact between the speakers. These contacts do not presuppose close ethnic or geographical proximity. These are so called cultural contacts and they are usually distant.

In distant cultural contacts it is hardly the whole nation or every speaker who is bilingual, but individual people or groups of people who are in some way connected with the foreign language. The channels of language contacts also differ; in case of ethnic contacts it is mainly the spoken language, in case of cultural contacts it is predominantly the written language through which the influences pass.

Distant language contacts can also be either direct - between two nations and their languages, or indirect - through another intermediary language or even several intermediary languages.

The English-Latvian language contacts thus can be characterized as cultural, distant, individual (or group contacts in some spheres), and both direct and indirect (through Russian).

Such distant cultural contacts have been and continue to be intensive enough to make widespread borrowings possible. This has already been stressed long ago by O. Jespersen, who stated that the biggest changes in languages occur not so much as a result of migration of peoples as by regular contacts in the sphere of culture.¹

¹Jespersen O. Die Sprache ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. - Heidelberg, 1925. - S.192.

These contacts are primarily conducted by means of printed word - books, newspapers, magazines, journals, and in the modern world the process is enhanced by mass media - TV, radio.

As borrowing usually occurs through translation the translator (in the broad sense of the word - translator of fiction and scientific literature, political commentator who gathers information from foreign sources, journalist interviewing foreigners, a tourist abroad) is the centre of language contact. We ought not to forget that it is not the structures or systems of different languages that combine the language material within one language or speech, but the individual speakers, groups of bilinguals or whole nations.¹

A question may arise - can the small number of active bilinguals seriously affect the language? The case of Latvian shows they can. Several factors conduce to it - first, the steady increase in the rate of information propagation, due mainly to the mass media. Secondly, the newly introduced phrases are not redundant in the target language (Latvian): they designate notions that have no designators in the language and this leads to their being accepted. Besides it cannot be denied that there is a tendency with many people to enjoy new, especially borrowed, phrases, which in the case of English is enhanced by the great popularity of the language, its high profile in the world. And finally English is the primary foreign language being taught in Latvian schools.

All these factors combined lead to fairly intensive Anglo-Latvian language contacts.

¹Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи.-М.,1976.-С.74.

2.2. language contacts of Latvian as reflected in phraseology.

The history of the Latvian language is closely connected with the history of Latvian people. The historical ties with other peoples wanted or unwanted have left the traces in the language in general and phraseology in particular. Thus the strongest influences upon Latvian history have been those of Germans and Russians, both as people and as nations; these have also been the languages from which Latvian has borrowed most, yet they are not the only ones.

Several periods can be distinguished in which Latvian phraseology has been affected by different tongues. As pointed out by V. Rūķe-Draviņa, the evolution of Latvian phraseology as a whole has passed through several stages: from a close resemblance to Finno-Ugric expressions (during the earlier periods) towards an increasing similarity to the idiomatic expressions very commonly used in German (especially in Latvian literature of the 19th century and the beginning of the 20th century) and then to a diminishing German influence and increasing correspondence to the Russian (and English) models since 1950.¹ It should be mentioned that German not only gave Latvian many PUs but also served as an intermediary language through which Latvian phraseology increased its stock with Latin, Greek, French, Spanish, and English phrases.

Though lexical borrowing from English had started at the end of the 16th century² and English penetrated into Latvian through German, at the end of the 19th century when the Latvian literary language was formed, English still had a comparatively minor influence upon Latvian

¹ Rūķe-Draviņa V. The Standardization Process in Latvian.- Stockholm, 1977.-PP.92-93.

² Baldunčiks J. Angļiscianu aizgūšanas pamatziņas latviešu valodā.- ZA Vestis, 1979.-Nr.3.-P.60.

and especially its phraseology. German-Russian-Latvian trilingualism dominated in Latvia at the time. English was not popular even in the enlightened and intellectual circles, thus the first translations from English appeared only in the 1880-ies. However the situation was quickly changing - the British achievements were not ignored and the rising Latvian bourgeoisie tried to learn from the English as much as possible. Thus proper phraseological borrowing started at the very end of the 19th century. Only a few PUs have been noted earlier, e.g.

Un Eņģļantes sakāms vārds: "time is money" (laiks ir nauda) paliek visur taisnībā. (Latviešu Avīzes, 1873. N.48)

Mane nams ir mana pils - ir veca paruna. (Baltijas Vēstnesis, 1895, N.10)

From the beginning borrowing took place mainly through the intermediary languages (German and Russian). However the 1920-ies saw the establishment of direct language contact between English and Latvian. This was mainly due to the economic and political orientation of Latvia towards Britain and the USA. In 1922 the English Institute was established in Riga. English gradually became the leading foreign language taught at schools. English loans were not so seriously affected by the purist tendency that existed in Latvian at the time, as it was directed mainly against German and Russian influence. Thus new units were borrowed, e.g.

Pēc sacensībām sportisti un viesi jautri pavadija laiku Cēsu kurorta komitejas rīkotā five o'clockā. (Sporta pasaule, 1933.Nr.44)

Šis laikraksts aiztāv tā saucamo "splendid isolation", tāpēc nebūtu par to ko uztraukties... (Jaunākās Ziņas, 13.12.1938)

After the war the direct contact between the languages came to an end, borrowing diminished and the few

units that penetrated, e.g. aukstais karš, dzelzs priekš-
kars, did so through Russian. Steady borrowing resumed in
the 1960-ies and has been gathering pace ever since.

At present English alongside Russian are the two main
languages Latvian is in contact with, and the contact
with English is both direct and indirect (through Russian).
Thus English is one of the main sources of phraseological
borrowing.

3. Phraseological borrowing

3.1. The Concept of borrowing

The term "borrowing" is widely used in linguistic
literature, yet it is used with different meanings. The
different types of words and PUs that are borrowed have
made it very ambiguous. Besides it is used both to denote
the process of borrowing as well as the results of it.

Hereafter by borrowing we mean the process of the
reproduction in one language of patterns previously found
in another.

We stress that we see borrowing as a process and not
as a state, yet, most of the other terms used in discuss-
ing it are usually descriptive of the results, rather than
of the process itself.

The result of borrowing is a loan.

3.2. Loans

When discussing lexical borrowing different types of
loans can be mentioned:

Loanword usually stands for a word whose phonemic
shape (with possible substitution of native phonemes) has
been imported as well as its meaning, e.g.

gentleman - džentlmenis.

In a loan translation (known in French as a calque)
the structural pattern is retained, while the phonemic

shape is not, e.g.: sky scraper - debesskrāpis

Semantic loan stands close to loan translation - no formal elements has been imported, only the meaning, e.g. star (in music, sports) - zvaigzne. Anyway, the term "semantic loan" is not very felicitous, since it overlooks the fact that all loans are semantic, it is merely that in this case the new meaning is the only visible evidence of the borrowing. The morphemic and phonemic substitution is complete.

Phrasal loan is a loan translation of a phraseological unit, e.g. hot dog - karstais suns.

E.Haugen proposes a classification of loans according to the extent of morphemic and phonemic substitution.¹

Loanwords: (neither morphemic nor phonemic substitution, e.g. hatchback in a Latvian text,

Loanblends: (partial morphemic and phonemic substitution), e.g. hečbekš.

Loanshifts: (complete morphemic and phonemic substitution), e.g. debesskrāpis.

However, this system is applicable mainly to lexical loans.

3.3. Phraseological loans

A phraseological loan is a borrowed stable word combination with a fully or partially figurative meaning. We propose a classification of phraseological loans based on the degree of difference between the original PU and the loan, i.e. on the degree of the replacement of the original elements.

3.4. Types of phraseological loans

Complete phraseological loan is a borrowed PU reproduced in the target language letter for letter. The corres-

¹E.Haugen. The Ecology of Language. Stanford, 1972, p.85.

pending process of borrowing we call a takeover, e.g. hot dog, happy end used in Latvian speech or writing.

Phraseological translation loan is a PU consisting entirely of target language components, i.e. it is a unit created by translating the prototype, e.g. gold fever - zelta drudzis, flower children - puķu bērni. Sometimes, though, the PUs in both languages have a common element - an international word or a lexical loan of an earlier date, e.g. gentlemen agreement - džentelmeņu nolīgums, yellow press - dzeltenā prese.

Phraseological transcription loan is a borrowed PU whose components have not been translated, yet have undergone some morphemic changes, i.e. it is transcribed and adapted to the norms of the target language, e.g.: Sherlock Holmes - Šerloks Holms, John Bull - Džons Buls.

Mixed phraseological loan is a borrowed PU at least one of whose components has been translated while at least another one has been transcribed, thus all the components have been morphemically changed, e.g. Lynch law - linča tiesa, Uncle Sam - tēvocis Sers.

All the Latvian phraseological loans from English that we have observed are clearly each of one of the above types.

4. Identifying loans

The study of borrowed phraseology begins with establishing the stock of borrowed PUs and determining the source language of each of them. This may be quite difficult if the target language has had multifarious contacts with other languages and has reached relative maturity before being written. Such, though, is the case with Latvian.

In many European languages there exist numerous equivalent PUs that have sprung up in them independently of each other. Polygenesis of this type is the result of a common feature of phraseology- the figurative, metaphori-

cal change of meaning on the one hand, and the common extralinguistic characteristics of the peoples and countries on the other.

Yet often the equivalent PUs have spread from some one source language, i.e. the PU got borrowed and re-borrowed, e.g.:

dāvātām zirgam zobos neskatās (Latvian)
not look a gift horse in the mouth (English)
einem geschenkten Gaul sieht man nicht ins Maul (German)
à cheval donné on ne regarde pas à la dent (French)
дареному коню в зубы не смотрят (Russian)

The origin of this PU can be traced back to the Latin phrase equie donati dentes non inspiciuntur. Thus there is a large number of originally classical Greek and Latin phrases in many languages. The same applies also to units of modern language origin.

Therefore, the equivalence of an English and Latvian PUs can scarcely be taken to point to an English ancestry of the Latvian PU. On the other hand a loan might not be quite equivalent to the source PU, e.g. merry old England-vecā labā Anglije.

The following observations are intended to facilitate the recognition of loan sources in case of absence of reliable lexicographic information.

1. In case of complete loans the origin of the PU is clear, e.g.:

tabula rasa, alma mater - Latin
fata morgana, tutti-frutti - Italian
tête-à-tête, enfant terrible - French
Sturm und Drang, Drang nach Osten - German
Union Jack, a self made man - English

2. The origin of a translation loan is clear if the target language contains a complete loan of the same source PU, and no other equivalent or near equivalent complete loans, e.g.:

veselā miosā veselš gars- mens sana in corpore sano -
Latin

tā daru vības- così fan tutte- Italian

meklējiet sievieti- cherchez la femme - French

viņi netiks cauri- no pasarán - Spanish

vētrs un dzīga (periods) - Sturm und Drang - German
but vai neesūt - to be or not to be - English

3. Sometimes the necessary information is to be found at the initial source, this applies mainly to the Bible, and internationally well-known literature, e.g., the PU dieniška maize and its English counterpart the daily bread come from the Bible (Math., VI, 11); pēdējais mohikānis and klusais amerikānis are the titles of books by P. Cooper (1826) and G. Greene (1955) respectively.
4. Sometimes we are helped by the presence of a word designating a purely anglophone thing or concept in the PU, e.g. visvarenšis dolars- almighty dollar, Britu lauva- the British lion.
5. While the loan is recent, the PUs may be supplied with additional phrases like: as they say in England /America/, as we say 'ere, etc., e.g.:

Eduards Kenedijs runāja reti, pie tam izvairoties no sevišķi aktuāliem jautājumiem, atļaudams Robertam dzesēt plaukstas to, ko Vašingtonas politiskajā žargonā mēdz saukt par "karstiem kartupeļiem" (V. Zorins. Misteri miljardi. R., 1973, p. 220.)

Katru tūdu atkāpi no ierastā ritma, no gadsimtos spodrinātas atributikas Džons Smits- tā pirmatī devējam videjo, nosacīto pavalstnieku, uzņem sēpiģi... (V. Hermanis. Divatne ar globusu. R., 1984. p. 71)

6. Apart from the PUs of purely English or American origin we are also interested in the PUs that have come into Latvian via English, especially from exotic languages. In such case there may have been for a time no equivalent PU in any language but English. If Latvian is known

to have never been in contact with the language of the original PU, we can be almost sure of an English ancestry of the Latvian PU even if yet other languages were involved in the chain of borrowing, e.g. smadzegu skalošana from English brainwashing and zaudēt seju from English to lose one's face - both units have been borrowed by the English from Chinese; sprakt kars cirvi- to bury the hatchet, iziet uz kars takas- to go on the war path, iziet mūžīgajos medību laukos- to go to the happy hunting grounds, izsmēķēt miera pipi- to smoke the pipe of peace and PUs re-borrowed from the languages of American Indians; evēta govjs- the sacred cow has been borrowed from some language of India.

7. There are also a few PUs coined by English philosophers in Latin but popular also in the English form, e.g.: zināšanas-speks - knowledge is power - Scientis potestas est (Fr. Bacon, 1597); visu karš pret visiem- war of everyone against everyone - bellum omnium contra omnes. (Th. Hobbes, 1651)

8. Sometimes we can use extralinguistic information. Thus in the 1930-ies equivalents of the fifth column - piektā kolona appeared in quite a few languages. The original was Spanish - quinta columna, first used by the Nationalist General Mola (1936) who besieging Madrid with four columns from the outside boasted of having a "fifth column" within.

The origin of the PU "the lost generation" - zudusi / zaudētā paaudze is rather interesting. American writer Gertrude Stein heard the words génération perdue in a French conversation in the 1920-ies when they did not yet add up to a PU. She mentioned the expression to Ernest Hemingway who used it in the epigraph of his 'Fiesta'. This made lost generation an English PU which was then borrowed by the French and many other peoples, among them Latvians.

5. Current borrowing from English

In the previous centuries in case of distant contacts the main borrowers were the translators of literary texts and the chief among them those of the Bible and classical Greek and Roman literature. These translations enriched the European languages with numerous PUs most of which are now viewed as international.

In the 20th century, especially in its latter half, we observe a rapid growth of the importance of the press, and the broadcasting. Whether we like it or not nowadays the mass media are the dominant carriers of information. Therefore it is through mass media and press at present that the greatest influx of borrowed phraseology takes place. This applies especially to distant language contacts. It is interesting to note that these loans do not enrich the colloquial language considerably. In colloquial language oral direct contacts predominate and it is reflected in Latvian in the form of colloquial loans from Russian.

Two factors promote borrowing from English in the above mentioned situation - its high prestige and its role in the process of internationalization of vocabulary and phraseology nowadays.

The geographical dissemination of the English language is a unique case of language spread and language imposition. It has not only resulted in a greater number of native speakers - about 350 million¹ than any other language except Chinese, but has also made English the most common additional language, one supported in school programmes in virtually every language.² No other language

¹ Shipley J. T. In Praise of English. The Growth and Use of Language. - Toronto, 1977. - P. 12.

² English as a World Language / Ed. R. W. Bailey, L. C. Görlach. - Cambridge, 1984. - P. 2.

has undergone a similar expansion since Greek and Roman times. English is spoken in the UK, Ireland, USA, Canada, the West Indies, India, Pakistan, Singapore, Hong Kong, Malaysia, West, East, South Africa, Australia, New Zealand, the Philippines, etc.

English has an enormous word stock (including phraseology) a wonderful scope of means of expression and thoroughly worked out lexicography. And finally English is a language with the biggest number of publications.

The prestige of English also is of great importance in borrowing international PU. Internationalization affects borrowing already at the stage of initial borrowing. The fact of the PU existing in several languages increases the possibility that the translator will prefer borrowing it rather than looking for a Latvian counterpart or explaining it. Thus borrowing causes more borrowing. International PUs of English origin penetrate into Latvian not only from English, but also from other languages (German, Russian).

The 20th century sees the process of internationalization of whole fields of human activities and respective internationalization of the vocabulary in these spheres. English, as one of the greatest languages in the world and the language of highly developed nations, acts in most cases as the source language of numerous phrases used in these spheres, e.g.:

- 1) international relations, politics:
summit meeting - virsotņu tikšanās
gunboat diplomacy - lielgaballaiņu diplomatija
the third basket - trešais groziņš
corridors of power - varas galtepi
- 2) economics:
brains trust - smadzeņu trests
brain drain - smadzeņu aizplūde
the free market - brīvais tirgus
open door policy - atvērta durvju politika

6. Peculiarities of phraseological borrowing

We suppose that for theoretical purposes it is useful to divide the process of borrowing into two stages:

- 1) the initial use of a new PU of foreign origin,
- 2) assimilation of the PU into the target language.

With regard to lexical borrowing the majority of linguists keep to a three-stage division-introduction, adoption (borrowing) and integration (assimilation). Some linguists insist on only two stages-introduction (usage) and adoption (borrowing).

In case of phraseology the two-stage classification seems to be preferable. This is determined by the differences in comparison with lexical borrowing, namely, in lexical borrowing the new word is at first strange and unknown to the reader or listener, while in phraseological borrowing the unit is usually motivated (in case of phraseological translation loan it consists of wellknown words) and at least partly understandable. Besides, lexical loans may sometimes take considerable time of adoption, while PUs are usually either fairly quickly borrowed or not borrowed at all (the few instances of use remain of occasional character), and the scope of possible change for phraseological loans is usually narrower.

This division of borrowing into two stages is admittedly rather crude and sometimes unnecessary, yet often it makes the discussion easier.

Now let us look at the reasons of the initial borrowing of PUs.

To begin with we have to do something with an English PU when translating text containing it into Latvian. It may well happen that there is no way of designating the notion covered by the English PU in Latvian, the notion having not been discussed in Latvian before. For example, the following PU are as yet quite new in Latvian:

Lielsko "hat trick", ar kuru Jevgeņijs izvirzījās starp līgas rezultatīvākajiem futbolistiem. (Sports, 9.9.1987)

Vai arī: viss paliek pa vecam, vienīgi pie 2:2 piektā seta vieta uzvarētāju nosaka "tie break". (Sports, 2.3.1986)

... var skatīties parodiju par lauzto deju un nemākulīgu ģēmošanos. (Padomju Jaunatne, 18.11.1986)

Secondly, there is some language snobism about - psychologically motivated tendency to intersperse one's speech or writing with elements of a prestigious foreign language. This applies mainly to complete loans, but stimulates other types of borrowing as well, e.g.:

Tā vien liekas, ka teikto esam izlasījuši tikai līdz pusei. Kā teikt, no comment. (Literatūra un Māksla, 28.02.1986)

Un kā daudziem citiem vārdiem patiek roks. Kārtīgs. Tāds, ko sauc par smago vai heavy, pat heavy metal - kā nu kuram tik. (Liesma, 1985, 10, p.10)

Ņiniet, ka cilvēki viņu iesaukuši - par "tešerieni" jeb dzelzs lēdiju. (Lauku Dzīve, 1987, 1, p.10)

Thirdly, the use of English PUs in Latvian is to some extent conditioned by stylistic peculiarities of the text being translated, mainly fiction. Often when having to translate an English phrase, that has an analogue in Latvian, the translator nevertheless cannot use it because of the peculiarities of the context. Thus, though there is an analogous PU in Latvian for the English PU- "be born with a silver spoon in the mouth", namely, piedzint krēklīnā, in the following context the occasional use of the unit by the author, makes it necessary to preserve the English image, by means of word for word translation:

England with the silver spoon in her mouth and no longer the teeth to hold it there, or the will to part with it. (J. Galworthy, The Silver Spoon, L., 1976, p.38)

Anglija ar sudraba karoti auti! Zopa viņš vairs nav, lai karoti saturātu, bet nav arī gribas šķirties no tas. (M.Golvertijs. Sudraba karote. Rīga, 1977, p.70)

In most of the cases such word for word translations are not subsequently assimilated into Latvian and remain an ephemeral contextual phenomenon.

Finally, people reading much in foreign languages, working abroad, etc. tend to import foreign PUs into their Latvian speech. This is called linguistic interference. It is obvious in the speech of journalists covering foreign policy. Thus K.Keilands in his broadcasts and newspaper articles used the translation loans "gēdēt viena laiva" un "šūpot laivu" so often that they became quite popular with the other reporters as well and are often to be seen in Latvian periodicals.

Defective knowledge of the source language and of the target language may lead to faulty translation of the PUs, e.g. champion of peace - miera čempions instead of miera cīnītājs:

Jāpiebilst, ka tas nav pirmais gadījums, kad ar sociāldemokrātijas tiešu atbalstu Nobela miera prēmija piesūktu tamlīdzīgam "miera čempioniem" kā M.Beginam un A.Sadutam, arī A.Suharovam un vēlāk notiesātajam K.Tanaken. (Ziņrogs, 1965, 1, p.129)

The four above mentioned reasons for the initial importation of a PU may, of course, appear both singly and in various combinations.

The initial usage of a new phrase in Latvian is usually accompanied by some formal features:

- 1) italicised or bold type,
- 2) italicised or bold type and inverted commas,
- 3) inverted commas (in Latvian there is a very pronounced tendency to use inverted commas wherever a word or a phrase is used figuratively, including long established phrases).

- 4) explanation in brackets,
- 5) explanation in the preceeding or the following text.

However, the mere appearance of a new phrase does not ensure its admittance into the language. We cannot speak of a PU as belonging to the Latvian language unless it has been accepted by the whole nation or a sizeable part of it. Just as with phraseological neologisms¹ such acceptance is subject to some conditions, both intra- and extralinguistic.

As for the first, translation loans have to satisfy the linguistic norms of Latvian and fall in with the tendencies of its evolution. This concerns all the aspects of the unit - its meaning, structure and also the phonic aspect - the phrase should sound well and a slight lilt is desirable. Thus, for instance, several attempts to import into Latvian the PU one-armed bandit - vienrocīgais zaglis, vienrocis laupītājs have failed because of the translation loans sounding clumsy, e.g.:

Tajā vienkajis pensionārs neatlaidīgi didija pie sienas pīckartus spēļu automātus, ta sauktos "vienrocīgos zagļus". (M. Birze. *Ļai atgrieztos. R.*, 1984, p. 192)

Tule skaceja vienrobu laupitaju- automātu nomitigu šķindoņa, bet kazino bija dzirdami krupjē issaucieni. (G. Grīns. *Komediānti. R.*, 1985, p. 256)

Among extralinguistic factors we count topicality and the taste of famous people. A speech of a political leader may clear the way for a new PU into the stock of the language or raise an old PU out of oblivion. Anyway, unless this PU is of only local importance it tends to be picked up by other languages.

¹ Бурингровиц Ю.Я. К проблеме фразеологических неологизмов // Материалы по русско-английскому языкознанию. - Воронеж, 1972. - С. 85.

E.g. the PU a nation of shopkeepers - tirgotāju nācija was first used by A. Smith in 1776, yet it gained popularity (even in England) only after it was used by Napoleon.

The PU iron curtain - dzelzs aizkars/prickškars existed in the 18th century in France, in the 19th century in Germany, yet it was seldom used. At the beginning of 1945 it was used in the speech of the German propaganda minister J. Goebbels with a slightly different but topical meaning. It was from this speech that W. Churchill extracted it for his Foulton speech on March 5, 1946. From that day on it gained stability in English and was quickly borrowed by most of European languages, Latvian included, e.g.:

...Vipš saka vārdus, kas pilni auksta naida pret patieso demokrātiju, par Padomju Savienības "ekspansijas tendencēm", par "dzelzs prickškaru", kas nolaiž kontinentā. (Cīņa, 12.03.1946)

The PU iron lady - dzelzs lēdija is in fact of Russian origin, as it was first used in the Soviet army newspaper "Krasnaya Zvezda" 23.01.1976. However its appearance would have remained an occasional one, had not the would-be British Prime Minister accepted it as her sobriquet a week later (31.01.1976)¹. From that day on it found its place into English phraseology and was borrowed into many other languages, Russian and Latvian among them.

If an English PU has an equivalent or an analogous PU in Latvian it is usually not borrowed. As pointed out

¹Butler D., Sloman A. British political facts 1900-1979. London, 1980.-P.255.

by J.P.Vinay and J.Darbelnet¹ borrowing in such cases occurs only with bilingual nations where the languages are in constant contact. As English-Latvian language contacts are distant and predominantly written (which presupposes editing here) such instances are extremely rare and usually of occasional character. Thus in sailor's language in the 1930-ies the translation loan "dabūt maisu" (get the sack) was present, even though the PU "dabūt vilka pasi" had been well established long before. E.g.:

Kapteiņa kungem! Jūs man Rīgā piesolijāt "meisu".
(V.Lācis.Putni bez spārniem.R., 1949.p.307)

Uzpurinājice, citāci Rīgā dabūei maisu! - stjuarts viņu brīdināja. (V.Lācis.Senču aicinājums.R., 1965, p.122)

7. Complete phraseological loans.

Complete phraseological loans are borrowed PUs reproduced in the target language letter for letter. There are numerous complete phraseological loans in Latvian borrowed mainly from Latin, English, French, German, Italian and Spanish. About 40 of them are English. We enumerate those known to us in the Appendix. For a long time this type of loans was not covered by standard texts on phraseology. It was only the appendices of foreign words and phrases in some dictionaries that bore formal witness to the presence of complete loans (in Latvian). Such a situation was not characteristic of Latvian only, the same views also predominated in Russian and German linguistics till the 1970-ies. We suppose the

¹Вине Ж.П., Дарбельне Ж. Технические способы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978.- С.164.

ignoring of the complete phraseological loans came as a result of their foreignness and their apparently rare and occasional usage. However, this type of loans exists in many European languages, the frequency of their usage often exceeds that of native units and quite a number of them have for centuries been part and parcel of the phraseological stocks of the languages. It may be interesting to note that in Russian the number of complete phraseological loans is sufficient to fill a two volume dictionary.¹

The trickle of English complete phraseological loans into Latvian seems to have started in the latter half of the 19th century, e.g.:

Un Englaņtes sakāms vārds: "time is money" (laiks ir nauda) paliek visur talcībā. (Latviešu Avīzes, 1875, 48)

In the 1920-ies and 30-ies the by then considerable flow of units was slightly reduced by the setting of Latvian language norms and purist feeling. Yet borrowing did not stop, e.g.:

Ar tam viņi diezgan satikušies oficiālos rantos un five-o'clock'og. (Ritums, 1923, 2., p.106)

Bargā, nežēlīga cīņa starp prezidentu Ruzveltu un "big business'u" kļūst arvieno asāka. (Stasti un Romāni, 1933, ll.p.425)

Immediately after the World War 2 the stock of the complete phraseological loans in Latvian got even depleted, mostly due to political causes. The borrowing resumed in the 60-ies and its rate is now steadily increasing. It is also now for the first time that English has got to the top of the field. The following complete phraseological loans have come into Latvian since 1960-ies: brain drain, brains trust, tie break, break dance, Fleet Street,

¹Бабкин А.М., Шемдецов В.В. Словарь иностранных выражений и слов. - М.-Л., 1966.- Т.1.2.

heavy metal, hot dog, know how, mass media, hat trick.

Just as any other loans complete phraseological loans have to make their way into the target language. Many PUs never got assimilated into Latvian, e.g.:

"Fare well, Eveline!" es iercaucos... (Baltijas vēstnesis, 1870, 25)

Amerikāņiem jau šini ziņā radies īpats apzīmējums - "Cush and carry". (Jaunākās Ziņas, 6.3.1940)

...lielaka daļa amerikāņu /../ jau jut nepieciešamību vaigu vaigā (face to face) ar mums, padomju pilsoņiem, noskaidrot, ko tad īsti domā darīt Padomju Savienība. (Dzimtenes Bals, 29.11.1986)

A would-be complete phraseological loan may have to compete with an equivalent translation loan. In most cases the translation loan wins. Thus the phraseological translation loan "džentelmeņu noruna" seems to have ousted the complete loan "gentlemen agreement" which was stable in Latvian in the 1930-ies, e.g.:

Zīmejoties uz angļu- italiešu "gentlemen's agreement" ģeringam uplicināšot, ka tas nevarot ietekmēt italiešu-vācu attiecības, un abu valšņu sadarbība turpināšoties. (Jaunākās Ziņas, 14.01.1937)

Panakta vienošanās stabilizē stavokli Vidusjūras austrumdaļā un apstiprina status quo, par kuru ir runa Anglijas un Itālijas "gentlemen agreement"ā. (Jaunākās Ziņas, 23.01.1937)

Tam vienmēr ir bijusi "proamerikāniska" nootāja, lai gan pēc džentelmeņu norunas SVF direktors ir speciālists no Rietumeiropas. (Rīgas Bals, 24.12.1985)

... režisore mani iesaistīja tēdā kā džentelmeņu norunā. (Padomju Jaunatne, 27.3.1986)

However, we do not suppose that this is inevitable,

as some linguists tend to think.¹ Sometimes the complete phraseological loan wins and remains the only means of conveying the notion, e.g. fifty-fifty, self made man, take it easy, hat trick, e.g.:

Vīgs bija "self made man" (Sujā radījums gan "woman")...
(Avots, 1987, 2.p.44)

Bet taleta gadi rit. Arī kļūvu smilšu pulkstenī tie šobrīd jau ir fifty-fifty. Nodrošināt un nodrošinātis.
(Zvaigzne, 1987, 13.p.13)

Sakumā katram no viņiem izdevās "hat trick", vēlāk sekoja veiksmīgs "dubls" un roslīgumā - viens rezultatīvs raidījums. (Sports, 12.4.1987)

And finally in numerous cases both loans have stayed: to be or not to be - but vai nebūt, hot dog - karstais suns, common sense - veselnieks saprātis, etc, e.g.:

... kurš ieradies vērot basketbola spēli, atpērbri-
di nobaudī hot dogs (sviestmaizi ar desiņu)...
(Padomju Jaunatne, 24.5.1986)

Pie "karsto suni" kioska divas parizietas brīnumjauki.
tiek galē ar sīņepju apzīstiem kūpšiem cīņģieci un
baltsmaizes gabaliem. (Cīņa, 9.6.1987)

Touching on the reasons why such alien bodies as complete phraseological loans do find their way into languages we want to stress that apart from various social factors the introduction of a complete phraseological loan into a text may be a matter of linguistic necessity. Thus, for instance, the PU "know-how" is practically untranslatable into Latvian; consider this brave but hopeless attempt:

Amerikāņu "zīni-kē" pamatots uz bezpersonisku likumu un spēku darbību, kļūva par maģisku elementu, kas Filipīnu sabiedrībai uzrīta jaunu enerģijas vilni. (Literatūra un

¹Щанский Н.М. Фразеология современного русского языка.-
М., 1969.-с.124.

Māksla, 9.1.1986.)

On the other hand the complete phraseological loan sounds well and fits in the Latvian sentence much better:

Šī organizācija pārstāv Padomju Savienības izgudrotājus, uzņēmumus un pētniecības institūtus licenču un "know-how" tirgū. (Pj, 29.1.1986.)

Unlike phraseological translation loans complete loans are always equivalent to the originals, i.e. the meanings of the PU in the source and target language are the same. This is true also about the other aspects of the unit.

The stylistic colouring, however, may change - the very foreignness of a complete loan attaches to the PU's flavour absent in the original, e

Dzenoties pēc dolāra, ātrums kļuvis par galveno. Nevienam nav vaļas. Time is money! (J.Plaudis. Amerikas brīnumi. Rīga, 1940.p.97)

Viņi devās uz kosmisko kuģi smaidsami. Un tas nebija tradicionālais "Keep smiling". Neviena no viņiem taču neizjuta ne šaubas ne bažas. (Ciga, 4.2.1986)

These PUs, though well established in Latvian, help to create the atmosphere of foreign environment, by focusing the attention of the reader on the foreign phrase.

The effect is still stronger if the text is not connected with foreign subject, e.g.:

Pasīem mums savu spēcīgu šī mākslas veida teorētiku nebija, tāpēc godbijīgi klausījāmies E.Kuzņecova, G.Koveļenko un V.Berjozkina priekšā, kuri no Krievijas centra "panoramēja" mūsu republikas scenogrāfijas ikdienu un palīdzēja radīt kādreiz tik precīzo, bet nu jau naivo mītu par latvju "self-made girl" - scenogrāfiju. (Literatūra un Māksla, 11.4.1986)

The feature of foreignness, however, in our opinion should not be identified with the unit being unmotivated as supposed by L.A. Ponomarenko.¹ Cases of using PUs without understanding them do exist, but they would be found more in oral speech. Most of the English PUs borrowed are not fully idiomatic and the average knowledge of English is by far better than, say, of Latin. Besides, many of the complete loans from English are of topical character. However, it should be pointed out that not all the units are used in all the layers of society; most of the people would know them passively, i.e. recognize them in the text. It would be of great interest to have a sociolinguistic research into this phenomenon, without it we can only state that some loans would be popular among teenagers - break dance, heavy metal, others would be used mainly in discussing politics - mass media, Fleet Street, brain drain, while many would be generally known - happy end, to be or not to be, time is money, etc.

Finally, one formal point. In the 1920-ies and 30-ies components of the complete phraseological loans were usually used with Latvian endings, e.g.:

Šeit arī tanded gribam izsmas rakurot angļu džentelmeni, amerikāņu self made man's, franču buržuā un krievu lielnieku. (Burtnieks, 1935, l.p.82) (See also the examples mentioned before).

This practice seems to have disappeared now, thus we cannot speak of any grammatical assimilation of complete phraseological loans. But we can speak of certain phonetic assimilation of the loans as a result of the speakers not knowing English properly or not caring to pronounce them correctly.

¹Пonomаренко Л.А. Устойчивые лексемысценария контактируемых языков: Дис. д-ра филол. наук. - Томск, 1978. - С.301.

8. Phraseological translation loans

Phraseological translation loan is a borrowed PU consisting entirely of target language components, i.e. it is a unit created by translating the phraseological prototype. Majority of phraseological loans are translation loans. A question may arise, why is the borrowing in the form of translation loans the dominating one?

First, it is obvious that complete loans cannot meet all requirements for new expressive means, they always remain slightly foreign elements in the language, must be learned to be understood and are often difficult to incorporate into a Latvian text. Secondly, word for word translation of a PU often applied in literary translations provides a huge amount of new phrases some of which may gradually gain stability in Latvian.

It is worth pointing out that not every word for word (literal) translation of a PU can turn into a phraseological loan. While literal translation presupposes very close correspondence to the original PU, a phraseological translation loan may have considerable deviations from the original PU. Some of these deviations may be of purely objective character, as the languages have different grammatical structures, etc. However, other changes are also possible (see Chapter 11). These transformations are the result of two tendencies present in the process of borrowing - on the one hand that of preserving identity with the prototype (often reflected in word for word translations) on the other hand that of adaptation to the target language (dominating in translation loans). Thus phraseological translation loans often differ considerably from word for word translations of the same PU found in literature before assimilation of the loan. For instance the English PU brain drain had different translations before the loan smadzegu aizplūde/ aizplūšana got established in the language, e.g.

Šī smadzega pārsūkņošana Amerikai dod vismaz divkārsu labumu. (J.Poriotis. Kāda bijī, kāda esi, Ameriku? Rīga, 1972.p.23)

Vašingtona centīsies pārvilinat spejīgākos zinātniekus un speciālistus pari okeānam, izmantojot augstākus algus piedāvājumus kā "smadzega nolūdes" pārbaudītu līdzekli. (Cīpa, 29.5.1985)

"The Washington Post" konstatē arvien stiprāku "smadzega pārplūdi" uz militāro rūpniecību. (Padomju Jaunatne, 25.12.1985)

Un arī tai nav viennozīmīgu vērtējuma, jo civilo pētījumu programma gan nīcināta pastergat Rietumeiropu no "smadzega aizplūšanas" pari okeānam, gan no tehniskās atpalicības. (Padomju Jaunatne, 1.1.1986)

When speaking of the translation loans we can mention also semantic loans. A phraseological semantic loan is a PU created by importing a new meaning into already existing PU in the target language. This type of borrowing in phraseology is extremely rare in Anglo-Latvian language contacts. Only one case can be mentioned. Thus, under the English influence (one way street) the Latvian phrase vienvirziens ceļš/ceļš acquired the figurative meaning "something not reciprocal", e.g.

So ārkurtīgi izplatīto taktisko paņēmienu, kas balstās uz "vienvirziens ceļš" vārsīju, tā autori izmanto... (Planētas Pulss 1976.R., 1977.p.61)

This borrowing in its turn paved the way for another metaphor.

Vai šis apstaklis nav lielākais šlagbaums uz divvirziņa ceļa. (Dzintenes Balse, 13.11.1986)

Several translation loans in the sphere of politics have different connotational meanings from the original PUs. Here we probably cannot speak of the connotational meanings the PU and its loan have so much as of the political beliefs and opinions of the speaker. Thus the PU

the free world has the translation loan in Latvian brīvā pasaule. The denotational meaning of both is one and the same - non Communist Western countries. The connotational meaning may differ depending on the political attitude of the people. In Latvian it usually has an ironic tinge and is often in inverted commas, i.e. in the opposite meaning, e.g.

Objektivitāte, jo sevišķi ta sauktajā brīvajā pasaule, prasa virišķību. (Dzimtenes Balso, 12.6.1987)

"Brīvajā pasaule" tiek konstatēta varmācības epidēmija. (A.Milts. sacījas par morāli. Rīga, 1985.p.66)

However, the connotational meaning cannot be transferred to the languages as such, for the PU may be used in English with the ironic tinge, just like it can be used in Latvian, say, by a right wing Latvian in its initial meaning.

Another peculiarity of Anglo - Latvian phraseological borrowing is that most of the translation loans in Latvian are those of fairly new created English PUs: brain drain - smadzeņu aizplūde, iron lady - dzelzs lēdija, wind of change - pārmaiņu vēji, the hot line - karsta līnija, etc. This is largely because of the importance of topicality in borrowing and due to mass media that deal with topical information.

The role of mass media also explains why many of the translation loans have political character, though afterwards they are used in other contexts as well, e.g.

atceros: mūsu aukstā kara viszemākās temperatūras laikā viņš negaidot piezvanīja. (Literatūra un Māksla, 28.11.1986)

Ta ka Diānas un Arņa attiecības ievirzījušās aukstā kara gaitā (satiekoties darbavietā, arēju pieklājību abi gan vēl saglabā), Diānai gribas atgūt monopolitātes vietas uz saviem agrākajiem mājās draugiem. (Liecuma, 1986, 2.p.11)

As these PUs are fairly recently created we often know the details of their origin. In most of the cases they are created by writers, politicians, other well known personalities. Literary texts on the whole abound in individually coined phrases, yet only a small part of them find their way into the language. The rest of them remain ephemeral. As a rule these units are not borrowed either, though many of them may be translated. On the other hand, fairly many PUs that have acquired stability in English have been also borrowed in Latvian.

When a PU created by an author finds its way into a language it may evolve further, change its stylistic colouring, etc. Thus the author may start being forgotten.

With loans this process is even more pronounced - they get dissociated from the source even more often. For instance, the PU "Star Wars" at first was the title of the popular science fiction film (dir. J. Lucas, 1977). A few years later senator E. Kennedy used it as a name for a space militarisation programme which was later given a more innocent name - Strategic Defence Initiative (SDI). Thus, only the acquisition of the new figurative meaning made the phrase a PU.

As concerns the translation loan "zvaigžņu kari" few people would know its origin, most Latvians are familiar only with its SDI meaning.

On the other hand, there are cases when the source of the PU is well known to the Latvian reader; a link between the author and the translation loan exists, e.g. the last of the mohicans - pēdējais mohikānis (the title of a book by F. Cooper), to be or not to be - būt vai nebūt (from E. Shakespeare's "Hamlet").

In these PUs and translation loans we often observe generalization and widening of the initial meaning, e.g. the last of the mohicans - pēdējais mohikānis, the lost generation - zudusi/ zaudētā paaudze. This sometimes affects the form of the PU, too. Thus the title of

Gr. Greene's novel "The Quiet American" was translated into Latvian as "Rāmāis amerikānis" (in our opinion not a very successful translation). Yet, as in English and a bit later in Russian there appeared a PU with a generalized meaning and also Latvians felt a need for a PU with this meaning, the translation loan took a different form - "klucais amerikānis" which much better reveals the meaning of the phrase, e.g.

"Klusie amerikāņi" Pešavara. (Cīņa, 18.2.1987).

9. Phraseological transcription loans

Phraseological transcription loan is a borrowed PU whose components have not been translated, yet have undergone some morphemic changes, i.e. they are transcribed and adapted to the norms of the target language. Thus, this type of loans as it were occupies an intermediary position between phraseological translation loans and complete phraseological loans. Phonemically they stand rather close to the source language unit while the adaptation allows the loans to function like native units. The adaptation usually complies with the norms of rendering English letters and sounds in Latvian.

Transcription loans are the result of untranslatability. They are English proper names that have become generic and acquired a phraseological status in English. The knowledge of the source of some of these PUs also for the Latvian reader makes borrowing (or at least understanding of them) easier.

There are very few transcription loans borrowed from English. Only four of them seem to have gained stability in Latvian:

Džons Bala from John Bull (in the meaning of an Englishman)

Šerlocks Holms from Sherlock Holmes (in the meaning of any detective, especially an amateur)

Džons Smits from John Smith (in the meaning of an average citizen)

Piters Pens from Peter Pan (in the meaning of a person who never grows up)

Tas, ka Džons Buis komiskā valoda nozīmē anglis, nebut nenozīmē, ka Širons smējies par angļu tautu. (Ž.Griņa Proza-3. R., 1960.p.93)

Skolotāju laikam ir Šerloks Holmsa, jo pieži vien kāds uzdod jautājumu: kur ir jūsu sudzekais? (Padomju Jaunatne, 5.10.1985)

"Daily Mirror" atšķirībā no aristokrātiskās "Times" vai intelektuāli indeksētās "Financial Times" adrešēts visupirms mazākprasīgam Džonam Smitam. (V.Hermanis, Divatne ar globusu. R., 1984.p.74)

Monika un citi viņas līdzaudži ulimo ar Pitera Pensa kompleksu- ne par kādu naudu negrib pieaugt, negrib kļūt lieli. (Padomju Jaunatne, 2.4.1987)

10.Mixed phraseological loans

Mixed phraseological loan is a borrowed PU at least one of whose components has been translated while at least another one has been transcribed, thus all the components have been morphemically changed.

Mixed phraseological loans appear when some component of the original PU is untranslatable and so cannot but be transcribed. Like in phraseological transcription loans this component is usually a proper name:

tēvocis Sams from Uncle Sam

lindā tiesa from Lynch law

krusteva Toms from Uncle Tom

Mērfija likums from Murphy's law

asiņaina Mērija from Bloody Mary

...Britu salu iedzīvotāju vairākums nebūt neļūtas aplaimots atrasties zem tevoča Sema kodollietussarga. (Padomju Jaunatne 26.6.1987)

Krustēva Poma mazbērnā. Visus godīgos amerikāņus arvien vairāk satrauc joprojām neatrisinātā nēģeru problēma. (J.Porietis. Kāda bijī, kāda esi, Amerika? R.,1972.p.75)

Romāna ienaca daudz kas no Sibīrijas cikla stāstiem- "Čruišus kuratavu" beismīgums 1919.gada vasarā, "Sievietes" linču tiesa... (I.Sokolova.No tautas tautai. R.,1977.p.92)

Many FUs borrowed from English contain components that are also of English origin, e.g. dzelza lēdija, lielais bizness, džungļu likums, dzeltenā prese. However, these components were borrowed as separate words before the unit was borrowed, they also function as separate words in Latvian today. The phraseological loans containing them are translation loans. To decide whether a phraseological loan is a mixed loan or a translation loan we may ask a Latvian speaker if he takes the dubious component as an allusion to the PU. In case it is treated as an allusion, e.g. "Sems" the unit is a mixed loan, in case it is treated as a separate lexical unit, e.g. "džungļi" it is a translation loan.

11. Transformations in the process of borrowing

When borrowing a PU two tendencies are present- on the one hand that of preserving identity with the prototype, on the other hand that of adaptation to the target language. The latter usually takes the upper hand and results in different transformations of the borrowed phrase affecting semantic, lexical and grammatical levels of the unit. As these transformations do not affect complete loans and hardly at all transcription loans we deal with translation loans here.

The most frequent and considerable transformations are the following:

1) substitution of lexical components of the PU, e.g.
merry old England - veca labā Anglija

Šoferis "iedzen pedāli grīdā", un autobuss ar 70
jūdžu atrumu sāk traukties pretim Londonai (Protams,
pa ceļu kreisā pusī- jo tā tāču ir vecā labā Anglija)
(Liecma, 1982, N.5.p.25)

Antonijs Simpsons, kura grāmata "Britānijas jaunā
anatomija" ir patiesi universāla cilvēcis jaskurā
"vecās labās Anglijas" dzīves novads, trāpīgi aprak-
sta arī masu media pavālnieku iegūtas pozīcijas.
(V.Hermanis. Divatnā ar globusu. Rīga, 1984.p.77)

2) extension of the PU. This transformation usually
occurs with the purpose of making the unit
easier to understand, e.g.

cross examination - nopretināšana jautājumu
krustojumā

Sākumā viņš mēģināja nopretināšanā jautājumu krus-
tojumā samaleinat micis Džonsu un pat saka viņai
uzdot jautājumus ne pēc būtības. (K.Hoiermans. Slep-
kava no Notinghamas, R., 1980.p.137)

3) ellipsis. Ellipsis takes place when the English
PU contains redundant components without which
the unit is just as understandable. Usually the
elliptical variant of the PU also exists in
English, e.g.

(put your trust in God and) keep your powder dry-
turēt sausu pulveri

Viņa ir pārliecināta, ka sarkāarmieši, komandie-
ri un politiskie darbinieki vienmēr turā pulveri
sausu. (Ciga, 1.8.1940)

he who pays the piper calls the tune - kas maksā,
tas pasūta mūziku

J.Podnieks aicināja lauzt mātveco kērtību; kas
maksā, tas pasūta mūziku, jo "mierīgums un smukums

ir pacūtiis un pieprasīte". (Literatūra un Māksla, 4.4.1986)

Miljonus, ko prasa filmu ražošana, nevar ieguldīt bez aprēķina un kontroles. Kas maksā, tas pacūta ruzīku arī sociālisma. (Māksla, 1987, l.p.45)

- 4) lexicalization of the PU. Lexical and phraseological borrowing go hand in hand. Being borrowed a PU may turn into a word (compound). This often happens to two component PUs. Lexicalization is widespread in Latvian (also in German) while it is rare in Russian. E.g.

nuclear umbrella - kodollietusarga

nuclear winter - kodolziema

nuclear night - kodolnakts

a blue stocking - zilzeķe

a pale face - bālgāmis

a sit in - sēdstreiks

a honeymoon - medusmēnesis

Pentagons šo stāvokli saprot, un lai "droši" piesegtu savu "kodollietusarga" Ahileja papēdi, t.i., pirmā kodoltrieciens līdzekļus, nolēms radīt jaunu mobilu raketi. (Zvaigzne, 1986,7)

Kodolkarš var novest pie "kodolnakts" un tai sekojošas kodolziemas iestāšanās. (Zvaigzne, 1985,20)

Hirošimā notika protesta sēdstreiks pret Vašingtonas kodolizmēģinājumiem. (Rīgas Balso, 29.1.1986)

Savas valdīšanas medusmēnesī, kā likās, aukstasinību vēl nebija zaudējis arī Prezidents Karters. (V.Heranis.Divatnē ar globusu. Rīga, 1984,p.45)

It is interesting that some of the lexicalized loans at the beginning tended to preserve the phraseological status:

"Cielevis jounkundz, vai jūs pazīstat medus mēnesi?"

"Nemaz nezīnu, kas tas medus mēnesis tāds ir!"
(Zaibolts Jēkabs. Ūdens burbuļi. Rīga, 1985, p.54.
(first published in 1900))

Ierēķinot dārgos medus mēnešus misters Derlijs nebūt neizbijās, kad tās dienas tēriņu ar skaitli pieci precizēja. (J.Poruks. Kopoti raksti, 2. Rīga, 1924, p.17.(1897))

- 5) phrasologization. The opposite process is not so widespread, yet it exists, too. English compounds are sometimes split up into PUs when borrowing, e.g.

brainwashing - smadzeņu skalošanu

Bet zemēs, kur valda visvarenā televīzija, nabaga cilvēki, kas pakļauti visietākūjam smadzeņu skalošanai, seko saviem "vadoņiem" kā aitas. (Literatūra un Māksla, 15.11.1985)

Kas gan viss tika likts lietā, lai nabaga skolotājam "izskalotu smadzenes"! (Literatūra un Māksla, 19.12.1986)

ostrichism - strausa politika

Seit valda tā pati vieglprātība, "strausa politika", tīša acu aizvēršana pret briesmām, ka jautājumā par otro pasaules karu... (Daugava, 1930,3,p.362)

Par principu mākslā nedrīkst kļūt strausa politiku, kad tiek neredzēts tas, kas notiek visapkārt. (Literatūra un Māksla, 11.04.1986)

- 6) transposition of components within the loan, e.g.
cloak and dagger - dunča un apmetņa

Sabiedrībai kļuvuši zināmi fakti, kas liecina, ka "dunča un apmetņa" resors veicis graujošas abīcijas pret sociālistisko Kubu, pielietojot bioloģiskos ieročus. (Horizonts, 1985, Nr.19.p.33)

law and order - kārtība un likumība

Vai nav tieša- tas jau ir kaut kas līdzīgs mazam dumpim pret ierasto "kārtību un likumību"? (Padomju Jaunatne, 15.09.1974)

It should probably be pointed out that the order of the components often bears fairly random character and not all cases can be viewed as stable ones.

- 7) diminutive adjective in the loan. This is a very typical feature of borrowing PUC into Latvian. The ending usually does not bear much semantic weight.

a dark horse - tumšais zirdziņš

Starptautiskajā olimpiskajā komitejā Birmingemū dāvē par "tumšo zirdziņu". (Sports, 22.9.1985)

Trijās nedēļās no nepazīstamā "tumšā zirdziņa" līdz valsts izlases dalībniekam. (Padomju Jaunatne, 24.5.1985)

basket three- trešais groziņš

Jautājums par nepieciešamību aizsargāt cilvēku tiesības (kādreiz tē saucamais trešais groziņš Eiropas apspriedē) kļūst arvien aktuālāks tieši kapitālistiskās iekārtas apstākļos. (Cīņa, 30.07.1985)

Un tomēr dienu no dienas mēļneigi tiek apgalvots, it kā PSRS nepildot apspriedes par drošību un sadarbību Eiropā. Nobeiguma akta "trešā groziņa" pamattezes. (Planētas Pulce 1976.R., 1977.p.163)

- 8) changes in the meaning of the unit. Apart from the connotational changes (ideological problems or mistakes of borrowing) we have yet another - the translation loan melnais kontinents (the dark continent) has different associations for a Latvian and for an Englishman. The unit was created by C.M. Stanley in 1870 and denoted Africa as a continent that

is dark and unknown. For the Latvian reader the association goes along the lines of the colour of the skin of the inhabitants.

Vīpim šoreiz bija līdzī treneris - lielmeistars Mamins H'Didjē un āfrikāņu nopietnā gatavošanās ļauj gaidīt no Melnā Kontinenta pārstāvjiem vislielākā mēroga sensācijas. (Padomju Jaunatne, 31.12.1985)

Daudzas Āfrikas valstis iestājas par nenukleāra statusa piešķiršanu "Melnajam kontinentam". (Liesma, 19.12.1986)

Of course, this loan may be viewed as a case of substitution, however it seems to be determined by above mentioned associations.

Recommended Literature

1. Аристов В.М. Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке). - Л., 1978. - 151 с.
2. Бабкин А.М. Русская фразеология, её развитие и источники. - Л., 1970. - 263 с.
3. Балдунчику Ю.Н. Заимствование англизмов в латышский язык: Дис. ... канд. филол. наук. - Рига, 1983. - 240 с.
4. Длуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. - Киев, 1974. - 176 с.
5. Кувин А.В. Фразеология современного английского языка. - М., 1972. - 286 с.
6. Понемаренко Л.А. Устойчивые лексемоцепления контактирующих языков: Дис. ... д-ра филол. наук. - Тбилиси, 1978. - 494 с.
7. Солодухо Э.М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. - Казань, 1977. - 158 с.
8. Солодухо Э.М. Проблемы интернационализации фразеологии. - Казань, 1982. - 168 с.
9. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. - М., 1972. - Вып. 6. - С. 344-382.
10. Baldunčika J. Anglisma uzturēšanas pamatizmes latviešu valodā. - ZA Vēstis. - 1979. - Nr. 3. - PP. 59-71.
11. Haugen E. The Ecology of Language. - Stanford, 1972. - 367 p.
12. Rūke-Drevina V. Dichroniskā maiņa latviešu frazeoloģijā // Baltu valodas senāk un tagad. - Rīga, 1985. - PP. 227-234.

13. Wade T.L.B. Indirect Loans in German and Russian //
The Incorporated Linguist.- Vol.19.-N.2. -
1980.-PP.43-48.
14. Weinreich V. Languages in Contact.-N.Y.,1953.- 148 p.

Appendix

Phraseological loans of English origin in Latvian

COMPLETE PHRASEOLOGICAL LOANS

American dream, to be or not to be, better late than never, brain drain, Brain's Trust, break dance, common sense, deeds not words, fair play, fifty fifty, five o'clock tea, Fleet Street, happy end, hat trick, heavy metal, high life, How do you do? home, sweet home, a household name, hot dog, Intelligence Service, keep smiling, know how, lost not least, life is not a bed of roses, mass media, my better half, my house is my castle, the new wave, Rule Britannia, Scotland Yard, self made man, self made girl, Stars and Stripes, stiff upper lip, take it easy, tie break, time is money, Union Jack, who is who.

OTHER PHRASEOLOGICAL LOANS¹

1. Noun phrases

abolīgs lapa - a clover-leaf

algas iesaldšana - wage freeze

amerikāņu sapnis - American dream

amoks skrējieni - to run amok

apriņķa galda - round table

apretne un dundzū viri (revers, bruņinieki...) - cloak and dagger

apziņas plūsma - stream of consciousness

asiņainā Marija - Bloody Mary

¹We have not grouped the other types of phraseological loans separately here, as they have been discussed in the respective chapters. The phraseological loans have been grouped according to the structural classification. Some of the noun phrases, though, may also have their clause phrase variants and vice versa, yet only one variant is given.

atslēgas vārds - key word

atspoles diplomātija - shuttle diplomacy

atvērto durvju politika - open door policy

aukstais karš - cold war

baroni-laušotāji - robber barons

bailu līdzsvars - balance of fear

baltā cilvēka nasta - white man's burden

Baltais nams - White House

baltas apkaklītes - white collars

baltie vergi - white slaves

banānu republika - banana republic

bita paaudze - beat generation

Britu lauva - the British Lion

brīvā pasaule - the free world

brīvāis tirgus - the free market

ceturtais slānis - the Fourth estate

cilvēks no ielas - a man in the street

cīga par eksistenci - struggle for existence (life)

dabiskā izlase - natural selection

darba tirgus - labour market

dolaru diplomātija - dollar diplomacy

dusmīgie (suniknotie) jaunie cilvēki/ jaunie dusmīgie-

angry young men

dzeltenā prese - yellow press

dzelzs lādija - iron lady

dzelzs priekškars - iron curtain

džentelmeņu noruna - gentlemen's agreement

džeza laikmets - jazz age

džungļu likums - law of the jungle

Eivonas pulbis - the Swan of Avon

elektriskais krēsls - electric chair

ēnu kabinets - shadow cabinet

gaišs tuncļa galā - light at the end of the tunnel

grāmatu tārs - a book worm

- ierindas biedri - rank and file
indīpa vasara - Indian summer
hobija hordziāš - hobby horse
Jaunie vilnis - New wave
Juar vilks - a sea wolf
karstā līnija - the hot line
(planētas) karstais punkts - a hot spot
karstais suns - hot dog
kara spēles - war games
kārība un likumība - law and order
kausēšanas katls - melting pot
klibā pāle - a lame duck
klusie amerikāņi - the quiet American
klusājošais vairākums - the silent majority
kļavas lapas zeme - maple leaf country
koncentrācijas nometne - concentration camp
kosmiskā atspole - space shuttle
kosmiskais aizsargs - space shield
kosmiskais velkors - space tug
Kruattava Toms - Uncle Tom
lauzta deģis - break dance
lēciena cums (muzikantā) - a leap in the dark
lidojošie cietokāņi - the flying fortresses
lidojošais spēlītis - flying saucer
lielais bizness - big business
lielais brālis - big brother
lielais dīķis - the big pond
lielais spradzciens - Big Bang
lielais trijnieks (trijsone) - the great three
lielās ranga (nāģas) politika - big stick policy
lielgaballaiņu diplomātija - gusboot diplomacy
līnā tiesa - Lynch Law
melnā kaste - black box
Melnā Marija - Black Maria
melnais caurums - a black hole

- melnais saraksts - black list
Melnais kontinents - the Dark continent
Murfijs likums - Murphy's law
mekonaģle Rietumi - Wild West
riera cīnītājs - champion of peace
muskuļu demonstrācija - demonstration (flexing) of muscles
nervu kamols - a bundle (knot) of nerves
netīra burba - dirty bomb
netīra (nogodīga) spēle - foul play
norādītāšana jautājumu krustugunīs - cross examination
nulle ("0") variants - zero option
parlamentu māte - Mother of Parliaments
pārnaiņu vējš - wind of change
pasaules darbnīca - the world's workshop
beidzais mohikānis - the last of the Mohicans
pelēks smadzeņu viela - the grey matter
pilsētas plaušas - the lungs of the city
pirma lādīte - the first lady
puku (ziedu) bērni - flower children
retanu medības - witch hunting
redzes punkts - point of view
roku izriešana - twisting of arms
Sarkano un Baltās rozēs karš - War of the Roses
sarunas/ tikšanās pie kamīna - fireside chat
skābais lietus - acid rain
smagais (metāla) roks - heavy metal rock
smadzeņu aizplūde - brain drain
smadzeņu skalošana - brain-washing
smadzeņu trests - Brains frust
spageti westerns - spaghetti western
epoku pilsēta -ghost town
strausa politika - ostrich policy
svaigas asinis - new (fresh) blood
svētā gove - sacred cow

- tāvocis Sems - uncle Sam
tīra bumba - clean bomb
tīra (godīga) spēle - fair play
tīrgotāju nacija - a nation of shopkeepers
trūknais runcis/ kakis - a fat cat
trīsais groziņš - Basket Three
tumšais zirziņš - a dark horse
usticības krīze - credibility gap
vara ķivere - a brass hat
varus gaites - corridors of power
vardi un darbi - words and deeds
vocā laukā Anglija - merry (old) England
veselais saprāts - common sense
vienvirziena ceļš - one way street
virgotņu tikšanās - summit meeting
virtuves kabineta - kitchen cabinet
visatļautības sabiedrība - permissive society
vīķerājais iekļaujamais valsts - welfare state
visvarīgais dolārs - almighty dollar
zaļā berete - the green beret
zaļā josta - the green belt
zaļā revolūcija - the green revolution
zelta drudzis - gold fever
ziņģu opera - soap opera
zila berete (ķivere) - the blue beret (helmet)
zilās apkraklītes - blue collars
zudusi/ apūdušā paaudze - the lost generation
zvaigžņu kari - star wars

2. Sayings

Nemētāties ar akmeņiem, ja pats dzīvo stikla namā -
People who live in glass houses should not throw
stones

Dzīve nav rožu dārzs - Life is not a bed of roses

Kas maksā, tas pasata mūziku - He who pays the piper
calls the tune

laulības tiek slēgtas debesīs - Marriages are made in
heaven

Nauda put kāvaj līck iet - Money makes the more (to) go

Pēdējais (nactai uzkrautais) salmiņš pārlauž kameļa
(zilogo) muguru - It is the last straw that breaks the
camel's back

Zirgu var pievest pie ūdens, bet to nevar piespiest
dzert - You can take the horse to the water but you
cannot make him drink

Spalva ir stiprāka par zobenu - A pen is mightier than
sword

Mans nams ir mana pils - My house is my castle

Laiks ir nauda - Time is money

Zināšanas-spēks - Knowledge is power

Laiks ir mūsu pusē (strādā mūsu labā) - Time is on our
side

Vīcu karš pret vīcīti - War of everyone against
everyone

Fakti ir spītīgi/ stūrģalvīgi - Facts are stubborn
things

Ceļš uz ellī bruģēts labiem nodomiem - Road to hell
is paved with good intentions

3. Clause phrases

- būt vai nebūt - to be or not to be
- ticēt savai zvaigznei - to believe in one's star
- iziet uz kara takas - to go on the war path
- aprakt kara cirvi - to bury the hatchet
- mazgāt (netīro) veļu sabiedrībā - to wash one's dirty linen
in public
- sūtīt (raidīt) SOS signālus - to send SOS calls
- no putna lidojuma - a bird's eye view
- glabāt visas olas vienā grozīgā - to have (put) all one's
eggs in one basket
- arī tu, Brut- You too, Brutus
- puči karalvalsts par ko - a kingdom for a horse
- šūpot laivu - to rock the boat
- būt (sēdēt) vienā laivā - to be in the same boat
- lauzties atvertas durvis - to force an open door
- savilkt cieņāk jostu (riksnu) - to tighten one's belt
- iznest gar bortu - to go by the board
- balansēt uz kara robežas (šķautnes) - brinkmanship
- leduskalns (aizbergs), redzamā daļa (viršotne) - the top
(visible part) of the iceberg
- aiz slēgtām durvīm - behind closed door
- aist zem jostas vietas - to hit below the belt
- izsmēkt miera pīpi - to smoke the pipe of peace
- roket nost ro ... - hands off ...
- dot zaļo gaismu - to give (sb, sth) the green light
- raudēt seju - to lose face
- bumba ir otra laukumā pussē - the ball is in your court

Институт языкознания Академии наук СССР
Калининский государственный университет

ВАРИАТИВНОСТЬ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

25 - 27 мая 1988 года

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

И

П Р О Г Р А М М А

Москва, Калинин 1988

фикативных структур простого предложения показал, что предикатные слова характеризуются постоянством своих семантико-синтаксических признаков при любых вариациях лексической семантики, в то время как семантико-синтаксические свойства непредикатных слов варьируют в пределах, устанавливаемых отношениями в денотативной области, сохраняя при этом лексическую семантику. Представилось возможным сократить число синтактико-семантических классов предикатов до четырех, свойства которых определяются пересечением двух бинарных семантических признаков: \pm динамичность, \pm релативность.

Анализ денотативных структур простого предложения показал постоянство ролей непредикатных слов при любых сигнификативных семантических функциях и значительную вариативность предикатных слов, ограничиваемую только принадлежностью их к определенному семантико-синтаксическому (сигнификативному) классу. Одновременно удалось выделить два основных класса денотативных областей (векторный и скалярный); положением непредикатных имен в которых определяются (наряду с особенностями дистрибуции) пределы сигнификативной синтаксической подвижности имен и степени формальных характеристик предикатов в простом английском предложении.

Таким образом, при значительной вариативности номинативной и синтаксической семантики имен в составе предложения выделяются две области стабильности: сигнификативная сфера для предикатных слов и денотативная область для непредикатных слов, что и предопределяет контекстуальную обусловленность вариативности первых и ситуативную обусловленность вариативности семантики вторых.

А.Г.Вейсберга (Рига)

КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ВАРИИРОВАНИЕ КОМПОНЕНТНОГО СОСТАВА И СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Под фразеологической единицей (ФЕ) понимается относительно устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением.

Общезвестно, что во фразеологии распространена вариативность — у многих ФЕ существуют варианты компонентов, которые в своем большинстве фиксированы в лексикографических источниках. Однако в речи варьирование компонентов достигает других масштабов — оно практически неограниченно. Это так называемые авторские контекстуальные изменения или окказиональное использование ФЕ, т.е. преднамеренное изменение семантики или структуры ФЕ с целью достижения дополнительного стилистического эффекта, экспрессивности и эмоциональности, например: out of the frying pan into the fire: "And anyway, it was only out of the frying pan. I'm even worse now than I was before" (J. Powles); Gebrauntes Kind scheut das Feuer: "Ich bin misstrauisch gegen jedes Geld. Ich bin ein gebranntes Kind, Feldfebel" (E. Brecht).

Существует разница между двумя типами окказионального использования ФЕ: в семантических изменениях ФЕ это достигается через контекст, в структурно-семантических — через изменения структуры ФЕ. Представляется интересным рассмотреть окказиональное использование на материале нескольких языков. Сопоставительный анализ материала немецкого и английского (а также французского, русского и латышского) языков показывает, что приемы окказионального использования, которые являются воспроизводимыми и языковыми по своей сущности, практически идентичны в упомянутых языках. Речевые изменения, вызванные действием таких приемов, различаются в синтаксическом, лексическом и морфологическом плане, но само действие приемов не различается. Это касается функционирования таких приемов, как двойная актуализация, развернутая метафора, нарушение стилистической дистрибуции, фразеологическаяzeugma, которые являются приемами семантического изменения, и таких приемов структурно-семантического преобразования ФЕ, как фразеологический эллипсис, фразеологическая аллюзия, фразеологическое умолчание, замена, вклинивание и добавление.

Представляется, что расширение круга языков и числа приемов окказионального использования ФЕ может дать разные поправки для теории окказионального использования и обобщения по вопросам контекстуальных изменений и варьирования на семантическом и структурно-семантическом уровнях.

Министерство народного образования Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. П.Стучки
Факультет иностранных языков
Кафедра английской филологии

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКА
В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1988

Latvijas PSR Tautas izglītības ministrija
Ar Darba Sarkanā Karoga ordeni apbalvotā
Pēteru Stučkas Latvijas Valsts universitāte

Svešvalodu fakultāte
Angļu filoloģijas katedra

VALODAS TIPOLOĢISKĀS IEZĪMES
KONTRASTĪVAJĀ ASPEKTĀ

Zinātnisko rakstu krājums

P. Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Rīga 1988

2. Бoльшeв Л.Н., Смирнов Н.В. Таблицы математической статистики. М., 1965.

Вейсберго А.Г., Начисчионе А.С. /Рига/

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМАХ
(на материале новейших английских фразеологических
займствований русского и латышского языков)

Фразеологическая стилистика в последние двадцать лет выделялась в самостоятельный раздел лингвистической науки, включающий большое число исследований, проведенных на материале отдельных языков. Сопоставительный анализ в сфере фразеологической стилистики только начинается. Использование его при изучении стилистического функционирования фразеологических единиц (ФЕ) в речи представляется плодотворным для обобщения полученных результатов и дальнейшего развития самой фразеологической стилистики.

Окказиональное использование ФЕ в речи, наряду с usualным употреблением, является закономерным явлением, речевой нормой. Окказиональные изменения ФЕ возможны независимо от ее "возраста", с того момента, когда данная единица приобретает статус ФЕ, т.е. характеризуется частично или полностью переосмысленным значением и стабильностью на всех языковых уровнях [1, с.1247,1259]. Окказиональные формы ФЕ обнаружи-

ваются в самых ранних письменных источниках, употребляются в языке в течение всего периода его развития и встречаются также в новейших текстах.

Так, например, окказионально преобразованные ФЕ зафиксированы уже в древнеанглийских текстах IX и X столетий [2], что свидетельствует о том, что окказиональное использование ФЕ является частью системы языка, а, следовательно, и речи.

(saw) hwite swa snaw^I

Neora lichamaþ wæron hwittran þonne snaw.

(Aelfric, Heptateuch, 1000)

Сравним это окказиональное употребление данной компаративной ФЕ с узуальным фразеологическим употреблением IX века:

Paules sawle swa hwite swa snaw.

(Old English Martyrology, 900)

Однако зачастую невозможно установить время появления ФЕ и их начального использования в узуальной форме. В этой связи представляется интересным выяснить, какой период функционирования ФЕ в узуальной форме необходим для появления окказионально преобразованных ФЕ. С этой целью обратимся к новейшим английским фразеологическим заимствованиям в русском и латышском языках, позволяющим определить время появления данных фразеологических неологизмов.

Так, ФЕ "basket three" появилась в английском языке в период подготовки заключительного Совещания по вопросам ев-

^I OE (saw) hwite swa snaw - MoE (as) white as snow.

ропейской безопасности и сотрудничеству в Хельсинки в 1975 году со значением "гуманитарные проблемы сотрудничества, человеческие права" [3, с.298].

Во второй половине 70-х годов в средствах массовой информации ФЕ "третья корзина" (заимствованная из английского "basket three") употребляется в русском языке в ее узуальной форме [3, с.298] и уже в 1975 году данная ФЕ встречается в окказиональной форме:

третья корзина

... уже просматривается, как говорят в Женеве, "дно третьей корзины".

(Лит. газ., 1975, 3)

Ввиду актуальности указанной проблемы засвидетельствованы многочисленные узуальные и окказиональные употребления данного фразеологического неологизма.

Эта ФЕ проникла в латышский язык в начале 80-х годов и в течение нескольких лет употреблялась в узуальной форме, например:

Reakcionārie emigranti īpaši uzmanību velta tā sauktajam trešajam grozam ...

(Baltijas reakcionārā emigrācija
šodien. Rīga, 1982, 197, lpp.)

Благодаря частому использованию в средствах массовой информации ФЕ "trešais grozs" приобрела устойчивость на всех языковых уровнях и уже с середины 80-х годов начала употребляться с окказиональными изменениями:

trešais grozs

Tā sauktais trešais grozs nav domāts politiskiem va.ckariem un mieram naidīgiem humanistiem. Desmit gados jātami mainījusies Eiropa, pasaule, trešā groza ietilpība.

(Dzintenes Balss, 1985, 25.jul.)

Языковой материал показывает неправомерность некоторых теоретических положений фразеологической стилистики, в частности положения о том, что необходимы весьма длительные сроки употребления, даже столетия, чтобы так называемые "традиционные ФЕ" могли быть подвергнуты окказиональным изменениям [4, с.94].

Представляется неправомерным также употребление терминов "омолаживание" [5, с.20] и "модернизация" [4, с.94] для обозначения окказионального использования ФЕ, так как эти термины допускают исходную предпосылку, что ФЕ должны пройти долгий путь развития перед тем, как они могут быть подвержены окказиональным изменениям. Ряд исследователей придерживается крайних взглядов по этому вопросу, не усматривая нормативности самого процесса окказиональных изменений ФЕ. Так, например, Е.К. Луконина утверждает, что ФЕ с полностью переосмысленным значением представляет собой "не что иное, как мертвые метафоры, банальные дидактические изречения, прописные истины" [6, с.17], "клише, засоряющие речь" [6, с.25], а стилистические изменения ФЕ в речи автор называет "деформацией" [6].

Фразеологический материал разных языков и разных столе-

тий свидетельствует о том, что и узуальное употребление и окказиональное их использование сосуществуют как две подлинно-правные формы функционирования фразеологизма в речи. Появление окказиональных форм ФЕ в речи обусловлено рядом причин, в том числе и стилистических, которые не всегда зависят от продолжительности употребления ФЕ в языке. На это указывает и факт окказионального использования фразеологических неологизмов.

Например, английская ФЕ "dark horse" восходит к первой половине XIX века, она впервые упоминается в 1831 году [7, с.169; 8, с.34].

В русских текстах ФЕ "темная лошадка" впервые обнаруживается в 1971 году [3, с.712]. В последующие годы она часто появляется на страницах советской прессы как в узуальной, так и в окказиональной форме, например:

темная лошадка

Даже самый многочисленный табун "темных лошадок", как обычно называют американцы неожиданных претендентов на выборные посты, не заполнит "пустоту", образовавшуюся на вершине демократической партии...

(За рубежом, 1975, 25)

Эта же ФЕ была заимствована в начале 80-х годов в латвийский язык в том же значении. Она получила широкое распространение в газетных текстах, и вскоре появляются многообразные случаи ее окказионального использования. Так, в следующем примере данная ФЕ используется в окказиональной форме

не только в заголовке газетной статьи - "Tumša zirdziņa" apsegļošana", выполняя текстообразующую роль, но и занимает целый параграф, который является случаем сложного конвергентного использования целого ряда приемов окказионального функционирования ФЕ в речи:

tumšais zirdziņš

Lai nokļūtu uz plataka ceļu, Rīgas "Celtnieka" meistar-komandai vispirms vajadzēja zavaldīt un tad arī apseg-
lot (lasi - uzvarēt) pirmās līgas "tumšo zirdziņu" -
Voroņežas vienību "Atoms". Jāteic, ka zirdziņš (visā
ir arī līgas debitants) bija ne vien tumšs, bet arī ne
sevišķi kautrīgs un droši guloja turp, kurp "visu atzī-
tie" līderi - uz to pašu plate ceļu.

(Rad. Jaunatne, 1985, 26. febr.)

Приведенные примеры ФЕ не являются единичными. В 70-80-х годах в русский и латышский языки был заимствован целый ряд ФЕ политического характера, которые были быстро усвоены благодаря частому употреблению. В политических текстах они часто применяются в окказиональной форме:

сидеть в одной лодке

Представитель такой далеко не мизерной страны, как ФРГ, однажды заметил, что сидеть в одной "валютной лодке" с Соединенными Штатами все равно что иметь в лодке слона.

(А.В.Авикина. Желтый дьявол. М., 1978, с.164)

sedēt vienā laivā

Mēs visi, Zemes iedzīvotāji, esam kā korīgi ceļināki
laivā, kura dodas pāri likteņa upei uz nākotnes kras-
tu ...

(Zvaigzne, 1986, 6)

Наряду с другими многочисленными окказиональными измене-
ниями фразеологические неологизмы, несущие политическую окрас-
ку, часто подвергаются антонимической замене, которая ввиду
частого употребления может в будущем потерять окказиональный
характер. Прондлюстрируем данное положение примерами употребе-
дения ФЕ "star wars" (восходящей к речи Э.Кеннеди в 1980
году), которая выделяется среди фразеологических заимствован-
ний 80-х годов своей актуальностью:

звездные войны

В противовес злобещим планам "звездных войн" СССР
выдвигает перед международным сообществом концепцию
"звездного мира".

(Выступление Э.А.Шевирнадзе на 40-й
сессии Генеральной ассамблеи ООН. -
Правда, 1985, 26 сент.)

"звездным войнам" - нет!

"звездному миру" - да!

(Правда, 1985, 28 сент.)

zvaigžņu kari

Pretmetā bīstamajiem "zvaigžņu kariem" plāniem PSRS izvir-
za starptautiskajai asociācijai "zvaigžņu miera" koncepciju.

(Cīņa, 1985, 26. sept.)

Итак, языковой материал новейших фразеологических заимствований убедительно свидетельствует о том, что наличие в них окказиональных форм представляет собой весьма распространенное явление в текстах массовой информации, зависящее не от длительности использования данных ФЕ, а от актуальности, интензивности и частотности их употребления. Проникновение данных окказиональных форм в речь служит одним из показателей ассимиляции фразеологических заимствований в языке-реципторе. Окказиональное использование ФЕ есть нормативное явление, возникающее в речи после укоренения ФЕ в данном языке, причем сроки его зависят от лингвистических и экстралингвистических факторов.

Библиографический список

1. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины // Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967.
2. Whiting B.J. Proverbs, Sentences, and Proverbial Phrases from English Writings Mainly before 1500. Cambridge, Mass., 1960.
3. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М., 1984.
4. Кокеладзе Р.Г. О некоторых обновленных фразеологизмах в русском языке (на материале поэзии XX в.) // Диалогические науки. М., 1974. №4.
5. Лепшев И.И. Проблемы фразеологической стилистики и фразеологии. М., 1974.

- фразеологической нормы в современном белорусском литературном языке. Автореф. ... д-р. филол. наук. Минск, 1984.
6. Луконина Е.К. Идиоматическая фразеология в языке и речи (на мат. совр. англ. языка). Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1986.
7. Morris Dictionary of Word and Phrase Origins. London, 1972.
8. The Oxford English Dictionary in XII Volumes with a Supplement, edited by J.A.H. Murray, H. Bradley, W.A. Craigie, C.T. Onions. Oxford, 1961, Vol. 3.

Начискионе А.С. /Рига/

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИРУЕМОСТЬ ПРИЕМОВ ОККАЗИОНАЛЬНОГО
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ
(на материале английского и латышского языков)**

Плодотворность сопоставительных изысканий кроется в выявлении общезыковых закономерностей. Окказиональное функционирование фразеологических единиц (ФЕ) в речи раскрывает то общее, на чем построены неисчислимы окказиональные речевые формы: систему приемов окказионального преобразования в речи¹. Каждый прием характеризуется определенной совокуп-

¹ Идея системности приемов окказионального использования ФЕ была впервые сформулирована А.В. Кунным [1, с. 32], далее разработана Н.Л. Шадриним [2, с. 78] и другими исследователями.

ностью черт, которые позволяют отнести его к типизированным выразительным средствам языка.

Прием как воспроизводимый элемент языковой системы обладает общими признаками, которые включают в себя не только изменения грамматической структуры ФЕ, количества ее компонентов, но и тип преобразования семантической структуры ФЕ¹. Способ образования фразеологического значения определяет структуру внутренней формы окказионально преобразованной ФЕ. Закономерности динамики внутренней формы ФЕ при окказиональных изменениях позволяют ставить вопрос о семантической моделируемости приема. В каждом приеме семантическая структура окказионально преобразованной ФЕ имеет свои отличительные особенности.

Сопоставительный анализ функционирования одного и того же приема окказионального использования ФЕ в разных языках выявляет общие семантические признаки. В рамках данной статьи ограничимся случаями перифраз компонентов ФЕ в английском и литовском языках:

to throw [dust] into someone's eyes
we distinctly charge the dustman with throwing
[what they ought to clear away] into the eyes of
the public.

(Ch. Dickens. The Posthumous Papers of
the Pickwick Club)

¹ Семантическая структура и типология внутренних форм ФЕ разработаны А.М.Мельникович [3]; см. также [4,5].

LATVIEŠU VALODAS KULTŪRAS JAUTĀJUMI

(Rakstu krājums)

24. laidiens

VĀRDS JAUNAJIEM FILOLOGIEM

Sastādījis J. Rozenbergs

RĪGA «AVOTS» 1988

pagne), vēlāk nosaukums saīsināts — *champagne* (*šampanietis*). Francijā par šampanieti drīkst saukt tikai Šampanā ražoto dzirkstošo vīnu, bet šādus vīnus no citām Francijas provincēm dēvē par *mousseux*. Turpretī citās zemēs tagad par *šampanieti* sauc visus dzirkstošos vīnus.

Agrāk *panama* bija no Panamas meldriem pīta cepure. Tagad *panama* var būt arī audekla cepure. Līdzīgas izmaiņas skārušas arī citus internacionālistiskus, piemēram, *zelleris*, *konjaks*, *plombirs*, *heress*, *kašmirs*, *tills* u. c. Nelielai daļai aplūkoto internacionālistisku jēdziens ir stabilāks — *kamambērs*, *bordo*, *burgundietis*.

ANDREJS VEISBERGS

NETULKOTĀ FRAZEOLOĢIJA LATVIEŠU VALODĀ

Latviešu valodai, tāpat kā vairākumam Eiropas attīstīto valodu, raksturīga netulkotu svešvalodu frāžu lietošana. To radījusi un turpina radīt tautu un kultūru saskarsme, kultūras vērtību mijiedarbība un valodu kontakti. Daži šo svešvalodu elementu lietošanas jautājumi aplūkoti jau agrāk¹, taču daudz kas palicis arī nenoskaidrots. Viens no šādiem jautājumiem ir šo vārdu savienojumu vieta latviešu valodā.

Pirmkārt, jāmin tās citvalodu frāzes, kurām latviešu valodā nav raksturīga stabilitāte. Šādas frāzes autori bieži izmanto, lai labāk atainotu svešzemju vidi, notikumus, piešķirtu rakstītajam

¹ Sk.: *Paklons J.* Latīņu valodas teicieni latviešu tekstos. — Latviešu valodas kultūras jautājumi. 11. laid., 1975, 20. lpp.

eksotisma un autentiskuma nokrāsu, precīzāk atveidotu vietējo kolorītu, reizēm arī radītu komiskumu, tātad parasti tās lieto stilistiskā nolūkā. Taču var tikt lietotas sarunas frāzes, antīkās literatūras citāti vai arī aktuālu jēdzienu apzīmējumi, kam nav rasti ekvivalenti latviešu valodā. Visbiežāk šīs frāzes parādās tulkojumos, ceļojumu aprakstos, filozofisku «tūris» darbos utt. c. Šādus netulko- tiespārdumus latviešu valodā vislabāk raksturo termins *iestarpinājums*, jo tiem ir raksturīga vienreizība, tā ir okazionāla runas parādība, lai arī kā parādībai tai ir sena vēsture. Piemēram, pagājušā gadsimta «Baltijas Vēstnesī» lasām: «*Fare well, Evelinet!*» es iesaucos.. (1870, № 25). Sādi iestarpinājumi ir arī vēlākā laikā: *Tur bija kaut kas no angļu individuālisma, no franču «laissez faire», no demokrātijas principa, no ticības prātam..* (Daugava, 1930, № 6, 754. lpp.); *Zinu skaidri, ka tagad viņiem vairs neesmu vajadzīgs un ka prātīgākais ir «de filer al'anglaise» (nemanītam pazust), pirms ka tevi izsviež pa durvīm* (A. Munte. Grāmata par San Mikelu. R., 1936, 193. lpp.); *.. lielākā daļa amerikāņu.. jau jūt nepieciešamību vaigu vaigā (face to face) ar mums, padomju pilsoņiem, noskaidrot, ko tad īsti domā darīt Padomju Savienība* (Dzimtenes Balss, 1986, 29. nov.).

Unpat ar šādiem vārdiem ir citādoju frāzes, kas lietotas ļoti bieži, piemēram, *Alma mater, terra incognita, happy end, to be or not to be*. Šie frāzeoloģismi sastopami daiļliteratūrā, publicistikā, periodikā, arī mutiskajā runā. Šiem vārdu savienojumiem termins *iestarpinājums*, šķiet, nav piemērojams, jo tie ir stabili, latviešu valodā iesakņojušies un uzskatāmi par valodas frāzeoloģiskā fonda daļu. Tos varētu saukt par netulko-

tiem frazeoloģiskiem aizguvumiem. Katrs netulkotais frazeoloģisms sākumā ir bijis iestarpinājums.

Tālāk pievērsīsimies tikai netulkotajiem frazeoloģiskajiem aizguvumiem. Ilgu laiku šo frazeoloģismu grupu uzskatīja par svešiem, valodai neraksturīgiem elementiem, sevišķi tika pasvītrots to lietojuma it kā okazionālais, gadījuma raksturs. Ku uzsvēr A. Babkins, uzskats par šo frazeoloģismu gadījuma raksturu izveidojies tāpēc, ka leksikogrāfiskie avoti parasti nesniedz par tiem nopietnu informāciju.² Tā labākajā gadījumā atrodama svešvārdu vārdnīcās. Lai objektīvi atdalītu aizgūtos frazeoloģismus no iestarpinājumiem, būtu jāveic pētījumi kā sinhroniskā, tā diahroniskā aspektā.

Latviešu valodā visvairāk frazeoloģisko aizguvumu ir no latīņu valodas, mazāk no angļu, franču, itāļu, vācu un spaņu valodām. Aizguvumiem no krievu valodas traucē ieviesties atšķirības ortogrāfijā, un, lai gan mutiski šādu frazeoloģismu lietošana ir samērā izplatīta, rakstu valodā tie parādās reti: *Volga — šim vārdam Krievijā liela nozīme. Ne velti tauta viņu sauc par «матушку-кормилицу» — māmiņu ēdinātāju* (Zemkopis, 1910, 1. sept.): — *Сколько лет, сколько зим, Йо!* — *Ја, Harij! Kur tas laiks* (A. Purvis, *Novaicājiel man noim R.*, 1977, 230. lpp.).

Biezāk sastopami aizguvumi no krievu valodas transkribētā formā: *... viņam vajadzējis revolūcionāriem durt, nevis kavēties, lodī stobrā ielaižot, un kā pamatpierādījumu te min lielā krievu karavadoņa Suvorova vārdus — «пуџа дѳра, ѳтѳк молодес»* (A. Bels. Saucēja balss, R., 1973,

² *Бабкин А. М. Русская фразеология. ее развитие и источники. Л., 1970, с. 219.*

179. lpp.); *Un le Rūdis.. izmet: — Sila jest j, uma ne nado* (Avots, 1987, № 2, 6. lpp.); *..runa būs gājusi tikai par krietnu summu, jo, kā saka, igra stoit sveč* (Avots, 1987, № 4, 5. lpp.).

Par netulkoto frazeoloģismu nostiprināšanos latviešu valodā var runāt, sakot ar 19. gs. otro pusi, t. i., latviešu nacionālās literāras valodas izveidošanās posmu. Valodā parādās un pakāpeniski iesakņojas galvenokārt latīņu izcelsmes frazeoloģismi. Sākumā šiem frazeoloģismiem tiek dots arī tulkojums, kas liecina par to, ka autoriem vēl ir šaubas, vai frazeoloģisms būs saprotams katram lasītājam. Sādi tulkojumi veicina arī latviešu valodas frazeoloģijas attīstību, jo frazeoloģiskie kalki paši nostiprinās valodā: *Romniekiem ir sakāms vārds: qualis rex, talis grex! tas ir pa latviski: kāds gans, tāds ganāms pulks, un tiesa gan* (Mājas Viesis, 1856, № 8); *Vislabāk varbūt ir, ja rakstnieks tūdaļ, in medias res sāk mums jau pašā sākumā kādu atgadījumu stāstīt..* (Balss, 1880, № 67); *Tie grimst arvien dziļāki uz leju. «Alea jacta est» (kauliņš kritis!) tā saka pa latviski, kad pārsper arī neatļauti kādu sliegsni* (Poruku Jāņa Kopoti Raksti. 1. sēj. R., 1924, 208. lpp.).

Pakāpeniski latviešu valodā ieplūst frazeoloģismi no tā saucamajam jaunajam valodām: *Un Engļantes sakāms vārds: «time is money» (laiks ir nauda) paliek visur taisnībā* (Latviešu Avīzes, 1873, № 48); *Nē, jāpaliek tepat un jādzīvo comme il faut.* (Poruku Jāņa Kopoti Raksti. 2. sēj. R., 1924, 224. lpp.); *Aiz ša iemesla tad arī šādiem tutti frutti koncertiem nevar būt audzinoša nozīme priekš mūsu garīgā ziņā nepilngadīgās publikas* (Pēterburgas Avīzes, 1902,

№ 70); *Viņa piecēlās tam līdzās, cienības pilna kā statuļa nostājās viņa priekšā. «Noblesse oblige! Priekš šī mērķa, mans draugs, es nolieku tev visu savu mantu pie kājām»* (A. Deglavs. Rīga. I. R., 1912, 111. lpp.).

Kā redzams, 20. gs. sākumā daudziem frazeoloģismiem vairs netiek dots tulkojums, tas liecina, ka autori tos uzskata par lasītājiem jau zināmiem un saprotamiem. Ar atsevišķiem izņēmumiem skaidrojums vēlākajos gados tiek sniegts galvenokārt tikai jaunieviesumiem, t. i., frazeoloģismiem, kas valodā ieplūst un nostiprinās attiecīgajā laikposmā: *Teikšu tikai, ka «sapiēnti sat», — kas saprot lietu, tam pietiek* (Zemkopolis, 1911, 20. jūl.); *Ģermāņi tic, ka viņu vēsturiskā misija ir «Drang nach Osten» — virzišanās uz austrumiem* (Jaunākās Ziņas, 1938, 4. nov.); *Visu dižciltīgo sugu pamatos ir skaidri saskatāms meža zvērs, lieliskais pēc laupījuma un uzvaras alkstošais gaišmataināis plēsoņa (blonde Bestie)* (Daugavas gada grāmata 1935, 96. lpp.); *Tam ir «nepaklausīga bērna» slava visā pasaulē, un tā šis «enfant terrible» Japānai var izdarīt dažu labu pakalpojumu it kā pret pašas Japānas gribu* (Jaunākās Ziņas, 1939, 16. aug.); *Pie viņa piegāja tēvocis, uzlika tam roku uz pleca un teica: — Take it easy! Nem to viegli!* (A. Plaudis. Amerikas brīnumi. R., 1940, 102. lpp.).

Netulkoto frazeoloģismu lietošana sevišķi izplatījās gadsimtu mijā un šā gadsimta pirmajos gadu desmitos, kad šādā formā nācās apzīmēt daudz jēdzienu un parādību, kam valodā vēl nebija izveidojušies savi apzīmējumi. Otrkārt, šai laikposmā veidojās plaši kontakti ar vairākām lielajām pasaules valodām, ko sekmēja starptautiskās tirdzniecības uzplaukums, preses lomas

paplašināšanās un izvērsta daiļliteratūras un zinātniskās literatūras tulkošana. Tā kā vairums netulkoto frazeoloģismu ir arī frazeoloģiskie internacionālismi, tad tie ieplūda ne vien no to izcelsmes valodām, bet arī pastarpināti. Protams, arī šajā likposmā liela loma ir konkrēta autora valodas īpatnībām, piemēram, E. Dārziņa recenzijās par muzikālo dzīvi šo aizguvumu biežums tālu pārsniedz parasto.

Šī gadsimta 20.—40. gados vērojama netulkoto frazeoloģismu izplatības neliela samazināšanās, ko var izskaidrot ar centieniem pēc valodas tīrības. Galvenokārt tiek lietoti jau nostiprinājušies frazeoloģismi, pirmām kārtām, filozofiskajā un mākslas literatūrā. Sai laikā valodā ieplūst arī atsevišķi jauni apzīmējumi, piemēram: *Ar tām viņi diezgan satikās oficiālos rautos un fi ve-o'clock-os* (Ritums, 1923, № 2, 106. lpp.); *Bargā, nežēligā cīņa starp prezidentu Ruzveltu un «big buzines'u» kļūst arvienu asāka* (Stāsti un Romāni, 1938, № 11, 425. lpp.). Kā piemēros redzams, vērojama tieksme netulkotos frazeoloģismus daļēji asimilēt — mainot rakstību, pievienojot latviešu locījumu galotnes.

Pēckara periodā netulkoto frazeoloģismu lietojums kļūst visai rets, bet 70. un 80. gados tie atkal ir plaši sastopami, turklāt galvenokārt literatūras un mākslas kritikās, publicistikā un sportā. Visvairāk tiek lietoti latīņu frazeoloģismi. Otrajā vietā ir angļu valoda, kas nepārtraukti papildina netulkoto frazeoloģismu fondu ar jauniem aizguvumiem. Samērā daudz ir arī franču valodas frāžu, bet tikai ar dažiem frazeoloģismiem pārstāvēta vācu valoda (*Sturm und Drang, Mehr Licht, Drang nach Osten*), itāļu valoda (*salto mortale*,

cosa nostra, finita la commedia), spāņu valoda (*no pasaran*).

Lielākā daļa netulkoto frazeoloģismu ir divkomponentu frāzes. Vairākkomponentu frazeoloģismi mūsdienu latviešu valodā, ar retiem izņēmumiem, ir tikai latīņu izcelsmes, kas sagabājušies no tiem laikiem, kad latīņu valodas zināšanas bija daudz plašākas, tā tika apgūta skolās: *Un mēs to visu skaidri zinām, arī to, ka «ars longa, vita brevis»..* (Lit. un Māksla, 1987, 13. febr.); *Sic transit gloria mundi! nežēlīgs, bet taisnīgs vēstures tiesas spriedums* (Dzimtenes Balss, 1986, 27. febr.); *Mens sana in corpore sano* (Liesma, 1986, № 11).

Pašreizējā laikposmā tiek aizgūti tikai īsi, viegli uztverami frazeoloģismi ar diviem nozīmīgiem komponentiem. Piemēram, jaunākie frazeoloģiskie aizguvumi: *hat trick, know how, mass media, high tech, new wave, heavy metal*. Netulkotie aizguvumi ir ļoti stabili un it kā netiek asimilēti. Taču aizgūšanas procesā tie lielā mērā zaudē oriģinālam piemītošo tonalitāti, stilistisko nokrāsu, daļēji arī motivāciju. Aizguvējā valodā netulkotie frazeoloģismi iegūst eksotisma nokrāsu — tātad aizgūšanas procesā tie stilistiski nivelējas. Nereti notiek arī gramatiska asimilācija, aizguvumi zaudē oriģināla dzimti, skaitli, jo frazeoloģisms sintaktiski ieaug latviešu valodas kontekstā. Kā jau minēts, pirmskara periodā bija mēģinājumi pievienot šiem aizguvumiem kontekstuālas locījumu galotnes, piemēram: *Se arī tamdēļ gribam isumā raksturot angļu džentelmeni, amerikāņu self made man'u, franču buržuā un krievu lielinieku* (Burtnieks, 1935, № 1, 82. lpp.). Taču mūsdienās šāda netulkoto frazeoloģismu «latviskošana» nav pieņemama un nenotiek.

Grafiska asimilācija reizēm izpaužas arī kā diakritisko zīmju nelietošana, piemēram, franču vārdos.

Runā notiek šo aizguvumu fonētiskā asimilācija — uzsvara maiņa, skaņu redukcija un maiņa, ja runātājs attiecīgo valodu neprot.

Daudziem netulkotajiem frazeoloģiskiem veidojumiem, kas ir pierādījuši savu kvalitatīvo kalku, budams valodai vairāk pieņemams, izspiež netulkoto aizguvumu, piemēram, frazeoloģisms *džentlmeņu noruna* pašlaik ir pilnīgi izspiedis no latviešu valodas netulkoto aizguvumu *gentlemen's agreement*, kas 30. gados bija valodā nostiprinājies: *angļu — itāliešu «gentlemen's agreement» Gēringam apliecināšot, ka tas nevarot ietekmēt itāliešu — vācu attiecības, un abu valšķu sadarbība turpināšoties* (Jaunākās Ziņas, 1937, 14. janv.); *Panāktā vienošanās stabilizē stāvokli Vidusjūras austrumdaļā un apstiprina status quo, par kuru ir runa Anglijas un Itālijas «gentlemen agreement'a»* (Jaunākās Ziņas, 1937, 28. janv.); *Tam vienmēr ir bijusi «proamerikāniska» nostāja, lai gan pēc džentelmeņu norunas SVF direktors ir speciālists no Rietumeiropas* (Rīgas Balss, 1985, 24. dec.); *Freibergs aizveda pie Ādolfa Šapiro, un režisors mani iesaistīja tādā kā džentelmeņu norunā* (Pad. Jaunatne, 1986, 27. martā).

Tācu tendence pariet no netulkotā frazeoloģisma uz frazeoloģisko kalku nav visaptveroša, un uzskatīt, ka netulkotie aizguvumi lemti izzušanai, kā domā daži lingvisti³, šķiet, nebūtu pareizi. Frazeoloģiskais kalks un netulkotais aizguvums

³ Piemēram, *Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1969, с. 124.*

var pastāvēt līdzās, tā bagātinot valodas izteiksmes līdzekļu iespējas, piemēram: *o sancta simplicitas* — *ak, svētā nevainība* (vientiesība), *mens sana in corpore sano* — *veselā miesā vesels gars*, *per aspera ad astra* — *caur ērkšķiem uz zvaigznēm*, *sic transit gloria mundi* — *tā aiziet pasaulē godība*. Minētie un daudzi citi frazeoloģismi jau kopš pagājušā gadsimta tiek lietoti latviešu valodā kā viena, tā otra formā.

Netulkoto aizguvumu skaits papildinās ar jauniem frazeoloģismiem, galvenokārt angļu izcelsmes frāzēm, piemēram, *brain drain*, *hat trick*, *know how*, *mass media* u. c.

Bez tam netulkoto frazeoloģismu lietošanas sfēra neaprobežojas vienīgi ar rakstu valodu. Daļa no tiem tiek aktīvi lietota arī mutiskajā runā, piemēram: *c'est la vie*, *finita la commedia*, *to be or not to be*, *heavy metal* u. c., turklāt aptauja liecina, ka samērā daudzi kāda frazeoloģisma lietotāji to rakstītā formā nemaz nepazīst.

Pastāv arī diezgan daudz netulkoto frazeoloģismu, kam nav latviešu kalku vai arī tie valodā nav iesakņojušies, piemēram: *alma mater*, *bel canto*, *comme il faut*, *vade mecum*. Tāpēc, šķiet, ne vienmēr, aizgūstot jaunus frazeoloģismus, tie jātulko. Tā, piemēram, angļu frāzes *know how* «kalks zini kā» nav izdevies, jo grūti iekļaujas latviešu valodas kontekstā, piemēram: *Amerikāņu «zini — kā», pamatots uz bezpersonisku likumu un spēku darbību, kļuva par maģisku elementu, kas Filipīnu sabiedrībai uzsita jaunu enerģijas vilni* (Lit. un Māksla, 1986, 9. janv.). Daudz labāk šis pats frazeoloģisms valodā iederas netulkotā formā: *Šī organizācija parstāv Padomju Savienības izgudrotājus, uzņēmumus un pētnieci-*

bas *instilūlus licenču un «know — how» pasau-
les tirgū* (Padomju Jaunatne, 1986, 29. janv.).

Visos laikos netulkotie aizguvumi ir radijuši zi-
nāmas grūtības un problēmas. Tā atsevišķos gadi-
jumos, frazeoloģismam asimilējoties, notiek nozī-
mes maiņas. Mūsdienu sarunvalodā lietotā frazeo-
loģisma *fixsā ideja* pamatā ir frazeoloģisms *idée
fixe* 'neatļaidīga, uzmācīga doma'. Gadsimta sā-
kumā vārdkopa *fixsā ideja* vēl saglabāja savu
sākotnējo nozīmi, piemēram: *Vergs ir tas, kam
nekā nav, kas arvien no otra atkarībā, kas izšķiež
savus spēkus kādai fixsai idejai..* (A. Deg-
lavs. Rīga, R., 1912, 230. lpp.).

Taču galvenās nekārtības rada originālraksti-
bas nezināšana. Šādas (varbūt tipogrāfiskas?)
kļūdas vērojamas jau frazeoloģismu aizgūšanas
periodā. Tā E. Dārziņa rakstos par mūziku frazeo-
loģisma *last not least* pareizā rakstība mijas ar
nepareizo *last non least* (latīņu valodas ietekmē?):
*.. viņa balss tehniskās izglītības gatavība, tempe-
ramenta pilnais priekšnesums un — last non
least — smalkā spēle, vakardienas izrādē parā-
dijās visā pilnībā* (Dzimtenes Vēstnesis, 1907,
20. dec.); *.. bet visspilgtāk tās parādās viņa sim-
fonijās, sevišķi III, V, VII un last not least —
IX simfonijā* (Dzimtenes Vēstnesis, 1909, 2. jūn.).

Līdzīgas rakstības grūtības sagādājis frazeolo-
ģisms *hot dog*: *Es braucu atpakaļ uz staciju un
bufetē pieprasīju heat dogs (karstus suņus) —
varbūt gan vairāk viņu jautrā nosaukuma dēļ*
(J. Plaudis. Amerikas brīnumi. R., 1940,
120. lpp.); *.. kurš ieradies vērot basketbola spēli,
starpbrīdī nobauda hot dogs (sviestmaizi ar de-
siņu)..* (Pad. Jaunatne, 1986, 24. maijā).

Bieži kļūdas parādās jaunaizgūtajos frazeolo-
ģismos. Seit varētu minēt nesen aizgūto angļu

vārdkopu *hat trick*, piemēram: ..*pirmais ierakstījās statistiķu veidotajā «hat trick» tabulā* (Sports, 1986, 1. apr.); *Diemžēl reizēm parādās arī nepareizs šī frazeoloģisma rakstības veids — «Heat trick» atzīmēts 9 reizes..* (Sports, 1986, 13. dec.).

Un visbeidzot — pēdējā laikā vērojama tendence latviskot bieži lietoto frazeoloģismu *mass media*. Tas latviešu valodā nostiprinājās 70. gadu beigās un tiek lietots paralēli latviešu vārdkopai *masu informācijas līdzekļi*, tātad pastāv izvēles iespēja, kuru apzīmējumu lietot. Diemžēl pēdējā laikā parādījies vēl trešais variants — *masu medijs* (arī nepareizā rakstībā ar garo ē): *Manuprāt, tā ir uzskatāma liecība ārzemju masu mediju darbam* (Lit. un Māksla, 1986, 12. dec.); *Ar mediem un puspatiesībām, kā parasti to dara šādas kategorijas Rietumu masu medijs* (Dzimtenes Balss, 1986, 25. sept.). Oriģinālā frazeoloģisms ir daudzskaitļa formā (tāpat kā latviešu *līdzekļi*), bet jaunveidojumā vienskaitļa forma *medijs* vedina domāt, ka apzīmēts atsevišķs cilvēks, žurnālists, kas nepavisam neatbilst frazeoloģisma nozīmei. Turklāt vārdam *medijs* latviešu valodā ir noteikta nozīme un tas izraisa nevēlamas asociācijas ar okultisma sfēru.

Языкознание

А. Г. Вейсберге

ЗАИМСТВОВАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

Рост контактов между народами и взаимодействие языков имеют объективный характер. Известно, что каждый язык имеет потребность постоянно обновляться и пополняться. Большинство лексико-семантических микросистем языка находятся в «открытом состоянии», т. е. в предрасположенности к инновациям [1, с. 126]. Обновлению подвергаются все уровни языка — фонетика, грамматика, лексика, фразеология и т. д. Фразеологию нужно рассматривать как живую, динамическую, развивающуюся систему, а ее синхронное, как бы статичное состояние — как результат длительного диахронического, ни на миг не прекращающегося, развития.

Говоря о путях обновления фразеологического фонда, надо отметить, что образование фразеологических единиц (ФЕ) идет тем же путем, что и образование лексики, а именно: структурным, семантическим и через заимствования. Таким образом, обновление фразеологии возможно либо за счет внутренних ресурсов языка (первый и второй примеры), либо за счет заимствования из других языков. Так, заимствование ФЕ является нормальным процессом и показателем развития фразеологического фонда языка, свидетельством его жизнеспособности. Заимствование, в том числе фразеологическое, может произойти только при наличии языковых контактов.

Проблема языковых контактов включает множество вопросов лингвистического, социального, этнографического, психологического и исторического характера. Она находится в прямой связи с культурой народа, с его культурными контактами. С лингвистической точки зрения она тесно связана с такими понятиями, как двуязычие в его разных проявлениях: интерференция, конвергенция и т. д.

Само понятие «языковые контакты», впервые выдвинутое А. Мартине и введенное в широкое употребление У. Вайнрейхом [2], далеко не однозначно интерпретируется ведущими специалистами этой проблемы (У. Вайнрейх, Э. Хауген, Л. Завадовский, Р. Розенцвейг, А. Аристова, Ю. Жлуктенко, В. Журавлев). Разная интерпретация языкового контакта, по нашему мнению, коренится в смешении, противопоставлении или игнорировании двух форм языковых контактов, а именно, этнической и культурной.

Под языковым контактом обычно понимается речевое общение двух языковых коллективов [3, с. 3]. Несомненно, что такие этнические контакты, создающиеся на территории или на стыке территорий расселения народов, приводят к большому обмену языковым материалом, интерференции в условиях обширного двуязычия (как, например, латышско-русское двуязычие) [4, с. 7; 5].

Однако помимо этнических существуют и социальные, политические, культурные, экономические и др. контакты между народами. Эти связи могут быть как при этническом контакте, так и при отсутствии прямого

географического соприкосновения, когда носителями двух языков являются отдельные лица.

ФЕ одного языка могут проникать в другой язык либо устным путем, благодаря прямому контактированию разноязычных народов в процессе длительного или кратковременного сосуществования языков, либо через письменность в результате культурных, экономических и других связей разноязычных народов, не имеющих территориальной близости [6, с. 43]. На такое явление указал уже О. Есперсен: «Наиболее глубокие языковые смещения объясняются не столько смешением народов, сколько регулярными контактами в области культуры» [7, с. 192].

подавляющее большинство фразеологических заимствований из английского языка проникают в латышский именно в результате культурных, а не этнических контактов — через печать и литературу.

Именно такие языковые контакты все большее развитие получают в XX веке, что обуславливается возросшими возможностями международных культурных, политических, туристических и других связей, а также ростом знания иностранных языков. Чем обширнее международные контакты, тем сильнее языковые контакты и тем больше язык заимствует из других языков (если нет особого противодействия). Способом заимствования обычно является перевод.

Таким образом, переводчик (в самом широком смысле слова — переводчик художественной и научной литературы, политический обозреватель, черпающий информацию из иностранных источников, потом переносящий эту информацию в свой родной язык и т. д.) «является местом контакта двух (или более) языков, попеременно используемых этим индивидом, даже если способ, каким он «пользуется» попеременно двумя языками, является несколько специфичным» [8, с. 37]. Как метко определил Г. В. Степанов [9, с. 74], контактируют не системы и структуры, а их носители, причем в обоих видах языковых контактов, так как именно носитель языков — билингв или коллектив билингвов — тот общий член двуязычия, который способен объединить тот или другой языковой материал двух или более языков в рамках одного языка в сфере речи.

Может встать вопрос о том, способно ли вообще небольшое число людей, активно вовлеченных в двуязычие, серьезно влиять на язык. Однако такому влиянию способствует ряд факторов. Во-первых, переводчики, как правило, связаны со сферой массовой информации. Во-вторых, переданные ими новшества, их речевые особенности часто являются объектом подражания. В-третьих, существование тех же фразеологических заимствований в русском языке способствует ассимиляции нововведений. В результате этого языковые контакты из индивидуальных превращаются в массовые, хотя и дистантные.

Социально-исторические условия жизни латышского народа влияли на языковые и культурные контакты. Можно выделить несколько периодов, когда разные языки имели значительное воздействие на латышский язык и на фразеологию латышского языка в частности [10, с. 74]. Это воздействие финно-угорских языков в раннем периоде развития латышского языка, увеличение воздействия немецкого языка в качестве языка-посредника, с появления первых письменных памятников в XVI — начале XX века, затем, начиная с XIX века — возрастающая роль русского языка. Русский язык в середине XX века перенял у немецкого и функцию языка-посредника и прочно сохраняет ее. Через посредство русского языка происходит большинство заимствований ФЕ из других языков (в том числе и английского). В XX веке и особенно во второй его половине постепенно усиливается воздействие английского языка, фразеологии в частности.

Как развивались англо-латышские языковые контакты?

До конца XIX века английский язык имел незначительное влияние на латышский язык. Английский язык был мало распространен даже среди просвещенной части общества, интеллигенции. Об этом свидетель-

ствует и такой факт, что первые переводы с английского языка появились лишь в 80-е годы XIX века [11], хотя произведения английских писателей и были известны уже с начала века через посредничество немецкого языка.

В Латвии существовало трехязычие, особенно в городах — люди (просвещенные) пользовались латышским, немецким и русским языками. Таким образом, практически говорить о заимствовании английских ФЕ можно только с начала XX века, в отличие от лексического заимствования англицизмов, которое началось раньше (в конце XVIII и в начале XIX века) [12, с. 60].

С 20-х годов английский язык начал широко распространяться в Латвии. На это влияла политико-экономическая ситуация буржуазной Латвии с доминированием англоязычных стран во внешнеполитической ориентации (Англия, США). В период 20—40-х годов между английским и латышским языками существовали прямые контакты. Английский язык постепенно стал ведущим иностранным языком в системе образования.

После второй мировой войны наступил период ослабления латышско-английских языковых контактов, заимствование ФЕ шло через русский язык, однако в конце 50 — начале 60-х годов непосредственное заимствование снова расширилось.

В настоящее время (и в прогнозируемом будущем) латышский язык заимствует ФЕ главным образом из русского и английского языков. Таким образом, английский язык является одним из главных (а в некоторых сферах — ведущим) поставщиком фразеологии для латышского языка, причем контакты между двумя языками как прямые, так и косвенные (с посредничеством русского языка).

Приступая к анализу заимствованной фразеологии, лингвист наталкивается на большую проблему. Хотя заимствованная фразеология уже значительное время является объектом исследования, в вопросах терминологии и даже в самих понятиях наблюдается большая путаница. Взгляды на процессы заимствования фразеологии весьма противоречивы. Разной отмечается в работах многих лингвистов [6, 13, 14, 15]. Представляется, что без выдвижения конкретных концепций невозможно серьезно приступить к анализу заимствованной фразеологии.

Суть проблемы состоит в соотношении таких терминов, как фразеологическое заимствование, фразеологическая калька, вкрапление, беспереводное заимствование, полукалька, собственно заимствование, перевод и т. д. Этими терминами в разных комбинациях оперируют авторы, которые прямо или косвенно затрагивают фразеологию в условиях языковых контактов и билингвизма [16, 17, 18]. Сама природа языкового контакта предполагает в числе других процессов наличие этих явлений.

Во-первых, нам представляется, что термин «фразеологическое заимствование» — самый обширный и охватывает все другие типы ФЕ иноязычного происхождения, а также все способы заимствования ФЕ в другом языке. Такой подход был предложен Э. М. Солодухо и мы придерживаемся концепции заимствования, выдвинутой этим лингвистом, а именно: «Фразеологическое заимствование — это фразеологические обороты, образованные либо на основе полного или частичного материального заимствования прототипов, либо путем использования собственных строительных средств по иноязычным моделям или без них (на основе мотивировок-стимулов: реалий, отправных идей, образов, и т. п. как достояний иноязычных народов), но в любом случае образующих новые семантические целые и имеющие регулярный характер употребления» [6, с. 18].

Эта концепция фразеологического заимствования предполагает, что все остальные виды заимствования ФЕ являются частными случаями или способами фразеологического заимствования.

При такой постановке проблемы встает вопрос о соотносительности и кальки, и заимствования ФЕ. Некоторые лингвисты включают кальку в сферу заимствования как частный случай. Однако существует и противоположное мнение — отрицание какой-либо связи между этими понятиями: «При калькировании не заимствуется и даже не учитывается материальная (звуковая) оболочка иноязычного слова, не заимствуется также его вещественное значение, как это происходит при усвоении иноязычного звукового комплекса в единстве с выражаемым им содержанием».

Именно это и составляет отличительную сторону калькирования как особого лингвистического явления и не позволяет рассматривать его как разновидность заимствования» [19, с. 117].

Такой же точки зрения придерживаются Н. М. Шанский [20, с. 134], И. О. Наумова [21, с. 113], аргументируя такое предположение тем, что «иноязычное происхождение фразеологических калек совершенно не чувствуется» [22, с. 17].

Мы не можем согласиться с такой точкой зрения по нескольким соображениям.

Во-первых, как заимствование, так и калька являются иноязычными по происхождению. Принцип заимствования присутствует в обоих случаях, при заимствовании он выражается в заимствовании иноязычных лексем, при калькировании — в заимствовании модели ФЕ, ее формы и семантики.

Во-вторых, калькирование не является чисто механическим актом перевода. При калькировании часто происходит освоение и употребление нового значения по аналогии со значением из другого языка [6, с. 11].

В-третьих, то, что иноязычное происхождение фразеологических калек совершенно не чувствуется (что нам представляется неверным) еще не значит, что происхождение не иноязычное. По аналогии можно было бы сказать, что и иноязычное происхождение многих слов совершенно не чувствуется, но из-за того они не перестают быть заимствованными.

В-четвертых, отрицая связь между калькой и заимствованием, трудно объяснить суть полукальки, которая в таком случае будет полузаимствованием, полу-исконным творением.

В-пятых, такой подход исключает возможность семантического заимствования, а семантика — один из ярусов, элементы которого могут перемещаться из одного языка в другой.

Отметим и что уже в начале XX века Ш. Балли указал: «Было бы ошибкой слишком четко разграничивать заимствование и кальку; они отличаются по форме, но почти не отличаются по происхождению и по своим основным свойствам, они вызваны в жизнь одной и той же причиной и играют одинаковую роль в пополнении словаря» [23, с. 70].

Таким образом, под *фразеологической калькой* мы понимаем ФЕ, возникшую в результате точной или измененной передачи модели (структуры и лексических значений) иноязычного прототипа средствами заимствующего языка, например: *smadzeņu aizplūde* — с англ. *brain drain* (утечка мозгов), и вводим фразеологическую кальку в категорию заимствований как один из способов фразеологического заимствования.

Столь же спорным является вопрос соотношения перевода, кальки и заимствования.

Общеизвестно, что при необходимости перевода ФЕ переводчик может делать выбор между несколькими возможностями — путем подбора эквивалентной или аналогичной ФЕ в языке перевода, дескриптивного перевода ФЕ, калькирования ФЕ. Таким образом, калькирование является одним из видов перевода ФЕ. Однако нельзя смешивать калькирование как процесс при переводе и калькирование как способ заимствования ФЕ. Хотя первое иногда может и привести ко

второму, отождествлять эти процессы нельзя. На разницу между этими понятиями намекает и Ю. С. Сорокин: «при буквальном переводе мы имеем дело с простым сопоставлением в речи единиц одного языка с единицами другого языка, а при калькировании речь идет о появлении новых, постоянных единиц в одном языке под влиянием другого» [24, с. 164].

Категория постоянства отсутствует в ФЕ при переводном калькировании, ибо это процесс речевой, т. е. индивидуальный. Не исключена возможность, что калькированная единица со временем может стать и языковой, т. е. общепринятой, однако такая возможность только потенциальна и в большинстве случаев не осуществляется.

Тем не менее обозначение обоих процессов одним термином нам кажется неудобным — ведущим к путанице, и мы предлагаем термин окказиональное калькирование, выдвинутый Р. П. Зоривчак [25, с. 13] для обозначения речевого калькирования при переводе. Таким образом мы избавляемся от полисемантической в терминологии и отделяем фразеологическую кальку — следствие языковой интерференции и заимствования — от фразеологической окказиональной кальки — отдельного случая калькирования как факта речи. Например: *to be born with a silver spoon in the mouth* (т. е. родиться в сорочке).

Anglija ar sudraba karoti mutē! Zobu viņai vairs nav, lai karoti saturētu, bet nav arī gribas šķirties no tās (Dž. Golsvertijs. Modernā komēdija. Sudraba karote. — R., 1977, 70. lpp.).

В латышском языке имеется аналогичная ФЕ (*piedzimt kreklīnā*), однако контекст обуславливает окказиональную кальку, которая соответствует продолжению авторского текста и связана с другими ассоциациями, нежели в латышской ФЕ.

Чем же обуславливается доминирующее положение калькирования при заимствовании? Ясно, что беспереводаемые заимствования не могут выполнять все задачи заимствования, они всегда обладают несколько экзотической окраской и остаются чужим элементом в языке рецептора.

К тому же каждый развитый язык даже при заимствовании по возможности обходится своим языковым материалом, как справедливо указывает Л. А. Пономаренко, «стремясь к своей оптимизации, язык предпочитает увеличивать комбинации, т. е. кальки» [26, с. 12]. Фразеологические кальки английского происхождения в латышском языке обладают некоторой особенностью — они неравномерно покрывают все разнообразие фразеологического фонда языка, а именно, относительное число калек номинативно-терминологического характера большое, а фразеологических калек коммуникативного характера — небольшое (если сравнивать с общим отношением этих двух групп в английском и латышском языках). Ниже перечислены наиболее известные коммуникативные фразеологические кальки в латышском языке.

Nemētājies ar akmeņiem, ja pats dzīvo stikla namā — People who live in glass houses should not throw stones; Dzīve nav rožu dārzs — Life is not a bed of roses; Kas maksā, tas pasūta mūziku — He who pays the piper calls the tune; Lauļības tiek slēgtas debesis — Marriages are made in heaven; Nauda pat ķēvei liek iet — Money makes the mare go; Pēdējais salmiņš pārlauž kamiela muguru — It is the last straw that breaks the camel's back; Zirgu var pievest pie ūdens, bet to nevar piespiest dzert — You can take the horse to the water but you cannot make him drink; Spalva ir stiprāka par zobenu — A pen is mightier than sword; Mans nams ir mana pils — My house is my castle; Laiks ir nauda — Time is money; Zināšanas — spēks — Knowledge is power; Laiks ir mūsu pusē — Time is on our side; Visu karš pret visiem — War of everyone against everyone; Fakti ir spītīgi/stūrgalviņi — Facts are stubborn things; Ceļš uz eļļu brūvēts labiem nodomiem — Road to hell is paved with good intentions; būt vai nebūt — to be or not to be; ticēt savai zvaigžnei — to believe in one's star; iziet uz kara takas — to go on the war path; aprakt kara cirvi — to bury the hatchet; publiski mazgāt netīro veļu — to wash one's dirty linen in public; sūtīt SOS signālus — to send SOS calls; no putna lidojuma — a bird's eye view; glabāt visas olas vienā groziņā — to have all one's eggs in one basket; pusi karaļvalsts par kaut ko — a kingdom for a horse; sēdēt vienā laivā — to be in the same boat; šūpot laivu — to rock the boat; lauzties atvērtās durvis — to force an open door; savīkt ciešāk

jostu — to tighten one's belt; izmest pār bortu — to go by the board; zaudēt seju — to lose face; balansēt uz kara šķautnes/robežas — brinkmanship; leduskalna/aisberga redzamā daļa/virsotne — the tip of the iceberg; aiz slēgtām durvīm — behind closed door; rokas nost no... — hands off...; dot zaļo gaismu — to give the green light; bumba ir laukumā otrā pusē — the ball is in your court; turēt sausu pulveri — to keep one's powder dry; taisīt naudu — to make money; pāršķirt jaunu lapu — to turn a new leaf; slēpt/bāzt galvu smiltis — to hide one's head in the sand; pievilkt skrūves — to tighten/put on the screw; caur rozainām brillēm — through rose coloured spectacles; pārcelties uz mūžīgiem/labākiem medību laukiem — to go to the happy hunting grounds.

Итак, ФЕ коммуникативного характера включают пословицы, поговорки, афоризмы английских и американских писателей и общественных деятелей. Главную роль при заимствовании паремий играют, пожалуй, непосредственные контакты представителей разных народов, чем и можно объяснить ограниченное число паремнологических заимствований из английского языка. Существует и группа коммуникативно-номинативных ФЕ с явно выраженным метафорическим характером.

Группа номинативных ФЕ несет явно выраженный терминологический характер. Обычная конструкция этих ФЕ — прилагательное + существительное. Обычно один элемент ФЕ имеет переносный смысл.

Названные ФЕ представлены также фразеологическими полукальками.

Abolīņa lapa — a clover leaf; algas iesaldēšana — wage freeze; amerikāņu sapnis — American dream; amoka skrējienis — to run amok; apalais galds — round table; apmetņa un dunča vīri — cloak and dagger men; apziņas plūsma — stream of consciousness; asiņainā Mērija — bloody Mary; atslēgas vārds — key word; atspoles diplomātija — shuttle diplomacy; aukstais karš — the cold war; baiļu līdzsvars — balance of fear; baltā cilvēka nasta — the white man's burden; Baltais nams — the White House; baltās apkaklītes — the white collars; baltie vergi — the white slaves; banānu republika — banana republic; baroni laupītāji — robber barons; bīta paaudze — the beat generation; Britu lauva — the British Lion; brīvā pasaule — the free world; brīvais tirgus — the free market; ceturtais slānis — the fourth estate; cilvēks no ielas — man from the street; cīņa par eksistenci — struggle for life; dabiskā izlase — natural selection; dolāru diplomātija — dollar diplomacy; dusmīgie jaunie cilvēki — angry young men; dzeltenā prese — yellow press; dzelzs lēdija — iron lady; dzelzs papēdis — iron heel; dzelzs aizkars/priekškars — iron curtain; džentlmeņu noruna — gentlemen agreement; džeza laikmets — jazz age; džungļu likums — jungle law; Eivonas gulbis — the swan of Avon; elektriskais krēsls — electric chair; ēnu kabinets — shadow cabinet; fortūnas džentlmenis — a gentleman of fortune; gaisma tunelā galā — light at the end of the tunnel; grāmatu tārps — a book worm; jājamais zirdziņš — hobby horse; jaunais vilnis — the new wave; jūras vilks — sea wolf; jūru valdniece/pavēlniece — the Queen of the seas; kara spēles — war games; karstā līnija — hot line; karstais punkts — hot spot; karstais suns — hot dog; kausēšanas katls — melting pot; klibā pīle — lame duck; kļavas lapas zeme — maple leaf country; koncentrācijas nometne — concentration camp; klusais amerikānis — the quiet American; klusējošais vairākums — the silent majority; kosmiskā atspole — space shuttle; kosmiskais vairogs — space shield; kosmiskais velkonis — space tug; krusttēvs Toms — Uncle Tom; lauztā deļa — break dance; lēcienis tumsā/nezināmajā — a leap in the dark; lidojošais cietoksnis — a flying buttress; lidojošais šķīvītis — a flying saucer; lielais bizness — big business; lielais diķis — the Big pond; lielais sprādziens — the Big Bang; lielais dolārs — the Big Dollar; lielā trijotne — the Big Three; lielās rungas/nūjas politika — big stick policy; lielgaballaivu politika — cannonboat policy; lincā tiesa — Lynch law; ļaunuma impērija — empire of evil; Melnā Marija — Black Maria; melnā kaste — the black box; melnais kontinents — the Dark Continent; melnais saraksts — black list; melnās panteras — the Black Panthers; Mērfija likums — Murphy's law; mežonīgie Rietumi — Wild West; miera cīnītājs — champion of peace; netīra spēle — foul play; nervu kamols — bundle of nerves; nopratināšana jautājumu krustugunis — cross examination; parlamentu māte — Mother of parliaments; pārmaiņu vējš(i) — wind of change; pasaules darbnīca — world's workshop; pēdējais mohikānis — the last of the Mohicans; pestīšanas armija — Salvation army; pilsētas plaušas — the lungs of the city; pirmā lēdija — the first lady; puķu/ziedu bērni — flower children; raganu medības — witch hunt; sarunas pie kamina — fireside talks; skābais lietus — acid rain; smadzeņu aizplūde — brain drain; smadzeņu skalošana — brainwashing; smagais(metāla) roks — heavy metal rock; spoku pilsēta — ghost town; strausa politika — ostrich policy; svaigas asinis — fresh/new blood; svētā govys — sacred cow; tēvocis Sems — Uncle Sam; smadzeņu trusts — brains Trust; tīra spēle — fair play; tirgotāju nācija — nation of shopkeepers; treknie runči — fat cats; trešais groziņš — Basket Three; tumšais zirdziņš — a dark horse; vara ķivere — brass hat; varas gaiteni — corridors of power; vecā labā Anglija — merry old England; vienrocīgais bandīts — one armed robber; vārdi un darbi — words and deeds; vienvirziņa

ieļa — one way street; virsotņu tikšanās — summit meeting; virtuves kabinets — kitchen cabinet; visaiļautības sabiedrība — permissive society; vispārējās labklājības valsts — welfare state; visvarenais dolārs — almighty dollar; zaļā berete — green beret; zaļā josla — green belt; zaļā revolūcija — green revolution; zelta drudzis — gold fever; ziepju opera — soap opera; zilā berete — blue beret; zilās apkaklītes — blue collars; zudusi/zaudētā paaudze — the lost generation; zvaigžņu kari — Star Wars; netīra bumba — dirty bomb; spageti vesterns — spaghetti western.

Вторым способом заимствования является *заимствование ФЕ в ее исходной форме* [6, с. 16]. Это же понятие другими лингвистами обозначается и как заимствование ФЕ с полным фонографическим сходством с оригиналом [27, с. 25] и как фразеологическое собственно заимствование [26], и как *иноязычные выражения* [28, с. 32] или в русском языке (из-за разницы в орфографических системах русского и западноевропейских языков) — нетранслитерированное заимствование [29, с. 217].

Так же как параллельно с фразеологической калькой существует понятие окказиональной кальки, совпадающее по всем параметрам, но отличающееся по устойчивости (окказиональное и узуальное явления) параллельно заимствованиям ФЕ в их исходной форме существуют фразеологические выражения, т. е. факты речи, а не языка. Связь между этими понятиями та, что каждое заимствование в исходной форме сначала представляло собой вкрапление в язык-рецептор, а множество выражений так и не становятся заимствованными ФЕ. Следовательно, термин «вкрапление» нам представляется неверным по отношению к ФЕ, заимствованным в языке.

Беспереводные фразеологические заимствования долгое время считались чужими, посторонними элементами в языке. Причиной такого взгляда был как бы случайный, окказиональный характер употребления этих ФЕ и их иноязычное грамматическое и фонетическое оформление. Тем не менее заимствованная фразеология этого типа, на наш взгляд, — неотъемлемая часть фразеологии языка-реципиента (в данном случае — латышского языка). Заимствования этого типа существуют во всех европейских языках и являются интернациональной чертой фразеологии. Как указывает А. М. Бабкин, мнение о случайном характере употребления этих выражений основано на том, что лексикографические источники обычно не содержат серьезной информации по этому вопросу [29, с. 219].

Отметим, что в латышском языке отсутствуют какие-либо исследования по этому вопросу и число беспереводных ФЕ в словаре иноязычных слов далеко не соответствует числу употребляющихся [30].

В латышском языке существует много ФЕ в их иноязычной форме. Источником этих беспереводных заимствований (часто и фразеологических интернационализмов) являются главным образом классические языки, например: *alma mater, deus ex machina, terra incognita, memento mori, persona non grata, tabula rasa*, и т. д., но в XIX—XX веках наблюдается проникновение в языки (в том числе и в латышский) заимствований из так называемых новых языков, в первую очередь французского, английского, немецкого, итальянского, например *tête a tête, fifty fifty, Sturm und Drang, fata morgana*. Надо отметить, что подобным заимствованиям из русского языка препятствуют различия в графетике, это является своеобразным барьером.

Говоря об англо-латышских языковых связях, следует отметить, что группа заимствований этого типа довольно большая, ее нельзя упускать при теоретическом рассмотрении проблемы в целом, поскольку при заимствовании удельный вес беспереводных ФЕ довольно высок. Характерной чертой фразеологических заимствований этой группы является эквивалентность оригинала и заимствования, поскольку ФЕ переносится без звуковых, графических, семантических или структурных изменений. По нашему мнению, можно говорить лишь о стилистических отличиях, в исходном языке ФЕ является либо нейтральной, либо об-

ладает определенной стилистической окраской. При заимствовании она получает дополнительную стилистическую окраску, так как в тексте (в речи) она будет существовать как экзотический, неассимилированный элемент.

Отметим, что беспереводные фразеологические заимствования обладают большой устойчивостью, так как имеют тождество формы и значения. В то же время надо указать на возможность параллельного существования калек тех же самых ФЕ.

Часто дается и заимствованная ФЕ, и калька, поскольку принимается во внимание факт, что не все читатели могут знать иноязычную ФЕ. Существование рядом с беспереводными ФЕ их калек (*tira spēle, smadzeņu aizplūde, mans nams ir mana pils* и др.) указывает на расширение языковых контактов или на динамику процесса заимствования, поскольку одна форма заимствования может постепенно вытеснить другую.

Тем не менее мы не можем согласиться с мнением Н. М. Шанского, что фразеологические заимствования этого типа «не только в общем очень немногочисленные и ограничены в сфере своего употребления письменной речью, но и представляют собой явление переходящее» [20, с. 124].

Во-первых, число этих заимствований не так уж мало, о чем свидетельствует двухтомное издание словаря иноязычных выражений русского языка. Во-вторых, пласт этих заимствований пополняется (например: *brain drain, mass media, break dance, Brains Trust, hat trick, know how*). В-третьих, заимствования ФЕ в их исходной форме составляют неоднородную массу, не ограничены лишь употреблением в письменной речи. Существуют ФЕ 1) книжного характера (*a household name, stiff upper lip*), 2) газетно-публицистического характера (*Fleet Street, mass media, Intelligence Service, Scotland Yard, brain drain*), 3) разговорного характера (*to be or not to be, my house is my castle*). И, наконец, не всегда укоренение калькированных форм ФЕ сопровождается отпадением их беспереводных прототипов, ибо они обладают специфическими стилистическими особенностями, которые часто нужны для создания желаемого колорита.

Pie viņa piegāja tēvocis, uzlika tam roku uz pleca un teica: — Take it easy! Nem to viegli! (Plandis J. Amerikas brīnumi. — R., 1940. — 102. lpp.)

Приведем наиболее употребляемые ФЕ указанного типа.

American dream, to be or not to be, better late than never, Brains Trust, brain drain, break dance, common sense, deeds not words, fair play, fifty fifty, five o'clock tea, Fleet Street, happy end, hat trick, heavy metal, high life, home rule, home sweet home, hot dog, a household name, How do you do, keep smiling, know how, last not least, life is not a bed of roses, mass media, my better half, the new wave, my house is my castle, Rule Britannia, Scotland Yard, self made man/girl, Stars and Stripes, stiff upper lip, time is money, Union Jack, tie break, who is who.

Между калькированием ФЕ и заимствованием ФЕ в их исходной форме существует третий способ заимствования ФЕ — транскрипция фразеологической единицы. Этот способ стоит ближе к заимствованию в исходной форме, однако позволяет лучше интегрировать ФЕ в языке-реципиенте, снять чужеродность заимствования. ФЕ, заимствованные этим способом, подчиняются грамматике и фонетике языка-реципиента и обычно имеют полное семантическое тождество с оригиналом. Графические отличия по сравнению с источником минимальны и соответствуют правилам воспроизведения слов иноязычного происхождения в языке-реципиенте (латышском). «Чистых» заимствований ФЕ этого типа мало, но этим способом заимствования пользуются при создании фразеологических полукалек, что обуславливает теоретическую важность этого вопроса, поскольку полукалек много.

Фразеологические транскрипции — это обычно имена собственные, различные названия, которые вследствие метонимизации обрели статус

ФЕ. Например: *Džons Smits — John Smith, Džons Buls — John Bull, Pilers Pens — Peter Pan, Šerloks Holmss — Sherlock Holmes.*

Skolotāja laikam ir *Serloks Holmss* [detektīvs. — A. V.], jo bieži vien kāds uzdod jautājumu: kur ir jūsu audzēknis? (PJ — 5.10.1985.). Tas, ka *Džons Buls* ironiskā valodā nozīmē angļis, nebūt nenozīmē, ka Bairons smējies par angļu lautu (*Grieva Ž. Proza.* — 3. sēj. — R., 1960. — 93. lpp.)

Посредством этого способа много английских ФЕ при заимствовании проходят лексикализацию, например: *Flitstrīta — Fleet Street, Vols-trīta — Wall Street, Skotlendjards — Scotland Yard, Dauningstrīta — Downing Street.*

Un pie tam tas nebija izdarīts laupīšanas nolūkos, bet tā bija politiska slepkavība. Kas gan tur par daļu *Skotlendjarda viriem* (*Grieva Ž. Proza.* — 3. sēj. — 93. lpp.)

Три рассмотренных способа заимствования имеют системный характер, ибо охватывают все возможности фразеологического заимствования и показывают степень глубины отличия оригинала и заимствования.

Вследствие употребления этих способов возникают 4 типа заимствованных фразеологизмов: три соответствуют способам заимствования и четвертый, комбинированный, образованный средствами двух способов — фразеологическая полукалька.

Фразеологическая полукалька является результатом калькирования и транскрипции, т. е. представляет собой тип заимствования ФЕ, возникший в результате употребления двух способов заимствования. Это убедительно демонстрирует отсутствие водораздела между этими способами. Полукальки составляют сравнительно небольшую долю заимствований из английского языка.

Полукальки возникают в случае «непереводимости» одного или нескольких компонентов ФЕ. Непереводимость эта не абсолютна, однако существуют факторы, противодействующие этому.

Непереводимость может возникнуть, если ФЕ содержит имя собственное, например: *tēvocis Sems — Uncle Sam, linča tiesa — Lynch law, Mērfija likums — Murphy's law, krusttēvs Toms — Uncle Tom.*

Существуют многие фразеологические заимствования, в которых есть компоненты, перенятые с английского языка, однако, если эти элементы существуют в языке и как самостоятельные лексические единицы и появились в латышском языке до появления в нем кальки ФЕ, мы не можем считать ФЕ полукалькой, так как непереведенная часть ФЕ является фактически переведенной. Это полные фразеологические кальки: *džungļu likums — jungle law, dzeltenā prese — yellow press, ēnu kabinets — shadow cabinet.*

Leiboristu partijas līdera vietnieks un «ēnu kabineta» ārlietu ministrs D. Hilijs.. (*Čiņa.* — 8.4.1982.)

«*Dzeltenā prese*», draudēdama ar «komunisma briesmām», metas kārtējā uzbrukumā pret valsts demokrātisko opozīciju. (PJ — 25.10.1985.)

Таким образом, пласт фразеологических полукалек довольно ограничен в латышском языке.

Итак, существуют четыре типа фразеологических заимствований: 1) фразеологическая калька; 2) беспереводное заимствование; 3) фразеологическая транскрипция; 4) фразеологическая полукалька.

Как и способы использования, типы заимствований демонстрируют постепенный переход от заимствования ФЕ в ее исходной форме к фразеологической кальке, которая полностью состоит из исконного языкового материала.

Отметим, что такая система соответствует фразеологическим заимствованиям и из других языков (немецкого, французского, латинского и др.), контактирующих с латышским.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. — Киев, 1974.
2. Weinreich U. Languages in Contact. — N. Y., 1953.
3. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. — Л., 1972.
4. Блинкена А. Я. Актуальные задачи изучения латышско-русского двуязычия // Контакты русского языка с языками народов Прибалтики. — Р., 1984.
5. Семенова М. Ф. Русско-латышские языковые связи. — Р., 1973.
6. Солодухо Э. М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. — Казань, 1977.
7. Jespersen O. Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Endsteung. — Heidelberg, 1925.
8. Мунен Ж. Теоретические проблемы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978.
9. Степанов В. Г. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. — М., 1976.
10. Rūke-Draviņa V. Diachronic Changes in Latvian Phraseology // IV Vissavienības ballistu konference. — R., 1980.
11. Vilsons A. Latviešu un angļu literārie sakari (līdz XX gadsimtam) // Latviešu un Rietumeiropas literatūra. — R., 1971.
12. Baldunciņš J. Anglicismu aizgūšanas pamatiezīmes latviešu valodā // LPSR ZA Vēstis. — 1979. — Nr. 3.
13. Hristea Th. Probleme de etimologie. Studii, Articole, Note. — Bucuresti, 1968.
14. Амосова Н. Н. Об английских фразеологических словарях // Лексикографический сборник. — 6. — М., 1963.
15. Гвоздарев Ю. А. Процессы образования фразеологических единиц в русском языке // Проблемы русского фразообразования. — Тула, 1973.
16. Флекенштейн К. Кальки по немецкой модели в современном русском языке // АКД. — М., 1963.
17. Пономаренко Л. А. Калькирование как вид влияния одного языка на другой (на материале английских калек с русского языка) // АКД. — Киев, 1965.
18. Вайнрейх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. — Вып. 6. — 1972.
19. Ефремов Л. П. Лексическое и фразеологическое калькирование // Вопросы фразеологии. — Самарканд, 1961.
20. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. — М., 1969.
21. Наумова И. О. Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке (на материале публицистики) // КД. — М., 1982.
22. Месамед В. И. Калькирование как один из способов пополнения словарного состава персидского языка // КД. — М., 1984.
23. Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961.
24. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30—90 гг. XIX в. — М.: Л., 1965.
25. Зоричак Р. П. Фразеология писателя как проблема перевода (на материале перевода поэтических произведений Т. Г. Шевченко на английский язык) // АКД. — Киев, 1976.
26. Пономаренко Л. А. Устойчивые лексемосцепления контактирующих языков // АКД. — Тбилиси, 1978.
27. Солодухо Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии. — Казань, 1982.
28. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты и заимствования (XVI—XX вв.) // АКД. — Л., 1980.
29. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и истоки. — Л., 1970.
30. Svešvārdu vārdnīca. — R., 1978.

Институт языка и литературы
им. А. Упита АН ЛатвССР

Дата поступления 02.12.88.

A. Veisbergs

LATVIEŠU FRAZEOLOĢIJAS CILMES PROBLĒMAS

Latviešu frazeoloģija no cilmes viedokļa līdz šim ir maz pētīta un daudzi jautājumi pagaidām vispār nav skarti. Latvju cilmes frazeoloģija saistībā ar citām valodām aplūkota galvenokārt salīdzinošā aspektā [1; 2; 3]. No aizgūšanas viedokļa analizēta angļu valodas ietekme [4] un skatīti daži franču frazeoloģijas ietekmes aspekti [5].

Valodas frazeoloģiskais fonds veidojas un papildinās, rodoties jaunām frazeoloģismu struktūrām, mainoties semantikai un aizgūstot to no citām valodām. Tādējādi pēc cilmes frazeoloģismi ir vai nu dzimti (pašvalodas cilmes) vai aizgūti. Latviešu valodā lietotās frazeoloģijas dažādo izcelsmi uzsvēris A. Ozols [6, 20], garāmejot pieminot krievu, vācu, lībiešu un igauņu valodas ietekmi uz latviešu frazeoloģiju; viņš norāda, ka aizgūvumi ienākuši arī no senebreju, grieķu, latīņu, franču un citām valodām [7, 452], ka dzimtās frazeoloģijas avoti meklējami tautas sarunvalodā (*cauru dienu, gaisma svīst*) un folklorā (*tautu dēls, tautu meita*), aizgūto frazeoloģismu avoti rodami periodikā, literatūrā [7, 452]. Vispirms pievērsīsimies latviskas cilmes frazeoloģismiem.

Latviešu tautasdziesmās kā senākajā laicīgajā literatūrā esošā frazeoloģija acīmredzot jāuzskata par latviešu cilmes [8, 201]. Tiesa gan, lūlīt jāpiemin, ka jautājums par tautasdziesmās esošo frazeoloģiju ir stipri problemātisks. Vispirms, tautasdziesmu valoda ir specifiska, no tās vien spriest par latviešu senāko frazeoloģiju nebūtu objektīvi. Otrkārt, frazeoloģiski veidojumi mūsdienu izpratnē tautasdziesmās pārstāvēti visai trūcīgi.

Tautasdziesmās atrodami daudzi metaforiski veidojumi, taču grūti spriest par to stabilitāti ārpus konteksta. Šo īpatnību atzīmē arī A. Ozols, rakstot, ka «tautasdziesmu frazeoloģismu semantika visumā ir konteksta nosacīta semantika. Frazeoloģismu rezultatīvā nozīme vēl nav atbrīvojusies pilnīgi no konteksta un tāpēc attiecīgie frazeoloģismi vēl nav pilnīgi patstāvīgas vienības kā vārda ekvivalenti» (ret. mans — A. V.) [6, 235]. Liekas, šī doma prasa komentārus. Vispirms, frazeoloģismam nav jābūt vārda ekvivalentam, tā ir A. Ozola nozīme tolaik populārajai ekvivalences teorijai, kas mūsdienās atmesta. Taču vēl svarīgāks ir jautājums par to, vai mēs vispār varam runāt par veidojumu kā par frazeoloģismu, ja tā semantika ir konteksta nosacīta, un šis savienojums nav stabils. Arī pats A. Ozols atzīst, ka tautasdziesmu frazeoloģismi ir relatīvi un sinhronā skatījumā vērtējami kā samērā brīvi vārdu savienojumi (ret. mans — A. V.) [6, 235].

Tomēr būtu nepareizi uzskatīt, ka latviešu tautasdziesmās frazeoloģijas vispār nav. Tajās atrodami daudzu topošo frazeoloģismu aizmetņi. Un, ja mūsdienu valodas frazeoloģismam ir atrodams šāds aizmetnis, to samērā droši var uzskatīt par latviskas cilmes.

A. Ozols klasificē tautasdziesmās sastopamos veidojumus pēc tā laika populārās Vinogradova sistēmas — idiomās (*dieva dāvana*), frazeoloģiskie kopojumi (*siks lops*), frazeoloģiskie vienojumi (*dieva vārdi*), taču norāda arī uz tautasdziesmu valodai piemītošām specifiskām iezīmēm —

frazeoloģisko salīdzinājumu plašo izplatību (*vīrs kā ozols*) un tradicionālajiem blīvējumiem, kas, trūkstot abstraktiem sinonīmiem, apzīmē dažādus jēdzienus (*lēvs māmiņa* — vecāki; *krievi, leiši* — cittautieši).

Frazeoloģiska tipa veidojumi tautasdziesmās radušies galvenokārt uz vārdu polisēmijas pamata, konkrētām nozīmēm abstrahējoties.

Otrs latviskās cilmes frazeoloģijas avots ir gaužām neskaidrs, jo senākā sarunvaloda vāji atspoguļota rakstos.

Ja literāra rakstura frazeoloģija ir vairāk vai mazāk pārskatāma garīgajā literatūrā (par to vēlāk), tad spriest par sarunvalodas frazeoloģijas veidošanos ir ārkārtīgi grūti, jo tā nav fiksēta. Sarunvalodas frazeoloģija vāji pārstāvēta arī vārdnīcās līdz pat Milēnbaha—Endzelīna vārdnīcai. Tiesa, jau 1638. gadā publicētajā Manceļa vārdnīcas pielikumā «Phrasologia Lettica. Das ist Täglicher Gebrauch der Lettischen Sprache» (NB: runa nav par frazeoloģismu vārdnīcu, bet gan par valodas lietojumu) atrodam dažus frazeoloģiskus veidojumus: *tikai āda un kauli* [236], *visas iekšas apgriežas* [216], *bieza āda* [237], utt. Arī pusotru gadsimtu vēlāk G. F. Stendera «Augstas gudrības grāmatā» frazeoloģija pārstāvēta ļoti vāji: *muti aizbāzt* [40], *asinis uz debesīm brēc* [96], *staigāt taisnus ceļus* [239]. Visi pārējie tur minētie veidojumi ir vai nu no valodas zuduši (*stāvu zvaigzne, gāju zvaigzne* [156], *zitariskā uguns* [31]), vai arī bībeles alūzijas nepārņestā nozīmē (*ūdens plūdi* [210], *Bābeles tornis* [212]).

1782. g. Vāciski-latviskā vārdnīcā atrodami frazeoloģismi, kas saģiabājušies arī mūsdienās un kam, acīmredzot, ir latviska izcelsme: *tēva pēdās staigāt* [2], *nezināt, kur dēties, kur glābties* [983], *skaidra nauda* [141], u. c.

1806. g. Bergmaņa vārdnīcā parādās tādas vienības kā *postā iet* [134], *apakš otra kājām būt* [135], u. c.

19. gs. otrajā pusē sarunvalodas piemēriem ērtāk izsekot periodikā un literatūrā nekā vārdnīcās, kas frazeoloģiju sniedz ļoti skopi. Tātad sarunvalodas frazeoloģija fiksēta trūcīgi, turklāt ārkārtīgi daudziem latviešu sarunvalodas frazeoloģismiem atrodamas paralēles kaimiņu tautu valodās un valodās, ar kurām latviešiem nekad nav bijuši nopietni kontakti. Kā uzsvēr padomju valodnieks J. Solodubs [8, 108], starpvalodu frazeoloģiskie ekvivalenti pastāv galvenokārt divu faktoru darbības rezultātā: 1) kopīga pieredze un domāšanas procesu kopība, visdažādākajām tautām raksturīgā tēlainās domāšanas vienādība; 2) cieši kultūrvēsturiskie sakari starp tautām un areāliem. Ilustrējot pirmo faktoru, J. Solodubs sniedz identiskus sarunvalodas frazeoloģismu piemērus tādās gan saistītās, gan nesaistītās valodās kā ukraiņu, baltkrievu, poļu, čehu, bulgāru, franču, spāņu, itāļu, rumāņu, moldāvu, angļu, vācu, zviedru, dāņu, norvēģu, ungāru, kazahu, uzbeku, turku, mongoļu, vjetnamiešu, indoeiropiešu, piemēram, *kauli un āda, labā roku*. Uzskatīt šādu sakritību par valodu kontaktu rezultātu nav iespējams, tātad tā ir neatkarīga identu frazeoloģismu veidošanās dažādās valodās. Sevišķi daudz ekvivalentu atrodam tādās frazeoloģijas grupās kā salīdzinājumi un somatiskie veidojumi.

Tādējādi var pievienoties A. Ozola spriedumam par latviešu cilmes frazeoloģismu avotiem principā, bet praktiski noteikt sarunvalodas frazeoloģismu (it sevišķi seno) cilmi ir iespējams tikai retos gadījumos.

Jāatzīmē, ka blakus A. Ozola minētajām grupām pastāv vēl viena grupa frazeoloģismu, par kuru latvisko cilmi šaubas nevarētu būt. Tie ir literāras izcelsmes frazeoloģismi, kas balstās uz latviešu literatūras vispopulārāko darbu nosaukumiem vai to tēliem. Jāatzīst, ka latviešu valodā šādu veidojumu ir maz (salīdzinājumam varētu minēt, ka no Šekspīra darbiem vien angļu valodā ieplūduši vairāk nekā 100 frazeoloģismu). Turklāt šīm sastingušajām formām latviešu valodā ir dažāds lietojuma biežums. Vairāki ir valodā dziļi iesakņojušies, piemēram, *atrainnes dēls* (V. Plūdons), *savs kaktiņš, savs stūritis zemes* (J. Purapuķe), *melnais bruņinieks* (A. Pumpurs, Rainis), *kailā dzīvība* (A. Upīts), *purva bridējs* (R. Blaumanis), *gaismas pils* (Auseklis), *trešais tēvadēls* (pasaku motīvs):

Jau tā nav pietiekami daudz to ļoti zināmkāro, augšupniecīgo *atraines dēlu* (Pad. Jaun., 1987., 5. sept.); Nabaga *atraines dēls* pasa spēkiem beidz vidusskolu, izmācās par arhitektu, uzceļ greznu bloķeku, apprec skaislu un gudru namsaiņnieka meitu (Daugava, 1939, Nr. 8, 780. lpp.); Laicens te dzied slavas dziesmu Latvijas ražai, ko latvju zemieks ievācis, mīlēdams un kopdams *savu kukliņu un savu stūrīti zemes* (Burtnieks, 1935, Nr. 11, 695. lpp.).

Citiem veidojumiem lietojamība ir stipri ierobežota, par ko liecina ekscerptu daudzums, un tie vēl valodā nav pilnīgi nostiprinājušies kā patstāvīgas vienības. Šādi izteicieni vērtējami kā ļabi pazīstamas literāras alūzijas ar frazeoloģismu iezīmēm, piemēram: *mūžības skartie* (A. Čaks), *zella zirgs* (Rainis), *salna pavasari* (R. Blaumanis), *pērļu zvejnieks* (J. Poruks), *Dullais Dauka* (Sudrabu Edžus), *putni bez spārniem* (V. Lācis), u. c.

Lai neatlaidība, darbs, intelektuālais un ētiskais stiprums ir mūsu «Daugavas» *zella zirgs, kāpjot futbola stikla kalnā* (Sports, 1986, 9. dec.); Vai «Daugava» arī trešo sezonu pēc kartas spēš *kāpt pirmās līgas stikla kalnā?* (Turpat, 19. nov.); Katram ir savs *stikla kalns*, kurā jāuzkāpj. Un ne jau princeses dēļ. (Pad. Jaun., 1986, 9. apr.); Ja nu Jānis bērniībā nebija nekas cits kā tāds dvēseļu *Dullais Dauka* (Māksla, 1987, Nr. 3, 30. lpp.).

Praktiski visi literārie frazeoloģismi valodā nostiprinājušies tikai 20. gs. Vēl pastāv frazeoloģismu grupa, kas zināmā mērā saistās ar latviešu tautas vēsturei un kultūrai raksturīgām parādībām, piemēram, *kalendāru nemieri*, *Kurzemes kalls*, *dziesmu karš* utt. Pēdējā vienība atrodama jau 1873. gada I. Latviešu vispārējiem dziesmu svētkiem rakstītā Ausekļa darbā:

To tagad pierāda vislabākie dziedātāju kori, kas pēc goda mantojumiem lielajā «*dziesmu kara*» vēl aizvien dodas «karā», dziesmu bruņas metušies (Auseklis. Izlase. R., 1955, 185. lpp.).

Aizgūtajai frazeoloģijai latviešu valodā ir daudz lielāka nozīme nekā varētu šķist no pirmā acu uzmetiena. Statistiskie pētījumi rāda, ka, piemēram, preses valodā vismaz 60% frazeoloģismu lietojuma veido aizguvumcilmes vienības; daiļliteratūrā šis procents ir mazliet zemāks, turklāt šie rādītāji radušies, uzskatot nenosakāmas cilmes frazeoloģismus par latviskas izcelsmes. Tātad pilnīgi droši var teikt, ka mūsdienās lietotajai latviešu frazeoloģijai ir heterogēns raksturs -- to apmēram līdzīgās proporcijās veido kā latviskas, tā aizgūtas cilmes vienības. Šādu stavokli radījuši latviešu valodas kontakti ar kaimiņu un attālām valodām. Tieši kontakti, kas atstājuši nopietnu ietekmi uz latviešu frazeoloģiju, bijuši ar somugru, vācu un krievu frazeoloģiju. Taču lielu iespaidu atstājušas arī citas valodas, galvenokārt pastarpināti ar krievu vai vācu valodu palīdzību. Ļoti nozīmīga ir arī frazeoloģijas internacionalizācija, kas vērojama visās kultūrtautu valodās. Jāatzīmē, ka jau pagājušā gadsimta beigās tika izteikta doma par Eiropas valodu frazeoloģijas vienādošanos, ko F. Miklosiēci nosauca par neoeiropēismu [9]. Šķiet, mūsdienās šī tendence ir pastiprinājusies, un mēs droši varam runāt par paneiropēisku frazeoloģiju ar zināmām Jaunās pasaules ietekmēm.

Frazeoloģiskie aizguvumi iespējami četros veidos:

1) **netulkotais aizguvums** — pārņemot no citas valodas frazeoloģismu bez izmaiņām;

2) **frazeoloģiskais kalks** — burtiski tulkojot frazeoloģisma komponentus;

3) **transkriptīvais frazeoloģiskais aizguvums** — transkribējot un morfēmiski izmainot citas valodas frazeoloģismu;

4) **frazeoloģiskais puskalks** — aizgūstot frazeoloģismu, vismaz viens komponents tiek tulkots (kalkots) un vismaz viens tiek transkribēts.

Tātāk aplūkosim dažādu konkrētu valodu devumu latviešu frazeoloģijā.

Somugru elementi latviešu valodā pētīti samērā plaši, taču galvenokārt leksikas līmenī, kur šo aizguvumu noteikšana ir ievērojami vienkāršāka. Frazeoloģijā noteikt aizguvumus ir ļoti sarežģīti, jo rakstu avotu trūkuma dēļ varam balstīties tikai uz salīdzināšanu, bet frazeoloģisko pa-

ralēju pastāvēšana, piemēram, latviešu un igauņu vai somu valodās ne vienmēr liecina par aizgūšanas faktu. No otras puses — baltu un somu cilšu senie sakari nav noliedzami, un acimredzot tie atspoguļojas arī frazeoloģijā. Kā zināms, baltu un somu pirmie kontakti ir bijuši 3. gadu tūkstoši p. m. ē. Otrais baltu cilšu vilnis, kas ieplūda somu cilšu apdzīvotajā Baltijā, nāca m. ē. 6.—8. gs. Lai gan pastāv dažādi uzskati par cilšu saskari, — ka balti uzvarēja un izspieda somus uz ziemeļiem, šķiet, ka Baltijas somu ciltis lielā mērā palika uz vietas un pakāpeniski ieplūda baltu ciltis. Šis process pašlaik ir kritisks, ja ņemam vērā libiešu asimilāciju. Sādas asimilācijas gadījumā neizbēgama ir arī valodas elementu uzsūkšana.

Jau gadsimta sākumā J. Endzelīns raksta [10, 137—138], ka latviešu valodā ir izplatīta lietuviešu valodā tikpat kā nelietotā priedēkļu nomaīņa ar apstākļa vārdiem, piemēram, *nākt zemē* (ig. *maha tulema*), *raut pušu* (ig. *kat kikiskuma*), *dabūt rokā* (ig. *kātte sāma*), kam ir tiešas atbilstmes libiešu un igauņu valodās. Jāuzsver, ka tieši šīs valodas ir ietekmējušas latviešu valodu, nevis otrādi, jo somu valodā sastopamas šo frazeoloģismu paralēles, bet latviešu valoda ar somu valodu saskarē nav bijusi. J. Endzelīns arī atzīmē, ka runāt par vācu valodas ietekmi šai sakarā nevar, jo prūšu valodā šādu konstrukciju nav.

Arī vēlāk J. Endzelīna darbos atrodams atsevišķas norādes uz valodu mijiedarbību, pieļaujot iespēju, ka tādi frazeoloģismi kā *no galvas mācīties*, *bārdu dzit*, *uz grūtām kājām*, *mutēs dot*, *turēt prātā* u. c. varētu būt aizgūti [11, 218].

Darbā, kas tieši veltīts libiešu valodas ietekmei uz latviešu valodu, J. Endzelīns atzīmē, ka «latviešu un libiešu (resp. igauņu) valodas savstarpējā ietekme izpaužas arī semazioloģijā un frazeoloģijā. Līdzīgums šai ziņā var būt radies pa daļai nejauši vai dzīvojot līdzīgos apstākļos» [12, 8—9].

Sai gadījumā Endzelīns min piemērus *no galvas* (lei. *iš galvōs*), ig. *peast*, la. *mutēs dot*, ig. *suud andma* (somu — *antaa suuta*). Bet J. Endzelīns atzīmē, tiesa, visai nenoteikti, ka «citos gadījumos tāds nozīmes līdzīgums ir laikam skaidrojams ar libiešu vai igauņu ietekmi», minot tādus piemērus kā *rokā dabūt* (sal. ig. *kātte saama*), *bārdu dzit* (ig. *habet ajama*), *labā roka* (ig. *hea kasi*), *zobus vadzi kārt* (ig. *hambad varna panema*).

Visnoteiktāk J. Endzelīns par frazeoloģiskajiem aizguvumiem no somugru valodām izteicies 1951. gadā rakstā [13, 301—302], kur bez minētajiem atrodami arī tādi frazeoloģismi kā *pāri darīt* (ig. *ūle tegema*), *nevarēt ne acu galā ieredzēt* (ig. *mitte silma otsastagi sallima*), *pēdas dzit* (ig. *jālgī ajama*). Par iepriekš minētajiem un šiem frazeoloģismiem izteikta pārliecība, ka tie latviešu valodā izveidojušies libiešu vai igauņu valodas ietekmē, jo šādu izteicienu nav ne lietuviešu, ne vācu, ne krievu valodā.

Sai pašā darbā atrodam arī hipotētisku spriedumu par vairāku citu frazeoloģismu iespējamo somugru izcelsmi: *dot pa ādu*, *ciemā iet*, *putnu ceļš*, *uguns pakulās*, *sirds neņem preti*, *no sirds dibena*, *zobus vadzi kārt*, *gariem zobiem ēst*, *pa zobam*, *skaidrā naudā*, *ēst ar saldu muti*, *kāzas dzert*, *krustu nest*, *viss viens*.

Salīdzinot šos 1951. gada izteikumus ar citiem, redzams, ka spriedumi par daudzu frazeoloģismu izcelsmes iespējamību ir stipri mainīgi.

Šķiet, mēs varam pievienoties V. Rūķes-Draviņas domām, ka spriest par frazeoloģiju pirms rakstīto tekstu sākuma ir spekulatīvi [14, 229].

Sāds pats viedoklis ir arī Silvijai Raģei [15, 14—16], kas izsaka hipotēzi par tādu frazeoloģismu kā *putnu ceļš*, *būt pa zobam*, *ēst ar saldu muti* un citu iespējamo somu izcelsmi. Tiek minēts arī frazeoloģisms *kārt zobus vadzi*, kuram vienīgais pilnīgi adekvātais frazeoloģisms ir igauņu *hambaid varna riputama*. Taču arī viņa jautā, ko no tā secināt — neatkarīga izcelsme vai aizguvums un, ja pēdējais, tad no kādas valodas? (A. V.) Tādējādi varam secināt, ka latviešu frazeoloģijā katrā ziņā ir

šomugru elementi, bet tos precīzi noskaidrot praktiski nav iespējams.

Kā vairumā Eiropas valodu, milzīga nozīme latviešu valodas un arī frazeoloģijas attīstībā bija bībeles tulkojumam. Glika veiktais bībeles tulkojums ir veclatviešu rakstu valodas pirmais plašākais piemineklis. Šeit pirmo reizi ir aizgūtās frazeoloģijas grupa, ko iespējams aplūkot tieši, bez hipotētiskiem jeb spekulatīviem spriedumiem uz līdzības pamata. Izsekojot konkrētiem frazeoloģismiem dažādu laiku bībeles izdevumos, varam secināt, ka praktiski visa bībeles frazeoloģija ir formas ziņā saglabājusies tās pirmreizīgajā 1686.—1689. gadu tulkojuma variantā. Tā kā tulkojums tika veikts no oriģinālvalodām (Vecā derība no senebreju, Jaunā derība no sengrieķu valodas), tad arī attiecīgi frazeoloģismi uzskatāmi par aizguvumiem no šīm valodām, piemēram, *kauls no kaula, miesa no miesas* (1. Mozus, 2, 21—23), *kaisīt pelnus uz galvas* (Ijaba, 2, 12), *pārdot savu pirmdzimtību (par lēcu vīrumu)* (1. Mozus, 25, 31—34), *vaiga sviēdros* (1. Mozus, 3, 19) no senebreju valodas. Savukārt aiz *septiņiem zieģešiem* (Jāņa atkl., 5, 1—3), *alfa un omega* (Jāņa atkl., 1, 8), *trīsdesmit sudraba gabali* (Mat. 26, 15) no grieķu valodas.

Tiesa, dažu frazeoloģismu izcelsmes noskaidrošanu sarežģī jautājums, no kuras derības tas aizgūts. Tā, piemēram, frazeoloģisms *mazgāt rokas nevainībā*. Mateja evaņģēlijā atrodam šādas rindas: «ņēma ūdeni un mazgāja rokas ļaužu priekšā, sacīdams: Es esmu nevainīgs pie šī taisnā asinim.» (Mat. 27, 24). Taču frazeoloģiskāks šī izteiciena variants atrodams Vecajā derībā: Es mazgāju rokas iekš nenoziedzības. (Ps. 26, 6, arī 73, 13). Tātad frazeoloģisms varētu būt aizgūts kā no Jaunās, tā Vecās derības.

Vēl sarežģītāks stāvoklis ir ar t. s. bībeliskajām alūzijām — frazeoloģismiem, kas radušies uz bībeles motīvu pamata, bet pašā bībelē kā frazeoloģismi nav atrodam, piemēram, *Bābeles tornis*, *Noasa šķirsis*, *sūtīt no Pontija pie Pilāta*, *nelicīgais Toms*. Daudzos gadījumos iespējams, ka šie frazeoloģismi radušies un aizgūti ar starpvalodu palīdzību, jo tie ir izplatīti visās Eiropas valodās. Par to varētu liecināt šādi piemēri. Frazeoloģisms *alfa un omega*, kas balstās uz grieķu alfabēta pirmo un pēdējo burtu, nevienā bībeles tulkojumā nav šādi noformēts. Tā vietā atrodam «*A un O*» (Jāņa atkl. 1, 8). Arī *kalpot mamonam* nav atrodams tulkojumos. Mateja evaņģēlijā šī vieta vienmēr tulkota kā *kalpot naudai* (Mat. 6, 24). Acīmredzot šeit par starpniekvalodu kalpojusi vācu valoda (*dienen dem Mammon*).

Tāds frazeoloģisms kā *manna no debesīm* bībelē nav atrodams. Vārds *manna* vispār Eiropas valodās ienācis no senebreju *Man hu?* (kas tas ir?). Šī interpretācija dažādos variantos parādās bībeles tulkojumos: (2. Mozus, 16, 15):

Kad tie Izraeļa bērni redzēja, tad sacīja tie viens uz otru: *tas ir Mann*, jo tie nezināja, kas tas bija (1689); Kad to tie Izraeļa bērni redzēja, tad sacīja tie viens uz otru: *Kas tas ir?* (1825); ... tad tie sacīja cits uz citu: *Kas tas ir?* (1937); tad sacīja cits citam: «*Man hu? Kas tas ir?*», jo tie nezināja, kas tas bija (1970).

Arī tāds frazeoloģisms kā *aprakt savu talantu* šādā noformējumā parādās tikai 20. gs. — noteikti internacionalizācijas rezultātā. No pirmā tulkojuma līdz pat mūsdienām šī vieta bībelē pamatā interpretēta kā *aprakt savu podu* (Mat. 25, 15, 25).

Sis variants ar konkrēto izteiksmes veidu (*podis*), bet abstrakto frazeoloģisko saturu iemūžināts arī 19. gs. latviešu literatūrā:

Kad nu es negribu nebūt Jūsu rupjības un nepatiesības «*podu*» rakt zemē, nedz liki «uz augļiem», tad piesūtu Jums tās visas atpakaļ. ... (Pārsirauta Jānis no *Kalnenieka*. R., 1882, 149. lpp.); Jums ir mākslinieka dāvanas, lielas dāvanas, tikai nu nepalikt pusceļā, bet lās gliot un kopt kā dārgu mantu. *Neaprociet savu podu zemē*, ko dievs jums uzticējis! (*Zēboltu Jēkabs*. Ūdens burbuli. R., 1985, 166. lpp. (1900).

Vēl drošāk varam uzskatīt, ka frazeoloģisms *sūtīt no Pontija pie Pilāta* ir aizgūts no kādas starpniekvalodas, jo tas faktiski balstās uz nepareizu bībeles sižeta interpretāciju, jo Pontijs Pilāts ir viena persona, un pēc mīta Jēzu Kristus Pontijs Pilāts sūtīja pie Eroda, un tas savukārt

atpakaļ pie Pontija Pilāta. Šī frazeoloģisma lietojums nozīmē 'birokrātisms, novilcināšana' ir visai izplatīts vairākās valodās un maz ticams, ka šāda identiski kļūdaina interpretācija varētu notikt neatkarīgi vairākās valodās (vācu *j-n von Pontius zu Pilatus schicken*, kr. *посылать от Понтия к Пилату*).

Ir grūti noskaidrot, tieši ar kuru brīdi varam runāt par bībeles izcelsmes frazeoloģijas nostiprināšanos latviešu valodā, jo ilgu laiku tā parādījās reliģiska satura tekstos kā citāti vai alūzijas, ko nevar uzskatīt par frazeoloģisku lietojumu, piemēram, G. F. Stendera «Augstas Gudribas Grāmatā»:

Ķad *Noas ciltis* pēc tiem *ūdēns plūdiem* sāce vairoties un pie *Bābeles-torņa* būšanas izšķīrās, vēl nebija valdīšanas (212. lpp.).

Laicīga satura rakstos bībeles frazeoloģija parādās jau kopš 19. gs. vidus, kad jūtam pārnestās nozīmes nostiprināšanos:

Eet vai nebūs iemesis meklējams tur (ja ir atļauts ar sak. vārdu atbildēt), ka Neikens ir «*praviētis ievijā*?» (Baltijas Vēstnesis, 1875, Nr. 19.).

Tiesa, laicīga satura tekstos paralēli vēl ļoti ilgi saglabājas citātveida lietojums:

Tāpēc, mīļie brēcēji, ņemiet to mācību vērā: Papriekš *izvelc balķi no savas acs un tad raugi skabargu no sava brāļa acs izvilkt* (Mat. 7, 5) (Sēta, Daba, Pasaule. III. Tērbata, 1860. 79. lpp.).

Latviešu valodā mūsdienās nostiprinājušies ap 200 bībeles izcelsmes frazeoloģismu un to variantu. Bībeles frazeoloģijai raksturīga liela noturība, tā saglabā senus vārdus, konstrukcijas: *pēc ģimja un līdzības, aiz septiņiem zieģeļiem, vaiga sviēdros* u. c.

Bībeles frazeoloģija — pirmais faktiski pierādāmais aizguvumu slānis, kas veido ievērojamu grupu mūsdienu latviešu valodā un kura izcelsme atspoguļo frazeoloģijas internacionalizācijas problēmu.

Runājot par bībeles frazeoloģiju, jau tika aplūkoti aizguvumi no grieķu valodas, kas ieplūduši ar Jaunās derības tekstu. Taču latviešu valodā krietns skaits (ap 50) frazeoloģismu saistīti ar grieķu mitoloģiju, grieķu literatūras citātiem, aforismiem. Seit jāpiezīmē, ka jautājums par šo frazeoloģismu grieķisko izcelsmi nav viennozīmīgs, vairākiem no šiem frazeoloģismiem nav bijuši tieši prototipi oriģināltekstā, piemēram, Homēra «Odisejā» mēs neatrodam vārdkopu *Trojas zirgs*. Par daudziem no šiem frazeoloģismiem var teikt, ka tie ir alūzijas uz dažādām grieķu kultūrdzīves leģendām, mītiem, realijām. Jāatceras, ka tie var būt noformējušies kā frazeoloģismi arī citā valodā un pēc tam aizgūti latviešu valodā. Jāņem vērā arī latīņu valodas lielā nozīme grieķu kultūras izplatīšanā. Taču, tā kā pastāv uzskats, ka aizgūts frazeoloģisms var būt arī alūzija, tad varam minēt šādus aizgūtos frazeoloģismus (visbiežāk tie ir frazeoloģiski puskalki): *Ahileja papēdis, Ariadnes pavediens, Augija staļļi, Damokla zobens, Gordija mezgls, starp Scillu un Haribdu, Herkulesa darbi / stabi, himeneja saites, homēriski smieklī, olimpisks miers, paniskas bailes, Pandoras lāde, apseglot Pegazu, Siziņa darbs / moka, Tantala moka, Temidas svāri, Prokrusta gulta*.

Ir arī pilni frazeoloģiskie kalki ar mitoloģiski literāru izcelsmi: (*pār*)-*pilnības rags, pulna piens, gulbju dziesma* un aizguvumi, kas kaut kādā veidā raksturo antīkās Grieķijas dzīves īpatnības, nostāstus, piemēram: *spartiska dzīve, drakoniski likumi, Diogēna muca, platoniskā mīlestība, Delfu orākuls*, arī tik prozaisks termins kā *aklā zarna*. Šie frazeoloģismi latviešu valodā ieplūduši jau literārās valodas veidošanās posmā:

Jeb vai jūs to nekad nevarat un nespējat aizmirst, jo jums tur, tēvu zemē, vēl *Herkuļa un Tezeja darbi izdarāmi* (Kronvalds A. Rakstu izlase. R., 1937, 341. lpp. — Runas 1871.); Tas bargums, ar kādu šis muižnieks savu uzdevumu izdara, kļūva par sakāmo vārdu. Ļaužu mute liecināja, ka *Drakonta likumi* ir ar asinīm rakstīti (Turpat. Solons, 305. lpp.); Tikko jau paši garu velk un ar savu *plato* vai *Platona mīlestību* lielās, bet beigās nav tās pašas šaurās (Kaudzītes R. M. Mērnieku laiki. Jelgava, 1879, 33. lpp.).

Pēdējais piemērs liecina gan par frazeoloģisma aizgūšanas īpatnībām (Plato — Platons), gan arī par nostiprināšanos valodā, jo okazionālo lietojumu pieļauj tikai daudz maz iesakņojušās vienības.

Valodā nostiprinājušies arī daži sengrieķu filozofu un rakstnieku izteicieni, kas, tulkojot darbus, kļuvuši internacionāli:

no diviēm jaunumiem izvēlēties mazāko (Aristotelis. Nikomaha ētika), *viss teikplūst, viss mainās* (Eīesas Heraklīts), *ēst, lai dzīvotu, nevis dzīvot, lai ēstu* (Sokrāts), *no mušas iztaisīt ziloni* (Lukiāns), *viena bezdelīga pavasari nenes* (Ezopa fabula), *ko dievi grib pazudināt, tiem atņem saprātu* (Likurģs) u. c.

Grieķu izcelsmes frazeoloģija latviešu valodā ienāca vairāk vai mazāk vienlaicīgi ar latīņu valodas aizguvumiem kā antikās kultūras sastāvdaļa.

Jāatzīmē, ka latviešu valodā nav netulkoto aizguvumu no grieķu valodas, tie nav sastopami arī kā iespraudumi — domājams, atšķirīgo ortogrāfiju un grieķu valodas nepopularitātes dēļ.

Kā vairumā Eiropas valodu, latviešu valodā bagātīgi ir pārstāvēta latīņu frazeoloģija. Daudzi frazeoloģismi aizgūti kā netulkotā formā, tā arī kā kalki no puskalki, piemēram, *O tempora, o mores* — *ak, laiki, ak, tikumi, alea jaeta est* — *kauliņi ir mesti, deus ex machina* — *dievs no mašīnas, mens sana in corpore sano* — *veselā miesā vesels gars*.

Latīņu izcelsmes netulkotā frazeoloģija ir pirmā netulkotā frazeoloģija, kas nostiprinās rakstītā valodā. Jau 19. gs. vidū latīņu frāžu lietojumam vairs nav izņēmuma raksturs, tiesa gan, frazeoloģismam parasti dod arī tulkojumu, kas liecina par to, ka autoriem vēl ir šaubas par lasītāju zināšanu līmeni:

Romniekiem ir sakams vārds: *qualis rex, talis grex!*, tas ir pa latviski: kāds gans, tāds ganams pulks un tiesa gan ir (Mājas Viesis, 1856, Nr. 8.); *Ubi bene, ibi patria* (*Kur man labi klājas, tur man tēviņa*) (Dzeijas no Ausekļa. R., 1873.).

Vienlaicīgi lielā skaitā nostiprinās arī kalki, tiesa, daļa no tiem vēl atšķiras no mūsdienu izteiksmes:

Kur labi klājas, tur ir man mājas (Mājas Viesis, 1859., Nr. 19); *Ak jūs laiki un ieražas!* (Pēterburgas Avīzes, 1862, Nr. 26); ... *«errare humanum est»* (*atļoties ir cilvēcīgi*) (Austrums, 1885, Nr. 12, 814. lpp.).

Latīņu frazeoloģijas nostiprināšanos rāda tas, ka ap gadsimtu miju to lielākoties lieto vienā variantā — vai nu kalks, vai netulkotais frazeoloģisms bez paskaidrojumiem:

Visnoteiktāko valodu gan liekas runājot simfonijas pēdējā daļa «Adagio Lamentoso», kurš ir savā ziņā īsts «*memento mori*» (Pēterburgas Avīzes, 1902, Nr. 103); Kad tik pa tām starpām Kurzemes muižnieku deputāti nedabun cauri «*status quo*», negrozāmības atzišanu, ko tie jau mēģināja izvest tā saucamā provinciālpadomē (Zemkopis, 1910, 14. apr.).

Lielākā daļa aizguvumu no latīņu valodas ir saistīti ar antiko literatūru, filozofiju — pamatā ar Romas impērijas laiku, taču atsevišķu frazeoloģismu izcelsme ir vēlāka. Jāatceras, ka latīņu valoda dominēja Eiropā arī pēc Romas sabrukšanas un izglīto to aprindu dzīvē pastāvēja gandrīz vai kā dzīva valoda līdz pat jaunākajiem laikiem. Tā viduslaiku alķīmiķi lietoja *filozofu akmeni* (*lapis philosophorum*) jēdzienu. Arī zinātniskā literatūra tika rakstīta galvenokārt latīņu valodā, tā kalpoja arī kā 'lingua franca'. Tā, piemēram, franču filozofa R. Dekarta izteiciens '*domāju — tāpēc es esmu*' atrodams gan viņa franču valodā sarakstītajā «Discours de la methode» 1638. gadā, gan šī darba latīņu valodas tulkojumā «Principia philosophiae» 1644. gadā — *cogito, ergo sum*. Tā kā daudzās valodās šis frazeoloģisms nostiprinājies kā netulkotais latīņu aizguvums, varam droši teikt, ka tā latīņu izcelsme ir bijusi svarīgāka.

Mūsdienu latviešu valodā varam droši runāt par vairāk nekā simtu latīņu izcelsmes frazeoloģismu pilnīgu stabilitāti, pie tam ļoti liels ir sakāmvārdu un parumu, sentenču un saukļu īpatsvars — *atkārtošana* — *zināšanu māte, dāvātām zirgam zobos neskatās, ja gribi mieru, gatavojies karam, kur labi, tur dzimtene, kad runā ieroči, mūzas klusē* (modernizētā variantā «*ieročus*» aizstāj «*lielgabali*»), *maizi un izrādes, mūžu dzīvo, mūžu mācies, nauda nesmird, nekas cilvēcīgs man nav svešs, skaldi un valdi, steidzies lēnām, tā aiziet tā pasaules godība, tautas balss — dieva balss*.

Pārējie frazeoloģismi ir galvenokārt divvārdu izteicieni: *otrais es, nāves deļa, piena ceļš, rets putns, strīdus ābols, tumša personība, zeltu*

laikmets, zella vidusceļš, balta lapa, mūžīgā pilsēta, to starpā arī vairāki puskalki: *pāriet Rubikonu, Pirra uzvara, Kartāgai jāsagrūst, divsejainais Jānuss*.

Šķiet, vislielākā ietekme uz latviešu frazeoloģiju ir bijusi vācu valodai. Jau sākot ar 13. gs., baltu ciltīm ir bijusi saskare ar vācu bruņiniekiem. Visā latviešu valodas veidošanās laikā vācu valoda ir bijusi galvenā kontaktvaloda, tās ietekme ar kāpumiem un kritumiem ir turpinājusies līdz 20. gs. vidum. Caur vācu valodu latviešu frazeoloģijā ieplūdis arī vairums aizguvumu no citām valodām. Taču vēl svarīgāk, šķiet, ir tas, ka latviešu valodas attīstība tās sākumposmā lielā mērā ir bijusi vācu tautības cilvēku rokās. Vācu mācītājiem bija ļoti liela nozīme veclatviešu rakstu valodas izveidē, un sevišķi liela šī nozīme ir bijusi frazeoloģijas noregulēšanā. Kā jau tika minēts, tautasdziesmās īstu frazeoloģiju vispār atrast grūti, par sarunvalodas frazeoloģiju mums grūti spriest (kaut arī šeit jūtams vācu valodas iespaids), bet frazeoloģiskās metaforas modelis latviešu valodā lielā mērā iepludināts no ārpuses — tieši no vācu valodas vai ar tās starpniecību.

Latviešu un vācu valodā eksistē ļoti daudz pilnīgi identisku frazeoloģismu (*Von Kopf bis Fuss — no galvas līdz kājām, iet no mutes mutē — von Mund zu Mund gehen*, utt.).

Ļoti iespējams, ka daudzi no šiem frazeoloģismiem ir aizgūti no vācu valodas, taču pierādīt to praktiski nav iespējams. Taču ir arī liela frazeoloģismu grupa, kuru izcelsmi apliecina tipiska vācu valodas struktūra, ir iespējams izsekot arī to aizgūšanas gaitai rakstu valodā, piemēram, *zem katras kritikas — unter aller Kritik, nošaut buku — einen Bock schießen, tur tas suns aprakts — da ist der Hund begraben, pasaules uzskats — Weltanschauung, dzīvi apliecinošs — lebensbejahend, lauzīta valoda — gebrochene Sprache, sadot kādam piparus — Pfeffer geben j-m, pats par sevi saprotams — es verstehe sich von selbst, salmu atraitne — Strohwitze, runāt caur puķēm — durch die Blume sprechen, iedot kādam kurviti — j-m einen Korb geben, spēlēt lielu lomu — grosse Rolle spielen*. Daudzi frazeoloģiskie aizguvumi no latviešu valodas mūsdienās izzuduši, bet, piemēram, 19. gs. tādu bija milzums: *nākt priekšā — vorkommen, dzīt veikalā — Geschäfte treiben, krist svarā — ins Gewicht fallen, uz to labāko — aufs Beste, grāmatu turētājs — Buchhalter, miesas strāpe — Körperstrafe, ciets pilsēts — Festung*, utt.

Vācu valoda, būdama antīko un moderno frāžu iepludinātāja latviešu valodā, arī pati deva tai krietnu skaitu vācu izcelsmes literāru frazeoloģismu: *neredzēt aiz kokiem mežu — den Wald vor lauter Bäumen nicht sehen* (Kr. M. Vilands), *ar sirds asinīm rakstīts — mit dem Blute eigenen Herzen geschrieben* (J. V. Gēte), *moris savu darbu padarijis, moris var īct — der Mohr hat seine Arbeit getan, der Mohr kann gehen* (Fr. Silers), *dvēseļu radniecība — Wahlverwandschaften* (J. V. Gēte), *laika gars — Zeitgeist* (J. V. Gēte), *iet uz Kanosu — nach Canossa gehen* (Bismarks), *brīvā mīlestība — freie Liebe* (M. Halbe), *vērtību pārvērtēšana — Umwertung aller Werte* (Fr. Nīče), *lielgabali sviesta vietā — Kanonen statt Butter* (R. Hess), *zvaigžņu stunda — Sternstunde* (St. Cveigs) utt.

No vācu valodas maz aizgūto netulkoto frazeoloģismu — *Drang nach Osten, Sturm und Drang, Mehr Licht!*, pie tam tiem visiem ir arī nostiprinājušies kalki.

Šādu īpatnību, šķiet, noteikusi pūrisma ietekme uz vācu valodas elementiem gan tautas atmodas laikā, gan 20.—30. gados, kā arī vācu valodas iespaids straujā samazināšanās pēc II Pasaules kara.

Nenoliedzami spēcīgs latviešu valodā ir krievu frazeoloģijas iespaids, kas turklāt turpina samērā aktīvi papildināt latviešu frazeoloģijas fondu ar jauniem aizguvumiem. Arī krievu valodas iespaids tā senākajā posmā skatāms hipotētiski — abās valodās ir daudzas frazeoloģiskās paralēles: *pievaldīt mēli — сдерживать язык, ieturināt pie maizes un ūdens — посадить на хлеб и на воду, sadot pa ceruri — дать по шанке*. Taču ir arī

daudz frazeoloģismu, par kuriem var droši teikt, ka tie ir ienākuši no krievu valodas. Tāpat kā no citām valodām, pārņemti daudzi krievu izcelsmes literārie veidojumi: *mirušās dvēseles* (N. Gogolis, 1842) — *мертвые души*, liekie cilvēki (I. Turgeņevs, 1850) — *лишние люди*, tēvi un dēli (I. Turgeņevs, 1862) — *отцы и дети*, *revolūcijas algebra* (A. Hercens, 1855) — *алгебра революции*, cilvēks futlārī (A. Čehovs, 1898) — *человек в футляре*, *rapākumu reibonis* — (J. Staļins, 1930) — *головокружение от успехов*, *cilvēku dvēseļu inženieri* (J. Staļins, 1932) — *инженеры человеческих душ*, utt.:

Arvainoti pensiju izkrāpšanā «*mirušām dvēselēm*» (Jaun. Ziņas, 1937, 15. nov.); Mums jau daudzus gadus aktuāls jautājums ir «*mirušās dvēseles*» — cilvēki, kas aizgājuši strādāt citur, bet nav noņēmušies no uzskaites (Pad. Jaun., 1987, 11. febr.) Biedrs Staļins nosaucis padomju rakstniekus par *cilvēku dvēseļu inženieriem* (Cīņa, 1953, 28. marts).

Tā kā latviešu un krievu tautu likteņi un vēsture pēdējo gadsimtu laikā ir bijuši cieši saistīti, aizgūti arī daudzi frazeoloģismi, kam ir samērā izteikta reāliju nokrāsa: *logs uz Eiropu* (A. Puškins, 1834) — *окно в Европу*, *Potjomkina sādžas* (1783) — *Потемкинские деревни*, *melnā solņa* (1905/6) — *черная сотня*, *tautu tēvs* — *отец народов*, utt., piemēram:

Fasādei te nav otras puses, *Potjomkina sādžu* nav kur uzbūvēt (Lit. un Māksla, 1988, 5. aug.); «*Tautu tēvs*» izrikojies ar alfabētiem bez lielas prātošanas (Pad. Jaun., 1988, 3. dec.).

Vairums šo frazeoloģismu valodā ieplūduši tikai 20. gs., ko zināmā mērā var skaidrot ar to samērā neseno krievu izcelsmi, kā arī to literāro ievirzi, kas prasa zināmu lasītāja sagatavotību.

Zināmu iespaidu atstājusi arī krievu folklorā: *pēc lidakas pavēles* — *по щучьему веленью*, *piena upes, ķiseļa krasti* — *молочные реки и кисельные берега* — paralēli latviešu valodā jau esošajam bībeles aizgūvumam *zeme, kur piens un medus tek*.

Krievu frazeoloģija arī mūsdienās spēcīgi ietekmē latviešu valodu, sevišķi tās zemākos līmeņus. Jāatzīmē lielais krievu aizgūvumu īpatsvars žargona frazeoloģijā un gandrīz vai pilnīga krievu valodas izteicienu dominācija t. s. «trīsstāvīgo» vai «piecstāvīgo» izteicienu sfērā. Daudz aizgūvumu no krievu valodas ieplūst sarunvalodā, un daļa no tiem ar laiku pāriet preses valodā: *karāties gaisā* — *висеть на воздухе*, *mājās sienas palīdz* — *дома стены помогают*, *kupraino tikai kaps izmācis/iztaisnos* — *горбатого могила исправит*, *vilciens aizgājis* — *поезд ушел*, *pie lampriņas* — *до лампочки*, *koks/runga ar diviem galiem* — *палка о двух концах*, *slapja lieta* — *мокрое дело*:

Taču *katrai rungai ir divi gali* (Lauku Avīze, 1988, 22. okt.); Ir tāds teiciens, ka *kupraino iztaisnojoš vienīgi kaps* (Lit. un Māksla, 1986, 4. jūl.); Sākumā viņš bija izcils bandīts, kas nevairījās arī no «*slapjām lietām*» (Rīgas Balss, 1986, 23. janv.).

Vēl kāda krievu valodas ietekmei raksturīga īpatnība ir to frazeoloģismu ieplūšana, ko varētu saukt par birokrātisko frazeoloģiju — izteicieni, kam raksturīga kancelejiski oficiāla nokrāsa. To lielā mērā veicina krievu valodas izplatība vadības un lietvedības sfērā. Dažiem no šiem izteicieniem latviešu valodā piemīt nevēlama, pat absurda pieskaņa: *šaurā vieta* — *узкое место*, *sist/sodīt ar rubli* — *бить рублем*, *nomestī no skaitļiem* — *сбросить со счетов*, *dzīvie ziedi* — *живые цветы*, *nodot arhīvā* — *сдать в архив*:

Daudzi toreiz domāja, ka pienācis gals kultūrai, ka padomju vara *nosviedis no skaitļu kauliņiem* agrākās pirmsrevolūcijas laika *kultūras vērtības* (Cīņa, 1945, 3. marts); Pārskata žanra specifikas diktēta «*šaurā vieta*» ir daudzie citāti (Lit. un Māksla, 1986, 28. nov.).

Netulkoto krievu valodas frazeoloģismu latviešu literārajā valodā nav. Tiesa, stilistikas nolūkos bieži vien tiek lietotas atsevišķas krievu frāzes, piemēram:

Mani pēc tā friču tetovējuma arī sazīmēja. *Такие пироги*. (Lit. un Māksla, 1987, 10. apr.),

taču nav frazeoloģisko veidojumu, kas tā tiktu lietoti regulāri. Zināmā mērā šādu stāvokli varētu būt radījušas atšķirības ortogrāfijas sistēmās, lai gan prakse rāda, ka tās netraucē valodā iekļūt iestarpinājumiem. Pastāv arī transliterētais lietojuma veids, taču arī tam nav raksturīga noturība:

Un te Rūdis, aizņemts ar kārtim un pipēšanu, nekā ļauna nedomādams, izmet. — *Sila jest, uma penado?* (Avots, 1987, Nr. 2, 6. lpp.).

Angļu valodas iespaids latviešu frazeoloģijā ir samērā jauns, taču nozīmīgs un pieaugošs. Par stabilu aizgūšanu no angļu valodas frazeoloģijas jomā var runāt, sākot ar 19. gs. beigām, lai gan atsevišķi aizguvumi parādās arī agrāk:

Mans vācu Miķeļa un *Džonbulla* gars tik mierīgi snaust un gulēt vien gribējis. (Pēterb. Avīzes, 1862, 2. Pielikums), (leksikalizēts frazeoloģisms *John Bull*); Un Engļantes sākams vārds: *«time is money»* (*laiks ir nauda*) paliek visur taisnībā (Latv. Avīzes, 1873, Nr. 48).

Ja aizgūšanas sākumposmā tā noritēja lielā mērā ar starpniekvalodu — krievu un vācu — starpniecību, tad 20. gs. 20.—30. gados angļu valoda atradās tiešā kontaktā ar latviešu valodu, kas katrā ziņā nopietni izvērsa aizgūšanas apjomus. Ieplūda daudz netulkoto aizguvumu: *five o'clock's, splendid isolation, to be or not to be, self made man, gentlemen agreement, better late than never, fair play, hot dog* utt. Vēl vairāk nostiprinājās frazeoloģiskie kalki, kas ieplūda galvenokārt ar periodikas starpniecību. Pēckara periodā aizgūšanā no angļu valodas iestājās neliels atslābums sakarā ar vērsanos pret «visu rietumniecisko», tomēr par spīti tam ieplūda jaunas vienības, piemēram: *aukstais karš, dzelzs priekšgars*: ... viņš saka vārdus, kas pilni auksta naida pret patieso demokrātiju, par Padomju Savienības «ekspansijas tendencēm», par *«dzelzs priekškaru, kas nolaisis kontinentā»* ... (Čiņa, 1946, 12. marts).

60. gados aizgūšana atkal pastiprinās, un mūsdienās tieši angļu valoda, līdztekus krievu valodai, ir galvenā latviešu frazeoloģijas papildinātāja ar aizguvumiem: pēdējo gadu desmitu laikā vien ieplūst un nostiprinās tādas vienības kā *hat trick, play off, know how, brain drain, heavy metal, tie break, dzelzs lēdija, asiņainā Mērija, Karstā līnija, kosmiskā atspole, Mērīja likums, netīra bumba, treknais kaķis, tumšais zirdziņš, zilā berete* utt.

Frazeoloģiskie aizguvumi vērojami galvenokārt starptautisko attiecību sfērā: *virsoņu tikšanās, lielgaballaivu diplomātija*; ekonomikā: *atvērto duroju politika, smadzeņu aizplūšana, joint venture*; tieslietās, militārajā sfērā, žurnālistikā, mūzikā, kino u. c. Jāatzīmē, ka, salīdzinot ar citām valodām, no angļu valodas aizgūtas pārsvarā divkomponentu vienības, mazāk izvērsto frazeoloģismu — citātu, aforismu, sentenču, lai arī šis frazeoloģismu tips ir pārstāvēts: *Zināšanas — spēks* (F. Bēkons), *Laiks ir mūsu pusē* (V. Gladstons), *Mans nams ir mana pils* (E. Koks).

Šķiet, varam samērā droši prognozēt, ka angļu valodas iespaids uz latviešu frazeoloģiju turpinās augt, jo angļu valodas dominācija internacionālu frazeoloģismu radīšanā, kā arī tās pasaules saziņas valodas statuss ir acīmredzami. Detalizētāks angļu valodas iespaids uz latviešu frazeoloģiju atrodams citos darbos [4].

Franču valodas ietekme uz latviešu frazeoloģiju pamatos vērtējama kā pagātnes parādība. Salīdzinot ar angļu valodu, jāatzīst, ka, sinhroni vērtējot šo valodu devumu latviešu frazeoloģijā, tas ir samērā līdzīgs, bet angļu valodas iespaids ir bijis vēlāks, dinamiskāks, un tas joprojām izvērsās. Franču izcelsmes frazeoloģismi latviešu valodā praktiski parādās tikai 19. gs. un sevišķi daudz ieplūst gadsimtu mijā. Franču valoda praktiski nekad nav bijusi tiešā kontaktā ar latviešu valodu, taču tai bijis ļoti liels iespaids uz krievu valodu, kas savukārt kalpojusi kā starpniekvaloda aizgūšanai latviešu valodā. Daudz par internacionālismiem uzskatāmu frazeoloģismu ieplūduši arī caur vācu valodu. Un, protams, franču valodas literatūras un kultūras prestižs ir bijis pietiekami augsts, lai daudz valodas elementu ieplūstu latviešu valodā ar tulkojumu pali-

dzību. Par to liecina arī daudzie netulkotie aizguvumi un iespraudumi, kas samērā plaši izplatīti literatūrā un presē:

So aprādito gaitu neapturēs nekādi izbairu brēcieni, ko sacel mūsu labo familiju tētiņi, viņu «*dames d'honneur*» un jūsmeligās jaunkundzītes (Dienas Lapa, 1894, Nr. 119); Beidzot nevaru palikt neaizrādījis uz reti skaisto moderna stila titeļlapu, kuras zīmējums ir mūsu tautieša, jaunā mākslinieka J. Madernieka kga izgatavota un savā ziņā īsts *chef d'oeuvre* (Pēterb. Avīzes, 1902, Nr. 90).

A. Bankava sinhronajā pētījumā [5, 125] par franču izcelsmes frazeoloģismiem latviešu valodā norādīts, ka mūsdienās latviešu valodā eksistē ap 200 franču izcelsmes frazeoloģismu. Jāpiebilst, ka šiem aizguvumiem raksturīga liela stabilitāte: mūsdienu valodā jauni aizguvumi no franču valodas nieplūst, bet jau aizgūtie tiek intensīvi lietoti.

Latviešu valodā pārstāvēti visu tipu frazeoloģiskie aizguvumi: visvairāk ir frazeoloģisko kalku: *zelta jaunatne* (*jeunesse dorée*), *būt zobam uz* (*avoir une dent contre qn*), *no mušas iztaisīt ziloni* (*faire d'une mouche un éléphant*); sastopami arī frazeoloģiskie puskalki: *krist azartā* (*se mettre en hasard*), *taisīt scēnu* (*faire une scène*), *sliktais tonis* (*mauvais ton*), *būt kvīti* (*être quitte*); diezgan plaši pārstāvēti arī netulkotie aizguvumi: *lête à lête*, *idée fixe*, *cherchez la femme*.

Vairākumam aizguvumu no franču valodas ir literāra izcelsme, arī latviešu valodā tie saglabā diezgan izteikti literāru nokrāsu, piemēram, *māksla mākslai* — *l'art pour l'art* (V. Kuzēns), *valsts valstī* — *l'État dans l'État* (A. d'Obinje), *pēc mums kaut ūdens plūdi* — *après moi, le deluge* (Luijs XV). Starp šīs grupas frazeoloģismiem daudz sakāmvārdu: *karā kā jau karā* (*à la guerre, comme à la guerre*), *apetiite rodas ēdot* (*l'appétit vient en mangeant*), *parunas* — *spēle nav sveču vērtā* (*le jeu ne vaut pas la chandelle*), aforismi, citāti: *valsts* — *tas esmu es* (*l'état c'est moi*), *stils* — *tas ir cilvēks* (*le style c'est l'homme*). Taču ir arī aizgūtie frazeoloģismi, kurus var uzskatīt par sarunvalodas elementiem: *būt zobam uz* (*avoir une dent contre qn*), *taisīt scēnu* (*faire une scène*), *uz visu banku* (*va banque*), arī birokrātiski avīznieciskais *pieņemt mērus* (*prendre des mesures*). Pastāv arī frazeoloģijas leksikalizācijas gadījumi: *popurijs* (*pot pourri*), *odekolons* (*eau de Cologne*), — salīdziniet, piemēram, ar agrāk bieži lietoto frazeoloģisko kalku *Ķelnes ūdens*.

Pārējās romāņu valodas latviešu frazeoloģijā pārstāvētas daudz mazāk. Tā, itāļu valoda devusi vairākus frazeoloģiskos kalkus: *un tomēr viņa griežas* (*eppur si muove*), ko uzskata par G. Galileja radītu, *visi ceļi ved uz Romu* (*tutte le vie conducano a Roma*), lai gan pastāv arī viedoklis, ka šī frāze ir franču izcelsmes, *Figaro tur, Figaro te, melnais krekls* jeb mūsdienās biežāk lietotais saliktenis *melnkrekls, mērķis attaisno līdzekļus* (*il fine giustifica i mezzi*), ko uzskata par N. Makiavelli radītu, *armīdas dārzī*, kas cēlies no T. Taro «Jeruzalemes atbrīvošana» 1580. Itāļu valoda devusi arī vairākus netulkotos frazeoloģismus: *salto mortale*, *lingua franca*, *šata morgana*, *tutti frutti*, *cosa nostra*, *finita la comedia*, *cosi fan tutte*, kā arī krietnu skaitu mūzikas un baleta terminoloģisko veidojumu netulkotā veidā. Minams arī frazeoloģiskais puskalks *ciest fiasko*.

Spāņu valoda devusi tādus frazeoloģismus kā *piektā kolonna* (*quinta columna*), *zilās asinis* (*la sangre azul*), *cinīties ar vējdzirnavām* (*melinos de viento acometer*), frazeoloģiskās transkripcijas *Dons Kihots/Donkihots* (*Don Quijote*), *Sančo Pansa* (*Sancho Pansa*), un, liekas, tikai vienu netulkoto frazeoloģismu *no pasaran*, kam ir samērā šaurs lietojamības diapazons.

Arī no citām Eiropas tautu valodām aizgūti atsevišķi frazeoloģismi. piemēram, no dāņu rakstnieka H. Kr. Andersena pasakām pārņemtie *neglītāis pilēns*, *karalis ir kails* (*kailais karalis*), *princese uz zirņa*. No norvēģu valodas nākusi frāze *milas trijstūris* (H. Ibsens. Heda Gablere). No beļģu valodas — rakstnieka Sarla de Kostēra «Leģendas par Pūcespiegeli» nāk teiciens *Klāsa pelni klauvē manā sirdi*. No čehu valodas nāk pazīstamā J. Fučika frāze *Cilvēki, esiet modri!*

Tādējādi varam droši teikt, ka latviešu frazeoloģijā atrodami visdažādāko tautu frazeoloģijas aizguvumi. Sai rakstā tikai ieskicēti avoti, kas bagātinājuši latviešu frazeoloģijas fondu. Paliek atklāts jautājums par tādu valodu kā poļu, zviedru, lietuviešu ietekmi uz latviešu valodu tās agrīnajos attīstības posmos, kā arī frazeoloģijas ieplūšanas ceļu detaļizēta analīze.

IZMANTOTAS LITERATURAS SARAKSTS

1. Орловская Л. Я. Эквивалентность латышских идиом другим языкам // Вопросы лексикологии и грамматики английского и латышского языков. — Р., 1972. — С. 60—69.
2. Орловская Л. Я. Сопоставительный анализ фразеологических единиц латышского и английского языков и некоторые принципы составления латышско-английского фразеологического словаря // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1958. — 25 с.
3. Rūķe-Draviņa V. Die Lettische Phraseologie im Vergleich mit zwei Germanischen Sprachen — dem Deutschen und dem Schwedischen // Aktuelle Probleme der Phraseologie. Zürcher Germanistische Studien. — Bern, 1987. — Bd 9. — S. 169—186.
4. Veisbergs A. Anglo-Latvian Phraseological Borrowing. — R., 1988. — 52 p.
5. Банков А. Я. Французско-латышский фразеологический фонд // Типологические черты языка в контрастивном аспекте. — Р., 1988. — С. 117—126.
6. Ozols A. Latviešu tautasdziesmu frazeoloģijas pamaljautājumi // LPSR ZA Valodas un literatūras institūta Raksti. — R., 1959. — 10. sēj. — 201.—239. lpp.
7. Ozols A. Frazeoloģija // Raksti valodniecībā. — R., 1967.
8. Солодуб Ю. П. К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках // Вопросы языкознания. — 1982. — № 2. — С. 106—114.
9. Miklosich F. Lexicon palaeslovenico-graeco-latinum emendatum auctum. — Vindobonae, 1862—1865.
10. Эндзелинь И. Латышские предлоги. — Юрьев, 1906. — Ч. 2. — С. 137—138.
11. Endzelins J. Recenzija par L. Kettunena «Livisches Wörterbuch» // Filologu biedrības raksti. — R., 1939. — 19. sēj. — 218. lpp.
12. Endzelins J. Par latviešu un liebiešu valodas savstarpējo ietekmi // Baltistica. — 1970. — Nr. 6. — 8.—9. lpp.
13. Эндзелин И. М. О латышско-финских языковых связях // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. — Л., 1951. — С. 301—302.
14. Rūķe-Draviņa V. Diahroniskās maiņas latviešu frazeoloģijā // Baltu valodas senāk un tagad. — R., 1985. — 229. lpp.
15. Raģe S. Ko latviešu valoda mantojusi no baltu un somu senajiem sakariem // Zin. un Tehn. — 1973. — Nr. 2. — 14.—16. lpp.

THE PROBLEMS OF THE ORIGIN OF THE LATVIAN PHRASEOLOGY

Veisbergs A.

Summary

Latvian phraseology consists of idioms of native origin as well as of borrowed units. Phraseology has been mainly borrowed from Russian and German, these languages have also served as the basic intermediary languages through which numerous loans from many European languages (English, French, Spanish, Italian, Hebrew, Greek, etc.) have come into Latvian. Many units have been borrowed directly without the help of the intermediary language. The borrowed phraseological units are of four types: complete phraseological loans, phraseological translation loans, phraseological transcription loans, mixed phraseological loans.

Ar Darba Sarkanā Karoga ordeni apbalvotā
Pētera Stučkas Latvijas Valsts universitāte

Iesniegts 03.07.89.

Latvijas ISR Tautas izglītības ministrija
Ar Darba Sarkanā Karoga ordeni apbalvotā
Pēteris Stučka Latvijas Valsts universitāte

Republikāniskā zinātniskā konference
NACIONĀLAIS UN INTERNACIONĀLAIS VALODĀ
Referātu tēzes
Rīga, 1989.g. 21.- 22.novembrī

Республиканская научная конференция
НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В ЯЗЫКЕ
Тезисы докладов
г.Рига, 21 - 22 ноября 1989 г.

P. Stučka Latvijas Valsts universitāte
Rīga 1989

vārdi var būt arī ar aptuvenu skaidrojumu iekavās: sammits (apspriede), eksorbitancijs (neceļi). Ir arī gadījumi, kad netiek saglabāta ne fonētiskā, ne oriģinālā rakstība, ne arī dots to skaidrojums: izvēlēties eksilu; nodrošināt genuini latviskas glezniecības rašanos.

Svešvārdu lietojumā parādās izmaiņas salīdzinājumā ar Svešvārdu vārdnicā uzrādītajām vārdu formām: 1/ fonētiski grafiska rakstura: garumzīmes ieviešana - mēdijs; gerumzīmes trūkums - poparts; garo patskaņu pārnēsums - fatuums (vārdnicā: fātums). Vārdu formu fonētiski grafisko izmaiņu attīstību var ilustrēt sekojoši: 1969.g. Svešvārdu vārdnīcas izdevumā - pilgrims, 1978.g. izdevumā - pil(i)grims, 1989.g. periodikā - piligrims; 2/ morfoloģiskās struktūras saīsināšana: sensors ("sensorisks" vieta), bilingvas ("bilingvistisks"), eifēmisks ("eifēmistisks"). Tiek darinātas jaunas vārdu šķiras un vārdu formas no valodā lietotiem un Svešvārdu vārdnicā uzrādītiem svešvārdiem: 1/ darināti darbības vārdi: stagnēt, introducēt, solēt, kuru saknes vārdi uzrādīti Svešvārdu vārdnicā tikai lietvārdu formā un iespējams ieviesiesies valodā tāpat kā darbības vārds "manifestēt", kurš nav 1969.g. izdevumā, bet ir 1978.g. izdevumā. Tiek lietots arī vārdnicā neuzrādītais darbības vārds "tendēt", kura kontekstuālās nozīmes vedina uz domām, ka tas varētu būt īsināta forma kā no "pretendēt", tā "tendence", ne tikai barbarisms, kura pamatā ir angļu vārds "tend"; 2/ lietots divdabīgs: frondējošs, kaut pazīstamas tikai lietvārdu formas: fronda, frondists; 3) lietots īpašības vārds: konsumentārs, vārdnīca uzrāda darbības vārdu "konsumēt" un lietvārdu "konsuments"; obstrukcionistisks no lietvārda "obstrukcija"; 4/ darināta jauna lietvārda forma: "menedžments" no saknes, kura pazīstama vārdā "menedžeris".

Daļu no uzrādītajiem vārdiem šobrīd varētu uzlūkot arī kā barbarismus vai nepareizi lietotas svešvārdu formas, bet, cerams, ka tiešām nevsjadzīgie vārdi izzudīs, un valodu bagātinās tikai nepieciešami un pareizi lietoti svešvārdi.

NATIVE AND BORROWED PHRASEOLOGY IN LATVIAN

1. A phraseological unit (PU) is a stable word combination with a fully or partially transferred meaning.

2. Latvian phraseology consists both of native and borrowed PUs. Considering its modern usage the ratio of native and borrowed phraseology is roughly 50:50, though the stock of native phraseology is naturally considerably greater than that of borrowed phraseology. Thus it can be said that Latvian phraseology has a distinctly heterogeneous character. Most of the borrowed phraseology is of international character, i.e. these PUs are usually used in several Indo-European languages, e.g. English, German, Latvian, Russian, etc.

3. The native stock of Latvian phraseology basically has three sources - Latvian folksongs (daines), colloquial language and Latvian literature.

4. The PUs which originate in Latvian folksongs, e.g. teutu dāls are of native origin. However, the folksongs are not rich in phraseology. Moreover, the phraseological formations found in them, though being metaphorical, appear to be contextual unstable units, so they can hardly be considered PUs. Yet, the units that have been formed on the basis of these contextual units of the folksongs and folktales, e.g. trešais tēvadāls are of native origin.

5. Obviously most of the colloquial PUs are of native origin, e.g. iekāšs apgriežās (first noted in Mancelius *Phraseologia Lettica*, 1638) but due to the late development of national literature and very scanty lexicographical sources it is next to impossible to ascertain their origin as there are numerous parallels in other languages, e.g. keuli un āda, bieza āda, aizbāzt muti.

6. The third source of native PUs is of literary character as it is based on Latvian literature in the form of popular allusions to the most popular literary works, their titles, characters, e.g. atraitnes dēls, savs kaktiņš, savs stūritis zemes, purva bridējs, putni bez spārnēm, etc. as well as to some historical and cultural events of national importance, e.g. kalendāru nemieri, dziesmu karš, Kurzemes katls.

7. There are 4 types of borrowed PUs in the Latvian language: complete phraseological loan (puķu bērni, from flower children, zilās asinis from la senkre azul), phraseological transcription loan (Šerloks Holms from Sherlock Holmes, dons Kihots from Don Quijote) mixed phraseological loan (linča tiesa from Lynch law, taisīt scēnu from faire une scène).

8. Borrowed phraseology has an enormous variety of sources among which the Bible and classical literature stand prominent. There are also numerous phraseological borrowings from modern languages.

9. The oldest layer of borrowing from Finno-ugric languages is hard to detect because of the absence of written sources, so possible borrowing can be suggested just by phraseological parallels in Latvian, Estonian, Finnish if the same parallels do not exist in Russian and German, e.g. pāri darīt, zobus vadzī kārt, debūt rokā. However these borrowings are hypothetical.

10. The Bible has given a huge number of PUs most of which are of international character. It is important to state that biblical PUs have undergone a minimal change since the first translation in 1689. There is also a considerable group of PUs based on the biblical themes, which do not have prototypes in the Bible itself, e.g. sūtīt no Pontija pie Pilāta, Noasa šķirsts. This group predominantly consists of international PUs.

11. The PUs borrowed from classical languages are of literal character and predominantly mixed phraseological loans if borrowed from Greek mythology, e.g. Ariadnes pavediens, Ahileja pepēdis or complete phraseological loans and their respective translation loans in case of Latin, e.g. veselā miesā vesels gars, mens sana in corpore sano.

12. German seems to have had by far the strongest influence on Latvian both as the intermediary language and as the source language for numerous borrowings, e.g. krist uz mutes, zem katras kritikas plānā geldina urbējs. Even the phraseological model of Latvian seems to have been formed under a strong German influence. Apart from the borrowed PUs there are numerous expressions that are not used in Modern Latvian but which have been part and parcel of the Old Latvian written and spoken language.

13. Russian alongside German has had a major influence on Latvian and this influence is still going on. Apart from many colloquial and literary phrases Russian today saturates Latvian with slang and bureaucratic clichés which are not always welcome, e.g. pie lampinas, šaurā vieta, dzīvie ziedi.

14. The French and English influence on Latvian phraseology is relatively late, starting from the middle of the late 19th century. While at the present moment both languages have given an approximately similar number of PUs to Latvian, French has practically ceased enriching Latvian phraseology, but the English influence is still growing, e.g. smadzenu trests.

15. Other European languages have given comparatively few units to Latvian though some of Spanish, e.g. cīnities ar vējdzirnavām, Italian, e.g. ciest fiasko, Danish, e.g. kalleis keralis and other elements are widely used.

16. Borrowing of phraseology goes hand in hand with the internationalization of phraseology. Both processes affect

each other - borrowing leads to further internationalization of phraseology, while internationalization enhances borrowing, as the greater the number of possible source languages containing a PU the greater possibility of the initial borrowing and assimilation of the PU.

I.Zauberge /Rīga/

NACIONĀLĀ UN INTERNACIONĀLĀ MLJIEDARBĪBA
TULKOJUMOS

Tulkojot vienas valodai un kultūrai piederošais tiek padarīts par citai nacionālai kultūrai piederošu. Tulkošanas procesā oriģinālteksts tiek pakļauts izmaiņām, kas saistītas ne tikai ar tulkojuma valodas, bet arī tās kultūras fona īpatnībām. Ne tiek teksta pielāgošana tulkojumam valodas kultūras fonsam. Tulkojumam vienmēr jābūt vērstam uz lasītāju, ar kura intelektuālo sagatavotību tulkotājam jāreķinās. Ne velti saka, ka M.Luters vāciskojis biblii /A.Lefevere/, Fr.Adamovičs latviskojis Šekspira lugas /Z.Mauriņa/. Šodien parādījusies jauna tulkošanas koncepcija. Ja agrāk tulkošanā par galveno uzskatīja oriģinālteksta saturu un formas atveidi, tad pašlaik akcents tiek novirzīts uz tulkojuma adresātu. Parādījusies tendence par labu uzskatīt nevis precīzu tulkojumu, bet tādu, ko vidusmēra lasītājs būtu spējīgs uztvert p a r e i z i . Šāda veida tulkojums tiek apzīmēts par komunikatīvu.

Kā labu komunikatīva tulkojuma paraugu latviešu kultūrā var minēt V. Belševičas Šekspīra lugas "Makbets" tulkojumu 1981. gadā. Tulkojot svešais tiek padarīts par savu, tādējādi nacionālajam elementam kļūstot par dominējošo.

Tajā pašā laikā tieši tulkojumi padara literāros darbus internacionālus. Pateicoties tulkojumiem parādījies tāds jēdziens kā pasaules literatūra, ko veido to rakstnieku darbi, kas tulkoti daudzās nacionālās valodās. Dažkārt šos rakstniekus /G. Grīnu, G. Grasu, A. Solžepicinu, B. Brehtu, F. Kafku, P. Valeri u.c./ dēvē par internacionāliem tādā nozīmē, ka, būdami dziļi nacionāli, šie auteri darbi ar tulkojumu palīdzību kļūvuši par daudzu nāciju īpašumu.

Nacionālais mijas ar internacionālo arī pašā tulkojuma valodā. Diachroniska tulkojuma valodas analīze rāda, ka tulkošanas procesā notiek valodas, it īpaši tās vārdu krājuma bagātināšanās, kas izpaužas pieaugošā internacionālismu un derivatīvu daudzumā. Internacionālisti iepludināmi valodā tikai tad, ja nav adekvāts latviešu vārds vai derivācija nav iespējama. Dažkārt pret aizguvumiem sabiedrībā veidojas nelabvēlīga attieksme. Tomēr jau kopš pagājušā gadsimta vidus internacionālisti ir stabils latviešu valodas bagātināšanās avots. Bez aizguvumiem valodas izteiksmes iespējas ir nabadzīgākas, un, salīdzinot tulkojumus, redzam, ka valodās zems attīstības līmenis negatīvi ietekmē tulkojumu kvalitāti. Daļa aizguvumu ir termini, piemēram, monologs, kas stāties latviešu vārda runa vietā, kompānija vārdu kopas aktieru barga vietā, metafora vārdu kopas cita nozīme vietā, tirānija vārda negantība vietā, simbols vārda nozīme vietā. Termini kā vārdi, kas precīzi apzīmē kādu zinātnes, tehnikas, mākslas jēdzienu un kopīgi daudzām valodām, nebūtu skaužami. Dažkārt aizguvumu iepludināšanās valodā izskaidrojama ar to, ka valodā jau esošajam vārdam ir cita nozīmes nokrāsa vai konotācija, un tas nevar kalpot par tulkošanas ekvivalentu,

Latvijas PSR Tautas izglītības ministrija
Ar Darba Sarkanā Karoga ordeni apbalvotā
Pēteru Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Sastatāmās valodniecības katedra

A. Veisbergs
Phraseology and Translation

Metodiska izstrādne

P. Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Rīga 1989

Veisbergs A. Phraseology and Translation: Metodiskā izstrādne. - Rīga: P.Stučkas LVU, 1989. -26 lpp.

Metodiskās izstrādnes mērķis ir dot ieskatu frazeoloģijas tulkošanas jautājumos. To veido trīs daļas - īss frazeoloģijas tulkošanas problēmu teorētiska apskats, dažāda veida tulkošanas vingrinājumi un ar frazeoloģiju bagāti teksti tulkošanai latviešu un angļu valodās.

Izstrādne paredzēta Svešvalodu fakultātes angļu valodas un literatūras specialitātes dienas, vakara un neklātienes nodaļu studentiem. Izstrādne izmantojama kā tulkošanas teorijas kursa apguvē, tā arī praktiskajās nodarbībās. Ieteicama arī individuālajam darbam.

В методической разработке рассматриваются вопросы перевода фразеологии. Разработка состоит из трех частей: краткого обзора проблем перевода фразеологии, упражнений по переводу и текстов, богатых фразеологией, для перевода на латышский и английский язык.

Методическая разработка предназначена для студентов дневного, вечернего и заочного отделений специальности английский язык и литература. Рекомендуется также для индивидуальной работы.

V 4602010000-13/4 89
M812(11)-89

P. Stučkas
Latvijas Valsts
universitāte,
1989

Part I

Phraseology and Its Translation

Phraseology constitutes the most vivid and stylistically peculiar part of the word stock of a language. Up to this day linguists cannot agree on what a phraseological unit (PU), is, however a few its most essential features have been singled out:

- 1) a PU consists of at least two components,
- 2) a PU is a stable combination,
- 3) at least one component in a PU is used with a figurative meaning.

Being the most vivid and colourful part of the word stock phraseology presents most complicated problems in the process of translation. As it is well known, the main criterion of a good translation is its adequacy to the original. Adequacy or equivalence in translation can be sought on several language levels. Phraseology is usually translated on the level of word groups, however as the language levels are not isolated this cannot be an universal law. As pointed out by Barkhudarov equivalent translation is a translation carried out on the level which secures the transference of the source language (SL) contents into the target language (TL) without breaking the TL norms. If the translation is carried out on a lower level than necessary it becomes literal, if on a higher it is unnecessarily free. In both cases we can speak of the deviation from the ideal equivalent translation.

The general rule goes that a PU should be translated by a PU.

However translation of a PU on a lower level, i.e. on the level of words sometimes produces good results. Transla-

tion of a PU on a higher level, i.e. sentence level is also possible. In case such a change does not distort the denotational and connotational meaning of the SL unit and does not go against the TL norms it can be considered adequate and pass as an equivalent.

There exist several ways of translating PUs.

1. Using a phraseological equivalent. A phraseological equivalent is a PU having the same image, possessing the same emotional and expressive colouring and close to the original in the componential make up. Equivalence of PUs in different languages is usually the result of:

a) independent origin of PUs in different languages due to common tendencies of metaphorical transfer, world perception, similar living conditions, etc. It has led to a huge number of equivalent PUs in different languages, e.g. English and Latvian:

hang down one's head - nokārt galvu,

chat with lilacs - runķēt ar līcēm,

with one foot in the grave - ar vienu kāju kapā;

b) internationalization of the phraseological stock in different languages. The stock of international PUs is enormous as a result of the common cultural heritage of the European civilization - it covers such sources as mythology, classical literature, the Bible, famous quotations, etc, e.g.

cut the Gordian knot - ārcirst Gordija mezglu

salt of the earth - Zemes sāls

tilt at windmills - cīnīties ar vējdzirnavām

fifth column - piektā kolonna

It includes also numerous untranslated phrases and quotations from classical and modern languages, e.g. ars longa vita brevis, cherchez la femme, Sturm und Drang, così fan tutte, etc.

c) The possibility of phraseological borrowings from English into Latvian should not be excluded as there are approximately 250 of them, and practically all of them are identical: time is money - laiks ir nauda, cold war - aukstais karš, soap opera - ziepju opera.

d) Finally, in case of absence of language equivalents in the TL, occasional translation loans are sometimes created. One should distinguish between the terms 'occasional translation loan' and 'translation loan' (calque), as the latter is the result of borrowing. Occasional translation loan is created for the use on a single occasion only (though there is a probability that it may be caught up by speakers of the TL which then leads to borrowing).

An occasional translation loan usually possesses all the qualities of a PU but stability. Linguists often look down on occasional translation loans as they are often indeed unsuccessful and clumsy. Besides completely unmotivated FUs (idioms) cannot be translated without explaining them. However objectively all borrowed phraseology has at one time passed through the stage of occasional translation loans. If done artistically occasional translation loans can prove preferable to non-phraseological translation.

There was a continuous rattle from the one armed bandits and you could hear the calls from the croupier in the casino. (G.Greene. The Comedians)

Zālē skanēja vienroču leupītāju - autonātu nemitīgā šķindopa, bet kazino bija dzirdami krupjē izsaučieni. (Gr. Grīns. Komedianti)

Of course in some cases occasional translation loans need an explanation and very often the newly coined PU is stylistically brighter than a hackneyed

phrase, due to its novelty.

2. Using an analogous phrase in the TL - i.e. with partial changes in the image of the PU, preserving an identical meaning. As the analogue possesses the same semantic, stylistic and expressive colouring it usually fully preserves the function of the SL unit and can be considered adequate to the SL.

Something in him, a last hope of redemption, of free will, burnt every boat, turned, ran for salvation.

(J.Fowles.Ebony Tower)

Dvēseles dziļumos kāda pēdējā cerība uz atpestīšanu, uz gribas brīvību lika sadedzināt visus tiltus, griezties atpakaļ, meklēt glābiņu bēgot. (Dz.Faulzs.Melnkoka tornis)

And underneath the guy on the horse's picture, it always says:" Since 1888 we have been molding boys into splendid, dear thinking young men". Strickly for the birds. (J.Salinger.The Catcher in the Rye")

Un zem tā švītā jātnieka paraksts:

"Kopš 1888.gada mēs šeit no zēniem izkaldinām cildenus jauniešus ar skaidru prātu". Tas ir priekš kakiem.

(Dz. Selinzers. Uz kraujas rudzu lauka)

3. Substituting the image of the TL phraseological unit. Translation of this type is most interesting from the creative aspect. The task is to insert a PU having a similar meaning, expressive and emotional colouring yet different image in a context so that it functions there adequately to the original PU. It should be taken into account that substitution of the extralinguistic information carried by a PU is not always useful.

What ever should we have done without them?

White feathers, and all that you know. (R.Aldington. Death of a Hero.)

Ko mēs būtu iesākuši bez viņām. Būtu dūšu zaudejuši un tamlīdzīgi, jūs taču saprotat. (R.Oldingtons. Varoņa nāve.)

4. Non-phraseological translation is either translating a PU by a word, which usually diminishes the stylistic effect of the utterance, or by longer description of what the original unit means. There are cases when a PU does not bear great expressive or emotional meaning and non-phraseological translation is quite acceptable:

Di's suddenly like a bloody security officer or something. The way she gave these boys the chop.
(J.Fowles. Ebony Tower)

Un Di pēkšpi uzvedas kā tāds drošības dienesta virsnieks. Taisni fantastiski, kā viņa tos atšuva.
(Dz. Paulzs. Melnkoka tornis)

However usually non-phraseological translation leads to certain losses in the quality of the translation and should not be encouraged, e.g.:

I've come to see you about this affair of young Bosiney's. I am told that new house of his is a white elephant. (J. Galsworthy. The Man of Property)

Es atnācu pie tevis sakarā ar Boziniju. Esmu dzirdējis, ka viņa būvētā jaunā māja esot kļuvusi par nastu. (Dz. Golsverzijs. Privatīpašnieks).

Especially unfortunate are cases when translators miss the PU altogether and give a literal translation instead of phraseological:

under the weather - indisposed, seedy

'Sorry, sir,' he said to Greening. 'I guess I'm under the weather today.' (I. Shaw. Rich Man, Poor Man)

- Piedošanu, ser, - viņš sacīja Grīningam, - šķiet, šodien mani gurdina laika apstākļi. (E. Šovs. Vienam daudz, otram maz).

do one's homework - to prepare oneself for a discussion by acquainting oneself with the relevant facts

'You sure do your homework, don't you?' Calderwood said. 'They're not going to announce it until July.'

- Jūs gan esat centīgs savos mājas darbos, - Kaldervuds sacīja, - tas atklātībai kļūs zināms tikai jūlijā.
(turpat)

However in text phraseology often undergoes various changes. No dictionary can foresee the actual usage of a PU transformed by the author for stylistic purposes. Here we deal with the so called occasional use of phraseology by which a contextual semantic or structural change of the PU is meant. Translating occasionally changed PU it is very important to retain the occasional change. Sometimes the occasional change is more important than the PU itself, consequently the quality of translation depends not so much on the equivalence of the PU in the TL than on the equivalence of the occasional change in the TL. Occasional use of PUs is a universal phenomenon and accordingly it can be re-created in the TL.

1. In case of existing equivalent PU in the TL occasional change is usually easy to preserve.

the seven deadly sins

Bear, the Bible and the seven deadly virtues have made our England what she is! (O.Wilde. The Picture of Dorian Gray)

septiņi nāves grēki

Alus, bībele un septiņi nāves tikumi ir padarījuši Angliju par to, kas tā ir. (O.Vaids. Doriāna Greja ģīmetne)

2. In case of an existing analogous PU in the TL problems can arise. Sometimes the unit may yield to adequate transformations:

a lame duck

Two little lame ducks - charming callow yellow little ducks! (J.Calsworthy. To Let)

nelaimes putns

Divi mazi "nelaimes putnēni" - brīnum jauki, vēl ar

pūcīnu apauguši dzeltenī, mazi pilēniņi. (Dz.Golsvertijs. Izīrējams)

However in other cases, the images being different, it may be difficult to preserve the occasional change. Thus English to be born with a silver spoon in the mouth has a Latvian analogue piedzimt kreklīnā which in the following context does not yield to an adequate change:

England with the silver spoon in her mouth and no longer the teeth to hold it there, or the will to part with it. (J.Golsworthy.The Silver Spoon)

The translator has had to resort to an occasional translation loan to preserve the occasional change which is relevant:

Anglija ar sudraba karoti mutē! Zobu vipai vairs nav, lai karoti saturētu, bet nav arī gribas šķirties no tās. (Dz.Golsvertijs.Sudraba karote)

3.Full substitution of the SL image usually means also full substitution of the occasional use, which is a masterpiece of translation.

to throw one's bonnet over the mills

"I know, my dear, I should have fallen madly in love with you", she used to say, "and thrown my bonnet right over the mills for your sake. As it was, our bonnets were so unbecoming and the mills were so occupied by trying to raise the wind, that I never had even a flirtation with anybody." (O.Wilde.The Picture of Dorian Gray)

We present two translations of the passage - one which contains full substitution of the PU and occasional use and another which can be viewed as literal:

galīgi zaudēt galvu

- Es zinu, mans mīļais, ka es neprātīgi jūs iemīlētu,- viņa sacīja,- un jūsu dēļ, kā medz teikt, galīgi galvu zaudētu. Laime, ka toreiz par jums neviens nekā nezināja, citādi man nebūtu kur uzlikt cepuri, un, tā kā mūsu galvas ir domātas tikai cepurēm, tad es ne ar vienu netiku flirtējusi. (O.Vailds.Doriana Greja šķietne)

- Es zinu, mīļais, ka būtu jūs iemīlējusi bez prāta," viņa teica, - un jūsu dēļ, kā saka pie mums Anglijā, būtu savu cepuri sviedusi pār dzirnavām. Bet Dieva laime, ka tās toreiz bija tik kroplas un dzirnavas griezās tik ātri, lai pievilktu vēju, ka es ne ar vienu nekad neffirtēju. (O.Vailda. Doriāna Greja ģimetne)

4. Non-phraseological translation automatically excludes the possibility of reproducing occasional change, as the effect of occasional use lies in the contrast between the language form and meaning of the PU and its transformed usage. Therefore, if possible, loan translation is advisable.

Part II

1. Find out the meaning of the following expressions and try to find Latvian PUs corresponding to them:

1. Hobson's choice.
2. To be in Queer Street.
3. To send someone to Coventry.
4. To pass the Rubicon.
5. Sloan Ranger.
6. Rob Peter to pay Paul.
7. Black Maria.
8. A Dear John.

2. Suggest adequate PUs in Latvian for the following colloquial English units:

1. Over the top
2. To pull one's socks up
3. To get one's act together
4. Not my scene
5. To take something on board
6. Nudge and wink
7. Close to the knuckle
8. Suck it and see

3. Try to find adequate translation for the following proverbial PU's:

1. Ignorance is bliss
2. Love loughs at locksmiths
3. Opportunity seldom knocks twice
4. Variety is the spice of life
5. Eating and scratching wants but a beginning
6. Youth must be served
7. Opportunity makes the thief

8. United we stand, divided we fall
9. Virtue is its own reward
10. Experience is the mother of wisdom
11. Roll my log, I will roll yours
12. You never know what you can do till you try
13. Marry in haste and repent at leisure
14. Union is strength
15. Cracked pots last longest
16. Hedges have eyes, and walls have ears

4. Correct the following idiomatic expressions and translate the sentences:

1. Alan is very sheeky if he had the ear to say this to his boss.
2. Very bad news, they want to sack Henry, we must give him the finger.
3. Emily spent the whole morning breaking jokes.
4. I am not going to sing to John's tune.
5. Right you are, Marie is as mad as a tailor.
6. Arthur ran past like a bird out of heaven.
7. Ever seen anybody like Ann up to the nose in her job?
8. -Do you think it was hard to persuade Judy?
-No problem, it was a slice of bread.

5. Find corresponding Latvian PU, trying to retain the metaphorical image:

1. To kick the bucket
2. To put one's foot in it
3. To make both ends meet
4. To blow hot and cold
5. To break the ice
6. To give the cold shower

7. To burn the candle at both ends
8. To hit below the belt

6. Find PUs which match the definition

1. To stop a bad habit before it has time to develop
(bud)
2. A treacherous person (grass)
3. To improve one's behaviour (leaf)
4. A much loved person (apple)
5. To deceive someone (garden)
6. To live in a state of luxury (olover)
7. A difficult person to persuade (nut)
8. To be satisfied with past achievements (laurels)

7. Complete the following sentences with suitable PUs
(in the brackets) and translate the sentences:

1. It is difficult. No, it's a
2. Was it expensive? No, I got it ...
3. Was he drunk last night? Drunk? I'd say so, he was...
4. Is John still ill? Yes, he... ..
5. What a silly idea! He must be ...
6. I'd love one of those dresses, but they cost ...
7. Did you see the speed he was going at? Yes, he ...
8. It's an old chair, but it's in pretty ...

(like a madman, at a break neck speed, for a song/
peanuts, a piece of cake/ cinch, flat one's back,
dead to the world, under the weather, cost an arm
and a leg/ fortune, soft in the head, round the bend,
off one's trolley, off colour, in good shape/ nick)

- B. Use expressions connected with plants and try to find adequate Latvian phrases:
1. Peter seems to have _____ and settled in Guildford very happily (roots)
 2. Stop _____ and tell me what you saw in Farnham.
 3. The missed opportunities filled him with violent regret and was a _____. (thorn)
 4. Sally's wildest hopes of going to Edinburgh were _____, due to the shortage of funds. (bud)
 5. His book on Avebury is very successful - all his hard work has _____ (fruit)
 6. The time spent in Coulsdon was lovely - _____ (rose)
 7. I think her remarks on the difficulties of getting milk here were _____. It is at home that you cannot always get it. (grape)
 8. Bringing in more flowers into this secluded and tranquil gallery would be _____. (lily)

Part III

Compare the following excerpts and their translations and analyse the translation:

1. Breasley's view that full abstraction had been the wrong road was widely known, and on the face of it he could have no time for David's own work. But perhaps he had softened on that subject - though he had had coals of fire to spare, when he was in London in 1969, for Victor Pasmore's head; more probably, since he lived so far from the London art scene, he was genuinely unaware of the partial snake he had taken to his bosom. David hoped the matter could be avoided, and if it couldn't then he would

have to play it by ear and try to show the old man that world had moved from such narrow-mindedness. (J.Fowles. Ebony Tower)

Breslija uzskats, ka abstrakcionisms ir mākslas nomalds, bija plaši pazīstams, tādēļ mas ticams, vai vīpā varētu kaut ko zināt par Deivida daiļradi. Bet varbūt vīpā šajā jautājumā kļuvis pielaidīgāks, kaut arī tūkstoš devīpi simti sešdesmit deviņajā gadā, uzturēdamies Londonā, Viktoram Pasmuram bija sakūris pamatīgu pirti; taču drīzāk gan ticams, ka, atrazdamies tik tālu no Londonas mākslas dzīves, vīpā patiešām neapjauta, ka silda esotš gandrīz vai odzi. Deivids cerēja, ka no šīs tēmas varēs izvairīties, bet, ja ne, vajadzēs improvizēt uz vietas un mēģināt pārliecināt veco vīru, ka šodien pasaule vairs nav tik šaurširdīga. (Dž.Faulss. Melnkoka tornis)

2. 'You can't understand. I've had this all my life.

The faces you put on. For an election meeting. For influential people you want something out of. For your old cronies. For the family. It's like asking me about an actor I've only seen on stage. I don't know'.

'And you've no theory on this last face?'

'Only three cheers. If he really did walk out on it all.'

'But you don't think he did?'

'The statistical probability is the sum of the British Establishment to one. I wouldn't bet on that. If I were you.'

'I take it this isn't your mother's view?'

'My mother doesn't have views. Merely appearances to keep up.'

'May I ask if your two sisters share your politics at all?'

'Just one red sheep in my family.' (J.Fowles. Enigma)

-Jums to grūti saprast. Bet es pie tā esmu pieradis. Katram gadījumam, ketrei situācijai sava maska. Vēlāka-

nu sapulcei. Ietekmīgiem vīriem, no kuriem kaut kas vajadzīgs. Veciem draugiem. Ģimenei. Tikpat labi jūs varētu mani iepazīstāt par aktieri, kuru esmu redzējis tikai uz skatuves. Es nezinu.

- Un jums nav nekādas teorijas par šo vīpa pēdējo masku?

- Teorijas nav. Bet, ja vīpā patiešām nometis tās visas, tad- cepuri nost!

- Tomēr jūs tam ne visai ticat.

- Statistiskā verbūtība apmēram tāda kā britu valsts iekārtas un valdēsās sistēmas summa pret vienu. Es jūsu vietā uz šo kārti neliktu.

- Cik saprotu, tad jūsu mātei ir citādi uzskati.

- Manai mātei nav uzskatu. Vīpai galvenais ir ārējās fer-
mas saglabāšana.

- Un jūsu mātes, ja drīkstu jautāt, - vai vīpas atbalsta jūsu politiskos uzskatus?

- Esmu vienīgā sarkanā avs ģimenē. (Dž. Paulss, Mikla)

3. Leroy Colfax said softly, 'Might be smarter to run.'

'You run,' Big Rufe snarled, 'I swear I'll find 'n kill you, the way you did that honky, the way you got us all in this...'

Colfax said hastily, 'Ain't gonna run. Just thinkin' is all.'

'Don't think! You showed already you ain't got brains. Now listen good,' Big Rufe had said, 'we all in this together, we stick together. If nobody of us four blabs, we gonna be okay.' (A. Hailey. Wheels)

-vai drošāk nebūtu bēgt?- iečukstējās Lerojs Kolfakss.

-Gukā tik vaļā, - Lielais Rufs nošpāca, -es tevi panākšu un visas garnas izšketināšu, piemini manus vārdus!..

-Nē, nē, es nebēgšu, - Lerojs Kolfakss steidzīgi izmeta. -Es tikai domāju...

- Labāk jau nedomā! Smadzeņu tavā paurī nav ne tik kā ar nagu aizķert. To tu šodien spoži pierādīji.
- Nu tad klausieties ar ausīm! Lielais Rufs nobrīdināja. Ziepe mums visiem viena. Bet kamēr kāds no jums nesāks žaunas vārstīt, izies kā smērēts. (A. Heilijs. Ritepi)

Translate the following excerpts into English, paying attention to their style:

1. Rotā nekādas nepatīkšanas negadījās, un Zivtīpā tani rītā iskūlās osuri paaugām kājām.

Kad puikas to apstāja, izprašādami, kā gājis pie Mūļa brūnēm, viņš nesaprotami norūca: - Nejūdz ratus zirgam priekšā.

Mazākajam dūša jau galīgi papōžes.

- Kur jūs mani vedīsiet? - viņam trīs lūpa.

- Pazūdat nu kokos! - nosauc Ziedīpā.

Tas šiem nav divreiz jāseka.

- Ka-kaš jums ir aiz ādas, ko? - prasa Pidriķis.

- Aiz ādas? - Cveišpenners atjautā, sāk mīpāties un kasīt pakausi. Bet tad sapemas. - Tauti, virsleitnanta kungs. Tas bij kā terpentīns uz ašes. (J. Plaudis. Ložmetēju rota)

2. Ak, ja jaunība zinātu, ja vecums varētu...

Sena vēlme ar rūgtu izskatu. Jaunība nezina un ķer vēju, bet pamazām mācīdamās no savām kļūdām, vecumā nonāk pie dzīves gudrībām, kuras vairs nespēj savā labā izmantot. Vai tiešām vienīgi uz paša ādas izjūstais atver acis? (A. Dripe. Kad smagi no vaegluma)

3. Vai maz jāsaprot, ka sava tālākā nodoma maskēšanai arī PSRS Minerālmātsu ražošanas ministrija tina vajā dana-ju dāvanas? Toreizējie vadītāji nebija un necentās kļūt kompetenti piedāvātajā tehnoloģijā: mierīgāk bija straus-siski iegāzt galvu īrdenajos resoru argumentos.

Mēds teikt, ka pē. laika visi gudri. Ka daudsi ir drosmīgi vicināt kulakus tad, kad kautiņš jau beidzies. Par šo nokavēto cīpaj sparū un atpakaļejošo tālredzību šodien pārmet rakstniekiem un žurnālistiem, kuri savulaik centīgi apkalpoja starpnācijās epustuļus, bet tagad tik-pet uzotīgi gemas apkārt viltus un istajiem pravisšiem. Pamatoti metot vīpu dārzā novēlota nācīguma akmeni, neizmirsīsim reizē, ka administratīvi birokrātiskā sistēma vienmēr ir bijusi un ir pietiekami gudra, lai neļautu nostādīt sevi pa sītienam.

Neivi esam sākuši ticēt, ka resori ir ar cepurēm nomē-tājami. Un lidinām uz Maskavas pusi savas salmenīcas, be-rates un savākto parakstu blākus.

Pār Ventspili Damekla zobens karājas jau gadiem. Vai tiešām šē rūpniecisko Molohu var pabarot tikai ar cilvēku dzīvībām? (Cīpa, 6.1.88)

Translate the following excerpts into Latvian:

Frank Sullivan

THE CLICHE EXPERT TESTIFIES ON LOVE

Q. Mr. Arbuthnot, as an expert in the use of the cliché, are you prepared to testify here today regarding its application in topics of sex, love, matrimony and so on?

A. I am, Mr Sullivan.

Q. Very good. Now, Mr Arbuthnot, what's love?

A. Love is blind.

Q. Good. What does love do?

- A. Love makes the world go round.
- Q. Whom does a young man fall in love with?
- A. With the Only Girl in the World.
- Q. Whom does a young woman fall in love with?
- A. With the Only Boy in the World.
- Q. When do they fall in love?
- A. At first sight.
- Q. How?
- A. Madly.
- Q. They are then said to be?
- A. Victims of Cupid's darts.
- Q. And he?
- A. Whispers sweet nothings in her ear.
- Q. Who loves a lover?
- A. All the world loves a lover.
- Q. Describe the Only Girl in the World.
- A. Her eyes are like stars, her teeth are like pearls, her lips are ruby, her cheek is damask, her form divine.
- Q. Haven't you forgotten something?
- A. Eyes, teeth, lips, cheek, form - no, sir, I don't think so.
- Q. Her hair?
- A. Oh, certainly. How stupid of me. She has hair like spun gold.
- Q. Very good, Mr Arbuthnot. Now will you describe the Only Man?
- A. He is a blend Viking, a he-man, and a square shooter who plays the game. There is something fine about him that rings true, and he has kept himself pure and clean so that when he meets the girl of his choice, the future mother of his children, he can look her in the eye.
- Q. How?
- A. Without flinching.

Q. Are all the Only Men blond Vikings?

A. Oh, no. Some of them are dark, handsome chaps who have sown their wild oats. This sort of Only Man has a way with a maid, and there is a devil in his eye. But he is not a cad; he would not play fast and loose with an Only Girl's affections. He has a heart of gold. He is a diamond in the rough. He tells the Only Girl frankly about his Past. She understands - and forgives.

Q. And marries him?

A. And marries him.

Q. Why?

A. To reform him.

Q. Does she reform him?

A. Seldom.

Q. Seldom what?

A. Seldom, if ever.

Q. Now, Mr Arbuthnot, when the Only Man falls in love, madly, with the Only Girl, what does he do?

A. He walks on air.

Q. Yes, I know, but what does he do? I mean, what is it he pops?

A. Oh, excuse me. The question, of course.

Q. Then what do they plight?

A. Their troth.

Q. What happens after that?

A. They get married.

Q. What is marriage?

A. Marriage is a lottery.

Q. Where are marriages made?

A. Marriages are made in heaven.

Q. What does the bride do at the wedding?

A. She blushes.

Q. What does the groom do?

- A. Forgets the ring.
- Q. After the marriage, what?
- A. The honeymoon.
- Q. Then what?
- A. She has a little secret.
- Q. What is it?
- A. She is knitting a tiny garment.
- Q. What happens after that?
- A. Oh, they settle down and raise a family and live happily ever afterwards, unless -
- Q. Unless what?
- A. Unless he is a fool for a pretty face.
- Q. And if he is?
- A. Then they come to the parting of the ways.
- Q. Mr Arbuthnot, thank you very much.
- A. But I'm not through yet, sir.
- Q. No?
- A. Oh, no. There is another side to sex.
- Q. There is? What side?
- A. The seamy side. There are, you know, men who are wolves in sheep's clothing and there are, alas, lovely women who stoop to folly.
- Q. My goodness! Describe these men you speak of, please.
- A. They are snakes in the grass who do not place woman upon a pedestal. They are cads who kiss and tell, who trifle with a girl's affections and betray her innocent trust. They are cynics who think that a woman is only a woman, but a good cigar is a smoke. Their mottoes are 'Love'em and leave'em' and 'Catch'em young, treat'em rough, tell'em nothing'. These cads speak of 'the light that lies in woman's eyes, and lies - and lies- and lies.' In olden days they wore black, curling moustachies, which they twirled, and they invited innocent girls to midnight suppers,

with champagne, at their bachelor apartments, and said, 'Little girl, why do you fear me?' Nowadays they have black, patent-leather hair, and readsters, and they drive up to the kerb and say, 'Girlie, can I give you a lift?' They are fiends in human form, who would rob a woman of her most priceless possession.

Q. That is what?

A. Her honour.

Q. How do they rob her?

A. By making improper advances.

Q. What does a woman do when a snake in the grass tries to rob her of her honour?

A. She defends her honour.

Q. How?

A. By repulsing his advances and scorning his embraces.

Q. How does she do that?

A. By saying, 'Sir, I believe you forget yourself,' or 'Please, take your arm away,' or 'I'll kindly thank you to remember I'm a lady.'

Q. Suppose she doesn't say any of these things?

A. In that case, she takes the first false step.

Q. Where does the first false step take her?

A. Down the primrose path.

Q. What's the primrose path?

A. It's the easiest way.

Q. Where does it lead?

A. To a life of shame.

Q. What is a life of shame?

A. A life of shame is a fate worse than death.

Q. Now, after lovely woman has stooped to folly, what does she do to the gay Lethario who has robbed her of her most priceless possession?

A. She devotes the best years of her life to him.

Q. Then what does he do?

A. He casts her off.

- Q. How?
- A. Like an old shoe.
- Q. Then what does she do?
- A. She goes to their love nest, then everything goes black before her, her mind becomes a blank, she pulls a revolver, and gives the fiend in human form something to remember her by.
- Q. That is called?
- A. Avenging her honour.
- Q. What is it no jury will do in such a case?
- A. No jury will convict.
- Q. Mr Arbuthnot, your explanation of the correct application of the cliché in these matters has been most instructive. Thank you very much.
- A. Thank you, Mr Sullivan.

Oscar Wilde
SCHOOL OF WILDE
EPIGRAMMATIC COMEDY

(Tea-time at the Ashingtons'. DORA ASHINGTON, a pretty fair-haired girl of twenty-one, pours tea. Her brother HAROLD, CYRIL BUCK, and ETHELRED UNDERWOOD are scattered in various careless attitudes toying with eclairs. Furniture as usual.)

DORA. What a world it is!

CYRIL. Yes, an oblate spheroid flattened at both ends like an orange and simply covered with scandals.

ETHELRED. I think, you know, that what the age really lacks is critics.

CYRIL. Yes; the critic's main function as now interpreted is offering plausible explanations. Our critics have

no mental life. Mental life consists chiefly in the discovery that the thing our ancestors said were true,

DORA. Oh, how can you say we have no critics! What about Mr. Lumley?

CYRIL. Mr. Lumley rows with commendable energy in the river of life, but he is always catching crabs.

DORA. Well, Mr. Chamley then?

ETHELRED. He splits hairs the size of barge-poles.

DORA. But what about Mr. Dumley?

HAROLD. Mr. Dumley has made a very big reputation. No, I do not care to say he has made a big reputation; I prefer to say that he has made an extensive, bad smell.

DORA. I'm afraid you're all very sarcastic just because you know I'm not clever. I suppose you will be saying that we have no artists next.

CYRIL. We have no artists.

DORA. (triumphantly). Well, I've heard you say yourself that Mr. Pumley was marvellous.

CYRIL. How marvellous, but how unreadable.

DORA. And even Ethelred has admitted that there are good passages in his poems.

ETHELRED. Imitation pearls in a very genuine dunghill.

DORA. You are all throwing me overboard, I suppose, Harold, you will turn on your favourite, Mr. Mumley, next.

HAROLD. I do not know what you mean by my favourite, Dora.

Mr. Mumley, as it appears to me, spends most of his time in a laborious pursuit of the obvious. He goes to the North Pole and finds it a cliché!

DORA. Oh, how silly you are. You are all perfectly unreasonable,

CYRIL. Reason is a dangerous weapon to play with.

ETHELRED. Oh, certainly, Cyril.

CYRIL. A blunt razor may be sharper than a sharp knife. We are all proud to belong to a Vampire on which the sun

never sets. If you take a horse to the water you must expect him to drink. The worst of young women is that they are so middle-aged. They refuse to leap before they look. The modern married woman should never forget she is modern, should sometimes forget she is a woman, but should always forget she is married. No, Dora, you are not married. (Sighing) I sometimes wish you were.

HAROLD and ETHELRED, I think we must be going. The worst of going is that it implies coming back. Good-bye.

(They go out)

DORA, Did you really mean what you said... Cyril?

CYRIL, Yes; I really meant what I said.

DORA, So there's no more to be said.

(They embrace)

CYRIL, The worst of engagements is that they seldom end in marriage. The worst of marriage is that it always begins with an engagement. Whenever I am engaged I always feel as though even marriage would be preferable. I have always felt that except when I have been married. Only last week I was married and I felt like it then. I married one of my housemaids. I felt that it was time I introduced economy into my household. I have always been as poor as a church mouse because I have had to maintain so many servants. Being a man with a stronger will-power than my friends suspect I came to a determined resolution. I made up my mind that I would diminish the number of my servants, and I could only do that by marrying them one by one and retaining their services without salary.

DORA, A wife in times saves nine.

CYRIL, (severely). I suspect, Dora, that that means nothing. Rolling stones always gather moss. I am not a rolling stone and I have gathered no moss. (Sadly). No, I fear the moss has gathered me. That is the worst of moss; it is so avaricious. I am a prey to every grasping

moss whose path I cross. There is old Moses Moss for example.

DORA. Oh, Cyril, you don't mean to say you have fallen into hands of those horrid moneylenders?

CYRIL. No, Dora; would that it were so; they might have lent me some money. As it is I have only been able to borrow from complete strangers. I do it at night with the help of a kindly policeman who was at college with me. He has risen in the world; I have come down. I think he got his job through influence. That is the worst of influence; it is so influential.

DORA. I am really awfully sorry for you, Cyril; I would do anything for you except break our engagement.

CYRIL. No; I do not ask you to do that, Dora. As a man makes his bed so he must lie, even if he makes it up a tree. That is the worst of trees; They are so up. I think that trees should have grown horizontally; they would have been more easy to descend. I once knew a man who had a mustard-tree. But the birds of the air did not build their nests in it, so he cut it down.

DORA. I think I hear father coming.

Enter MR. ASHINGTON

DORA. Father, Cyril and I are going to be married.

MR. ASHINGTON (shaking hands with Cyril). My dear fellow, there's nothing could have delighted me more. A wife, as Solomon said, is better than rubies.

CYRIL. Who was Solomon?

CURTAIN.

J.C.Squire

Letvijas PSR Zinātņu akadēmija
Andreja Upiša Valodas un literatūras institūts

VALODAS AKTUALITĀTES - 1988

III Valodas nedēļa;
Akadēmiņa Jāņa Endzelīna 115. dzimšanas
dienai veltītā zinātniskā konference
"Vielvārdi un personvārdi"

Rīga "Zinātne" 1989

Vācu cilmes frazeoloģija latviešu valodā

Latvieš: valodas ilglaicīgā saskarsme ar vācu valodu ir vispārzināma. Taču līdz šim galvenokārt uzmanība pievērsta vācu valodas negatīvajam iespaidam. Samērā plaši abu valodu frazeoloģiskais materiāls aplūkots no sastatēmās valodniecības viedokļa,¹ meklējot frazeoloģiskās paralēles, bet latviešu frazeoloģijas ģenētiskais aspekts palicis novārtā.

Valodniecī V. Rūķei-Draviņai pieder vārdi: "Latviešu frazeoloģijas evolūcijā kopumā ir izgājusi cauri vairākiem stadijām: no tuvas līdzības soti agru izteikieniem (agrākajos periodos) uz pieaugošu līdzību vācu valodā lietotajām idiomātiskajām frāzēm (sevišķi 19. gadsimta un 20. gs. sākuma literatūrā) un tālāk uz vācu iespaida samazināšanos un pieaugošu līdzību krievu (un angļu) modeļiem šai laukā kopš 1950. gadiem."²

Dienšai mums nav iespējams precīzi noteikt vācu valodas ietekmi latviešu frazeoloģijā valodu kontaktu sākumā un vidusposmā, t. i., apmēram līdz 18. gadsimtam. Atšķirībā no lakstiskajiem aizguvumiem konstatēt seno frazeoloģismu izcelšai ar vairunā gēģjumu neiespējami, jo ļoti trūkst latviešu valodas rakstu pieminekļu, sevišķi vācu mācītāju raksti latviešu valodā šai sērā nedod ticamu informāciju.

Abās valodās atrodam daudz frazeoloģisko paralēļu, un, domājams, daļa no tām varētu būt aizguvumi. Taču daudzas no šīm frazeoloģiskajām paralēlēm sastopamas arī citās valodās.

¹ K o k a r e E. Latviešu un vācu sakāmvārdi paralēles. - R., 1988. - 309 lpp.; R ū ķ e - D r a v i ņ a V. Die Lettische Phraseologie in Vergleich mit zwei Germanischen Sprachen - dem Deutsch und dem Schwedischen // Aktuelle Probleme der Phraseologie: Zürcher Germanistische Studien. - Bern, 1987. Bd 99. - S. 169-186.

² R ū ķ e - D r a v i ņ a V. The Standardization Process in Latvian. - Stockholm, 1977. - P. 93.

ar ko latviešu valodai ir bijis kontakts, tām bieži ir internacionāls raksturs. Bez tam iespējama arī t.s. poligenēze, t.i., vienādu frazeoloģismu veidošanās vairākos valodās neatkarīgi vienai no otras. Teritoriālā tuvība, līdzīgie dabas un sadzīves apstākļi, cilvēka uztveres un mentalitātes universālās iezīmes padara šādu iespējamību ļoti ticamu. Savišķi tas attiecas uz vienkāršiem, neizvīrstiem frazeoloģiskiem, somatiskām un komparatīvām vienībām, piemēram: debt kēdu no kajēm - jemanen auf die Reine bringen; no galvas līdz kājām - von Kopf bis Fuas; iet no mutē mutē - von Mund zu Mund gehen; saprast kādu no pusvārda - jemanen aufs halbe Wort verstehen. Tādējādi nov pamata uzskatīt, ka šie latviešu frazeoloģismi ir aizgūti no vācu valodas, lai gan atsevišķos gadījumos tas ir pilnīgi iespējams.

Neraugoties uz minētajām grūtībām, pastāv frazeoloģismu grupa, par kuras vācisko izcelsmi šaubas nemodas. Šie frazeoloģismi parasti ir samērā jauni - radīti 18.-20. gadsimtā. Ir zināmi to rašanās apstākļi, autori, varam arī izsekot to ienākšanas ceļu latviešu valodā, jo, sākot ar 19. gadsimtu, latviešu valodā jau bija pietiekami attīstīta rakstniecība. Piemēram - frazeoloģisms iet uz Kanosu (nach Canosa gehen), kura izcelsmi labi raksturo tā aizgāšanas laika piemēri:

Šis štābs ir iecelts no Bismarka pieliktējiem par piemēru, ka tas tai strīdā starp katolu baznīcu un laicīgu vāru šo stipri aizstāvējis un reizi Vācijas reihstāga sēdēšanā (1872) sacījis: "Uz Kanosu mēs neiesim" (Vācu ķeizars Heinrich IV priekš 890 gadiem bij strīdā ar pāvestu Gregoru VII šim padevis un gājis uz Kanosu kādu pili vidus Itālijā, pāvesta mājās). (Rīgas Lapa. - 1877. - Nr.7.) "Dancodami," Prātnieks izmota vārdu, "kad patriotisms iet, asaras plaučdams, bešot kajēm un grēcnieka svārkos uz Kanosu, tad iet ar patriotu jāmeklē dienas laiks" ar uguņi..." (K a u d z i t e s R., M. Mērmleku laiki. - Jelgava, 1879. - 287.lpp.) Bet Bismarku attur no miera darēšanas tās lepna vārds, kuru tas reiz izteicis, proti: "Uz Kanosu mēs neiesim!" /Latīndē:/ *Uz Kanosu gāta 1077

Vācu ķeizars Indriķis IV un padevās pāvestam Gregoram VII. (Rīgas Lapa. - 1880. - Nr.9.)

Šādā veidā varām izsekot daudzū frazeoloģismu aizgūšanas procesam. Sekojošiem frazeoloģismiem ir labi zināma izcelsme (aiz frazeoloģisma latviešu un vācu valodā seko tā rašanās gads vācu valodā un īsas ziņas par izcelsmes avotu):

pasauls pilsonis - Weltbürger; 1747, G.E.Lerings (kalke no grieķu "kosmopolitēs");

neredzēt iz kokiem mežū - den Wald vor lauter Bäumen nicht sehen; 1768, K.M.Vilands ("Mularions");

ar sirds asinīm re'stīts - mit dem Blute eigenen Herzens geschrieben; 1777, J.V.Gēte ("Jaunā Vertera ciešanas");

vētras un dzū - Sturm und Drang; 1776, F.M.Klingers (tāda pašā nosaukuma luge);

lieta par sevi - das Ding an sich; 1781, I.Kants ("Tīrā prāta kritika");

moris savu darbu padarījis, moris var iet - der Mohr hat seine Arbeit getan, der Mohr kann gehen; 1783, F.Šillers ("Fiesko sazvērestība Ģenojā");

dvēseļu radniecība - Wahlverwandschaft; 1809, J.V.Gēte (tāda pašā nosaukuma romāns);

ir gādāts par to, lai koki neieaug debesīs - es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen; 1813, J.V.Gēte ("Poēzija un Istenība");

kā sarkanū pavediens cauri vijās - wie ein roter Faden durch etw. ziehen; 1809, J.V.Gēte ("Dvēseļu radniecība");

pretrunu gars - Geist der Widerspruchs; 1832, J.V.Gēte ("Fausts");

laika gars - Zeitgeist; J.V.Gēte (turpot);

ve'sak gaismas! - Mehr Licht!; 1832, J.V.Gētes pēdējie vārdi;

klistošais / skrejošais holan'dietis - der fliegende Holländer; 1834, H.Heine (holandiešu leģendas pieraksts);

starp smuru un laktu - zwischen Hammer und Amboss sein; 1863, F. Spilhagens (tāda paša nosaukuma romāns);

nākotnes mūzika - Zukunftsmusik; 1859, L. Bišofs; 1861, R. Vāgners ("Nākotnes mūzika. Vēstule draugam");

brīva mīlestība - freie Liebe; 1890, L. Halls (tāda paša nosaukuma luga);

vērtību pārvērtēšana - Umwertung aller Werte; 1895, F. Niče (tāda paša nosaukuma grāmata);

vīpuss laba un ļauna - jenseits von Gut und Böse; 1886, F. Niče (tāda paša nosaukuma grāmata);

blondā bestija - die blonde Bestie; 1887, F. Niče ("Morāles ģeneoloģija");

veru / kungu morāle - herdentier / herren Moral; 1886, F. Niče ("Vīpuss laba un ļauna");

karš karām - Krieg den Krieg; 1911, K. Libknehts;

papīra gabaliņš / lupata - ein Fetzen Papier; 1914 (tā Vācijas reihskanclera F. fon Betmans-Holvegs romāna neitralitātes līguma ar Beļģiju, to pārkāpums);

dzīves telpa - der Lebensraum; 1901, F. Ratels (īstu uzpiaukumu šī frāze piedzīvoja 1930. gadā pēc J. Šahta runas un A. Rozenberga grāmatas "20. gadsimta mīts" publicēšanas; frazeoloģisms ieguva oficiālas ideoloģijas saistītā statusu);

trešais reihs / trešā valsts - das Dritte Reich; 1923, A. M. van der Bruks

lielgabali svēsta vietā - Kanonen statt Butter; 1936, R. Hess;

zvaigžņu stunda - Sternstunde; 1927, S. Cveiga ("Sīlvēces zvaigžņu stunda").

Ir arī frazeoloģisku grupa, kam bijuši agrāki veidojumi citas valodās, bet tieši vācu valoda tiem piešķirusi aktualitāti un poarizējuši tos par stereotipiskiem. Tā, piemēram, senā vārdkopa spārnoti vārdi sastopama Homēra eposos, taču savu pašreizējo nozīmi tā ieguva pēc tam, kad vācu pētnieks G. Bulmans tā nosauca savu pirmo krājumu - "Geflügelte Worte". 1864. gadā. Grāmatas trispadsmitajā izdevumā 1892. gadā

G. Buhmans konstatē, ka izticiens iegājies kā vācu, tā arī citās valodās.

Frazeoloģismu lielgabalu gala līdzīgu veidojumu atrodam arī angļu valodā V. Šekspīra lugā "Henrijs IV" - food for powder (pulve + barība). Franču valodā F. Šatobriāna pamfletā "Par Bonapartu un Burboniem" (1814) atrodama frāze la chair à canon. Bet 1914. gadā sakarā ar pasaules kara sākšanos Vācijas SDP žurnāls "Vorwärts" šī vārdkopa parādās kā Kanonenfutter un ātri iegūst popularitāti arī citās valodās, piemēram, cannon-fodder (angļu v.).

Frazeoloģisms vieta zem saules sastopams vispirms franču valodā place au / sous le soleil gan B. Paskāla (1670), gan P. Beranzē (1827), gan O. Balzaka (1832) darbos. Taču istu uzplaukumu tas piezīvoja 20. gadsimtā, pēc tam kad 1897. gadā Vācijas Reihstāgē runā kanclers B. Bulavs piešķīra šai frāzei imperiālistisku nokrāsu. Frazeoloģisms Platz an der Sonne drīz tika kalkots latviešu valodā.

Kā redzams, minētajiem frazeoloģismiem raksturīga izteikti "spārnota" sa. antīka, tie ir galvenokārt aforismi, parunas, sukāmvārdi, metaforiski apzīmējumi, kas raksturīgi galvenokārt literārai, pat pacilāta stila valodai.

Ir arī neitrālāku un vienkāršāku aizgūto frazeoloģismu grupa. Šiem frazeoloģismiem vācu prototipu autori parasti ir nezināmi: uzņemt kursu uz - Kurs auf etw. nehmen, mazgāt kādam galvu - j-m den Kopf waschen, zem katres kritikas - unter aller Kritik, izzīst kaut ko no pirkata - aus den Finger saugen, nošaut buku - einen Bock schießen, tur tas suns aprekts - da ist der Hund begraben, lauzīta valoda - gebrochene Sprache, klēt galdu - den Tisch decken, sadot kādam piparus - Pfeffer geben j-m, nākt modē - in Mode kommen, līst no modes - aus der Mode kommen, rādīt / turēt dāri kabatā - die Faust in der Tasche ballen / machen, pats par sevi saprotams - es versteht sich von selbst, salmu atraitne - Strohwitwe, kā tiektais ritenis - wie der fünfte Rad (am Wagen), dienaskārtība - Tagesordnung, runāt caur puķēm - durch die Blume sagen / sprechen, iedot kurvilī - j-m einen Korb geben,

nopirkt par sviestmaizi - für ein Butterbrot kaufen un daudz citi.

Per šo frazeoloģisko kalku i ceļamā liecina gan dožu frazeoloģismu specifiskā struktūra vācu valodā, gan aizgavumi to sastāvā un, lebedzot, arī latviešu valodas attīstība, t.i., rakstu pieminekli, kas ataino aizgāšanas procesu, izmaiņas frazeoloģismos, piemēram, frazeoloģismu runāt caur pukiem aizgūš nesākuma pozīā li. šots vācu oriģinālam burākā formā, saglabājot l'atvārde vienkaitļa:

Cieni le lasītāji nenoligs, ka šigāmi par šādu neparedzētu gadījumu bija it pareiz pratuši 'caur pukiem īpašības. (Mājas Viesu Mēnešraksts. - 1904. - 102.lpp.)

VELSK, 20. gadsimtā, valodā nostabilizējusies daudzskaitļa forms:

.. vienīgi Dalbess - kaut arī stāj i 'caur pukiem' - patēlca dažas japēriak adresētas patiesības. (Jaunākās Zīras - 1937. - 4.nov.) Samierinājūšies, pielāgojušies, skatījušies caur nirkstiem. runājuši caur pukiem, sauķuši par ne-liskānu uz eucēm vai nepieciešamu nodevu leikmetam. (Idē. un Maksis. - 1937. - 24.jūl.)

Arī frazeoloģisms kā piektais ritenis agrāk lietots citā romā - kā piektais rat :

Arī es esmu "lebdarības ballē" - kā piektais rats! (Mājas Viesu Mēnešraksts. - 1899. - Nr.48 - 783.lpp.)

Latviešu nacionāls valodas veidošanās laiks un arī pētam valodā bija bezgala daudz no vācu valodas buriski tulko-tu frāžu un izteicienu, piemēram: nekā priekšā - vorkommen, darīt veikalu - Geschäft treiben, krist svarā - ins Gewicht fallen, un to labāko - aufs Beste utt.:

Andrieva ar Marītes praviestokānu dzina labu veikalu. (Mājas Viesu Mēnešraksts. 1901. - 452.lpp.)

Daudzi frazeoloģismi ar laiku ieguva latviskānu izteiksmes formu, citi iegājus vslodā ar minimālu izmaiņu, piemēram, spēlēt lielu romu - eine grosse Rolle spielen, uz mutes kritīs - auf den Mund gefallen:

Es nebiju nekad tīri un mutes kritis... (Austrums. ..
1896. - 700.lpp.)

Šī asimilācija bieži vien notika, par spīti valodnīcku ieteikumiem un prasībām.³

Atzīmēj. ni arī daži netulkotie frazeoloģismi, kas aizgūti no vācu valodas. Par stabiliem aizgūvumiem ar biežu lietojamību var uzskatīt tikai Drang nach Osten, Sturm und Drang, Mehr Licht, turklāt pēdējais no minētajiem arvien biežāk tiek lietots kalka veidā. Lai gan visiem šiem frazeoloģismiem latviešu valodā ir nostabilizējušies kalki, netulkotie varianti ir ekspresīvāki, tiem piemīt izteikta autentisma nokrāsa, piemēram:

Austrijas pievienošana Vācijai esot vācu "Drang nach Osten" pirmais mērķis. (Pēdējais Brīdis. - 1934. - 27.jūl.)

Vīnā domāja, ka Vācijas vadībā notikusi šķelšanās starp militārpersonām, kuras ticētas pēc "Drang nach Osten", un politiķiem. (Pad. Jaunatne. - 1987. - 21.jūl.) Tā Gētes draugi Heiders un Hamans (pēdējais ir "Sturm und Drangperiodes" īstais tēvs), kam abiem tik nenoliedzams iespeids uz lielo dzecjnieku, kādu laiku darbojušies Baltijā.. (J a n š e v s k i s J. Dzimtene. - R., 1925. - 5./6. sēj. - 276.lpp.) Turklāt vai tas nav milzīgs zaudējums, ka jaunie cilvēki savus "Sturm und Drang" gadus, laiksopumu, kad pašu vecums atbilst atveidojamo skatuves tēlu vecumam, .. nosēž skolas solā. (Pad. Jaunatne. - 1985. - 4.dec.)

Parējās nereti lietotas vācu frāzes latviešu valodā, lai gan tās atbilst frazeoloģisma statusam, tomēr nevar uzskatīt par netulkotajiem aizgūvumiem, jo to lietojumam latviešu valodā ir okazionāls raksturs, piemēram:

Visu dižciltīgo sugu pēmatos ir skaidri saskatāms meža zvērs, lieliskais pēc laupījuma un uzvaras alkstošais

³ Sk., piem.: O s o l i p š P. valodas prakses jautājumi. - R., 1935; kā arī neskaitās J.E. Izelina piezīmes.

gaišmatainais plēsoņa (blonde Bestie) .. (Daugavas Gada Grāmata. - R., 1935. - 96.lpp.)

Tomēr valodas vēsturē netulkoto aizgūvumu lietojums ir bijuši daudz lielāki apmēri un nozīme. No tiem izveidojušies daudzi mūsdienu frazeoloģiskie kalki, bet paši netulkotie aizgūvumi izzuduši, pierēem:

.. Čste saka: "Es ist dafür gesorg., dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen" un ka arī putni, kaut gan tie augsti lido, tomēr laižas atpakaļ uz zemi un taisa tajos pašos vecajos kokos ligzdu. (P o r u k s J. Viesis. - R., 1905.)

No frazeoloģiskajiem pus-kalkiem visinteresātākā vēsture, šķiet, ir Trešajam reiham - das Dritte Reich. Šī frāze šādā nozīmē pirmo reizi parādījās A.Mellera van den Bruka grāmatas virsrakstā 1923. gadā, kaut arī doma par trešo impēriju atrodamā arī agrāk. Kādu laiku aktīvi lietota nacistu frazeoloģijā, tā galu galā kļuva par iespēlēšanas upuri un 1939. gadā tika oficiāli "izņemta no apgrozības" nacionālsociālģtiskajā Vācijā. Taču tā jau bija nostiprinājusies daudzu tautu valodās. Latviešu valodā sastopami dažādi frazeoloģisma varianti:

Cieņas mazināšanās vērojama arī attiecībā pret atsevišķiem S.A. vīriem, kurus pirms gada uzskatīja un godāja kā trešās valsts "zemes sāli", tagad turpretim sauc par fonda tērptiem dienas zagļiem jeb no darba bēgošiem vazončiem. (Strādnieku Aizīze. - 1934. - 12. maijs.) .. valstskanceļars Hitlers jau apgalvoja, ka tagad starp "3. valsti" un Franciju vairs nepastāvēt nekādi teritorijāli strīdi un konflikti. (Sējējs. - 1936. - Nr.1. - 98.lpp.) Pretējā gadījumā mūsu Zilā Impērija patiešām var sabrukt vienā gaišā dienā, tūpat kā sabruka jūsu Trešā Lielvalsts. (G r i v e Ž. Vīņpus Pīrenejiem. - R., 1947. - 220.l.p.)

Raksturīgi, ka vācu okupācijas laikā šo frāzi periodikā neatrast. Mūsdienās valodā nostiprinājies frazeoloģiskais pus-kalks trešis reihis:

Daži vecākie drīz aizgāja pie tēviem, bet jaunākajiem pabalnās no panākām bija iespējama tikai vien "trešā reihe" ostzēprovīncē un tad "brīvajā pasaulē" .. (U p i t s A. Bezsaules noriets. - R., 1967. - 27.lpp.)

Tomēr arī pilnais kalks nav no valodas izzudis un reizēm tiek lietots stilistiskos vai variēšanas nolūkos:

Tādēļ man bija iespējams izlasīt samērā bezkvalitīga bronista rakstītas piezīmes par "trešo valsti". (B i r z e M. Lai atgrieztos. - R., 1984. - 88.lpp.)

Vācu-latviešu valodu kontaktā lieš: nozīme ir leksikas un frazeoloģijas saskarsmes problēmai. Daudzi mūsdienu latviešu frazeoloģismi ir radušies, kalkojot vācu salikteņus, piemēram, jau mī štie salmu atraitņi, dvīseļu radniecība, vērtību pārvērtēšana, nākotnes mūzika u.c.

Vēl vairāk, ļoti daudzi mūsdienu salikteņi aizgūšanas sākumposmā bijuši formāli šķirti - tāpat tie ir bijuši frazeoloģismi. Lai pārliedcinātos par šo īpatnību, pietiek ielūkoties "Pēterburgas Avižu" numuros: grāmat turētājs - Buchhalter (1862. - Nr.2), dzelzs ceļš - Eisenbahn (turpat), dzelzu ceļš (1862. - Nr.22), miesas strāpe - Körperstraße (1862. - Nr.17; 1863. - Nr.19), garajņu mašīna - Dampfmaschine (1862. - Nr.22), arī tādi tālāk attīstījušies savienojumi kā ciets pilsāts - Festung [cietskums] (1863. - Nr.21), koķa elvjs - Baumöl [olīvelve] (1862. - Nr.22). Raksturīgi, ka vēlākai leksikalizācijai pakļāvušies galvenokārt tehniska rakstura apzīmējumi, bet ekspressīvāki veidojumi saglabājas kā frazeoloģismi. Vispār leksisku salikteņu pāreja frazeoloģijā aizgūšanas gaitā sastopama arī kontaktos ar citām valodām, bet tieši aizgūvums no vācu valodas tā ir ļoti izteikta.

Nobeigumā daži secinājumi. Vācu valodai ir bijusi vislielākā nozīme ne tikai latviešu frazeoloģijas bagātināšanā, bet lielā mērā arī tās izveidē. Tikpat droši varam apgalvot, ka frazeoloģiskā aizgūšana no vācu valodas ir praktiski iz-

beigusies pēckars gados. Un, visbeidzot, ņemot vērā, ka pārisma tendences latviešu valodniecībā visspēcīgāk vērojamas tieši pret vācu ietekmi, mums jāatzīst, ka fraseoloģijas laukā šie centieni ir bijuši samērā neveiksmīgi. No vienas sākas, pat ja tie strukturāli un sistēmiski pilnībā neatbilst latviešu valodai, ir skaužami. Diabroniskā skatījumā tas atklājas visai skaidri.

Министерство народного образования Латвийской ССР
ЛАТВИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт языка и литературы имени А.Упита АН Латвийской ССР
Институт русского языка АН СССР

Всесоюзная научная конференция
ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ
г.Рига, апрель 1990 г.

Тезисы докладов

Латвийский университет

Н. В. Большакова (Псков)

ние межязыковые связи, которые бивают скрыты от исследователя, опирающегося на данные литературного языка. Этот общеизвестный факт обусловлен тем, что народные говоры сохраняют такие архаические свойства, которые беспрепятственно развивались в языке в прошлом и т. могут сейчас восстановить некоторые процессы. Сами межязыковые соответствия еще более подчеркивают эту архаичность.

Рассмотрим один частный случай семантической связи в исторически родственных словах с корнем *-zop-/-zar-/-zer-/-zr- в современных псковских говорах. В современных балтийских языках семантика слов с тем же древним корнем отражает идею блеска, сияния: лит. *žagėti* 'блестеть, сверкать, сиять, светить', *žogė* 'зарява, сияние'; латыш. *zagaļns* 'сияющий', *zagaļot* 'испускать лучи'. В псковских говорах ряд слов с историческим корнем *-zr- имеет близкую семантику. Прозрительно 'ярко': Солнце ни так прозрительно светит - ни будет ясный пагодн. Гд. Прозрачный 'яркий, блестящий': Перстипь прозрачный. Оп.; Он (самовар) такой прозрачный. Гд. Зоркий 'яркий': Какой у вас свет зоркий. Палк.; И права на небе самая зоркая такая звёздочка, так она ястренна гарн. Оп. Зорко 'светло, ярко': Зорко как, глаз не открыть. Гд.; Кали зоркъ, закрой глаза. Гд. Общерусский характер имеет только слово зая во всей совокупности его значений 'яркое освещение горизонта', 'яркий свет', и др. ... Слово зая, зая, зая, зая ко, конечно, имеет и другие значения. Однако отмеченные значения, связанные с понятием яркости, отражения света, не могут быть рассмотрены как производные от известных других, например, значения 'просвечивающий' у слов прозрачный и зоркий (прозрачная, зоркая вода), значения 'хорошо выглядящий' или 'симпатичный, обаятельный' у слова зоркий. Таким образом, известные семантические сдвиги (сдвиг от 'светлора', метонимия, расширение, сужение, поляризация значений) не объясняют рассматриваемое значение на основе внутрисловного семантического развития. Источники такой семантики мы видим в другом.

Рассматриваемые слова являются словообразовательно производными, значения 'яркости' могут быть рассмотрены ими от мотивацион-

иных слов, исходным среди которых является, по-видимому, глагол зреть, устаревший в современном русском языке. Этот глагол в своей семантической структуре имеет два элемента: 'смотреть' и 'видеть', тесно связанных между собой метонимической связью. Элемент видения и послужил основой для развития таких семантических линий

Учитывая это, древнего семантического процесса в славянских корнях **-zr-* отражены в лексике псковских говоров. Сопоставление псковской лексики с лексикой балтийских языков показывает случайность русского диалектного семантического блока, его архаичность, а также помогает установить для диалектных аномалий их историческое место в общезычковом процессе.

Н. Г. Вейсбергс (Рига)

ЗАИМСТВОВАНИЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ЛАТВИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Русский язык, как и немецкий, исторически является для латвийского одним из главных контакт-языков. Это обусловлено как историческими обстоятельствами, так и родством своих языков.

Древнее влияние русского в области фразеологии представляет ся гипотетическим, поскольку из-за отсутствия древних латвийских письменных источников невозможно сравнить фразеологизмы обоих языков в ранние периоды их развития. Но есть немало фразеологизмов, о которых можно с уверенностью сказать, что они заимствованы из русского языка. Многие фразеологизмы заимствованы из литературных источников: *dzīres mēra laikā* - пир во время чумы (А. Пушкин, 1832); *mirušās dvēseles* - мертвые души (Н. Гоголь, 1842); *cilvēks futlārī* - человек в футляре (А. Чехов, 1898). Многие единицы имеют явную окраску реалий: *logs uz Eiropu* - окно в Европу; *melnā sotra* - черная сотня.

В настоящее время русская фразеология сильно влияет на латвийский язык, особенно на его стилистически сниженную речь. Надо отметить большой удельный вес русской фразеологии в жаргонной фразеологии и почти полное доминирование русских выражений в сфере "мата" (фраз "табу").

Многие единицы заимствуются в разговорном языке и со временем переходят в язык прессы: karāties gaisā - висеть в воздухе; vilciens aizbājis - поезд ушел; slapja lieta - мокрое дело.

В литовский язык проникли также единицы, которые условно можно классифицировать как бюрократическо-управленческие с явным оттенком их белорусских аналогов. Многие из этих оборотов в литовском языке имеют нежелательную, даже абсурдную окраску: šarvā lieta - узкое место, sīst ar rubli - бить рублем, šarvū rinda - живал очередь и др.

Беспереводами фразеологизмов русского происхождения, за исключением жаргонных фраз, в литовском языке нет. Это объясняется тем, что в ряде различий в орфографии, а также культурными различиями, которые не являются, отсутствуют у этих единиц фактора интернациональности.

Занесение фразеологии из русского языка представляет собой экстралингвистически обусловленное явление, отражающее взаимодействие разных уровней языков при их постоянном (этническом и культурном) контакте.

И. И. Гудинг-Суржикова (Вильнюс)

СЛЕДИ ЛИТОВСКОГО СУБСТРАТА В БЕЛОРУССКОМ ГОВОРЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ КОМНИ ПОСТАВСКОГО РАЙОНА БССР

1. Употребляемая в говоре лексика литовского происхождения является неотъемлемой частью лексики соседних говоров, находящихся как на территории Литвы, так и в Белоруссии. Она тесно связана с жизнью, бытом, обычаями и культурой восточноаукштайтского литовского села и, кроме прочего, говорит о том, что языковая система исследуемого белорусского говора образовалась здесь на основе литовского субстрата.

2. Рассматриваемые в докладе литовские лексические и семантические единицы говора также отражают неоспоримые следы литовского субстрата.

3. Небольшая часть исследуемых собственных имен - названий деревень, урочищ, гидронимов, а также фамилии носителей говора - имеют литовское происхождение, и это подтверждает мнение о том, что на исследуемой территории в сравнительно недавнем прошлом жили литовцы. Данное положение подтверждает и некоторые информанты

носители местного говора, признавая, что преимущественно здесь их отцы, деды и прадеды говорили по-литовски.

4. В языковой системе гурора до сих пор сохранились также и некоторые элементы литовской фонетики, акцентуации, морфологии и синтаксиса. На основе рассмотренного богатого материала в докладе высказывается предположение, что субстратный литовский говор, на основе которого сформировался исследуемый белорусский, был говором восточнодзукшайтского типа с пунтининскими, жаднинскими и дзукскими особенностями.

И. Дривенета (Вилья)

ИОЗЕФ ЗУБАТЫЙ И ЛАТВИШКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Выдающийся чешский языковед Иозеф Зубатый (1855-1931) в истории лингвистики хорошо известен как специалист в области индийской и классической филологии. Пока недостаточно освещена его роль в исследовании латвийского языка и в развитии латвийского языкознания.

И. Зубатый был одним из первых индоевропеистов, широко использовавших в своих исследованиях данные латвийского языка. Он был знатоком латвийского языка и латвийского устного народного творчества, интересовался развитием науки о языке в Латвии. До 1913 г. И. Зубатый публикует в журнале "Indogermanische Forschungen" библиографию исследований по балтийским и славянским языкам. Изучению латвийского языка И. Зубатый посвятил несколько научных трудов, например, "Об аллитерации в латвийских и литовских народных песнях", "О так называемых приставных вокалах в латвийских народных песнях". Несколько его научно-популярных статей опубликованы в журнале "Нустримс".

Для истории латвийского языкознания интересно исследование влияния чешского языковеда на формирование лингвистических воззрений латвийских лингвистов, в частности К. Милленбаха и Я. Эндзелина. Имеет значение изучение переписки К. Милленбаха (1853-1916) и И. Зубатого, в которой затронуты важные вопросы сравнительно-исторического синтаксиса индоевропейских языков. В докладе впервые дается анализ переписки этих ученых. Показано также влияние чешского языковеда на Я. Эндзелина, для которого И. Зубатый являлся одним из наиболее часто цитируемых авторов.

LATVIJAS PSR ŽURNALISTU SAVIENĪBA
LATVIJAS PSR ZA A. UPĪSĀ VALODAS UN
LITERĀTŪRAS INSTITŪTS

LATVIEŠU VALODAS KULTŪRAS JAUTĀJUMI

(Rakstu krājums)
25. laidziens

Sastādījusi *A. Rubina*

*93-14122
pilnikums*

RĪGA «AVOTS» 1989

rārās valodas vārdnīcā» būs forma *supermenis*), citu, resp., aplāmu variantu lietojums ir nepieļaujams.

ANDREJS VEISBERGS

TERMINU UN FRAZEOLŌGISMU ATTIECĪBAS

FrazeolŌģija, būdamā dinamiskā valodas apakšsistēma, nepārtraukti attīstās, taču dažādos valodas dzīves posmos šie attīstības ceļi var būt samērā atšķirīgi.

Viens no frazeolŌģijas papildināšanās ceļiem ir frazeolŌģismu veidošanās no terminolŌģiskajām vārdkopām.

TerminolŌģijas un frazeolŌģijas saskarsmes jautājumā valodniecībā iezīmējušies divi viedokļi:

1) frazeolŌģisms un termins (terminolŌģiskā vārdkopa) ir krasi nodalāmi (par to liecina arī frazeolŌģisma un termina definīcijas);¹

2) saiknes veidošanās starp terminolŌģiju un frazeolŌģiju ir jauna, 20. gs. otrai pusei raksturīga parādība, kas cieši saistīta ar zinātniski tehnisko revolūciju, kultūras revolūciju utt.²

Šādus spriedumus parasti izraisa nepietiekama iedziļināšanās termina būtībā. Aplūkosim, kas terminam un frazeolŌģismam ir kopīgs un atšķirīgs. FrazeolŌģisms ir stabila vārdkopa ar pilnīgi vai daļēji pārnestu (metaforisku) nozīmi. Termina galvenās pazīmes ir šādas: termins ir vārds vai

¹ Соловьев В. П. Фразаологизация терминологических сочетаний. — В кн.: Образование и функционирование фразеологических единиц. Ростов-на-Дону, 1981, с. 32.

² Авалиани Ю. Ю., Эмирова А. М. Некоторые активные процессы современного русского фразеобразования. — В кн.: Проблемы русского фразеобразования. Тула, 1973, с. 67—69.

vārdkopa, kas apzīmē noteiktu zinātnes, mākslas, tehnikas vai citu profesionālas nozares jēdzienu, saglabā savas nozīmes stabilitāti attiecīgā kontekstā; terminam raksturīga precizitāte, sistēmiskums, formas īsums, viennozīmīgums, emocionāla neitralitāte.³ Teiktais attiecas pirmām kārtām uz zinātnisko terminu, taču tās pašas īpatnības pamatā piemīt arī terminam praktiskajā, plašākajā nozīmē. Tātad atšķirībā no brīvām vārdkopām, kas runā katru reizi tiek veidotas no jauna, stabilitāte raksturīga kā frazeoloģismam, tā arī terminoloģiskai vārdkopai, piemēram, *nosist laiku* (frazeoloģisms) un *ziedru siena* (fizikulas termins).

Frazeoloģismiem raksturīga pārnesta nozīme, taču arī daudziem terminiem ir raksturīgs nozīmes pārnesums, piemēram: *lielās rungas (nūjas) politika, atvērto durvju politika (doktrīna), piektā kolonna, valdības galva* (politikā), *Piena Ceļš, zvaigžņu lietus* (astronomijā), *baltais pants, baltā vārsmā, Ēzopa valoda, zilonkaula tornis* (literatūrzinātnē), *āboliņa lapa* (celtniecībā) u. c. Minētās terminoloģiskās vārdkopas veidotas metaforiski, dažām no tām raksturīga izteikta emocionalitāte un ekspresivitāte. Tātad valodā ir terminoloģiskas vārdkopas, kam piemīt frazeoloģismu īpašības. Par to liecina arī skaidrojošās, frazeoloģiskās un tulkojošās vārdnīcas, kurās vairākas no šīm terminoloģiskajām vārdkopām traktētas kā frazeoloģismi.

Ir terminoloģiskas vārdkopas, kas valodā tiek paralēli lietotas arī kā frazeoloģismi, piem., *iziet*

³ Sk.: *Skujiņa V.* Zinātnisko terminu veidošanas paņēmieni. Latviešu valodas kultūras jautājumi. R., 1969, 82.—84. lpp. un Latvijas padomju enciklopēdija. 9. sēj. R., 1987, 606. lpp.

finiša taisnē, spēle uz vieniem vārtiem, pārņemt stafeti, rēzus faktors, hroniska slimība, nabas saite, zelta fonds, ķēdes reakcija: Taču impresionisms izrādījās tikai pārmaiņu vēstnesis. Nabas saite ar klasiskajām mākslas tradīcijām palika nepārgriezta (Avots, 1987, № 1, 34. lpp.); Tai varētu būt pozitīva loma Vīnes tikšanās finiša taisnē (Cīņa, 1987, 17. sept.); Klasikas zelta fondā iegūlis Austras Skujiņas un Jāņa Grota, Jāņa Ziemeļnieka un Jāņa Medeņa un vēl citu veikums (Lit. un Māksla, 1986, 26. dec.); Par to liecina Bonnai ārkārtīgi nepatīkamā «ķēdes reakcija», kas sekoja diplomātisko attiecību nodibināšanai ar Izraēlu (Padomju Jaunatne, 1965, 23. maijā); Trīspadsmit medaļu, no tām — septiņas zelta, bet čempionāts vēl nav galā. Futbolistu terminoloģijā izsakoties, tā ir spēle uz vieniem vārtiem (Sports, 1987, 7. febr.); Līdzīgi cenšas simti fiziskās kultūras skolotāju un pasniedzēju. Bet jaunais cilvēks bieži vien negrib pārņemt stafeti, viņam nepatīk piepūlēties, liet sviedrus (Padomju Jaunatne, 1986, 28. janv.); Demokrātu stafetes kociņu no G. Hārta gribētu pārņemt Dž. Džeksons.. (Cīņa, 1987, 13. maijā); No viņa stafetes nūjiņu pārņēma bijušais ASV nacionālās drošības padomes augsti stāvošs darbinieks Helmūts Sonnenfilds (Horizonts, 1987, № 2, 18. lpp.).

Terminoloģiskās vārdkopas, pakāpeniski izplatoties, ir metaforizējušās, vispārinājušās, ir paplašinājusies to distribūcija. Determinoloģizācijas process parasti notiek pakāpeniski. Vispirms terminoloģiska vārdkopa tiek pārnestā nozīmē lietota sev neraksturīgā vidē. Šādam lietojumam ir sākumā okazonāls raksturs, un to nosaka visbiežāk stilistiski mērķi, jo termina lietojums neterminolo-

ģiskā kontekstā rada spilgtu stilistisku efektu. Piemēram var minēt vārdkopas, kas pašlaik vēl nav kļuvušas par stabiliem frazeoloģismiem: *Kaut arī jūs gaida tūkstoš neatliekamu darbu, atliciniet brīdi, lai «pārslēgtos uz citu vilni»* (Kalendārs sievietēm 1987. R., 1986, 264. lpp.); *Būšu priecīgs, ja republikā varētu izkustināt no «nāves punkta» dažu medniekiem un makšķerņiem svarīgu preču ražošanu* (Sports, 1987, 17. jūn.); *Galū galā Piena restorāns «nomira dabiskā nāvē»* (Cīņa, 1987, 17. martā); *Jādomā, ka sācies «asiņu pārliešana» posms kritikā* (Lit. un Māksla, 1987, 16. janv.).

Pakāpeniski šāds lietojums nostiprinās, un ar laiku terminoloģiskajai vārdkopai izveidojas homonīms frazeoloģisms, kas savukārt, pārāk bieži lietots, zaudē ekspresivitāti. Reizēm notiek arī pretējais process — tiek aktivizēta frazeoloģisma terminoloģiskā nozīme, piemēram, frazeoloģisms *iziet no ierindas* radies militārajā sfērā, taču pārnestā nozīmē tiek lietots galvenokārt attiecībā uz priekšmetiem — darbarīkiem, mašīnām, aparātiem. Sekojošā lietojumā tiek it kā sperts solis atpakaļ, atdzīvinot nodrāzto frazeoloģismu: *..otrajā mačā no ierindas izgāja saspēles vadītāja Strazdiņa, kas iepriekšējā spēlē bija demonstrējusi atzīstamu tālmetienu precizitāti (no 7—5)* (Padomju Jauņatne, 1985, 9. okt.). Te vērojama tālāka frazeoloģisma nozīmes izplešanās, balstoties uz tā izcelsmi.

20. gs. tik tiešām ir notikusi zinātnes nepieredzēta attīstība, kam seko gan kvalitatīva, gan kvantitatīva terminoloģijas izplešanās. Taču arī agrāk pastāvēja profesijas un to terminoloģija. Terminoloģijas iespiešanās frazeoloģijā redzama, pārlūkojot mūsdienu latviešu frazeoloģijas pamatfondu: *notes puķķis* (alus darīšanā), *ņemt uz*

grauda (medniecībā), *lampu drudzis* (teātrī), *baltie laukumi* (ģeogrāfijā), *nolaist asinis* (medicīnā) u. c.

Dažām minētajām vārdkopām latviešu valodā vēl šī gadsimta sākumā bija izteikti terminoloģisks raksturs. Tā, piemēram, *lampu drudzis* saistīts ar teātra sfēru (cēlies no *rampas drudzis*): *Mūs vada mūsu mākslas tempļos nevis mākslas svētīgais un varenais spēks, bet baigas, kurās mēs vienmēr raugāmies, gluži kā jaunais talants no «l a m p a s d r u d ž a» mocīts, caur priekšcara lodziņu: ai, ai, kā gan labāk darīt* (Skatuve, 1906, № 2, 20. lpp.).

Baltie plankumi (*laukumi*) cēlušies no vārdkopas *baltie plankumi*, ar ko ģeogrāfijā apzīmēja vēl neizpētītās zemes teritorijas, kuras kartē atstāja baltas: *Tā no polārkartēm zuda pēdējie baltie plankumi, polu ģeogrāfija papildinās* (Stāsti un romāni, 1938, № 5).

Mūsdienās šo vārdkopu terminoloģiskais raksturs ir zudis — tām jau sen ir frazeoloģismu statuss, un tās tiek lietotas pārnestā nozīmē un ārpus savas rašanās sfēras, piemēram: *PSRS komandas lampu drudzis lielā mērā ieilga un vēlāk atkal atgriezās..* (Padomju Jaunatne, 1987, 16. jūn.); *Otrkārt, mums būtu jāredz visas vājās vietas, iespējamā dublēšanās vai «baltie plankumi»* (Lauku Dzīve, 1986, № 7); *Nav pilnvērtīgas jaunās maiņas, jo spējīgākos jaunos jau skolā piesaista eksaktajām zinātnēm. Tur nav baltu plankumu, karjeru arī vieglāk taisīt* (Padomju Jaunatne, 1988, 17. martā).

Tātad valodā pastāv gan terminoloģiskas vārdkopas, kam ir frazeoloģisma pazīmes, gan terminoloģiskas vārdkopas, kas dažreiz lietojamas pārnestā nozīmē ar frazeoloģisma funkcijām, un terminoloģiskas vārdkopas ar tām homonīmiem frazeoloģismiem.

RUNĀSIM LATVISKI

21 sarunu tēma

Latvijas PSR Tautas izglītības ministrija
L A T V I J A S U N I V E R S I T Ā T E
Saststāmās valodniecības katedra

MUNĀSIM LATVISKI

21 sarunu tēma

Metodiska izstrādne

Latvijas Universitāte
Rīga 1990

Zauberga I., Veisbergs A., Brēde M., Gurtaja V. Runāsim latviski. 21 sarunu tēma: Metodiska izstrādne. - Rīga: LU, 1990. - 60 lpp.

Department of Contrastive Linguistics
Latvia State University
1989

The teaching aid is meant as a conversational supplement to the basic course of Latvian. It comprises 21 topic with vocabulary and sets of questions which would help students discuss the respective topics. It consists of two parts. Part I includes 7 topics, directly related to the texts of the basic course and are worked out to revise material covered on a conversational level. Part II presents topics for a more advanced level. The themes are of a topical character and are worked out to introduce some background information and current view points as well as the necessary vocabulary to discuss them. Questions presented at the end of the topics of Part II may be also used as themes for essays to be written by students independently as an exercise in writing.

The authors of the teaching aid are I.Zauberga, A.Veisbergs, M.Brēde, V.Gurtaja.

Aptiprināts
Sastatāmās valodniecības
katedras sēdē

Z 4602010000-040u
ES12(11)-90

90

(C)

Latvijas
Universitāte,
1990

- 3 -
Contents

Part I

Ģimene	5
Gadslaiki	6
Mans dzīvoklis	9
Mūsu dārzis	12
Mana māja	15
Veikala	17
Pasts	19

Part II

Rīga	23
Māksla Latvijā	29
Teātris	32
Mūzika	34
Masu komunikācijas līdzekļi	37
Televīzija	39
Reliģija	42
Sports	44
Debates aizsardzība	46
Veselības aizsardzība. I	48
Veselības aizsardzība. II	51
Latvijas ekonomika	53
Militarizācijas problēmas	55
Latviešu valoda	58

ĢIMENE

Mēs esam Bērziņu mājās. Bērziņi ir diezgan liela ģimene - kopā dzīvo trīs paaudzes. Ģimenes galva ir Andris Bērziņš. Viņam ir 45 gadi. Viņš ir precējies. Viņa sievu sauc par Sandru. Abiem Bērziņiem ir trīs bērni. Dēls Aivars ir 19 gadus vecs, viņš jau ir pieaudzis. Meitas Ingūna un Aiva ir skolnieces. Viņas ir padzītnieces. Kopā ar viņiem dzīvo arī Andre vecāki - Matilde un Visvaldis. Vecvecāki ir pensionāri un daudz laika pveda dārzā. Dažreiz pie Bērziņiem viesojas arī viņu radnieki, daudzie brālēni, māsiņas, tantes un onkuļi. Radu viņiem patiešām netrūkst.

Kas ir Aivara māsa? Kas ir Ingūnas brālis? Kas ir Sandres vīrs? Kas ir Visvalža sieva? Vai Visvaldim ir mazbērni?

Kas kurš ir?

Matilde | Visvaldis
|
Andris -- Sandra
|
Aivars Aiva Ingūna

Peteris -- Maiga
|
Jānis Riņhards -- Evija
|
Inta Gunta

tēvs - māte
vīrs - sieva
brālis - māsa
dēls - meita
znots - vedekla
vectēvs - vecāmāte
brālēns - māsiņa
viratēvs - vīramāte
sievastēvs - sievasmāte

onkulis - tante
mazdēls - mazmeita - mazbērni

Vocabulary:

ģimene - a family
paaudze - a generation
bērns - a baby
padsmitnieks - a teenager
radi - relatives
precējies - married
brālēns, māsiņa - a cousin

Answer the questions:

Vai jums ir liela ģimene?
Vai jums ir bērni? Cik?
Vai jums ir daudz radu?
Vai jums patiek radi?
Kas ir tuvāki - radi vai draugi?
Pastāsti par sevi.

GADALAIKI

Latvijā gadā ir četri gadalaiki - pavassaris, vasara, rudens un ziema. Pavassaris ir prieka un cerību laiks. Aprīlī un maijā mostas daba, arī cilvēki. Upes iet ledus, pilnīgi nokūst sniegs, sazaļo zāle, koki salapo. Reizēm maijā jau ir ļoti silts.

Vasara ir viskerstākais gadalaiks. Jūnijā parasti ir ļoti silts un saulains. Jūlijā bieži liet, gan pērkona lietus, gan nedēļām ilgi. Augustā laiks parasti ir mākoņains un mainīgs. Vesperā dienas ir garas, naktis ir īsas. Ļaudis cenšas atpūsties, kā nu kurem patiek. Vasarā var sauļoties un peldēties (ja ūdens ir tīrs).

Rudenī dienas kļūst īsākas, saule vairs tā nesilda, sākas rudens lieti. Septembris dažreiz vēl ir jauks, arī oktobri reizēm ir labs laiks (atvasara), bet novembris vienmēr ir drūms, auksts un lietains. Decembrī jau iestājas ziema, uzkrīt sniegs. Janvāris un februāris ir visaukstākie ziemas mēneši un temperatūra reizēm nokrīt līdz -30 C. Bet arī ziemā laiks ir mainīgs. Bieži iestājas atkušņi. Martā jau jūtama pavasara elpa, kļūst siltāks.

Pēdējos gados laiks ir ļoti savāds un mainīgs. Varbūt tas ir siltumnīcas efekts?

Vocebulary:

gadalaiks - a season	mākoņains - cloudy
pavasaris - spring	mainīgs - changing
vasara - summer	diens - a day
rudens - autumn	nakts - a night
ziema - winter	garš - long
prieks - joy	īss - short
cerība - hope	censties - to try
mosties - to wake up	atpūsties - to rest
daba - nature	patikt - to like something
upe - a river	sauļoties - to sunbathe
ledus - ice	peldēties - to bathe
kust - to melt	ūdens - water
sniegs - snow	tīrs - clean
zāle - grass	jauks - fine, lovely
sazāļot - to get green	laiks - the weather
koks - a tree	atvasara - Indian summer
salspot - to bearst into leaf	drūms - dreary, dull
silts - warm	auksts - cold
karsts - hot	(uz)krist - to fall
saulains - sunny	mēnesis - a month
līt - to rain	atkusnis - thaw
pērkons - thunder	siltumnīca - a greenhouse

reizēm - at times
dažreiz - sometimes
vienmēr - always
bieži - often

Answer the questions:

Kurā gadalaiks tev patik visvairāk?
Vai laika maīpes ir petikamas?
Kāpēc ziemā ir auksts un vasarā silts?
Vai tev patik saule?
Vai tev patik lietsains laiks?
Kādi ir pavasara, vasaras, rudens un ziemas mēneši?
Kas notiek, ja pavasari ir salnas?
Vai mēs varam lietot listus ūdeni?
Kad svin Jāņus?
Kāds šodien ir laiks?
Vai tu vienmēr nēsā līdzli lietussargu?
Vai laika ziņām var ticēt?

Exercise: Revise the formation of degrees of Comparison of adjectives. Put the adjectives in brackets in the right form.

Jūlijs ir (karsts) kā aprīlis.
Decembris ir (auksts) nekā oktobris.
Zēni parasti ir (garš) nekā meitenes.
Cenas tirgū pie mums ir (augsts) nekā veikalā.
Krievu Rīgā ir (daudz) nekā latviešu.
Jūlijs ir (karsts) gada mēnesis.
Šovasar (slikts) rezultāti bija "A" grupas studentiem.

MANS DZĪVOKLIS

Es dzīvoju Rīgā. Rīga ir Latvijas galvaspilsēta. Rīgā ir gan vecas gan jaunas mājas. Es dzīvoju jaunā mājā. Tā ir piecstāvu māja. Daudzstāvu mājās ir lifti. Manā mājā lifta nav. Jaunajās mājās dzīvokļi nav lieli, parasti ar divām vai trīs istabām.

Man pieder trīsistabu dzīvoklis ceturtajā stāvā. Manā dzīvoklī ir arī virtuve, vannas istaba un tualete. Dzīvoklis nav liels. Dzīvoklī ir dažādas ērtības - aukstais un siltais ūdens, gāze, centrālāpkure, telefons.

Viesistaba ir vislielākā mūsu dzīvoklī. Viesistabā atrodas sekcija ar bērnu, melns grāmatu skapis, televizors, klavieres, dīvāns, žurnālu galdīgs un vairāki sarkani krēsli. Grīdu sedz pelēks paklājs. Pie sienām ir gleznas. Viesistabā ir stāvlampa un pie griestiem ir lustre. Uz palodzēm pados aug daudz puķu. Brīvajā laikā šeit atpūšas. Spēlē klavieres, skatās televizoru, klausās radio vai vienkārši perunājas.

Guļamistabā ir liela gults, drēbju skapis un spogulis. Arī šeit ir paklājs. Pie logiem ir aizkeri.

Dēla istabā ir gults, rakstāmgalds, drēbju skapis, mazs dīvāns un vairāki grāmatu pleukti.

Koridorā ir drēbju pakaramais, sienas spogulis.

Vannas istabā ir vanna, duša, izlietne ar siltā un aukstā ūdens krāniem. Vannas istabā var mazgāties.

Virtuvē ir gāzes plīts, izlietne, galds, vairāki balti sienas skapji, kā arī ledusskapis un pieliekamais. Virtuvē māte gatavo ēdienu. Virtuvē ir arī radioaparāts, ko mēs bieži vien klausāmies, kad ēdam.

Vocabulary:

galvaspilsēta - a capital	leiks - time
mājs - a house	atpūsties - to relax, rest
dzīvot - to live	spēlēt klavieres - to play piano
stāvs - a storey	skatīties televizoru - to watch TV
daudzstāvu - multistory	klausīties radio - to lis- ten to radio
piederēt - to have, to own	vienkārši - simply
virtuve - a kitchen	parunāties - to have a chat
vannas istaba - a bathroom	guļamistaba - a bedroom
tualete - toilet	gults - a bed
ērtības - conveniences	drēbju skapis - a wardrobe
auksts - cold	spogulis - a mirror
silts - hot	logs - a window
gāze - gas	aizkari - curtains
centrālā apkure - central heating	rakstāmgalds - a writing desk
viesistaba - a drawing room	dīvāns - a sofa
sekcija - a wall unit	plaukts - a shelf
grāmatu skapis - a bookcase	koridors - a corridor
melns - black	drēbju pakaramais - a coat stand/rack
sarkans - red	vanna - a bath
krēsls - a chair	duša - a shower
grīda - floor	izlietne - a sink
segt - to cover	krāns - a tap
pelēks - grey	mazgāties - to wash
paklājs - a carpet	plīts - a cooker
siens - a wall	galds - a table
glezna - a picture	balts - white
otāvlampa - a lamp	ledusskapis - a fridge
griesti - the ceiling	pieliekamais - a larder
lustra - a lamp	ēst - to eat
palodze - a window sill	gatavot - to cook
puķu pods - a flower pot	
augt - to grow	
brīvs - free	

Answer the questions:

Vai tava dzīvoklis ir liels / mazs?
Cik tavā dzīvoklī ir istabu?
Vai tavā dzīvoklī ir vannā?
Kur jūs ēdat pusdienas?
Kur jūs atpūšaties?
Vai tu spēlē klavieres / vijoli?
Vai tu mājās strādā?
Ko tu vari redzēt pa savu logu?
Kura ir vislielākā istaba jūsu dzīvoklī?

Try to comment:

Kāpēc viņš tik ilgi ir vannā?
Ko rāda pa televīziju?
Kāpēc šeit tik netīrs?
Vai mums kādreiz būs miera pašu mājās?
Uzzīmē savu dzīvokļa plānu!

Read the dialogues:

Kaimiņš teica, ka pa radio runā Zariņš.
Ieslēdz, lūdzu, radio!

Gelīgi nav ūdens!
Atgriez taču krānu līdz galei.

Liekas, ka mājās vairs nav piena.
Atver ledusskapi un paskaties pats!

Ļoti gribas iedzert.
Atver būru un paskaties, vai tur vēl kas ir!

Exercises: Use the definite ending.

karsts ūdens
auksts ūdens
mazs dzīvoklis
liels dzīvoklis

Decline together with a noun:

pelēks

balts

melns

sarkans ...

zaļš

liels

mazs

jauns

MŪSU DĀRŽŅ

Mūsu ģimene dzīvo Rīgā. Tās centrā ir daudz parku un dārzu. Tomēr ikdienā mēs tur pastaigājamies reti.

Mums ir ģimenes dārziņš Rīgas apkaimē. Tur mēs pavadām savu brīvo laiku pavasarī, vasarā un rudenī. Dārzs ir liels, taču tur aug vairāki augļu koki, ogu krūmi, saknes un puķes. Mums ir trīs ābeles, viena bumbiere, viena plūme un viens ķirsis. Ābeles parasti dod daudz ābolu. Bumbiere ir jauna, pagaidām tā vēl nedod lielu (bumbieru) ražu. Mēs augļus un ogas nepērkam. Mums pietiek ar to, kas izaug pašu dārzā.

Pavasarī mēs vispirms uzrokam zemi un sagatavojam dobes. Tad mēs sējam dažādus sakņaugus - burkānus, redīsus, bietes, pētersīļus, arī zirņus un pupas, s-lātus. Vēlāk mēs stādām sīpolus, ķiplokus, selerijas, tomātus, ķirbjus. Vasarā galvenais darbs ir ravēt un laistīt dārzu. Vasaras vidū mēs ievācam zemenes. Jūlija beigās nogatavojas avenes, jānogas un ērkšķogas.

Man ļoti patīk ziedi. Pavasarī pirmās uzziēd sniegpulkstenītes. Tām seko krokusi, narcīses, tulpes, nezīrmirstulītes. Vasaras sākumā zied ceriņi un jasmīni. Bet viskrāšņākais dārzs ir rudenī, kad zied asteres, samtenes, dālijas,

gladiolas.

Pēc rudens salnām mēs novācem pēdējo ražu, uzrokam dārzu un sagatavojam to ziemai.

Vocabulary:

dārzs
dārziņš - a garden

parks - a park

ikdiens - daily life

pastaigāties - to walk, to have a walk

apkaime - vicinity

pavadīt brīvo laiku - to spend one's free time

augļu koks - a fruit-tree

bumbiere - a pear-tree

bumbieris - a pear

plūme (koks) - a plum-tree

ķirsis (koks) - a cherry tree

ķirsis (auglis) - a cherry

raža - harvest (crop)

pirkt - to buy

pašu (dārzs) - one's own (garden)

uzrakt zemi - to dig up soil

sagatavot dobes - to (make) prepare beds

sēt - to sow

sakņaugi - root-crops, vegetables

redīss - a radish

biete - a beet root

zirnis - a pea

pupa - a bean

salāti - lettuce

sīpols - an onion

ķiploks - a garlic

selerijs - a celery

tomāts - a tomato

ķirbis - a pumpkin

ravēt - to weed
laistīt - to water
ievākt , novākt - to gather
zemene - a strawberry
avene - a raspberry
jāgoga - a currant
ērkāgoga - a goose-berry
ziedi - flowers
(uz)ziedēt - to bloom
sniegpulkstenīte - a snowdrop
krokuss - a crocus
narcise - a daffodil
tulpe - a tulip
neaizmirstulīte - a forget - me - not
ceriņi - lilac
jasmini - jasmine
krāsūns - splendid
ogu krūms - a berry bush
ābele - an apple tree
estere - an aster
santene - a French marigold
dālija - a dahlia
gladiola - a gladiolus
salna - frost
audzēt - to grow

Answer the questions:

Vai jums patik strādāt dārzā?
Kādi augļi koki aug jūsu dārzā?
Vai jūs audzējat ogu krūmus?
Ko jūs sējat pavasarī?
Kādas puķes jums patik vislabāk?
Kādas darbus jūs darāt rudenī (dārzā)?

Read the dialogue:

A. Labdien !

B. Sveicināti!

A. Nu, kā šodien veicās? Sen nav bijusi tik skaista diena.

B. Paldies. Diens ir labs, bet darbs arī daudz. Tikko kā
isravēju burkānus. Pirms pusdienām vēl jāpagūst šo
to aplaistīt.

A. Jums jau viss aug griezdamies. Prieks skatīties.

B. Šonedēļ iegādājās brīvāks laiks, daru ko varu.

A. Es arī šodien gribu paravēt un izgriezt zemenēm stigas.
Jā, kā darbojas jūsu ūdens sūkņi?

B. Viss kārtībā. Vēlreiz paldies par palīdzību.

A. Nu, veiksmi darbā!

B. Jums tāpat. Visu labu!

MANA MĀJA.

Arī es dzīvoju Rīgā. Es dzīvoju Rīgas nomalē. Mūsu rajonā ir daudz privātmāju. Man pieder divstāvu mājiņa ar samērā lielu dārzu. Dārzā aug gan koki, gan arī krūmi. Mans kaimiņš dārzā audzē puķes, bet otram kaimiņam ir gan suns, gan vistas. Gluži kā laukos.

Zem manas mājas ir garāža, kur brālis tur savu automašīnu. Manā mājā ir astoņas istabas, virtuve, vannas istaba un divas tualetes. Pagrabstāvā bez garāžas ir arī somu pirts un centrālspkures krāsns. Māja ir celta no ķieģeļiem.

Mums ir daudz grāmetu, tās atrodas vienā istabā. Vēl kādā istabā ir darbnīca, kur atrodas dažādi instrumenti, un katrs var pastrādāt. Jeeja mājā ir tieši no ielas, tāpat kā iebraukšena garāžā.

Dzīvo savā mājā ir patīkami, es šeit jūtos samērā brīvi. Tomēr ir arī savas rūpes, kas nav tiem, kas dzīvo dzīvokļos. Piemēram, jāuztur kārtībā iela, dārzs, jumts, jā rūpējas par apkuri.

Vocabulary:

nomale - a suburb
rajons - a region
privātmāja - a private house
kaimiņš - a neighbour
audzēt - to grow
suns - a dog
višta - a hen
lauki - the countryside
garāža - a garage
automašīna - a car
somu pirts - sauna
centrālā apkure - central heating
krāsns - an oven, heater
ķieģeļi - bricks
darbnīca - a workshop
ieeja - an entrance
patīkams - fine, pleasant
brīvs - free
rūpes - care, trouble
jumts - a roof

Answer the question:

Kādas ir mājas priekārocības, salīdzinot ar dzīvokli?

No kā var būt celta māja?

Vai ir labi, ja pie mājas ir dārzs?

Kā var apkurināt māju?

Vai jums ir labas attiecības ar kaimiņiem?

VEIKALĀ

Iepirkšanās var būt gan izprieca, gan nepieciešamība. Sestdienas rītā Rasma un Inese iet iepirkties. Vispirms viņas ietiet gaļas veikalā un palūdz pārdevējai lielu vistu. Pēc tam abas dodas pāri ielai uz piena veikalu, kur nopērk pienu, krējumu, sviestu un sieru. Šos produktus viņas šeit iegādājas katru dienu. Pēc tam Rasma steidzas uz maizes veikalu, kur nopērk divus klaipus baltmaizes, rādziņu un puskuķuli rupjmaizes. Tad viņa dodas uz tirgu, lai nopirktu ābolus, pupas, burkānus un pētersīļus. Ar to viņas iepirkšanās beidzas. Inese daudz laika pavada universālveikalā. Tas ir jauns, liels pašapkalpošanās veikals. Viņai ir sagatavots pirkumu saraksts. Viņa pagem iepirkumu ratiņus un dodas uz sporta sekciju. Viņa vēlas nopirkt treniņtērpu, hokeja nūju un ripas dēlam. Parfimērijas sekcijā viņa nopērk zobu suku un pastu, kā arī franču smaržas un šampūnu. Tā kā pie rotālietām ir liela rinda, Inese nolemj, ka laiks doties mājās.

Vocabulary:

iepirkšanās - shopping
izprieca - enjoyment, fun
nepieciešamība - necessity
gaļas veikals - butchers
vista - chicken
pārdevēja - a sales girl
piens veikals - dairy shop
piens - milk
krējums - cream
sviests - butter
siers - cheese
produkti - food
maizes veikals - bakery
klaips, kukulis - a loaf

baltmaize - white bread
radziņš - a crescent
rupjmaize - rye bread
tirgus - market
āboli - apples
pupas - beans
burkāni - carrots
pētersīļi - parsley
universālveikals - a supermarket
saraksts - a list
iepirkumu ratiņi - a trolley
treniņtērps - a track suit
hokeja hūja - a hockey stick
ripa - a puck
parfimērija - perfumery
zobu suka - a tooth brush
zobu pasta - tooth paste
smaržas - perfume
šampūns - shampoo
rotaļlieta - a toy
rinda - a queue

Answer the questions:

Kādus veikalus jūs zināt?

Ko pārdot piena veikalā?

Ko pārdot galanterijas veikalā?

Ar ko atšķiras parasts veikals no pašapkalpošanās veikala?

Kādai būtu jābūt pārdevējai?

Kādā laikā veikali parasti strādā?

Kādas rotaļlietas pārdot rotaļlietu veikalā?

Ko pārdot aptiekā?

Vai iepirkšanās ir patikama nodarbība?

Cik maksā maize, ?

Read the dialogue:

- Ko vēlaties?
- Man, lūdzu, kilograma sviesta un pus kilo sieru.
- Lādzu, vai vēl ko?
- Divdesmit olu un pudeli saulespuķu eļļas.
- Lādzu.
- Un sakiēt, kas tie par konserviem?
- Tie ir zivju konservi, sardīnes eļļā.
- Nē, tos lūdzu ne. Domāju, ka tas būs viss.
- Astoņi rubļi sešdesmit.
- Atvainojiet, vēl lūdzu paciņu rauga.
- Lādzu, astoņi deviņdesmit.
- Lādzu.

Vocabulary:

- ola - an egg
- pudele - a bottle
- saulespuķu eļļa - sunflower oil
- konservi - a tin
- sardīnes eļļā - sardines in oil
- paciņa - a pack
- raugs - yeast

PASTS

Mēs esam pastā. Tā ir dzelzceļa pasta nodaļa. Šeit ir daudz cilvēku. Gar vienu malu atrodas daudz lodzīgu. Tur var nosūtīt vēstules, nosūtīt un saņemt pasta pārveidumus, nopirkt aplokšnes, markas un pasta kartītes. Stāvu zemāk var saņemt un nosūtīt pakas, arī starptautiskas. Otrā pasta galā ir tālsatiksmes telefons un telegrāfs. Tur vienmēr lielas rindas pie tālsatiksmes automātiem. Pastā ir arī vairākas pasta kastītes, kur iemest vēstules.

Telpas vidū ir galdi ar veidlapām un paraugiem, kā tās aizpildīt.

Vocabulary:

posts - a post-office
dzelzceļš - railway
nodaļa - an office, branch
lodziņš - a small window
vēstule - a letter
nosūtīt - to send
pasta pārvedums - a postal order
nopirkt - to buy
sploksne - an envelope
marķa - a stamp
pasta kartīte - a postcard
saņemt - to receive
starptautisks - international
tālsatiksmes telefona saruna - a long distance call
pasta kastīte - a letter box
iemest - to drop
veidlapa - a blank form
paraugs - a sample
aizpildīt - to fill in

Answer the questions:

Kur atrodas posts ?
Kad atver pastu?

Read the dialogues:

- Es šodien saņēmu vēstuli no mājām. Un pastnieks atnesa arī naudas pārvedumu.
- Tad jau būs jāiet uz pastu pēc naudas. Es arī gribu nosūtīt vēstuli draugam uz Ameriku.
(Pastā).

- Piedodiet, vai šeit var saņemt naudas pārvedumu?
- Jā, bet jums nav aizpildīta veidlapa. Un būs jāuzrāda arī pase.
- Labi, un vai varētu dabūt arī aploksni un marķu?
- Kādu aploksni jūs vēlaties?
- Starptautisko, avio.
- Lūdzu, tā ir ar visu marķu un maksā 51 kapeiku.

Vocabulary:

no mājām - from home
pastnieks - a postman
pase - a passport
maksāt - to cost

Read the dialogue:

- Hello! Te runā
- Es klausos, runājiet.
- Es jūs slikti dzirdu.
- Kas ir pie aparāta?
- Lūdzu, atkārtojiet vēlreiz!
- Piezvaniet vēlreiz, lūdzu!
- Es jau zvanīju vairākas reizes, telefons visu laiku aizņemts.
- Nedzirdu, bet man šķiet, ka jūs esat nepareizi piezvanījis.
- Man arī tā liekas, atvainojiet.

Exercise: Decline

Vēstule no

Vēstule uz

(Zviedrija, Anglija, Peru, Vācija, Oslo, Norvēģija, mājas, māte, draugs, draudzene, Itālija, Neapole, Daugavpils).

RĪGA

Rīga atrodas Daugavas upes abos krastos. Rīga ir Latvijas galvaspilsēta, tās politiskais, ekonomiskais un kultūras centrs. Rīga ir ļoti sena pilsēta. Rīgas vārds pirmo reizi minēts senā hronikā 1201. gadā. Nossukumu pilsētai devusi Rīgas upe, kuras krastos atradās lībiešu un kuršu apmetnes. Rīga bija dabiska osta, kas atradās izdevīgā vietā blakus sverīgam ūdensceļam - Daugavai. 13. gadsimtā Rīgā apmetās vācu krustneši. Rīga kļuva par atbalsta punktu Latvijas un Igaunijas teritoriju iekarošanai. Nav pareizs uzskats, ka Rīgu dibinājuši vācieši. Kad bīskaps Alberts no Brēmenes 1201. gadā blakus lībiešu un kuršu apmetnei sāka celt savu pilsētu, viņiem bija jāreķinās ar jau esošo apbūvi un iedzīvotājiem. Vācu apmetne tika apjauta ar akmens mūri. Pilsētas teritorija paplašinājās vairākas reizes. Viduslaiku Rīga bija celta pēc Eiropas feodālo pilsētu parauga. Tā ietilpa Hanzas tirdzniecības pilsētu apvienībā un savā apbūvē daudz aizguva no Ziemeļvācijas pilsētām - Brēmenes, Lībekas. Pirmajos pastāvēšanas gadsimtos Rīgu vairākkārt aplenca kaimiņu zemju - krievu, poļu, lietuviešu karapulki. Cīņas par Baltijas zemēm sasnāzās 16. gadsimta vidū. Livonijas karā (1558 - 1583) rezultātā tika iznīcināts vācu bruģinieku ordenis. Sākot ar 1582. gadu, Rīga tika pakļauta Polijas karalistei. 17. gadsimta Rīga tika pakļauta Zviedrijai. Pilsēta pakāpeniski izveidojās par stipru cietoksni. Pēc Ziemeļu kara 1710. gadā Rīgu iekļāva cariskās Krievijas sastāvā. Fakts, ka Rīga pāriet no vienas rokām otrās, nosaka Rīgas daudzveidīgo arhitektūru. Skatākā Rīgas daļa ir Vecrīga. Visu šo pilsētas daļu var uzskatīt par arhitektūras pieminekli. Interesantas ir ne tikai atsevišķas ēkas, bet arī tās šaurās un īkumotas ieliņas, vecās dzīvojamās ēkas, noliktavas. Ap 80 ēku

Vecrīgā ir nozīmīgi arhitektūras pieminekļi. Kā izcilāko var minēt Pēterbaznīcu, kas celta 13.gadsimta sākumā. Tās torņa augstums ir 123 m. Kādreiz tā bija augstākā koka konstrukcija pasaulē. Baznīca cietusi vairākos ugunsgrākos, bet šodien tā atjaunota savā sākotnējā skaistumā. Tagad tur iekārtota izstāžu zāle. 72 m augstumā ierīkota skatu platforma, no kuras pārskatāma Rīgas panorāma. Otra nozīmīgākā celtne, kurai pamati likti jau 1211.gadā, ir Doma baznīca. Tā ir lielisks viduslaiku arhitektūras paraugs. Šodien tur atrodas koncertzāle, kas slavēna ar savām ērgelēm. Tās tiek uzskatītas par labākajām Eiropā. Pamazām Doma baznīca atgūst savas sākotnējās baznīcas funkcijas. Pēc 40 gadu pārtraukuma 1988. gada oktobrī šeit notika dievkalpojums, atzīmējot Latvijas Tautas frontes nodibināšenu.

Jāmin arī Jēkaba baznīca, kas, salīdzinot ar Doma un Pēters baznīcu, ir neliela. Tā ir funkcionējoša baznīca. Blakus baznīcai saglabājies senu dzīvojamo ēku komplekss "Trīs brāļi". Tās ir viduslaiku amatnieku dzīvojamās mājas. Komplekss attaisno viduslaiku apbūves principu - šauras ēkas ar galiem pret ielu un it kā piespiedušās cita citai. Mazā Pils iela, uz kuras atrodas "Trīs brāļi", ved uz Rīgas pili, ko uzcēla 14. gadsimta sākumā kā cietoksni. Tagad te atrodas vairāki muzeji un Rīgas Pionieru pils. Bijušais pils dārzs, ko izveidoja 19.gadsimtā, tiek izmantots brīvdašas skulptūru izstādēm. Pils tornī 1988.gada decembrī uz mūžīgiem laikiem tika pascelts sarkanbaltserkankais Latvijas nacionālais karogs.

No senās pilsētas nocietinājuma sienas 19 vārtiem šodien saglabājušies tikai Zviedru vārti. Vienīgais līdz mūsdienām pilnībā saglabājies nocietinājuma tornis ir Pulvertornis, kas bija viens no labāk bruņotajiem Rīgas aizsardzības torņiem. Blakus Pulvertornim atrodas Bastejkalns, gar kuru tek pilsētas kanāls, 19.gadsimtā tas

ir maksalīgi uzbērts no nočietinājuma valga stliekām.

Patī Rīgas sirds ir skaistais Brīvības piemineklis, kuru 1930. - 35.gadam veidojis izcilais latviešu skulptors Kārlis Zāle. Tas simbolizē tautas ilgas pēc brīvības. Tur šodien notiek tautas manifestācijas.

Rīgas jaunākā daļa aizņem daudz plašāku teritoriju nekā Vecrīga. Tur atrodas gan dažādas iestādes, uzņēmumi, fabrikas, skolas, veikali, kultūras iestādes, gan arī dzīvojamie rajoni. Rīga bieži tiek saukta par dārzu un parku pilsētu. Rīgas perki ir labi kopti, tajos daudz strūklaku, arī izcilu kultūras darbinieku pieminekļu. Pašā Rīgas centrā atrodas skaists parks, kurā ir piemineklis izcilajam dzejniekam Rainim. Bijušajā Vermaņdārzā atrodas brīvdabas estrāde un bērnu rotaļu laukums. Pašlaik vairākām ielām un iestādēm tiek atdoti to sākotnējie nosaukumi. Notiek arī plaši restaurācijas darbi. Rīgai ir bagāta pagātne. Mēs gribam, lai pagātnes liecības neskartas saglabātos nākošajam paaudzēm.

Vocabulary:

upe - a river

krasts - a bank

galvaspilsēta - a capital city

sens - ancient

(pie)minēt - to mention

nosaukums - a name

apmetne - a settlement

dabisks - natural

osta - a port

izdevīgs - convenient

krustneši - crusaders

apmesties - to settle down

atbalstīt - to support

iekarot - to conquer

dibināt - to establish
reķināties - to take into account
spūve - buildings
iedzīvotājs - an inhabitant
apjozt - to gird, to build around
skmens mūris - a stone wall
paplašināties - to expand
paraugs - pattern
ietilpt - to belong to
tirdzniecība - trade
apvienība - union
aizgūt - to take over, to borrow
aplenkt - to surround
karapulks - army
cīņa - a battle
sassināties - to become more fierce
karš - a war
iznīcināt - to destroy
bruģinieks - a knight
pakļaut - to subject
karaliste - a kingdom
pakāpeniski - gradually
izveidoties - to form, to develop into
stiprs - strong
cietoksnis - a fortress
noteikt - to determine
pieminekļis - a monument
šaurš - narrow
likumots - winding
noliktava - a warehouse
nozīmīgs - important
baznīca - a church
izcēls - prominent
gadsimts - century
tornis - a tower

augsts - high
ciest - to suffer
ugunsgrēks - fire
atjaunot - to restore
sākotnēji - originally
skaistums - beauty
izstāde - an exhibition
skatu laukums - a platform
celtne - a building
likt pamatus - to lay the foundations
paraugs - a sample
koncertzāle - a concert hall
slavens - famous
ērģeles - the organ
atgūt - to regain
dievkalpojums - the service
atzīmēt - to mark
salīdzinot - in comparison with
amatnieks - an artisan
gals - an end
piespiesties - to press to
vest - to lead
bijušais - the former
pils - a castle
izmantot - to make use of
brīvdabas - openair
pacelt karogu - to hoist a flag
nocietinājuma valnis - a fortification wall
saglabāties - to be preserved
varti - a gate
bruņots - armed
aizsargāt - to protect
tecēt - to flow
makslīgs - artificial
atliekas - remnants

brīvība - liberty, freedom
skulptors - a sculptor
simbolizēt - to symbolize
ilgas - longing
aizņemt - to occupy
notikt - to take place
plašs - vast
iestāde - an office
uzņēmums - an enterprise
fabrika - a plant
skola - a school
veikals - a shop
kultūras iestāde - a cultural establishment
dzīvojamie rajoni - residential areas
labi kopts - well-kept
strūklakas - a fountain
kultūras darbinieks - figures in culture
iekarotājs - an invader
dzejnieks - a poet
rotāļu laukums - a play ground
bagāts - rich
pagātne - the past
pagātnes liecība - evidences of the past
neskartas - untouched, intact
paaudze - a generation

Answer the following questions:

Kā cēlies Rīgas nosaukums?
Kādēļ Rīgas arhitektūras ziņā ir tik daudzveidīga?
Kuras ir ievērojamākās celtnes Rīgā?
Kur atrodas pilsētas sirds?
Kura Rīgas daļa jums patik vislabāk? Kāpēc?
Vai varat salīdzināt Rīgu ar kādu citu pilsētu?

Exercise: Describe the picture. Make use of the new words.

You may find the following phrases helpful:

fonā - in the background

priekšplānā - in the foreground

pa labi - on the right hand side

pa kreisi - on the left hand side

tālumā - at a distance

MĀKSĻA LATVIJĀ

Mākslas darbus parasti iedala glezniecībā, grafikā, skulpturālā mākslā un lietišķajā mākslā. Visās šajās jomās latviešiem ir labi panākumi. Latviešu māksla tiek uzskatīta par rietumniecisku. Tas izskaidrojams ar to, ka latviešu mākslinieki, it īpaši gadsimta pirmajā pusē, mācījušies un daudz strādājuši, arī dzīvojuši ārzemēs. Otrs iemesls ir tas, ka nodarbošanās ar mākslu bieži ir ģimenes tradīcija. Mums ir daudz mākslinieku ģimeņu, kur talants tiek pārmantots no paaudzes paaudzē. Tādēļ bieži saka, ka mūsu mākslā ir elitārs, ka nodarboties ar to var tikai izredzētie, ka ierindas cilvēkam nemaz nav iespējams iekļūt Mākslas akadēmijā. Lielā mērā tā ir taisnība, bet, no otras puses, tas nodrošina mākslas augsto līmeni. Jaunie mākslinieki izaug dziļi kulturālā vidē, jau ģimenē spējot paaugstināt mākslas tradīcijas un, iekļuvuši akadēmijā, var uzreiz sākt nodarboties ar savas mākslas veidošanu un talanta izkopšanu. Mums ir skaistas, lai gan bieži tradicionālas ainavas, nedaudz, bet labas jūras ainavas, mūsdienīgi portreti, ieskaitot pašportretus. Bagāts ir kluso dabu klāsts, bieži tās fikse tipisku 20. gadsimta vidi. Visplašāk pārstāvēta ir eļļas glezniecība, taču ir arī daudz savdabīgu skvareļu. Vismodernākā ir latviešu grafika,

to pat dažkārt apzīmē par avangarda mākslu. Tā visasāk atsaucas uz sabiedriskajām aktualitātēm. Mūsu skulptūras bieži ir monumentālas, īsti latviski smagnējas. Latvieši ļoti lepojas ar Kārļa Zāles talantu. Viņa izcilākais veikums ir Brīvības piemineklis un Braļu kepu ansamblis. Viņa skulptūras izceļas ar to simbolisko piesātinājumu, tās nekad nav dekoratīvas. Iemīļota ir latviešu lietišķā māksla - keramika, tekstilijas, izšuvumi, juvelierizstrādājumi, īpaši dzintara izstrādājumi, arī ādas izstrādājumi.

Latviešu gleznotāji izceļas ar labu krāsu izjūtu, līnijās izsmalcinātību, labu gaumi un sižeta aktualitāti. No visiem mākslas veidiem tieši glezniecība un grafika vislabāk reprezentē mūsu mākslu starptautiskajās izstādēs.

Vocabulary:

māksla - art

glezniecība - painting

grafika - graphic art

lietišķā māksla - applied art

joma - a field

izskaidrot - to explain

pārmentot - to inherit

paudze - a generation

izredzētie - the chosen ones

ierindas cilvēks, vidusmēra cilvēks - an average man

nodrošināt - to ensure

vide - environment

apgūt - to acquire

izkopt - to cultivate

aiņava - landscape painting

moderns - updated, modern

pašportrets - a selfportrait

klusā daba - a still life
klāsts - a range
pārstāvēt - to represent
eļļas glezniecība - oil painting
akvarelis - a water colour
atsaukties - to respond
smagnejs - heavyish
lepoties - to be proud of
veikums - contribution
izcelties - to stand out
piesātinājums - saturation
keramika - ceramics
tekstilijas - textiles
izšuvumi - embroidery
juvelierizstrādājumi - jewelry
dzintars - amber
ādas izstrādājumi - leather wear
krāsu izjūta - sense of colour
līnijas izsmalcinātība - sophistication of the line
 laba garša - good taste
sižets - theme

izstāžu zāle - an exhibition hall
gleznu galerija - an art gallery
personālizstāde - a one-man exhibition
izstādīt - to exhibit
eksponāti - exhibits
audums - canvas
ota - a brush
tonis - a shade, a tinge
attēlot - to depict
pieklusināti toņi - subdued colours
košas krāsas - bright colours
pateļtoņi - pastel colours

Answer the following questions:

Kāda ir mākslas nozīme mūsdienu pasaulē?

Kāds mākslas veids jums šķiet vistuvākais, kāpēc?

Kādi ir jūsu iespaidi par latviešu mākslu?

Vai, jūsuprāt, modernā māksla deģenerējas?

TEĀTRIS

Rīdzinieki mīl iet uz teātri, tādej uz izrādēm ir grūti dabūt biļetes. Visas biļetes tiek izpārdotas jau iepriekš. Cilvēki cenšas nokļūt uz pirmizrādēm, taču arī parastās dienas un vakara izrādes ir interesantas. Vismodernāk iekārtotais teātris Rīgā ir Dailes teātris. No jebkuras vietas zālē skatuve ir labi pārredzama, un skatītājs var labi sekot aktieru darbībai. Vislielākais teātris Rīgā ir Operas un baleta teātris. Tur bez partera ir arī ložas, baletaža un divi balkoni. Teātrī ir arī orķestra bedre, kur darbojas mūziķi un diriģents. Kā visos orķestros, arī šajā ir stīgu instrumenti, metāla un koka pušmie instrumenti, sitamie instrumenti. Teātra baleta trupa ir pazīstama visā pasaulē. Operas solistu vidū ir vairāki Vissavienības un starptautiskā konkursa laureāti. Diemžēl pati teātra ēka ir nožēlojamā stāvoklī, teātris tiks slēgts, un tur sāksies remonts. Trešais nozīmīgākais teātris Rīgā ir Nacionālais teātris. Šim teātrim ir senas tradīcijas, kas, protams, vērtējams atzinīgi, tomēr tam ir arī savi trūkumi. Teātrim trūkst radošu meklējumu, bieži izrādes ir vienmuļas un garlaicīgas. Modernas un intelektuālas izrādes tiek veidotas Jaunatnes teātrī, galvenokārt pateicoties teātra galvenajam režisoram.

Parasti izrādēm ir divi vai trīs cēlieņi. Sterpbrīžos cilvēki steidzas uz kafejnīcu, lai padzertu tasi kafijas. Mūsu teātros alkoholiskos dzērienus nepārdod, vienīgi bezalkoholiskos. Arī smēķēt teātrī nedrīkst. Mēs domājam, ka reizēm šo sizliegumu ir pārāk daudz. Visumā varētu teikt, ka šobrīd mūsu teātros trūkst labu aktuālu izrāžu, un teātra popularitāte mazinās. Ja agrāk teātris bija vieta, kur reizēm varēja dzirdēt patiesību, tad šodien patiesību runā ik uz soļa. Līdz ar to teātris zaudē savu agrāko pievilcību. Ar māksles līdzekļiem tas aktualitātes trūkumu kompensēt nespēj, jo bieži profesionālais līmenis nav pietiekami augsts. Tādēļ cilvēki labāk paliek mājās, skatās televizoru un saka, ka dzīve šobrīd ir labāks teātris.

Vocabulary:

izrāde - a performance

biļete - a ticket

dabūt - to get

izpārdot - to sell out

biļešu iepriekšpārdošana - booking in advance

kase - a box-office

pirmizrāde - a first night

skatuve - a stage

parters - stalls

loža - a box

beletāža - the dress-circle

orķestra bedre - the orchestra pit

diriģents - a conductor

stīgu instrumenti - the strings

metāla pūšamie - brass winds

koka pūšamie - wood winds

sitāmie instrumenti - the percussion

nožēlojams - miserable

remonts - repairs
trūkumi - drawbacks
trūkt - to lack
radoši meklējumi - creative experiments
vienmuļš - dull
garlaicīgs - boring
cēliens - an act
starpbrīdis - a break
steigties - to hurry, rush
smēķēt - to smoke
aizliegums - prohibition
mazināties - to decrease
patiesība - truth
ik uz soļa - everywhere
pievilcība - appeal

Answer the questions:

Kā jūs vērtējat teātra vietu mūsdienu dzīvē?

Kādas, jūsu prāt, ir teātra priekšrocības, salīdzinot ar kino?

Vai teātris ir populārs jūsu zemē?

Pastāstiet par kādu teātra izrādi, ko nesen esat redzējuši.

MUZIKA

Parasti mūziku iedala nopietnajā un popmūzikā. Nopietnā mūzika ietver gan klasisko, gan moderno nopietno mūziku. Klasiskā mūzika var piessistīt plašāku auditoriju, bet moderno mūziku saprot un mīl parasti tikai muzikāli izglītoti cilvēki. Tā parasti ir sarežģīta un prasa īpašu sagatavotību. Tikai daļa no tās iztur laika pārbaudi. Cits mūzikas iedalījums ir mūzika, kas uzlāde, un mūzika, kas

nomierina. Šāda pieeja ir individuāla, un katrs cilvēks nosauka atšķirīgus mūzikas veidus.

Latvijā cilvēkiem visumā trūkst muzikālās izglītības, tāpēc lielākā daļa atzīst tikai popmūziku un nopietno mūziku nemaz neklausās. Pēdējā laikā gan notiek pārmaiņas attieksmē pret opermūziku. To var izskaidrot ar labu jaunu dziedātāju parādīšanos mūsu operteātri. Diezgan labs ir arī mūsu simfoniskais orķestris un filharmonijas kamerorķestris. Latvieši ļoti lepojas ar savas kora mūzikas panākumiem. Latviešu kori (Ave Sol, Dzintars u.c.) ieguvuši starptautisku atzinību. Plašu atsaucību iemantojuši Dziesmu svētki, kas ik pa pieciem gadiem saceļ Rīgā desmitiem tūkstošu dziedātāju un simtiem tūkstošu klausītāju gan no mūsu zemes, gan ārzemēm. Tomēr lielākā daļa latviešu aizraujas ar popmūziku - gan tradicionālo estrādes mūziku, gan smago metālu, gan folk mūziku, gan arī citiem vieglās mūzikas paveidiem. Cilvēki grib atpūsties un izkleidēties.

Vocabulary:

nopietna mūzika - serious music

izglītība - education

sarežģīts - complicated

sagatavotība - training

izturēt laika pārbaudi - to stand the test of time

uzlādēt - to charge

pārmaiņa - a change

attieksme - an attitude

dziedātāja - a singer

kamerorķestris - a chamber orchestra

kora mūzika - choir music

iegūt atzinību - to gain recognition

atsaucība - response

Dziesmu svētki - Song Festival

aizrauties - to get carried away

estrādes mūzika - pop music

izkļaidēties - to have a good time

x x x

apmeklēt koncertu - to go to the concert

nopirkt biļetes iepriekš - to get tickets in advance

kamermūzikas koncerts - chamber music concert

džeza - jazz

solo koncerts - a recital

skaidrums - an item (coll. gabals)

repertuārs - repertoire

nopietnā mūzika - serious music

vieglā mūzika - light music

tautas mūzika - folk music

fona mūzika - background music

instrumentālā un vokālā mūzika - instrumental and vocal music

simfonija - a symphony

klavierkoncerts - a piano concerto

uvertīra - overture

svīta - suite

sonāte - sonata

duets, trio, kvartets, kvintets, sēkstets

skaidrums daļa - a movement, part

ārija, kantāte, oratorija, rekviēms

pūtsju orķestris - the woodwind and brass band

koka pūšamie instrumenti - woodwind (flauts, klarnete, oboja,
fagots)

metāla pūšamie instrumenti - the brass (trompete, trombons,
mežrags)

stīgu instrumenti - the strings (vijole, alts, čells,
kontrabass)

viesdiriģents - a visiting conductor

viesizrādes - performances on tour

dziedāt uz balsīm - to sing in parts

soprāns, alts, tenors, bass
vīru koris - male voice choir
sieviešu koris - female voice choir
Dziesmu svētki - Song Festival
paņemt kādu noti - to reach a note
spēlēt pēc notīm - to play from music
būt muzikālai dzirdei - to have an ear for music
partitūra - the score
mūzikas cienītāji - music lovers
klausīties ar aizturētu elpu - to listen with bated breath
piesaistīt klausītājus - to attract audience
sizrauties ar mūziku - to get carried away by music
liels, vienreizējs, kolosāls, dievīgs, fantastisks,
kapitāls, brīnišķīgs - good
garlaicīgs, draņķīgs, zem katras kritikas, šausmīgs - bad
ciešams, tā nekas, normāls - passable

Answer the questions:

Ko jums dod mūzika?

Kādas ir, jūsuprāt, attiecības starp nopietno un popmūziku,
un kādām tām vajadzētu būt?

Kādu mūziku klausās cilvēki jūsu zemē?

Pastāstiet par kādu nesen redzētu koncertu.

MASU KOMUNIKĀCIJAS LĪDZEKĻI

Masu komunikācijas līdzekļi ietver radio, televīziju un presi. Latvijā tie atrodas visu sabiedrisko norišu priekšgalā. Cilvēku attieksme pret tiem ir krasi izmainījusies. Vēl pirms dažiem gadiem interese par tiem bija mērena. Liela daļa cilvēku lasīja, klausījās vai skatījās tikai izklaidējošu rakstura rakstus vai pārraides. To sociālais skaņojums

bija minimāls. Šodien laikrakstiem un radio un televīzijas programmām zudusi specializācija. Notikusi gandrīz vai pilnīga masu komunikācijas līdzekļu politizācija. Piemēram, laikraksts "Literatūra un Māksla" gandrīz nemaz vairs neraksta par teātri, mūziku un mākalu; ja runa ir par literatūru, tad galvenokārt par agrāk aizliegtu rakstnieku darbiem vai emigrācijā dzīvojošiem latviešu rakstniekiem. Tātad visi lasa, raksta un domā gandrīz vai tikai par politiku, kas, no vienas puses, ir labi, jo strauji virza uz priekšu notikumu gaitu Latvijā. Ir izveidojusies tāda situācija, ka masu komunikācijas līdzekļos strādā visgudrākie un visdrosmīgākie Latvijas cilvēki. Bet, no otras puses, cilvēki ir tik ļoti pārgemti ar politiku, ka viņu apziņā nepaliek vietas nekam citam - grāmatas šodien lasa tikai reti, Ingmārs Bergmans arī ar migrācijas problēmām nenodarbojas ... Rezultātā paliek tikai nenokārtotā sadzīve un neskaitāmas variācijas par to, kas bija, varēja būt un droši vien nekad nebūs Latvijas ekonomiskajā un politiskajā dzīvē. Šādā veidā arī pati politika kļūst par "tirgus laukuma politiku", ja ar to nenodarbojas profesionāļi.

Latvijā televīzija raida trīs programmas - vienu Rīgas un divas Maskavas programmas. Rīgas radio raida divas programmas. Apmēram ceturtdaļa no Rīgas programmām ir krievu valodā. Laikraksti un žurnāli šobrīd ir deficitpreces sakarā ar straujo lasītāju pieaugumu, tādēļ lielākā daļa cilvēku tos sbonē uz visu gadu un saņem pa pastu.

Vocabulary:

masu komunikācijas līdzekļi - mass media
norise - a process
atrasties priekšgalā - to be in the lead
krasi - abruptly
mērens - moderate

izklaidejošs - entertaining
pārraide - a broadcast
sociāls skensjums - social resonance
sīzliegt - to forbid
no vienas puses - on the one hand
no otras puses - on the other hand
virzīt uz priekšu - to move forward
notikumu gaita - course of events
gudrs - clever
drosmīgs - courageous
pārgēnts - overcome, possessed by
rets - rare
nenokārtots - not settled
sadzīve - every day life
deficitprece - a commodity in short supply
pieeugūms - increase
abonēt laikrakstu - to subscribe to a newspaper

Answer the questions:

Kādas, jūsuprāt, ir masu komunikācijas līdzekļu galvenās funkcijas?

Kāds ir jūsu priekšstats par masu komunikācijas līdzekļiem Padomju Savienībā?

Kādu lomu jūsu dzīvē ieņem masu komunikācijas līdzekļi?

TELEVĪZIJA

Spēiet, ka televīzija ir visiedarbīgākais masu komunikācijas līdzeklis. Tā prasa vismazāko piepūli, informācija parasti tiek pasniegta jau pārstrādātā veidā. Atliek tikai tūret acis un ausis vaļā, domāt parasti vajag minimāli. Skatoties televizoru, cilvēks atbrīvojas, it kā atveras, un līdz ar to ir viegli ietekmējams. Tas no-

saka televīzijas lielo ietekmi masu apziņas veidošanā. Runājot par politisko situāciju Latvijā, jāsaka, ka progress spēkiem ir izdevies iegūt kontroli par masu komunikācijas līdzekļiem, ar ko arī lielā mērā izskaidrojami pārbūves panākumi Latvijā. Televīzija asi resgē uz ikvienu notikumu. Tās darbības galvenais virziens šķiet nacionāls paš-apziņas un ticības nākotnei uzturēšana. Pēc Interfrontes pasākumiem, piemēram, ļaudis tiek nomierināti un uzmundrināti. Pēc kādiem skaistiem un pacilājošiem svātkiem cilvēki tiek brīdināti no pārsteidzīgas rīcības un aicināti neieslikt pašapmierinātībā. Televīzija arī enerģiski cīnās par sociālo taisnīgumu. Piemēram, pret kļiedzošajām nelikumībām dzīvokļu sadalē, par valsts valodas statusu piešķiršanu latviešu valodai, par migrācijas pārtraukšanu un likuma par pilsonības ieviešanu. Televīzijā pašlaik strādā daudz profesionālu un gudru cilvēku, kas nosaka tās iedarbības spēku, it īpaši tādēļ, ka visumā mums ir profesionālisma deficīts. Latvijas televīzijai ir izdevies pārliecināt arī lielu daļu krievu tautības iedzīvotāju. Sabiedriskās domas aptauja liecina, ka 64 % nelatviešu atbalsta Latvijas Tautas frontes mērķus un darbību. Nozīmīgi ir tas, ka vairums masu komunikācijas līdzekļu, atšķirībā no citiem, vairs nepakļaujas spiedienam "no augšas" un darbojas neatkarīgi un godīgi.

Vocabulary:

iedarbīgs - effective

piepūle - effort

pārstrādātā veidā - processed

atbrīvoties - to relax

ieteknēt - to influence

masu apziņa - consciousness of the masses

veidošana - formation

izdoties - to manage

iegūt kontroli - to gain control
lielā mērā - to a great extent
reaģēt - to react
galvenais virziens - the main direction
nacionālā pašapziņa - national self-assurance
ticība - belief
uzturāt - to sustain
nomierināt - to soothe
uzmundrināt - to cheer up
pacilājošs - elevating, uplifting
brīdināt - to warn
pārsteidzīga rīcība - rash action
aicināt - to call upon
ieslikt pašapmierinātībā - to sink in complacency
taisnīgums - justice
kliedzošs - glaring
nelikumība - unlawful action
sadale - distribution
piešķirt valsts valodas statusu - to grant the status of
the state language
pilsonība - citizenship
ievieš - to introduce, to implement
deficīts - shortage
pārliecināt - to convince
sabiedriskās domas aptauja - public opinion poll
liecināt - to show, to testify to
atbalstīt - to support
mērķis - a goal
pakļauties - to yield to
spiediens - pressure
neatkarīgs - independent
godīgs - honest

Answer the questions:

Kāds ir galvenais atšķirības starp televīzijas programmām

Latvijā un jūsu zemē?

Kādas televīzijas programmas jūs mēdzat skatīties?

Vai jūs piekriņāt uzskatām, ka televīzija ir 20.gadsimta lāsts?

RELIGIJA

Visu laiku pret reliģiju Latvijā tika kultivēta noraidoša attieksme. Lielais vairākums cilvēku baznīcā neiet, arī bērni parasti baznīcā kristīti netiek. Ticīgie vairākumā ir veci cilvēki. Ilgus gadus tika izvērstā ateistiskā propaganda. Šodien stāvoklis ir pamazām izmainījies. Latvijā šobrīd ir spēcīga jaunā garīdzniecības paaudze. Ir diezgan daudz jaunu, labi izglītotu mācītāju, kas ar savu intelektu, augsto kultūras līmeni un labajām oratora spējām ir aizrāvuši arī lielu daļu jaunatnes. Situācija izmainījusies par labu reliģijai lielā mērā arī tāpēc, ka 20.gadsimta beigu politiskais, ekonomiskais, ekoloģiskais stāvoklis ir diezgan bezcerīgs, un cilvēkiem ir nepieciešams kāds mierinājums. Daudzi atzīst, ka dzīve zaudējusi jēgu, citi ir vilušies savos kādreizējos idejlos, bet, lai dzīvotu, ir jātic un jācer, un baznīcā šajā ziņā var sniegt palīdzīgu roku. Lielākā daļa latviešu pēc savas ticības ir luterāņi, daļa ir katoļi. Krievu tautības ticīgie ir pareizticīgie. Raksturīgi ir tas, ka daudzi cilvēki Dievam tic, bet baznīcā neiet. Daļa baznīcu ir funkcionējošas, daļa kalpo tikai kā arhitektūras pieminekļi. Ieejot baznīcā, cilvēku pārņem īpaša noskaņe. Tur ir skaisti vitrāžu logi, kancele, no kuras mācītājs lasa sprediķi, altāris, plašas ejas. Cilvēki skatās lūgšanu, nometušies ceļos. Reizēm baznīcai pārmet nevajadzīgu grezniecību, liekulību, arī to,

ka sprediķi ir primitīvi, šodienas domašanas līmenim un kritiskajai attieksmei nepieņemami. Tomēr bībeles ētikās un estētiskās vērtības nav noliedzamas, tās ir pasaules kultūras pamata, un tās var būt arī indivīda dzīves pamatā.

Vocabulary:

kristietība - Christianity
noraidošs - rejecting, negative
ticīgie - believers
garīdzniecība - the clergy
bēncerīgs - hopeless
mierinājums - consolation
zaudēt jēgu - to lose sense
vilties - to get disillusioned
sniegt palīdzīgu roku - to lend a helping hand
luterāņi - Lutherans
katoļi - Catholics
pareizticīgie - Orthodox believers
noskaņa - mood
vitrāžu logs - a stained-glass window
kancele - pulpit
sprediķis - a sermon
altāris - an altar
eja - an aisle
lūgšana - a prayer
nomesties ceļos - to kneel
greznība - luxury
liekulība - hypocrisy
nepieņemams - unacceptable
noliegt - to deny

Answer the questions:

Kāda ir attieksme pret reliģiju jūsu zemē?

Ko jūs domājat par reliģijas vēsturisko nozīmi?
Ko jūs varat teikt par reliģijas un mākslas attiecībām?

SPORTS

Latvijā daudz cilvēku nodarbojas ar sportu. Daudzi nodarbojas ar sportu nevis lai piedalītos un iegūtu godalgotas vietas sacensībās, bet gan lai uzlabotu savu veselību, izskatu un garastāvokli. Ar sportu bērni sāk nodarboties jau skolā. Fizikultūras nodarbības parasti notiek divas vai trīs reizes nedēļā, kas nez vai ir pietiekoši. Parasti skolās nodarbojas ar vieglatlētiku: skriešanu, tāllēkšanu, augstlēkšanu, lodes grūšanu. Ziemā notiek slidošanas un slēpošanas nodarbības, kā arī tiek spēlētas sporta spēles - basketbols un volejbols. Tiek organizēta arī elementārapmācība peldēšanā. Augstskolās studenti var izvēlēties, ar kādu sporta veidu nodarboties. Nodarbības notiek attiecīgajās sporta sekcijās kvalificētu treneru vadībā.

Visvairāk cilvēku, šķiet, nodarbojas ar skriešanu, jo tam nevajag nedz īpašas sagatavotības, nedz sporta laukumu. Ziemā, ja ir sniegs, daudz cilvēku slēpo. Prestižā sporta veids ir kalnu slēpošana, bet tam vajag dārgu inventāru, arī transportu, lai nokļūtu līdz kalniem, kuru Latvijā nav daudz. Populārs sporta veids ir teniss, taču mums ir pārāk maz tenisa laukumu. Pēdējā laikā sievietes nodarbojas ar aerobiku. Bērni var apmeklēt sporta skolas, bet ne visiem tas ir pa spēkam, jo tur no audzēkņiem prasa labus rezultātus, kā arī piedalīties sacensībās. Tādēļ treniņi notiek ļoti bieži, slodze ir liela, un bērniem grūti apvienot sportošanu ar mācībām skolā.

Šodien Latvijā izvērsusies kustība par Nacionālās olimpiskās komitejas izveidošanu, lai vairāk Latvijas sportistu varētu pārstāvēt Latviju Olimpiskajās spēlēs. Vissavienības olimpiskajā komandā ir grūti iekļūt, ne vienmēr sportistu atlase ir objektīva.

Vocabulary:

nodarboties ar sportu - to go in for sports
iegūt godalgotas vietas - to win prizes
sacensības - competition
uzlabot veselību, izskatu un garastāvokli - to improve
one's health, looks and mood
pietiekoši - enough
vieglatlētika - track and field athletics
skriešana - running, racing, jogging
tāllēkšana - long jump
augstlēkšana - high jump
lodes grūšana - shot putting
slidošana - skating
slēpošana - skiing
sports spēles - sports games
elementārāpmācība - elementary instruction
peldēšana - swimming
izvēlēties - to choose
sports veidi - a kind of sport
sports laukums - sports ground
kalnu slēpošana - Alpine skiing
būt pa spēkam - to be strong enough for something
slodze - load
apvienot - to combine
atlase - selection
treneris - a coach

Answer the following questions:

Kādi ir populārākie sporta veidi jūsu zemē?

Ar kādiem sporta veidiem jūs nodarbojaties?

Vai Latvijas iedzīvotāji jums šķiet sportiski?

Par kādām Latvijas sporta problēmām jūs esat dzirdējuši?

Kādas ir jūsu domas par "lielo" un "mazo" sportu?

DABAS AIZSARDZĪBA

Dabas aizsardzības problēmas saasinājušās visā pasaulē. Latvijā stāvoklis kļuvis katastrofāls. Izmirst daudzas augu un dzīvnieku sugas, arī cilvēku eksistence ir apdraudēta. Tāds stāvoklis radies rūpniecības ekstenzīvas attīstības rezultātā, lielā mērā arī cilvēku nolaidības dēļ. Izrādās, ka daba nav bezizmēra atkritumu kaste, kurā var neierobežoti bērt mūsu dzīves atkritumus. Mirst mūsu jūra, mirušas vairākas upes un ezeri. Viens no aktuālākajām problēmām ir dzeramā ūdens apgāde. Faktiski dzeramā ūdens piesārņotības līmenis pārsniedz pieļaujamās robežas. Piesārņots ir arī gaiss, ko elpojam, un pārtika, ko ēdam. Dzenoties pēc labākām ražām, saimniecības pielieto nepieļaujami daudz minerālmēsļu un ķīmikāliju. Cilvēks, protams, ir pielāgojies, taču ārsti atzīst, ka republikas ekoloģiskā situācija atstāj nelabvēlīgu iespaidu uz iedzīvotāju veselību. Ekspertu komisijas ir atzinušas, ka vides piesārņotības līmenis Ventspilī un Olainē ir tik augsts, ka to iedzīvotāji bētu jāevakuē un rūpniecības uzņēmumi jāslēdz. Tātad nepieciešama nekavējotīga rīcība. Ir panākts, ka presē tiek publicēti attiecīgie dati un fakti. Katru dienu avīzēs varam lasīt, kādām briesmām esam pakļauti. Taču no tā gaiss tīrāks nekļūst. Aktīvi darbojas vides aizsardzības klubs. Viņi organizē

ielu gājienus, piketus, dažādas akcijas ar domu aktivizēt valdību, jo vienīgi valdības spēkos ir veikt nepieciešamos pasākumus - attīrīšanas iekārtu būvi, kaitīgo uzņēmumu slēgšanu, rūpnieciskās ekspansijas izbeigšanu. Taču līdz šim valdība nav spējusi neko veikt - gan līdzekļu trūkuma dēļ, gan tādēļ, ka daudzi uzņēmumi pakļauti vis-savienības resorsiem. Tāpēc liela iedzīvotāju daļa kļuvusi pesimistiska un netic, ka stāvokli vairs var labot. Ar to zināmā mērā var izskaidrot arī zemo dzimstību republikā.

Kas attiecas uz dzīvās dabas saglabāšanu, jāmin Sarkand grāmata, kurā ierakstītas tās sugu un dzīvnieku sugas, kas īpaši jāsaudzē, un rezervāti, kas iekārtoti to saglabāšanai.

Vocabulary:

dabas aizsardzība - preservation of nature
saasināties - to sharpen, to become more topical
izmirt - to go extinct
suge - a species
apdraudēt - to threaten
nolaidība - negligence
bezizmēra - limitless, infinite
atkritumu kaste - a dust bin
bert - to pour
neierobežoti - without limit
atkritumi - garbage
apgāde - supply
piesārņotība - pollution
pārsniegt - to exceed
pieļaut - to permit
dzīties - to strive for sth. very energetically
raža - crops
pielietot - to use, apply
minerālmēsli - fertilizers

ķīmikālijas - pesticides
pielāgoties - to adjust to
nelabvēlīgs - unfavourable
veselība - health
vide - environment
nekavējoša rīcība - immediate action
briesmas - danger
pakļaut - to submit
ielu gājieni - a street march
veikt nepieciešamos pasākumus - to take the necessary
measures
attīrīšanas iekārtas - filtration equipment
kaitīgs - harmful, unhealthy
līdzekļi - means
zema dzimstība - low birth rate

Answer the questions:

Kuras jums šķiet pašas nopietnākās ekoloģiskās problēmas pasaulē?

Kā, jūsuprāt, varētu šīs problēmas risināt?

Kādu jūs iztēlojaties mūsu planētu 2000. gadā?

Kā jūs vērtējat zinātnes un tehnikas sasniegumus?

Ja jums būtu izvēle, kurā gadsimtā jūs gribētu dzīvot?

VESELĪBAS AIZSARDZĪBA. I

Medicīniskā apkalpošana Padomju Savienībā skaitās bezmaksas. Galvenais veselības aizsardzības virziens ir slimību profilakse. Tiek realizēti pasākumi, ar kuriem iespējams novērst un laikus atklāt slimības - profilaktiskās apskates, vakcinācija, dispanserizācija. Dispanserizācija nozīmē, ka vienu reizi gadā katram cilvēkam jāiziet vis-

pārējā medicīniskā apskate. Viņam jāgriežas pie terapeita, zobārsta, acu ārsta, ausu, kakla un deguna ārsta, neiropatologa, ķirurga. Katram pacientam tiek iztaisiē elektrokar-diogramma, asins analīzes, fluorogrāfiskā izmeklēšana, lai pārbaudītu plaušas. Lai gan iedzīvotāju vispārējā dispan-serizācija ir samērā jauns pasākums, tai ir daudz pretinieku. Ja cilvēkam ir vajadzīga darba nespējas lapa jeb slimības lapa, viņš to nevar dabūt, ja nav izgājis dispanserizāciju. Rezultātā poliklīnikās veidojas milzīgas rindas, un ārsti ir pārslogoti. Tas savukārt nozīmē, ka ārstam nav laika pacientu kārtīgi izmeklēt. Tajā pašā laikā ārstam ir ja-aispilda slimnieku uzskaites kartīte un vēl daudzi citi papīri. Ārsts raksta, un slimnieks stāsta - kāds viņam ir esinspiediens, cik liela temperatūra utt. Ir cilvēki, kas šo stāvokli izmanto, lai ilgstoši varētu neatrā-dāt un dzīvot uz slimības lapas. Turpretī, ja cilvēks ir tiešām slim, viņš cenšas atrast labu speciālistu, kas viņu ārstētu privāti. Ārsta darbs ir zemu apmaksāts, atbildīgs, grūts, parasti ārsti ir stipri pārslogoti, tādej nev brīnums, ka reizēm viņi kļūst pavirši un neloip-ni. Tas ir izskaidrojams, bet ne attaisnojams. Ir daudz arī tādu gadījumu, kad cilvēki cenšas izvairīties no ārstiem. Labāk slimam iet uz darbu, nekā griezties pie poliklīnikas ārsta. No tā cieš veselība. Tādej daudz cilvēku šodien grib atgriezties pie slimn keses sistēmas, kas nozīmē, ka regulāri tiek maksāts nodoklis un slimī-bas gadījumā ārstēšanas izdevumi tiktu segti no slimn keses.

Vocabulary:

bezmaksas - free of charge

profilakse - preventive measures

laikus - in due time

medicīniskā apskate - medical check-up

terapeits - the rapeutist
zobārsts - dentist
acu ārsts -occulist
neuropatologs - neuriphatist
ķirurgs - surgeon
asins analīze - blood-count
kardiogramma - electrocardiogram
fluorogrāfiskā izmeklēšana - fluorographic test
plaušas - lungs
darbs nespējas lapa - a sick list
pārslogots - overloaded
izmeklēšana - an examination
uzskaites kartīte - registration cards
asinspiediens - blood pressure
atbildīgs - asking responsibility
paviršs - superficial
nelaipns - unkind
attaisnot - to justify
izvairīties - to avoid
ciest - to suffer
slimo kase - health insurance scheme
segt izdevumus - to cover the expenses

Answer the questions:

Kādi ir bezmaksas medicīniskās apkalpošanas plusi un mīnusi?

Kāda ir veselības aizsardzības sistēma jūsu zemē?

Kādas izjūtes jūs pārņem, ja ir jāiet pie ārsta?

VESELĪBAS AIZSARDZĪBA. II

Ja cilvēks ir slims, vispirms viņš dodas uz polikliniku. Ja slimību nevar ārstēt ambulatoriski, pacientu nosūta uz slimnīcu. Ja stāvoklis ir akūts, pacientu slimnīcā parasti uzņem uzreiz. Dažreiz nākas gaidīt rindā. Vispirms pacients nonāk uzņemšanas nodaļā, kur tiek uzstādīta aptuvena diagnoze, un pacients tiek nosūtīts uz attiecīgo nodaļu. Tad pacients nokļūst kādā no nodaļas palātām. Palātas var būt vienvietīgas, divvietīgas, bet parsti telpā ir vairāk cilvēku. Par pacientu rūpējas ārstējošais ārsts, kas katru rītu slimnieku apskata, medmāses un sanitāres. Bez palātām nodaļās ir arī procedūru kabinetī. Ķirurģiskajā nodaļā ir arī operāciju zāles. Smagos gadījumos slimnieks var nokļūt reanimācijas nodaļā. Katru dienu slimnieks saņem medikamentus - tabletes, mikstūras, kapsulas, pilienus. Bieži vien tiek izsniegti arī nomierinoši līdzekļi. Daudziem slimniekiem tiek izdarītas injekcijas. Ķirurģiskajā nodaļā, kur slimnieks var nokļūt arī traumu gadījumā, tiek izdarītas pārsiešanas, izmantojot dažādus pārsējus. Katrā nodaļā atradīsies šķirces, skalpeļi, pincetes, termometri, vate, marle. Ievērojot higiēnas noteikumus, medikamenti tiek sterilizēti autoklāvos. Ja slimnieks nevar ierasties pats, viņu uz turieni atved ātrās palīdzības mašīna, ko var izsaukt pa telefonu 03. Tad slimnieku nodaļā nogādā uz nestuvēm. Stipru sāpju gadījumā tiek lietoti anestēzijas līdzekļi.

Vocabulary:

ambulatoriska ārstēšana - treatment when the patient is not put in hospital

uzņemšanas nodaļa - an admission department

palāta - a ward

medmāse - a nurse

senitārs - a hospital attendant, orderly
procedūru kabīnēts - a medical treatment room
operāciju zāle - an operating theatre
reanimācijas nodaļa - an intensive care unit
pilieni - drops
nomierinoši līdzekļi - tranquilizers
trauma - a trauma
pārsiet - to clean and bandage a wound
pārsējs - a bandage
šļirce - a syringe
skalpelis - a scalpel
pincete - a pincette
vate - cotton wool
marle - gauze
sterilizēt - to sterilize
ātrā palīdzība - an ambulance
nestuves - a stretcher

x x x

Diseases: galvas sāpes, drudzis - fever, iesnas - running nose, klepus - coughing, iekaisums - inflammation, augonis - boil, čūla - ulcer, vēzis - cancer, rēta - scar, lūzums - a break of fracture, izmežģīt - to sprain, infekcijas slimības, masalas - measles, šarlaks - scarlet fever, mēris - plaque, gripa - the flu, plaušu karsonis - pneumonia, sirds kaite - heart failure, gremošanas traucējumi - indigestion, bezmiegs - insomnia, venēriskās slimības - venereal diseases, izsitumi - rash, dzeltenā kaite - jaundice, saindēšanās - poisonings.

Answer the following questions:

Kuras no slimībām jūs uzskatāt par pašām bīstamākām?
Pastāstiet, kā jūs ārstājaties, kad pedējo reizi bijāt
slims.

LATVIJAS EKONOMIKA

Latvijā pastāv trīs īpašuma formas - valsts īpašums, kooperatīvais kolhozu un privātpašums. Tā kā sociālismam ir raksturīgs sabiedriskais īpašums uz ražošanas līdzekļiem, arī Latvijā dominējošais ir valsts īpašums. Tomēr šodien sakarā ar dziļo tautas saimniecības krīzi cilvēki aizvien vairāk cerību saista ar kooperatīvā un privātā sektora paplašināšanu. Ir kļuvis skaidrs, ka kopus cūka neberojas. Ne velti sakām, ka kolektīva atbildība ir bezatbildība un ka visiem piederošs ir nevienam nepiederošs. Ar to arī izskaidrojama mūsu neskoptā un piesārņotā vide, arī cilvēku nevērīgā attieksme pret savu darbu, jo cilvēks jau nesapņem sava darba augļus. Tie nonāk "kopējā katlā", no kura saņemam nemotivētu samaksu par darbu. Pilsētās kā sēnes pēc lietus aug kooperatīvi. Ir kooperatīvās kafējnīcas, kurpnieku darbnīcas, valodu kursi, veikali, kuros par augstām cenām tiek realizētas deficitpreces. Attieksme pret kooperatīviem nav viendabīga. Daudzi cilvēki ir sašutuši par milzīgajām cenām, arī par to, ka daudzas lietas, ko agrāk varēja nopirkt valsts veikalā, tagad var dabūt tikai kooperatīvajā, kas praktiski nozīmē, ka daudzām precēm vienkārši paaugstinās cenas. No otras puses, labāk situētie cilvēki ir apmierināti, ka par savu naudu var iegūt nepieciešamo preci vai pieklājīgu apkalpošanu. Privātais sektors plaši zeļ luksa saimniecībā. Ir izdots jauns likums, kas paredz to, ka zemnieks var iegūt mūžīgā lietošanā zemi ar tiesībām to atstāt sevīem pēcnācējiem. Rezultātā leukos rodas privātās fermas, kurās parasti strādā visi ģimenes locekļi. Viņiem var piederēt arī ražošanas līdzekļi, piemēram, traktors. To un arī mājlopu iegādei tiek izdarīti aizņēmumi, jāmaksā arī nodokļi. Lai tos segtu un lai nopelnītu, jāstrādā ļoti daudz, bet cilvēki ir gatavi to

darīt, ja zina, ka pārpalikums paliks viņu pašu rīcībā. Tā kā likumdošana nav pilnīga, cilvēkiem trūkst drošības sajūtas, ka viņiem sastrādāto nestņems. Jācer, ka privātā sektora attīstībai tiks radītas plašas iespējas, jo tā āķīet vienīgā iespēja, kā glābt smago ekonomisko situāciju.

Vocabulary:

īpašums - property
ražošanas līdzekļi - means of production
saistīt cerības ar - to pin hopes on
atbildība - responsibility
nesskopts - unkempt, untidy
nevērīgs - casual
aug kā sēnes pēc lietus - to spread rapidly
kurpnieku darbnīca - the shoe repair shop
viendabīgs - uniform
sašutis - indignant
labi situēts - well-off
apkalpošana - service
zelt - to thrive
izdot likumu - to pass the law
mūžīgā lietošanā - for use in perpetuity
tiesības - the right
pēcnācēji - descendants
mājlepi - domestic animals
iegādāties - to obtain
sīzņemums - a loan
nodokļi - taxes
segt aizdevumus - to cover the expenses
nopenhīt - to profit
pārpalikums - surplus
likumdošana - legislation
pilnīgs - perfect
drošības saķūta - the sense of security

Answer the questions:

Kādā stāvoklī ir šobrīd ekonomika jūsu zemē?

Kādu jūs redzat Latvijas ekonomikas nākotni?

Kāda ir jūsu attieksme pret privātīpašumu?

MILITARIZĀCIJAS PROBLĒMAS

Militārais aparāts Padomju Savienībā ir ļoti stiprs. Tas ir stingri centralizēts un patstāvīgs. Tas praktiski nepakļaujas nevienam citam orgānam un ir ieinteresēts sevi saglabāšanā. Pašlaik pret to tiek izvirzīts daudz pretenziju. Visvairāk cilvēki uztraucas par necilvēcīgajiem dzīves apstākļiem un nehumānajām attiecībām armijā. Padomju Savienībā pastāv obligātā karaklausība. Tas nozīmē, ka armijā tiek iesaukti visi 18 gadu vecumu sasniegušie vīrieši. Armijā jādien 2 gadi. Parasti jauniešuktos neatstāj tajā reģionā, kurā viņi dzīvo. PSRS Bruņoto spēku virspavēlniecība baidās no reģionālo karaspēka vienību izveidošanas, jo vienota nacionālā pieredze un intereses varētu apvienot karavīrus, un viņi varētu sacelties. Ir drošāk turēt karavīrus iebaidītus un nomāktus, kas nodrošina viņu pakļaušanos virskundzībai. Taču ne visi var samierināties ar beztiesisko stāvokli. Vairāki karavīri dezertē vai izdara pašnāvību. Armijā notiek arī daudz nelaimes gadījumu. Tādēļ ne visas mātes sagaida savus dēlus mājās. Pašlaik izvērsās cīņa pret militārpersonu patvaļu un privilēģijām. Vara degradē, un daudzu virsnieku inteliģences līmenis un cilvēciskās īpašības kļuvušas bedīgi slavenas. Pastāv uzskats, ka armija ir vīrišķības skola, taču bieži zēni no armijas atgriežas nevis stiprāki, bet gan bezcerīgi, bieži fiziski vai garīgi sakropļoti. Daudzi vairs negrib turpināt mācīties. Ņemot vērā to,

ka armijā iesauc tūlīt no skolas sola, neļaujot jauniešiem iegūt augstāko izglītību, tiek nodarīti zaudējumi tautas saimniecībai. Zaudējumus nes arī regulārās apmācības, kurās jebkurā laikā uz 2 mēnešiem var iesaukt jau izdienējušos vīriešus. Bieži armijā uz 2 mēnešiem iesauc šoferus un nosūta vīrus ražas novākšanas darbos. Tā kā darba organizācija bieži ir slikta, šī akcija nekādu labumu nedod, bet vietējie ražas novākšanas darbi tiek kavēti un dezorganizēti. Karaklausībai ir pakļautas arī daudzas sievietes. Veirākās augstskolu fakultātes ir obligātā militārā apmācība arī meitenēm. Vīgas tiek gatavotas par medmāsām, un līdz ar diplomu vīgas pasē saņem zīmogu par pakļautību karaklausībai. Augstskolā visiem puīšiem vienu dienu nedēļā notiek militārā apmācība, neatkarīgi no tā, vai viņi armijā dienējuši vai ne. Būtu labi, ja demokratizācijas procesi kādreiz skartu arī armiju. Pašlaik daudz tiek runāts par alternatīvā dienesta izveidošanu, kas dotu jauniešiem iespēju atteikties no dienēšanas bruņotajos spēkos, ja tas ir pretrunā ar viņu politisko vai reliģisko pārliecību.

Vocabulary:

patstāvīgs - independent
pakļauties - to be submitted
saglabāt - to preserve
karaklausība - military service
iesaukt armijā - to call up
dienēt armijā - to serve in the army
sacelties - to rise against
iebsaidīts - intimidated
nomākts - depressed
virsvadība - the authorities
samierināties - to put up with
beztiesisks - without rights

izdarīt pašnāvību - to commit suicide
nelaimes gadījums - an accident
izvērst cīņu - to fight
patvaļs - arbitrary action
bēdīgi slavens - notorious
vīrišķība - manliness
bezcerīgs - hopeless
sakropļots - crippled
nodarīt zaudējumus - to cause losses
kavēt - to prevent, to interfere with
alternatīvais dienests - alternative service
atteikties - to refuse
bruņotie spēki - armed force
būt pretrunā - to contradict
pārlicība - conviction

Answer the questions:

Kā tiek organizēta armija jūsu zemē?

Kāda ir jūsu attieksme pret algotu keraspēku?

Kāda, jūsuprāt, ir bruņota spēka loma šodienas politiskajā dzīvē?

Vai dienēšana armijā ir nepieciešams priekšnoteikums, lai zēni kļūtu vīrišķīgi?

LATVIEŠU VALODA

Latviešu valoda ir ļoti sena valoda. Tā kopā ar lietuviešu valodu ir vienīgas dzīvās baltu valodas un pēc to senatnīguma pakāpes pielīdzināmas Homēra grieķu valodai. No 1500 līdz 500 gadam pirms mūsu ēras eksistēja baltu pirmvaloda, kas vēlāk sadalījās austrumbaltu un rietumbaltu valodās. Rietumbaltu valodas ir mirušas pārvācošanās rezultātā. Mūsu ēras 6. un 7. gadsimtā notiek latviešu un lietuviešu valodu nošķiršanās. Latvieši kā nācija ļoti lēni sāk veidoties 11.gadsimtā. Šajā laikā pastāv atsevišķas cilšu valodas. Notiek pakāpenisks cilšu valodu konsolidācijas process, kura rezultātā 16.gadsimta beigās izveidojas latviešu nācija un latviešu valoda. Tomēr par mūsdienu latviešu literāro valodu varam sākt runāt tikai kopš 19.g.s. 70. gadiem, kad rodas nacionālā literatūra. Mūsdienu latviešu valodas cilme nav viendabīga. Tās pamatā ir veclatviešu rakstu valoda, kuras iedibinātāji ir vācu mācītāji, tautas dziesmu valoda un vienkāršās tautas sarunu valoda. Nevar nenovērtēt vācu mācītāju devumu latviešu valodas attīstībā. Viņi tulkoja reliģiska satura literatūru. Visvecākais rakstu piemineklis, kas saglabājies līdz mūsdienām, ir katoļu katķisms 1585.gadā. Nozīmīgs ir Ernesta Glika bībeles tulkojums 1689.gadā. Vācieši sarakstīja arī pirmās vārdrūcas un latviešu mācību grāmatas, kuru nolūks bija palīdzēt vācu mācītājiem sacināties ar latviešu zemniekiem. Faktiski tieši vācu mācītāji lika pamatus latviešu valodas morfoloģijai un sintaksei, kas praktiski neizmoinīta saglabājusies līdz mūsu dienām. Veclatviešu rakstus mūsdienu lasītājam svešus padāra to rakstība - gotiskais raksts, kas tika nomoinīts pret latīņu alfabētu tikai 20.gadsimta 30.gados. Pēdējūā gadsimta beigās notika rakstības tuvināšana izrunai.

Liels nopelns latviešu valodas attīstībā ir jaunlatviešiem, kuri izvērsa darbību par latviešu tautas nacionālo atmodu 19.gadsimta 50. gados. Viņi pierādīja, ka latviešu valoda ir līdzvērtīga citām valodām, un centās to attīrīt no vācu vārdiem. Viņi lielā mērā vērsās pret vācu mācītāju ieguldījumu valodas attīstībā un uzskatīja, ka latviešu literārās valodas pamats ir tautasdziesmas. Tautasdziesmas palīdzēja latviešu tautai izdzīvot, ar to palīdzību izdzīvoja arī latviešu valodu, taču tās ir dzejas valoda, un dzejas valoda vien nevar kalpot par nacionālās literārās valodas pamatu, jo tās pielietojuma sfēres ir daudz plašākas.

Vocabulary:

dzīvs - live

senatnīguma pakāpe - the degree of antiquity

pielīdzināt - to compare to

pirmvaloda - the proto language, parent language

pārvācoties - to get germanized

cilts - a tribe

cilme - origins

viendabīgs - homogenous

vec-latviešu raksts - Old Latvian writing

devums - contribution

novērtēt - to appreciate, to evaluate

katķisms - catechism

bībele - the Bible

sazināties - to communicate

saglabāt - to preserve

gotiskais raksts - Gothic alphabet

jaunlatvieši - New Latvians

nacionālā atmoda - national awakening

līdzvērtīgs - as valuable as

vērsties pret - to turn against

ieguldījums - contribution
izdzīvot - to survive
pielietojums - application
līdzība - similarity
dzimtā valoda - native tongue

Answer the questions:

Vai latviešu valodai ir kāda līdzība ar jūsu dzimto valodu?

Kas jums šķiet pats grūtākais latviešu valodas apguvē?

А. Г. ВЕЙСБЕРГС

*Заимствованная фразеология
латышского языка
(XVII—XX вв.)*

Министерство народного образования Латвийской Республики
Л А Т В И Й С К И Й У Н И В Е Р С И Т Е Т
Кафедра сопоставительного языкознания

А.Г.Вейсберго

ЗАИМСТВОВАННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ ЛАТВИЙСКОГО
ЯЗЫКА (XVII - XX вв.)

Латвийский университет
Рига 1990

Вейсбергс А.Г. Заимствованная фразеология латышского языка (XVII - XX вв.): Монография/ Под.ред. В.Гуртам. - Рига: ЛУ, 1990. - 186 с.

Монография посвящена изучению процессов и результатов заимствования фразеологических единиц в латышском языке. Рассмотрены вопросы общей теории языковых контактов, дан материал о процессах заимствования из отдельных языков, рассмотрены способы заимствования и типы заимствований, процессы интернационализации в сфере фразеологии.

Настоящая работа является первым всеобхватывающим исследованием вопросов заимствования фразеологизмов в латышском языке и в балтийской филологии.

Работа может быть использована научными сотрудниками, аспирантами, преподавателями и студентами филологических факультетов.

Рекомендуется для спецкурсов "Языковые контакты", "Контрастивная лингвистика", "Фразеология".

Рецензенты: А.Блинкена, д-р филол.наук, профессор;
Я.Силис, канд.филол.наук, доцент

В $\frac{4602000000-130y}{M812(11)-90}$ 94.90

Латвийский
университет,
1990

Предисловие

Настоящая монография посвящена малоизученной проблеме заимствования фразеологических единиц (ФЕ) в латышском языке. В центре внимания автора находятся вопросы, связанные с общей теорией языковых контактов в сфере фразеологии, с механизмом перехода единиц из одного языка в другой. Разработка этих и других теоретических проблем осуществлена автором на материале латышского языка. Поэтому много внимания уделяется рассмотрению развития латышского языка в течение четырех столетий и его контактам с языками, обогатившими его фразеологический фонд.

В монографии изложены также результаты исследований, проведенных в области фразеологических контактов зарубежными, русскими, советскими и латышскими лингвистами начиная со второй половины 19 века.

Анализ заимствованной фразеологии осуществлен как в синхроническом, так и в диахроническом планах, что позволяет удостовериться в происхождении ФЕ, определить время заимствования, проследить за их изменениями в процессе ассимиляции. Выявлены и сведены в систему способы и типы заимствования, разработаны критерии выделения заимствованных единиц, этапов заимствования. Дана характеристика специфических черт ФЕ, заимствованных из отдельных языков. Рассмотрен вопрос о взаимодействии между процессами интернационализации и заимствования.

В качестве материала исследования использованы исключительно письменные источники разных периодов развития латышского языка. Рассматриваемый фразеологический фонд превышает 4500 единиц (включая как заимствованные, так и исконные ФЕ, а также единицы гипотетического происхождения). Приведены лингвострановедческие материалы по заимствованной фразеологии, даны, где это возможно, исходные формы заимствованных единиц.

Некоторые разделы настоящей работы, опубликованные в пери-

од с 1985 по 1989 год в виде статей, учебных пособий и методических разработок, подверглись существенному расширению, большинство материалов публикуется впервые. В конце монографии дан список использованных работ и реферативно-библиографических материалов.

I. ФЕ – понятие, черты

Вопрос о сущности ФЕ – центральный вопрос фразеологии, в котором до сегодняшнего дня нет еще полной ясности. Хотя решение этого вопроса не является нашей задачей, краткое его рассмотрение продиктовано требованиями настоящего исследования. В советском языкознании, где эти вопросы рассмотрены наиболее детализированно, в историческом плане выделяются три концепции ФЕ.

Первая концепция основана на узком понимании ФЕ, которая трактуется как семантически преобразованное спеление слов, соотносимое со словом и его синтаксическими функциями (Амосова, 1963 б; Бабкин, 1970; Ларин, 1977; Молотков, 1977). Эта концепция, по нашему мнению, не состоятельна, так как оставляет за пределами исследования большинство устойчивых единиц с малой или средней степенью идиоматичности (значительно более многочисленных, чем полностью немотивированные ФЕ). Остается неясным, какая область лингвистики должна заниматься этими единицами.

В.М.Аристова (1979) считает, что фразеология должна охватывать языковые факты, объединенные названием – "наука о фразе". Кроме того, граница между полностью идиоматическими оборотами и оборотами с частичной идиоматикой расплывчата, так как фразеология представляет собой совокупность выражений: от идиом – и далее по постепенно убывающей степени идиоматичности – до устойчивых сочетаний не фразеологического характера, которые находятся на периферии фразеологической микросистемы. Идиоматичность скалярная, колеблющаяся между слабыми и сильными идиоматическими конструкци-

ниями (Gibbon, 1981, p.22). Факт постепенного перехода, градации единиц с различной степенью идиоматичности представляет собой универсальную черту фразеологии (Makkaï, 1978, p.445), и искусственно ограничивать какую-то ее часть нам представляется неправильным.

Специфика нашего исследования также говорит против отделения полных идиом от частично переосмысленных оборотов, поскольку в заимствовании представлен весь спектр единиц.

Далее, рассматривая фразеологию в ее эволюции, т.е. в диахроническом аспекте, можно заметить, что "полные" ФЕ часто являются результатом развития устойчивого словосочетания; к тому же многие ФЕ теряют мотивированность при заимствовании, а некоторые теряют ее в ходе ассимиляции.

Вместе с тем мы не отрицаем наличия различий между идиомами и остальными ФЕ. Идиомы имеют свои характерные черты, однако "никакое искусственное ограничение фразеологических исследований одним разрядом устойчивых словесных комплексов, даже если он является центральным и наиболее специфичным, не может быть оправданным с точки зрения функциональной значимости языковых знаков различных типов в общественной коммуникации" (Чернышева, 1977, с.42).

Во второй концепции, разработанной А.В.Куниным (1970), под ФЕ понимается семантически хотя бы частично преобразованное сцепление слов, соотносимое как со словом, так и с предложением, и обладающее хотя бы минимальной устойчивостью (Орловская, 1968; Райхштейн, 1974; Чернышева, 1977; и др.). Поскольку мы придерживаемся этой концепции, она будет рассмотрена нами далее.

Третья концепция исходит из понимания ФЕ как сцепления слов и без семантического преобразования, обладающего отдельностью номинации (Архангельский, 1964; Шанский, 1969). Эта концепция фактически включает в область фразеологии все сверхсложные устойчивые комплексы, составные термины и т. п. С нашей точки зрения, такая концепция слишком широка, так как в ней отсутствует несколько категориальных признаков ФЕ и

абсолютизируется признак устойчивости.

Отметим, что в зарубежной лингвистике вопрос о границах ФЕ почти не рассматривается, и понятие "идиома", которым оперируют зарубежные лингвисты, обычно употребляется в значении ФЕ и тоже расплывчато.

Итак, в настоящей работе под фразеологической единицей подразумевается относительно устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением.

Следуя дефиниции, следует выделить три основные черты ФЕ: 1) она состоит по крайней мере из двух компонентов (раздельнооформленность), 2) она устойчива и 3) по крайней мере один ее компонент использован в переосмысленном значении.

Итак, переосмысленность, или семантическая преобразованность, — основной признак ФЕ, поскольку фразеологизация является семантическим преобразованием. Под переосмыслением понимается любой отход от буквального значения переменных сочетаний слов или компонентов фразеологизма в результате семантического сдвига (Кунин, 1972, с. 72).

Переосмысленный характер значения ФЕ устанавливается путем ее наложения на переменное сочетание слов (словосочетание или предложение), которое легло в ее основу, а в случае отсутствия таковых — путем сравнения значения фразеологизма с буквальными значениями.

Переосмысленность как признак ФЕ была впервые отмечена В.А. Лариним (1977), однако он усматривал ее лишь в идиомах, т.е. в узком понимании. Так же трактуется и термин "идиоматичность" (Жуков, 1986): — как черта, характерная для идиом т.е. для одного звена ФЕ. Переосмысленность — понятие более широкое, чем идиоматичность, которая обычно трактуется как не выводимость значения целого из значений частей, так как переосмысленность распространяется на всю ФЕ, значение которой выводимо.

Такой подход к переосмысленности и решает вопрос об объеме фразеологии. Это понимание ФЕ в ее широком смысле,

однако, подразумевает исключение простых сцеплений слов из фонда фразеологии. Выделение специальных типов ФЕ по параметру их переосмысленности нам представляется нецелесообразным, хотя в работе используется и термин "идиомы", обозначающий полностью переосмысленные ФЕ.

Имеются авторы, которые употребляют и другой термин — метафоричность (Вакуров, 1981; Degut, 1973), что представляется идентичным переосмысленности.

Переосмысленность может быть полной или частичной в зависимости от того, затрагивает ли она все сочетание, или только его часть. Переосмысленность — категориальное свойство ФЕ, позволяющее отграничивать ФЕ от свободных сочинений и от устойчивых нефразеологических словосочетаний. Все остальные признаки ФЕ в конечном итоге вытекают из этой основной черты (Rey, 1973, p.98).

И с позиций заимствования переосмысление — главное свойство ФЕ, так как заимствование в большинстве случаев связано с переводом, а как подчеркивает Я.М.Рецкер (1974, с.146—147), "с точки зрения переводчика, переосмысление (полное или частичное) и только переосмысление является решающим критерием фразеологичности".

Относительная устойчивость ФЕ. Под устойчивостью ФЕ мы понимаем воспроизводимость словосочетания в готовом виде, что базируется на цельности, номинации этого словесного комплекса и доминирует в сознании читателя (слушателя) над раздельнооформленностью ФЕ. Устойчивость представляет собой один из основных признаков ФЕ при отграничении их от свободных оборотов. А.В.Кунин (1970) трактует устойчивость ФЕ как "объем инвариантности различных аспектов фразеологического уровня" (с.88) и различает устойчивость употребления структурно-семантическую, семантическую, лексическую и синтаксическую.

Однако понимать устойчивость как статичность было бы неправильно. Для ФЕ, как для любых живых проявлений языка, характерна диалектика противоположностей — устойчивость и не-

устойчивость. Эти свойства тесно взаимодействуют и обеспечивают функционирование и динамику фразеологического фонда (Мокиенко, 1980, с.39). ФЕ подвижна, несмотря на свою устойчивость, причем подвижность эта может быть как узуальной, так и окказиональной.

Узуальный характер подвижности хорошо выражен в диахроническом аспекте (Селиванов, 1980, с.7), окказиональный – как в диахроническом, так и в синхроническом плане. Таким образом, устойчивость и неустойчивость, стабильность и изменчивость – свойства соотносительные (Прошви, 1975, с.1), хотя устойчивость и является категориальным признаком ФЕ (Rey, 1973).

Устойчивость – это мера сопротивляемости ФЕ свободному словосочетанию – ее прототипу – переменному словосочетанию, а также словам свободного употребления, с которыми ФЕ структурно связана в речи.

Другим основным свойством ФЕ является раздельнооформленность (термин, предложенный А.И.Смирницким в 1956 г.), т.е. наличие в них как минимум двух слов. Хотя компоненты ФЕ действительно представлены словами, правда, специфически употребленными, однако это лишь поверхностное понимание раздельнооформленности. Как правильно отметила И.В.Арнольд (1973, с.166), раздельнооформленность ФЕ заключается не только в том, что она состоит из нескольких слов, которые пишутся раздельно, но и в том, что внутри ее сохраняются синтаксические отношения, которые могут актуализироваться при употреблении ФЕ в речи. Синтаксические связи между компонентами могут прерываться по заданиям сообщения. Компоненты могут в известной степени перемещаться. Возможно вклинивание слов и деформация единиц. В этой связи мы не можем согласиться с мнением А.И.Молоткова (1965, с.78, 79), считающего, что в составе фразеологизма слова утрачивают признаки слов, свое лексическое значение, грамматические категории, синтаксическую функцию, связи и отношения между элементами (или компонентами) фразеологизма перестают

быть связями между словами. По мнению этого автора, составные части фразеологизма не следует отождествлять со словом.

Спрашивается, из чего в таком случае состоит ФЕ, будучи раздельнооформленной? Каким образом возможны трансформации? Мы считаем, что, хотя слова в ФЕ утрачивают какие-то признаки своей природы, ФЕ состоит именно из слов. Концепции А.И.Молоткова в какой-то мере соответствуют лишь идиомы, которые составляют только часть фразеологического фонда языка.

Тесно связано с переосмысленностью ФЕ и как бы находится в противоречии с раздельнооформленностью такое свойство ФЕ, как семантическая целостность (то же самое иногда обозначается как монолитность, спаянность, идиоматичность, цельность номинации). Но противоречие это потенциальное, хотя и может стать реальным. Раздельнооформленность существует в плане выражения, а целостность, нечленимость – в плане семантики.

Семантическая целостность – это внутреннее семантическое единство ФЕ. Семантическая целостность довольно относительная черта ФЕ – есть ФЕ, которые обладают ею в большей мере, чем другие, например, идиомы.

Переосмысленность и метафорическая природа ФЕ связаны с такими свойствами ФЕ секундарного значения, как экспрессивность и эмоциональность. Большая часть ФЕ экспрессивна, что используется для усиления выразительности при выражении понятий. Тем не менее мы не можем согласиться с отнесением экспрессивности к основным признакам ФЕ, как это делают В.М.Мокиенко (1980, с.4) и некоторые другие лингвисты. Мнение, что "экспрессивность – характерологический категориальный признак фразеологизма" (Вакуров, 1983, с.58), нам представляется ошибочным, поскольку, несмотря на то, что экспрессивность, эмоциональность, описочность ФЕ порождены метафорической (образной) природой ФЕ, не все ФЕ сохранили эти свойства, а эмоциональностью вообще обладает только часть ФЕ. Продолжительное употребление ФЕ, хотя и не снимает мета-

форичности, стирает во многих случаях ее экспрессивность, о чем свидетельствует множество клише.

С проблемой дефиниции связан и вопрос об объеме и границах ФЕ. Исходя из дефиниции, основополагающими чертами ФЕ следует считать переосмысленность, устойчивость и раздельнооформленность. То, что ФЕ представляет собой сочетание слов, позволяет отграничить ее от слов как единиц. Верхней границей ФЕ является сложное предложение, т.е. пословицы, поговорки и крылатые выражения, если они носят переосмысленный характер.

Близко примыкают к фразеологизмам и многие составные термины, среди которых выделяются термины фразеологического характера, например, заимствованные aklā zarna, zālāia vilnīa которые возникли вследствие метафорического переосмысления свободного словосочетания, другими словами, если составной термин семантически построен по принципу переосмысления, то его терминологическая сущность не должна служить поводом искусственного разграничения термина и ФЕ.

Проблема соотношения ФЕ и пословиц далека от решения. Многие лингвисты включают пословицы в состав фразеологии (Шанский, 1969; Чернышева, 1970; Кунин, 1970), другие же ограничивают эти понятия (Бабкин, 1970; Копыленко, 1973; Жуков, 1986).

Но, поскольку пословицы подвергаются заимствованию, так же, как и более концентрированные единицы, т.е. заимствуются единицы развернутые и неразвернутые, коммуникативные и номинальные, и поскольку в пословицах практически всегда содержится переосмысление, например mazs ciniĶis gāĶ lielu veziĶu то в нашей работе пословицы, поговорки и крылатые выражения включены в фонд фразеологии.

Фразеологический фонд языка заключает в себе множество ФЕ. Во избежание описания фразеологии как хаотического скопления разнородных единиц создано несколько классификаций ФЕ. В латышском языке первая классификация была разработана

А.Я.Озолсом (Ozols, 1959) на основе концепции В.В.Виноградова. Эта классификация базировалась на градации мотивированности компонентов ФЕ.

В дальнейшем делались попытки усовершенствовать эту классификацию, с нашей точки зрения – безуспешные. Так, классификация разработанная Э.Кагайне (Kagaine, 1968), содержала еще один класс ФЕ – фразеологические сравнения. Такой подход является ошибочным, так как уже классификация В.В.Виноградова основана на двух критериях – степени мотивации и спаянности компонентов, а добавленный новый класс выделен по принципу структуры.

Обилие классификаций, на наш взгляд, вызвано широтой спектра исследований, поскольку, наверно, ни одна классификация не может удовлетворить всем задачам.

Хотя вопрос о классификации ФЕ в нашей работе практически мало важен, в какой-то мере структурно-семантическая классификация А.В.Кунина (1972) может позволить сделать некоторые обобщения насчет преобладания того или иного типа ФЕ в заимствованном фонде.

В этой классификации указаны 4 класса ФЕ.

- 1) номинативные, т.е. обозначающие предметы, явления и т.д.:
zelta jaunatne, mīlas trijstūris.
- 2) номинативно-коммуникативные:
pāriet Rubikonu, sēdēt vienā laivā.
- 3) междометные и модальные, т.е. выражающие эмоции, волеизъявление:
arī tu, Brut!
- 4) коммуникативные, т.е. ФЕ со структурой простого и сложного предложения – этот класс включает поговорки и пословицы:
Mans nams ir mana pils, pēc mums kaut ūdens plūdi.

В латышской фразеологии представлены все классы данной системы, и ФЕ всех классов заимствованы из других языков. Вместе с тем следует отметить, что заимствование затрагивает, главным образом, ФЕ первого класса, в меньшей степени – второго и четвертого классов и очень мало – третьего класса.

Причины такого явления рассмотрим ниже.

2. Происхождение фразеологии

Происхождение фразеологизмов в разных языках до сих пор является одной из наименее изученных проблем. Лингвистическая наука, как правило, ограничивается общими замечаниями по поводу происхождения некоторых ФЕ или рассматривает основные контакт-языки в качестве поставщиков наряду с лексикой и фразеологизмов. Как отмечает А.Г. Назарян (1981, с.41), такое положение определило в последние десятилетия односторонний характер изучения преимущественно синхроническим аспектом. Такое положение обусловила также теория эквивалентности ФЕ слову, которая, не различая эти понятия, практически сняла проблему происхождения сочетания слов как такового. Действительно, если ФЕ приравнивается к слову, то единственное различие в том, что ФЕ раздельно оформлена, и вопрос о происхождении ФЕ подменяется проблемой происхождения ее составных частей. Но в этом случае игнорируется сущность ФЕ как качественно отличной языковой единицы, ее фразеологическое значение, образно-экспрессивный характер.

Подавляющее большинство ФЕ в языке обычно возникает на национальной основе в обиходной речи народа. Источники фразеологического фонда языка чрезвычайно разнообразны, отражая исторические процессы развития языка, культурную, общественную и материальную жизнь народа. Вместе с тем каждый народ, имеющий хоть какой-то контакт с другими народами, заимствует от него языковой материал. Таким образом, можно подразделить фразеологический фонд языка на фразеологизмы исконного происхождения и заимствованные из других языков. Такая классификация ни в коей мере не является единственной, а отражает лишь основные источники в контексте наших исследований.

Отметим, что помимо заимствования существует и другой путь межъязыковой интернационализации фразеологического фонда в разных языках, а именно, путем независимого развития идентичных фраз. Эта тенденция особенно касается компаративных ФЕ, например:

balta kā sniegs	tarkāķet kā žagatai
white as snow	chatter like a magpie
weiss wie Schnee	schwätzen wie eine Elster
blanc comme neige	bevarder comme une pie
белый как снег	трещать как сорока

Много межъязыковых эквивалентов и в тематической группе соматических единиц:

pokārt galvu
hang (down) one's head
den Kopf hängen lassen
baisser le tete
вешать голову

Нет никаких свидетельств, что существование этих и других единиц в какой-либо степени связано с заимствованием.

Такой полигенез можно объяснить общими тенденциями метафоризации и других способов переноса, "общностью жизненного опыта и отражающих его процессов мышления, общностью, однотипностью отдельных форм видения мира у самых разных народов, в том числе и народов, не имеющих между собой никаких языковых контактов" (Солодуб, 1962, с. 108). Вместе с тем рассматриваемые языки принадлежат к европейскому ареалу, и единство многих процессов в природе и общественной жизни отражается и во фразеологии.

Эти межъязыковые эквиваленты являются результатом независимого развития, т.е. они национального происхождения.

2.1. Исконно латышская фразеология

Фразеология исконного происхождения формировалась из нескольких источников. А.Озолс (1967, с.452) указывает, что ее источниками являются фольклор и разговорный язык. В качестве первого рассмотрим латышские народные песни (даины). Они представляют собой памятник древне-латышской литературы, и следовательно, фразеологический состав их следует считать исконным. Однако необходимо отметить, что вопрос о фразеологизмах в народных песнях неоднозначен. Во-первых, язык народных песен специфичен, и судить на его основании о древнейшей фразеологии латышского языка было бы необъективно. Во-вторых, в народных песнях фразеологический материал в современном понимании вообще представлен крайне скудно.

В народных песнях много метафорических образований, но говорить об их стабильности вне контекста очень трудно. На эту особенность указал уже А.Озолс, подчеркнув, что фразеологическая семантика народных песен – это семантика, обусловленная контекстом. "Окончательная семантика фразеологизмов еще не освободилась полностью от контекста, и поэтому эти фразеологизмы еще не полностью самостоятельные единицы как эквиваленты слова" (Озолс, 1959, с.235). Это высказывание нуждается в комментарии. Во-первых, фразеологизм не должен быть эквивалентом слова – это дань А.Озолса популярной теории эквивалентности. Но еще более значим вопрос о том, можем ли мы вообще говорить об обороте как о фразеологизме, если его семантика контекстуально обусловлена и сам оборот не стабилен.

Таким образом, обороты народных песен – это релятивные ФЕ и в синхронном плане довольно свободные обороты. В народных песнях мы видим много зародков будущих ФЕ, например:

dieva dāvans, sēds miegs, vīrs kā ozols, baltas dienas.

И если ФК современного языка содержит такой зародыш в народных песнях, ее можно довольно уверенно считать исконной.

Довольно скудный материал А.Озол классифицирует по системе Виноградова – идиомы (dieva dāvans, sirda kust), фразеологические единства (acis meit, dieva vārdi), фразеологические сочетания (darba cilvēks, sīks lops), но указывает на специфические черты – широкое распространение фразеологических сравнений (vīrs kā ozols) и традиционных уплотнений, которые в отсутствие абстрактных синонимов обозначают разные понятия (tēvs-māmiņa – родители, krievi-leiži – иностранцы, puīši-meitas – молодежь). В общих чертах можно сказать, что обороты фразеологического типа в результате полисемии слов, абстрагируясь, теряли свое конкретное значение.

Вторым источником исконных фразеологизмов является разговорный язык. Источник этот теоретически неоспоримый, а практически трудно прослеживаемый, так как состояние разговорной фразеологии в 17 – 18 вв. практически не отражено в письменных источниках.

В словарях разговорной фразеологический материал (как и фразеология вообще) представлен очень скудно, например: в словаре Ю.Манцеля (1638) –

tikai adn un knūli (236),

vīns iekšas apriežans (216);

в книге Г.Стендера –

miti nīzbūzi (40),

pkadi darit (21);

в немецко-латышском словаре (1782) –

nezināt kur dēties (983);

atgāt tava pādā (2);

в словаре Г.Бергмана (1806) –

postā iet (134),

arākš otra kājam bnt (135).

В 19 веке фразеологизмы легче прослеживаются в периодике и литературе, чем в словарях.

Таким образом, можно согласиться с утверждениями об источниках исконной фразеологии в принципе, но практическое определение разговорных ФЕ и выяснение их происхождения представляется очень трудным и во многих случаях невозможным.

Помимо двух групп, указанных А.Олодсом, имеются еще некоторые источники исконной фразеологии.

Существует группа ФЕ, которая основывается на названиях и персонажах наиболее популярных произведений латышской литературы. Отметим, что таких фразеологизмов в латышском языке не очень много (для сравнения отметим, что из произведений Шекспира в английский язык вошло более 100 ФЕ). Эти застарелые формы имеют разную степень употребления. Многие ФЕ укоренились в языке, например:

atraitnes dāls (В.Плудонс), sava kaktiņš, sava stūrītis zemes (Я.Пурапуке), melnais brunieku (А.Пумпур, Я.Райнис), kaļā dzīvība (А.Упит), purva bridejs (Г.Блауман), kaļmaņa pils (Аусеклис), trebīnā teva dāls (сказочный мотив).

Jau tā nav pietiekami daudz to ļoti zinātkāro, augšpurtiēcīgo atraitnes dālu. (Pad.Ķeumatne, 5.9.1987) Nabaga atraitnes dāls paša spēkiem beidz vidusskolu, izmācās par arhitektu, uzceļ greznu blokāku, apprec skaistu un gudru namsaimnieka meitu. (Daugava, 1939, 8, 78o. lpp)
Ielocens te dzied slavas dziesmu latviņās ražai, ko latvju zemnieks ievācis, mīledams un kopdamas savu kaktiņu un savu stūrīti zemes. (Burtnieks, 1935, 11, 69b. lpp.)
Ar steigu vien tie dzīrās celt jaunā skolu, kaļmaņa pili ... (K. Ieviņš. Putras Dauķis, 2.R., 1985, 21o. lpp.)

Употребляемость других оборотов ограничена, т.е. они еще не установились в языке как самостоятельные единицы. Эти единицы можно считать хорошо известными литературными аллюзиями с признаками ФЕ, например:

mūžības skartie (А.Чак), zelta zirgs (Я.Райнис),
zelta pavasari (Р.Блауман), perlu zvejnieks (Я.Поруке),
Dullais Dauka (Судраба Эджус), putni bez spārnienā
(В.Лацис).

Jei neatleidība, darbs, intelektuālais un etiskais stiprums ir mūsu "Daugavas" zelta zirgs, kāpjot futbola stikla kalnā. (Sports, 9.12.1986)

Vai "Daugava" arī trešo sezonu pēc kārtas spēš kāpt pirmās līgas stikla kalnā? (Sports, 19.11.1986)

Katram ir savs stikla kalns, kurā jāuzkāpj. Un ne jau princeses dēļ. (PJ, 9.4.1986)

Ja nu Jānis bērniņā nebija nekas cits kā tads dvēseļu Dullais Dauka. (Maksa, 1987, 3, 30. lpp.).

Практически все эти литературные ФЕ укоренились в языке лишь в 20 веке.

Существует группа ФЕ, которые связаны с историей латвийского народа, его культурой, реалиями, например:

kalendāru nemieri, līst kā pa Jāņiem, Kurzemes katls,
stura māja, dziesmu kara.

Последняя ФЕ берет свое начало уже в 1873 г. в связи с первым Латвийским праздником песни:

To tagad pierada vislabākie dziedātāju kori, kas pēc gada mantojumam lielajā "dziesmu kara" vēl aizvien dodas "kara", dziesmu bruņās metušies. (Auseklis. Izlase)
А оборот kalendāru nemieri в прямом смысле означает волнения в Риге в периоде 1584 - 1589 гг. в связи с введением нового календаря. Этот оборот стал обозначать любое волнение народа, связанное с какой-то исторической датой:

1984. gada kalendāra izmaiņās ir pastiprinājies savi stereotipi... kas ir arī ļaunil, tirdzniecības aizvaldīto rindu "ka-

lendāra nemiēru" laikā. (PJ, 24.2.1989).

2.2 Заимствованная фразеология

Заимствованная фразеология является результатом влияния других языков на латышский. Она составляет значительную часть фразеологического фонда латышского языка. Многие фразеологические заимствования представляют собой фразеологические интернационализмы, встречающиеся в большинстве европейских языков. Но не все интернационализмы следует рассматривать как заимствования. Существует отмеченный выше пласт интернациональных ФЕ, которые являются результатом независимого развития фразеологии т.е. они имеют исконное происхождение.

Наряду с этим в латышском языке отсутствует значительное число фразеологических интернационализмов, существующих во многих европейских языках. И, кроме того, в латышском языке много ФЕ, заимствованных из немецкого, русского и других языков и не являющихся фразеологическими интернационализмами. Графически это состояние можно показать в следующем виде:

Хотя доля заимствованной фразеологии не составляет очень большой части фразеологического запаса языка, однако положение меняется, когда мы рассматриваем ФЕ в конкретном текстовом употреблении, т.е. если мы изучим частотность

использования. Исследования показывают, что в этом случае удельный вес заимствованной фразеологии резко возрастает, достигая примерно 50% а в газетно-публицистических материалах - даже 70%, т.е. заимствованная фразеология (особенно интернационализмы) обладает большей частотностью, она более популярна. Так, в газетно-публицистических материалах 70 - 80 гг. наблюдается следующее положение (подсчет велся на основе примерно 2000 фразеологизмов):

исконная фразеология - 32%

заимствованная фразеология - 68%

интернационализмы - 52%

Интернациональные фразеологизмы составляют 76% заимствованной фразеологии.

3. Контакты латышского языка

3.1 Основные понятия

Тенденция роста контактов между народами, взаимодействия языков носит возрастающий характер, что выдвигает задачу изучения ее особенностей.

Проблема языковых контактов включает множество вопросов лингвистического, социального, этнографического, психологического и исторического характера. Она прямо связана с историей и культурой народа, его историческими и культурными контактами. С лингвистической точки зрения она тесно связана с такими понятиями, как двуязычие в его разных формах, интерференция, конвергенция и т.д.

Сам термин "языковые контакты", предложенный А.Мартине и введенный в широкое употребление У.Вейнрейхом (Weinreich, 1953, p.148), различными авторами интерпретируется по-разному (Вейнрейх, 1972; Розенцвейг, 1972; Жлуктенко, 1974; Аристова, 1979; Журавлев, 1982; Greenberg, 1971; Hugen, 1972; Appel, 1987; Lehiste, 1988).

Это объясняется, по нашему мнению, смешением, про-

тивопоставлением или игнорированием двух форм языковых контактов, а именно - этнической и культурной. Разные классификации и виды языковых контактов подробно проанализированы Ю.А.Жлуктенко (1974), поэтому мы не будем специально останавливаться на этом.

Под языковым контактом обычно понимают речевое общение между двумя языковыми коллективами (Розенцвейг, 1972, с.3; Семенова Л.Н., 1975, с.109). Несомненно, что такие этнические контакты, возникающие на территории или стыке территорий расселения народов, приводят к широкому обмену языковым материалом, к интерференции в условиях обширного двуязычия (как, например, латышско-русское двуязычие) (Семенова, 1973; Блинкена, 1984).

Вместе с тем заимствование, представляя собой явление социальное, в основе своей является индивидуальным. Процесс этот протекает в каждом отдельном двуязычном носителе (по крайней мере на начальном этапе), поскольку, как указывал Э.Хауген (Хауген, 1972, р.344), "каждое заимствование по-видимому, делается сначала каким-то одним человеком, а затем перенимается и повторяется многими другими".

Как метко отметил Г.В.Степанов (1976, с.74), контактируют не системы и структуры, а их носители, так как именно носитель-билингв или коллектив билингвов - тот общий член (Журавлев, 1982, с.161) двуязычия, который способен объединить тот или иной языковой материал двух и более языков в рамках одного языка в сфере речи.

Этот индивидуальный характер заимствования способствует и второму виду заимствования, основанному не на этнических контактах а культурных, экономических и политических связях между народами. Эти связи между странами могут быть как при этническом контакте, так и в отсутствие прямого географического соприкосновения, когда носителями двух (или более) языков являются отдельные лица.

Таким образом, под языковым контактом мы понимаем совокупность лингвистических и экстралингвистических явлений,

происходящих при этническом или культурном соприкосновении народов и их языков.

Звимствование в результате языковых контактов может происходить как в прямом виде, т.е. когда один язык заимствует материал из другого, так и косвенно, при посредничестве другого языка.

Как уже было отмечено, проблема языковых контактов тесно связана с двуязычием.

Под билингвизмом (полилингвизмом) мы понимаем знание двух (или более) языков и использование их (или их элементов) в речи.

И билингвизм может иметь две формы — массовый (обычно при этническом соприкосновении с другим народом) и индивидуальный (групповой) (обычно при культурном соприкосновении с языком другого народа).

Есть лингвисты, предлагающие другие определения для того же явления, например, различающие искусственный и естественный билингвизм (Карлинский, 1980, с.10).

Всякое звимствование начинается с интерференции. Интерференция трактуется нами как процесс отклонения от нормы в результате языкового контакта, обуславливающий изменения в структуре, значении, свойствах и составе единиц. Во фразеологии это обычно проявляется либо как появление новых ФЕ иноязычного происхождения, которые восполняют номинативный вакуум в языке, либо как появление новых ФЕ, которые являются параллельными уже существующим в языке единицам (что не всегда желательно), либо как замена элементов в уже существующих ФЕ под "натиском" иностранного языка, например:

Es nevkrāidu pa ielām, nedauzu apuldzes, neaizdzenu mokāvisi-
cīšus, nedodu kādam pa feisu (Cīņa, 16.5.1985)

Ingājiņā jā nedējā tepat parkā mēs vienam sadevām pa feisu (Lietuva, 1985, 11)

Английский компонент "face" — "feiss" (варваризм) внесли в указанные примеры латвийский компонент в простореч-

ной ФЕ - "vadot pa purli".

Как правило, интерференция - реченое явление, т.е. она носит окказиональный характер, и вышеуказанный пример как заимствование не является нормой для латышского языка. Тем не менее она свидетельствует о наличии английского языка в настоящее время. Интерференция - процесс объективный при языковом контакте.

Как отмечает В.М.Аристова (1980, с.8), заимствование происходит на уровне первичных элементов, т.е. элементов, способных к самостоятельному перемещению из языка в язык. ФЕ полностью можно считать первичным элементом, ибо они представляют собой целостные единицы, хотя и раздельнооформленные, (о чем наглядно свидетельствует вышеупомянутые примеры интерференции). ФЕ заимствуются в целом виде, т.е. единицей заимствования является значение.

И наконец рассмотрим конвергенцию языков. В результате заимствования проявляется тенденция сближения фразеологических фондов разных языков. Тем не менее говорить о гибридизации или смешении фразеологии в случае латышского языка невозможно.

3.2. Языковые контакты

Уже в 1886 г. Г.Пауль (Paul) отметил, что заимствование из одного языка в другой основывается на каком-то минимальном двуязычии людей. Для серьезного заимствования до новейших времен фактор обширного двуязычия представляется необходимым.

Мы различаем этнические и культурные контакты. Этнические контакты иногда называются контактными взаимодействием языков или проксимальными контактами.

Этнические контакты ведут к сближению языковых систем, что выражается в нарастании параллельных языковых элементов всех или нескольких уровней; обычно затрагиваются фонетический, лексический, фразеологический, семантический, а в слу-

чае тесных и продолжительных контактов - и морфологический, и синтаксический уровни. Этнические контакты латышского языка являются довольно развитыми и в первую очередь с такими языками, как немецкий и русский, а в историческом долгосрочном аспекте - и с шведским, польским, литовским, финно-угорскими языками, хотя последние, если иметь в виду фразеологию, в большой мере гипотетические, так как предшествуют развитой письменности.

Историческая ситуация латышского языка и контакты рассмотрены ниже. Здесь охарактеризуем лишь доминирующие этнические контакты латышского языка. В исторических условиях, сложившихся в Латвии уже с 17-18 вв, часть населения была вовлечена в латышско-немецкое двуязычие. Начиная с 19 века к немецкому присоединился и русский язык. Таким образом, в период формирования национального языка в более образованных кругах и в городах существовало триязычие, люди довольно свободно пользовались латышским, немецким и русским языками. Через два последних языка происходило и большинство заимствований, и это триязычие с 19 века можно охарактеризовать как коллективное. В некоторой степени уже в 30-е гг. 20 века резко после второй мировой войны немецкий язык потерял свои позиции, и начиная с 50-х гг. можно говорить о латышско-русском двуязычии, причем нарастающем и в некоторой степени уже опасном для латышского языка.

Отметим, что при этнических контактах довольно трудно определить время появления того или иного заимствованного элемента в языке, ибо заимствования почти всегда сперва закрепляются в разговорном (устном) языке и только после этого появляются в письменном языке. К тому же элементы, заимствованные в результате этнического контакта, более тяготеют к разговорному, чем к литературному языку.

Этнические контакты латышского языка почти всегда были внутрорегиональными. Маргинальные контакты на стыке двух городов имели небольшое значение в обогащении фразеологического фонда.

Помимо этнических контактов языковые единицы из одного языка могут проникать в другой (главным образом в письменном виде) в результате культурных, экономических и других связей разноязычных народов, не имеющих территориальной близости. Дистантное взаимодействие возникает между языками при отсутствии какого бы то ни было непосредственного контакта их носителей и двуязычия (по другой терминологии – дистантные, дистальные (Бертагаев, 1972, с. 83). На такое явление указывал еще О. Есперсен (Jespersen, 1925, с. 192): "Наиболее глубокие языковые смещения объясняются не столько смещением народов, сколько регулярными контактами в области культуры".

Именно культурные контакты латышского языка приобретают все большее значение в 19–20 вв., что обусловлено возросшими возможностями международных культурных, политических, туристических и других связей, а также ростом знания среди латышей иностранных языков. Чем больше контактов народ имеет с другими народами, тем сильнее языковые контакты и тем больше язык заимствует из других языков (если нет особого противодействия).

Мы считаем, что регулярные контакты в области культурной жизни, в ее самом широком понимании, обуславливают взаимодействие языков при отсутствии их прямого соприкосновения. Эти контакты осуществляются, в первую очередь, через печатное слово – в 19–20 вв. – через газеты, журналы, книги. Определенную роль в наши дни играют и такие средства массовой информации, как радио и телевидение. В этих сферах очень большое значение имеет перевод. Переводчик (в самом широком смысле слова – переводчик художественной и научной литературы, политический обозреватель, черпающий информацию из иностранных источников, и т. д.) осуществляет контакт двух (или более) языков, попеременно используя их, даже если способ, каким он "пользуется", является несколько специфичным (Мунен, 1978, с. 37).

Именно, что язык, с которого сделан перевод, в какой-то

мере неизбежно влияет на язык перевода. Это может затрагивать сферы фонетики, грамматики, но в самом большом масштабе отражается в лексике и фразеологии. Если интерференцию в сфере фонетики и особенно грамматики во многих случаях можно считать результатом некачественного перевода, то инновации в сфере лексики и фразеологии в какой-то мере неизбежны.

Как указывал И.Кашкин, "переводная книга часто обогащает язык родной литературы новыми понятиями" (1977, с.457). По нашему мнению, именно переводная литература обогащает язык не только новыми для данного языка понятиями, но и уже готовыми, отражающими эти понятия ФЕ, поскольку отсутствие в языке перевода понятия, выраженного ФЕ, требует создания новой ФЕ, так как это понятие не всегда можно передать или достаточно полно передать словом или свободным словосочетанием. Последнее часто сопровождается исчезновением образности, меткости, стилистической окраски, что, конечно, нежелательно.

Спрашивается, может ли вообще небольшое число людей, активно вовлеченных в культурное двуязычие, серьезно влиять на язык? Такому влиянию способствует ряд факторов: во-первых, переводчики, как правило, связаны со сферой массовой информации; во-вторых, переданные ими новшества, их речевые особенности часто являются объектом подражания; в-третьих, довольно высокий уровень знания иностранных языков вследствие исторических условий тоже способствует ассимиляции нововведений. В результате этого языковые контакты из индивидуальных превращаются в групповые, хотя и дистантные.

Своего рода классическим примером культурных контактов является Библия. Она и была первым наиболее важным источником заимствования ФЕ, обогатившим латышский язык материалом древнееврейского и греческого языков. Хотя перевод был осуществлен 300 лет назад, и социальная ситуация была совсем иной, Библия была самым массовым изданием, язык Библии являлся своего рода эталоном для священников, которые популяризиро-

вали его в массах. Конечно, многие библейские единицы заимствованы, наверно, из немецкого и русского языков вследствие дальнейших культурных, а в иных случаях и этнических контактов, по крайней мере, эти языки содействовали заимствованию.

Латышский язык имел также культурные контакты со всеми главными языками Европы, главным образом через переводы с них, обучение в школах (английский, французский). Культурные контакты осуществлялись также с языками, с которыми латышский был в этническом контакте. Эти же языки в большой мере были языками-посредниками (в начальном периоде развития латышского языка) и языками, содействующими заимствованию, так как довольно стабильный фонд фразеологических интернационализмов, вошедший в эти языки, крайне стимулировал заимствование этих же ФЕ в латышском языке.

Мы различаем прямые и косвенные контакты латышского языка. Языки, с которыми латышский язык был в этническом контакте, имели прямые контакты с латышским языком. Конечно, теоретически допустимо, что отдельные ФЕ из языка, этнически контактирующего с латышским, заимствуются из другого языка, т.е. косвенным путем, однако это не систематическое явление, а скорее курьез, исключение, которое подтверждает за он.

Язык, с которым латышский язык имеет культурные контакты, может обогатить латышский язык новыми ФЕ в результате как прямых, так и косвенных контактов. Так, например, англо-латышские языковые контакты всегда были почти исключительно культурными, в 19 веке они были косвенными (при посредничестве русского и немецкого языков), но в 20-30-е гг. 20 века они помимо косвенных становились и прямыми. И в наши дни они частично прямые, частично косвенные (через посредничество русского языка). Косвенные контакты могут быть еще сложнее. Так, контакт с греческим языком был преимущественно многоступенчатым: греческий - латинский - немецкий или русский - латышский. В роли посредников выступали главным образом немецкий и русский языки, причем немецкий доми-

нировал в этой роли до 20 века, а русский полностью перенял функции языка-посредника после второй мировой войны. В настоящее время языком-посредником выступает практически лишь русский, в малой степени - английский.

Контакты латышского языка в основном были односторонними, т.е. латышский язык заимствовал, но не давал своего фразеологического материала другим языкам. По крайней мере, это характерно для 19-20 вв. Языковые контакты латышского языка большей частью были перманентными (или постоянными, длительными), что объясняется довольно постоянными контакт-языками.

4. Фразеологическое заимствование, его способы

Приступая к анализу заимствованной фразеологии, лингвист сталкивается с серьезной терминологической проблемой. Хотя заимствованная фразеология уже значительное время является объектом исследования, в вопросах терминологии и даже в самих понятиях наблюдается большая путаница и разноречивой. Взгляды на процессы заимствования весьма противоречивы, о чем свидетельствуют работы многих авторов.

Между тем без разработки конкретных концепций невозможно серьезный анализ заимствованной фразеологии.

Суть проблемы состоит в определении содержания и соотношения таких терминов, как фразеологическое заимствование, собственно заимствование, полужаимствование, перевод и т.д. Этими терминами в разных комбинациях оперируют как зарубежные, так и советские авторы, которые прямо или косвенно затрагивают фразеологию в условиях языковых контактов и билингвизма (Флекенштейн, 1963; Пономаренко, 1965; Вейнрейх, 1972; Hrivteva, 1968; и др.). Сама природа языкового контакта предполагает в числе других процессов наличие этих явлений.

В этой связи нам представляется целесообразным рассмотреть развитие основ теории фразеологического заимствования, ее основные характеристики, точки опоры, последовательность исследований.

Уже в 19 в. Ф.Миклосич писал, что фразеология европейских языков вытесняет чисто славянские фразы, и народы Европы, так сказать, приобретают общую идиоматику. Этот процесс он назвал "неоевропеизмом" (Miklosich, 1865).

Автор уловил процесс интернационализации фразеологии посредством заимствования, и сегодня, несомненно, можно говорить не только о всевропейской фразеологии, но и о всемирном фонде, так как она испытывает американское влияние. Это явление более чем через 100 лет отметил венгерский лингвист С.Дечи (Dečny, 1973), характеризуя интернациональную фразеологию как культурный слой Европы.

Свою лепту в развитие практической фразеологии внес немецкий ученый Г.Бухман, который в 1664 году выпустил сборник заимствованных в немецком языке фразеологизмов под названием "Крылатые слова". Такого рода практические исследования фонда заимствованной фразеологии продолжают до сих пор и развиваются как зарубежом (Geflügelte Worte, 1985; Morris, 1972; Brewer's, 1968), так и в СССР (Ашукин, 1987).

Теория и терминология заимствованной фразеологии была далее исследована К.Сандфельдом-Енсенем (Sandfeld-Jensen 1912), который различает между такими понятиями, как свободная, неологическая калька, собственно калька, полукалька.

В 1915 году выходит в свет фундаментальная работа Ф. де Соссюра (de Saussure, 1955), в которой автор останавливается на проблеме кальк, полукальк, и кальк-неологизмов.

Для теории фразеологического заимствования важной является работа Б.О.Унбегауна (Unbegaun, 1932), который различает понятия калька (calque), семантическая калька (calque sémantique) и фразеологическая калька (calque phraseologique). Унбегаун также выделяет кальки, заимствованные образованными людьми (речь фактически идет о культурных языковых контактах), и кальки, заимствованные народом (результат массового билингвизма). Он противопостав-

ляет понятия "структурная калька" и "семантическая калька". Автор первым отмечает, что тенденция фразеологизации (decalquage) при заимствовании в славянских языках сильнее, чем в латинском и неолатинских языках, и меньше проявляется в германских языках, где предпочтение отдается переводу путем использования деривата или сложного слова. (Наши наблюдения показали, что последнее неточно).

Таким образом, Унбегаун выделил несколько очень важных проблем - соприкосновение фразеологии и лексики, заимствование литературное и массовое, соотношение этих понятий и т.д.

Теоретические результаты Унбегауна получили дальнейшее развитие в работе В.Бетца (Betz, 1936). Он выделяет несколько понятий процесса заимствования - *Lehnwort* (заимствованное слово), *Lehnbedeutung* (семантическая калька), *Lehnbildung* (не точный перевод части сложного слова), *Lehnschöpfung* (трудно классифицируемое понятие, еще дальше уходящее от оригинала), и наконец, *Lehnübersetzung* (калька). В этой работе практически не затронуты проблемы фразеологического заимствования.

Ш.Балли (Bally, 1950), рассматривая франко-немецкие языковые контакты, приходит к тем же заключениям, что и Унбегаун. Он полагает, что имеются различия в разных языках насчет возможностей сложносочинения и фразеологизации. Балли также подразумевает под калькой и слова и выражения, не дифференцируя их.

В другой работе (Балли, 1961), Балли пишет, что при переводе с одного языка на другой калька используется, по-видимому, чаще, чем заимствование, в тех случаях, когда необходимо передать общие идеи, абстрактные понятия, чувства. Автор подчеркивает что идиоматические выражения, обороты, состоящие из нескольких слов, переходят из одного языка в другой почти всегда в виде кальки. Очень важна мысль Балли о том, что было бы ошибкой слишком четко разграничивать заимствование и кальку - они различаются по

форме, но почти не различаются по происхождению и по своим основным свойствам, они вызваны в жизнь одной и той же причиной и играют одинаковую роль в пополнении словаря. Важно и мнение Балли насчет того, что кальки не лучше и не хуже заимствований и в той же степени заслуживают (или не заслуживают) нападок пуристов, и что происхождение и современное употребление - разные вещи.

К.Шуман (Schumann, 1958) развивая терминологию Бетца, выделяет 7 типов калек (Lehnprägung): калька (Lehnübersetzung), калька-метонимия (Lehnübertragung), семантическая калька (Lehnbedeutung), калька-оборот (Lehnwendung), синтаксическая калька (Lehnsyntax), полукалька (Teillehnwort) и очень специфический тип - калька-дополнение (Lehngliedzusatz), что представляет собой расширение кальки.

Р.Цетт (Zett, 1970) классифицирует все кальки (Lehnprägungen) по 7 типам, как бы вобрав в свою систему все предыдущие. Как правило, последние лингвисты практически не отделяют фразеологические и лексические кальки.

И наконец, Н.Молнар (Molnar, 1985) на историческом материале дает на сегодняшний день самую исчерпывающую классификацию калек в зарубежной лингвистике. Он рассматривает термин "калька" как общее обозначение, включающее в себя все другие типы заимствования, которые были обозначены Бецом термином "Lehnprägung". Итак, понятие кальки, по Н.Молнару, исключает собственно заимствования и иноязычные слова, а включает реальную структуральную кальку, полукальку, кальку-неологизм, семантическую кальку, фразеологическую кальку, синтаксическую кальку и феноменологическую кальку - параллельный оборот, у которого нет точного соответствия в исходном языке. По Молнару представляется, что лишь последние 3 типа могут быть выше уровня лексем.

В статье Т.Уэйд (Wade, 1980) детально рассмотрен вопрос о заимствовании и калькировании, причем много внимания уделено фразеологическому заимствованию. Автор ввел новый термин - косвенное заимствование (indirect loan), который

распространяется на все типы калькирования, причём к уже проанализированным типам автор прибавляет новые кальку-сокращение и псевдокальку, во многом напоминающую феноменологическую кальку Молнара. Теоретические выводы обусловлены практическим материалом немецкого и русского языков в диахроническом и синхронном аспектах. Автор также рассматривает влияние языкового пуризма в связи с заимствованием и калькированием.

Э.Хауген в своих многочисленных работах (Haugen, 1950, 1966, 1972) выходит из теории смешивания языков (*Sprachmischung*), выдвинутой Г.Паулем (Paul, 1937). Эту особенность обуславливает тот факт, что Хауген исследует материал неанглийских народов, попавших в американские условия, т.е. довольно специфическую ситуацию. Хотя в ранних и поздних работах и имеются вариации и различия, но главные типы заимствования остаются теми же - заимствование (*loanword*) и заимствование-перенос (*loanshift*), причём первые, как правило, слова, которые далее подразделяются на чистые заимствования и смешанные заимствования, а заимствование-перенос подразделяется на семантические кальки (*extensions*) и кальки-создания (*creations*) - образования, в которых слова и морфемы подвергнуты реорганизации с целью соответствия образцу (модели) другого языка. Хауген также разделяет заимствования на те, которые нужны, и те, которые заклеены пуристами как ненужные.

Интересна также мысль автора, что если соответствующее слово в языке-рецепторе похоже по звуку на исходный элемент, то обычно перенимается значение слова, а если нет, то заимствуется новое слово. Этот вопрос далее будет рассмотрен детально.

Р.Экерт (Eckert, 1967) в своих исследованиях в области исторической фразеологии затрагивает вопрос разграничения заимствованной фразеологии и фразеологии параллельного развития а также семантической эволюции фразеологии.

Б. Карстенсен (Carstensen, 1979) подразделяет воздействие одного языка на другой на очевидное и скрытое. Под очевидным влиянием имеется в виду заимствование слов и фраз в неизменном виде или с незначительными изменениями, как в форме морфем, так и в виде слов и выражений. Под скрытым влиянием понимаются кальки (Lehnübersetzung), полукальки (Lehnübertragung, Teillehnübersetzung) и кальки-создания (Lehnwortschöpfung), синтаксические кальки (Lehnsyntax) и заимствованный оборот (Lehnwendung), причем фразеологическое заимствование может быть включено не только в последнюю группу но и в вышеупомянутые, что представляется нецелесообразным с точки зрения классификации.

Р. Глезер (Gläser, 1986) в своей объемной книге "Фразеология английского языка", которая является как бы собранием всех работ этого автора, не обращает специального внимания на заимствование. Она употребляет термин Lehnübersetzung (калька), но более детально вопросы заимствования не рассматривает. Заимствования из других языков в неизменном виде обозначены термином "Foreign" и характеризуется как бы употреблением только в письменном виде или в специальности. Интересно что эта группа рассматривается лишь в стилистическом аспекте как стилистически повышенный тип.

В Советском языкознании теоретические исследования по проблемам заимствования ФЕ появились лишь в 50-60-е годы, причем главное внимание уделялось вопросам калькирования (Шанский, 1955; Пономаренко, 1965; Ефремов, 1960; Флехенштейн, 1963). Кальки обычно противопоставлялись заимствованиям, а нетранслитерированные ФЕ в поле научного интереса попали еще позднее (Габкин, 1966; Князева, 1970;). В 70-80-е годы появился ряд работ охватывающих большой круг вопросов (Пономаренко, 1976; Солодуха, 1977, 1982). Теоретически советская школа в принципе базируется на основных выводах зарубежной лингвистики. Как правило, много места отводится проблемам классификации и разграничения типов заимствованных ФЕ. Поэтому более детально основные взгляды будут отражены в ходе рассмотрения самих понятий.

Итак, первым и наиболее важным вопросом является само понятие "фразеологическое заимствование". Нам представляется, что этот термин, являясь обширным, охватывает все типы ФЕ иноязычного происхождения, а также все способы заимствования из других языков. Такая концепция фразеологического заимствования предполагает, что все остальные виды заимствования ФЕ являются его частными случаями или способами заимствования. Итак, фразеологическое заимствование - это ФЕ, образованная на основе полного или частичного материального заимствования иноязычного прототипа или построенная собственным словарным материалом по иноязычной модели или на основе иноязычной мотивировки, и образующая новое структурно-семантическое целое. Фразеологическое заимствование охватывает все способы и типы заимствования.

При такой постановке проблемы встает вопрос о соотносительности понятий фразеологического заимствования и фразеологической кальки.

Некоторые лингвисты включают кальку в сферу заимствования как частный случай, другие же рассматривают ее как промежуточную форму между исконными и заимствованными элементами (Матвеев, 1966, с. 213-214).

Такой взгляд обусловлен тем, что хотя в диахроническом плане фразеологическая калька представляет собой заимствование, но в синхроническом плане она существует как элемент родного языка и ее иноязычная природа не часто ощущается, так как полная калька состоит из исконных элементов языка-рецептора. Это имеет в виду Л.А. Пономаренко (1978, с. 29), называя кальки гетерогенными образованиями. Вместе с тем существует противоположное мнение, отрицающее какую-либо связь между такими понятиями, как калька и заимствованная ФЕ. "При калькировании не заимствуется и даже не учитывается материальная (звуковая) оболочка иноязычного слова, не заимствуется также его вещественное значение, как это происходит при усвоении иноязычного звукового комплекса в единстве с выражаемым им содержанием".

Именно это, по мнению Л.П.Ефремова, и составляет отличительную сторону калькирования как особого лингвистического явления и не позволяет рассматривать его как разновидность заимствования (Ефремов, 1961, с. II7; 1960, с. 16; 1974, с. 29). Аналогичного мнения придерживаются Н.М.Шенский (1969, с. 134-135) и И.О.Наумова (1982, с. II3-II4), которая аргументирует его тем, что "иноязычное происхождение фразеологических калек совершенно не чувствуется".

Мы не можем согласиться с такой точкой зрения по следующим соображениям:

- во-первых, и кальки, и другие заимствования являются иноязычными по происхождению. Принцип заимствования присутствует в обоих случаях, только в первом случае он выражается в заимствовании модели ФЕ, ее формы и семантики (как это показывал Месъмед, 1984, с. 17), а во втором - в заимствовании иноязычных лексем;

- во-вторых, калькирование не является чисто механическим актом перевода. При калькировании часто происходит освоение и употребление нового значения по аналогии со значением из другого языка;

- в-третьих, то, что иноязычное происхождение фразеологических калек, якобы "совершенно не чувствуется" (что нам представляется не всегда верным), еще не дает основания исключить его. По аналогии можно было бы сказать что совершенно не чувствуется и иноязычное происхождение многих слов, но из-за этого они не перестают быть заимствованными;

- в-четвертых, отрицая связь между калькой и заимствованием, трудно объяснить сущность полукальки, которая в таком случае будет полужаимствованием, полужаимствованием, полужаимствованием. С нашей точки зрения, полукалька - это комбинированный тип заимствования;

- в-пятых, такой подход исключает возможность семантического заимствования, а семантика - один из ярусов, элементы которого могут перемещаться из одного языка в другой (Крысин, 1965, с. 108-109), и вспомним высказывание Ш.Болли, приведенное выше, о мотивировке и функциях кальки и заимство-

вания.

Итак, фразеологическое калькирование - это заимствование ФЕ путем точной или измененной передачи модели (структуры и лексических значений) иноязычного прототипа средствами заимствующего языка, например, английское flower children - латышское puķu bērni, латинское tertium non datur - латышское trešais nav dots.

Фразеологическое калькирование - один из способов фразеологического заимствования.

Таким же спорным является вопрос о соотношении перевода, калькирования и заимствования.

Общезвестно, что при необходимости перевода ФЕ переводчик может сделать выбор между несколькими возможностями - подыскать эквивалентную или аналогичную ФЕ в языке перевода, перевести ФЕ дескриптивно, калькировать ФЕ (Рецкер, 1974, с.161; Крупнов, 1976, с.112-135; Влахов, Флорин, 1980, с.183). Таким образом, калькирование является одним из видов перевода ФЕ. Однако нельзя смешивать калькирование как процесс при переводе и калькирование как способ заимствования ФЕ. Хотя первое иногда и может привести ко второму, отождествлять эти процессы нельзя. (Алтайбаева, 1983, с.25). На различия между ними указывает также Д.С.Сорокин: "При буквальном переводе мы имеем дело с простым сопоставлением в речи единиц одного языка с единицами другого языка, а при калькировании речь идет о появлении новых, постоянных единиц в одном языке под влиянием другого" (1965, с.164).

Категория устойчивости отсутствует в ФЕ при переводном калькировании, так как это процесс речевой, то есть индивидуальный. Не исключено, конечно, что калькированная единица со временем может стать и языковой, то есть общепринятой, однако такая возможность является лишь потенциальной и чаще всего не реализуется.

Вместе с тем обозначение обоих процессов одним термином кажется неудачным, ведущим к возможной путанице, и

мы предлагаем термин окказиональное калькирование, выдвинутый Г.П.Зоривчак (1976, с.13) для обозначения речевого калькирования при переводе. Таким образом мы избавляемся от полисемантичности в терминологии и отделяем фразеологическую кальку, являющуюся следствием языковой интерференции и заимствования, от фразеологической кальки - окказионализма - отдельного случая окказионального калькирования как факта речи. Например: to be born with a silver spoon in the mouth

*Anglija ar sudraba karoti mutē! Zodu viņai viņa nav,
lai karoti naturētu, bet nav arī gribas šķirties no tās.
(Dž.Golvertijs. Modernā komēdija. Sudraba karote. Rīga,
1977.-70.lpp.)*

Другим способом заимствования является заимствование ФЕ в ее исконной форме, т.е. геспероидное заимствование. Это понятие обозначается лингвистами как заимствование с полным фонографическим сходством с оригиналом (Солодухо, 1982, с.25) и как фразеологическое собственно заимствование (Пономаренко, 1978, с.20) и как "foreign" (Gläser, 1986), а в русском языке из-за разницы в орфографических системах русского и западно-европейских языков - как нетранслитерированное заимствование (Аристова, 1980, с.32), например: *fair play, cherchez la femme, alma mater, Sturm und Drang, last but not least, status in statu,*

и т.д. в их иноязычном употреблении в латышском тексте.

Так же, как параллельно фразеологической кальке существует понятие окказиональной кальки, обладающей теми же свойствами, но отличающейся устойчивостью (окказиональное и удаленное явления), так и параллельно заимствованиям ФЕ в их исходной форме существуют фразеологические вкрапления, т.е. факты речи, а не языка. Использование термина "вкрапление" для обозначения заимствованных ФЕ нам представляется неправильным, так как этот термин подчеркивает чужеродность, однократность явления, в то время как заимствованные ФЕ этого типа имеют устойчивость всех уров-

ней и употребляемость, намного превышающую устойчивость, и употребляемость массы коренных выражений - например: *ubi bene, ibi patria, harpy end, finita la comedia, tabula rasa, mens sana in corpore sano, memento mori, bel canto* и т.д. Связь между этими понятиями та, что каждое беспереводное заимствование сперва представляло собой вкрапления в язык-рецептор, а множество вкраплений так и не стало заимствованными ФЕ, например: "Cash and carry" *kará*. (Jau-nákás Ziņas, 6.3.1940); *Dž. Bušs* *nozauca R. Reigana ekonomisko politiku par "woodoo economica"* ("*šamāra ekonomika*"). (Rīgas Balsa, 13.10.1987).

И третьим способом фразеологического заимствования является транскрипция ФЕ. Этот способ представляет собой транскрипцию компонентов ФЕ, с небольшими отклонениями от искомого звучания, например:

Džons Bula с английского John Bull (Джон Гуль - англичанин); dons Kihots с испанского Don Quijote (донкихот - фантазер, самоотверженно борющийся за идеалы добра).

Параллельно существует и окказиональная транскрипция ФЕ, т.е. появляются единицы, не обладающие устойчивостью в языке-рецепторе:

Žanna d'Arka - с французского Jeanne d'Arc (Жанна д'Арк - женщина - лидер и мученица), Džons Smits с английского John Smith - (Джон Смит - средний англичанин).

Таким образом, существуют 3 способа фразеологического заимствования:

- 1) калькирование ФЕ,
- 2) беспереводное заимствование ФЕ,
- 3) транскрипция ФЕ.

Эти три способа носят системный характер, так как охватывают все возможности фразеологического заимствования, являются взаимосвязанными и показывают степень глубины различий между оригиналом и заимствованием.

5. Типы фразеологического заимствования

Вследствие употребления трех способов заимствования ФЕ возникают 4 типа заимствованных фразеологизмов. Три из них соответствуют способам заимствования, а четвертый – комбинированный – является результатом калькирования и фразеологической транскрипции и носит название фразеологической полукальки.

Итак, существует 4 типа фразеологических заимствований:

- 1) фразеологическая калька,
- 2) беспереводное заимствование,
- 3) фразеологическая транскрипция,
- 4) фразеологическая полукалька.

Как и способы заимствования, его типы демонстрируют постепенный переход от заимствования ФЕ в ее исходной форме к фразеологической кальке, которая полностью состоит из искомого языкового материала.

5.1. Фразеологические кальки

Фразеологические кальки являются основным и самым многочисленным типом фразеологических заимствований.

Как уже было указано, под фразеологической калькой мы понимаем ФЕ, возникшую в результате точной или измененной передачи модели (структуры и лексических значений) иноязычного прототипа средствами заимствованного языка. С лексической точки зрения каждому компоненту модели должен соответствовать компонент кальки. Вместе с тем суть фразеологического калькирования не состоит в подражании грамматико-синтаксической структуре модели (Палий, 1981, с.47). Именно поэтому мы предпочитаем термин "калька" термину "буквальный перевод", который может наводить на мысль о полной тождественности кальки и ее прототипа. По тем же соображениям следует считать неудачным определение кальки как съемки прототипа (Шанский, 1955).

Требует рассмотрения также вопрос о структуре фразеологической кальки. С одной стороны, при калькировании словосочетаний, помимо значения, заимствуется структура словосочетания (Логинова, 1976, с.85), с другой - возможны изменения в структуре кальки.

Такие противоречия объяснимы, если принять во внимание диалектику калькирования, а именно тот факт, что при калькировании борются две тенденции: буквальной передачи особенностей модели и приспособления к структуре языка-рецептора (что обеспечивает вхождение и закрепление данной кальки в воспринимаемом языке) (Пономаренко, 1976, с.105). В большинстве случаев превалирует вторая тенденция, и грамматический, лексический строй оригинала при заимствовании редуцируется, вследствие чего понятие "калька" включает возможность вариаций в структурно-семантическом воспроизведении оригинала. Возможность отличия кальки в некоторой степени от исходной ФЕ подчеркнута некоторыми лингвистами (Алексеев, 1970, с.15; Семенова, 1973, с.138). На наш взгляд, важной чертой кальки является сочетаемость элементов: "калькированные фразосочетания (языка-рецептора) получают статус новых семантических единиц в результате заимствования лексемной и семантической сочетаемости языка-источника" (Алтайбаева, 1983, с.26). Этот факт косвенно подтверждается той особенностью словообразовательного калькирования, что оно осуществляется лишь в сфере производных слов, корневые слова, как правило, не калькируются, так как на части не разлагаются и представляет собой факт сочетаемости (Хегай, 1964, с.297; Швахмедов, 1974, с.9).

Вследствие сочетаемости элементов фразеологическая калька получает черты прототипа, а определенные вариации в структурном воспроизведении оригинала помогают лучшему внедрению кальки в язык перевода и не противоречат сущности фразеологической кальки, которая представляет собой передачу структурно-семантического комплекса в целом под

импульсом иноязычной ФЕ. Звуковая оболочка иноязычных слов при чистом калькировании исчезает. В сфере семантики изменения возникают, но не очень часто. Заимствованные кальки могут обретать другое значение. В латышском языке такого рода семантические изменения мы обнаружили, главным образом, в случае окказиональных калек. Например, английское словосочетание champion of peace (борец за мир), в котором первый компонент созвучен латышскому слову "čempions" (победитель), калькировалось как "miera čempions" а не cinitajs par mieru (miera cinitajs).

Представляет интерес применяемое в отдельных случаях в сфере фразеологии понятие "семантическая индукция", предложенное Д.С.Сорокиным (1905, с.164-165) и обозначающее появление новых значений в исконных словах под влиянием прототипа единицы в языке-источнике. Такое употребление английской ФЕ one way road в переносном смысле "односторонне выгодное" привело к появлению такого же значения у латышского эквивалента - vienvirziena ceļš.

"Vienvirziena ceļš" versijas uzdevums ir ne tikai viltot agresora neveiksmju cēloņus un progresīvo spēku panākumu īstos avotus, bet arī nogatavot atkāpi no normalizācijas magistrāles. (Planētas pulss, 1976. Rīga, 1977, 59.lpp.)

Как отмечает В.М.Мокиенко (1962, с.121), эффект "семантической неправильности" весьма важен для первого момента фразеологического калькирования, ибо создает напряжение, которое содействует быстрому усвоению кальки.

Чем же обуславливается доминирующее положение калькирования при заимствовании? Ясно, что беспереводные заимствования не могут выполнять все задачи заимствования, они всегда обладают несколько экзотической окраской и остаются чужим элементом в языке-реципаторе.

И тому же каждый развитый язык при возможности обходится без заимствований; митериллом. Как справедливо указывает Л.А.Цо-

номаренко (1978, с.12), язык, стремясь к своей оптимизации, предпочитает увеличивать комбинации, т.е. кальки, а не заимствовать.

Окказиональное калькирование является удобным способом перевода, особенно если переводимая ФЕ более или менее логична. Этим обусловлена большая роль окказионального калькирования при переводе, и это один из путей постоянного пополнения фонда калькированных ФЕ. Несомненно и то, что калькирование (артистическое и лингвистически удачное) обладает большими преимуществами по сравнению с объяснительным (описательным) переводом, который, как правило, связан с полной утратой образности (Соловьев, 1968, с.125).

Фразеологические кальки, главным образом, характеризуются большей абстракцией, чем другие типы заимствования, в меньшей степени связаны с национальным элементом языка источника, как, скажем, полукальки, тем не менее есть кальки, которые отражают их происхождение, хотя в большинстве случаев эти кальки перешли национальные рубежи и стали интернациональными ФЕ с абстрагированной семантикой, например:

maîni un izrâdes! - panem et circenses!
(хлеба и зрелищ!). Латинская фраза связана с римской историей и обозначала клич римской черни;

piektâ kolona - quinta columna
(пятая колонна). Испанская фраза периода Гражданской войны;

zelta jaunatne - jeunesse dorée
(золотая молодежь). Фраза, появившаяся во время французской революции в конце 18 века и обозначавшая контрреволюционную молодежь;

ënu kabinets - shadow cabinet
(теневого кабинета). ФЕ английского происхождения, связанная с традицией формирования кабинета оппозиции в парламенте.

Все эти фразеологические кальки потеряли их национально-ограниченный характер и могут использоваться вне контекста, связанного с языком происхождения.

5.2. Беспереводные фразеологические займствования

Фразеология, заимствованная в ее полной форме - с полным фонографическим (звуковым и графическим) сходством с оригиналом, еще до недавнего времени совершенно не исследовалась в работах по лингвистике (исключение составляли словари иноязычных слов и выражений). Беспереводные заимствования считались чуждыми, посторонними элементами в языке. Причиной такого взгляда был как бы случайный, окказиональный характер употребления этих ФЕ, о чем свидетельствует и иногда употребляемый термин "вкрапление". Так, С. Влахов и С. Флорин (1980, с. 263) термином "вкрапление" обозначают как давно укрепившиеся в языке иноязычные ФЕ, так и окказиональные ФЕ и даже целые абзацы иноязычных текстов. Такой подход преувеличивает роль иноязычного грамматического и фонетического оформления и недооценивает семантический аспект, а также просто функционирование языка. Нам представляется, что ФЕ этого типа является неотъемлемой частью фразеологии языка-реципиента. Она существует во всех европейских языках и носит интернациональный характер. Как указывает А. М. Бабкин (1970, с. 219), мнение о случайном употреблении этих выражений основано на том, что лексикографические источники обычно не содержат серьезной информации по этому вопросу. Этот тип заимствования имеет и другие обозначения, рассмотренные выше, которые, на наш взгляд, являются менее адекватными. Так, термин "непосредственное заимствование" (предложенный В. В. Акуленко, 1972) может ввести в заблуждение, поскольку он служит для обозначения и иноязычных элементов, пришедших в язык без участия других языков, т.е. привести к смешению способа заимствования и источника или пути прихода.

То же самое относится к термину "прямое заимствование" (Шанский, 1955; Амосова, 1963).

За последнее время ситуация в этой сфере изучения заимствования ФЕ улучшилась (Жулаева, 1970; Бертизон, 1972) и

ксенонимы (Копыленко, Попова, 1978, с.115) исследуются во многих аспектах.

Отметим, что в латышской лингвистике отсутствуют какие-либо исследования по этому вопросу, и число беспереводных ФЕ в словаре иностранных слов далеко не соответствует числу их в употреблении (лишь 750 беспереводных слов и выражений).

В латышском языке существует много беспереводных ФЕ. Источником этих ФЕ (часто и фразеологических интернационализмов) является, главным образом, латинский язык, например: *alma mater, deus ex machina, terra incognita, memento mori, persona non grata, tabula rasa, modus vivendi* и т.д. Но во фразеологический фонд языка входят и многие беспереводные заимствования из так называемых новых языков, в первую очередь из французского, английского, немецкого, итальянского, например: *tête a tête, fifty fifty, fata morgana, Sturm und Drang*.

Надо отметить, что заимствованиям ФЕ этого типа из русского языка препятствуют различия в орфографии и другие обстоятельства (о них дальше), что является своеобразным барьером, и такие ФЕ в латышском языке, так же, как в западноевропейских языках, практически не наблюдаются.

Характерной чертой фразеологических заимствований этой группы является эквивалентность оригинала и заимствования, поскольку ФЕ переносится без звуковых, графических, семантических или структурных изменений. По нашему мнению, можно говорить о стилистических различиях. В исходном языке ФЕ является либо нейтральной, либо обладает определенной стилистической окраской. При заимствовании она получает дополнительную стилистическую окраску, так как в тексте (речи) она будет существовать как экзотический, неассимилированный элемент.

Если слово сравнительно легко ассимилируется языком, то заимствованные ФЕ в их исходной форме всегда ощущаются как иноязычные по причине их немотивированности для народа-ре-

цептора (Пономаренко, 1978, с.301). Вместе с тем знание иностранных языков может полностью снять эту немотивированность.

Но отсутствие ассимиляции (можно говорить лишь о фонетической парциальной ассимиляции) не мешает заимствованию ФЕ этого типа. Они являются частью фразеологического фонда языка-рецептора (в нашем случае - латышского языка).

В этой связи мы не можем согласиться с мнением Р.М.Вейнтрауба, 1971, с.12), считающего, что иноязычные фразеологические единицы приживаются в языке только в калькированном виде. Приживаются и ФЕ беспереводные, о чем свидетельствует их употребление в литературе, в разговорном языке.

Отметим, что беспереводные фразеологические заимствования обладают большой устойчивостью, так как их форма и значение тождественны. В то же время следует указать на возможность параллельного существования калек тех же самых ФЕ.

Часто, особенно на ранних стадиях заимствования, автор дает и заимствованную ФЕ, и кальку, учитывая, что не все читатели могут знать иноязычную ФЕ. Существование рядом с беспереводными ФЕ их калек указывает на расширение языковых контактов или на динамику процесса заимствования, поскольку одна форма заимствования может постепенно вытеснить другую.

Тем не менее мы не можем согласиться с мнением Н.М.Шанского (1969, с.124), что фразеологические заимствования этого типа не только немногочисленны и ограничены в сфере своего употребления письменной речью, но и представляют собой явление преходящее.

Во-первых, число этих заимствований не так уж мало, о чем свидетельствует двухтомное издание словаря иноязычных выражений русского языка. Во-вторых, пласт этих заимствований пополняется, например: **brain drain, play off, heavy metal.**

Е-третьих, беспереводные ФЕ составляют неоднородную массу. Существуют ФЕ книжного характера (*testimonium paupertatis, stiff upper lip*) газетно-публицистического характера (*Sturm und Drang, idee fixe*) и разговорного характера (*to be or not*

to be, va banque. И, наконец, не всегда укоренение калькированных форм ФЕ сопровождается отпадением их беспереводных прототипов, так как они обладают специфическими стилистическими особенностями, которые часто нужны для создания желаемого колорита.

5.3. Фразеологические полукальки

Фразеологические полукальки включают в свой состав элемент (или элементы) калькирования и элемент (или элементы) фразеологической транскрипции, т.е. представляют собой тип заимствования, возникший в результате употребления двух его способов. Это убедительно демонстрирует отсутствие глубокого водораздела между способами заимствования.

Полукальки возникают в случае "непереводимости" одного или нескольких компонентов ФЕ. "Непереводимость" эта не абсолютная, однако существуют факторы, способствующие ей. Обычно ФЕ содержат имена собственные или слова, характерные для иноязычной действительности, например:

Potjomkina sādžas - потемкинские деревни (русс.)

Satan, atkāpies - hupage Satana (отойди от меня, сатана) (грек.) (Matf. 4, 10)

bita paaudze - the beat generation - (бит-поколение) (англ.)

Фразеологические полукальки составляют довольно большой процент заимствованных ФЕ, хотя и их доля очень различна в корпусе заимствований из разных языков, например, они составляют почти 40% фразеологических заимствований из греческого языка. Мы никак не можем согласиться с Л.А. Пономаренко (1978, с. II) в том, что настоящих полукалек очень мало, и что всем языкам свойственно предпочтение полного калькирования и полного заимствования процессу образования полукалек.

Отметим, что удельный вес национально окрашенных или мотивированных ФЕ почти во всех языках составляет всего несколько процентов от общего числа ФЕ, так как основная масса

лишена какого-либо экстралингвистического, национального своеобразия и носит общий для многих или всех языков характер (Райхштейн, 1982, с. 104). Но именно эти национально своеобразные ФЕ заимствуются, так как передать их специфику готовыми эквивалентами другого языка невозможно. Счень часто именно полукальки выступают в этой функции, сохраняя больше близости к иноязычному прототипу, чем калька, например:

trešais reihs - das dritte Reich (третий Рейх);

tēvocis Sems - Uncle Sam (дядя Сэм);

Kartāga ir jāvegrauj - Carthaginiem esse delendam
(Карфаген должен быть разрушен);

meiņā sotņa - черная сотня.

Фразеологические полукальки вообще семантически почти всегда тождественны прототипу и в том случае как бы сохраняют среднее положение между кальками, которые часто развивают отклонения от оригинала, и беспереводными заимствованиями, которые почти всегда семантически идентичны оригиналу. Как исключение можно привести полукальку fiksā ideja (французское idée fixe), которая имеет в латышском языке смысл - "неожиданное, быстрое решение", хотя и в конце 19 века еще сохраняла оригинальную семантику - "навязчивая идея". Замена семантики произошла из-за созвучности лексического заимствования из немецкого "fiks" (быстрый).

Проблема полукалек имеет еще одну особенность: во многих случаях встает вопрос - чем является то или иное заимствование - калькой или полукалькой, ибо в заимствованной единице есть компоненты, заимствованные из языка источника.

Если эти элементы существуют в языке как самостоятельные лексические единицы и проникли в латышский язык до появления в нем калек ФЕ, мы не можем считать эти единицы полукальками, так как непереверденная часть ФЕ является фактически переведенной. Это полные фразеологические кальки:

džungļu likums - jungle law - закон джунглей (англ.);
sezonas nagls - clou de la saison - гвоздь сезона (фр.);
sturmēt debesis - Himmel stürmen - штормовать небо (нем.);

5.4. Фразеологические транскрипции

Фразеологические транскрипции занимают как бы промежуточное положение между кальками и беспереводаемыми заимствованиями. Они стоят ближе к последним по фонетическим и семантическим характеристикам, сохраняя большее тождество с оригиналом. Однако подчиняясь грамматике и письменности языка-рецептора, они хорошо интегрируются в языке-рецепторе, снимая чужеродность заимствования. Заимствованные транскрипции из западноевропейских языков графически мало отличаются от прототипов и минимальные отличия обычно соответствуют правилам воспроизведения слов иноязычного происхождения в латышском языке. Отметим, что фразеологических транскрипций в "чистом" виде вообще очень мало, хотя фразеологическая транскрипция как способ употребляется при создании полукалек, которые широко распространены.

Как правило, фразеологические транскрипции - это имена собственные, которые вследствие метонимизации обрели статус ФЭ, например:

Džons Buls - John Bull → (Джон Буль - англичанин);

Šerloks Holms - Sherlock Holmes - (Шерлок Холмс - детектив);

dons Kihots - Don Quijote - (дон Кихот - упрямый борец за что-то);

Žanna d'Arka - Jeanne d'Arc - (Жанна д'Арк - волевая, самоотверженная женщина);

Ivans Ivanovičs - Иван Иванович (русский).

Как видно из примеров, имена собственные потеряли свой индивидуальный характер и стали обозначать представителя народа, специальности, профессии, и т.д. Итак, фразеологические транскрипции являются транскрибированными компонентами ФЭ с

небольшими отклонениями от исконного звучания, вызванными особенностями передачи звуков языка источника звуками латышского языка.

Типы заимствования взаимосвязаны. Так, например, существует прочная связь между беспереводным заимствованием и фразеологической калькой, ибо в латышском языке имеется множество парных заимствований - и калька, и беспереводное:

fair play - tira spēle, Sturm und Drang - vētras un dziņu, no pasaran - viņi netiks ceuri, selto mortale - nāves cilpa,

и т.д.

Связь между отдельными типами заимствования особенно наглядна при диахроническом подходе, ибо многие заимствования как бы проходят пару стадий. Часто первое употребление - беспереводное с пояснением, потом пояснение в случае беспереводного употребления исчезает или становится самостоятельным, или калька закрепляется, а беспереводное заимствование исчезает. Рассмотрим эти процессы на нескольких примерах.

Так, например, ФЕ veselā miesā veselā gara сперва закрепились в латышском языке в форме кальки:

Jau vesle romieši runāja: "veselā prāte etrodams tik vien veselā miesā". (Tevija, 1884-8).

Pie veselā grieķiem miesā varēja cilvēks nevarēja būt pilnīgi izglītots, jo viņu sakamais vārds bij, ka tikai veselīgā miesā mājot veselīgs gars. (Austrums, 1885, 2).

Un šai uzvarai jānāk pa grieķu, lai tiktu otras cieņīgi. Tad bus veselā miesā veselā gara. (Sports Žurnāls, 1925, 7).

И только в наши дни беспереводная ФЕ употребляется свободно параллельно кальке:

Neiz domā in corpore sano. (Liesma, 1986, 11).

Первое употребление следующей ФЕ - парное: и беспереводное, и в виде кальки; в языке сохранились оба, хотя калька употребляется чаще:

Un Eplantes sakams vārds: "time is money" (laiks ir nauda) peliek visu taisnībā. (Latviešu Avīzes, 1873, 49)

Praktiskie angļi nevien saka, bet to arī dzīvā izved, ka laiks ir nauda. (Zemkopis, 1910, 24; 16. jūn.)

Pats kapteinis rūgti smīn: "Tie tur spakšā saka, ka laiks esot nauda, nē, laiks ir dzīvība". (Brīvā Zeme, 1936, 131)

Laiks ir nauda, bet naudas gandrīz vairs nav. (P.J. 30.10.1984)

Vai nav burvīgi? "Time is money", viņi saka ... (Zvaigzne, 1989, 8)

Существует связь между фразеологической транскрипцией и беспереводным заимствованием. Часто первое употребление – беспереводное или применяются оба вида, к тому же, как правило, фразеологическая транскрипция – двухкомпонентная ФЕ с функцией агента, а беспереводное заимствование не связано ограничениями, но, как правило, не является двухкомпонентным фразеологизмом с функцией агента, т.е. именем собственным, например:

· Bet ja kādas dzīvei svešas idejas arī sakarsētu galviņas, tad no tādiem var iznākt tikai Don Kichoti (Don Quixote), kas sīkstās ar vāju dzirnavām un ved karu ar aunu bariem. (Dienas Lappa, 1886, 76).

Как видно, между типами заимствований существует известное разделение сфер.

6. Источники, критерии заимствования ФЕ

Исследование заимствованной фразеологии немислимо без установления языка-источника ФЕ, путей прихода ее в язык-рецептор (в нашем случае – латышский). Следовательно, поднимается вопрос об источнике той или иной ФЕ, о языке-первоисточнике, о языке, из которого ФЕ заимствована, о прототипе. Иногда несколько этих понятий могут сойтись к од-

ному языку и одному употреблению ФЕ, но в большинстве случаев это не так. Поэтому важно выделить несколько терминов для обозначения этих понятий.

Этимологический язык-источник - это язык, в котором впервые возникло образование, впоследствии прямо или посредством других языков попавшее в рассматриваемый нами язык, т.е. латышский. Иными словами, это язык первоисточника ФЕ - язык прототипа.

Так, ФЕ gulbja dziesma - греческого происхождения κυκνειον язма; поверье, будто лебеди поют перед смертью, мы можем найти в баснях Эзопа (С в. до н.э.), в трагедии Эсхила "Агамемнон", и наконец в работе Цицерона "Об ораторе" (3,2,6-8) мы находим сравнение смерти Лициния Красса после произнесенной им речи с лебединой песней. Однако заимствована ФЕ в латышский язык наверняка из немецкого Schwanengesang.

ФЕ alga un omega берет свое начало в греческом языке (Новый Завет, Апокалипсис, I,8), ибо она основана на первой и последней букве греческого алфавита. То, что библейский перевод в латышском языке не содержит ФЕ, оформленную так - Es esmu A un O! (Jāņa atkl.gr.1,8), свидетельствует о том, что ФЕ пришла не через библейский перевод, а другим путем, однако этимологический язык-источник - греческий.

Исторический язык-источник - это язык, из которого язык-рецептор (латышский) перенял ФЕ. В результате прямых языковых контактов исторический язык-источник может совпадать и с этимологическим языком-источником, а при посредственном заимствовании - это язык-посредник или последний в цепи посредников. Например, беспереводная ФЕ common sense заимствована из английского языка, но в английский язык ФЕ заимствована из латинского sensus communis. Таким образом, калька veselais saprāts может быть заимствована как из латинского, так и английского языков.

Другой пример: vieta zem saules (место под солнцем) этимологически происходит из французского языка (place au/sous le

souleil) и встречается в сочинениях Гаскаля (1670), Беранже (1827), Гальзака (1832) в довольно гуманистическом смысле. Но настоящее скивление ФЕ претерпела в 20 веке, когда после речи в Рейхстаге канцлера Б.Булава в 1897 году ФЕ (Platz an der Sonne) обрела империалистическую окраску и вскоре калькировалась в латышском языке. Так, немецкий язык в этом случае является историческим языком-источником этой ФЕ.

Прототип фразеологического заимствования – это первоначальный образец в этимологическом языке-источнике, т.е. первое употребление фразы. Прототипом фразеологического заимствования может служить ФЕ. Например, английская ФЕ corridors of power (коридоры власти), является названием книги Ч.П.Сноу, появившейся в 1964 году и вскоре переведенной на латышский язык "voras gaiteni".

Прототипом фразеологического заимствования может быть и переменное сочетание, т.е. словосочетание, которое в его первичном употреблении не имело свойств ФЕ и лишь впоследствии превратилось в ФЕ. Например, выражение kauls no mala kaula, mīeva no mala mīevaa (Мозис 1; 2-23) в Библии употребляется в прямом смысле – Бог вынул у спящего Адама ребро, из которого создал женщину.

И наконец существует множество заимствованных ФЕ, не имеющих прототипов в установленном языке происхождения. Так, например, ФЕ Trojaiss zirgs, имеющая параллели и в немецком языке (Trojanische Pferd), из которого, по нашим наблюдениям, она заимствована, и в русском (троянский конь) и в английском (the Trojan horse) и во французском (cheval de Troie), не имеет прототипа в греческом языке – в эпосе Гомера – ни в форме ФЕ, ни в форме переменного сочетания. Такая же ситуация в случаях многих ФЕ, тематически связанных с Библией, например Noasa ākirsts, neticīdais Toms.

В некоторых случаях можно установить исторический язык-источник, а этимологическим языком-источником в случае отсутствия

прототипа, согласно дефиниции, становится язык, носителям которого принадлежат реалии, мотивировки, стимулы, отправные идеи, образы, и т.д.

Отметим, что большинство этих ФЕ – фразеологические полукальки, содержащие имена собственные и т.д. И хотя в некоторых случаях этот критерий может и не соответствовать истине в полной мере (о чем дальше), представляется, что этот путь наиболее приемлем как рабочая дефиниция. Так, например, ФЕ braun Heind восходит к немецкой фразе braun Heind, означающей нациста, члена ударных отрядов нацистской партии в соответствии с коричневой формой членов этих отрядов.

Отметим, что довольно много случаев, когда ситуация еще сложнее. Так, в латышском языке существует ФЕ homēriski smiekli которая заимствована либо из русского (гомерический хохот), либо из немецкого (homerisches Gelächter). Хотя, кажется, эта единица имеет греческое происхождение, в самом греческом языке ее нет. В эпосах "Илиада" и "Одиссея" употребляется другое словосочетание – αἰβέσιος γέλος – в значении "долгий неостанавливаемый смех". И в латышских переводах эпоса ФЕ не употребляется:

nerimās smiekli nu skaļi (Илиада, I, 599);

vasēlas smiekli bez gala (Одиссея, 8, 32С);

Atēna vasēla tobrīd neapvaldītus smiekļus (Одиссея, 20, 346).

Таким образом, ФЕ не греческого происхождения, а французского – vive homérique. Французский является этимологическим языком-источником.

Происхождение ФЕ īct uz Kanosu (идти в Каноссу) представляется спорным. С.Солодухо (1982) трактует ее как семантическое фразеологическое заимствование, т.е. образование под действием мотивировок – стимулов действительности как достояний иноязычных народов, но без опоры на нацию, либо как сложившуюся иностранную языковую форму, модель как таковую

(с.140). Таким образом, выдвигается идея, что эта ФЕ является новообразованием исконого порядка. Эта ФЕ основана на историческом факте: в 1077 году Генрих IV, германский император, чтобы избежать низложения, отправился пешком в Каноссу в Северную Италию, чтобы принести покаяние папе. Однако как ФЕ этот факт оформился в конце 19 века, когда протестантская Пруссия повела борьбу с католицизмом и римским папой. И 14 мая 1872 года Бисмарк во время дебатов по этим вопросам сказал, что они в Каноссу не пойдут, после чего выражение вошло в язык. Таким образом прототип дальнейших заимствований - речь Бисмарка, а этимологический язык- источник - немецкий - nach Canossa gehen.

Благодаря многочисленным публикациям в периодике, речь и сама ФЕ стали хорошо известны в Латвии и калька в течение пары лет вошла в фразеологический фонд латышского языка (о чем дальше). Таким образом, немецкий язык в этом случае сыграл для латышского роль исторического языка источника, а то, что ФЕ содержит реалию итальянскую, еще не свидетельствует о ее происхождении. Как видно, во многих случаях установление этимологического источника является сложным и трудным.

Эти соображения определяют важность выдвижения жестких критериев определения первоисточника и отбора фразеологических заимствований.

1. При беспереводном заимствовании факт заимствования из конкретного языка налицо в форме материальной оболочки ФЕ языка источника. Например:

<i>tabula rasa, alma mater</i>	- из латинского языка;
<i>fata morgana, tutti - frutti</i>	- из итальянского языка;
<i>tête a tête, enfant terrible</i>	- из французского языка;
<i>Union Jack, common sense</i>	- из английского языка;
<i>Sturm und Drang, Drang nach Osten</i>	- из немецкого языка.

2. В случае транскрибированных ФЕ приспособленный иноязычный материал также свидетельствует о языке происхождения, ибо, как правило, эти единицы являются именами собственными

(dons Kihots, Piters Pens, Zenna ... Arka), происхождение которых хорошо известно.

3. В случае фразеологических полудкалек мы имеем транскрибированный элемент или элементы (bīta raudzē, с англ. beat generation, taisīt scēnu с франц. faire une scène, ciest fiasko с итальянского far fiasco), которые указывают на язык происхождения.

4. Но в случае фразеологической кальки ситуация намного сложнее. Если принять во внимание тот факт, что многие заимствованные фразеологизмы являются интернациональными, то встает вопрос, как определить язык-источник при отсутствии критериев, указывающих на них. Фразеологические кальки, сделанные по существующему в латышском языке беспереводному заимствованию, можно с уверенностью считать заимствованными ФЕ из этого языка, если исходные формы не являются кальками с другого языка, как в вышеизложенном случае с "сондон senve".

Например:

Veselā miesā veselš gars - Mens sana in corpore sano
(Здоровый дух в здоровом теле) - с латинского языка;

Meklejiēt sievieti! - Cherchez la femme
(ищите женщину) - с французского языка;

Tā dara visas - Così fan tutte
(так поступают все) - с итальянского языка;

Vipi netiks sauri! - no ravan! /
(они не пройдут!) - с испанского языка;

Vētras un dziņu periods - Sturm und Drang (Periode)
(период бури и натиска) - с немецкого языка;

Mana māja ir mana pils - My house is my castle
(мой дом - моя крепость) - с английского языка.

5. Во многих случаях происхождение ФЕ можно установить на основе зафиксированной информации о ней во фразеологических источниках других языков (которые более детально рассматривают эту проблему) или путем проверки в переводах пер-

воисточников (особенно это касается библии и античной литературы), т.е. установлением прототипов. Например:

hūt septitās debesis,
to be in the seventh heaven,
im siebenten Himmel sein,
être en septième ciel,
быть на седьмом небе (Аристотель. Из греч.из.);

dienišķa maize,
daily bread,
das tägliche Brot,
pain quotidien,
хлеб насущный (Матф.2,6).

7. В отдельных случаях, особенно в стадии проникновения, в репортажах, корреспонденциях и т.д. заимствование ФЕ сопровождается формальным признаком этого процесса, а именно - вводной фразой: как говорят в Англии (Америке, Франции, Испании, у нас, здесь ...). Например:

Vešingtona ir ierēdņu, jeb kā viņus šeit sauc - "balto arkaklīšu" pilsēta (PJ,23.3.1975);

... saglabāja stingru kontroli pār prezidentu, izmantojot tā dēvēto "virtuves kabinetu", kura locekļi - Reigana tuvākie draugi ... (Planētas Puls,1931,Rīga,1982, lpp.214).

8. Известно также происхождение многих ФЕ, недавно созданных писателями, историческими личностями, политическими лидерами и т.д. Например:

piektā kolona,
the fifth column,
die fünfte colonne,
cinquième colonne,
пятая колонна

была заимствована из испанского языка - quinto columna.

Сна возникла во время гражданской войны в Испании после выступления генерала Мола, утверждавшего, что помимо четырех колонн, движущихся на Мадрид, есть еще пятая: в самом Мадриде - тайные агенты, проводящие подрывную работу и диверсии.

Интересна также история происхождения ФЕ ziducet pavadze (потерянное поколение) с его франко-английскими корнями (generation perdue, lost generation). "Спределение принадлежит безымянному французу ... слова эти услышала Гертруда Стайн, американская писательница ... и обмолвилась или как-то в разговоре с Хемингуэем ... тот взял их эпитафией к "Триесте" (Анастасьев, ИОБИ, с.9).

В последнее время ФЕ с терминологической направленностью, особенно в сфере политики, укореняются в течение нескольких дней или недель и заимствуются также очень быстрыми темпами.

Так, ФЕ nulles variants - the zero option (нулевой вариант), появившаяся в речи президента США Рейгана 19 ноября 1980 года, до конца года уже твердо вошла и в латышский, и в русский языки. Например:

Grūti pierēmt arī ASV viedokli par tā dēvēto "nulles variantu" (Planētas Puls, 1981, lpp.224.);

... Tādā pašā tā dēvētā "0" variantā mūsu pārvaram būtu NATO puse (Planētas Puls, 1981, lpp.225.).

То же случилось с ФЕ zvaigžņu kari - Star Wars (звездные войны).

Ю. Довольно надежным критерием могут служить исконно национальные элементы, входящие в состав ФЕ, - реалии, имена собственные, историзмы с мотивировкой, аллюзии и т.д. Эти заимствования часто являются фразеологическими поучальными, например:

Univerzālā dolārs - almighty dollar (всемогущий доллар).

potemkinska sadiša - Потемкинские деревни.

Тем не менее, как указывалось выше, не всегда эти национальные элементы свидетельствуют о принадлежности ФЕ к определенному языку.

Так, бывшая ФЕ keines udens (в настоящее время odokolons) содержащая имя немецкого города, является калькой французского eau de Cologne, а ФЕ visi celi ved uz Romu - французского происхождения, а не латинского или итальянского - tous le chemins vont à Rome (все пути ведут в Рим).

II. В отдельных случаях помогают сохраненные элементы языка, с которого заимствована ФЕ - синтаксические связи, не свойственные языку-рецептору, конструкции словосочетаний, семантические казусы. Например:

uz to labako - с нем. aufg beste,

pienemt mērus - с франц. prendre des mesures.

7. Процесс заимствования, его этапы

Сам процесс заимствования, на наш взгляд, полезно разделить на этапы, что применительно к фразеологии пока еще не было осуществлено.

Что касается заимствования лексики, то большинство лингвистов подразделяют этот процесс на три этапа: использование (проникновение), собственно заимствование (усвоение) и интеграция (укоренение). В терминологическом плане наименований этапов наблюдается большое разнообразие, но приведенные названия в целом отражают общее понимание процесса (Мартинек, 1972; Жлуктенко, 1974; Аристова, 1976; Рыжикова, 1979; Балдунчикс, 1963).

Есть и другой подход к этому вопросу - различение только двух этапов заимствования - использование и собственно заимствование (Племжене, 1973) или заимствование и освоение (Майоров, 1967; Гиржакова и др., 1972; Коротких, 1980).

По нашему мнению, в случае фразеологии предпочтение сле-

дует отдать двухэтапной классификации. Это обусловлено особенностями и различиями фразеологического заимствования по сравнению с лексическим. При лексическом заимствовании новая лексема, которая вводится в состав языка-рецептора, чужда и непонятна носителям языка, тогда как при фразеологическом заимствовании (особенно калькировании) ФЕ часто мотивирована и понятна с первого появления. Если при лексическом заимствовании период вхождения может быть очень разным, то, как показало исследование, ФЕ в большинстве случаев либо усваивается довольно быстро, либо вообще не усваивается.

Итак, мы предлагаем выделить два этапа заимствования ФЕ:

1) использование новой ФЕ в речи (фактически это явление окказиональное; в случае кальки - фразеологическое окказиональное калькирование);

2) укоренение ФЕ, вхождение ее в систему языка, установление разнообразных связей с исконными единицами.

Конечно, такое деление является формальным и не отражает динамики непрерывных изменений в языке, но диалектически любое движение есть совокупность промежуточных состояний, в которых в тот или иной момент находится данное явление. Между этими этапами существуют различия, которые удобнее рассмотреть отдельно.

Какова же мотивировка первого окказионального использования иноязычной ФЕ в потенциальном языке-рецепторе? Сначала заимствование, по-видимому, осуществляется одним человеком, а затем принимается и повторяется многими другими, и, возможно, весь процесс повторяется снова и снова (Хауген, 1972, с.344). Такого же мнения придерживается Дж.Гринберг (Greenberg, 1971, р.186-187). Итак, "первичное" заимствование - явления сингулярное, вызванное какими-то соображениями билингва. Отметим, что, на наш взгляд, не всегда, и даже не очень часто ФЕ используется с целью дальнейшего укоренения ее в языке-рецепторе. При переводе художественной литературы фразеологическое заимствование является результатом стилистических особен-

potjomkina sloboda - котемкинские деревни.

Тем не менее, как указывалось выше, не всегда эти национальные элементы свидетельствуют о принадлежности ФЕ к определенному языку.

Так, бывшая ФЕ kolnes adens (в настоящее время odekolons) содержащая имя немецкого города, является калькой французского eau de Cologne, а ФЕ visi celi ved iz Romu - французского происхождения, а не латинского или итальянского - tous le chemins vont à Rome (все пути ведут в Рим).

II. В отдельных случаях помогают сохранные элементы языка, с которого заимствована ФЕ - синтаксические связи, не свойственные языку-рецептору, конструкции словосочетаний, семантические казусы. Например:

uz to labako - с нем. aufz beste,

piecemt mērus - с франц. prendre des mesures.

7. Процесс заимствования, его этапы

Сам процесс заимствования, на наш взгляд, полезно разделить на этапы, что применительно к фразеологии пока еще не было осуществлено.

Что касается заимствования лексики, то большинство лингвистов подразделяют этот процесс на три этапа: использование (проникновение), собственно заимствование (усвоение) и интеграция (укоренение). В терминологическом плане наименований этапов наблюдается большое разнообразие, но приведенные названия в целом отражают общее понимание процесса (Мартинек, 1972; Жлуктенко, 1974; Аристова, 1976; Рыжикова, 1979; Балдунчикс, 1968).

Есть и другой подход к этому вопросу - различение только двух этапов заимствования - использование и собственно заимствование (Глемжене, 1973) или заимствование и освоение (М.Яоров, 1967; Гиржакова и др., 1972; Коротких, 1980).

По нашему мнению, в случае фразеологии предпочтение сле-

дует отдать двухэтапной классификации. Это обусловлено особенностями и различиями фразеологического заимствования по сравнению с лексическим. При лексическом заимствовании новая лексема, которая вводится в состав языка-рецептора, чужда и непонятна носителям языка, тогда как при фразеологическом заимствовании (особенно калькировании) ФЕ часто мотивирована и понятна с первого появления. Если при лексическом заимствовании период вхождения может быть очень разным, то, как показало исследование, ФЕ в большинстве случаев либо усваивается довольно быстро, либо вообще не усваивается.

Итак, мы предлагаем выделить два этапа заимствования ФЕ:

1) использование новой ФЕ в речи (фактически это явление окказиональное; в случае кальки - фразеологическое окказиональное калькирование);

2) укоренение ФЕ, вхождение ее в систему языка, установление разнообразных связей с исконными единицами.

Конечно, такое деление является формальным и не отражает динамики непрерывных изменений в языке, но диалектически любое движение есть совокупность промежуточных состояний, в которых в тот или иной момент находится данное явление. Между этими этапами существуют различия, которые удобнее рассмотреть отдельно.

Какова же мотивировка первого окказионального использования иноязычной ФЕ в потенциальном языке-рецепторе? Сначала заимствование, по-видимому, осуществляется одним человеком, а затем принимается и повторяется многими другими, и, возможно, весь процесс повторяется снова и снова (Хауген, 1972, с.344). Такого же мнения придерживается Дж.Гринберг (Greenberg, 1971, р.186-187). Итак, "первичное" заимствование - явления сингулярное, вызванное какими-то соображениями билингва. Отметим, что, на наш взгляд, не всегда, и даже не очень часто ФЕ используется с целью дальнейшего укоренения ее в языке-рецепторе. При переводе художественной литературы фразеологическое заимствование является результатом стилистических особен-

ностей текста, отсутствия переводной единицы, контекстуальной ситуации, иногда и интерференции исходного языка. Вообще первичное окказиональное использование может мотивироваться либо необходимостью восполнить недостающие звенья в фразеологической системе языка (отсутствие ФЕ, имеющейся в другом языке), либо стилистическими или экстралингвистическими соображениями. Как правило экстралингвистические мотивировки доминируют при первом использовании ФЕ в языке заимствования. К таким мотивировкам можно отнести:

I) необходимость номинации при переводе новых явлений, понятий, предметов в форме ФЕ, вызванная их отсутствием в латышском языке, например:

nāves cilpa - salto mortale;

know how;

ķelnes ūdens (odekolons) - eau de Cologne;

zīepju operas - soap opera.

Проиллюстрируем последний фразеологизм примерами времени его заимствования, которые наглядно показывают нужность этой ФЕ и целенаправленность авторов в ее освоении:

Satraukumā radijs tas, ka sēru dāļ no televīzijas programmām pazuda "zīepju operas", bezgalīgie televīzijas seriāli ... (P.J.18.2.1986);

"Zīepju operas" (pavieģļa, frivola satura izkļaidzīošās programmas) tagad papildina Džordža Villa ... varīcījas par pretpadomju tēmu. (V.Hermanis. Divatnē ar globusu. R., 1984, 95. lpp.);

Spoži sākušais demokrātu kandidāts kļuva par ikdienīķas "soap opera" ("zīepju operas") varoni. (P.J.13. 1.1988.).

2) психологические и социальные мотивировки, языковой снобизм, т.е. стремление к частому употреблению иностранных фраз из-за престижа иностранного языка и т.д. Например:

dzelzs lēdija с англ. the iron lady (железная леди);

Par "dzelzs lēdiju" devāta premjerministre ārpolitikā kā pamatvirzienu izvēlējās ... (Cīņa, 27.4.1985);

Ziniet, kā cilvēki viņu iesaukuši - par "tešerieni" jeb dzelzs lēdiju ... (Lauku Dzīve, 1.1987.10.1pp.);

Atnākusi koleģe, par kuru līdz tam slimniece domājuši - īsta "dzelzs lēdija", bez smaids, bez sirsnības. (P.J.12.1.1988.).

Встречаются тексты, где можно найти обилие иностранных выражений, обычно это фразеологические вкрапления, например:

50. gadi, kad jauni cilvēki rakstīja - Look back in anger! -, sen atgājuši nebūtībā. Tagad vajadzētu mēģināt - Look forward! Around the corner! Verbūt tur vairā nestrāv bārdains vīrs ar rungu rokās. (Avots, 10, 1988).

Однако явление это не новое, уже в 19 веке можно найти множество употреблений где ясно чувствуется влияние языкового снобизма:

... So aprādīto gaitu neapsturēs nekādi izbailu brēcieni, ko sacel mūsu labo ģimēliju tētiņi, viņu "dames d'honneur" un jūsmelīgās jaunkundzītes. (Dienas Lapa, 1894, 1)

3) стилистические соображения при переводе - для создания нужного эффекта, сохранения контекста, каламбуров и т.д.

Например, в романе Э.Зайльда обыграна ФЕ strawberry leaves (титул герцога). При переводе этой ФЕ описательно была бы разрушена структура и смысл широкого контекста. Переводчик калькировал английскую ФЕ:

- Man jau aprīkubins komeris lapa.
- Tā jums piedien.
- Tā kā sabiedrība.
- Jūs veiktāta bez tā - piebilda Lords Henrijs.
- Bārdā redzēju šķirties kaut no vienas lapas

(C.Vailda, Doriāna Greja ģimētnē. Rīga, 1976, lpp. 222).

Отсутствие комментариев по поводу этой ФЕ создает трудности понимания данной окказиональной кальки читателем, так как она не мотивирована. В следующем примере ФЕ отлично вписывается в контекст:

britu louva - the British Lion (Британский лев);

... Jo Tešeres valdībai, kas ģai konfliktā uz bijušās koloniālās impārijas drupām grib nodemonstrēt, ka "britu louva" vēl spēj rukt (Cīņa, 15.4.1982);

4) влияние чужой среды (интерференция в речи людей, работающих за границей, в иноязычной среде, много читающих на иностранном языке и т.д.). Например:

melnā Marija - Black Maria (черный ворон)

при существовании в латышском языке ФЕ melnā Berta:

Motiekotajā laikā parādījās "Melnā Marija", kā Londonā vairs policijas automobili. (Brīvā Zeme, 1936.17.jūl.).

Iespējams, ka druknais policists stiepa avižu pārdevēju uz "Melnā Mariju" bet kalsnais centās pacifistam izkaut no rokām prolektora akrejlāpaz (PJ, 7.9.1974).

Интересно, что ФЕ той же семантики заимствована и из русского языка - melnais krauklīns/melnā vārnis (черный ворон).

Viena kora "melnā vārnis" aizveda uz ciētām, kur mās meivietojā 25-vaucīgu notiesāto kamerā (Zvaigzne, 21, 1989).

Часто автор руководствуется несколькими мотивировками сразу, а иногда и вообще не уделяет внимания заимствованию (интерференция).

Способствующими заимствованию факторами можно считать высокий престиж того или иного языка в определенный период, а также процесс интернационализации фразеологии (существование данной ФЕ в нескольких иностранных языках, которыми владеет переводчик).

Если ФЕ имеет эквивалентную или аналогичную ФЕ в языке перевода, то обычно она не заимствуется. Как отмечают Э.П.Вино и Ж.Дарбелене (1978, с.164), такое заимствование наблюдается у тех языковознаний двуязычных народов, языки которых ни-

ходятся в постоянном контакте. По нашим наблюдениям, подобная тенденция в сфере фразеологических контактов латвийского языка проявляется не очень часто.

В качестве примера можно привести перевод "war games" как "kara spēļu" вместо "manevri", который в последнее время часто начинает появляться на страницах газет и в лексике политических комментаторов. Например:

"Kara spēļu" klaji provokatorisko noslieci rāda tas, manevri notiek tikai piecu kilometru attālumā no Nīkaragvas robežas (Padomju Jaunatne, 5.4.1985).

Иногда переводчик может ошибиться, столкнувшись в тексте с так называемыми "ложными друзьями переводчика". Так, английская ФЕ champion of peace переводится как miera cīnītājs (борец за мир), а не как miera čempions, так как слово champion в английском языке полисемантично. Именно такая ошибка видна в следующем примере:

Jāpiebilst, ka tas nav pirmais gadījums, kad ar sociāldemokrātijas tiešu atbalstu Nobela miera prēmija piešķirta tamlīdzīgiem "miera čempioniem" kā M.Beginam un A.Sadatam, arī A.Saharovam un vēlāk notiesātajam K.Tanakam (Karogs, 1985, Nr.1, lpp.129-130).

В некоторой степени эта тенденция проявляется в русско-латышском языковом контакте, однако, как правило, кальки русского языка не вытесняют латышские ФЕ, а заимствуются параллельно латышским лексическим единицам, например:

pacelt jautājumu (поднимать вопрос) вместо jautāt,
pievest piemēru (привести пример) вместо minēt,
iznest lēmumu (вынести решение) вместо izlemt/nolemt.

Интродукция ФЕ и ее использование в первой фазе заимствования обычно сопровождаются формальными признаками. К ним относятся:

- 1) оригинальная орфография,
- 2) оригинальная орфография и кавычки,
- 3) кавычки (часто остаются и при полном заимствовании, так как ФЕ переосмыслена,
- 4) пояснения в скобках,
- 5) пояснения в последующем тексте.

Прохождение ФЕ первого этапа заимствования, т.е. ее первичное, пробное окказиональное употребление, еще не означает, что она закрепится в языке. Действительным фактом национального языка новая ФЕ становится значительно позже, когда фразеологическое заимствование, как результат творческого акта его создателя, существующее на первом этапе только для него, превращается в достояние целого языкового коллектива (Солодухо, 1982, с.142-143). Имеется ряд факторов, которые определяют закрепление заимствованной ФЕ в языке, стимулируют его или противодействуют ему. Эти факторы те же, что и при вхождении фразеологических неологизмов в общенародный язык, поскольку эти процессы идентичны. Эти факторы можно подразделить на два вида: 1) собственно языковые (интралингвистические), 2) внешние по отношению к языку (экстралингвистические) (Бурмистрович, 1972).

К первым относятся такие свойства ФЕ, как соответствие ее (речь идет о кальке, полукальке и транслитерации) требованиям языка и тенденциям его развития; иными словами, удача новой ФЕ во всех отношениях - грамматическом, фонетическом (благозвучие, ритмика), лексическом и семантическом.

К факторам второго вида относятся такие свойства ФЕ, как актуальность обозначаемого явления, необходимость ФЕ, среда пользования ею, а также исторические условия, личность создателя ФЕ (и личность переводчика), обстоятельства создания ФЕ, возможности распространения, одобрение ФЕ специалистами определенной сферы пользования, одобрение лингвистами, конкретное взаимодействие языков и характер этого взаимодействия.

Группа экстралингвистических факторов прямо влияют на

судьбу заимствованной ФЕ, и их следует считать решающими (Маковский, 1971, с. 124). Так, при совпадении ряда условий почти гарантировано быстрое заимствование ФЕ и ее вхождение в общепотребительный фонд фразеологии. Главным фактором нам представляется актуальность.

Ассимиляцию и укоренение ФЕ может ускорить также личность человека, употребившего ФЕ. Так, исторические фигуры придают силу не очень известным и заимствованным ФЕ. Например, ФЕ dzelzs priekškers - iron curtain (железный занавес), считающаяся английской, существовала в 18 веке во Франции и в 19 веке в Германии, но в переносном смысле была малоупотребительной. В начале 1945 года эта фраза была произнесена Гемббельсом, далее подхвачена Черчиллем и обрела свой нынешний статус после его фultonской речи (1946 г.), хотя зафиксировано употребление ФЕ уже в 1920 г. (П. Сноуден).

ФЕ tirgotāju nācija - a nation of shopkeepers (нация лавочников) была первый раз употреблена А. Смитом в его работе "Богатство нации" в 1776 году, а популярность и известность (и в самой Англии) получила после выступления Наполеона I.

Интересно, что ФЕ dzelzs lādija - iron lady (железная леди) - русского происхождения и впервые была употреблена в этом смысле в газете "Красная звезда" от 23.01.1976 года. Однако появление ее было одноразовым и так бы и осталось окказиональным, если бы сама М. Тетчер не приняла ее как почтенный титул в своей речи от 31.01.1976 года (Butler, Sleman 1980, с. 255) и не одобрила ее использование. С этого дня ФЕ вошла в общепотребительный фонд фразеологии английского языка и калькировалась в другие языки, в том числе и в английский. Похожим примером является уже рассмотренная история ФЕ "let us know".

8. Обогащение фонда заимствованной фразеологии в хронологическом аспекте

8.1. 17 век

Латышский язык вместе с литовским и древнерусским (исчезнувшим в конце 17 века) принадлежит к группе балтийских языков индо-европейской семьи языков. Латышский язык возник как результат слияния нескольких языков племен, живущих на территории сегодняшней Латвии. Взаимная близость этих племенных языков, внутренняя миграция и ряд других факторов способствовали ассимиляции селов, земгалов и куршей. Этот процесс, по-видимому, начался еще до немецкой экспансии (12-13 вв.) и завершился в конце 16 - начале 17 века. Надо полагать, что из упомянутых языков куршский язык был последним, который волился в новообразовавшийся язык латышской народности (об этом свидетельствует тот факт, что в 17 веке куршский язык уже не упоминается как отдельный или в противопоставлении латышскому). Постепенно ассимилировался и финно-угорский народ - ливы, обитавшие в западной Видземе и северной Курземе, язык которых исчезает в 20 веке.

Таким образом, нам хотелось показать, что изучение процессов развития латышского языка следует начинать с 17 века, когда закончилось его формирование как языка латышской народности. В пользу этого свидетельствует и наличие письменных источников, позволяющих рассмотреть сам язык в его развитии.

Латышский литературный язык первоначально формировался в двух различных вариантах: 1) как народный язык, стихийно сложившийся, выступавший в устном народном творчестве и сохранившийся в народных песнях (дайнах) о чем нет других письменных свидетельств раннего периода; 2) как письменный язык, который начал функционировать с 16 века, формировался главным образом под влиянием немецких священников и получил название старолатышского письменного языка; он пополнил латышский язык абстрактными понятиями, нелатышскими конструк-

циями и т.д.

Древнейшим известным в настоящее время рукописным латышским текстом является "Отче наш" Гисберта (1507). Первая печатная латышская книга относится к 1525 году (не сохранилась). Первый сохранившийся образец печатного текста "Отче наш" Газенгегера содержится в книге С.Мюнстера "Космография" (1550). Первыми сохранившимися до нашего времени латышскими книгами являются католический (1585) и лютеранский (1586) катехизисы. Старолатышские тексты раннего периода отражают, главным образом, язык Риги и ее окрестностей. Но судить по этим работам 16 века о латышском языке было бы неправильно.

17 век в судьбе Латвии был переломным. Если до 1621 года вся Латвия на протяжении нескольких десятилетий находилась под властью Польши, то в 1621 году Швеция завоевала Видземе и Ригу и начался долгий период раздела Латвии между Польшей и Швецией, а позже - и Россией.

К тому же латышские крестьяне с 13 века находились под гнетом немецких помещиков, которые сохранили свое господство и после распада Ливонии.

Шведский период в Видземе был благоприятным для развития как в эконсической, так и в духовной сфере. В 17 веке были созданы первый словарь латышского языка (Г.Манцель "Lettus", 1638) и первая грамматика (И.Регегузен, 1644).

17 век вообще является веком духовной литературы. В развитии языка выделяются три фигуры - Г.Манцель, Кр. Фирекер и Э.Глик. Первые два деятеля находились под покровительством курземских герцогов, последний - под покровительством шведского короля.

Фразеология представлена в первых письменных источниках очень бедно. Но, уже в первом словаре латышского языка Г.Манцеля приводятся некоторые фразеологизмы - gaužus asarus edis (с.240), vakāma vārds (с.73).

Дополнение к словарю "Phraseologia Lettica. Dav ist Täglicher Gebrauch der Lettischen Sprache" (Riga, 1638) содержит сгруппированный по темам разговорный материал языка, диалоги. Хотя

под фразеологией Г.Манцель понимал употребление языкового материала (кстати, это понимание сохранилось до начала 20 века), в словарь попало около 30 ФЕ разговорного характера, вероятно, услышанных автором в речи латышских крестьян, например

āda un kauli (кожа да кости, с.236);
visas iekšas apgriežas (все нутро переворачивается, с.216) и т.д.

Среди них заимствованных единиц нет.

Кр.Фирекер является основателем церковной поэтики. В его работах содержится довольно много оборотов, взятых из народных песен, разговорного языка, например:

audt augumā, ļaut valas, remdēt bēdes, pā prātinām,
ņemt galu.

Встречаются и библейские фразы, хотя они еще не претерпели переосмысления и были лишь зародышами будущих ФЕ, например:

debezis maņa, mīļais Jēzulinā, stipra pils.

Э.Глик является переводчиком Библии, которая вышла в свет в 1685 - 1689 гг. и позднее обогатила латышскую фразеологию многочисленными ФЕ (см. раздел о ФЕ библейского происхождения).

В 17 веке издается также другая религиозная литература, появляются переводы церковных песен с немецкого языка (М.Лутер, П.Герхарт).

Словарь Г.Элгера (1683) содержит исключительно лексический материал, а приведенные им пояснения, хотя местами и носят метафорический характер, невозможно считать фразеологическими, например:

tirāns - ņabags ļaužu adājs, cenzors - grāmatā raudzoniēks.

Словарь И.Лангя (1685) в фразеологическом аспекте уже богаче, но фразеология в нем выделена в редких случаях. В словаре довольно много материала взято у Манцеля, в том числе и фразеологизмы, например:

lācis ausās (20) (Phras.Lettus,276), brauc tilkuše,
brauc braukdams (36) (Phras.Lettus,364).

Есть и другие ФЕ:

izdevības braukt (53) - precības braukt, nelabu pikts,
niknis reiss (71) - negaiss, vienis prātis stāvēt (438).

Много заимствований из немецкого (трудно сказать, существовали ли они в языке или это интерференция в язык самого Лангя), например:

mieru salauzit (163), Fried verstören;

māļās piemeklēt (162), heimwuchen;

āron mācīties (10), außerhalb lernen.

Подробнее о немецких заимствованиях будет сказано в главе о немецком влиянии на латышскую фразеологию. В словаре можно найти и библейскую ФЕ dienišķa maize (440), хотя и в религиозном контексте.

Следует еще раз подчеркнуть, что остается неясным, в какой степени фразеология, содержащаяся в ранних словарях, отражает состояние языка и что является результатом интерференции в речих авторов.

Обобщая, можно сказать, что именно в 17 веке началось заимствование фразеологии в латышский язык, заимствование, которое главным образом связано с духовной литературой и библией.

8.2. 18 век

18 век является веком постепенного присоединения частей Латвии к Российской империи (в 1710 г. - Видземе, в 1722 г. - Латгале, в 1795 г. - Курземе). Тем не менее сказать, что в связи с этим кардинально меняются контактные языки латышского, нельзя. Более того, замена шведской власти русской приводит к усилению влияния немецких помещиков, которые получают полную власть на местах.

Вместе с тем все более расширяется издательская деятельность. По-прежнему издается довольно много религиозной литературы, переиздаются библия, отдельные ее части, религиозные песни и т.д., вследствие чего в языке укрепляются

библейские мотивы и фразеология. Письменность и язык 18 века характеризуются устойчивостью.

Под влиянием немецких просветителей-рационалистов появляется и светская литература: публикуются календари, поучения, разные сборники информации по практическим вопросам сельского хозяйства, кухни, и т.д. Характерно для всех этих изданий то, что метафорические приемы в них отсутствуют. Так, в объемистой книге Г.Стендера "Augstas Gudribas grāmata" (1774), которая является настоящей энциклопедией для крестьян, фразеология представлена исключительно плохо:

skādi darīt (с.21), liels gabals (с.29), kaulu kaulos ap-
trīcti (с.32), muti vīzbāzt (с.20), ciets vīlsāts (с.65),
asinis uz debesīm brēc (с.96), zemes tārpīņi (с.162),
pausaules ēka (с.163), taisnais ceļus iet (с.201, 239) -

вот почти и все, что более или менее можно считать фразеологическим; остальные сочетания являются библейскими аллюзиями переносного смысла:

ūdens plūdi (с.240), Bābeles tornis (с.210), ko sējis,
plūst (с.240) или составными терминами zītariska ūguns
(с.31), ūguns veltējis kalns (с.83), stāvu zvainznes, gā-
ļu zvainznes (с.157), pausa ceļš, piena ceļš, salmu
ceļš (с.161), caurais veļš (с.200),

которые обычно позднее заменялись словами или другими выражениями.

Примерно такое же положение и в других книгах светского содержания. Тем не менее видно, что библейская фразеология начинает проникать, пока еще в виде мыслей и цитат, в тексты другого содержания.

В противовес этой просветительской деятельности возникает довольно обширная литература по религиозной тематике так называемых "общин братьев" "brāļu draudzes".

Немецкий язык на протяжении всего 18 века остается почти единственным языком, оказывающим большое влияние на латышский. Словарь Ланге (1777) содержит довольно большой фразеологический материал. Во введении автор дает критику ошибок в употреблении латышской фразеологии допущенных церковными деятелями под воздействием немецкого языка, указывает в нескольких местах ошибочность употребления слова dzīt под влиянием немецкого treiben (elkdievību dzīt, maucību dzīt и т.д.). В словаре довольно широко представлен пласт поговорок и пословиц народного происхождения, частично сохранившихся в современном языке:

kam ēboli, tam mielotāji (4), dzīvs miris uz darbu krist (90), nikas zāles visur ielasās (170), kas vilkam mežā celu rāda (392), baro nu suni, vilks jau pie aitām (392), mellem ir issas kājās, drīzi var panākt (192).

Много и двухкомпонентных фраз: mieka meli (192) (пустая фантазия), sēnalu vācietis (290) (в последующее время karklu vācietis), sirds skaberdziņā (300), aplīnkam runāt (20), acis meit uz, acis trīs, ar acīm meit, acū mirklis, acīm redzot (44).

Последние две ФЕ могли быть и заимствованиями (augenblick, augenscheinlich). Есть и ФЕ фольклорного происхождения - tautas meita (392).

Немецко-латышский словарь (1782) также содержит приличное число ФЕ нейтрально-разговорного стиля:

skaidra nauda (141), tēva pēdā: staigāt (2), nezināt kur dēties (983), daudz nebēdāt par kaut ko (27), augsti asti celt (87).

Но наиболее важен словарь 1789 г. - Lettisches Lexicon Стендера. В аспекте фразеологии он содержит самый богатый материал, особенно двухкомпонентные сочетания, которых несравненно больше, чем в любых других словарях этого периода. Это указывает на огромную роль сочетаний в языке. Здесь можно

найти много ФЕ фольклорного происхождения - baltas dienas redzēt, līdz šo baltu dienu (16), гипотетические старые финские заимствования bārdū dzīt (50), kāzas dzert (49), библейское plaucību dzīt (51). Много разговорных соматических фраз; например, acīs mest uz ko, ar acīm mest, ar acīm dzīvot, bez acīm būt, acīm redzot, ne acu galā/ ne savās acīs neredzēt, acu mirklis (11-12).

Как видно, по сравнению со словарем Ланге пласт ФЕ серьезно расширен.

Некоторые ФЕ поясняются как типично латышские - tas kož kaulā, keulu kambaris, kaulus lauž,

что боль в костях у латышей ассоциируется с болезнью ...

Много ФЕ, которые в наши дни стали лексическими единицами:

saurais vējš (351), vēja dzirnis (351), acu mirklis (12), pašins dzērējs (7) /asināsūcējs?/, dzerama nauda (176).

8.3. 19 век

В 19 веке территориально Латвия входила в состав Российской империи. Война с Францией начала века особого влияния на латышский язык не оказала, разве что посредством русского языка, который в 18 - 19 вв. ассимилирует много галлицизмов. Власть в Латвии оставалась в руках немецких баронов, судопроизводство и образование осуществлялись на немецком языке (за исключением низших школ).

Вместе с тем в начале 19 века появилась латышская периодическая пресса, газеты, еженедельники, которые в большой мере подготовили почву для дальнейших событий, стандартизовали язык на основе среднелатышского диалекта.

В середине века началось младолатышское движение, возникли общества, театры, появились значительные художественные произведения, переводы с других языков, новая латышская интеллигенция возглавляла борьбу за будущее латышской нации и, конечно, за язык.

Началась большая работа по очищению языка от немецкого влияния, за утверждение статуса латышского языка. Младолаты-

ши стремились приблизить к разговорному письменный язык, который еще во многих отношениях нес в себе старолатышские традиции. Языковой пуризм, развернутый ведущими деятелями интеллигенции, имел довольно ясную антигерманскую направленность. Это интересно в том смысле, что под пуризмом обычно понимают стремление к очищению литературного языка от иноязычных заимствований, неологизмов, а также естественного проникновения в литературный язык ненормированных лексических и грамматических элементов. Между тем именно в этот период происходило широкое заимствование, связанное с ознакомлением латышей с культурой других народов, с классической литературой и т.д. Таким образом, пуризм был направлен против немецкого влияния, но в то же время словарный состав быстро пополнялся заимствованиями из других языков, главным образом интернационализмами.

Что касается фразеологии, то пуризм почти не затрагивал сферу ФЕ, ибо большинство заимствований существовало в виде калек, а калькирование в какой-то мере является скрытым способом заимствования. Более того, именно в это время в латышский язык проникли и утвердились многие беспереводные МЕ. Итак, в середине 19 века сформировались основы национального литературного языка.

В последней четверти века удалось остановить сильнейший процесс германизации, но его место заняла русификация: школы (даже начальные) и суды перешли на русский язык со всеми вытекающими отсюда последствиями для языковых контактов. Но латышский язык уже сформирован как язык нации, язык истинно художественной литературы, язык беспрецедентного собрания дайн. Вышли в свет многочисленные словари, появились латышские лингвисты, филологи. Культурные контакты начали играть ведущую роль в обогащении языка новыми ФЕ, хотя пока еще в большинстве случаев через языки-посредники - немецкий и русский.

В 80-90-е годы сформировался современный латышский на-

циональный литературный язык с развитой фразеологической системой, включавшей в себя множество заимствованных ТЕ.

Именно вторая половина 19 века явилась периодом широкого заимствования единиц. Так, хотя настоящие переводы многих произведений классической литературы появились лишь в 20 веке, но уже с середины века периодика пестрела аллюзиями к классическим сюжетам, литературе и т.д. Многие авторы целеустремленно обогащали язык этими оборотами, в результате чего во второй половине века такие единицы, как

donā Kihots, Augija stalli, Demokla zobens, prokrusta gulta, cīnīties ar vējdzirnavām, iet uz Kanosu

и многие другие уже являются неотъемлемой частью фразеологического фонда латышского языка. Параллельно в язык алиевается множество беспереводных фраз, преимущественно латинского и французского происхождения.

Проследить за развитием языка (особенно в сфере фразеологии), пожалуй, значительно легче по периодике, чем рассматривая словари, которые сохраняют характерную для них консервативность и предлагают минимальный обзор фразеологии.

8.4. 20 век

Языковые контакты латышского языка в 20 веке весьма обширны и в большой степени связаны с исторической ситуацией. В начале 20 века Латвия являлась частью русской империи с вытекавшей отсюда ролью русского языка в административной и других сферах жизни. По-прежнему параллельно русскому свое место сохранял немецкий язык; власть баронов, городской элиты все еще была велика, хотя революция 1905 года серьезно поколебала ее. В первую мировую войну Латвия вновь оказалась под немецкой оккупацией, что привело к прямым немецко-латышским контактам; часть населения эвакуировалась в глубь России и возвратилась после войны с неизбежным "грузом" русской интерференции. 20 летний период между войнами был периодом стабильности. В 30-е годы вышел в свет монументальный словарь Эндзелина-Моленбаха, который показывает богатство

латышской фразеологии, хотя фразеологизмы в нем не выделены как единицы и корпус заимствованных единиц ограничен из-за пуристического подхода авторов. Развернулась серьезная работа по очищению языка от ненужного русского и немецкого влияния, в том числе и во фразеологии. Однако языковой пуризм не всемогущ, и хотя некоторая часть нежелательных заимствований была из языка удалена, само заимствование продолжалось. Оставалось традиционным и знание большей частью населения трех языков.

Возросла также роль английского языка, который постепенно начал вытеснять немецкий как главный иностранный язык (в том числе и в школах).

Ориентация Латвии на Великобританию и США проявилась также в экономической сфере — торговле, паромном сообщении, что отразилось и на языке. В Риге были учреждены английский и французский институты по обучению языкам. Развивались контакты с другими странами.

В 1940 году Латвия присоединилась к СССР и началась новая волна русского влияния. В 1941 — 1945 гг. вновь усилилось немецкое влияние. После 1945 года произошел постепенный переход к латышско-русскому двуязычию. Первые десятилетия после войны характеризовались жесткой изоляцией от внешнего мира, что отразилось на языке и привело к сокращению процесса фразеологического заимствования. В 60-е годы влияние английского языка на латышский язык начало постепенно возрастать, причем оно проявлялось в основном письменным путем, как непосредственно, так и посредством русского языка. Вновь вернулись в язык старые фразеологизмы, и началось заимствование новых единиц из других языков.

В 20 веке усиливается влияние на язык культурных контактов по сравнению с воздействием этнических контактов. Мы полностью согласны с А.Д. Райхштейном, что "культурный и идеологический обмен между народами, межъязыковые контакты и, соответственно, заимствование и калькирование лексических

и фразеологических единиц протекают с различной силой в различных сферах коммуникации. Они максимально интенсивны в политической, экономической, научно-технической, культурной областях" (Райхштейн, 1979, с.5). Наиболее динамичное заимствование ФЕ происходит в публицистической литературе, особенно в прессе, так как "пресса более непосредственно и быстро воспринимает все то новое, что появляется в современном языке, а ее авторы - многотысячная армия корреспондентов, журналистов, редакторов, и т.д. - активно участвуют в обновлении словаря" (Розен, 1976, с.12). Благодаря массовым тиражам пресса становится главным популяризатором неологизмов (в том числе и заимствований) во многих областях общественно-политической, экономической и культурной жизни. Интересно, что заимствование письменным путем мало отражается на разговорном языке и просторечии. В этих областях доминируют простые, устные языковые контакты и заимствования (в случае латышского языка - русско-латышские языковые контакты).

В 20-30 годы в Латвии была весьма оперативная пресса, печаталось огромное число переводов (переводилась почти вся классика мировой литературы и множество "несерьезной" литературы). Такая оперативность неизбежно приводила к некачественному переводу, к интерференции, в том числе и в сфере фразеологии. Окказиональные кальки, нужные и ненужные, заполняли газеты, журналы и книги. Например, в предложении

Viena lieta ir skaidra - Hitlera ir nokavējis autobusu
(Jaunākās Ziņas, 5.4.1940)

использована окказиональная калька английской ФЕ to miss the bus; в предложении

Jau vairākkārt esam uzsvēruši, ka stratēģiski un saimnieciski Austrijai Eiropā ir "atslēgas pozīcija"
(Rīts, 12.07.1935) -

окказиональная калька английской ФЕ key position.

Другой отличительной стороной заимствования ФЕ 20

века и особенно его второй половины является исключительное положение английского языка.

Пrestиж языка, его распространенность играют большую роль при заимствовании: чем выше престиж языка, тем охотнее выучиваются и перенимаются отдельные его элементы (Lambert, 1977). Английский язык в этом отношении занимает уникальное положение: он является родным языком более чем 350 миллионов человек (Shipley, 1977, p. 12), государственным языком ряда стран на всех континентах (Великобритания, Ирландия, США, Канада, Австралия, Пакистан, Новая Зеландия, Сингапур, Малазия, ряд стран Западной, Восточной и Южной Африки и др.), используется в качестве второго языка во многих странах, одобрен как ведущий иностранный язык в школьных программах почти всех стран (English, 1984, p. 2), обладает исключительным богатством выразительных средств, обширным словарным запасом и самым большим числом публикаций.

Как уже было отмечено, при переводе окказионально калькируется большое число \mathbb{E} . Несмотря на множество факторов, обуславливающих заимствование, в подавляющем большинстве заимствуются \mathbb{E} , новые в языке-источнике. Заимствование давно укрепившихся единиц в наши дни минимально. Это определяется, во-первых, высокой ролью фактора актуальности при заимствовании и во-вторых, быстрыми темпами языковых контактов в результате научно-технической революции, особенно в сфере международных связей.

Те же факторы определяют вторую специфическую черту фразеологических калек 20 века, заключающуюся в том, что относительное число калек номинативно-терминологического характера значительно превышает число фразеологических калек коммуникативного характера (исходя из соотношения этих двух групп в языке-источнике и латышском языке); следует также указать на большое число калек общественно-политического характера, которые все время повторяются в прессе.

\mathbb{E} терминологического направления, особенно по модели

прилагательное + существительное, являются весьма продуктивными как в английском и русском (и не только в них), так и при заимствовании в латышском языке.

В этой связи следует рассмотреть вопрос о соотношении ФЕ и терминологических сочетаний. Одно, как-будто, исключает другое, так как термин в принципе не обладает образностью, экспрессивностью, находясь в терминологическом поле. Но мы не придерживаемся взгляда, что экспрессивность является главным критерием ФЕ. Гораздо более важен критерий устойчивости, а этим качеством терминологическое сочетание и ФЕ обладают в равной мере. "Часто встречающееся в лингвистической литературе противопоставление идиоматических сочетаний и терминологических обозначений несправедливо. Термины как раз близки к идиомам своей семантической автономностью и независимостью контекста" (Капанадзе, 1965, с. 54). При переосмысленном значении составные термины не отличаются от ФЕ принципиально. Различия между ними не органические, а функциональные, поскольку термины действуют в более узкой сфере. Другими словами, эти различия не больше, чем те, которые отделяют термины от других лексических групп, так как и простые, и составные термины характеризуются ограниченностью: а) употребления (применяются людьми одной профессии); б) сферы номинации (обозначаются только реалии, относящиеся к профессиональной деятельности) (Прохорова, 1974, с. 205). К этому можно добавить, что один из способов образования терминов - переосмысление (метафора, метонимия), в результате чего эти термины являются идиоматичными. Например:

Ābolīna lapa - clover leaf (клеверный лист) (англ.)

Терминологические сочетания нескольких тематических сфер не свободны от оценочного момента и коннотативности, так как вызывают разные ассоциации у людей с разным мировоззрением (особенно политико-экономическая терминология). Например:

the free world - the free world (свободный мир) (англ.).

Таким образом, отсутствует четкий рубеж между некоторыми терминологическими сочетаниями и ФЕ.

Отметим также, что многие ФЕ терминологического характера не имеют точных лексических соответствий в языке - только ими можно обозначать явления и понятия действительности. Например:

deels ɔrickškers - iron curtain (железный занавес) (англ.);

klusā daba - stilleven (натюрморт) (гол.).

Это означает, что эти ФЕ заполняют пробелы в номинации - "номинативный вакуум" (термин, принятый А.Г.Герингом, 1983, с. 13), что вообще не очень свойственно ФЕ.

В этой связи отметим, что мы никак не можем согласиться с мнением Л.П.Ефремова (1960, с.23), что "калькирование общественно-политических и научно-технических терминов относительно редко приводит к успеху, что является еще одним доказательством того, что этим способом воспроизводится, а не заимствуется вещественное значение иноязычного оригинала". Анализ материала показал, что в 20 веке именно в этих сферах наблюдается подавляющее большинство фразеологических калек.

Другую группу терминологических сочетаний составляют сочетания, которые при употреблении в "родном" терминологическом поле не являются ФЕ, так как у них полностью отсутствует переосмысление.

Однако в результате развития науки и техники в эру НТР, которая порождает массовое использование и популярность терминологии, развивается тенденция к употреблению ее в метафорическом смысле (Гладкая, 1980, с.133) в нетерминологическом контексте. Такое употребление сперва вызывает стилистический эффект - составной термин при его окказиональном употреблении как бы "зажигается" в новых контекстуальных условиях. Например:

Būšu priecīgs, ja republikā varētu izkustināt no "nāves punkta" dažu medniekiem un maksātniekiem svarīgu preču

газётану (Sports.17.06.1987).

При частом использовании терминологическое сочетание становится фактом другой сферы языка (газетно-публицистической, разговорной или общелитературной). В результате употребления в другой тематически-функциональной области терминологическое сочетание может детерминироваться или ретерминироваться (Шувалова, 1978, с.6) в другой терминологической сфере, или "обслуживает" обе сферы; однако называть устойчивое словосочетание при его переносном (узуальном) использовании термином нельзя, хотя ФЕ и сохраняет с ним смысловую связь (Сидоренко, 1978, с.88).

В общих чертах переход терминологических сочетаний в ФЕ заключает в себе следующие этапы:

- а) "трансформацию" терминологического сочетания в нетерминологический контекст;
- б) употребление терминологического сочетания в переносном смысле;
- в) закрепление переносного значения путем регулярного употребления в общелитературном языке (Соловьев, 1981, с.33).

Однако мы не можем согласиться с высказыванием Ю.Д.Авалиани и А.М.Эмировой (1973, с.68), что только при утрате всякой связи с реальностью они полностью покидают терминологические системы и приобретают статус собственно ФЕ. Такой подход противоречит диалектической природе ФЕ терминологического характера, которая содержит в себе элементы обеих категорий - и фразеологической и терминологической, и, более того, игнорирует первую группу терминологических сочетаний, рассматриваемую выше.

Как правило, функциональный круг ФЕ расширяется, переносное значение усиливает абстрактный характер, подводит словосочетание под широкий круг жизненных, чаще бытовых явлений (Сидоренко, 1978, с.111-112).

Рассмотренные процессы касаются, главным образом, проблемы фразеологии в языке-источнике. При заимствовании же чаще всего переносится уже готовая ФЕ терминологического характера, обладающая экспрессивностью (тип первый), и терминологическое сочетание - фразеологизм (омоним), которое можно употреблять как в терминологическом, так и в переносном смысле.

Так, например, английская ФЕ dark horse, обозначающая в конном спорте лошадь с неизвестными скаковыми качествами, пройдя вторичную метафоризацию, приобрела политическую семантику (неизвестный кандидат на президентских выборах) и используется для характеристики неизвестного кандидата в любой сфере. Об этом свидетельствует и путь ФЕ от специального жаргона (1860) через разговорную речь (1900) к литературному языку (1940). При заимствовании этой ФЕ произошла ее смысловая генерализация - она начала применяться в самом широком значении. Например:

tumšāis zirģis - dark horse (темная лошадка):

Starptautiskajā olimpiskajā komitejā Birminghamā deva par "tumšo zirģi" (Sports, 22.8.1985)

(речь идет о кандидатурах городов на место проведения олимпийских игр);

Trīšis nedēļas no nepazīstama "tumšā zirģim" līdz vakati izlēma dalībniekam (PJ, 24.5.1985);

...vairāku veidzēja savaldīt un pēc tam arī apseglot (laik - uzvarēt) pirmo līgas "tumšo zirģi" - Voronežas vienību "Atoma". (Beļonju Jaunatne, 26.2.1985)

Таким образом, в общих чертах 20 век характеризуется расширением влияния русской и английской фразеологии и уменьшением, вплоть до полного прекращения, влияния на латышский язык немецкого как главного контактного языка.

9. Гипотетические влияния на латышскую фразеологию (финно-угорские и литовский языки)

Конкретных случаев гипотетического влияния на латышскую фразеологию очень много, что распространяется и на такие языки, как немецкий и русский. Вместе с тем существуют языки, влияние которых неоспоримо, особенно в ранние периоды развития латышского языка, однако конкретные данные о заимствовании получить трудно. Некоторые лингвисты вообще отрицают возможность таких исследований как спекулятивных в период до начала развитой письменности, т.е. 400 лет назад (Rūke-Dravīns, 1985, p. 226). К таким гипотетическим влияниям относится и финно-угорское.

Финно-угорские элементы в латышском языке (и в его говорах) исследованы довольно хорошо (Ваба, 1989; Rāge, 1970; Briedaks, 1970, 1977), но главным образом на уровне лексики, где определение заимствований не представляет больших трудностей. Выявить фразеологические заимствования намного труднее, поскольку эти процессы, как правило, давние, и определение фразеологических заимствований идет, главным образом, на основе сравнения и сопоставления, и фразеологические параллели в латышском и эстонском или финском языках не всегда свидетельствуют о языковом контакте.

Между тем существование древних связей между балтскими и финно-угорскими племенами неоспоримо и наверняка оставило следы во фразеологии. Как известно, первые контакты между этими племенами возникли в третьем тысячелетии до нашей эры. Вторая волна балтских племен волилась в обжитую финнами Прибалтику в 6-8 вв. нашей эры. Хотя существует мнение, что при соприкосновении племен балты оказались более сильными и оттеснили финнов на север, можно предполагать, что финские племена в Прибалтике остались и постепенно ассимилировались в балтских племенах. Процесс этот в Латвии по-настоящему завершается лишь в настоящее время ассимиляцией ливов. При та-

кой ассимиляции неизбежно всасывание элементов языка.

Уже в начале 20 века Я.Эндзелин в работе "Латышские предлоги" (1906, с.137-138) писал, что в латышском языке замена префиксов наречиями встречается чаще, чем в литовском, например:

nākt zemē - maha tulema / vōtina;

raut pušu - katki kiskuma;

dabūt rokā - kātte saama;

kājā vilkt - jolge panema.

Эти выражения - старые единицы латышского языка. Так, например, ФЕ dabūt rokā встречается в самом раннем известном произведении поэта Кикюля Екаба (1777)

... ko mēs riktīgi rokā esam dabūjuši. (Kikūļu Jēkaba dziesmas, Rīga, 1912, 73.lpp)

И позже в работах Я.Эндзелина можно найти отдельные указания на взаимодействие языков, допуская возможность, что такие ФЕ, как no galvas mācīties, bārdū dzīt, uz grūtām kājām, mutes dot, turēt prātā и др. могли быть заимствованными (1939, с.218).

В работе, которая прямо посвящена влиянию ливского языка на латышский, Я.Эндзелин отмечает, что "взаимное влияние латышского и ливского (т.е. эстонского) языков проявляется и в семасиологии, и во фразеологии. Близость в этих сферах может быть частично случайной или обусловленной сходными условиями жизни" (1970, с.8-9). В этой связи Я.Эндзелин дает как примеры ФЕ no galvas (лит. iš galvės, эст. peast), mutes dot (эст. suud andma, финск. antaa suuta). Но исследователь допускает, что в других случаях такая близость, возможно, объясняется влиянием ливов или эстонцев, приводит в качестве примеров такие ФЕ, как rokā dabūt (эст. kätte saama), bārdū dzīt (эст. habet ajama), labā roka (эст. hea/parem A.B./ käsi), zobus vadzī kart (эст. hambad verna panema).

Самым определенным образом о влиянии финно-угорских языков в сфере фразеологии Я.Эндзелин высказался в статье

1951 года (с.301-302), где, кроме уже упомянутых, можно найти сведения о таких ФЕ, как pāri darīt (эст. *gle tege- ma*). Высказано предположение, что упомянутые выше и эти ФЕ возникли в латышском языке под влиянием ливского или эстонского языка, поскольку таких ФЕ нет в литовском, немецком и русском языках.

В этой же работе есть гипотетическое высказывание о возможном финно-угорском происхождении целого ряда ФЕ - dot par ādu, ciomā iet, putnu celš, uguns rakulās, sirds nejem pretī, no sirds dibens (? А.В.), zobus vadzi kārt, gariem zobiem ēst, pa zobam, skaidrā neudā, ēst ar saldu muti, kāzas dzert, krustu nest, viss viens.

Сравнивая эти высказывания с другими, можно видеть, что суждения о происхождении многих ФЕ довольно меняются.

С. Page (1973, с.14-16) высказывает гипотезу, что такие фразеологизмы, как putnu celš, būt pa zobam, ēst ar saldu muti - финно-угорского происхождения. Указана и ФЕ kārt zobus vadzi, адекватна которой только эстонская ФЕ hambaid varna riputama. Но и С. Page оставляет открытым вопрос о том, является ли эта ФЕ результатом независимого развития языка или заимствованием, и если она заимствована, то из какого языка.

Отметим, что и ФЕ meksāt rakā наверняка представляет собой случай фразеологической транскрипции makste raha.

Заканчивая обзор финно-угорских влияний отметим, что как в эстонском, так и в латышском языках много параллелей - заимствований из немецкого языка (Kagainė, Rāge, 1971, 107. lpp.), что часто сближает корпус ФЕ этих двух различных языковых семей.

Литовский язык, который является своего рода "старшим братом" латышского, тоже, по-видимому, оставил свой след в латышской фразеологии. Но этот вопрос представляется еще

более сложным, так как, помимо географического и исторического соприкосновения, между этими языками имеется и генетическая связь. Существует множество параллельных фразеологизмов всех типов, которые из-за генетической близости обоих языков кажутся идентичными и по форме, и по смыслу, и по звучанию, например:

pūst miglu acis - pusti migla i akis;

dieva pirktis - dievo pirūtas;

vīrs kā ozola - vyras kaip ažuolas;

kā akmens no sirds - kaip akmuo nuo širdies;

no galvas līdz kājām - no galvos iki kojų.

Многие из этих ФЕ имеют близкие или идентичные параллели и в других языках, и вообще пласт соматических и компаративных единиц близкого типа восходит к древнейшему слою фразеологии, т.е. это ФЕ или независимого развития, или протобалтийского происхождения, т.е. вопрос является открытым и наверняка таким и останется.

В некоторых случаях возможно сравнение единиц. Так, ФЕ dievo kā niero pa taukiem/taukos является омоложенным вариантом старой dievot kā iktis taukos, которая имеет четкую литовскую параллель duvena kaip iktas taukuose. Смолехение произошло вследствие немецкого влияния путем замены слова "iktis" заимствованием "niero".

ФЕ lapit patīras несмотря на то, что слово "patīras" литовского происхождения, представляется исконно латышским творением, так как литовский язык обходится глаголом "patīrioti".

ФЕ dot valū (duoti valū) и savā valū (savo valūni), наде полагают, литовского происхождения; первую из них подробно анализирует Бренце (Brence, 1963, с.260).

В обоих языках много и паремиологических параллелей:

vīrs vārnai acī nekābī - vārns varnpi akīs netīrs;

kalns pats savs laimes kalns - kiekvienas yra savo laimes kalvas.

Мы можем согласиться с высказыванием Э.Кокаре (1980, с.24), что параллели латышских и литовских паремий по большей части носят двойной характер: во-первых, это прямые заимствования новейших времен и, во-вторых, параллели, присущие интернациональным типам, в которых мы встречаемся со старым генетическим сходством, и образованием, самостоятельно возникшие по старой унаследованной модели в разные времена. Группа прямых заимствований по численности уступает второй. Контакты с литовским в основном маргинальные, и в литературный язык элементы попадали довольно редко через диалекты, говоры.

Латышский язык наверняка имел контакт со шведским и польским языками в сфере фразеологии, однако точные данные об этом получить трудно. В 19-20 вв. засвидетельствованы лишь отдельные случаи окказиональных заимствований, например, окказиональная калька шведской ФЕ

Nav labi būt pirmai: mazā norvēģiete Gorda Hellande -
Ejeinstade nervoze un rēķņi - plekņi - nokrit uz sē-
žmās vietās. Publika ieļalca lidzietības saucieni:
"Ah - ieštadija bieti!". Labak nekļajas arī otrai nor-
vēģietei: arī viņa, kā zviedri saka, "ieštadija bieti!"
- nokrita uz sēžmās vietās (Jaunākās Ziņas, 1938, 34)

или польское беспереводное заимствование:

Podziūņi arī "chlopie" un "urdam du (de A.B.) noc".
Jaunie laiki prasa citas īpašības - darbības (Boļsa,
1883, 48).

10. Фразеология, заимствованная из отдельных языков

10.1. Библейская фразеология

Как и во многих европейских языках (Харазиньска, 1987), в латышском языке никакой другой литературный источник не дал так много фразеологизмов, как Старый и Новый Завет. Установить число этих фразеологических заимствований трудно, так как существует множество вариантов ФЕ, статус многих единиц колеблется между аллюзией на библейский текст и установившимися в языке фразеологизмами. Более того, многие варианты ФЕ так далеко отошли от библейского прототипа, что их источник трудно установить. Существует много ФЕ без библейских прототипов, но связанных с библией. Большая часть фразеологических заимствований библейского происхождения укоренилась в языке, полностью ассимилировалась. Число таких фразеологических заимствований достигает примерно 250.

Долгое время библия была почти единственной книгой чтения и слушания, если принять во внимание, что и другая религиозная литература в большой степени основывалась на текстах и языке библии. Таким образом, в течение многих десятилетий библия параллельно устному народному фольклору служила для латышского народа образцом письменного языка. Поэтому библейские легенды, мотивы наряду с особенностями языка, глубоко проникли в латышскую культуру и литературу.

Как пишет Т. Зейферт: "И когда позже появились писатели из среды самого народа, которые отражали жизнь народа (Нейкен, братья Каудайтес, Аписиу Екабс. Порук), они имели уже духовный мир, который строился на фундаменте библии. То международное, что уже распространилось на весь мир, в известной мере стало народным. Рассказы, типы, символы, которые стали достоянием всех культурных народов Европы, с переводом библии стали в полной мере известны и латышам" (1922, с. 285).

Таким образом, с позиций литературоведения перевод библии имел огромное значение для развития литературных

представлений и образов.

Перевод библии (1685-1689), как и у многих других народов, является первым крупным памятником латышского языка - краеугольным камнем старолатышской письменности и старолатышского языка.

Таким образом, библейская фразеология, отражающая элементы как языка, так и литературы и культуры, представляет собой первый слой заимствованной фразеологии, который имеет точные прототипы.

Просмотрев многочисленные издания библии (Šauriņa, 1935), можно прийти к заключению, что за 300 лет фразеология в библейских переводах изменилась минимально. Более того, и существующие в языке фразеологизмы библейского происхождения являются исключительно стабильными, сохраняя тождество с первыми переводами. Перевод Глика (осуществленный им в течение 8 лет с одним помощником, в сравнении с М.Лутером, который работал над немецким переводом с несколькими помощниками 13 лет) с точки зрения фразеологии является очень удачным: он установил библейский фразеологический фонд латышского языка, который, за исключением семантики, сохранился в почти нетронутым виде. Отметим, что фразеология в значительно большей степени чем лексика, сохраняет старые и даже архаические формы и элементы - это черта, характерная для фразеологии.

Конечно, с течением времени менялись и ФЕ, но грамматические изменения (как синтаксические, так и морфологические) в большой мере определялись общими тенденциями развития языка. Диахронические изменения на лексическом уровне малочисленны и касаются отдельных единиц. Например, словосочетание saucējs bals tukšnesī (глас вопиющего в пустыне) в первом переводе библии (1689) появляется в следующем виде:

Viena bals tāds sludinātājs ir tukšnesī (Jesaja, 40, 3);

Tur ir bals viena sludinātājs t'ukšnesī (Mat., 30, 3).

Изменения произошли в издании 1739 года:

Viena balsā tāda saucēja ir tukšnesī.

Tur ir balsā viena saucēja tukšnesī.

Дальнейшие изменения касаются уже грамматической конструкции. Похожие изменения произошли и в ФЕ mazgāt rokas nevainībā (умывать руки). В Евангелии от Матфея мы видим происхождение этого фразеологизма.

Когда Понтий Пилат дал согласие на казнь Иисуса Христа, он "gēma adeni un mazgāja rokas ļaūžu priekšā zaciņams "Es esmu nevainīgs pie šī taisnā asiņim" (Mat., 27, 24). Но фразеологическое оформление этого оборота есть в Псалтыре (26, 6; 73, 13). В переводах до 20 века эта ФЕ имеет следующие лексические компоненты: Es mazgāju sevas rokas iekā nepozīdžības (Ps., 26, 6).

Аналогичным изменениям подверглись ФЕ смертный грех и корень зла:

nāves grēks - grēks uz nāvi (Jāņa 1.vēst., 5, 16);

ļaušmā sakne - sakne visa ļaunā (Tīm. 1.vēst. 6, 10).

Сднако самые серьезные диахронические изменения произошли на фразео-семантическом уровне - полисемия, вариантность, фразеологический эллипсис, изменение значения, лексикализация.

Исходя из типов заимствования, следует отметить, что в библейских переводах, как и в библейской фразеологии, отсутствуют транскриптивные и бесперелодные ФЕ. В библии фразеология представлена исключительно кальками; в языке довольно много полукалек, которые являются укоренившимися аллюзиями на библейские персонажи, собственные имена, например:

Ļaiba vāsts, Kaina zīmogs, Ноаša Ekirts, Metuzāla vēsts, Saladāna ļaunā, Jāriāns stabulis, Edemes dārzis, rabies Īsrahā, kalpot māmonam, Sodoma un Gomore.

Своего рода исключениями являются две полукальки debesu kara (см. дальше) и paradīzes dārzs/vārti.

Kādi ir šie mūsu Amerikas latviešu gaismas organi, šī mūsu "zemes sāls"? Ko šī "sāls" mums sniedz? (Kanadie-tis, 1913, lo. 80. lpp.).

Mēs proletārieši esam tā zemes sāls (Ausekļa kalendārs, 1915, R., 1914, 15. lpp.).

... Istā zemes sāls ir viņi, Pegasa jājsēji (Ciņa, 17. ol. 1946).

--- Ires maksa par sezonu kāpa aizvien augstāk, un retam bija pa kabatai, vismazāk - pašai zemes sālij, strādniekam ar normālskaitlisku ģimeni (Literatūra un Māksla, 10. 10. 1986).

"Liekulīgi pasludinādams inteliģenci par "zemes sāli", rakstīja Raskolņikovs, "Jūs atpūmāt iekšējās brīvības minimumu rakstnieka, zinātnieka, gleznotāja darbam (Literatūra un Māksla, 04. 09. 1987).

Vilks avs drēbēs/ drānās (ВОЛК В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ).

Sargeities no viltus praviešiem, kas pie jums nāk avju drēbēs, bet no iekšpuses tie ir plēsīgi vilki (Mat., 7, 15).

Kristus tādus ļaudis sauca par vilkiem avju drēbēs un par nobaltētiem kapiem (R. Kaudzīte, M. Kaudzīte. Mērnieku laiki. R., 1964. 65. lpp.).

Bet tie, kas runā citādi - ir vilki avju drēbēs (Latviešu Avīzes, 1915, 9).

Viņš runāja par kaut kādiem ienaidniekiem un par kādiem citiem, kuri kā vilki avju drēbēs s'raigājot tepat visiem pa vidu (V. Lācis. Putni bez spārnēm. R., 1949, 10. lpp.).

Vai tie nebija visistākie padomju varas ienaidnieki, vilki avju adās, kas tur rīkojās? (I. Sokolova. No tautas tautai. R., 1977, 93. lpp.).

2. В библейском тексте имеется много словосочетаний, употребленных в прямом значении, но со временем они обрели в языке метафорический перенос и стабильность, превратившись в ФЕ.

Mest (pirmo) akmeni/ akmeņus uz kādu (бросить (первый) камень).

Kas no jums ir bez grēka, tas lai pirmais met akmeni uz viņu (Jāņa, 8,7).

Tādēļ viņi arī tik ātri maina savus uzskatus, tik ātri ceļ debesis un mētā akmeņiem ... (Baltijas Vēstnesis, 1900, 86).

Ak, nemetīsim akmeņus uz citiem! (Latviešu Avīzes, 1915, 75).

Puškina nāve, - turpina I. Gordins, - ir spilgtākais piemērs, kā apmētājs ar akmeņiem pravieti (Rīgas Balss. 12.08.1986).

Es jūs nosodīt nevaru un arī netīcu, ka kāds iedrošināsies mest uz Jums akmeni (Sieviete, 1987.4. 16.lpp.).

Aiz septiņiem zieģeļiem/ zīmogiem (за семь печатями).

Tad es redzēju labajā rokā tam, kas sēd uz goda krēsla, grāmatu, aprakstītu iekš- un ārpusē, aizzīmogotu septiņiem zīmogiem (Jāņa parād. 5,1).

Tamdsēļ (tādsēļ?) viņam diženā pūra bagātais pērļu un zītera, zelta un dimantu seturs, kas sirdi iepriecina un prātus pacilā, pelicis septiņiem zieģeļiem aizzieģeļtais noslēpums (Pārstrauta Jānis un viņa "Domas par tautiskās dzejas nodibināšanu, no Kalnietka. R., 1982). "Gudrinieki" Rīgas bija iegsmūši Ipašu istabiņu, kur tie turpināja savas debātes par sauli, mākoņiem un par "septiņiem zieģeļiem" (J.Poruks. Kopoti Raksti, 2, R., 1924, 297.lpp.).

Kurš arbitrs tiesās kārtējo spēli - tas ir noslēpums aiz septiņiem zīmogiem (Sports 25.01.1987).

Jo darba un līdz ar to dzīves vērtības un jēgas apzināšanās Vikai ir palikusi slēgta oiz septīniem zieķeliem (Sieviete, 1987, 7, 17. lpp.).

Kauls no kaula (miesa no miesas) (кость от кости (плоть от плоти)).

Un tas dievs sacīja: šī nu ir kauls no maniem kauliem, un miesa no manas miesas ... (1. Mozus, 2, 23).

... katru rakstnieku apspriežot tie bez noguršanas nepānīkuši sauc un gavilē, ka "tas ir kauls no maniem kauliem un miesa no mūsu miesas!" (J. Brauns. Dienas Lapa, 1893, 200).

Še gan mēs sastopam vecus mīļus paziņas, varbūt pat pārāk vecus, bet tie nav kauls no mūsu kaula un miesa no mūsu miesas (Pēterburgas Avīzes, 1901, 4).

Vienīgā vieta, kas ir cik pēcik varētu būt kauls no mūsu kaula, ir 75. lappusē pie vārdiem: "Ліксмов ліго лігавінас" (Balss, 1906, 249.).

Viņš, spēka pilns zemes rūķis, kauls no zemnieka kaula, alka vērienīgāka darbaleuka, plašāku arvārģū (V. Puse. Nelaikā piebaidīts. R., 1982, 28. lpp.).

3. Третью группу составляют ФЕ, не имеющие прямых прототипов в библии (обычно они содержат отдельные слова, взятые из библейских мифов, и т.д.). ФЕ возникла как аллюзия на мифы, события, явления в библии и обрела стабильность в языке. Так, в Библии нет словосочетания Babeles tornis (1. Mozus, II, 1-9) (вавилонская башня).

Выражение возникло из библейского мифа о попытке построить в Вавилоне башню, которая должна была достигнуть неба. Когда строители начали свою работу, разгневанный бог "смешал их языки", они перестали понимать друг друга и не смогли продолжать строительство.

... tagad jautā arī pēc tā, kā gan tās dažādās valodas patiesi un pēc mūžīgiem likumiem cēlušās (nav mana vaina, ka augstais Bābeles tornis jau par zemu priekā filoloģijas stāvokļa) un kā kopā sader un t.pr. (A.Kronvalds.Runa.(1871.g.)-Kronvalda Rakstu izlase, R.,1937, 333-334.lpp.).

Bet lasi viņu vizadas avizes, klausies viņu dažādas valodas: tev izlikšies kā pie Bābeles torņa (Austrums, 1885,5,271.lpp.).

"Kādu tad jūs, Graves jaunkundz, šodien Bābeles torni cēlāt; man visa jūsmīgā runa par Puškinu sajuka"... (P.Rozītis.Valmieras puikas.R.,1936,53.lpp.).

"...visādos paveidos "daudzkrāsainajā" izdevniecībā, sava veida Eiropas latviešu Bābeles tornī vieniem viņā bija par vieglu sverams, citiem problematisks ... (Dzintenes Balss,12.03.1987).

Noaša šķirsts (1.Moz.,6,7) (Ноев ковчег).

Выражение возникло из библейского мифа о всемирном потопе, во время которого спасся только Ной со своей семьей и животными, так как бог заранее научил его построить ковчег. Словосочетания Noaša šķirsts в библии нет.

Kā satriekts Noaša šķirsts aizpeldēja kādas liellaivas atliekas (E.Adamsons.Smalkas kaites.R.,1937,134.lpp.). Ātri šķūnis pildījās laudim, it kā kad ūdens plūdi būtu uznākuši un šķūnis būtu bijis glābjošais Noaša šķirsts (Balss,1880,4).

Un tāpat katrā kārtā ir kā Noaša šķirsts, pilns ar tīriem un netīriem radījumiem (Latvijs,1913,241.lpp.). Vai"Noaša šķirsta principu", iespēju robežās cenšoties nevienu autoru"neatstāt aiz borta" (un tomēr "aiz borta" vienmēr kāds neizbēgami paliek!)? (Liter. un Māksla,06.09.1985).

Otra Noasa šķirsta nebūs.

Otrais Noasa šķirsts neizklūs sveikā no kodolplūdiem
(Dzimtenes Balss, 26.02.1987)

Neticīgais Toms (Jāņa, 20, 24-29) (Фома неверный).

В Евангелии от Исана один из апостолов Фома, когда ему рассказали о воскресении распятого Христа, заявил, что не поверит этому, пока не увидит на его руках ран. Слово-сочетания в библии нет.

Še man būtu vārdu vietā jāuzraksta tikai punktišs, tūkstošiem punktu, kur Tev, daiļā lasītāja un neticīgais Toms - lasītājs, būtu pašiem jādama un jāsaņū, cik neizmērojami dziļš, salds un brīnišķīgs bija šis spārnotās ligavas skūpsts (Poruks. Kopoti Raksti. l. R., 1924, 170. lpp. /1895/).

Kur nu šis jūrā dabūs lekatīgu, - kāds neticīgais Toms piezīmēja (Ž. Grīva. Zem albatrosa spārnēm. R., 1956, 50. lpp.).

Tad Veltā pamodās spīts: "Es tiem neticīgajiem tomim parādīšu" (Karogs, 1979, 11, 130. lpp.).

Taču arī neticīgajam Tomam no sirds novēlu padomāt par to ... (Liesma, 1985, 4, 20. lpp.).

Однако эти три большие группы лишь поверхностно отражают соотношение библейских переводов и фразеологии языка. Наиболее значимые процессы происходят в самих фразеологизмах и они направлены, главным образом, на расширение фразеологического фонда. Наиболее часты следующие изменения.

I. Вариантность.

Она имеет разные истоки и функции. В диахроническом аспекте выделяется проблема архаизмов в составе ФЕ.

Как уже было указано, фразеология долго сохраняет архаические элементы (в латышском языке эта тенденция затрагивает,

главным образом, лексический состав ФЕ, в русском - и грамматике). Как пример архаических элементов в грамматике ФЕ можно привести такую единицу, как *vaiga sviedros*; правомочной была бы *ar sviedriem vaiga/os* что иногда и употребляется, например,

Ekspertu grupa /.../ darbojās tālruni runājot, ar sviedriem vaigā (Сіпа, 1986, 267),

но первый вариант намного популярнее. В основном это касается лексических компонентов. В этой связи мы обратимся к соотношению фразеологизма и его компонентов. Именно существование вариантов, замена (частичная) архаических компонентов более новыми словами, показывает, что хотя слова в составе ФЕ имеют ограниченную автономность, они не теряют ее вообще. Фразеологические компоненты сохраняют свое значение свободной связи и связь с лексической и грамматической системами языка (Попов, 1976, с. 144). Только так можно объяснить изменения в составе ФЕ, они "модернизируются" в результате натиска изменений лексической системы. Чем меньше идиоматичность ФЕ, тем сильнее она чувствует развитие лексики.

Нормализующее влияние языка рано или поздно отражается и на фразеологии, хотя это отнюдь не означает, что старые формы автоматически исчезают. Например, ФЕ *aiz septiņiem zieģeļiem/zimogiem* (за семью печатями). Развитие лексической системы таково, что слово *zīmoga* полностью вытеснило слово *zieģelis* которое считается архаизмом. Тем не менее во фразеологии этот архаизм сохранился и, несмотря на отдельные пожелания лингвистов (Orlovska, 1975, с. 50), употребляется намного чаще нового варианта, например:

... gudrību, ko līdz tām vācu meistari slēpa no latviešiem aiz septiņiem zieģeļiem ... (Dzimtenes Balss, 18.12. 1986).

... šī slepenā arhīva vākos atrada tādas medicīniskas dokumentus, kurus pat hitleriskajā Vācijā glabāja, kā saka, aiz septiņām zieģeļiem (В.Поļовојс. Beigu beigās. R.,

1971, 109.lpp.).

Jo tā otrā - sociālistiskā pasaule, kuru tā nīst Federatīvās republikas varasvīri, tev ir absolūti sveša. Īstenībā grāmata aiz septiņām zvaigzēm (H. fon Brauhīds. Bez ciņas nav uzvaras. R., 1976, 240.lpp.).

Tagad presē raksta un televīzija rāda tādas lietas, kas necik sen bija aiz septiņiem zvaigzēm. (Zvaigzne, 1987, 24.2.lpp.).

Jūs gaidāt atbalstu darbiem, kas ir noslēpums aiz septiņiem zvaigzēm? (Avots, 1987, 9.78.lpp.).

Как видно, старый вариант является столь привлекательным, что употребляется даже без точного знания правильной формы.

Несколько иначе трансформировалась ФЕ пēc ķīmija un līdzības (по образу и подобию). Слово ķīmija условно архаизировалось в своем значении только в литературном языке (замещено словом seja), но существует как слово разговорного языка и просторечия. И хотя в наши дни в ФЕ его нередко заменяет слово seja, например,

Ja pašautos inercei, tad šī masu produkcija sāktu jauno cilvēku modulēt pēc savas sejas un līdzības (Literatūra un Māksla, 16.5.1986),

старая форма все еще доминирует.

Gandrīz ikviens izglītības ministrs gribējis mūsu skolu dzīvi pārveidot pēc "sava ķīmija" un pēc "savas līdzības" (Domas, 1927, 3, 236.lpp.).

Nevaru ciest, ka vecākā paaudze dažreiz mūs mēģina "taisīt" pēc sava ķīmija un līdzības (Padomju Jaunatne, 30.12.1986.).

В некоторой степени это может объясняться тем, что

слово talant сохранилось в переводах библии до 1970 года, когда изменение все же было сделано, но другого типа:

Darīsim cilvēku pēc tādu tīkla un tādu līdzības (1 Кор. 1,26).

Представляется, что и этот перевод не сможет существенно изменить судьбу этого фразеологизма.

Надо отметить и то, что существование архаического элемента в ФЕ совсем не означает, что и сам фразеологизм устарел, архаизировался.

В языке существует довольно много библейских ФЕ, имеющих как архаические, так и современные варианты, многие из которых находятся как бы в равновесии.

Но есть и случаи, когда старые варианты исчезли полностью в современном языке, например:

aprakt savu talantu (зарыть талант в землю).

В евангельской притче речь идет о господине, который, уезжая, поручил рабам охранять свое имущество; одному рабу он дал пять талантов, другому - два, третьему - один. (Талант - весовая, потом денежная единица /греч. *talanton*/.) Первые два раба употребили деньги в дело, а третий раб зарыл свой талант в землю. Этот мотив довольно подробно обыгран в евангелии от Матфея (25,15-30).

Это место в разных изданиях библии интерпретировано по-разному (Мат.25,25).

... un es' bidamies nogaļu un apslēpu tāvu podu zemē (1689,1825).

Es baidījos, un aizgāju un apraku savu talantu zemē (1938,1970).

Таким образом, долгое время в словосочетании укоренился первый вариант. В некоторых фрагментах и в последних переводах эта особенность сохранилась, например, Мат.25,15:

Un vienam viņš deva piecus talantus (podus) (1938,1970).

Первый вариант библейского сочетания укоренился и в форме фразеологизма в 19 веке.

Kad nu es negribu nebāt Jāsu rupjības un nepatiesības "podu" "rakt zemā", nedz likt "uz augļiem", tad piesūtu Jums tās visas atpakaļ ... (Pārstrauta Jānis, no Kalnenieka, R.,1882., 149.lpp.).

... tā šai momentā es sajūtu sevi par aicinātu stāties ar saviem gara ieročiem jūsu vidū, dārgie tautieši un centīkie slātavas jaunekļi, jūsu vidū un par jums, jo savu podu es aprakt nedrīkstu! (R.Kaudzītes, M.Kaudzītes. Mērnīeku laiki. R.,1964, 340.lpp.)

Jums ir mākslinieka dāvanas, lielas dāvanas, tikai nu nepalikt pusceļā, bet tās glītot un kopt kā dārgu mantu. Neaprociet savu podu zemā, ko dievs jums uzticējis! (Zeiboltu Jēkabs. Ūdens burbuļi. 1985,166.lpp. /1900/.

9

В 20 веке новый компонент 'talants' вытеснил старый компонент:

... man liekas, ka man būs jāpāriet uz kādu citu, labāku komandu, citādi es te savu talantu pavisam aprakšu. Es vienkārši nevaru te izvērsties (E.Vilks. Cilvēki ar vienu patiesību.R.,1949, 137.lpp.).

Tev arī nav tiesību savu talantu aprakt nepiemērotā darbā (M.Bendrupe. Upe izkāpj no krastiem.R.,1957, 65.lpp.).

Но вариантность по линии от архаического к новому не единственный вид. Намного больше простых вариантов ФЕ, которые в отдельных случаях подчеркивают тот или иной нюанс ФЕ или способствуют использованию единицы в разных контекстах, например:

celt/ dibināt/ būvēt kaut ko uz smiltīm (bībele -
uztaisīt/ celt uz smiltīm) (строить на песке).

Teodora kungam nav nekāda pasaules uzskata, nekāda nešaubīga pamata, tā tad viss, ko viņš būvējis, ir kā kāršu namiņš, ir uz smiltīm būvēts, ir laicīgs ... (Austrums, 1888,7, 847.lpp.).

Tik ilgi, kamēr Vācijai neizdošoties sagraut Lielbritānijas spēku, Hitlera impērija būšot dibināta uz smiltīm (Cips, 1940, 36.).

Savelkot galus kopā, negribētos secinājumus un cerīgas ainas attēlot uz smiltis būvēta optimisma (Sports, 05.02.1986).

Mēs zinām, ka šie aprēķini bija celti uz irdenām smiltīm, bet tie bija Hitlera priekšlikumu pamatā (Dzintenes Balss, 20.08.198).

Во многих случаях, когда прототип функционирует в латышском языке, возможны его варианты, которые можно считать и аллюзиями к библейскому тексту. Эти варианты в языке так же прочно укоренились, как и сам прототип. Например, словосочетание 'trīdesmit sudraba gabali' (тридцать серебряников) в неизмененном виде существует во всех изданиях библии (Мат.,26,15), но при фразеологическом употреблении оно далеко не самое популярное. Более известны варианты Jūdasa graši и (trīdesmit) (sudraba) graši:

Drīz aplenca tevi daudzums spiegu ... Skan Jūdasa jūdasa graši cimdā (A.Brāklenājs. Izlase. R.,1955. 61.lpp.).

Taču jūdasa grašu straumīte beigu beigās izsīks (Rīgas Balss, 29.01.1987).

... trīdesmit grašu ordenis ir cilvēces kraupis ...

(A.Bels. Saucēja balss. R., 1975, 93.lpp.).

Vai tie nebija apsolītie trīsdesmit sudraba graši Jūdam - falsificētājam (Dzimtenes Balss, 27.02.1986.).

... kas par sudraba grašiem pārdevuši savu dzimteni (Dzimtenes Balss, 15.08.1985).

Piemini tu manus vārdus: tā nauda ir Jūdasa nauda, viņai nāk sodība pakal, ja ne pašiem, tad pie bērniem, kuri top tad arvienu par palaidņiem (R.Kaudzītes, M.Kaudzītes. Mērnīeku laiki.R.,1964, 209.lpp.).

Vēlāk es, pārdomādams dažus faktus, nācu pie pārliecības, ka starp teroristiem ir bijis viens, kas visu zināja un saņēma savu Jūdasa algu (J.Akuraters. Dienu atspīdumi. R., 1924, 94.lpp.).

Столь же многочисленны варианты фразеологизма aizliegtais auglis (запретный плод) (Mozus 2,16-17), причем вариантность затрагивает оба компонента - aizliegts auglis, aizliegtais auglis, grēka auglis, saldais auglis, aizliegtais ābols, bīstamais ābols, pažišanas ābols, atzišanas ābols; к тому же эти словосочетания часто комбинируются с компонентами kost, nobaudīt, nogaršot; такое множество вариантов, конечно, расширяет стилистические и экспрессивные возможности языка:

Lai kristu grēkā, ir vajadzīgs saldais auglis (Skola un Ģimene, 1987.1. 29.lpp.).

Vai kāds brīnums, ka tīpi grib izgaršot šo vēl nesen it kā "aizliegto augli" (Rīgas Balss, 26.08.1987).

... pieradums ir tik pat lipīgs kā grēka augļa vilinājums (Literatūra un Māksla, 30.01.1987).

... nākamgad "Straume" būs to pagaidām nedaudzo kolektīvu skeitā, kas kodis saimnieciskā aprēķina pažišanas ābolā - tik cerīgi vilinošā un riskanti biedsjošā ...

(Cīņa, 17.12.1987).

Visas cīnišanās algu,

Mērķi visu centienu

Turēja viņš tagad rokā -

Atziņas abolu.

(Aspazija. Kopoti raksti. 2. R., 1931, 190.lpp.) /1894/.

Fašam Ostniekam arī sevišķi negribējās braukt, bet no Lapīņa priekšlikuma bija grūti izlocīties. Bija vien jākož bistamajā abolā (A.Grigulis. Kad lietus un vēji sitas logā. R., 1965, 485.lpp.).

..pieradums ir tikpat lipīgs kā grēka augļa vilinājums (Literatūra un Māksla, 30.ol.1987).

Reizēm viņi dziedāja, spēlēja kārtis, pat dejoja...

Tie bija, protams izliegti augļi.. (A.Birkerts. Pedagogi, 304.lpp.)

Еще своеобразнее история ФЕ klupšanas akmens/ piedauzības akmens (камень преткновения). В библии в нескольких местах идет речь об этих понятиях (Исаја 8, 14, Pāv. vēst. rom. 9, 32-33). Последнее претерпевает следующие изменения:

Raugi es lieku iekš Cionas vienu akmini tās piedauzīšanas un vienu akmini tās apgrēcības (1689. 1739, 1794);

Raugi es lieku iekš Cionas vienu akmini tās piedauzīšanas, un vienu akmiņa kalnu tās apgrēcības ... (1825);

Redzi, es lieku Cīnā piedauzības akmeni, klinti, pār kuru jāklūp (1938, и 1970).

Таким образом, обе ФЕ библейского происхождения и связаны между собой. Об этом свидетельствуют также примеры из литературы и периодики 19 века, где значения ФЕ почти идентичны.

Bet šoreiz šis akmens viņam jeb, pareizāk sakot viņa vāgiem tapa par piedauzības akmeni (Austruma kalen-

dars. Rīga, 1894, 39.lpp.).

... Cīpfelbrinks ... palika par to pie dauzības akmeni pār kuru Pēteris klupa un savu vietu zaudēja (A.Deglavs. Rīga.1.1951. 89.lpp.) /1910/.

Mūsu tautas nākotne atrodas sievietes - mātes rokās, tādēļ te nedrīkst būt laišošana, nedrīkst būt pat sātība, jo tā ir krišanas, resp. pie dauzišanas akmens katram nespēcīgam raksturem ... (Ausekļa kalendārs 1915. Rīga, 1914, 18.lpp.).

Но с течением времени значения обеих ФЕ все более различались (хотя и этот процесс не нашел отражения в латышских словарях, где обе ФЕ даны как идентичные) ФЕ pie dauzības akmens, которая обычно означает klupšanas akmens, приобрела новое значение:

Ka tu domā sadzīvot ar viņu? Ka pie dauzības akmens viņa tev būs tavā amatā (A.Upits. Kopoti raksti. 8. Rīga, 1922, 303.lpp.) /1922/;

... miegs bija un palika Viļa Vēdzeles pie dauzības akmens, kas sagādāja tam ne visai pamatotu slīpību un miegamīces slavu (J.Vanags. Stāsti par Daugavu un Lielupi. Rīga, 1954, 136.lpp.);

Kas tad īsti ir šis pie dauzības akmens, kas iestrādājis starp abām kaimiņienēm ... (Rīgas Balss, 17.4.1985);

Godīgi sekot, "Jauju" arhitektūra kļūst par pie dauzības akmeni (Padomju Jaunatne, 25.3.1986);

Kur slēpjas "klupšanas akmens", ja sportists apstāties meistarības izaugsme? (Rīgas Balss, 31.01.1987);

Ja G.Priede ir aizskāris šo tematu, acīmredzot arī mūsu sabiedrība ir izveidojies kāds klupšanas akmens, pret kuru daudzi atdurās, bet pāri tiek rētais (Padomju Jaunatne, 30.01.1987).

Мы уже затронули проблему архаизации фразеологии, говоря о вариантности, когда архаические лексические элементы в ФЕ вполне уместны в современном языке. Но были и библеизмы, которые действительно устарели. Интересно, что они обычно не имеют лексических архаизмов в своем составе — устаревает сама ФЕ, ее значение, метафорический образ, символ. Обычно место старой ФЕ занимает другая ФЕ, так как язык не допускает вакуума в системе. Так, во второй половине 20 века из языка практически исчезла ФЕ apjozt gur-pus (препоясать чресла) (Лука, 12,35), которая была довольно популярна в 19 веке и еще в начале 20 века.

Gelies un pasteidzies

Gurnus sev jozt,

Visu veco dzīvi

Sev nokrati nost!

(J.Rainis. Kopoti Raksti. 1.R., 1947, 114.lpp.) /1903/.

Tu esi Eduards, es Eduards — vai tas nekan simboliski? Tad, lūk, apjozt savus gurnus, ņem zobēnu un ej oīrā (E.Salienieks. Ta viņi strādāja. R.,1967, 355.lpp.).

Kad Latviets gurnus jozīs,

Kad turāsies kā vīrs.

(Rugēns,1841. Literatūra un Makslā, 4.3.1988).

Кажется, функцию этого фразеологизма перенял фразеологизм латышского происхождения aut kājas, который более понятен и отвечает современной действительности.

Устарела и ФЕ arste, dziedini pats sevi (врачу — исцелился сам) (Лука, 4,23), которая довольно часто употреблялась в 19 веке. Представляется, что некоторое влияние на архаизацию этой ФЕ имел факт изменения грамматического статуса слова "arste".

... pienātu Jums tās visas atpakaļ līdz ar tām rakstītām dziedināšanas receptēm, un turklāt visas tāpat, kā tās no Jums sarakstītas, vai latvieki, vai

vāciski, vai franciski, vai latīniski, pielikdams tik to vārdu: "Ārste, dziedini pats sevi!" (Pārstrauta Jānis un viņa "Domas par tautiskās dzejas nodibināšanu" no Kalnenieka. R., 1882, 21.lpp.).

Библейские ТЕ, имеющие литературный характер и, следовательно, во многих случаях довольно расширенную структуру, часто поддаются эллипсису. Мы различаем эллипсис узуальный и эллипсис окказиональный. Очень многие библейские ТЕ имеют эллиптические формы наряду с полными, т.е. ТЕ имеют несколько количественных узуальных вариантов с идентичной или сходной семантикой, например:

(((vieglāk) kameļim) izlīst) caur) adatas aci
(Mat., 19, 24, Luka, 18, 25, Marks, 10, 25) (удобнее верблуду пройти сквозь игольные ушки).

Uzvarēt Madrides "Real" pieredzes bagātos basketbolistus viņu mājās ir tas pats, kas kameļim izlīst caur adatas aci (Sports, 15.03.1986).

Vēsture, uz kuru cerēja "Celtņieka" līdzjutēji, ticot, ka arī šoreiz komanda kā pirms pieciem gadiem pēdējās trijās kārtās izlīdīs caur adatas aci, protams, neatkārtojās (Sports, 14.02.1987).

Caur adatas aci - līderos (Padomju Jaunatne, 19.10.1984).

Uz augstāko līgu. - vairs adatas acs (Sports, 07.12.1985).

Можно упомянуть такие эллиптические варианты ТЕ, как: pārdot (savu pirmdzimtību) (par lēsu virumu), (gramata) aiz septiņiem zieģeļiem, mazgāt rokas (nevainībā), pēdējais piliens (kausā/ bikerī), kauls no kaula, (miesa no miesas) и др.

Иногда эллиптические ТЕ изменяют свою семантику, например sausēja balss (tuksnesī) эллиптическая форма не имеет того безнадежного смысла, который заложен в полной форме.

saucēja balss (tuksnesī) (глас вопиющего в пустыне)
(Jevaja, 40,3; Mat., 3,3 u.c.).

Taču visi šie aicinājumi izskanēja kā saucēja balss tuksnesī (Padomju Latvijas Komunisti, 1986,11, 63. lpp.).

... un atkal no uguns izauga seno cīņu ainas, un atskanēja saucēja balss - vārdi nemirst (A.Bels. Saucēja balss. R.,1973,186.lpp.).

Характерной и очень распространенной чертой библейской фразеологии является полисемантичность ФЕ. Ни одна группа заимствованной фразеологии не имеет такого богатства значений. Полисемантичность единицы обычно рождается в результате расширения семантического объема ФЕ и укрепления автономных значений. Этот процесс затрагивает, главным образом, ФЕ второй группы, т.е. единицы, которые в библии употреблены в прямом смысле. Они обладают широкими возможностями для развития разных фразеологических значений, например ФЕ dienīš-
kā maize (хлеб насущный) (Mat., 6,II).

I. хлеб:

Stāvu nogerā rindā pie kases, groziņā puskleips dienīškās maizes un piekoda, kādas nu ir (Cīņa,01.04.1987).

... jo konstruktors nebija kaut kāds diletants, kam galvā švilpo tikai ideju vēji, bet profesionālis, kam tā ir dienīškā maize, sviests un desas (A.Kolberga, Cilvēks, kas skrēja pāri ielai. R.,1978, 216. lpp.).

2. необходимая пища:

Tikai tad, kad latviešu mākslinieka darbiem radās noderēja publika, kurai pateicoties viņš bus atsvabināts no rūpēm par dienīško maizi, varēs būt runa par istu mākslas uzcelšanu (Pēterburgas Avīzes, 1902,06.

lo. Nr.80.);

Vīgi gribējs palikt dzīvi, pālējās pasargāt sevi un bērnu, saglabāt savu iedzīvīti un nopelnīt dienišķo maizīti (Avots, 1987,7,65.lpp.).

3. главное в жизни:

Tie ir tie nedaudzie, kam māksla nav vis modes lieta, sports vai laika kavēklis, bet kas to saprot, dziļi izjūt, tajā dzīvo, kam māksla ir dienišķā maize (Zalktis, 1907,2.);

Pepīrs, kā zināms, taču ir visas poligrāfijas dienišķā maize (Rīgas Balsa, 1971,73).

Kauls no kaula, miesa no miesas (кость от костей, плоть от плоти) (1.Мозис,2,23).

1. ребенок, дети, близкий родственник:

- Bet es taču esmu kauls no viņu kaula - tu to zini!

- Tu biji kauls no viņu kaula, bet turpmāk ..., jau tagad tu esi māsējais (V.Jācis. Aktoresainis ceļš. R., 1964, 321.lpp.) /1938./;

Ļai arī pašu bērni, kauls no viņu kaula un miesa no viņu miesas, tomēr jaunajā pasaulē par daudz kustējušies ... (M.Kalnadrava. Ģimnā. R.,1963, 214.lpp.).

2. идея, что-то идейно родственное:

Tādēļ arī tikai "Сүегинā" un "Pīķa dāmā" viņā sasniedzis to augstumu, kādu viņam ļāva sasniegt tā bagātāis talants, radīdams mākslas darbus, kuri ir kauls no māšu kauliem un miesa no māšu miesas (Dzimtenes Vēstnesis, 1909, 42.).

Reakcionārās aprindās sāka aprindāties, ka nacisms ir kauls no viņu kaula (Dzimtenes Balsa, 05.12.1985).

арзолита земе (обетованная земля) в библии обозначает Палестину, куда бог привел евреев из египетского плена. Аллегория к этой фразе появляется во 2-й книге Моисея (3,8-17),

а само словосочетание содержится в Новом Завете.

(Pav. vēst. ebr., 11,9):

Ticības spēka viņš armetās apsolītājā zemē kā svešinieks (1938).

В 20 веке эта ФЕ приобретает следующие значения:

1. Палестина или Израиль:

Kā mūs sagaidīja "apsolītā zeme" (Jaunākās Ziņas, 1936. 1.jūl.).

Un vienu dienu, rau, Elga vīra vadībā izceļoja uz Apsolīto zemi - Izraēlu (Dzintenes Balss, 29.01.1987).

2. место, о котором кто-то мечтает, хочет туда по-
пасть:

Vēl kāds raksturīga gubaliņā par laimes meklētājiem "apsolītā zeme", Maaskavas guberņā, iz jaunākiem laikiem (Zemkopis 02.07.1914).

Lūk, ģenplāna "apsolītā zeme" sanatoriju celtniecībai Jaunķemeros (Māksla, 1987, Nr.3, 18.lpp.);

Kā oāze tukšnesī, kā apsolītā zeme Kurzeme atkal pasē-
ļas iedomā (A.Upīts. Kopoti raksti. VIII, 91.lpp.).

3. место благополучия, счастья, идеальные условия,
высшее счастье:

... Kuba un Nikaragva bija īstas "apsolītās zemes" organizētajai noziedzībai, arī narkotisko vielu ražošanai, apstrādei un kontrabandai (Cīņa, 13.03.1987);

Tikai nepilnu gadu viņš bija dabūjis nodzīvot Jaunajā Pasaulē. Savu apsolīto zemi Valdis Vitols joprojām ko-
bija atradis (V.Lācis. Putni bez spārnēm. R., 1949, 375.lpp.).

Некоторые ФЕ-библейзмы подверглись изменениям конотативного значения. Так, например, ФЕ - labā roka nezina, ko kreisā dara (правая рука не знает, что делает левая)

в библии употреблена во вполне позитивном значении (Мат., 6, 3).

Bet kad tu tos nabagus apdāvinī, tad lei tava kreisā roka nezina, ko tava labā dara (1689, 1794).

В современном употреблении эта ФЕ всегда имеет негативную коннотацию.

Tajā bargi tika norāts Jūrmalas gausums ģajā jomā. Partiesi, labā roka nezina, ko dara kreisā (Karogs, 1988, 5, 131.lpp.).

Ķēdēs reakcija sākas un attīstās, jo labā roka nezina, ko dara kreisā (Avots, 1987, 9, 76.lpp.).

Некоторые ФЕ прошли процесс, который в определенном смысле можно назвать переидеологизацией семантики. Так, ФЕ kas nestrādā tam nebūs est (2.vest. tesal., 3, 10) (кто не работает, тот да не ест) берет свое начало в библии а в настоящее время используется как принцип коммунистической идеологии.

Ja tas negrib strādāt, tam arī nebūs est (1689).

Ja kas negrib strādāt, tam arī nebūs est (1970).

Fats mūsu pestītājs saka: "Kas negrib strādāt, tam arī nebūs est" (R.Kaudzītes, M.Kaudzītes. Mērnieku laiki. R., 1964, 91.lpp.).

Par katru godīgu darbu - godīgu algu. Tas ir princips, pie kā turas padomju darba ļaudis. "Kas nestrādā, tam nebūs est" - tā rakstījis Staļina konstitūcijā (Cīņa, 1940, 39.).

Некоторые ФЕ подверглись весьма сложным семантическим изменениям. Так, ФЕ manna no debesīm/ debesu manna (манна небесная), не имеет прототипа в библии. По библейскому мифу, манна трактуется как пища, которую бог посылает людям с неба (2.Мозис, 16, 14-16, 31) а между тем слово "манна" означает еврейское восклицание - "что это такое?"

В разных переводах библии это место интерпретировано по-разному (2.Мозис, 16, 15):

Kad to tie Izraēļa bērni redzēja/ tad sacīja' tie viens uz otru: tas ir Mann/ jo tie nezināja, kas tas bija (1689);

Kad to tie Izraēļa bērni redzēja, tad sacīja tie viens uz otru: kas tas ir? (1825);

... tad tie sacīja cits uz citu: Kas tas ir? (1937);

Kad Izraēļa bērni to ieraudzīja, tie sacīja cits citam: "Mān hu? kas tas ir", jo tie nezināja, kas tas bija (1970).

Таким образом уже в первом издании Библии произошло изменение семантики, а затем укоренился беспрецедентный перевод с сохранением оригинала.

ФЕ обычно употребляется в языке в развернутой форме: pokrist kā/ ilgoties pēc/ grībēt/ cerēt uz debesu maņu:

... ne jau debesu maņa, bet tīri laicīga naudīņa tam vajadzīga (Rīgas Balss, 1962, 20.);

Kolhozs "Sarkanais stars" ir no tām saimniecībām, kas negaida maņu bīrotam no debesīm (Dadzis, 1979, 16, 3.lpp.);

Cerēt, kā mēdz teikt, uz maņu no debesīm mēs nevaram (Padomju Jaunatne, 12.04.1985).

Рассматривая этот и дальнейшие примеры, отметим, что не все ФЕ-библейзмы вошли в язык с Библией. Так как 80-90% этих ФЕ интернациональны (в каждом языке существует группа библейзмов, специфических для данного народа), возможно, что часть их проникла в латышский язык из другого языка. Так, ФЕ alfa un omega (альфа и омега), основанная на первой и последней буквах греческого алфавита (сравнить с "no a līdz z/ "no a līdz zēt"), ни в одном переводе Библии не дано как alfa un omega или как α un Ω, а переведена как A un O (Jaun atkl. 1,3):

Es esmu tas A un O (1689,1794);

Es esmu A un O (1938).

Но в текстах единица употребляется как alfa un omega:

... "aukstaais karš" bija Rietumu diplomātijas alfa un omega (Liter. un Māksla, 1959, Nr. 52, 4. lpp.);

Šis tāls Zariņa un Ezeras romānos koncentrē sevi to, ko es varētu nosaukt par literatūras alfu un omegu: cilvēciskā gara tieksme pēc jauniem ideāliem, pašas cilvēka būtības meklējumus (Liter. un Māksla, 1985, 32).

Таким же образом в разных видах существует ФЕ kalpot mammonam (служить маммоне):

... šāda "mamona" kalpošana visas dievīgas jūtas un svētas saites saraušidama top par nāvīgu liecību, kas visu cilvēku nizrauj pēdīgā postā (Latviešu Avīzes, 1873, 51.).

В библейских переводах ФЕ существует в виде полной кальки:

Jūs nevarat dievam kalpot un mamontai (Mat., 6, 24).

Представляется, что ФЕ заимствована из немецкого языка:

Ihr könnt nicht Gott dienen und dem Mammon.

ФЕ zūtīt no Poncija pie Pilāta, обозначающая волокиту в делах, возникла из евангельского рассказа (Лука, 23, 1-12), о том, что Иисус был приведен к Понтию Пилату, римскому прокуратору в Палестине. Понтий Пилат, узнав, что Иисус уроженец Галилеи, направил его к Ироду. Когда же Иисус отказался отвечать Ироду, тот отослал его обратно к Понтию Пилату. Таким образом, ФЕ возникла на основе ошибочного понимания самого мифа, а факт, что такая же ФЕ имеется в других языках (немецкий ja werden von Pontius zu Pilatus schicken; русский насылать от Понтия к Пилату), свидетельствует о том, что заимствование произошло не от прототипа, поскольку вероятность ошибочного восприятия у нескольких народов весьма мала.

Dienžāl joprojām notiek kooperatoru sūtīšana no Fon-
cija pie Pilāta (Zvaigzne, 1988, 16, 3. lpp.).

... LPSR Ministru Padomes un Valsts plāna komitejas
vadītāji R. Praude un M. Ramāns žurnālistu sūtīja no
Foncija pie Pilāta (Jauku Avīze, 10.9.1988).

Библейская фразеология диахронически тесно связана с проблемой соприкосновения лексики и фразеологии в том аспекте, что наблюдается лексикализация некоторых ФЕ. Например, в первых переводах современное сложное слово stūrakmens (краеугольный камень) (Jesaja, 28, 16) писалось частично через дефис stūru-akmens. В 20 веке лексическая форма полностью вытеснила фразеологическую.

Bībeles dogma un tautas dziesmu tradīcijas tad arī ir tie divi stūrakmeni, uz kuriem balstās Apsīšu Jēkaba māksla (A. Upīta, Latviešu literatūra. l. R., 1951, 50. lpp.). Ā. Kīses dzīves pamatu veido divi galvenie stūrakmeni - Latvijas sporta vēsture un ātrslidošana (Sports, 1981, 150).

ФЕ grēka azis (козел отпущения) в библии не имеет прототипа. В библии (3 Mozus, 16, 21-22) описан еврейский обряд возложения грехов на живого козла и изгнания его в пустыню. Следовательно, в формальном аспекте по своему происхождению это словосочетание является фразеологической единицей. На современном этапе доминирует лексикализированный вариант grēk-
azis.

Bet tagad milīcijai esot cita versija, tā visiem spēkiem meklējot grēkāzi, kurā it kā būtu varējies Bībešu sasist jau pirms aizturēšanas (Padomju Jaunatne, 24.07.87.).

Puiši pēc "karstām pārrunām" nolēma ievietot sīcās avīzē karikatūras par abiem grēkāžiem (Liesma, 1964, 3, 30. lpp.).

Но параллельно сохраняется и фразеологический вариант, ... kad māsās sāk briest nemiers, tad šio "nacionālisti" mēģina atrast kādu "grēka āzi", kam uzvelt vainu par saviem darbiem (Cīņa, 1940.15.). Tas uzzinājās, kas to grēka āzi nospiež ... (Zvaigzne, 1957, 11., 8. lpp.).

Существуют и другие ФЕ (как правило, двухкомпонентные), которые имеют лексические варианты, например vītes lapa (фиговый лист) (I Mozus, 3,7).

Būtiņa nav jaunās fasādēs, jaunās izkārtņēs un jaunās vītes lapās (Liter. un Māksla, 24.07.1987)
Часто встречается также просто сложное слово.

Tādējādi programma 03 sāks kaipot par vīteslapu republikas atbildīgu amatpersonu neizdarības piesegšanai (Liter. un Māksla, 28.08.1987).

Отметим, что библейская фразеология, будучи самой старой, является полностью ассимилированной и в употреблении обычно не ассоциируется с источником. О том, что выделять библейскую фразеологию как особую функционально - стилистическую группу (как в русском языке из-за старославянских элементов) в латышском языке нецелесообразно, свидетельствует многообразное употребление их, когда библеизмы выступают как народные выражения, пословицы. Причем такая тенденция не нова, она существовала и в прошлые времена:

... un beigās piekarina kaut kāda "kalēdera ideju", piem., "kas otram bedri rok, tas pats iekrīt; labdarīšana atnes augļus, kas dzer tas nāks ellē" utt. (Dienas Lapa, 1893, 200); (Ps.7,16;9,16. Zal.māc., 10,8).

Jā, arī latviešiem ir sakām vārds: cita aci redz skabargu, bet savā balki ne ... (Padomju Jaunatne, 25. 12.1986).

Лишь те ФЕ, которые содержат имена собственные (как правило, полукальки) или имеют структурно-семантические особенности, в какой-то степени несут в себе религиозную окраску.

Zālamana spriedums:

Vismaz nākamā vasarā lai staigā vecajos paltrakos. Patiesi tas ir Zālamana spriedums (E.Salienieks. Tā viņi strādāja. R., 1967, 246.lpp.).

Sodoma un Gomora:

Pilsētā nav tīra gaisa, un pilsētā nav arī tīra gara. Pilsētān vajadzēja dot tikai vienu no diviem vārdiem: Zodoma vai Gomora (J.Poruks. Kopoti Raksti.2.,1924, 255.lpp.).

Kaina zīme/ zīmogs:

Visupirms Raķis no tā traipēja izbijās, tad gribēja viņu nopurināt un noslaucīt, sacīdams: "Nost, nost, tu ļaunā Kaina zīme! Vai gribi mani nodot? (R.Kaudzītes, M.Kaudzītes. Mērnīeku laiki. R., 1964, 396.lpp.)/1879/.

10.2. Фразеология греческого происхождения

Источником греческой фразеологии в латышском языке являются Новый Завет (см. раздел о библейской фразеологии) и Древнегреческая мифология и культура.

Стметим, что греческий язык довольно длительное время существовал в форме разных диалектов, из которых самыми значительными были эпический и аттический, причем последний со временем стал основой литературного языка (κοινή). Далее произошло разделение греческого языка на литературный язык, который продолжал укреплять и искусственно стимулировать особенности аттического диалекта, и на новогреческий разговорный язык. Практически все заимствования произошли из древнегреческого языка, и эти ФЕ носят выраженный литературный ха-

рактир. Большая их часть заимствована с помощью латинского языка или еще более опосредованно, по схеме древнегреческий - латинский - русский, немецкий, французский - латышский язык. Именно из-за этой роли латинского языка часто говорится об античной фразеологии.

Так, например, в основе широко известной латинской ФЭ vita brevis ars longa (жизнь коротка, искусство долговечно) лежит изречение Гипократа ho bios brachys, he de technē makrē, а популярная фраза Плуата quem di diligunt adolescens moritur (те, которых бог любит, умирают рано) является переводом фразы Менандра hon hoi theoi philousi apothnēskēi neos.

Многие ФЭ связаны с древнегреческой мифологией, философией, литературой. Вопрос об их происхождении не однозначен, поскольку многие из этих ФЭ не имеют точных эквивалентных прототипов в греческом языке. Так, в эпосе Гомера нет ни ФЭ, ни словосочетания Trojanisches Pferd (троянский конь), хотя речь идет и о Трое, и о коне. Следовательно, этот фразеологизм, хотя и не имеет прототипа в греческой литературе, но родился на основе греческого мифа, т.е. греческого происхождения, а заимствован, вероятно, из немецкого языка (Trojanisches Pferd).

ФЭ homēriski smiekli (гомерический хохот), которая заимствована через русский или немецкий язык, вообще-то французского происхождения rire homérique так как в греческом языке этого оборота нет. Громкий хохот упоминается в "Илиаде" и "Одиссее" и в греческом языке обозначен asbestos gelōs, что означает продолжительный хохот. В переводе тоже отсутствует ФЭ homēriski smiekli:

nerišā smiekli nu skaļi (Iliāda, 1,599);

sacēlus smiekli bez gala (Odiseja, 8,326);

Atena sacēla tobrīd neapvalditus smiekļus (Od., 20, 346).

Таким образом, и эта ФЕ является аллюзией из эпоса Гомера.

ФЕ греческого происхождения заимствуются лишь в периоде становления литературного языка, что обусловлено их литературным характером. Хотя серьезных переводов самой греческой литературы еще нет, в периодике и особенно в литературной критике все чаще появляются единицы, мотивированные греческой культурой, чему, конечно, содействует существование этих ФЕ в больших языках, контактирующих с латышским. Часто авторы сознательно вводят эти ФЕ, поясняют их происхождение и т.д., например:

Jeb vai jūs to nekad nevarat un nesprājat aizmirst, jo jums tur, tēvu zemē, vēl Herkula un Tezeja darbi izdarāmi (A.Kronvalds.Rakstu izlase.R.,1937,341.lpp. - Runas 1871.).

... tautas augumu tas katrā brīdī gatavs likt Prokrusta gultā un to vai nu paisināt vai pastiept, skatoties pēc formulas (Dienas Lapa, 1895, 153).

Viņi uzdeva tadēļ vienam no sava pulka, ar vārdu Drakontam, lai pagāretos likumus izstrādā. Tas bargums, ar kādu šis muižnieks savu uzdevumu izdarīja, kļuva par sākamo vārdau. ļauzu mite liecināja, ka Drakonta likumi ir ar asinīm rakstīti (A.Kronvalds.Rakstu izlase.305.lpp.-Solons 1873).

Tikko jau paši garu velk un ar savu plato vai Platona mīlestību lielās, bet beigās nav tas pašas ģaurās (Kaudzītes R.M. Mārnīeku laiki. Jelgava,1879,33.lpp.).

Появляются и отдельные беспере译ные ФЕ, которые в современном языке не употребляются:

panta rhei (panta kinetsi), in thesi, in praxi:

Ko līdz šim in thesi sacījuši, tas mums nu in praxi jāpierāda (Austrums,1888.845 - 854).

Так постепенно в языке аккумулировались многочисленные греческие аллюзии - ФЕ, как правило, фразеологические полукальки (самый высокий уровень полукалек из всех заимствований):

Ahileja parēdis, Ariadnes pāvediens, Audija stalli, Damokla zobens, Gordija mezgls, starp Scilla un Haribdu, Herkulesa darbi/ stabi, himeneja saites, homēriski smiekli, olimpisks miers, paniskas bailes, Pandoras lāde, apseglot Pegazu, Sizifa darbs/ mokas, Tantala mokas, Temīdas avari, Trojas zirgs, Prokrustas gulta, platoniska mila и т.д.

В языке укоренились и ФЕ-высказывания, принадлежащие греческим философам, писателям, поэтам:

no diviem ļaunumiem izvēlēties mazāko
(из двух зол избрать меньшее) - Аристотель "Этика Никомаха";

viss tek/ plūst, viss mainās (все течет, все меняется). - Гераклит Эфезы

ēst, lai dzīvotu, nevis dzīvot, lai ēstu (есть чтобы жить а не жить чтобы есть). - Сократ;

no mušas iztaisīt ziloni (из муки сделать слона). - Лукиан;

viens bezdelīgs pavasari nenēs (одна ласточка весны не делает). - Эзоп;

ko diēvi grib pazudināt, tiem atņem saprātu
(кого бог/ Юпитер хочет погубить, того лишает разума). - Ликург.

Есть и группа ФЕ, отражающих факты, действительность и легенды греческой культуры и жизни:

Arhimēda svira (Архимедов рычаг),
Diogēna mūca (бочка Диогена),
drakonišķi likumi (драконовские законы),
delfu orakuls (дельфский оракул),
Ezopa valoda (язык Эзопа),

spartiska dzīve (спартанская жизнь), -
и даже такой термин, как aklā zarna (аппендикс).

В греческом языке можно найти начало понятия sparnoti vārdi - ереа pterocenta ("крылатые слова" - Гомер. Илиада, I, 201), но новую семантику этой фразе придал немецкий язык (см. немецкие заимствования).

Что касается изменений в заимствованных ФЕ, то в течение века они минимальны, затрагивают, главным образом, написание отдельных транслитерированных элементов, например: paniskno bailes - paniskas bailes - (старая форма сохранила первоначальный образ бога Пана (Pans), который навел внезапный ужас на людей;

Herkula/ Herkulesa darbi, drakonta/ drakoniski likumi, Ahilleja/ Ahileša papēdis/ plaukums - (наверно, интерференция из русского языка - ахиллесова пята).

Kā viņam piekļūt? Kur ir viņa Ahileša plaukums? (V.Lācis. Senču vācienājums.R., 1965, 273.lpp.).

Tikai ienuidnieki nīgri smīn, meklē Ahileša papēdi (Ciga, 1967, 21).

Positivāls parādījis radošās jaunatnes "Ahilleja papēdi" - nepietiekamu prasmi diskutēt (Liter. un Māksla. 28.11.1986).

starp Scillu un Haribdu/ starp Skillu un Haribdu

(с возможностью варьирования компонентов):

Kā tas jādara, to izteikt grūt, vaj pavisam neieteicams, tas ir noslepumainā, nepazīstināmā spēka uzdevums, kas spējīgs dejot bezdibeca malā, garam pālsidams Scillu un Haribdu (Skatuve, 1966, 70).

Jā tev jāizbrauc starp Haribdu un Skillu, kurā pussē tu turētos? (J.Kalniņš. Andrejs Pumpurs. 1964, 66.lpp.).
Iar to tu saņēmi rājienu, bet pēc tam - ordeņu, at-

series? Mu tad tāpēc. Katram, draudziņ, ir sava Skilla un Haribda (Leuku Dzīve, 1987,8,19.lpp.).

Несмотря на довольно ограниченное число единиц греческого происхождения в латышском языке (50-60), они обладают большой рекуррентностью, так как будучи интернациональными, часто употребляются в прессе и публицистике.

10.3. Фразеология латинского происхождения

Как и в большинстве европейских языков, в латышском языке широко представлена латинская фразеология. Она составляет самый большой слой беспереводных заимствований, а также калек и полукалек. Множество ФЕ представлено как в беспереводном, так и в калькированном виде:

O tempore, o mores - ak laiki, ak tikumi, alsa jacta est - kauliņi ir mesti, deus ex machina - dievs no maģiņas, mens sana in corpore sano - veselā miesā veselā garā.

Беспереводная фразеология латинского происхождения - это первая беспереводная фразеология, которая укоренилась в латышском (письменном) языке.

Уже в середине 19 века использование латинских фраз не носит окказионального, частного характера, несколько беспереводных единиц уже прошли стадию вкрапления. Тем не менее авторы все еще дают и перевод этих ФЕ, что свидетельствует о сомнении в уровне знаний читателей:

Romniekiem ir sakams vārds: qualis rex, talis grex!, tas ir pa latviski: kāds galā, tāds ganāms pulks un tieša gan ir (Majas Viesis, 1856, B).

Ubi bene, ibi patria (Kur man labi Krievs, tur man

tovija) (Dzeļjas no Ausekļa, Rīga, 1873).

Si vis passa, para bellum (Ja gribi mieru dari karu)
(Auseklis, Dzeļa, 1872).

Параллельно и вместе с беспереводными ФЕ в языке укореняются фразеологические кальки, хотя по сравнению с современными в несколько другой форме.

Kur labi klājas, tur ir man mājas (Mājas Viesis, 1859, 19).

Ak jūs laiki un ieražas! (Pēterburgas Avīzes, 1862, 26).
(в современном языке - ak laiki, ak tikumi).

... "errare humanum est" (aloties ir cilvēciģi) (Austrums, 1835, 12, 814. lpp.).

Te bij zelta laiki, kur es pasauli valdīju (Pēterburgas Avīzes, 1862, 2. pielik.).

О полной ассимиляции многих латинских ФЕ говорит тот факт, что на грани веков в большинстве случаев употребляется лишь один вариант ФЕ - или беспереводный, или калька.

Nožēlodams, ka nevarēju piedalīties pie raksta, ko jums nosūtīja latvieši no mūsu Alma Mater (Baltijas Vēstnesis, 1882, 71).

Vislabāk varbūt ir, ja rakstnieks tūdaļ, in medias res sak muas jau paša sākuma kudu atgadījumu stāstīt ... (Balss, 1980, 67).

Kad tik pa tām starpām Kurzemes muižnieku deputāti nedabun sauri "status quo", negrozāmības atziņonu, ko tie jau mēģināja izvest tā saucamā provinciālpadošanās (Zemkopis, 1910. 14. apr.).

Visnoteiktāko valodu gan liekas runājis simfonijas pēdējā daļā "Adagio Lamentoso", kurš ir savā ziņā īsts

"memento mori" (Pēterburg... Avizes, 1902-103).

Аккумуляция новых заимствований продолжалась в течение всего века и полностью не остановилась и в современном языке, хотя в общих чертах можно охарактеризовать фонд латинских фраз как очень стабильный. В современном языке полностью укоренилось более 100 латинских ФЕ, причем большой удельный вес занимают пословицы и поговорки, афоризмы и сентенции:

atkārtošana - zināšanu māte (repetitio est mater studiorum);

dāvātam zirgam zobos neskatās (equi donati dentes non inspicuntur);

ja gribi mieru, satavojies karam (si vis pacem, para bellum);

maizi un izrādes (panem et circenses);

nauda nesmird (non olet pecunia);

nekas cilvēcis man nav svešs (humani nihil a me alienum puto);

skoldi un valdi (divide et impera);

steidzies lēnām (festine lente);

tā aiziet tā pasaules godība (sic transit gloria mundi);

tautas balss - dieva balss (vox populi - vox dei).

Практически все латинские прототипы являются беспереводными заимствованиями.

Другие ФЕ в основном представляют собой номинативные двухкомпонентные единицы типа:

otrais es (alter ego),

piena ceļš (via lactea),

zelta līnīkmeta (aurea aetas),

zelta vidusceļš (aurea mediocritas),

rets putns (rara avis),

tumša personība (vir obscurus),
balta lapa (tabula rasa),
mūžīgā pilsēta (aeterna urbs),
kaula patiesība (nuda veritas).

Латинские полукальки, как правило, связаны с древнеримской историей, мифами: pāriet Rubikonu (перейти Рубикон), Pirra uzvara (Пиррова победа), divsejainsis Jānuss (двуликий Янус), Kartāgai jāsegrost (Карфаген должен быть разрушен). Не все полукальки имеют латинские прототипы - это главным образом аллюзии.

Большинство заимствований связано с античной литературой, философией. Но происхождение нескольких ФЕ не столь давнее, поскольку латинский язык доминировал в Европе и после падения римской империи и в просвещенных кругах сохранял свое значение до новейших времен. Так, средневековые алхимики пользовались понятием "философский камень" (lapia philosophorum), которое существует в качестве ФЕ и в латышском языке - filozofu akmens.

Научная литература также писалась главным образом на латинском языке, который был своего рода лингва франка в Европе. Так, например, выражение французского философа Р. Декарта domājī - tātd es esmu, можно найти как в работе на французском языке "Discours de la methode" (1638), так и в латинском переводе этой работы "Principia philosophiae" (1644) - cogito ergo sum. Поскольку латинское выражение можно найти во многих языках, очевидно, что латинский вариант оборота был более значим, чем французский оригинал.

Подобным образом двойное происхождение имеют и кальки: visu karī pret visiem - Bellum omnium contre omnes английского философа Т.Гоббса (1651);

zināšanas - spēka - Scientia est potentia/ potestas est английского философа Фр.Бекона (1697).

Их средних веков пришла и ФЕ O sancta simplicitas, приписываемая вождю чешского национального движения Яну Гусу (1415).

Вообще латинская фразеология, так сказать, хорошо за- свидетельствована - известны авторы и оригиналы множества единиц. Это обычно римские ораторы, писатели, философы. Так, например, перу поэта Горация принадлежит несколько ФЕ (не считая тех, которые он перенял и популяризировал):

caula patiesiba - nuda veritas (голая истина) - I-я книга од. 24,7;

zelta viduscelis - aurea mediocritas (золотая середина) - 2-я книга од. 10,5;

tver mirkli - carpe diem (лови момент) - I-я книга од. 11,8;

navienot derigo ar patikamo - miscuit utile dulci (соединять приятное с полезным) - "Искусство поэзии", 343, и др.

Некоторым единицам свойственны вариантность или изменение с течением времени. Так, ФЕ errare humanum est имеет некоторые варианты - aloties/ kladities/ maldities ir silvesigi:

Esmu gribējis tikai labu vien, bet aloties jau ir silvesiski (Dienas Lapa, 1991, 104).

Maldities ir silvesiski ... pat meklējot patiesību par visu patiesību (Daugava, 1999, 6, 573. lpp.).

Saka: "kladities ir silvesiski". Bet vai drīkst klādities sabiedrības vadopi? (Padomju Jaunatne, 30. 1. 1987).

И такая ФЕ, как carpe diem имеет 2-3 варианта обоих компонентов - tver/ ker mirkli/ diem, Cartāģinam esse delendam - Karta - jāsegrauj/ jāiznīcina/ jānagrūt.

*3 alca facta est (жребий брошен) в начале заимствования имела тощую кальку, сохраняя единственное число:

Teo drīkst arvien daļāki uz leju. "Alca facta est"

(kaulini kritisi!) tā sāka pa latīniski, kad pāršper arī neatļauti kādu sliegsni (Poruku Jāņa Kopoti Raksti.1.sēj.R.,1924,208.lpp.). /1896/.

Позже в языке укоренилась форма множественного числа и форма с заменой второго компонента:

Kaulini par Sudetiju krituši (Jaunākās Ziņas,1938,212);
Kaulini bija krituši (Burtnieks,1934,9);
Tiesa, kaulini vēl nav mesti ... (Cīņa,21.1.1987).

Беспереводная фразеология латинского происхождения, пожалуй, единственная, которая иногда подвергается контекстуальным изменениям, что свидетельствует о полной ассимиляции ФЕ. Мнение, что беспереводная фразеология является чуждым элементом, в этом аспекте не выдерживает никакой критики:

Diskusijām ir jābūt balstītām argumentācijā, tām jābūt "sine ira et studio" - bez dušmām un kaislībām, kaut gan es domāju labāk "sine ira sed cum studio" - bez dušmām, bet ar kaislībām (Literatūra un Māksla. 10.1.1986).

Суммируя, можно сказать, что в латышском языке на современном этапе около 300 калек и полукалек и около 100 беспереводных заимствований. В настоящее время корпус латинских ФЕ очень стабилен и практически не увеличивается.

10.4. Фразеология немецкого происхождения

Долгое соприкосновение немецкого и латышского языков общеизвестно. Однако влияние немецкого языка на латышскую фразеологию до сих пор изучено мало, лексический материал исследован намного глубже. К тому же в контакте языков влияние немецкого языка всегда акцентировалось в негативном

аспекте. Довольно хорошо изучен фразеологический материал в сопоставительном плане (Ruže - Iļavīna, 1967; Kokare, 1968; Орловская, 1972) с рассмотрением параллелей в обоих языках, но в генетическом плане наблюдается серьезное отставание.

Установить точно влияние немецкого языка на латышскую фразеологию на начальном этапе весьма трудно, поскольку из-за отсутствия письменных источников это можно делать только путем сопоставления аналогичных и идентичных единиц. Первые письменные источники 17-18 вв. также не всегда дают надежную информацию о действительном состоянии латышского языка, так как язык их авторов - немецких священников - в некоторых случаях находился под сильным воздействием немецкого языка.

В обоих языках много параллелей, которые могут быть результатом заимствования из немецкого и из другого языков (интернационализмы), а также результатом независимого развития, так называемого полигенезиса - становления эквивалентных ФЕ в разных языках в результате сходных жизненных условий, универсальных черт менталитета. Из-за близости последних это характерно для обоих языков:

dabūt kādu uz kājām - jeden auf die Beine bringen

iet no mutes mutē - von Mund zu Mund gehen,

izzīst no pirksta - aus den Finger saugen,

saprast kādu no pusvārda - jeden aufs halbe Wort verstehen

Вместе с тем, рассматривая первые словари латышского языка, можно найти примеры немецкой интерференции и заимствования ФЕ.

Так, уже в словаре Лангя (1680) довольно много заимствований из немецкого языка, выделяющихся не свойственными латышскому языку конструкциями:

deguna auts (49) - Schnupftuch;

biša/ buša zāles (33) - Buchsen-Pulver;

mieru salauzīt (163) - Fried verstören;

laivas lauzīšana (133) - ein Schiffbruch;

mājas piemeklēt (162) - heimsuchen; .
runas turēt (224) - ratschlagen, unterredung halten;
laulību pārlauzīt (135) - Ehebrechen;
āran mācīties (10) - aufwendig lernen.

О последнем выражении сам Лангий правильно говорит, что оно неуклюже (so sagt man aber ungeschickt), но при этом автор ошибочно проповедует употребление таких выражений, как kā ilge (98), kā daudz (98) вместо cik ilgi, cik daudz, что представляется чистой интерференцией (wie lange, wie viel).

Влияние немецкого языка продолжало нарастать в 18-19 вв. во время формирования национального языка и даже после того, хотя с конца 19 века проводилась некоторая работа по очищению латышского языка (в некоторой степени и фразеологии) от позднего влияния немецкого языка. В середине 19 века в языке было огромное число дословных переводов немецких фраз и сложных слов в форме ФЕ:

nākt priekšā - vorkommen,
dzīt veikalu - Geschäft treiben,
krist svarā - ins Gewicht fallen,
uz to labāko - aufs Beste,
krist acīs - ins Auge fallen,
laid mierā - lass mich in Ruhe,
kanti turēt - einen die Kante halten, и др. Например:

Andrievs ar Marītes prievietošanu dzina labu veikalu
(Mājas Viesu Mēnešraksts, 1901, 453. lpp.);

... atklāti Veinberģa kanti turot, varejs zaudēt "pla-
būku aprindu" simpātijas (A. Upīts. Kopoti raksti, 1951,
16. 622. lpp.) /1911/.

Многие современные сложные слова в начале заимствования были формально разделены и образовывали ФЕ. Достаточно про-
смотреть несколько номеров газет: "Peterburgas Avīzes" -
grāmatu turotājs (1862, 1), Buchhalter, dzelža celā (1862, 2),

- Eisenbahn, dzelzu celš (1862,22), miesas strāpe (1862, 17) - Körperstrafe, garaiņu mašīna (1862,22), Dampfmaschine, cieta pilsāta (1863,21) Festung (cietoksnis), koka elvjuš (1862,22) Baumst (oliveļļa), miētu pilsonis - Pfahlbürger, brūnais krekls - Braun Hemd:

Vel reizī teicam, "miētu pilsonis" sirds, jo "miētu pilsonim" (vāciski Pfahl jeb Spies-bürger) Ludermands savu "Sodu" sarakstījis ... (Baltijas Vestnesis, 1894, 83).

... "brūno kreklu" organizācijas locēķiem atļāvusi noturēt savas apmācības pilnīgi netraucēti (Jaunākās Ziņas, 7.3.1938).

Тенденция перехода из лексики во фразеологию при заимствовании весьма показательна, и часто такие заимствования застывают в виде ФЕ. Например: salmu atraite - Strohwitwe, dvēseļu radniecība - Wahlverwandschaften, nākotnes mūzika - Zukunftsmusik, rimju kalējis - Reimschmied, plānā galdīja urbēja - Dinnbrettbohrer;

Fridenberģa mīlestība, diemžēl, neatbūiras daudz no daža laba rimju kalēja mīlestības (Dienas Lapa, 1891, 107-108).

Bet, ja savu tūnā, dziļā teikšanā zīmējies uz mani kā uz kādu "plāngaldījurbeju", kas no literatūras nezina it nenieka ... (Ausekļa raksti, II daļa /1888/ 74-78. lpp.).

Но помимо этих трансформированных случаев в 19 и 20 вв из немецкого языка заимствовано много литературных фраз, связанных с немецкой культурой и литературой. Эти ФЕ, имеющие хорошо известные прототипы, постепенно входили в латышский язык с середины 19 до середины 20 века, когда большая часть их прочно укрепилась в языке. Во второй половине 19 века в Латвии существовала довольно развитая пресса, и по ней можно проследить заимствование этих единиц. Возьмем в качестве примера ФЕ lot из Книгому (nach Saloveja gehen).

Происхождение этой единицы было хорошо объяснено при первых употреблениях, связанных с реферированием речи Бисмарка в рейхстаге, где канцлер использовал этот оборот. Видно, что авторы целенаправленно вводят ФЕ в язык:

Šis štābs ir iēcelts no Bismarka piekriteļiem par piemīni, ka tas tai strīdā starp katoļu baznīcu un laicīgu varu šo stipri aizstāvējis un reizi Vācijas reihstāgā sedēšana (1872) sacījis: "Uz Kanossu mēs neiesim" (Vācu ķeizars Heinrich IV priekš 890 gadiem bij strīdā ar pāvestu Gregoru VII šim padevies un gājis uz Kanosu, kādu pili vidus Itālijā, pāvestu lūgties) (Rīgas Lapa, 1877,7).

Bet Bismarku attur no miera derēšanas tāds lepns vārds, kuru tas reiz izteicis, proti: "Uz Kanosu^x mēs neiesim!"

xUz Kanosu gāja 1077 Vācu ķeizars Indriķis IV un padevās pavestam Gregoram VII (Rīgas Lapa, 1880,9).

И приблизительно в то же время эта ФЕ появляется в повести "Mērnīeku laiki":

"Dancodami! Prātrīeks iemeta vidū, "kad patriotisms iet, avaras slaucidams bazām kājām un grōcinieka svārkos, uz Kanosu, tad istenu patriotu jāmeklē dienas laikā ar uguni ..." (Kaudzītes R., M. Mērnīeku laiki. Jelgava, 1879, 287. lpp.).

Единиц этого типа с известным литературным происхождением очень много:

pausaules pilsonis - Weltbürger, 1747, Г.Е. Лессинг калькирует греческое "космополит";

peredzet aiz kokiem mežu - den Wald vor lauter Bäumen nicht sehen, 1768, К.М. Виланд "Мусарион";

vētras un dzīgu - Sturm und Drang, 1776, Ф.М. Клинггер по названию пьесы.

lieta par sevi - das Ding an sich, 1781, И. Кант "Критика чистого ума".

moris vavu darbu padarijis, moris var iet - der Mohr hat seine Arbeit getan, der Mohr kann gehen, 1783, Ф. Шиллер "Заговор Фиеско в Генуе", 3, 4.

Целый ряд ФЕ берет свое начало в работе Гёте:

maijigi sieviaucis (augbur mus cel) - das ewig Weibliche zieht uns hinan, 1808, "Фауст";

preturum dars - Geist der Widerspruchs, 1832, "Фауст";

laika dars - Zeitgeist, там же.

ar birds asinim rakstis - mit dem Blute eigenen Herzens geschrieben, 1777, "Страдания молодого Вертера";

aveseļu radniecība - Wahlverwandschaften, 1809, "Родственные натуры";

kā zorkons pavediens sauri vilas - wie ein roter Faden durch etw., ziehen, там же;

ir gadāts par to, lai koki neieaug debesis - es ist dafür gesorgt, daß die Bäume nicht in den Himmel wachsen, 1813;

vairāk gaismas - mehr Licht!, 1832, последние слова Гёте;

dara aristokrātija - Geistesaristokratie, 1834, Г. Стеффенс;

klīstošais/ skrejošais holandietis - der fliegende Holländer, 1834, Г. Гейне (по голландской легенде);

relīģija - opijs tautai - die Religion ist das Opium des Volks, 1844, К. Маркс, "К критике гегелевской философии права";

starp āmuru un laktu - zwischen Hammer und Amboss, Ф. Шпилхаген, повесть такого же названия;

nakotnes mūzika - Zukunftsmusik, 1859, Р. Вагнер "Музыка будущего. Письмо другу";

brīva mīlestība - freie Liebe, 1890, М. Халбе, название пьесы;

vērtību pārvērtēšana - Umwertung aller Werte, 1895,
название книги Фр.Ницше;

virpus laba un ļauna - jenseits von Gut und Böse, 1886,
название книги Фр.Ницше;

blondā bestija - die blonde Bestie, 1887, из книги Фр.
Ницше "Генеалогия морали";

vergi/ kungs morāle - herdentier/ herren Moral, 1886,
из книги Ницше;

zvaigžņu stunda - Sternstunde, 1927, С.Цвейг "Звездные
часы человечества".

Несколько ФЕ уже 20 века связаны с политикой кайзеров-
ской и позже фашистской Германии, которая, как известно, за-
троннула интересы и других народов:

karš karom - Krieg dem Krieg, 1911, лозунг, провозгла-
шенный К.Либкнехтом;

parīra dabaliņš/ lupata - ein Fetzen Papier, так в
1914 г. канцлер Германии Т. фон Бетман-Холверг назвал
договор о нейтралитете с Бельгией, нарушив его.

dzīves telpa - der Lebensraum, выражение принадлежит
Ф.Ратцелю 1901, однако настоящую популярность фраза
получила в 1930 году после речи Х.Шахта и публикации
книги А.Розенберга "Миф 20 века". Фразеологизм приоб-
рел статус официальной идеологии нацистов;

lielgabals vīcieta vietā - Kanonen stett Butter, 1936,
Р.Хесс;

ar dzelzi/ bruņotu/ tērauda dūri - mit geranzelter
Faust, 1848, Г.Фрейтаг, 1887, Вильгельм II.

brūnā kraklā - braun Hemd;

Рассмотрим также несколько фраз разного происхождения,
которые актуализировал немецкий язык и через который ла-
твийский язык заимствовал эти единицы. Так, ФЕ spārnoti
vardi (крылатые слова) существовала уже в эпосе Гомера, но
свое современное значение она обрела после того, как немец-

кий исследователь Г.Бухман назвал свое первое собрание крылатых слов и выражений "Geflügelte Worte" (1864 г.). В тринадцатом издании этой книги (1882 г.) автор констатирует, что выражение укоренилось как в немецком, так и в других языках.

Фразеологизм liefgabalu gale (пушечное мясо) похож на английский оборот в пьесе Шекспира "Генрих IV" - food for powder. Во французском языке в памфлете Ф.Шатобриана "О Бонапарте и Бурбонах" (1814) есть фраза la chair à canon, которая, возможно, была прототипом ФЕ. Но в 1914 году в связи с началом мировой войны в журнале немецких социал-демократов "Vorwärts" появляется фраза Kanonenfutter, которая быстро обретает популярность и в других языках (например, cannon - fodder в английском языке).

Фразеологизм vieta zem saules (место под солнцем), наверно, все-таки французского происхождения place au/ sous le soleil, ибо существует в произведениях Паскаля (1670), Беранже (1827), Бальзака (1832) но в довольно гуманистической коннотации. Но настоящую популярность он получил в 20 веке, когда речь канцлера Е.Булава в рейхстаге в 1897 г. придала этой фразе империалистический оттенок. ФЕ platz an der Sonne быстро калькировалась в латышском языке.

Одной из самых интересных является полукалька ФЕ das Dritte Reich - trešais reihns (третий рейх). Эта фраза в своем будущем значении первый раз появилась в названии книги А.Меллера ван Брука в 1923 г., хотя мысль о третьей империи существовала и раньше. Используемая, она в конце концов стала объектом обыгрывания и в 1939 году была официально изъята из обращения в национал-социалистической Германии. Но она уже закрепилась во фразеологии многих народов. В 30-е годы в латышском языке функционировала, главным образом, полная калька:

Cieņas mazināšanās vērrojama arī attiecībā pret atsevišķiem S.A. vīriem, kurus pirms gada uzskatīja un godāja kā trešās valsts "zemes sāli", tagad, turpretim, sauc par formās tērptiem dienas zagļiem, jeb par no darba bēgošiem vazaņķiem (Strādnieku Avīze, 12.05.1934);

... valstskanclera Hitlers jau apgalvoja, ka tagad starp "3.valsti" un Franciju vairs nepastāvo nekādi teritoriāli strīdi un konflikti (Sējsijs, 1936, 1.98. lpp.).

Интересно, что в связи с официальным запретом во время оккупации эта ФЕ не употреблялась в прессе. После войны намечается поворот к использованию полукальки trešais reihs, например:

Daži vecākie drīz aizgāja pie tēviem, bet jaunākajiem pacelšanās no rančām bija iespējama tikai vien "trešā reihs" ostzēprovīncē un tad "brīvajā pasaulē" ... (A.Upīts. Bezsaules noriets.R., 1967, 27.lpp.).

В целях разнообразия стиля иногда употребляется и полная калька:

Tādēļ man bija iespējama izlasīt samērā bezkaislīga hronista rakstītas piezīmes par "trešo valsti" (M.Birze. Lai atgrieztos. 1984, 88.lpp.);

Pretējā gadījumā mūsu Zilā Impērija patiešām var sabrukt vienā gaišā dienā tāpat kā sabruka jūsu Trešā Lielvalsts (Ž.Grīva. Viņpus Pirenejiem. Rīga, 1948. 220. lpp.).

Латышский язык заимствовал множество ФЕ нейтрального и разговорного характера, авторы которых неизвестны. Этот факт может затруднить уяснение происхождения некоторых ФЕ. Но

многие единицы сохранили структуру, не сродненную латышскому языку, а также заимствованные немецкие слова в своем составе. Кроме того, мы можем проследить путь заимствования многих оборотов. Так, ФЕ runāt caur puķem (говорить сквозь пальцы) в начальном периоде заимствования употреблялась в форме, близкой к немецкому прототипу, сохраняя единственное число существительного, например:

Cienītie lasītāji nenolīgs, ka čigāni par vādu neraudzētu gadījumā bija it pareizi pratuši "caur puķi" izsacīties (Mājas Viesa Mēnešraksts, 1904, 102. lpp.).

/durch die Blume sagen/

В более позднее время в языке закрепились множественная форма:

... vienīgi Delboss - kaut arī stipri "caur puķēm" - pateica dažas japaņiem adresētas patiesības (Jaunakās ziņas, 4.11.1937).

Samierinājušies, pielāgojušies, skatījušies caur pirkstiem, runājuši caur puķem, saukuši par nelekšanu uz esebām vai nepieciešamu nodevu laikmetam (Literatūra un Māksla, 24.7.87).

ФЕ kā piektais ritenis раньше употреблялась в другой форме - kā piektais rats (wie fünfte Rad):

Arī es esmu "labdarības balls" - kā piektais rats! (Mājas Viesa Pielikums, 1899, Nr. 48, 768. lpp.).

Таких ФЕ в латышском языке очень много. Мы приведем лишь самые популярные:

uzņemt kursu uz - Kurs auf etw nehmen;

mažgāt kādam galvu - j-m den Kopf waschen;

zem katras kritikas - unter aller Kritik;

skatīties caur pirkstiem - durch die Finger sehen;

nošaut buku - einen Bock schießen;

tur tas suns aprakts - da liegt der Hund begraben;

lauzīta valoda - gebrochene Sprache;

klāt galdu - den Tisch decken;
sadot kādam piparus - Pfeffer geben j-m;
nākt modā - in Mode kommen;
iziet no modes - aus der Mode kommen;
rādīt/ vīstīt dūri kabatā - die Faust in der Tasche
ballen/ machen;
pats par sevi saprotams - es versteht sich von selbst;
salmu atraitne - Strohwitwe;
kā piektais ritenis - wie das fünfte Rad;
dienas kārtība - Tagesordnung;
runāt caur puķem - durch die Blume sagen/ sprechen;
iedot kurvīti - j-m einen Korb geben;
nopirkt par sviestmaizi - für ein Butterbrot kaufen;
likt uz vienas kārts - auf eine Karte setzen;
spēlēt lielu lomu - eine große Rolle spielen;
uz ef-ef - etw aus dem eff eff verstehen;
stunda situsi - für jeden schlägt seine Stunde;
pilnas zāģeles/ buras - mit vollen Segeln;
nākt ausis - zu Ohren kommen;
ēst ar gariem zobiem - mit langen Zähnen essen;
no bērna kājas - von Kindesbein;
nav uz mutes kritis - nicht auf den Mund gefallen sein;
3 K/, baznīca, virtuve, bērni - Kirche, Küche, Kinder;
ieiet vēsture - in die Geschichte eingehen/ angehören.

Со временем многие ФЕ исчезли. Так, nopirkt par sviest-
maizi представляется устаревшей ФЕ, вместо нее употребляются
такие единицы, как par baltu velti, par tiro nieku, par
smiekla naudu.

Одни ФЕ укоренились в языке с минимальными изменениями,
например уже упомянутая ФЕ runāt caur puķem, другие вошли в
язык без изменений, нарушив некоторые нормы языка-рецептсра,
например uz mutes kritis - auf den Mund gefallen:

Es nebiju nekad tīri uz mutes kritis, vajadzības brīdī manām rokām netrūka spāre, to zināja vai katrs, tadēļ Brencām sākās biedru starpā pavīsam cita dzīve (Austrums, 1896, 75o.lpp.).

Многие подобные ФЕ так и укоренились в языке, несмотря на оппозицию лингвистов (см. Ozoliņa, 1935).

Другие ФЕ переместились вниз по социальным ярусам языка. Так, полукальку 'uz ef ef' можно считать разговорной, в какой-то степени жаргонной:

Jā, lai uztaisās uz "ef-ef" un nāk pie viesiem (Lācis. Senču vācinājums, 1965, 265.lpp.).

Отметим, что в латышском языке поразительно мало беспереводных заимствований из немецкого языка. В 19 веке и в первой половине 20 века в литературе наблюдается некоторое число окказиональных вкраплений, например:

Visu dižciltīgo sugu palātos ir skaidri saskatāma peiza zvārs, lieliskais pēc laupījuma un uzvaras alkstošais gaišmatainais rīļsoņa (blonde Bestie) ... (Daugavas Gada Grāmata.R., 1935, 96.lpp.).

Однако лишь три ФЕ закрепились в языке как стабильные беспереводные заимствования - Drang nach Osten, Sturm und Drang, Meir Licht, причем и последняя ФЕ все реже появляется в беспереводной форме. Хотя все эти ФЕ имеют стабильные кальки в языке, беспереводные формы обладают большей экспрессивностью, оттенком аутентичности, а вследствие этого - и большей употребительностью:

Austrījas pievienošana Vācijai esot visu "Drang nach Osten" pirmais mērķis (Pēdējais Brīdis, 27.07.1934); Gērnijā tie, ka viņu vēsturiskā misija ir "Drang nach Osten" - virzīšanās uz austrumiem (Jaunākā Ziņa, 4.11.1938);

Viņš domāja, ka Vācijas vadība notikums šķēlīnātā uz ārpusi interpretējamā, kurās tiecēns pēc "Drang nach

Ostern", un politiķiem (Padomju Jaunatne, 1987, 21. aug.);
Tā Ģētes draugi Herders un Hamans (pēdējais ir "Sturm
und Drang-periodes" īstais tēvs), kam abiem tik nenolīdzams
iespāids uz lielo dzejnieku, kādu laiku darbojušies
Baltijā (J. Janševskis. Dzintene, 5/6. s., R., 1925. 276. lpp.);

Turklāt vai tas nav milzīgs zaudējums, ka jaunie cilvēki
savus "Sturm und Drang" gadus, laikposmu, kad pašu vecums
atbilst atveidojamo skatuves tēlu vecumam... nosēž skolas solā
(Padomju Jaunatne, 4. 12. 1985);

Pēdējie vārdi, ko viņš pietrūkstot elpai, izsaka ir
"Vairāk gaismas!" ("Mehr Licht!") (Izglītības Ministrijas
Mēnešraksts, 1932, 3. 171. lpp.).

Но в истории языка беспереводные формы, а точнее, вкрапления,
сыграли свою роль, так как из них рождались многие современные
фразеологические кальки, а сами вкрапления исчезли. Например:

Es negribēja tevi pierunāt, darboties pret savu pārliecību,
es zinu, ka tu esi pārāk par mums visiem, šī mazajā un
neventiletā vienmuļības ligzdā, bet neizmirsti, ko Ģēte saka:
"Es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den
Himmel wachsen" un ka arī putni, kaut gan tie augsti lido,
tomēr laižas atpakaļ uz zemi un taisa tajos pašos vecajos kokos
ligzdas (J. Poruks. Kopoti raksti. Rīga, 1924, 6. s., 13. lpp.) /1905/.
Bet par to jau esot gādāts, lai koki neaugrot līdz debesīm,
saka kāds vācu rakstnieks, laikam Ģēte ... (Dzintenes
Vēstnesis, 22. 10. 1909);

Nav jābaidās, ka caur zinību iegūšanu varētu zaudēt
savu sievietību, "das ewig weibliche", mūsu kungi
zem viņas saprot tikai jaunības muļķību (Dienas Lapa,
1894, Nr. 273);

Frizūra viņai nebija gaumes, gājienā grācības, smaidos
sievietības - no visas viņas būtnes bija pazudis mūži-

zi sievišķigais (A. Birkerts "Līdzdarbi un atmiņas. Rīga, 1958, 306.lpp.)/1907.

В заключение можно сказать, что немецкий язык имел наибольшее значение в обогащении латышской фразеологии не только немецкими ФЕ, но и как язык-посредник. Более того, немецкий язык, через его носителей, в большой мере содействовал становлению фразеологической системы латышского языка, оформлению его фразеологической модели.

Принимая во внимание, что языковой пуризм латышей был направлен в первую очередь именно против влияния немецкого языка, следует признать, что во фразеологии эти устремления были малоуспешными, что лишний раз свидетельствует о том, что заимствования, даже если они структурально и системно не полностью соответствуют языку-рецептору, могут укореняться в языке, расширяя его денотативные и коннотативные возможности. Диахронический материал показывает большую роль заимствования довольно ясно.

Таким образом, немецкий язык оказал самое глубокое влияние на латышскую фразеологию, но в середине 20 века заимствование из немецкого языка практически прекратилось.

10.5. Фразеология русского происхождения

Русский язык, как и немецкий, является для латышского одним из главных контакт-языков. Это обусловлено как историческими обстоятельствами, так и родством обоих языков.

Древнее влияние русского представляется гипотетическим, поскольку из-за отсутствия письменных источников невозможно сравнить ФЕ обоих языков в ранние периоды их развития. Так как структуры обоих языков довольно сходны и жизненные условия в большой мере совпадают, в обоих языках множество фразеологических параллелей: pievaldīt māli - придержать язык, īstupināt pie maizes un ūdens - посадить на хлеб и на воду, sadot pa cepurī - дать по шапке. Но

есть и немало фразеологизмов, о которых с уверенностью можно сказать, что они заимствованы из русского языка. Многие ФЕ заимствованы из литературных источников:

dzīres māra laika - пир во время чумы (А.Пушкин, 1832);

mirušās dvēseles - мертвые души (Н.Гоголь, 1842);

liekie cilvēki - лишние люди (И.Тургенев, 1850);

revolūcijas algebra - алгебра революции (А.Герцен, 1855);

tāvi un dēli - отцы и дети (И.Тургенев, 1862);

cilvēka futlāri - человек в футляре (А.Чехов, 1898);

panākumu reibonis - голозокружение от успехов (Сталин, 1930);

cilvēku dvēseļu inženieri - инженеры человеческих душ (Сталин, 1932);

slikts tas karavīrs, kurš nesapņo kļūt par ģenerāli - плох тот солдат, который не хочет стать генералом (Сувров).

Bet slikts ir tas karavīrs, kurš nesapņo kļūt par ģenerāli (Padomju Jaunatne, 31.7.1986).

Arvainoti pensiju izkrāpšanā "mirušām dvēselēm" (Jaunākās Ziņas, 15.11.1937.).

Mums jau daudzus gadus aktuāls jautājums ir "mirušās dvēseles" - cilvēki, kas aizgājuši strādāt citur, bet nav nopēmušies no uzskaites (Padomju Jaunatne, 11.2.1987).

Biedrs Staļins nosaucis padomju rakatniekus par cilvēku dvēseļu inženieriem (Ciņa, 28.3.1953).

Из-за близости судеб латышского и русского народов, их общей истории последних столетий, заимствованы многие ФЕ с явной окраской реалий:

loge uz Eiropu - окно в Европу (А.Пушкин, 1834);

Potjomkina sādžas - потемкинские деревни (1783);

melnā sotņa - черная сотня (1905/6);
tautu tēvs - отец народов (о Сталине).

Pašādei te nav otras puses, Potjomkina sādžu nav kur
uzbūvēt (Literatūra un Maksla, 5.8.1988).

"Tautu tēvs" izrikojies ar alfabētism bez lielas prā-
tošanas (Padomju Jaunatne, 3.12.1988).

Kā nekā pilsoniskā prese rakstīja par "tautu tēvu" ne-
likumībām, par lielajiem tiesu procesiem (Padomju
Jaunatne, 29.4.1989).

Почти все литературные ФЕ заимствованы лишь в 20 веке,
что в некоторой степени можно объяснить их недавним русским
происхождением, а также их литературной направленностью,
которая требует подготовленности восприятия.

Некоторое влияние оставил и русский фольклор:

pēs līdakas pavesles - по щучьему веленью, piēna upes, kīse-
ļa krasti - молочные реки, кисельные берега, параллельно
библейской заимствованной ФЕ zeme kur piens un medus tek.

Piens upes ... papīrs krasti jeb vēlreiz par skolu ed-
nīcām (Padomju Jaunatne, 21.1.1986).

Bet mīļie, tā nekad nebūs, ka kīseļa krastos plūdis
piens upes (Sīpa, 9.9.1989).

Русская фразеология продолжает влиять на латышский
язык, особенно на его низшие уровни. Отметим большой удель-
ный вес русской фразеологии в жаргонной фразеологии и поч-
ти полное доминирование русских выражений в сфере "мата"
(фраз "табу").

Многие ФЕ заимствуются в разговорном языке и со време-
нем переходят в язык прессы:

karāties gaisā - висеть в воздухе, mājās sienas pa-
līdz - дома стены помогают, kurvaino tikai kaps iz-
mācīs/ istaiznēs - горбатого могила исправит,
vilciens aizgājis - поезд ушел, pie laupīgas -

до лампочки, koks/ runka ar diviem galiem - палка о двух концах, slapja lieta - мокрое дело:

Taču katrai rungei ir divi gali (Leuku Avīze, 22.10.1988).

Ir tāds teiciens, ka kupraino iztaisnojot vienīgi kaps (Literatūra un Māksla, 4.7.1986).

Sākumā viņš bija izcils bandīts, kas nevairījās arī no "slapjām lietēm" (Rīgas Balss, 23.1.1986).

В латышский язык проникли также единицы, которые условно можно классифицировать как бюрократически-управленческие с явным оттенком канцелярских клише. Такого рода влияние определено ролью русского языка в сфере управления и делопроизводства. Многие из этих оборотов в латышском языке имеют нежелательную, даже абсурдную окраску:

šaurā vietā - узкое место, sist/ sodīt ar rubli - бить рублем, nomest no skaitļiem - сбросить со счетов, dzīvie ziedi - живые цветы, nodot arhīvā - сдать в архив, dzīvā rinda - живая очередь, būt pie sevis - быть у себя, iznest lēmumu - вынести решение:

Daudzi toreiz domāja, ka pienācis gals kultūrai, ka padomju vara nosviedīs no skaitļu kauliņiem agrāko pirmsrevolūcijas laika kultūras vērtības (Cīņa, 21.3.1945).

Pārākata žanra specifikas diktēta "šaurā vietā" ir daudzie citāti (Literatūra un Māksla, 28.11.1986).

Беспереводаемых ФЕ русского происхождения за исключением жаргонных фраз в латышском языке нет. Это объясняется в какой-то мере различиями в орфографии; кроме того, хотя русские выражения используются в разговорном языке, однако в письменном языке это наблюдается крайне редко. К тому же ни в современном языке, ни в прошлом нет ФЕ, которые обладали бы

стабильностью в этом аспекте, а их употребление носит частный, стилистический характер, т.е. это вкрапления.

Volge - šim vārdam Krievijā liels nozīme. Ne veltī tauta viņu sauc par "матушку-кормилицу" - māmiņu šdinātāju (Zemkopis, 1.09.1910).

Tomēr atstāja savu blondo grēku pie galdiņa un atkrita krēslā iepretim man. - Сколько лет, сколько зим, Ivo! - Jā, Hariji Kur tas laiks (A.Puriņš. Nevaicājiēt man neko.R.1977,230.lpp.).

Mani pēc tā friču tētovejuma arī sazināja. Такие пироги (Literatūra un Māksla, 10.4.1987).

Таким образом, главным препятствием служит не орфография, а культурная привычка, традиция. Отметим, что русские беспереводные ФЕ не существуют и в других языках, т.е. не владеют фактором интернационализма.

Довольно часто встречаются фразеологические транскрипции - транслитерации, которые в отличие от других языков, не являются лишь метонимическими собственными именами:

Vieni uzskatīja, ka viņš kritis tāpēc, ka nemākulīgi rikojies ar uzticēto ieroci, viņam vajadzējis revolucionāriem durēt, nevis kavēties, lodī stobrā ielaižot, un kā pamatpierādījumu te min lielā krievu karavadoņa Šivarova vārdus - "пуля дуря, štik molodec" (A. Bels. Saucēja balss.R.,1973,179.lpp.).

Un te rūdis, aizņemts ar kārtīm un pīpēšanu, nekā ļauna nedomādamis izmet: - Sīa jesti, uma no rado (Avots,1987,Nr.2,6.lpp.).

Veri tak saprast, ka šādā ekstremālā situācijā runa būs gājusi tikai par krietnu summu, jo, kā saka, igra stoit sveč (Avots, 1987,Nr.4,5.lpp.).

Но и транслитерированные ФЕ не обладают фактором устойчивости в латышском языке, поэтому их нельзя считать заимствованными, а только окказиональными.

Пласт полукалек не очень велик, например:

melnā sotnā - черная сотня,

Potjomkina sūdžas - потемкинские деревни,

cilvēks futlārī - человек в футляре.

Jau pirms notikuma pie baznīcas no mutes mūtē lidoja vārds "melnā sotnā" (V. Brālks. Kara serīze R., 1958, 39. lpp.).

ФЕ krukt baranku - крутить баранку - является сложным видом, первый компонент - транслитерация, а второй - семантическое заимствование, т.е. освоение латышским нового значения давнего заимствования из русского.

Из языка исчезли многие полукальки, которые не были полностью пригодными.

Zemnieks pats izstaipa tikai kaulu un "pravī dūšu" ar degvīna iedzeršanu, kuru tas tik visai mīl (Zemkopis, 23.3.1911).

Поскольку русский язык имел и имеет огромное влияние на латышский, часто ставится вопрос, не враждебно ли такое влияние. Нам представляется, что если заимствованная ФЕ пополняет фонд латышской фразеологии, заполняя семантический вакуум, т.е. не дублирует латышский эквивалент, то процесс этот позитивный, даже при больших масштабах. Литературные фразы, которые часто появляются в языке в виде окказионализмов, укрепляются или исчезают по мере их надобности. Так, ФЕ arī mūsu ielā būs svētki (и на нашей улице будет праздник) прочно не укоренилась в языке, хотя употреблялась уже в предыдущем веке.

Krievu sakām vārds seka: arī mūsu ielā būs svētki, - un šo sakām vārdu var zīmēt uz Austras biedribu (Kr. Valdemārs. Vestules. 354. lpp. /1897/).

Латышский язык предпочитает употребление других выражений: (arī mums) reiz laime (uz) amuldiā, gan arī mūsu dārna rozes dziedā.

Вместе с тем представляется, что такая ФЕ, как koks/runda ar diviem galiem - палка о двух концах, нужна языку, хотя и в латышском языке существует почти синонимическая фраза abrīdāgriezīga zobena - библейского происхождения. Русская ФЕ имеет нюансы значения, которые являются отличными от этой ФЕ, и потому, несмотря на противодействие лингвистов (A. Pīšums, 1968, 57. lpp.), часто употребляется:

Taču katrai rundaī ir divi gali (Iauku Avīze, 22.10.1988).

Amorāla politika vienmēr bijusi runda ar diviem galiem (Avots, 1988, 8, 65. lpp.).

Некоторые заимствованные или полузаимствованные ФЕ имеют периоды активного употребления и периоды упадка. Так, например, "kur malku cērt, tur skaidas krīt" (лес рубят, щепки летят) употреблялась в 19 веке:

Bet, "kur malku cērt, tur' skaidas krīt". Tadaī tad nu arīdān mūsu valodas lietā dažādas skaidas apredūda, sevišķi pie mūsu ortogrāfijas (Sāta, Daba, Pasaule. Čiņa, 1973, 6. lpp.).

Новая волна употребления этой ФЕ началась в 80-е годы в связи с разоблачением сталинизма:

Taču jau sen novesojis revolucionāro procesi valīdānā ar mūsu, kur malku cērt - skaidas lec. Ir vajadzīga malke un arī skaidas (Čiņa, 12.4.1987).

10.6. Фразеология французского происхождения

Французское влияние на латышскую фразеологию тоже началось во второй половине 19 века вместе с формированием национального языка, достигло кульминации в начале 20 века, а затем почти прекратилось. Исследования показали, что в латышском языке функционирует около 200 ФЕ французского

происхождения. Такое же число приводит А.Я.Банкав (1988), изучавший словаря. Французский язык практически не был в прямом контакте с латышским языком, заимствование происходило главным образом при посредничестве русского языка, в котором французское влияние всегда было заметным. Заимствование осуществлялось в результате культурных контактов. Этим объясняется то обстоятельство, что ФЕ, заимствованные из французского языка, явно носят литературный характер. Среди этих фразеологизмов большую долю составляют фразеологические интернационализмы, и часть их проникла в латышский язык через другие языки-посредники - немецкий и английский.

Французский язык представлен многими беспереводаемыми заимствованиями, причем весьма стабильными, с довольно высокой частотой использования; они равномерно вошли в латышский язык с самого начала языковых контактов. Как самые известные можно привести следующие: tête à tête, idée fixe, femme fatale, enfant terrible, chef d'oeuvre, bon ton, jeunesse oblige, C'est la vie, laissez faire и т.д.

Bet enfant terrible viņā nav; viņā it labi noderētu kādā augstākā meiteņu skolā par vēstures skolotāju (Dienas Lapa, 1895, 153).

Mūsu vispārsējas korupcijas laikā, kad visapkārt redzami tikai slikti piemēri, vairāk kā jebkad mums jāatceras jaunatnes lozungu "Jeunesse oblige!" (Students, 1923, 13).

Tur bija kaut kas no angļu individualisma, no franču "laissez faire", no demokrātijas principa, no ticības prātam (Daugava, 1930, 6, 754. lpp.).

Reizēm to sauc par angļu vārsi, goddevīgi domājot par sporta spēju dzimteni. Par zemi, kas joprojām nosaka bon ton šajā novadā (Dzimtenes Balss, 1987, 31. dec.).

Многие беспереводные ФЕ употребляются параллельно фразеологическим калькам, с пояснениями и без них.

Sēzars nāvē sevi apliecina cilvēks, kas savā būtībā vislielākā mērā pretstāts tam valdniekam, kas teicis nožēlojamus vārdus: "Après moi le déluge"^x (Z.Mauriņa. Prometeja gaismā, 1943, 42. lpp.).

^xPēc manas nāves lai nāktu kaut plūdi.

Pēc mums un bez mums kaut vai ūdensplūdi (Dzimtenes Balss, 27.2.1986).

... viņš ir spējīgs lietot seno Ludvīgu principu - "pēc manis kaut ūdens plūdi" ... (Zvaigzne, 1986, 15).

Biļete maksā 14 markas, saimnieki šo naudu jau ir izdevuši, un nu mums jāpriecejas "va bank".

Tā nebija dzīve, bet spēle va banque (P.Rozītis. Cep-lis, 1965, 124. lpp.).

Absolūtais vīriešu vairākums gan, par laimi, ir gluži citādās domās. "Cherchez la femme!" - "Meklējiet sievieti!" - saka frančuvalodnieki. Meklējiet sievieti! (Kalendārs sievietēm, 1987, 221. lpp.).

Кроме заимствованных, в речи наблюдается довольно частое употребление и других единиц, которые статус заимствования не получают из-за нестабильности употребления, например:

"Chacun à son goût", katrs pēc savas garšas, saka pazīstamais franču sakāmvārds (Zemkopis, 23.05.1912); Musolini personīgi telefonēja uz Londonu, pieprasot no Itālijas charge d'affaires tuvākas ziņas par incidentu (Brīvā Zeme, 17.7.1936);

Beidzot nevaru palikt neizrādījis uz reti skaisto moderna stila tīteļlapu, kuras zīmējums ir mūsu tautieša, jaunā mākslinieka J. Madernieka kga izgatavots un savā ziņā ļoti chef d'oeuvre (Pēterburgas Avīzes, 1902, 80).

Последняя ФЕ превратилась в слово - bedevrs.

Заканчивая рассмотрение беспереводных заимствований, отметим, что в редких случаях в результате ассимиляции ФЕ происходят интересные изменения семантики. Так, ФЕ idée fixe (навязчивая идея) довольно часто используется в современном языке. Параллельно существует полукалька fiksā ideja с другой семантикой - неожиданная, быстрая идея. Интересно, что еще в начале 20 века и полукалька сохраняла значение прототипа:

Vergs ir tas, kam nekā nav, kas arvien no otra atkarībā, kas izšķirš savus spēkus kādai fiksai idejai (A.Degļavs. R., 1912. 230.lpp.);

Galveno ideju vietā par citās priekšmetiem bija izvērtušās iedomīgo stūrgalvju fiksās idejas (V.Lācis. Senču aicinājums. R. 1965, 240.lpp.) /1935 /;

Ruzvelts šim briesmām nemaz neticot, bet, padarījis "fiksai idejai", ļāvis tai sevi pārliecināt ...

(Sējējs, 1939, 3, 329.lpp.).

Изменение семантики произошло под воздействием разговорной лексики - "fiksi", означающей "быстро". Для сравнения приведем примеры современного употребления:

Kupat arī ... fiksa ideja aizliegt nodaļu vadītājiem turēt kabinetos televizorus, ledusskapjus (Literat. un Maksls, 18.12.1987);

Atkal kaut kas jauns. "Fiksā ideja", ko tālāk pilnveido Ainārs Virga (Dzintenes Balss, 6.8.1987);

Kādai "fiksai idejai" šoreiz tāvs atkal ir saņēmis ģimenes atbalstu (Skola un Ģimene, 1987, 4, 37.lpp.).

Существует и несколько фразеологических полукалек :
krist azartā (se mettre en hasard), taisīt scēnu (faire

une scène), sliktais tonis (mavais ton), būt kviti (être quitte), radīt efektu (faire effet), но вообще число фразеологических полукалек незначительно по сравнению с заимствованиями из других языков. Французские полукальки полностью укоренились в латышском языке и широко употребляются в разговорной речи.

Тип фразеологических транскрипций представлен лишь одной ФЕ - Jeanne d'Arke (Jeanne d'Arc), и этот оборот довольно редко используется в языке в переносном смысле:

Jauņajai zaviēnības valdei vajadzētu parākt, lai šo mūsdienu Jānu d'Arku pārvietotu uz kādu mazāk bīstamu reģionu (Iauku Avīze, 24.2.1989).

Достаточно многочисленны ФЕ и без установленных прототипов, например: būt zobā uz - avoir une dent contre qn. (иметь зуб против кого-л.); nosist laiku - tuer le temps (убить время); nomest cimdu - jeter le gant (бросить перчатку); braukt pa zaķi - voyager/ aller en lapin (ехать зайцом); uzlikt punktu uz i - mettre les points sur les i (ставить точки над и); pieņemt mērus - prendre des mesures (принять меры).

Bija arī tēdi ļauži, kas apmeklēja pilsētīgu, lai dzertuvēs nosīstu naudu un laiku (A.Gulbis. Toreiz zina gadus.1977.10.lpp.).

Es šai vilcienā braucu pa zaķi (Ziedonis.Motocikls, 1965,84.lpp.).

Самую большую группу заимствованных единиц составляют фразеологические кальки. Многие кальки связаны с французской литературой - их первоначальные прототипы можно найти во французской классике, например:

l'art pour l'art В.Кюзен, 1818 (искусство для искусства);

valsts valsts - l'État dans l'État А.д'Обинье 1610
(государство в государстве);

beigu sākums - commencement de la fin Талейран, 1815
(начало конца);

zilokaula tornis - tour d'ivoire Сент-Безу, 1837
(башня из слоновой кости).

Ja paaudzies savā čaulā, savā interešu zilokaula tor-
nī, tu vairs nedzīvo ne cilvēkiem, ne patš sev (Rīgas
Balsa, 1981, 13).

Viegs ierastākie vārdi bija šādi: "Man ir ļausmīgi slikt-
ti, tas ir beigu sākums, Aneti ..." (E.Rubene.Pilsētās
bērni.R., 1986, 55.lpp.).

Отметим, что многие ФЕ подверглись некоторым изменени-
ям, прежде чем стабилизироваться в языке.

Pareizāki būtu teikt, ka no vienā pusē māksla arvien
vairāk izsmalcinās, kalpo arvien āurākām aprindām,
tur tuvāka idejai "mākslai priekš mākslas", bet no ot-
ras - izplūst, saplok, vulgarizējas un vulgarizē (Mūzi-
ka, 1985, 2, 60.lpp.).

Indi ar to noteikti atbilsts pazīstamais lozungs "māksla
mākslas dēļ", jo itālistai mākslai jākalpo itālistu tau-
tai (Jaunākās Zīras, 1933, 294).

Tas galvenā ideja - māksla mākslai (Padomju Jaunatne, 25.
8.1987.).

Многие ФЕ связаны с историей Франции, но в основном
потеряли эту историческую связанность и ограниченность:

zelta jaunieši - Jeunesse dorée (золотая молодежь).

Первоначально так называли парижскую контрреволюционную
молодежь, группировавшуюся после 1974 г. вокруг термидо-
рианской реакции. Потом ФЕ стала обозначать богатую мо-
лодежь, прожигающую жизнь:

"Zelta jaunatne" uzstājas (Strādnieku Avīze, 1934, 26. 4.);

Šodien per abus notiesātos Londonas "zelta jauniešus" (Jaunākās Ziņas, 1.3.1938);

Abu dzimumu pārstāvji bez jebkādam bīksītēm pāras pa ūdeni un smiltīm, ka putēja vien. Zelta jaunatne. Dabas bērni (Āvots, 1987, 6.51.lpp.).

pēc mums kaut ūdens plūdi - après nous le déluge (после нас хоть потоп).

Эта фраза приписывается королю Людовику XV или его фаворитке маркизе Помпадур, сказанную в 1757 году в утешение после поражения французских войск при Росбахе. Возможно, что эта фраза - отзвук стихотворения неизвестного греческого поэта, который часто цитировали Цицерон и Сенека: "После моей смерти пусть мир в огне погибнет" (Ашукин, с.274). Возможно также библейское воздействие - словосочетание "всемирный потоп".

"Iai dzīvo jautraiba! Pēc mums var nākt grēku plūdi" (Poruks, Raksti, 9, 29.lpp.).

Pēc mums un bez mums kaut vai ūdensplūdi (Dzintenes Balva, 27.2.1986).

10.7. Фразеология английского происхождения

Контакт с английским языком, как правило, носил характер культурных связей. Вплоть до конца 19 века английский язык практически не оказывал влияния в сфере фразеологии на латышский язык. Английский язык был мало распространен даже среди просвещенной части общества, интеллигенции. Об этом свидетельствует и тот факт, что первые переводы с английского появились лишь в 80-е годы 19 века (Wilsona, 1971), хотя произведения английских писателей были известны уже с начала века через посредничество немецкого языка.

В Латвии существовало трехязычие, особенно в городах - люди просвещенные пользовались латышским, немецким и русским языками. Практически говорить о заимствовании английских ФЕ можно только с начала 20 века, в отличие от лексического заимствования англицизмов, которое началось раньше (в конце 18 - начале 19 века) (Baldunčiks, 1979).

С 20-х годов английский язык начал широко распространяться в Латвии, что обуславливалось ее политико-экономической ситуацией с доминированием англоязычных стран во внешнеполитической ориентации (Англия, США). В 20 - 40-е гг. между английским и латышским языками существовали прямые контакты. Постепенно он стал ведущим иностранным языком в системе образования, в 1922 году в Риге был открыт английский институт.

После войны наступил период ослабления латышско-английских языковых контактов, заимствование ФЕ происходило через русский язык, однако в конце 50-х - начале 60-х гг. заимствование снова расширилось.

В настоящее время (и в прогнозируемом будущем) латышский язык заимствует ФЕ главным образом из русского и английского языков. Таким образом, английский язык является одним из главных (и в некоторых сферах и ведущим) поставщиков фразеологии для латышского языка, причем контакты между двумя языками являются как прямыми, так и косвенными, т.е. осуществляемыми при посредничестве русского языка.

Геспереводные ФЕ как вкрапления в латышском языке появляются в конце 19 века, обычно вместе с другими заимствованиями в связи с описанием Англии, коммерции, английских нравов. Отметим, что опыт ведения хозяйства и торговли в Великобритании в это время служил для Латвии образцом.

Un plānotas sakāms vārds: "time is money" (laiks ir nauda) paliek visur taisnībā (Latviešu Avīzes, 1873, Nr.48).

"Fare well, Eveline!" es ievēlums ... (Baltijas Vēstneis, 1970, Nr. 25).

Беспереводажные ФЕ параллельно с их кальками постепенно укоренялись в языке и в начале 20 века приобрели стабильность: time is money, last not least, my home is my castle.

... Viņš balva tehniskās izglītības gatavība, temperamenta pilnais priekšnesums un - last non least - smalka spēle, vakardienas izrādē parādījās visā pilnībā (Dzimtienes Vēstneis, 20.12.1907).

... bet visspilgtāk tas parādās viņa simfonijās, sevišķi III, V, VII un last not least - IX simfonijā. Плест беспереводажных заимствований все время пополнялся, особенно в 20-30-е годы, когда между языками установились прямые контакты и происходила почти инвазия новки: ФЕ в латышский язык.

Ar tām viņi diezgan satikušas oficiālos runātos un five - o'clock (Ritums, 1923, Nr. 2. l. 6. lpp.).

Varbūt, neēlīgi cīņa starp prezidentu Runvaltu un "big business" kļūst arvienu azaka (Stāsti un Romāni, 1938, Nr. 11, 42. lpp.).

Se arī tomēr gribam izsmā rakaturēt angļu dēvētāmenī amerikāņu self made man, franču buržuā un krievu Мелничеки (Buržuāki, 1935, Nr. 1. l. 12. lpp.).

Как видно, в это время существовали тенденция ассимиляции беспереводажных заимствований путем добавления окончаний. Надо отметить, что не все ФЕ заимствовались, многие остались на уровне вкраплений, некоторые заимствовались в форме кальки:

Pie viņa pierādīja izvoci, uzlika locu roku un plaušu un locu: Take it easy! Don't mind! (A. Pļaudis. Amerīķu valodas mācītājs, 1940. l. 2. lpp.).

Zīmājoties uz angļu - italiešu "gentlemen's agreement" ģēringum apliecināšot, ka tas nevarot ietekmēt italiešu - vācu attiecības, un abu valēgu sadarbība turpināšoties (Jaunākas Ziņas, 14.1.1937).

Panākta vienošanās stabilizē atāvokli Vidusjūras austrumdaļā un apstiprina status quo, par kuru ir runa Anglijas un Itālijas "Gentlemen agreement'a" (Jaunākas Ziņas, 26.1.1937).

Tom vienmēr ir bijusi "proamerikāniska" nostāja, lai gan pēc džentelmeņu norunas SVF direktors ir speciālists no Rietumeiropas (Rīgas Balso, 24.12.1985).

Freiberģa atvoda pie Ādolfa Šapiro un režisora mani iesaistīja tādu kā džentelmeņu norunu (Padomju Jaunatne, 27.3.1986).

Последние примеры убедительно свидетельствуют о переходе заимствования от беспереводного в сферу кальки.

В 20-30-е гг., кроме укоренившихся ФЕ, в язык входит много новых беспереводных заимствований - splendid isolation, self made man, better late than never, fair play, hot dog, sex appeal:

Beļģu jaicvairās no parak deļojošas vai lodņigas gaitas, kaut arī daļas doma, ka tā izceļ "sex appeal'u" (Drīves Māksla, R. 1932/33, 48. lpp.).

Anglis uzskata dzīvi savu ziņu par spēli, kaut gan godīgi spēli (fair play), bet faļisti uzņem dzīvi kā pienākumu, progresu vai uzvaru (Burtņicks, 1935, 1, 82. lpp.).

Одни из этих единиц вошли в постоянный фонд беспереводных ФЕ, другие исчезли, третьи лексикализировались (sex appeal - сексапила).

В связи с войной и в послевоенное время наступил период относительного прекращения заимствования. В 60-е и

последующие годы нормальное заимствование возобновилось, а в 80-е годы английский язык стал основным поставщиком новых беспереводных ФЕ и постепенно приблизился к латинскому по частоте употребления беспереводных единиц. Заимствуются новые и новые ФЕ: hat trick, play off, know how, brain drain, heavy metal, tie break, baby boom, mass media, break dance. В современном языке существует более 50 беспереводных фразеологизмов английского происхождения.

Параллельное укоренение калькированных форм многих ФЕ не всегда сопровождается отпадением беспереводных прототипов, так как они обладают специфическими стилистическими особенностями, которые часто нужны для создания желаемого колорита. Об этом свидетельствуют следующие примеры:

Bet baleta gadi rit. Arī Aivara snillbu pulkateni tie šobrīd jau ir fifty-fifty. Nodrojtie un nodejojamie.
(Zvaigzne, 1987, 13, 13. lpp.).

Bet kā jās patā vertējat situāciju?

- Ar labām tātāt - 50:50.

К тому же существуют единицы, которые калькировать или трудно или почти невозможно. Так, например, ФЕ self made man поддается лишь описательному переводу:

Šie sprādzņi tad arī izveidoja Gundru tēdu, kāds viņš ir tagad, divdesmit astoņu gadu vecumā: ne ko pielikt, ne atņemt, īsta self made man, - vienīgi pašā spēkien un itin kā spētejojot šķērājien, viņš, ka saka, ir izlauzies sev ceļu dzīvā, un arī pašauties viņš radis tikai un vienīgi patā uz sevi (Liesma, 1985, 10, 11. lpp.)
... palīdzēja radīt kādreiz tik precīzo, bet nu jau naivo mītu par Latviju "self-made girl" - scenogrāfiju (Literatūra un Māksla, 11.4.1986).

Неудачными были и попытки калькировать ФЕ know how (сравните употребление беспереводного и калькированного ва-

риантов):

Amerikāņu "zini - kā", pamatots uz bezpersonisku likumu un spēku darbību, kļuva par maģisku elementu, kas Filipīnu sabiedrībai uzsita jaunu enerģijas vilni (Literatūra un Māksla, 9.1.1986).

Daudz labāk šis pats frazeoloģisms valodā iederas netulkotā formā: Šī organizācija pārstāv Padomju Savienības izgudrotājus, uzņēmumus un pātniecības institūtus licenču un "know - how" pasaules tirgū (Padomju Jaunatne, 29.1.1986).

Как видно, существуют ФЕ следующего характера:

- 1) книжного - a household name, stiff upper lip, American dream:

Tomā Sojers kļuva par multimiljonāru un prezidentu. Dzīva "American Dream" (amerikāņu sapņa) paraugs (Padomju Jaunatne, 20.5.1988);

- 2) газетно-публицистического - mass media, Fleet Street, brain drain:

Lai kā amerikāņu mass media centās tās noklusēt, tas viņiem nebija pa spēkam (Cīņa, 16.4.1987).

- 3) разговорного - to be or not to be, my house is my castle, time is money:

Vai nav burvīgi? "Time is money", viņi saka (Zvaigzne, 1989, 8, 21. lpp.)

Новозаимствованные ФЕ, как правило, двухкомпонентные: hut trick, heavy metal, play off, tie break, break dance.

Фраzeологических транскрипций из английского языка мало. Это имена собственные, которые вследствие метонимизации обрели статус ФЕ. Например:

Brown Bull - John Bull (Джон Буль - англичанин);

Sherlock Holmes - Sherlock Holmes (Шерлок Холмс - детектив);

Džons Smits - John Smith (Джон Смит - средний англичанин);

Piters Pans - Peter Pan (Питер Пан - невзрослеющий мальчик).

Skolotāja laikam ir Šerloks Holmsa, jo bieži vien kāds uzdod jautājumu: kur ir jūsu audzēkņis? (Paloņu Jautājums, 5.10.1985).

Tas, ka Džons Bula ironiskā valodā nozīmē anglis, nebūt nenozīmā, ka Bairons apzīmē par angļu tautu (Ē.Grīva.Proza.3.nāj.R.,1960,93.lpp.).

В этой группе много английских ФЕ, которые при заимствовании проходят трансформацию, а именно - лексикализацию. Например:

Fleet Street - Fleet Street (Флит-стрит - английская пресса);

Wall Street - Wall Street (Уолл-стрит - американские финансовые круги);

Downing Street - Downing Street (Даунинг-стрит - английское правительство);

Scotland Yard - Scotland Yard (Скотленд-ярд - английская уголовная полиция);

rock and roll - rock and roll (рок-н-ролл).

Некоторые лексикализированные при заимствовании транскрипции позже все-таки обретают статус ФЕ. Примером может служить раннее употребление транскрипции John Bull, которая в наши дни является стабильной ФЕ:

Kāds vairs Bulle un Bulbulla garo tik atvērīgi pārunā ar gūlēt vārdu grieķi (Pēterburgas Avīzes, 1960, P. Pieciņš).

Наблюдается и переход от первоначальных полукалек к полностью транскриптивным заимствованиям. Например, в 30-е годы использовалась полукалька London Street (London Street):

Čerčils ceļā uz Dauninga ielu (Jaunākās Ziņas, 4.4. 1940);

... viņš vēlreiz atgriežas slavenajā valdības namā Dauning - ielā (Brīvā Zeme, 14.7.1935).

После войны нормальным является транскриптивное лексикализованное употребление:

Negemos istulkot šo negaidīto Dauningstrīta lo gājienu (Cīņa, 19.5.1967).

Полукальки возникают в случае "непереводимости" одного или нескольких компонентов ФЕ, которые обычно подлежат транскрипции. Непереводимость эта не абсолютна, однако существуют какие-то факторы, противодействующие этому.

Непереводимость может возникнуть, когда ФЕ содержит имя собственное или неэквивалентную лексику, характерную для иноязычной действительности, например:

tēvocis Sems - Uncle Sam (дядя Сам - американские правящие круги);

līnča tiesa - Lynch law (суд Линча - несправедливый суд);

krusttēva Toms - Uncle Tom (дядюшка Том);

Mērfija likums - Murphy's law (закон Мерфи);

asiņainā Mērija - Bloody Mary (кровавая Мери);

bīta paaudze - the best generation (бит-поколение);

pēdējais mohikānis - the last of the Mohicans (последний из могикан);

melnā Marija - Black Mary (черный воронок).

Noteiktajā laikā parādījās "Melnā Marija", kā Londonā sauc policijas automobili. (Brīvā Zeme, 17.07.1936).

Jaunākajā nedēļas izdevumā "L'Europeo" numurā lasāms, ka tikai pieci procenti aptaujāto vēl joprojām uzskata tēvoci Semu par "Itālijas uzticamu sabiedroto"

(Fedomju Jaunatne, 2.11.1985).

Существуют многочисленные кальки, в которых есть компо-

ненты, взятые из английского языка. Однако, если эти элементы существовали уже в латышском языке до появления в нем кальки ФЕ и функционировали в языке как самостоятельные лексические единицы, их нельзя считать заимствованием с частичными фонографическими изменениями, следовательно, это не полукалька, а полная калька, так как непереверденная часть ФЕ является фактически переведенной. Например:

džungļu likums - jungle law (закон джунглей);

dzeltenā prese - yellow press (желтая пресса);

"Dzeltenā prese", draudēdama ar "komunisma briesmām", metās kārtējā uzbrukumā pret valsts demokrātisko opozīciju (Padomju Jaunatne, 25.10.1985).

Но основную массу фразеологизмов, заимствованных из английского языка, составляют фразеологические кальки. Они начали проникать в язык в конце 19 века (см. также беспереводные заимствования), например:

Mans mans ir mana pils - ir vesa paruna (Baltijas Vēstnesis, 1895,10).

В 20-30-е годы в языке, особенно в ежедневной прессе, которая отличается исключительной оперативностью, появляется много окказиональных калек, буквальных переводов:

Ir saratavots seme jauniet uzdevumiem (Jaunākās Ziņas, 12.11.1937).

Даже после войны, когда заимствованию ставились серьезные преграды, в языке появляются новые актуальные кальки. Так, после употребления У.Черчиллем в знаменитой Фултонской речи (5.3.1946) ФЕ iron curtain уже через неделю калька появляется в латышской прессе.

... viņš saka vārdus, kas pilni auksta naida pret patieso demokrātiju, par Padomju Savienības "ekspansijas tendencēm", par "dzelzs priekškari", kas nolaiž kontinentu" ... (Ciga, 12.3.1946).

Подобным образом заимствовалась **ФЕ** dukatais karā (cold war).

В 70-80-е годы число новых калек из английского языка резко увеличилось, например, dzelzs lādiņa (iron lady), karstā līnija (hot line), pārmaiņu vējš (wind of change), smadzeņu trusts (Brains Trust), treknais kaķis (fat cat), tumšais zirgains (dark horse), zilā berete (blue beret).

Вообще в современном латышском языке существует более 250 фразеологических калек и полукалек из английского языка. Фразеологические кальки английского происхождения обладают некоторой особенностью - они неравномерно распределяются по фразеологическому фонду языка, а именно: относительное число калек номинативно-терминологического характера велико, а фразеологических калек коммуникативного характера незначительно, если сравнить соотношение этих двух групп в английском и латышском языках. Пословицы представлены небольшим числом (15), например:

kas maksā, tas pasīta mūziku - he who pays the piper calls the tune (кто платит, тот и заказывает музыку);

zircu var pievest pie ūdens, bet to nevar piespiest dzert - you can take the horse to the water, but you cannot make him drink (можно пригнать коня на водопой, но пить его не заставишь);

penis ir stiprāka par zobenu - a pen is mightier than sword (перо сильнее меча, Е.Г.Бульвер Литтон, 1839);

mana māja ir man pilis - my house is my castle (мой дом - моя крепость, Э.Кок);

ceļš uz arī brūnais labiem nodomiem - road to hell is paved with good intentions (дорога в ад вымощена благими намерениями, Р.Саути).

Незначительно также число афоризмов и поговорок английского (американского) происхождения:

turēt vaudu pulveri - to keep one's powder dry
(держать порох сухим) (Кромвель);

fakti ir spītīgi - facts are stubborn things
(факты - упрямая вещь) (Эллиот, 1747);

laiks ir mūsu pusē - time is on our side
(время работает на нас) (Гладстон, 1866);

Только двумя единицами представлена фразеология В. Шекспира (в английском языке более 100 ФЕ).

būt vai nebūt - to be or not to be
(быть или не быть) (Гамлет, 3,3);

puskaralvalsts par zirgu - a kingdom for a horse
(полцарства за коня) (Ричард III, 5,4);

хотя латышский перевод сохраняет эквивалентность английскому варианту.

Зато очень развита группа номинативных ФЕ с явно выраженным терминологическим характером. Обычная конструкция этих ФЕ - прилагательное+существительное. Двухкомпонентные единицы этого типа обычно обслуживают разные сферы деятельности человека и благодаря их краткости являются популярными в 20 веке. Обычно один элемент ФЕ имеет переносный смысл. Чаще всего английские единицы обслуживают следующие сферы:

1) международные отношения:

virgotāu tikšanās - summit meeting (встреча наверху);

liecloballaivu diplomātija - gunboat diplomacy
(дипломатия канонерок);

trešais grošnis - the third basket (третья корзина);

atvērta diplomātija - shuttle diplomacy
(челночная дипломатия);

2) экономика:

atvērta durvju politika - open door policy (политика открытых дверей);

smadzeņu aizplūde - brain drain (утечка мозгов);

smadzeņu trestis - brains trust (мозговой трест);

algas iesaldēšana - wage freeze (замораживание заработной платы);

3) приспруденция:

linča tiesa - Lynch law (суд Линча);

elektriskais krēsls - the electric chair (электрический стул);

porratināšana jautājumu krustugunis - cross examination (перекрестный допрос);

4) военная сфера:

zaļās beretes - the green berets (зеленые береты);

zvaigžņu kari - Star Wars (звездные войны);

5) журналистика, литературоведение, музыка, телевидение:

dzeltenā prese - the yellow press (желтая пресса);

arziņas plūsma - stream of consciousness (поток сознания);

smagais metāls - heavy metal (тяжелый металл);

zierņu opera - soap opera (мыльная опера);

spagetti westerns - spaghetti western (спагетти вестерн).

В некоторых случаях английский язык будучи языком-посредником, превышает свою функцию, так как языком-источником является малоизвестный язык, а английский распространяет ФЕ на многие языки мира. Такими ФЕ, переизимствованными латышским языком являются, например: smadzeņu skalošana brainwashing (промывание мозгов) и zaudēt seju - to lose one's face (потерять лицо) из китайского языка; aprokt kara cirvi - to bury the hatchet (заключить мир), iet uz kara ceļu - to go on the war path (ступить на тропу войны) из языков аборигенов Северной Америки, svētā kova - sacred cow (священная корова) из языков народов Индии. Под вопросом также язык-источник таких ФЕ, как visu karš pret visiem - war of everyone against everyone (война всех против всех) - из книги Т.Гоббса "Левиафан" (1651), в оригинале - Bellum Omnium Contra Omnes, и zīdītājas - зрѣка -

Knowledge is power (знание - сила) - из книги Фр.Бекона (1597) "Нравственные и политические очерки" написанной на латинском языке Scientia potestas est.

По сравнению с оригиналом многие кальки с английского языка претерпели некоторые изменения:

1) замену компонентов:

vecā labā Anglija - peru old England - (старая, добрая Англия);

2) расширение ФЕ для достижения большей ясности:

pelēkā smadzeņu viela - the grey matter (серое вещество),

porratināšana ļautājumu krustojumā - cross examination (перекрестный допрос);

3) эллипсис:

kas maksā tas pasūta mūziku - he who pays the piper should tune the music (кто платит, тот и заказывает музыку);

4) лексикализацию: обычно это отдельные английские двухкомпонентные номинативные ФЕ, которые подверглись лексикализации.

bālāimis - pale face (бледнолицый);

nokauts - knock out (нокаут);

zilzeķe - blue stocking (синий чулок);

medusmēnesis - a honey moon (медовый месяц);

5) фразеологизация английских слов (как правило, сложных слов):

smadzeņu skalošana - brainwashing. (промывание мозгов);

strausa politika - ostrichism (политика страуса);

6) уменьшительное окончание существительного в латышском языке:

tumšais zirgciņš - a dark horse (темная лошадка);

trešais groziņš - Basket Three (третья корзина);

7) в отдельных случаях наблюдаются некоторые семантические расхождения. Так, ФЕ the Dark continent, созданная

Г.М.Огенли в 1878 году, означала Африку с семантикой "неизвестный континент", а в латышском языке ФЕ melnais kontinents ассоциируется с цветом кожи коренных жителей Африки.

10.8. Фразеология другого происхождения

Небольшую группу составляют заимствования из испанского языка. Испанские ФЕ появились в латышском языке во второй половине 19 века и, как показывает материал и сопоставление с переводами испанской литературы, ФЕ были заимствованы через языки-посредники. Так, например, ФЕ Don Kihots в тексте употребляется с французским беспереводным вариантом испанского el caballero de la Figura Triste - triste chevalier:

Šo ievērojot, mums negribot nāk prātā kāds triste chevalier, kas aitū pulku uzskatīja par karapulku; šo bēdīgo bruņnieku sauc Don Kihots (Dienas Lapa, 1895, 15, 3).

Заимствованные ФЕ - cinīties ar vārdzirnāvān, Dons Kihots уже в 19 веке стабильно укрепились в фонде заимствованной фразеологии, а источник этих единиц роман Сервантеса "Дон Кихот" был переведен на латышский язык лишь в 1921 - 1922 гг. (перевод А.Эрса), причем не с испанского языка. Только в 1937/ 38 году появляется первый полный перевод с испанского К.Раудиве. Между тем уже во второй половине 19 века, т.е. в период формирования национального языка, эти единицы употребляются и как сравнения, и как полностью самостоятельные единицы:

... "ne ar vienu teikumu nenostājoties pret Jūsu tiešām izteikto uzskatu, bet cinoties tikai pret "vārdzirnāvān" ... (Kronvalds.Tautiskie centieni II, 215. lpp.),

... bet, ja kādas dzīvei svešas idejas arī sakarsētu galviņas, tad no tādiem var iznākt tikai Don Kichoti (Don Quixote), kas cikstās ar vēju dzirnavām un ved karu ar sunu bariem (Dienas Lapa, 1886,76-77),
... tā T. kga cīņiņš pret vecu laiku vielu ir kā cīņiņš pret vējsudmalām (Austrums, 1889, 331-354),
... tas uz savām vecuma dienām ievācīs cīņities ar vējsudmalu spārniciem (Mājas Viesa Liter. Pielikums, 1994-18).

Вариантность, причем синхронная (cīņities/ cikstēties; vējdzirnavās, vējsudmalās), свидетельствует о еще незаконченной ассимиляции, но число употреблений указывает на прочное закрепление образа в языке. Во второй половине 20 века закрепились формы - cīņities ar vējdzirnavām и Dons Kihots (иногда dons kihots).

Фразеологическая единица piektā kolona - quinta columna возникла во время гражданской войны в Испании после выступления генерала Мола, утверждавшего, что помимо четырех колони, движущихся на Мадрид, есть еще пятая в самом Мадриде - тайные агенты, проводящие подрывную работу и диверсии (30. 6.1936).

В течение очень короткого времени эта ФЕ стала фразеологическим интернационализмом, чему, конечно, содействовала международная ситуация, и уже через год она стабильно использовалась в латышском языке.

Šis bloks ir vienkārši bēdies, pagrīdes slopkoņu kops, starptautiskā fabrika priekāpostenis, tā pati "piektā kolonna", kas darbojas Spānijā (Jaunākās Ziņas, 12.3. 1938).

Arī Zviedrijā cīņā ar "piekto kolonu" (Jaunākās Ziņas 18.5.1940).

Cīņā pret "piekto kolonu" valdība spēr arī dažādas citas drošības soļus (Jaunākās Ziņas, 14.5.1940).

Кроме фразеологических заимствований, связанных с романом Сервантеса "Дон Кихот" - cinītiens ar vējšzirnavām - molinos de viento escometer (сражаться с ветряными мельницами), bēdīgā tāls brūnīeks - el caballero de la Figura Triste (рыцарь печального образа), а также транскрипций Dona Kihots - Don Quijote (Дон Кихот) и Sančo Pansa - Sancho Panza (Санчо Панса), испанская литература пополнила латышскую фразеологию и другой транскрипцией - Dona Žuana - Don Juan (Дон Жуан) из пьесы Тирсо де Молинье. В начале заимствования она была исключительно в форме двухкомпонентной единицы:

... dāvēdamš viņa par Cirulenes un Elku puīžam Donu Žuani un plērkavu (J. Janševakis, Dzintars, 4, 1987, 95. lpp.).

O! Pēc 3 vaj 4 gadem no juma iznāks krietns Don-Žuans (Teātra Vēstnesis, 6, 1922).

В настоящее время часто встречается лексикализированная форма. Из испанского заимствована также ФЕ zilās asinis - la sangre azul (голубая кровь).

Из беспереводных заимствований лишь одна ФЕ заимствована из испанского языка - no pļāgāt, но она имеет исторически ограниченный контакт - связана с гражданской войной в Испании (слова Д.Ибаррури 18.6.1936 г.). Беспереводное заимствование имеет и кальку viņi netika sauri (они не пройдут).

Итальянский язык в латышской фразеологии представлен многочисленными беспереводными заимствованиями: salto mortale, liedzņi būsies, šata morgana, tutti frutti, soļi lentīti, šifra la komēdijā, soļi fan tuļo, olīa orīns, tradīcijas, mal sapto, причем эти заимствования имеют давние традиции. Так, словарь иноязычных слов и выражений 1906 г. уже дает как укоренившиеся ФЕ šata morgana, sapto vale (молитва Дн).

В периодике начала 20 века также довольно много бес-

переводных ФЕ:

Nā iemesla dēļ tad arī iedziem tutti frutti koncertiem nevar būt audzināošas nozīmes priekš mūsu /.../ publikas (Pēterburgas Avīzes, 1902, 70).

Kas ir amnestija?

- Fata morgana, iepriecināša visu apmierināta gurdienom ceļotājiem, bet arvien tos smirdošā purvā ievadoša (Spirnieks, 1906, 2, 16. lpp.).

Фразеологических калек итальянского происхождения много, например:

ni tomēr viņa griežas - erpur zi muove (и все таки она вертится), приписываемая Г.Галилею;

visi ceļi vied uz Romu - tutte le vie conducono a Roma/ per più vie si va a Roma (все дороги ведут в Рим), хотя и существует мнение, что эта ФЕ французского происхождения - tous les chemins mènent à Rome. (из басни Лафонтена);

mērķis attaisno līdzekļus - il fine giustifica i mezzi (цель оправдывает средства), созданная Н.Макиавелли, позже ставшая принципом ордена иезуитов;

tā dara visas - così fan tutte (так поступают все);

atstāj visas cerības (ieejot) - lasciate ogni speranza (voi ch'entrate) (оставь надежду навсегда) из "Божественной комедии" (III, 9) Данте; и аллюзия

danīta elle - "Inferno" - "Ад" I, I

melnais krekls (melnkrekls) - samicia nera означающая фалистов Италии;

Kad Mussolini ievērojāmā 1922. gada 29. oktobrī ar savu trīsdesmit tūkstošu melnajiem krekliem iemāca Romā, no pils nera puvēle viņam ierasties pie karaļa (Brīvās Zemes Ilustrētais Pielikums, 1936, 2).

Есть и стабильная полукалька - siet fiasco (потерпеть фиаско), заимствованная, наверняка, через французский

язык (*finis fiasco*). ФЕ в несколько другой форме можно найти уже в словаре иностранных слов 1906 г. fiasco *taisīt*. В этом же словаре дается и другая полукалька furore *taisīt*, которая из языка исчезла, но первая ФЕ сохраняет стабильность:

Luga, kas virta divdāmit gadliem ingājusi ciņā pret liekulību un meliem, bija cietusi fiasco (Interetārs un Māksls, 25.11.1988).

Существует несколько ФЕ в отношении которых не ясно - являются ли они независимыми образованиями или проникли в язык как заимствования:

āpju kliegziens - Cri de douleur (крик боли), ФЕ приписываемая графу Камилу Бенсо ди Кавур (1855);

alds dzīve - la dolce vita (сладкая жизнь) - название известного фильма Феллини (1960).

Остальные языки пополнили фонд фразеологии почти единичными ФЕ.

Из португальского языка заимствована auto da fe - auto da fe (аутодафе), которая в наши дни обильно употребляется как сложное слово, но в начале заимствования употреблялась в форме транскрипции:

"Durvīgi ligodama", skaļi gavilodama, tas varētu sarīkot efektu pilnu auto dafe visam tautas gara un cīņā mantās ... (Diennis Iepa, 1995, 153).

Из сказок датского писателя Г.Кр.Андерсена были заимствованы единицы neglītāis pīlēns (гадкий утенок), karolis ir kails/ kailais karolis (голый король), princesse uz zirņa (принцесса на горошине), из пьесы норвежского писателя Г.Ибсена "Гедда Габлер" - ФЕ pīlēns trijstūrīgs (kjærlighets trekant) (любовный треугольник), из чешского языка - знаменитая фраза Ю.Фучика "silveki, esiet modri" (люди, будьте бдительны) и т.д.

II. Заимствование и интернационализация

Заимствование и интернационализация фразеологии являются взаимосвязанными и взаимообогащающими процессами. Заимствование представляет собой один из основных видов формирования интернациональной фразеологии, которая, в свою очередь, обуславливает заимствование новых единиц в язык.

Целые пласты заимствованной фразеологии являются фразеологическими интернационализмами, например, большая часть античной мифологической фразеологии, библейские единицы и т.д.

В наибольшей степени интернационализация проявляется в сфере беспереводных заимствований, где процесс конвергенции распространяется не только на содержание фразеологизмов но и на их форму. Ведущую роль в этой группе по-прежнему выполняет латинская фразеология. Вместе с тем возрастает число новых терминологических единиц-заимствований, связанных с научной, социальной и культурной сферами. Интернационализация этого пласта, в свою очередь, очень облегчает заимствование, поскольку увеличивает число языковых источников (через языки-посредники).

Фразеологическое калькирование является наиболее распространенным способом заимствования и интернационализации. Этот способ в большой мере связан и с семантическим калькированием, поскольку очень часто это не конкретный язык, который приносит новую ФЕ, а давление мотива, сюжета, метафоры, которая является интернациональной.

Фразеологические полукальки и транскрипции занимают как бы промежуточное положение, так как они и по форме более тождественны в разных языках, что облегчает заимствование.

В основе фразеологического интернационализма по линии заимствования обычно лежит ФЕ с довольно колоритной национальной окраской или же ФЕ, выражающая очень обобщенные

всеобщие идеи, но четко сформулированные. Таким образом, процесс интернационализации — это процесс всасывания национальных единиц, ведущий к расширению всеобщего фонда фразеологии. Тот факт, что фразеологии языков так легко ассимилируют большое число единиц иноязычного происхождения, а также факт существования интернационализмов по линии независимого развития фразеологии языков свидетельствуют об общности образного мышления народов, об универсальности ФЕ как носителя образных идей.

Интернационализация фразеологии ведет к конвергенции фразеологических фондов языков в такой же мере, как и вся цивилизация движется к некоторой конвергенции общественно-культурной жизни. Вместе с тем сохраняется национальная специфика фразеологии, опирающаяся на национально исконную фразеологию, структуру языка не прямо воздействующую на нее. Конвергенция воздействует наиболее сильно на отдельные сферы, например газетно-публицистический стиль языка, а такие сферы, как разговорный и литературный языки, затрагивает в меньшем объеме.

Заключение

В работе отражена лишь небольшая часть фразеологии, заимствованной из других языков. В процессе исследований, связанных с данной монографией, анализу подверглись значительно больше единиц, что позволяет сделать некоторые выводы общего характера.

Во-первых, латышская фразеология состоит как из единиц исконного происхождения, так и из единиц заимствованных (не анализируя особенно большой пласт единиц гипотетического происхождения, имеющих много параллелей в языках, контактирующих с латышским), т.е. латышская фразеология носит выраженный гетерогенный характер.

Анализ фразеологического материала дает основание счи-

чать, что латышская фразеология является динамичной, развивающейся системой. Заимствование ФЕ представляет собой объективный процесс, один из видов обновления фразеологического фонда языка. Влияние других языков на фразеологию латышского языка начинается с 17 века.

Во-вторых, заимствованная фразеология охватывает множество единиц самого разного характера. Выделены 4 типа фразеологических заимствований: фразеологическая калька, беспереводное заимствование, фразеологическая транскрипция и фразеологическая полукалька. Установлено, что типы заимствованных ФЕ носят системный характер, включают все возможности заимствования, являются взаимосвязанными и показывают степень глубины различий между оригиналом и заимствованием.

Выявлена ведущая роль фразеологических калек в заимствовании. Отмечено, что фразеологические кальки характеризуются большей абстракцией, чем другие типы заимствования, в меньшей степени связаны с национальным элементом языка-источника.

Беспереводные фразеологические заимствования являются интегральной частью фразеологии латышского языка, они почти эквивалентны оригиналу, с очень ограниченной ассимиляцией.

Фразеологические полукальки представляют собой комбинированный тип заимствования, и почти всегда тождественны прототипу.

Фразеологические транскрипции довольно редки, и, как правило, являются именами собственными, которые метонимизировались.

В-третьих, показано постепенно нарастающее влияние заимствованной фразеологии, его особенности в разные периоды становления языка, влияние одного или другого языка на различных этапах развития латышского языка.

В-четвертых, помимо теоретических понятий этимологического языка-источника, исторического языка-источника, прототипа и т.д., на конкретном материале показан процесс заим-

ствования, его этапы, акцентировано значение языков-посредников, в случае латышского главным образом русского и немецкого, но не только их. Установлен приоритет культурных контактов в сфере заимствования ФЕ. Рассмотрены интралингвистические и экстралингвистические мотивировки заимствования, в результате чего выявлено, что экстралингвистические факторы играют решающую роль при заимствовании как на первом (пробном), так и на втором этапах заимствования, а актуальность является основой мотивировкой.

Выявлена также относительная нестабильность фразеологических заимствований в форме вариантности, проявляющаяся как в период заимствования, так и после закрепления их в языке.

Таким образом, заимствованная фразеология представляет собой совокупность сложных динамических процессов, отражающих противоречия между иноязычным происхождением единиц и их интеграцией и существованием в новой языковой системе.

Библиография

1. Авалиани В.Д., Эмирова А.М. Некоторые активные процессы современного русского фразеобразования // Проблемы русского фразеобразования. - Тула, 1973. - С. 64-76.
2. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. - Харьков, 1972. - 215 с.
3. Алексеев А.А. О фразеологических заимствованиях в английском языке // XXIII Герценовские чтения. Иностранные языки. - Л., 1970. - С. 15-18.
4. Алтайбаева Д.Ю. Фразеологические кальки, абсолютные эквиваленты и индуцированные образования (на материале русского литературного языка XVIII в. и современного казахского литературного языка): Дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1983. - 194 с.
5. Амсова Н.Н. Об английских фразеологических словарях // Лексикографический сборник. - М., 1963а. - вып. 6. - С. 78-87.
6. Амсова Н.Н. Основы английской фразеологии. - Л., 1963 б. - 208 с.
7. Анастасьев Н. Творчество Эрнеста Хемингуэя. - М., 1981. - 112 с.
8. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке). Л., 1978. - 151 с.
9. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты и заимствования (XVI-XX вв.): Дис. ... д-ра филол. наук. - Калининград, 1979. - 432 с.
10. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты и заимствования (XVI-XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Л., 1980. - 37 с.
11. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. - Л., 1973. - 303 с.
12. Архангельский Е.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. - Ростов н/Д, 1964. - 315 с.
13. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. - М., 1967. - 516 с.

14. Бабкин А.М. Русская фразеология, её развитие и источники. - Л., 1970. - 263 с.
15. Балдунчикс Д.Н. Заимствование англизмов в латышский язык. Дис. ... канд. филол. наук. - Рига, 1983. - 240 с.
16. Балли Ш. Французская стилистика. - М., 1961. - 394 с.
17. Банков А.И. Французско-латышский фразеологический фонд // Типологические черты языка в контрастивном аспекте. - Рига, 1988. - С. 117-126.
18. Берлизон С.Б. Международные устойчивые обороты // Труды Самаркандского гос. университета. - Самарканд., 1972. - Вып. 222. - С. 10-28.
19. Бертагаев Т.А. Гиллингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. - М., 1972.
20. Буржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кугина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка 18 века. Языковые контакты и заимствования. - Л., 1972. - 431 с.
21. Елинкена А.Я. Актуальные задачи изучения латышско-русского двуязычия // Контакты русского языка с языками народов Прибалтики. - Рига, 1984. - С. 7-13.
22. Еурмистрович Ю.Я. К проблеме фразеологических неологизмов // Материалы по русско-английскому языкознанию. - Воронеж, 1972. - С. 82-88.
23. Ваба Л. Языковые контакты прибалтийских финнов с балтами и ландшафтная лексика // *Talolma aktualitates* - 1988. - Riga, 1989. - 346-357. lpp.
24. Вайнтрауб Г.М. Влияние русского языка советской эпохи на развитие лексики польского языка (на материале публицистики). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Минск, 1971. - 24 с.
25. Вакуров В.И. Метафорическая природа фразеологических единств русского языка // Филол. науки. - 1981. - №4. - С. 48-53.
26. Вейнрауб Г. У. (двуязычие и многоязычие // *Новое в лингвистике*. - М., - вып. 6. - 1972. - С. 25-26.
27. Вине Ж.И., Дарбельне Ж. Технические способы перевода, вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - С. 157-167.

23. Влахов С., Флорин С. Неперелодимост в переводе. - М., 1980. - 352 с.
29. Геринг А.Г. Современное состояние англо-датских языковых контактов; Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1983. - 19 с.
30. Гладкая Н.М. Метафорическое использование спортивной лексики и фразеологии в газетных текстах политической тематики // Уч. зап. МГПИИЯ. - М., 1980. - Вып. 172. - С. 130-140.
31. Глемжене О.А. Интерференция английского языка в лексике литовцев США. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Киев, 1973. - 23 с.
32. Ефремов Л.П. Калькирование и его отличие от заимствования // Изв. АН КазССР. Сер. филол. и искусство. - 1960. - вып. I. (14) - С. 16-26.
33. Ефремов Л.П. Лексическое и фразеологическое калькирование // Вопросы фразеологии. - Самарканд, 1961. - С. 117-125.
34. Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования. - Алма-Ата, 1974. - 191 с.
35. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. - Киев, 1974. - 176 с.
36. Жуков В.П. Русская фразеология. - М., 1986. - 310 с.
37. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. - М., 1982. - 328 с.
38. Зоривчак Р.П. Фразеология писателя как проблема перевода (на материале переводов поэтических произведений Т.Г. Шевченко на английский язык); Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Киев., 1976. - 22 с.
39. Капандзе Л.А. Фразеология в терминологиях // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе. Тезисы докладов. - Волгода, 1965. - С. 54-55.
40. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции; Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Киев, 1980. - 48 с.
41. Клышкин И. Для читателя-современника. - М., 1977. - 559 с.

42. Князева Л.Э. Нетранслитерированные выражения в публицистическом стиле современного русского языка (на материале произведений В.И. Ленина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1970. - 18 с.
43. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. - Воронеж, 1978. - 143 с.
44. Коротких Ю.Г. Лексические заимствования в современном немецком языке (на материале разговорной речи). - Воронеж, 1980. 109 с.
45. Копыленко М.М. Сочетаемость лексем в русском языке. - М., 1973. - 119 с.
46. Круцов В.М.В творческой лаборатории переводчика. - М., 1976. - 192 с.
47. Крысин Л.П. К определению терминов "заимствование" и "заимствованное слово" // Развитие лексики современного русского языка. - М., 1965. - С. 104-116.
48. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины // Англо-русский фразеологический словарь. - М., 1965. - С. 104-116.
49. Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс). - М., 1970. - 344 с.
50. Кунин А.В. О структурно-семантической классификации фразеологических значений // Вопросы семантики фразеологических, германских и романских языков, ч. II. Тезисы докладов. - Новгород, 1972. - С. 72-77.
51. Ларин В.А. История русского языка и общее языкознание. (Избр. работы) - М., 1977. - 233 с.
52. Логинова Э.С. Фразеологические кальки по английской модели в русской спортивной терминологии // Русский язык в школе. - 1976. - №2. - С. 84-86.
53. Майоров А.П. Заимствования в лексико-семантической системе языка (на материале англо-американизмов в современном немецком языке ФРГ и ГДР): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1967. - 22 с.
54. Максвский М.М. Теория лексической аттракции. - М., 1971. - 252 с.

55. Мартинек В.Д. Лексико-семантическая ассимиляция английских заимствований в русском литературном языке советской эпохи: Дис. ... канд. филол. наук. - Днепропетровск, 1972. - 300 с.
56. Матвеев А.Я. Латинские лексические кальки в немецком языке. Дис. ... канд. фил. наук. - Львов, 1966. - 230 с.
57. Месамед В.И. Калькирование как один из способов пополнения словарного состава персидского языка: Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1984. - 179 с.
58. Мокиенко В.М. Из истории фразеологических заимствований // Совершенная русская лексикография. - Л., 1983. - С. 119-129.
59. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. - М., 1980. - 270 с.
60. Молотков А.И. Основы фразеологий русского языка. - Л., 1977. - 284 с.
61. Молотков А.И. Понятие формы слова // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе. - Вологда, 1965. - С. 78-79.
62. Мунен Ж. Теоретические проблемы переводов // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - С. 36-41.
63. Назарян А.Г. История развития французской фразеологии. - М., 1981. - 189 с.
64. Наумова И.О. Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке (на материале публицистики): Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1982. - 280 с.
65. Орловская Л.Я. Сопоставленный анализ фразеологических единиц латышского и английского языков и некоторые принципы составления латышско-английского фразеологического словаря: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1968. - 25 с.
66. Орловская Л.Я. Эквивалентность латышских идиом идиомам других языков // Вопросы лексикологии и грамматики английского и латышского языков. - Рига, 1972., С. 60-69.
67. Палий А.К. Фразеологическое калькирование как способ фразеобразования // Образование и функционирование фразеологических единиц. - Ростов, 1981. - С. 44-51.

68. Пономаренко Л.А. Калькирование как вид влияния одного языка на другой (на материале английских калек с русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Киев, 1965. - 16 с.
69. Пономаренко Л.А. Использование калькированных устойчивых сочетаний для выявления отличительных характеристик структуры взаимодействующих языков // Методы билингвистических исследований. - М., 1976. - С. 105-113.
70. Пономаренко Л.А. Устойчивые лексемосцепления контактирующих языков: Дис. ... д-ра филол. наук. - Тбилиси, 1978. - 494 с.
71. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. - М., 1976. - 200 с.
72. Прошин А.В. Стилистические снижения фразеология в аспектах статики и динамики (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1975. - 24 с.
73. Прохорова В.Н. О фразеологической природе составных терминов // Исследование по славянской филологии. - М., 1974. - С. 282-286.
74. Райхштейн А.Д. Немецкие устойчивые фразы и устойчивые предикативные единицы: Дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1974. - 484 с.
75. Райхштейн А.Д. О межязыковом сопоставлении фразеологических единиц // Иностр. яз. в школе. - 1979. - №4. - С. 3-8.
76. Райхштейн А.Д. К сравнительно-типологической характеристике фразеологических систем // Исследования по сопоставительной типологии языков. - М., 1982. - С. 102-113.
77. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводическая практика. - М., 1974. - 216 с.
78. Розен Е.В. Новое в лексике немецкого языка. - М., 1976. - 174 с.
79. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. - Л., 1972. - 60 с.
80. Рыжикова С.Ю. Словообразовательная структура производимых от английских заимствований в украинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Днепропетровск, 1979. - 20 с.

81. Селиванов Г.А. К общей характеристике активных процессов в области фразеологий // Активные процессы в области русской фразеологий. - Иваново., 1980. - С. 3-13.
82. Семенова Л.Н. К вопросу о фразеологическом калькировании в русском языке // Проблемы русского фразеобразования. - Тула, 1973. - С. 136-141.
83. Семенова Л.Н. К вопросу о контактной фразеологии // Проблемы русской фразеологии. - Тула, 1975. - С. 109-118.
84. Сидоренко К.П. Фразеологические единицы терминологического происхождения: Дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1978. - 208 с.
85. Сидоренко К.П. Фразеологизмы терминологического происхождения // Русская речь. - 1978. - №3. - С. 84-88.
86. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. - М., 1956. - 260 с.
87. Соловьев В.П. Калькирование образных фразеологических единиц // Вопросы фразеологий и составления фразеологических словарей. - Баку, 1968. - С. 124-129.
88. Соловьев В.П. Фразеологизация терминологических сочетаний // Образование и функционирование фразеологических единиц. - Ростов н/Д, 1981. - С. 32-35.
89. Солобод Ю.К. К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках // Вопр. языкозн. - 1982. - №2. - С. 106-114.
90. Солодухо Э.М. Проблемы интернационализации фразеологии. - Казань, 1982. - 168 с.
91. Солодухо Э.М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. - Казань, 1977. - 158 с.
92. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30-90-х гг. XIX в. - М., -Л., 1965. - 565 с.
93. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в романской речи. - М., 1976. - 224 с.
94. Флекенштейн К. Галки по немецкой модели в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1963. - 21 с.
95. Харазиньска И. Библизмы в русской фразеологии. - Р. на/Д., 1987. - 27 с.

96. Хегай М.А. К понятию кальки // Уч. зап. Ташк. пед. ин-та. Ташкент, 1964. - т. 45. - С. 293-300.
97. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. - М., 1972. - вып. 6. - С. 344-382.
98. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. - М., 1970. - 200 с.
99. Чернышева И.И. Актуальные проблемы фразеологии // Вопр. языкозн. - 1977. - №5. - С. 34-42.
100. Шахмедов Э. Вопросы калькирования с русского языка на узбекский язык. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Ташкент, 1974. - 25 с.
101. Шанский М.Н. Лексические и фразеологические кальки в русском языке. // Русский язык в школе. - 1955, - №3. - С. 28-33.
102. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. - М., 1969. - 231с.
103. Шувалова Ю.В. Политическая фразеология в американском варианте английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1978. - 26 с.
104. Эндзелинь И. Латвийские предлоги. - Дрьев., 1906. - ч. 2. - 143 с.
105. Эндзелинь И.М. О латышско-финских языковых связях // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. - Л., 1951. - С. 299-304.
106. Appel R., Muysken P. Language contact and bilingualism. - London, 1987. - 224 p.
107. Baldunčika J. Anglicismu aizgūšanas pamatcēmes latviešu valodā // ZA Vestis. - 1979. - Nr.3. - 59 - 71. lpp.
108. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique historique. - Berné, 1950. - 440 p.
109. Betz W. Der Einfluss des Lateinischer auf den Althochdeutschen Sprachschatz. - Heidelberg, 1936. - 70 S.
110. Breidaks A. Baltiņu somu valodu ietekme Latvijas PSR Ludzas rajona latgaliskajā izlokanē // Взаимосвязи бытов и прибалтийских финнов. - Riga, 1970. -

157-164.lpp.

111. Breidaks A. Über das Ostseefinnische Sprachsubstrat in Ostlettland // *Baltistica* - 1977. - 8 (1)-S.245-249.
112. Brence M. Par dažām leišu un latviešu kopīgās leksikas īpatnībām // *Latviešu valodas jautājumi.*-Rīga, 1963.-255-268.lpp.
113. Büchman G. Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des deutschen Volkes.-Berlin, 1898.-761 S.
114. Carstensen Br. Evidente und latente Einflüsse des Englischen auf das Deutsche // *Fremdwortdiskussion.*-München, 1979.-S.90-94.
115. Décsy G. Die linguistische Struktur Europas. Vergangenheit, Gegenwart, Zukunft.-Wiesbaden, 1973.
116. Degut M.B. Idioma // *Babel.*-1973.-Nr.4.-vol.19.-pp.168-169.
117. Eckert R. Historische Phraseologie der slawischen Sprachen (unter Berücksichtigung des Baltischen) // *Zeitschrift für Slavistik.*-1987.-Band 32.-S.801-807.
118. Endzelins J. Par latviešu un lībiešu valodas savstarpējo ietekmi // *Baltistica.*-1970.-Nr.6.-7-10-lpp.
119. Endzelins J. Recenzija par L.Kettunena "Idvisches Wörterbuch" // *Pilolu biedrības raksti.*- Rīga, 1939.-19. sēj.-216-218.lpp.
120. English as a World Language / Ed.R.W.Bailey, M.G.Görlach.-Cambridge, 1984.-496p.
121. Gibbon D. Idiomaticity and functional variation: A case study of international amateur radio talk // *Language in Society.*-vol.12.-Nr.1.-April 1981.-pp.21-42.
122. Gläser R. Phraseologie der englischen Sprache.- Leipzig, 1996.-217 S.
123. Greenberg J.H. The study of language contact in Africa // *Language, Culture and Communication.*-Stanford, 1971.-37 p.

124. Haugen E. The Analysis of Linguistic Borrowing // *Language*.-1950.-XXVI.-pp.210-231.
125. Haugen E. Language conflicts and language planning: The Case of Modern Norwegian.-Cambridge,Mass.;1966.-392 S.
126. Haugen E. The Ecology of Language.-Stanford,1972.-366.p.
127. Hristea Th. Probleme de etimologie // *Studii.Articole. Note*. - Bucuresti,1968.-383p.
128. Jespersen O. Die Sprache ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. Heidelberg,1925.-440S.
129. Kagine E. Ergzemes izloksnes frazeologismu tipi un uzbuve // *ZA Vēstis*.1968.-Nr.8.-62-71.lpp.
130. Kokare E. Latviešu un vācu sakāmvārdu paralēles. Rīga, 1988.-309.lpp.
131. Lambert W.E. Culture and language as factors in learning and education // *Current Themes in Linguistics. Bilingualism, Experimental Linguistics and Language Typology*./Ed.Fr.Eckman.-Washington,1977.-pp:15-48.
132. Lehiste I. Lectures on language contact.-Cambridge, Mass.,1988.-150p.
133. Makkai A. Idiomaticity as a Language Universal // *Universals in Human Language*.-California,1978.-vol.3.-pp.401-448.
134. Miklosich P. *Lexicon palaeslovenico-groeco-Latinum emendatum auctum*.-Vindobonae,1862-1865.-1171p.
135. Molnar M. The Calques of Greek Origin in the most Ancient Old Slavic Gospel Texts.- Budapest,1985.-347p.
136. Orlovska J. Dažas inovācijas angļu un latviešu frazeoloģijā // *Inovācijas dažādos valodas līmeņos*.-Rīga, 1975.-50-64.lpp.
137. Ozols A. Latviešu tautas dziesmu frazeoloģijas pamatjautājumi // *LPSR Valodas un literatūras institūta Raksti*.-Rīga,1959.-lo.cēj.-201-238.lpp.
138. Ozols A. *Frazeoloģija* // *Raksti valodniecībā*.-Rīga,1967. 451-452.lpp.

139. Paul H. Principien der Sprachgeschichte.-Halle,1937.-
XV,-428.s.
140. Rāge S. Ko latviešu valoda mantojusi no baltu un somu
senajiem sakariem // Zinātne un Tehnika.-1973.-Nr.2.-
14-16.lpp.
141. Rāge S. Par dažiem aizguvumiem no igauņu valodas Vid-
zemē // Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. -
Rīga,1970.-135-155.lpp.
142. Rey A. La phraséologie et son image dans les diction-
naires de l 'âge classique // Travaux de linguisti-
que et de littérature.-Strasbourg,1973.-vol.II.-N.1.-
pp.97-107.
143. Rūķe-Draviņa V. Diachroniskās maiņas latviešu frazeolo-
ģijā.// Baltu valodas senāk un tagad.-Rīga,1985.-227-
234.lpp.
144. Rūķe-Draviņa V. Die Lettische Phraseologie in Vergleich
mit zwei Germanischen Sprachen - dem Deutsch und dem
Schwedischen // Aktuelle Probleme der Phraseologie:
Zürcher Germanische Studien.-Bern,1987.-Bd.99.-S.169-
186.
145. Sandfeld-Jensen K. Notes sur le calques linguistiques.
-Leipzig,1912.
146. de Saussure F. Cours de linguistique générale.-Paris,
1955.-331p.
147. Schufmann K. Die Griechischen Lehnbildungen und Lehnbe-
deutungen in Altbulgarischen.- Berlin-Wiesbaden,1958.-
66S.
148. Shipley J.T. In Praise of English. The Growth and Use of
Language.-Toronto,1977.-310p.
149. Šaurums G. Latviešu bībeles vēsture.-Rīga,1935.-32.lpp.
150. Unbegaun B.O. Le calque dans les langues slaves litte-
raires // Revue des Etudes Slaves.-1932.-T.XII.-pp.19-
48.
151. Vilsons A. Latviešu un angļu literārie sakari līdz XX

- gadsimtam // Latviešu un Rietumeiropas literatūra.-
Rīga, 1971.-166-206.lpp.
152. Wade T.L.B. Indirect Loans in German and Russian //
The Incorporated Linguist.-1980.-Vol.19.-pp.43-48.
153. Weinreich U. Languages in Contact.-New York, 1953.-
140p.
154. Zeiferts T. Latviešu rakstniecības vēsture.-Rīga, 1922.-
1.d.-285.lpp.
155. Zett R. Beiträge zur Geschichte der Nominal - Komposi-
ta im Serbokroatischen.-Köln-Wien, 1970.

Лексикографические источники.

1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова.-М., 1987.
2. Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов.-М., 1982.
3. Бабкин А.М., Шендцов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов: т.1-2.-М-Л., 1966.
4. Великобритания. Лингвострановедческий словарь.-М., 1978.
5. Краткий политический словарь.-М. 1978.
6. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь.-М., 1984.
7. Свруцкий Н.О. Крылатые латинские выражения в литературе.-М., 1969.
8. Apperson G.L. English Proverbs and Proverbial Phrases. A Historical Dictionary.-Detroit, 1969.
9. Bouge A. Krievu-latviešu frazeoloģiskā vārdnīca.-Rīga, 1974.
10. Bliss A.J. A Dictionary of Foreign Words and Phrases in Current English.-London, 1977.
11. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable.-London, 1968.
12. Butler D. Sloman A. British Political Facts 1900 - 1979.-Basingstoke, 1980.
13. Büchmann G. Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des

- deutschen Volkes.-Berlin,1898.
14. Čaubulīņa D., Ozoliņa Ņ., Plēsuma A. Latviešu-krievu frazeoloģiskā vārdnīca.-Rīga,1980.
 15. Chambers 20th Century Dictionary. / Edited by E.M.Kirkpatrick.-Bungay,1983.
 16. Ciardi J. A Second Browser's Dictionary and Native's Guide to the Unknown American Language.-New York,1983.
 17. Collins A Book of English Idioms with Explanations.-London,1958.
 18. A Dictionary of American Idioms / Edited by A.Makkai.-Woodbury,1975.
 19. Dictionary of American Politics / Edited by E.C.Smith, A.J.Zurcher.-New York,1966.
 20. A Dictionary of Commonly Used English Idioms and Phrases.-Pekin,1982.
 21. Dauzat A. Dictionnaire étymologique de la langue française.-Paris,1962.
 22. Elliot T. Summerskill M. A Dictionary of Politics.-Baltimore,1961.
 23. Geflügelte Worte.-Leipzig,1985.
 24. Guinagh K. Dictionary of Foreign Phrases and Abbreviations.-New York,1966.
 25. Harbobottle Th.B. Dictionary of Quotations (classical).-New York,1958.
 26. Heywood J. A Dialogue of Proverbs.-Berkley,1963.
 27. Holt A. Phrase and Word Origins.-New York,1961.
 28. Hyamson A.M. A Dictionary of English Phrases.-Detroit, 1970.
 29. Hyman R. A Dictionary of Famous Quotations.-London,1973.
 30. The Great Russian-English Dictionary of Idioms and Set Expressions by P.Borkowski.-London,1973.
 31. The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms / Edited by S.Ichikawa.-Tokyo,1969.
 32. Klein B. A Comprehensive Etymological Dictionary of the

- gadsimtam // Latviešu un Rietumeiropas literatūra.-
Rīga,1971.-166-206.lpp.
152. Wade T.L.B. Indirect Loans in German and Russian //
The Incorporated Linguist.-1980.-Vol.19.-pp.43-48.
153. Weinreich U. Languages in Contact.-New York,1953.-
140p.
154. Zeiferts T. Latviešu rakstniecības vēsture.-Rīga,1922.-
1.d.-285.lpp.
155. Zett R. Beiträge zur Geschichte der Nominal - Komposi-
ta im Serbokroatischen.-Köln-Wien,1970.

Лексикографические источники.

1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова.-М.,1967.
2. Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых
слов.-М.,1982.
3. Бабкин А.М., Шендцов В.В. Словарь иноязычных выражений
и слов:т.1-2.-М-Л.,1966.
4. Великобритания. Лингвострановедческий словарь.-М.,1978.
5. Краткий политический словарь.-М.1978.
6. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь.-М.,
1984.
7. Свруцкий Н.О. Крылатые латинские выражения в литературе.-
М.,1969.
8. Apperson G.L. English Proverbs and Proverbial Phrases.
A Historical Dictionary.-Detroit,1969.
9. Bauga A. Krievu-latviešu frazeoloģiskā vārdnīca.-Rīga,
1974.
10. Bliss A.J. A Dictionary of Foreign Words and Phrases in
Current English.-London,1977.
11. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable.-London,1968.
12. Butler D. Sloman A. British Political Facts 1900 - 1979.-
Basingstoke,1980.
13. Büchmann C. Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des

- deutschen Volkes.-Berlin,1898.
14. Gaubuliņa D., Ozoliņa Ņ., Plēsuma A. Latviešu-krievu frazeoloģiskā vārdnīca.-Rīga,1980.
 15. Chambers 20th Century Dictionary. / Edited by E.M.Kirkpatrick.-Bungay,1983.
 16. Ciardi J. A Second Browser's Dictionary and Native's Guide to the Unknown American Language.-New York,1983.
 17. Collins A Book of English Idioms with Explanations.-London,1958.
 18. A Dictionary of American Idioms / Edited by A.Makkai.-Woodbury,1975.
 19. Dictionary of American Politics / Edited by E.C.Smith, A.J.Zurcher.-New York,1966.
 20. A Dictionary of Commonly Used English Idioms and Phrases.-Pekin,1982.
 21. Dauzat A. Dictionnaire étymologique de la langue française.-Paris,1962.
 22. Elliot T. Summerskill M. A Dictionary of Politics.-Baltimore,1961.
 23. Geflügelte Worte.-Leipzig,1985.
 24. Guinegh K. Dictionary of Foreign Phrases and Abbreviations.-New York,1966.
 25. Harbobottle Th.B. Dictionary of Quotations (classical).-New York,1958.
 26. Heywood J. A Dialogue of Proverbs.-Berkley,1963.
 27. Holt A. Phrase and Word Origins.-New York,1961.
 28. Hyamson A.M. A Dictionary of English Phrases.-Detroit, 1970.
 29. Hyman R. A Dictionary of Famous Quotations.-London,1973.
 30. The Great Russian-English Dictionary of Idioms and Set Expressions by P.Borkowski.-London,1973.
 31. The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms / Edited by S.Ichikawa.-Tokyo,1969.
 32. Klein S. A Comprehensive Etymological Dictionary of the

- English Language.-Amsterdam,1971.
33. Kokare E. Divu tautu dzīves gudriba.-Rīga,1967.
 34. Kokare E. Latviešu un lietuviešu sakāmvārdu paralēles.-Rīga,1980.
 35. Latviešu literārās valodas vārdnīca.-Rīga,1972-1990.
 36. Latviešu sakāmvārdi un parunas.-Rīga,1957.
 37. Mancelius G. Lettus. Das ist Wortbuch...-Rīga,M.DC. XXXVIII.
 38. Morris Dictionary of Word and Phrase Origins.-New York, 1977.
 39. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīca I-IV / Rediģējis, papildinājis, turpinājis J.Endzelins.Rīga,1923-1932. J.Endzelins un E.Hauzenberga. Papildinājumi un lobojumi K.Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai.I-II.-Rīga,1934-1946.
 40. Olivier R. Militz H.M. Französische idiomatische Redewendungen.-Leipzig,1978.
 41. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English.I-II.-Oxford,1984.
 42. The Oxford Dictionary of English Proverbs.-Oxford,1970.
 43. The Oxford English Dictionary in XII Volumes with a Supplement./ Edited by J.A.H.Murray, H.Bradley, W.A. Craigie, C.T.Osious.-Oxford,1961.
 44. Partridge B.A Dictionary of Clichés.-London,1980.
 45. Plane J.G. Greenberg M. The American Political Dictionary.-New York,1965.
 46. Proverbs. Compiled and Edited by J.Glinski.-Amsterdam, 1971.
 47. Proverbs, Sentences and Proverbial Phrases from English Writings Mainly before 1500.-Cambridge,Mass.1969.
 48. Quicherot P. Dictionnaire étymologique, historique et anecdotique des proverbes et des locutions proverbiales de la langue française.-Paris,1942.
 49. Radford E. Unusual words and how they came about.-

Leningrad, 1964.

50. Reškeviča J. Sauka O. Vējš J. Zalīte T. Angļu-latviešu-krievu frazeoloģiskā vārdnīca.-Rīga, 1977.
51. Rat M. Dictionnaire des locutions françaises.-Paris, 1957.
52. Seidl J. English Idioms and How to Use Them.-Oxford, 1978.
53. Smith L.P. Words and Idioms.-London, 1948.
54. Smith W.G. The Oxford Dictionary of English Proverbs.-Oxford, 1963.
55. Sperber H. Trittschuh Tr. American Political Terms.-Detroit, 1964.
56. Svešvārdū vārdnīca.-Rīga, 1978.
57. Vācu-latviešu frazeoloģiskā vārdnīca.-Rīga, 1980.
58. Wood Fr. Dictionary of English Colloquial Idioms.-London, 1979.
59. Wood Fr. English Verbal Idioms.-London, 1979.

Оглавление

Предисловие	3
1. ФЕ - понятие, черты	4
2. Происхождение фразеологии	12
2.1. Исконно латышская фразеология	14
2.2. Заимствованная фразеология	18
3. Контакты латышского языка	19
3.1. Основные понятия	19
3.2. Языковые контакты	22
4. Фразеологическое заимствование, его способы	27
5. Типы фразеологического заимствования	38
5.1. Фразеологические кальки	38
5.2. Беспереводные фразеологические заимствования ...	42
5.3. Фразеологические полукальки	45
5.4. Фразеологические транскрипции	47
6. Источники, критерии заимствования ФЕ	49
7. Процесс заимствования, его этапы	57
8. Обогащение фонда заимствованной фразеологии в хро- нологическом аспекте	65
8.1. 17 век	65
8.2. 18 век	68
8.3. 19 век	71
8.4. 20 век	73
9. Гипотетические влияния на латышскую фразеологию (финно-угорские и литовский языки)	81
10. Фразеология заимствованная из отдельных языков ...	86
10.1 Библейская фразеология	86
10.2. Фразеология греческого происхождения	113
10.3. Фразеология латинского происхождения	118
10.4. Фразеология немецкого происхождения	123
10.5. Фразеология русского происхождения	136
10.6. Фразеология французского происхождения	142
10.7. Фразеология английского происхождения	148

10.8. Фразеология другого происхождения	161
II. Заимствование и интернационализация	166
Заключение	167
Библиография	170

Vilniaus universitetas

VI TARPTAUTINIS BALTISTŲ KONGRESAS
1991 m. spalio 2-4 d.

Pranešimų tezės

VI STARPTAUTISKAIS BALTISTU KONGRESS
1991 g. 2-4 oktobrī

Referātu tēzes

THE 6th INTERNATIONAL CONGRESS OF BALTICISTS
October 2-4, 1991

Abstracts

УІ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД БАЛТИСТОВ
2-4 октября 1991 г.

Тезисы докладов

KADRIS VILČINS

DIACHRONIC DEVELOPMENT OF BIBLICAL
PHRASEOLOGY IN LATVIAN.

1. Like in many European languages Biblical phraseology is part and parcel of the phraseological stock of Latvian. No other literary source in Latvian has given so many (about 250) units to the language as the Old and New Testaments. Biblical phraseological units constitute the first large group of borrowed phraseology that can be viewed directly while other early influences being hypothetical.
2. Many idioms have developed variants, others can be placed somewhere between a phraseological unit and an allusion to the Bible. Due to their long usage most of the biblical units have lost their biblical connotation. Yet, the first translation of the Bible (1685 - 1689) from the point of view of biblical idiom is remarkable as since then there have been few changes concerning the idiom in the following editions. The grammatical differences in the units fully correspond to the general drift of the language change, lexically only some units have altered: balss tāds sludinātāja ir tuknesī (Isa.40,3) - spēcīga balss tuknesī; mezgāt rokas iekš nenoziedzības (Ps.26,6) - mezgāt rokas pcvainībā.
3. The greatest change has affected the sphere of semantics. The phraseological units bear a different degree of connection with the original. There are units that are used in a figurative meaning already in the Bible: redzēt skabergu cits arī bet neredzēt balki gāvā (Matt. 7,3). There are units that do not possess the figurative sense in the bible, but have acquired it later: kauls no kauls, miesa no miesas (Gen.2,23). And there are units that have no prototypes in the Bible at all, but have originated as allusions to biblical legends and myths: Bābeles tornis (Gen.11,1-9) neticīgais Toms (John,20,

24-24).

The three hundred years have led to a great variety of variants of many units. Some elements in the idioms have turned archaic and have been substituted by modern words: ais septiģimā zieteliem /zimogiem (Rev.5,1-3) aprakt savu podu/talantu (Matt.25,15-30). Yet in most cases archaic elements coexist with the new ones, as phraseology tends to preserve older forms. Many units have developed stylistic variants: Jūdasa alga/grāsi/nauda (Matt.26,15). Some having one prototype have developed two variants and two totally different meanings: klupšņus akmens /piedauzības akmens (Ier.0,14, Rom.9,32 - 33). Some units have grown obsolete and become archaic: apļaut gurnus (Lūka,12,35) ārste, dziedā sevi pats (Lūka,4,23). Many units have undergone ellipsis: ((vieglāk) kamielin) izlist) caur adatas aci (Matt, 19,24).

The most widespread semantic change is growth of polysemy. Many units have developed several meanings: apsolītā zeme (Ex.,3,8-17) dienlūkā maize (Matt.6,11), etc. Some units have undergone change of connotation: labā roka nezina, ko kreisā dara (Matt.6,3) from positive to derogatory. Some units have undergone lexicalization: stūra akmens - atūraliens (Is.28,16) grēka azis - grēkāzis (Levit.16,21).

Thus in phraseology we observe a variety of diachronic change. Phraseological system and biblical phraseology especially shows us a gradual and tenuous transmission focussing mainly in the sphere of semantics. Biblical phraseology being the oldest layer of borrowed phraseology presents also great interest in the aspect of internationalization of phraseology, revealing the specific national characteristics in the process of diachronic assimilation and change.

Runāsim latviski

1. daļa

L A T V I J A S U N I V E R S I T Ā T E

Sastatēmās valodniecības katedra

RUNĀSIM LATVISKI

Latviešu valodas elementārkurs

I daļa

Latvijas Universitāte

Rīga 199J

Eršle M., Gurtaja V., Veisbergs A., Zauberga I. Runāsim latviski. I daļa: Mācību līdzeklis.- Rīga: LU, 1991. - 72 lpp.

Mācību līdzeklis "Runāsim latviski" paredzēts latviešu valodas pamatu apgušanai ar angļu valodas starpniecību. I daļā ietilpst 5 mācību stundas (I - 5). Katra stunda sastāv no dialoga, leksiskā materiāla, vingrinājumiem un gramatikas skaidrojuma. Mācību līdzeklis ir latviešu valodas elementārkursā kompleksa sastāvdaļa.

The present teaching aid "Runāsim latviski" is designed for beginners. It is the first part of a two-part introductory course of Latvian for students who know English. Each of the 5 units (I - V) comprises a dialogue, lexical material, exercises and grammar.

Recenzenti: filol. zin. kand. B.Ķāde, LMĀA Svešvalodu katedras doc.
filol. zin. kand. J.Siliis, LU Svešvalodu katedras doc.

(C)

Latvijas
Universitāte,
1991

Introduction

The Latvian language is one of the two live Baltic languages, the other being Lithuanian. The Proto-Baltic period lasted from 1500 B.C. up to 500 B.C. when the split between Eastern and Western Baltic languages took place. The Western Baltic languages, the most prominent of which was Prussian, had gone extinct under the overwhelming German influence by the end of the 17th century.

Lithuanian and Latvian are Eastern Baltic languages which developed side by side till the 6 - 7th centuries A.D. which accounts for the considerable degree of similarity between the two languages. Both of them bear an ancient character. They have survived basically unchanged and have undergone no simplification.

Latvian is spoken by about 1.5 million people in Latvia. It is also spoken by Latvians in the Soviet Union, the USA, Australia, Canada, Germany and some other Western countries.

The formation process of the Latvian nation starts about the end of the first millennium with a gradual merging of separate Baltic tribes. It is only at the end of the 16th century when we can start speaking of the Latvian nation with its own Latvian language. Standard Latvian of today is a modern transformation of the languages spoken by the Baltic people called Lettgallians who later expanded beyond the boundaries of their original settlements and absorbed elements of the closely related languages of Selonians and Zemgallians as well as Curonians. The tribal languages manifest themselves in the present-day dialects of the Latvian language: the Central dialect which forms the basis of the Latvian literary language, the Lettgallian dialect spoken in the Eastern part of present-day Latvia and the Liv dialect which stands apart because it belongs to the Finno-Ugric language family and there are no more than 200 people today who speak it.

The origin of the national literary language is not homogenous. Its main sources are the so-called Old Latvian Writing, Latvian folklore and the live language of the people. By Old Latvian Writing we mean the first written evidences that appeared in the second half of the 16th century. In actual fact they were translations of religious texts done by German clergymen. The language of these translations is often ascribed as a kind of social jargon - the language of German landlords to deal with Latvian peasants whom they scorned. Today, however, the attitude to the German contribution to the development of the Latvian language is revised. It cannot be denied that they had laid the basis for the further development of Latvian syntax and morphology. The German influence also accounts for the fact that Latvian basically is a West European language having been split off from the Slavs under the German rule. When we look at these first written samples today the language in actual fact differs little from the language spoken today. What makes these written evidences strange is the orthography which was changed from Gothic into Latin only in the 30-ies of the 20th century.

Folklore which we would like to consider the main source of the literary language and in which the ethical and aesthetic values of the Latvian nation are embodied alone cannot serve as the basis of literary language because of the limited application of poetic language.

It is only in the 70 - 80-ies of the 19th century when we can say that Modern Standard Latvian is formed since this is the time when Latvian literature comes to existence. Latvian is a synthetic language which means that almost all parts of speech change their form in sentences.

Latvian Alphabet

The Latvian alphabet has twenty-two Roman letters. Eleven letters are used twice. In two instances two-letter combinations (dz, dž) are used to mark single sounds.

The diacritic mark (special marks added either above or below the regular letters) indicate long vowels (ā, ē) and palatal consonant (š, ž).

Letters:

A, a	- aka	K, k	- kura
Ā, ā	- ābola	S, s	- saule
B, b	- balta	Š, š	- šeit
C, c	- caur	T, t	- taka
Č, č	- čība	U, u	- upe
D, d	- diena	Ū, ū	- ūdens
Dz, dz	- dziesma	V, v	- vakars
Dž, dž	- džungļi	Z, z	- zeme
E, e	- egle, ēlpa	Ž, ž	- žagata
Ē, ē	- ēvols, ēna		
F, f	- fakts		
G, g	- galva		
Ģ, ģ	- ģērbt		
H, h	- haka		
I, i	- istaba		
Ī, ī	- ilona		
J, j	- jā		
K, k	- kāja		
Ķ, ķ	- ķūde		
L, l	- logs		
Ļ, ļ	- ļautis		
M, m	- mīte		
N, n	- nazis		
Ņ, ņ	- ņem		
O, o	oga, proza, Olga		
P, p	- papīrs		

Spelling and Pronunciation.

In Latvian there are monophthongs: /a, a:, e, e:, e, e:, i, i:, o, o:, u, u:/ and diphthongs: /ai, ai, ei, ie, uo, ui, oi, iu, eu, ou/.

The monophthongs are short and long. The length is marked by a bar over the vowel (ā, ē, ī, ū). The length difference is phonemic (grammatically distinctive):
masa - mass; māsa - a sister; rīt - roll; rīt - to swallow.

There are four kinds of "o" sound: short and long /e/, /e:/ and short and long /æ/, /æ:/.

The letter "o" in the native Latvian words is pronounced as the diphthong /uo/: ola ['uola] - an egg. In foreign borrowings it is pronounced as /o/ and /o:/ (although the length is not marked): opera ['o:pera].

In Latvian voiced consonants before voiceless consonants are usually pronounced as voiceless but voiceless before voiced - are pronounced as voiced: labs [laps] - good; laimīgs ['laimi:ks] - happy; bēgt [bēkt] - to run away; lūgt [lu:kt] - to ask; apdomāt ['abd:omat] - to think over; atilde ['adilde] - answer; trešdiena ['trešdiena] - Wednesday.

There are cases when the consonants do not change: grīdāga - a carpet, ziedputekšņi - pollen, sudrabkalis - a silversmith

Voiceless consonants in two-syllabic words between two short vowels are pronounced long: lapa ['lap:a] - a leaf; upe ['up:e] - a river; mati ['mat:i] - hair.

Double consonants are pronounced longer than the single ones, and this length difference is also phonemic: mana - my; manna - manna, etc.

The sound combination "zā" at the end of the word is pronounced as /s:/, "ās" as /'s:/; "zū" as /š:/: biezis [bies:] - thick; svešs [sveš:] - unknown; mežs [meš:] - a forest.

The sound combinations "ts, ct" at the end of the word are pronounced as /c:/: jumts [ju:ts] - roof;

plata [plac] - broad; galds [galc] - a table.

The diacritic mark /˘/ is used to designate four sounds: /č, dž, š, ž/. In two-sound clusters only the first letter carries the mark: ašs [ašː] - fast; mašs [mašː] ; Džordžs [džorčž].

The "tail" under the letters "g, k, j, p" also indicates palatalization: kugis - a ship; kaķis - a cat; sāļš - salty; ņem - take. The consonants "h, f" are found only in international words: halva - helva; ferma - a farm.

The letter "v" has two pronunciations: before a vowel it is /v/ - visi - all, but before a consonant or in the final position it is /v̥/ - tavs [taʋs] - your; govs [guoʋs] - a cow; zivs [ziuʋs] - fish; nav [naʋ] - is not.

The stress is usually on the first syllable of the word: 'lapa, 'papīrs, 'fakultāte.

There are also exceptions: nēkas, nēkad, nēkur, labrīt, labvakar, pa'dies, atel'jē, piānino, komu'nīkē, etc.

Latvian is one of the few Indo-European languages which has preserved the vowel intonation (syllabic accent): zāle ['zā:le] - a hall; zāle ['zā:le] - grass; zāles ['zā:les] - medicine.

Pirmā stunda. Unit I.

- Labdien, Ieva!
- Sveiks, Jāni! Iepazīsties, lūdzu, mana māsa!
- Sveicināti! Mani sauc Jānis. Mans uzvārds ir Pētersons.
- Mani sauc Ieva Liepa.
- Vai tu arī esi studente?
- Nē, es neesmu studente, es vēl esmu skolniece.
- Ļoti patīkami. Bet kur ir Peteris? Vai Pēteris ir mājās?
- Nē, Pēteris nav mājās, viņš ir universitātē. Viņš parasti ir mājās vakarā. Pagaidi, lūdzu!
- Nē, paldies. Citreiz. Uz redzēšanos!

Iegaumējiet! Memorize.

Es	esmu	vīrietis, vīrs, tēvs, dēls, zēns, brālis, sieviete, sieva, māte, meita, meitene, māsa.
Tu	esi	vīrietis, vīrs, tēvs, dēls, zēns, brālis, sieviete, sieva, māte, meita, meitene, māsa.
Viņš	ir	vīrietis, vīrs, tēvs, dēls, zēns, brālis.
Viņa	ir	sieviete, sieva, māte, meita, meitene, māsa.
Mēs	esam	virieši, vīri, tēvi, dēli, zēni, brāļi, sievietes, sievas, mātes, meitas, meitenes, māsas.
Jūs	esat	virieši, vīri, tēvi, dēli, zēni, brāļi, sievietes, sievas, mātes, meitas, meitenes, māsas.
Viņi	ir	virieši, vīri, tēvi, dēli, zēni, brāļi.
Viņas	ir	sievietes, sievas, mātes, meitas, meitenes, māsas.

Jaunie vārdi. Vocabulary.

labdien

good afternoon

sveiks, sveicināti

hallo

iepazīsties	I'd like you to meet
lūdsu	please
mans	my
māsa	a sister
mani sauc	my name is
vārds	a name
uzvārds	a surname
arī	also
būt	to be
student ^s , studente	(student (masc., fem.)
vēl	still
skolnieks, skolniece	a pupil (masc., fem.)
skola	a school
ļoti	very
petīkami	pleasant
bet	but
kur	where
mājas, mājās	a home, at home
universitāte	a university
parasti	usually
vakars, vakarā	an evening, in the evening
pagaidi	wait
nē	no
paldies	thank you
citreiz	some other time
un redzēšanos	good-bye
es	I
tu	you
viņš	he
viņa	she
mēs	we
jūs	you
viņi	they (masc.)
viņas	they (fem.)
vīrietis	a man
vīrs	a husband
tēvs	a father
dēls	a son

zēns	a boy
brālis	a brother
sieviete	a woman
eieva	a wife
māte	a mother
meita	a daughter
meitene	a girl
strādnieks, strādniece	a worker (masc., fem.)
mākslinieks, māksliniece	an artist (masc., fem.)
žurnālists, žurnāliste	a journalist (masc., fem.)
agronoms, agronome	an agronomist (masc., fem.)
ārsts, ārste	a doctor (masc., fem.)
skolotājs, skolotāja	a teacher (masc., fem.)
kas	who, what
jā	yes
inženieris, inženiere	an engineer (masc., fem.)
šodien	today
pašlaik, tagad	now
dārzs	a garden
darbs	work
parks	a park
institūts	an institute
slimnīca	a hospital
tavs	your
viņa	his
viņas	her
jūsu	your
draugs, draudzene	a friend (masc., fem.)

Daži noderīgi vārdi un frāzes.

Useful words and phrases.

Labrīt!	Good morning!
Labdien!	Good afternoon!
Labvakar!	Good evening!
Ar labnakti!	Good night!
Sveiki! Sveicināti!	Hello!
Uz redzēšanos!	Good-bye!

Visu labu!	All the best!
Iepazīsties! (sg.)	I'd like you to meet
Iepazīstieties! (pl.)	
Ļoti patīkami!	How do you do. (Pleased to meet you.)
Mani sauca	My name is
Mans vārds ir	
Mans uzvārds ir	My surname is
Paldies! Pateicos!	Thank you.
Liels paldies!	Thank you very much.
Ļoti pateicos!	
Lūdzu!	a) Please,
	b) Here you are.
Ne par ko!	Not at all.

Pievērsiet uzmanību izrunai! Pronunciation.

<u>i</u> eva	pirm <u>a</u> is	/ai/
L <u>i</u> epa	pašl <u>i</u> ņik	
s <u>i</u> eva	sauca	/au/
d <u>i</u> ena	Ģrau <u>d</u> zene	
lab <u>a</u> ģen	v <u>a</u> rds	
l <u>i</u> els	uzv <u>a</u> rds	
skoln <u>i</u> ece	ārsts	/c/
īepazīst <u>i</u> es	stud <u>e</u> nts	
ļ <u>o</u> ti	īnstitūts	
sk <u>o</u> la	ģ <u>u</u> mu	/oo/
pateic <u>o</u> s	d <u>ā</u> ls	/oe/
m <u>e</u> ita	z <u>ā</u> rs	
m <u>o</u> itene	t <u>ē</u> vs [tæ:us]	
sv <u>e</u> ģ <u>i</u> ki	t <u>ā</u> vs [tajs]	

Vingrinājumi. Exercises.

1. Pabeidziet teikumus! Complete the sentences with the given words.

Jānis ir zēns.

Zans ir meitene.

Aina ir ...

Pēteris ir ...

Inese ir ...

Marta ir ...

Andris ir ...

Dace ir ...

Kēgars ir ...

Ivars ir ...

(zēns, meitene, strādnieks, māksliniece, žurnālists, agronoms, ārsts, skolniece, skolotāja, studente)

2. Atbildiet uz jautājumiem! Answer the questions.

Vai tu esi students? (Jā, ...)

Vai viņš ir skolnieks? (Nē, ...)

Kas viņš ir?

Vai jūs esat strādnieki? (Nē, ...)

Kas jūs esat?

Vai viņi ir ārsti? (Jā, ...)

Vai viņi ir inženieri? (Nē, ...)

Kas viņi ir?

3. Pārveidojiet teikumus nolīgumā! Transform the following sentences into the negative.

Šodien es esmu (ku? where?) mājās.

Šodien es neesmu mājās.

Pašlaik viņa ir skolā.

Pašlaik ...

Tu esi dārzā.

Tu ...

Tagad viņš ir darbā.

Tagad ...

Jūs esat parkā.

Jūs ...

Mēs esam institūtā.

Mēs ...

Pašlaik viņi ir universitātē.

Pašlaik ...

4. Atbildiet uz jautājumiem! Answer the questions.

Kur ir students? Students ir ...

Kur ir inženieris? Inženieris ir ...

Kur ir skolnieks? ...

Kur ir meitene? ...

Kur ir skolotājs? ...

Kur ir strādnieks? ...

Kur ir ārsts? ...

Kur ir zēns? ...

(skolā, mājās, darbā, institūtā, ielā, parkā, slimnīcā)

5. Patēdiziet teikumus! Complete the sentences.

Jānis: "Es esmu skolnieks. Mans vārds ir Janis."

Viņš ir skolnieks. Viņa vārds ir Janis.

Zane: "Es esmu Mans vārds ir"

Viņa ir Viņas vārds ir

Andris: "Es esmu"

Viņš ir

Aina: "Es esmu"

Viņa ir

6. Pastāstiet par sevi! Pierakstiet atbildes!

Tell your partner about yourself. Write the answers down.

Kā tevī (Jūs) esat? (Kāds ir tavs (Jūsu) vārds, uzvārds?)

Vai tu esi (Jūs esat) students/studente?

Kas tu esi (Jūs esat)?

Vai tu esi (Jūs esat) pašlaik universitātē?

Kur tu esi (Jūs esat)?

Kas ir tavs (Jūsu) draugs?

Kur pašlaik ir tavs draugs?

Gramatika. Grammar.

I. Questions.

There are two types of question sentences:

Vai - questions and K - questions. Vai - questions are also called "yes/no questions" because they demand an affirmative or negative answer.

Question:

Vai Jānis ir skolnieks? - Is John a pupil?

Statement:

Jā, Jānis ir skolnieks. - Yes, John is a pupil.

K - questions ask for the a/ subject in the answer.

Kas jautā? - who asks? Pēteris jautā. - Peter asks.

Kas ir skolnieks? - who is a pupil?

Jānis ir skolnieks. - John is a pupil.

b/ for the predicate noun in the answer:

Kas ir Jānis? - What is John?

Jānis ir skolnieks. - John is a pupil.

c/ for the indirect object in the answer:

Kam skolotāja jautā? - Whom does the teacher ask?

Skolotāja jautā Jānim. - The teacher asks John.

d/ for the indirect object in the answer

Ko skolotāja jautā Jānim? - What does the teacher ask John?

Skolotāja jautā Jānim ... The teacher asks John ...

e/ for the verb in the answer:

Ko dara skolotāja? - What does the teacher do?

Skolotāja runā. - The teacher speaks.

II. The conjugation of the verb "but" - to be.

Tagadne - Present Tense

Vienskaitlis - Singular

Daudzskaitlis - Plural

1st person Es esmu-/es/-I am	Mēs esam-/es/-we are
2nd person Tu esi-/esi/-you are	Jūs esat-/es/-you are
3rd person Viņš/viņa ir-he/she is	Viņi/viņas ir-they are

<u>Vienskaitlis - Singular</u>	<u>Daudzskaitlis - Plural</u>
Es neesmu-/neesmu/.I am not	Mēs neesam-/neesam/-we are not
Tu neesi-/neesi/-you are not	Jūs neesat-/neesat/-you are not
Viņš/viņa nav-he/she is not	Viņi/viņas nav-they are not

Pagātne - Past Tense

<u>Vienskaitlis - Singular</u>	<u>Daudzskaitlis - Plural</u>
Es biju - I was	Mēs bijām - we were
Tu biji - you were	Jūs bijāt - you were
Viņš/viņa bija-he/she was	Viņi/viņas bija-they were
<u>Vienskaitlis - Singular</u>	<u>Daudzskaitlis - Plural</u>
Es nebiju - I was not	Mēs nebijām - we were not
Tu nebiji - you were not	Jūs nebijāt - you were not
Viņš/viņa nebija-he/she was not	Viņi/viņas nebija-they were not

Nākotne - Future Tense

<u>Vienskaitlis - Singular</u>	<u>Daudzskaitlis - Plural</u>
Es būšu - I shall be	Mēs būsim - we shall be
Tu būsi - you will be	Jūs būsit (būsiet)-you will be
Viņš/viņa būs-he/she will be	Viņi/viņas būs-they will be
<u>Vienskaitlis - Singular</u>	<u>Daudzskaitlis - Plural</u>
Es nebūšu-I shall not be	Mēs nebūsim-we shall not be
Tu nebūsi-you will not be	Jūs nebūsiet-you will not be
Viņš/viņa nebūs-he/she will not be	Viņi/viņas nebūs-they will not be

III Introduction to Latvian word classes.

Latvian is a highly inflected language. The word classes (parts of speech) can be divided up into three systems:

1/ The declensional system uses two numbers (singular and plural), two genders (masculine and feminine), 5-6 declen-

sional cases (nominative, genitive, dative, accusative, locative and vocative). The declinable word classes are the nouns and their replacers or modifiers: pronouns, numerals and adjectives.

2/ The verbal (conjugational) system uses three voices (active, passive, reflexive), five moods (indicative, imperative, conditional, relative, debitive), three tenses (present, past, future), three persons (first, second, third), two numbers (singular, plural).

3/ Uninflected word classes include the adverbs, the prepositions, the various categories of particles, such as the connectives, clause introducers, negatives and others.

The noun has two genders - masculine and feminine.

Masc.

Jānis - John
zēns - boy
skolnieks - school-boy
skolotājs - male teacher

Fem.

Anna - Ann
meitene - girl
skolniece - school-girl
skolotāja - fem. teacher

Masc. : -s, -is

Fem.: -a, -e

To indicate the subject, object and other sentence elements, Latvian uses the declensional cases, each marked by their distinctive endings.

The Nominative is the who? or what? case. It is used as the sentence subject: Jānis ir zēns. John is a boy.

Kas tur ir? - Tēvs. What is there? - Father.

Kas tur ir? - Gulds. What is there? - A table.

The Genitive case indicates possession: brāļa māja - brother's house. It answers the question kā? whose? or what? The genitive is also used in compound words: vīra māte - mother-in-law, kafijas krūze - cup of coffee, etc.

The Dative case answers the question kam? to whom/which? It indicates to whom one is giving or saying something. Tēvs jautā dēlam - Father asks the son.

The Accusative case is the direct object case and answers

to the question of ko? who/whom or what? Es redzu māju - I see a house. Dod man grāmatu - Give me the book.

The Locative case indicates position or place. In English it is expressed by the prepositions "in", "into", less often by "on", answers the question "kur?", "kad?" - "where?", "when?"

Kur ir tēvs?	Where is father?
Tēvs ir <u>istabā</u> .	Father is in the room.
Kur ir māte?	Where is mother?
<u>Mājās</u> .	At ho. 3.

The Locative ending is a long vowel:

<u>The Nominative</u>	<u>The Locative</u>
galds (table)	galdā (in the table)
skola (school)	skolā (in school)
tirgus (market)	tirgū (in the market)

4/ Word order in Latvian is quite free. The subject may appear at the beginning, at the end or in the middle of the sentence.

Māte ir istabā. Mother is in the room.
Istabā ir māte.

5/ In Unit I the Nominative and the Locative cases are used. Masculine nouns in the Nominative singular have the endings: -s, -š, -is, -s, -us (zēns - a boy, vējš - wind, brālis - brother, akmens - a stone, suns - a dog, tirgus - market).

Feminine nouns have the endings: -a, -e, -s (māsa - sister, māte - mother, sirds - heart).

6/ Latvian nouns are divided into six declensions. The division into declensions is based on the gender of nouns and the endings of the Nominative case singular. In some nouns the genitive ending is also taken into account. To the first three declensions belong nouns of masculine gender. To the 1st declension belong nouns with the endings -s, -š: tēvs, ceļš; to the 2nd those with endings -is, -s: brālis, akmens, suns and to the 3rd those with the ending -us: tirgus, medus, alus. To the 4th, 5th and 6th declensions belong nouns of feminine gender. To the

4th declension belong nouns with the ending -a: māja, to the 5th those with the ending -e: māte and to the 6th declension those with the ending -s: sirds, augs, acs.

7/ Declension of Nouns.

Latvian nouns are divided into six declensions: three masculine and the three feminine. Each declension has five cases with distinctive endings:

Masculine

Singular	I -s, -š	II -is, -s	III-us
Nom. kas?	zēns, ceļš	brālis, akmens	tirgus
Gen. kā?	zēna, ceļa	brāļa, akmens	tirgus
Dat. kam?	zēnam, ceļam	brālim, akmenim	tirgum
Acc. ko?	zēnu, ceļu	brāli, akmeni	tirgu
Loc. kur?	zēnā, ceļā	brālī, akmenī	tirgū

Plural

Nom. kas?	zēni, ceļi	brāļi, akmeņi	tirgi
Gen. kā?	zēnu, ceļu	brāļu, akmeņu	tirgu
Dat. kam?	zēniem, ceļiem	brāļiem, akmeņiem	tirgiem
Acc. ko?	zēnus, ceļus	brāļus, akmeņus	tirgus
Loc. kur?	zēnos, ceļos	brāļos, akmeņos	tirgos

Feminine

Singular	IV-a	V -e	VI -s
Nom. kas?	māsa	māte	sirds, acs
Gen. kā?	māsas	mātes	sirds, acs
Dat. kam?	māsai	mātei	sirdij, acij
Acc. ko?	māsu	māti	sirdi, aci
Loc. kur?	māsā	mātē	sirdī, aci

Plural

Nom. kas?	māsas	mātes	sirdis, acis
Gen. kā?	māsu	māšu	sirdžu, acu
Dat. kam?	māsām	mātēm	sirdīm, acīm
Acc. ko?	māsas	mātes	sirdis, acis
Loc. kur?	māsās	mātēs	sirdīs, acīs

Singular

Case	I decl.	II decl.	III decl.	IV decl.	V decl.	VI decl.
Nom.	-s, -š	-is, -s	-us	-a	-e	-s
Gen.	-a	-(j)a, -s	-us	-as	-es	-s
Dat.	-am	-im	-um	-aj	-ei	-ij
Acc.	-u	-i	-u	-u	-i	-i
Loc.	-ā	-i	-ū	-ū	-ē	-ī
Voc.	-(s, š)	-(i)	-u	-(a)	-(e)	-s

Plural

Case	I decl.	II decl.	III decl.	IV decl.	V decl.	VI decl.
Nom.	-i	-(j)i	-i	-as	-es	-is
Gen.	-u	-(j)u	-u	-u	-(j)u	-(j)u
Dat.	-iem	-(j)iem	-iem	-im	-em	-im
Acc.	-us	-(j)us	-us	-as	-es	-is
Loc.	-as	-(j)as	-as	-ās	-ēs	-īs
Voc.	-i	-i	-i	-as	-es	-is

8/ The Pronouns used in the lesson.

es	- I		
tu	- you (refers only to one person)		
viņš	- he		
viņa	- she		
mēs	- we		
jūs	- you		
viņi	- they (masc.)		
viņas	- they (fem.)		
mans	- my (masc.)	mans dēls	- my son
mana	- my (fem.)	mana meita	- my daughter
tavs	- your (masc.)	tavs brālis	- your brother
tava	- your (fem.)	tava māsa	- your sister

9/ Declension of Personal Pronouns

es, tu, viņš, viņa
mēs, jūs, viņi, viņas

Singular				
Nom. kas?	es	tu	viņš	viņa
Gen. kā?	manis	tevis	viņa	viņas
Dat. kam?	man	tev	viņam	viņai
Acc. ko?	mani	tevi	viņu	viņu
Loc. kur?	manī	tevī	viņā	viņā
Plural				
Nom. kas?	mēs	jūs	viņi	viņas
Gen. kā?	mūsu	jūsu	viņu	viņu
Dat. kam?	mums	jums	viņiem	viņām
Acc. ko?	mūs	jūs	viņus	viņas
Loc. kur?	mūsos	jūsos	viņos	viņās

Otrā stunda. Unit II

- Kas tas ir?
- Tas ir ceļš.
- Vai tā ir iela?
- Nē, tā nav iela. Tā ir šoseja.
- Un kas tas ir?
- Tas ir dzelzceļš, un tā ir mūsu dzelzceļa stacija. Stacija ir liela.
- Kas ir šajā mājā? Vai tur ir kafejnīca?
- Nē, tā nav kafejnīca, tas ir pasta (veikals, slimnīca) Tālāk ir tirgus. Tas ir ļoti liels. Tirgū ir plaši paviljoni un tirgus laukums.
- Un kas ir tur?
- Tur ir parks. Parks nav liels.
- Kur ir tava skola?
- Mana skola ir pilsētas centrā. Manā skolā ir lielas un plašas telpas.
- Kur ir tava klase?
- Mana klase ir pirmajā stāvā, bet trešajā stāvā ir manas māsas (mana brāļa) klase. Pirmajā stāvā ir skolotāju istaba, kanceleja, virtuve, ēdnīca, sporta zāle un divas garderobes. Otrajā stāvā ir bibliotēka un maza lasītava. Bibliotēkā ir daudz grāmatu.
- Vai skolā ir arī gaitēji?
- Jā, skolā ir trīs gaitēji - pirmajā, otrajā un trešajā stāvā. Katrā stāvā ir viens telefons.
- Manā bērnudārzā arī ir telefons. Katrā istabā ir divi logi, durvis, augsti griesti, gaišas sienas, galdi, krēsli, lampas, arī tāfele un krīts.
- Tāpat kā skolā!

Jaunie vārdi. Vocabulary.

tas, tā
tie, tās

it (masc., fem.)
they (masc., fem.)

ceļā	a road
ieļa	a street
šoseja	a highway
dzelzceļš	a railroad
stacija	a station
liels	big
šis, šī	this (masc., fem.)
šie, šīs	these (masc., fem.)
māja	a house
tur	there
kafejnīca	a cafe
posta	a post-office
veikals	a shop
tālu, tālāk	far, further
tirgus	a market
mūsu	our
plašs	spacious
paviljons	a pavilion
tirgus laukums	a market-place
pilsēta	a city, a town
centrs	a centre
telpa	a room
klase	a classroom
pirmais	the first
trešais	the third
stāvs	a floor
istaba	a room
kanceleja	an office
virtuve	a kitchen
ēdnīca	a canteen
sporta zāle	a gym
divi	two
garderobe	a cloak-room
bibliotēka	a library
maza	small
lasītava	a reading-room
daudz	many, much
paž	few, little

gaitenis	a corridor
trīs	three
katrs	each
vions	one
telefons	a telephone
bērnudārzs	a kindergarten
bērns	a child
logs	a window
durvis	a door
augsts	high
griesti	a ceiling
gaišs	light
siēna	a wall
galds	a table
krēsls	a chair
lampa	a lamp
tāfele	a blackboard
krīts	chalk
tāpat kā	just like
burtnīca	an exercise-book
zīmulis	a pencil
avīze	a newspaper
plats	wide
šaura	narrow
skaista	beautiful, lovely

Daži poderīgi vārdi un frāzes.

Useful words and phrases.

Bez šaubām!	Of course.
Protams.	Certainly.
Ar (lielāko) prieku!	I couldn't agree more.
Ļoti labi.	With pleasure.
Nē, paldies!	Very well.
Nedrīkst.	No, thank you.
Nekādā ziņā...	You can't t.
Paldies, pietiek!	In no way ...
	No, thank you. I've got plenty.

Draugi!	Dear friends!
Dāmas un kung	Ladies and Gentlemen!
Abcīņa kung!	Mr. Abcīņā!
Abolīņas kundze!	Mrs. Abolīņa!
Kainīnas jaunkundz!	Miss Kainīņa!
Sakiet, lūdzu...	Could you tell me...
Esiet tik laipns (-a, -i):	Would you...(please)
Vai drīkst...?	May I ...?
Vai jūs pagaidītu...	Would you mind waiting...?

Pievērsiet uzmanību izrunai un intonācijai!
Pronunciation and intonation.

A.			
<u>i</u> ela		ce <u>l</u> ā	
li <u>e</u> la		š <u>o</u> seja	
si <u>e</u> na	/ie/	š <u>a</u> ura	/š/
gr <u>e</u> lesti		pl <u>a</u> ģ	/ā:/
sk <u>o</u> la	/uo/	gai <u>š</u> ģ	
otr <u>a</u> s		nav	[nau]
ve <u>i</u> kals	/ei/	kafejn <u>i</u> ca	['kafɛini:ca]
gai <u>t</u> onis	/ai/	te <u>l</u> pa	['tɛlpa]
š <u>a</u> ura		kr <u>ē</u> sals	[kræ:sals]
da <u>u</u> dz	/au/	aug <u>s</u> ts	[auksts]
lau <u>k</u> ums		dra <u>u</u> gs	[drauks]

- B.
- Kas tas ir?
Vai tā ir iela?
Vai tā ir šoseja?
Vai šī ēka ir kafējnīca?
Vai Rīgas tirgus ir liels?
Un kas ir tur?
Un tas?
Kur ir tava skola?

Skaitietī Count.

I	- viens	viena
2	- divi	divas
3	- trīs	trīs
4	- četri	četras
5	- pieci (masc.)	piecas (fem.)
6	- seši	sešas
7	- septiņi	septiņas
8	- astoņi	astoņas
9	- deviņi	deviņas
10	- <u>desmit</u>	
		II - vienpadsmit
		I2 - divpadsmit
		I3 - trīspadsmit
		I4 - četrpadsmit
		I5 - piecpadsmit
		I6 - sešpadsmit
		I7 - septiņpadsmit
		I8 - astoņpadsmit
		I9 - deviņpadsmit
20	- <u>divdesmit</u>	
		21 - divdesmit viens
		22 - divdesmit divi
		...
30	- <u>trīsdesmit</u>	
		33 - trīsdesmit trīs
		34 - trīsdesmit četri
		...
40	- četrdesmit	
50	- piecdesmit	
60	- sešdesmit	
70	- septiņdesmit	
80	- astoņdesmit	
90	- deviņdesmit	
100	- <u>simt, simts</u>	
		IOI - simt viens
		IO2 - simt divi

- 200 - divsimt, divi simti
300 - trīs simti, trīs simti
400 - četrsimt, četri simti

...

- 1000 - tūkstoš, tūkstotis
1010 - tūkstoš desmit
1423 - tūkstoš četrsimt
divdesmit trīs
2000 - divtūkstoš, divi tūkstoši
3000 - trīstūkstoš, trīs tūkstoši

...

1.	- <u>pirmais</u>		pirma
2.	- otrs		otra
3.	- trešais		treša
4.	- ceturtais		ceturta
5.	- piektais	(masc.)	piekta (fem.)
6.	- sestais		sesta
7.	- septītais		septīta
8.	- astotais		astota
9.	- deviņais		deviņa
10.	- desmitais		
		11.	- vienpadsmitais
		12.	- divpadsmitais
		13.	- trīspadsmitais
		14.	- četrpadsmitais
		15.	- piecpadsmitais
		16.	- sešpadsmitais
		17.	- septiņpadsmitais
		18.	- astoņpadsmitais
		19.	- deviņpadsmitais
20.	- divdesmitais		
		21.	- divdesmit <u>pirmais</u>
		22.	- divdesmit otrs
		...	
30.	- trīsdesmitais		
		33.	- trīsdesmit trešais
		34.	- trīsdesmit ceturtais
		...	

40. - četrdesmitais
50. - piecdesmitais
60. - sešdesmitais
70. - septiņdesmitais
80. - astoņdesmitais
90. - deviņdesmitais
100. - simtais
101. - simt pirmais
110. - simt desmitais
1000. - tūkstošais
1001. - tūkstoš pirmais
1991. - tūkstoš deviņi simti
deviņdesmit pirmais

Iegaumējiet! Memorize.

<u>Nedēļas dienas:</u>	<u>pirm</u> diena	-	Monday
	<u>otr</u> diena	-	Tuesday
	<u>treš</u> diena	-	Wednesday
	<u>cetur</u> tdiena	-	Thursday
	<u>piekt</u> diena	-	Friday
	<u>sest</u> diena	-	Saturday
	<u>svētd</u> iena	-	Sunday
 <u>Gada mēneši:</u>	janvāris	-	January
	februāris	-	February
	marts	-	March
	aprīlis	-	April
	maijs	-	May
	jūnijs	-	June
	jūlijs	-	July
	augusts	-	August
	septembris	-	September
	oktobris	-	October
	novembris	-	November
	decembris	-	December

<u>Gadalaiki:</u>	ziema	-	winter
	pavasaris	-	spring
	vasara	-	summer
	rudens	-	autumn

nedēļa	-	a week
diena	-	a day
gads	-	a year
mēnesis	-	a month
gadalaiks	-	a season

Vingrinājumi. Exercises.

I. Atbildiet uz jautājumiem! Answer the questions.

Vai tas /tā ir ...? (ceļš, stacija, veikals, parks,
lampa, dzelzceļš, iela, virtu-
ve, pilsēta, restorāns)

Nē, Tas /tā ir

Vai tie /tās ir ... ? (sienas, telefoni, ceļi, šose-
jas, durvis, telpas, krēsli,
istabas, galteņi)

Nē, Tie /tās ir

2. Ievietojiet! Fill in the blanks.

Tas ir mans galds.

- ... ir ... burtnīca.
- ... ir zīmulis.
- ... ir ... grāmata.
- ... ir ... klases.
- ... ir ... krēsli.
- ... ir ... lampa.
- ... ir ... logi.
- ... ir ... sporta zāle.
- ... ir ... telpas.

(tas, tā, tie, tās, mans, mana, tavs, tava, viņa, viņas,
mūsu, jūsu, viņu (their))

3. Pabeidziet teikumus! Complete the sentences.

Vai tā ir tava grāmata?

Nē, tā ir viņas grāmata.

Vai tā ir jūsu skola?

Jā,

Vai tas ir viņas krēsls?

Nē,

Vai tā ir mūsu avīze?

Nē,

Vai tie ir viņas zīmūji?

Nē,

Vai tās ir viņu burtnīcas?

Jā,

4. Listojiet pareizās īpašības vārdu galotnes!

Use the proper endings of the adjectives.

Tas ir liel_ veikals.

Tā nav plat_ iela.

Tā ir āaur_ iela.

Šī ir maz_ skola.

Šis ir skaist_ parks.

Tas nav maz_ dārzs.

Tas ir liel_ dārzs.

Tā ir skaist_ māja.

5. Vai šeit ir visi cipari? Which numbers are missing?

4	9	1	11	5	6
12	3	7	10		2
astoņi	divi	vienpadsmit			
	pieci	septiņi			viens
divpadsmit	trīs	cētri			šī
					desmit

6. Ievietojiet! Fill in the blanks.

Jūlijs ir septītais mēnesis.

... ir piektais mēnesis.

Janvāris ir ... mēnesis.

... ir desmitais mēnesis.

Marts ir ... mēnesis.

... ir otrais mēnesis.

Aprīlis ir .. mēnesis.

... ir astotais mēnesis.

Novembris ir ... mēnesis.

... ir devītais mēnesis.

Jūnijs ir ... mēnesis.

Decembris ir ... mēnesis.

Pirmdiena ir nedēļas pirmā diena.

Otrdiena ir nedēļas

Trešdiena ir

Ceturtdiena ir

Piektdiena ir

Sestdiena ir

Svētdiena ir

7. Atbildiet uz jautājumiem! Answer the questions.

Kādā krāsā? - What colour?

Kādā krāsā ir zīmulis?

Zīmulis ir zaļš.

Kādā krāsā ir grīda?

Grīda ir brūna.

Kādā krāsā ir burtnīca?

Kādā krāsā ir logs?

Kādā krāsā ir lampa?

Kādā krāsā ir telefons?

Kādā krāsā ir sienas?

Kādā krāsā ir krīts?

(melns - black, balts - white, sarkans - red, zils - blue,
zaļš - green, dzeltens - yellow, brūns - brown, pelēks -
grey, oranžs - orange, rozā - pink, raibs - motley)

8. Pārtulkojiet latviski! Translate into Latvian.

This road is narrow.

The streets in the centre of the city are wide.

Your house is nice.

The station is not far off.

This is a small town.

Where is the market?

Are you also a student?

No, I am not a student. I am a doctor.

9. Atbildiet uz jautājumiem! Answer the questions.

Kāds tagad ir gadalaiks?

Kāds tagad ir mēnesis?

Kāda šodien ir diena?

Kāds šodien ir datums?

Kur tu esi (Jūs esat)?

Vai telpa ir liela?

Kādā krāsā ir sienas?

Vai telpā ir viens logs?

Kādā krāsā ir durv'is?

Vai tur ir daudz grāmatu?

I. The question: Kas tas ir? - What is that?

When wishing to know what something is, an English speaker asks: What is this? In Latvian - What is that? The answers to the question contain predicate nouns (in the nominative case) e.g. tas ir zēns - that is a boy, tā ir māsa - that is a sister, tie ir galdi - those are tables, tās ir mājas - those are houses.

II. In the second lesson three declensional cases are used: the Nominative, the Genitive and the Locative e.g. - tas ir ceļš, dzelzceļa stacija, Rīgas tirgus, kopniņā ir istabas. The Genitive case generally denotes possession. The possessive adjective precedes the noun it refers to: e.g. tēva (gen.) māja - a father's house, Rīgas tirgus (the same refers to the adjective).

III. The adjective always agrees with the noun and has the endings: -s, -š (masc.g.) and -a (fem.g.) e.g. labā cilvēkē, plašs ceļš (lauks), labā meitene, skaista māja.

The adjective has the same ending whether attributive or predicative: e.g. Tirgus ir liels. Zēns ir gudrs. Viņa ir skaista meitene. Viņš ir gudrs zēns.

If the adjective is used as an attribute it precedes the noun, e.g. gudrs zēns (a clever boy), labā meitene (a good girl), skaista meitene (a beautiful girl), liela māja (a big house).

IV. Pay attention to the correct usage of the possessive pronouns, they change in number with the noun it qualifies. e.g. N. sg. mans draugs, mana māte,

pl. mani draugi, manas māsas etc.

The possessive pronouns mans, mana, tavs, tava are declined like adjectives.

Remember - Mans tēvs - my father, mana māte - my mother,
tavs tēvs - your father, tava māte - your mother,
viņa tēvs - his father, viņas tēvs - her father,
mūsu tēvs - our father, mūsu māte - our mother,
jūsu tēvs - your father, jūsu māte - your mother.

mūsu - our

jūsu - your

viņa - his not declinable possessive pronouns

viņas - her

viņu - their

V. The words daudz (much or many), maz (little or few) and nav are followed by the noun in Genitive (singular or plural).

Man (dat.) nav naudas (gen.) - I have no money.

Man nav draugu (darba, brāļa). Daudz darba, naudas, prieka, bērnu. nav ne radu, ne draugu.

Pay attention to the usage of the Genitive case in the following:

nedēļas dienas - the days of the week; krīta gabals - a piece of chalk; lietus mitelis - rain coat; koka galds - wooden table; Ozola kungs - Mr. Ozols; Ozola kundze - Mrs. Ozola; vairāk tējas - more tea; mazāk grāmatu - fewer books; drusku ledis - a bit of ice; jums nebūs nekā - you'll have nothing; man trūkst naudas - I am short of money.

VI. Pay attention to the declension of nouns gaitenis, brālis and vīrietis. They all belong to the 2nd type of declension with the ending -is and have a palatalization of the consonant in genitive singular and in all the plural cases;

p - pj: ūpis, ūpja, ūpji,

b - bj: gulbis, gulbja, gulbjī,

m - mj: kurmis, kurmja, kurmjī,

v - vj: cirvis, cirvja, cirvjī,

t - š : vīrietis, vīrieša, vīrieši,

d - ž : briedis, brieža, brieži,

c - č : lācis, lāč , lāči,

dz. - dž : dadzis, dadža, dadži,

ģ - š : lašis, laša, laši,
 z - ž : āzis, āžs, āži,
 n - ņ : gaitenis, gaitēņa, gaitēņi,
 l - ļ : brālis, brāļa, brāļi,
 zn - žņ : lauznis, laužņa, ļ užņi,
 sl - šļ : kāpulis, kāpēja, kāpēļi,
 zl - žļ : zizlis, zižļa, zižļi,
 ln - ļņ : alnis, aļņa, aļņi.

but

akmeņs,
 mēnešs,
 rupeņš,
 ašmeņš,
 sāls,
 ūdens,
 zibons

change the consonants only in genitive plural:

akmeņi, mēneši, rupeši etc.

The words "viesis" and "tēti" don't have any consonant changes.

Declension of Possessive Pronouns

mana (m.g.), mana (f.g.) - my

tava (m.g.), tava (f.g.) - you

Singular	masculine		feminine	
Nom. kas?	mana	tava	mana	tava
Gen. kā?	mana	tava	manas	tavas
Dat. kam?	manam	tavam	manai	tavai
Acc. ko?	manu	tavu	manu	tavu
Loc. kur?	manā	tavā	manā	tavā
Plural				
Nom. kas?	mani	tavi	manas	tavas
Gen. kā?	manu	tavu	manu	tavu
Dat. kam?	maniem	taviem	manām	tavām
Acc. ko?	manus	tavus	manas	tavas
Loc. kur?	manos	tavos	manās	tavās

VII. Declension of Demonstrative Pronouns

šis (m.g.), šī (f.g.) - this

tas (m.g.), tā (f.g.) - that

Singular	masc.	fem.	masc.	fem.
Nom. kas?	šis	šī	tas	tā
Gen. kā?	ši	šīs	tā	tās
Dat. kam?	šim	šai	tam	tai
Acc. ko?	šo	šo	to	to
Loc. kur?	šajā	šajā	tajā	tajā
Plural				
Nom. kas?	šie	šīs	tie	tās
Gen. kā?	šo	šo	to	to
Dat. kam?	šiem	šīm	tiem	tām
Acc. ko?	šos	šīs	tos	tās
Loc. kur?	šajos	šajās	tajos	tajās

The Demonstrative pronouns šis (m.g.), šī (f.g.) - this and tas (m.g.), tā (f.g.) - that point out nouns. Šis, šī refers to the objects nearer to the speaker and tas, tā - to more remote objects: šis ir galds, bet tas ir krēsls - this is a table but that is a chair.

The pronoun tas is also used in the question "kas tas ir?" See Unit II. The subject of the answer sentence is the pronoun "tas". Tas ir dzelzceļš - this is a railway.

Trešā stunda. Unit III

- Labdien, Anna!
- Labdien, Jāni! Iepazīsties, lūdzu! Tā ir mana ģimene - mans vīrs Ēriks, mani bērni - dēls Kaspars un meita Ilze.
- Ļoti priecājos. Tev ir tiešām jauka ģimene.
- Mums ir arī vectēvs un vecmāte, bet viņi dzīvo laukos. Viņiem ir liela lauku māja.
- Jā, vectēva ģimene dzīvo Piesalgā, Vidzemē.
- Vai tava ģimene, Jāni, arī dzīvo laukos?
- Nē, es nedzīvoju laukos. Man ir dzīvoklis Rīgas centrā, Brīvības ielā. Mani radi dzīvo Igaunijā, Igaunijas galvaspilsētā Tallinā.
- Vai teviem radiem ir sava māja?
- Nē, bet viņiem ir skaists dzīvoklis. Visas istabas ir lielas un skaistas. Arī virtuve un gaitenis ir ērti.
- Manu brālēna ģimene dzīvo Siguldā. Viņiem ir sava māja. Un Sigulda ir tik jauka pilsēta.
- Jā, tur ir daudz skaistu vietu. Parkos ir daudz koku, krūmu un puķu. Tikai žēl, ka tur nav labu peldvietu. Gauja ir ļoti viltīga upe.
- Jāni, tagad, lūdzu, iesim istabā.

Jaunie vārdi. Vocabulary.

ģimene	a family
tev ir	you have
jauka	nice
man ir	I have
vecr	old
vectēvs	a grandfather
vecmāte	a grandmother
vecāki	parents
vecvecāki	grandparents
dzīvot	to live
lauki	the country

vīpiem ir	they have
dzīvoklis	a flat
galvaspilsēta	a capital
galva	a head
radi	relatives
sava	my (or your, etc.) own
ērta	spacious
brālēns	a cousin (masc.)
māsīca	a cousin (fem.)
tik	such (a)
vieta	a place
koks	a tree
krūme	a bush
puķe	a flower
tikai	only
žēl	it's a pity
labs	good
peldvieta	a place for swimming
viltīgs	cunning, dangerous
upe	a river
iesim	let's go
iet	to go
grezns	splendid
jauns	new, young
speciālists	a specialist
dvīnis	a twin
kopā	together
kamīns	a fire-place
frizētava	a hairdresser's

Daži noderīgi vārdi un frāzes.

Useful words and phrases.

Žēl.	It's a pity.
Diemžēl.	
Man ļoti žēl, bet ...	It's a pity I can't... (I wish I could...)
Nevar būt...	Really? (You don't say so.)

Varbūt.	Probably.
Šaubos.	I doubt it.
Es saprotu...	I see...
Neaprotu.	I don't understand.
Es zinu...	I know...
Nezinu.	I don't know.
Kā tev (Jums) klājas?	How are you?
Paldies, ļoti labi.	Fine, thanks.
Slikti.	Not very well.

Pievērsiet uzmanību izrunai! Pronunciation.

vecs	/æ/	Anna	/n:/
grezns		Tallina	/l:/
bērns		visa	/s:/
dāls		upe	/p:/
ērta	/æ./	puķe	/ʃ:/
zēl			
pilsēta			
brālēns			

/æ - æ:/

Vīps dāls ir vēl bērns.
Mans brālēns arī vēl ir bērns.
Zēl, sī pilsēta ir tālu.
Vīpas tēvs ir jau vecs.
Sī māja ir grezna, bet nav ērta.

Vingrinājumi. Exercises.

I. Lietojiet pareizās galotnes! Use the proper endings.

Mēs_ vectēvs dzīvo Sigulā_ .
Sigulda ir skaist_ pilsēta.
Tajā_ ir daudz park_ .
Park_ ir daudz kok_ un krūm_ .(pl.)
Man_ māšīca dzīvo Rīg_ .
Manai māšīcai ir dzīvoklis Liepāj_ .
Man_ runā dzīvo lauk_ .

Vip_ ir lieki_ un skaisti_ māja.

2. Pabeidziet teikumus! Complete the sentences.

Kur dzīvo Jūsu radi?

Mani radi

Vai Jūs dzīvojat Rīgā?

Nē,

Kur Jūs dzīvojat?

Es

Vai ... ?

Jā, mana māsa dzīvo Rīgā.

Kas ir Jūsu māsa?

Vipa ir

Vai Jūs esat students/students?

Protams,

3. Ievietojiet! Fill in the blanks.

Man ir 21 gads. Es esmu students/students.

Tev ir 35 gadi. Tu esi

Haraldam ir 10 gadu. Vipš ir

Vipam ir divas māsas.

Ainai ir 14 gadu. Vipa ir

Vipai ir brālis.

Andrim ir 26 gadi. Vipš ir

Zanei ir 19 gadu. Vipa ir

Mēs esam Mums ir 28 gadi.

Jum ir 20 gadu. Jūs esat

Liene un Ilze ir Vipām ir 15 gadu.

Zigis un Ivars ir īņiem ir 9 gadi.

(students, studente, skolnieks, skolniece, jauni
speciālisti, inženieri, ārsts, draudzības, jauni
mākslinieki, dvīpi)

Ieguņmējiet! Memorize.

Man, tev... ir: 2 - 9 gadi, 22 - 29 gadi, 30 - 39...
gadi;
10 - 20 gadu, 30, 40, 50 ... gadu.
(gadi) (gadi)

4. Atbildiet uz jautājumiem! Answer the questions.

A. Vai tava ģimene ir liela?

Kas ir tavā ģimenē?

Manā ģimenē ir ...

Kas ir ...

Vai tava ģimene dzīvo pilsētā /laukos?

Vai jūs visi dzīvojat kopā?

Vai tev ir radi?

Kur dzīvo tavi radi?

Cik tev ir gadu? (How old are you?)

Cik gadu ir tavam tēvam /tavai mātei (vai tēvam, mātai, brālim, māsiņai)?

Vai taviem vecākiem ir sava māja?

Vai taviem vecvecākiem ir sava māja?

Vai tavam brālim /tavai mātai ir sava māja /sava dzīvoklis?

Vai viņa /viņam māja /dzīvoklis ir liela /liels?

Vai viņam /viņai ir trīsstabu dzīvoklis?

B. Vai tavam brālim /mātai ir bērni?

a) Jā, viņam /viņai ir dēls.

Viņu sauc ...

Viņš ir mans brāļadēls /māsasdēls (a nephew).

b) Jā, viņam /viņai ir meita.

Viņu sauc ...

Viņa ir mana brāļameita /māsasmeita (a niece).

Vai tev ir krusttēvs (a godfather)?

Vai viņš ir tava tēvocis /onkulis (an uncle)?

Vai tev ir krustmāte (a godmother)?

Vai viņa ir tava tante (an aunt)?

C. Vai tu esi precējies? (married - masc.)

Vai tu esi precējusies? (married - fem.)

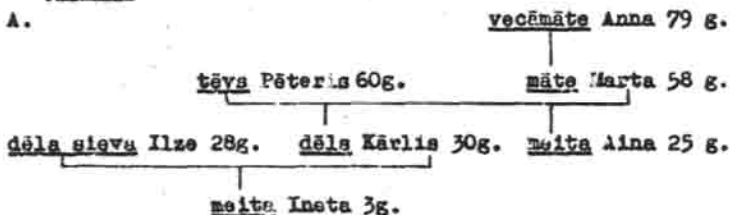
Kas ir tava sieva?

Kā viņu sauc?

Kas ir tavs vīrs?

Kā viņu sauc?

5. Pastāstiet par šo ģimeni! Tell your partner about this family.

Vai ģimenē ir vectēvs?

Nē, vectēvs ir miris (dead - masc.)

Vai Annai ir mazmeita (a granddaughter)?

Jā, viņai ir viena mazmeita (Aina) un viens mazdēls (a grandson) (Kārlis).

Ineta ir Annas mazmazmeita (a great-granddaughter).

Ilze ir Pētera un Martas vedekla (a daughter-in-law).

B.

```
graph TD
    Jānis[v. ctēvs Jānis 81g.] --- Andrejs[tēvs Andrejs 60g.]
    Jānis --- Māra[māte Māra 55g.]
    Andrejs --- Juris[meitas vīrs Juris 35g.]
    Andrejs --- Ināra[meita Ināra 32g.]
    Māra --- Valdis[dēls Valdis 27g.]
    Juris --- Martiņš[dēls Martiņš 7g.]
    Ināra --- Martiņš
```

Vai ģimenē ir vecāmāte?

Nē, vecāmāte ir mirusi (dead - fem.)

Juris ir Andreja un Māras znots (a son-in-law).

6. Lietojiet pareizās lietvārdu galotnes! Use the proper endings of the nouns.

Parkē ir daudz /maz puķu.

Istabā ir ... grāmat_.

Pilsētā ir ... skol_.

Ēdnīcā ir ... bērni_.

Skolā ir ... skolnieki_.

Zālī ir ... studenti_.

Virtuvē nav krāsas .	(pl.)
Ģaiterī nav galds .	(sg.)
Istabā nav puķis .	(pl.)
Dzīvoklī nav kamīns .	(sg.)
Mājā nav gaites .	(pl.)
Dārzā nav krūms .	(pl.)

7. Lietojiet pareizos locījumus! Use the required cases.

Skolā ir divi (gaitenis -nom., pl.).

(Klase - gen., pl.) logi ir lieli.

Mani (zīmulis - nom., pl.) ir klasē.

Man (brālis - gen., sg.) istaba ir maza.

Šeit ir (sieviete - gen., pl.) frizētava.

(Vīrietis - gen., pl.) frizētava ir otrajā stāvā.

(Avīze - gen., pl.) materiāls ir interesants.

8. Pārtulkojiet latviski! Translate into Latvian.

I have a large family. My family lives in the country but my brother's family lives in Riga. Riga is the capital of Latvia. It is a beautiful city. There are very many old houses here. In Riga there are also a number of parks. In the parks there are many trees, bushes and flowers. In the centre of Riga there is the Monument to Freedom. (Brīvības piemineklis).

9. Uzzīmējiet savas ģimenes ciltskoku un pastāstiet par to! Draw your own family tree and tell your partner about it.

10. Veidojiet dialogu, izmantojot dotos vārdus un frāzes! Make up a dialogue. Use the following words and phrases.

Laldien, praeājos, kā tev klājas, kā viņam klājas, l'bi, mana ģimene, slikti, diemžī, mans brālis, varbūt, uz redzēšanos, visu labu.

Gramatika.

Grammar.

I. In Latvian there is no verb "to have". The possession or ownership must be expressed in a roundabout way. For example, the notion I have a sister comes out as "to me (there) is a sister": man ir māsa. There is no equivalent to the verb "to have" in Latvian. The verb būt (to be) is used in the third person (r).

Expressions of being:

Expressions of having:

Es esmu - I am

man ir - I have-"to me is/are"

tu esi - you (sg.) are

tev ir - you (sg.) have- to you (sg.) is/are

mēs esam we are

mums ir - we have- "to us is/are"

jūs esat - you (pl.)are

jums ir -you (pl.) have "to you (pl.) is/are"

viņš ir - he is

viņam ir - he has -"to him is/are

viņa ir - she is

viņai ir - she has -"to her is/are"

viņi ir - they (m.) are

viņiem ir - they (m.) have "to them (m.) is/are"

viņas ir - they (f.)are

viņām ir - they (f.) have -"to them (f.) is/are"

māte ir - mother is

mātei ir - mother has -"to mother is/are

zēni ir - boys are

zēniem ir - boys have - "to boys is/are

etc.

The person who possesses something is used in the Dative and the object is in the Nominative case.

The construction D. (kam?) + ir + N. (kas?) is very popular in Latvian e.g.

Man ir māja.

Draugam ir māsa.

The Dative case is the case of the indirect object, it answers the question "kam?" - "to whom?". Dative endings vary in Latvian according to the gender.

e.g. dat.sg. - am (tēvam), - im (brālim) - masc.g.,
.. ai (māsai), - ai (mātei) - fem.g.,
dat.pl. -iem (tēviem, brāļiem),
- ām (māsām), - ēm (mātēm)

The past and future tenses of the possessive structures are obtained by change of the tenses of the 3rd person verb form: man bija "I had", viņam bija "he had", mums būs "we will have", mātei būs "mother will have".

BUT:

Bei <u>g</u> :	Having:
Ilze ir māsa.	Ilze <u>i</u> ir māsa. Ilze has a sister.
Ilze is a sister.	
Tu esi brālis. You	Tu <u>y</u> ir brālis. You have a brother.
are a brother.	
Zēni bija draugi. The	Zēni <u>em</u> bija draugi. The boys had
boys were friends.	friends.

II. The Vocative is the direct address case. It has distinctive forms only in the singular. The vocative forms are made by cutting off the last element of the nominative: (masc. optional fem. not optional)

Nom.	Jānis	- Voc.	Jāni!
	Pēteris		Pēteri!
BUT:	Anna		Anna! (Anni!)
	Ieva		Ieva! (Ievi!)

In plural the nominative forms are used for a direct address:

Labdien, Anna! Labdien, Jāni!

An adjective preceding the noun in the vocative has the definite ending either in the nominative or the accusative.

Mīļais dēli! My dear son! or Mīļo dēli!

The vocative is separated by a comma.

Ko tu lasi, meiti? What are you reading, dear daughter?

Tu, meiti, dari to labi! You daughter, do it well!

III. Declension of Pronouns

savs and pats

savs / sava - one's own

pats / pati - self

Singular	masculine		feminine	
Nom. kas?	savs	pats	sava	pati
Gen. kā?	sava	paša	savas	pašas
Dat. kam?	savam	pašam	savai	pašai
Acc. ko?	savu	pašu	savu	pašu
Loc. kur?	savā	pašā	savā	pašā
Plural	masculine		feminine	
Nom. kas?	savi	paši	savas	pašas
Gen. kā?	savu	pašu	savu	pašu
Dat. kam?	savim	pašim	savām	pašām
Acc. ko?	savus	pašus	savas	pašas
Loc. kur?	savos	pašos	savās	pašās

The possessive pronouns savs, sava - "one's own" refer to the subject of the sentence in which it is used:
 Es lasu savu grāmatu - I am reading my (own) book.
 Man ir sava māja - I have my own house.

IV. In Unit III the following nouns of feminine gender (-e) belonging to the 5th type of declension are used: šimēn, mātē, upē notice the palatalization of consonants in nouns belonging to the above-mentioned type, the table shows the palatalized equivalents of unpalatalized consonants:

- p - pj: upē - upju,
- b - bj: zilbe - zilbju,
- m - mj: zeme - zemju,
- v - vj: dzērve - dzērvju,
- c - č: skolnice - skolnieču,
- t - š: māte - māču

d - ž : sekunde - sekunžu,
dz - dž : spuldze - spuldžu,
s - š : adrese - adrešu,
z - ž : roze - rožu,
n - ņ : ģimene - ģimeņu,
l - ļ : ogle - ogļu,
sn - šņ : loksne - lokšņu,
zn - žņ : zvaigzne - zvaigžņu,
kst- kš : sacikste - sacikšu,

Still there are some nouns which form their plural without changing the consonant : žirafe, tumšate, biedre, treneri, strupaste, tūriste etc.

The nouns of feminine gender ending in -s also are characterized by palatalization in genitive plural. They belong to the 6th type of declension. They are:

v - vj : zivs - zivju,
t - š : nakts - nakšu,
d - ž : sirds - siržu,
s - š : ilks - ilkšu,
z - ž : birzs - biržu,
n - ņ : uguns - uguņu,
l - ļ : pils - piļu,
sn - šņ : krāsns - krāšņu,
st - š : pāksts - pākšu.

The palatalization doesn't take place in the nouns: aca, asa, ausa, balss, debess, dzelzs, kīts, pīrns, takts, valets, vēsts, zoss, žults.

Ceturtdā stunda. Unit IV

- Kaspar, kāda šodien ir diena?
- Trešdiena, 4. decembris. Šodien ir Ivara dzimšanas diena.
- Vai tev jau ir dāvana?
- Jā, man ir interesanta grāmata. Vakārā mēs iesim ciemos.
- Labi, ka arī Ivara māsa būs mājās.
- Jā, viņa jau ir vesela.
- Cik slikts laiks - auksts un vējains! Naktī būs sals. Nepalieciet pārāk ilgi!
- Labi, mēs nebūsim ilgi. Cik tagad ir pulkstenis?
- Ir jau pieci. Nesaprotu, kur gan ir Ilze. Jums ir maz laika.
- Viņa būs mājās pēc pusstundas. Viņa visu dienu bija bibliotēkā.
- Vai jums puķes jau ir? Veikalā šodien nekā nebija.
- Ilzei būs puķes. Viņa no rīta bija tirgū.
- Kādas puķes patīk Ivaram?
- Viņam patīk neļķes.
- Un Ivara mātei? Vai viņai arī būs puķes?
- Protams. Viņai būs rozā ciklāmenas.

Jaunie vārdi. Vocabulary.

dzimšanas diena	a birthday
dāvana	a present
interesants	interesting
iet ciemos	to go to see sb.
vesels	well
slims	ill
laiks (laika apstākļi)	weather
laiks	time
auksts	cold
vēss	cool

karsts	hot
silts	warm
vējains	windy
vējš	wind
lietains	rainy
lietus	rain
saulains	sunny
sauls	the sun
tums	dark
nakts	a night
sals	frost
nepalieciet	don't stay
pārāk	too
ilgi	long
pulkstenis	a clock
cik pulkstenis	what's the time
stunda	an hour
puse	a half
pusstunda	a half an hour
nekas	nothing
no rīta	in the morning
patīkt	to like
man patīk, tev patīk...	I like, you like ...
nelīks	a carnation
ciklamēns	a cyclamen
rīt	tomorrow
vakar	yesterday
cik	how many / much
minūte	a minute
sekunde	a second
parīti	the day after tomorrow
atvakar	the day before yesterday
šonedēļ	this week
pagājušais	(the) last
pagājušajā nedēļā	last week .
nākošais	(the) next
nākošajā nedēļā (nākošnedēļ)	next week
pēri	past

ceturksnis	a quarter
bez	to
pasveicini	give my love to...
piezvani	ring me up
daudz laimes dzimšanas dienā	many happy returns of the day

Pievērsiet uzmanību divskatu izrunai! Pronunciation.

Protams, šodien ir ptrdiena.
Cik nējauks laika - tik auksts un vējains.
Tey jau lav daudz laika.
Kad mēs beidzot iesim ciemos?
Nepalieciet šeit ilgi.

Vingrinājumi, Exercises.

I. Pabeidziet teikumus! Complete the sentences.

Šodien es esmu darbā.

Rīt es būšu ... I will be

Vakar es biju... I was

Šodien tu esi mājās.

Rīt tu būsi... You will be

Vakar tu biji... You were

Šodien viņš /viņa /viņi /viņas ir skolā.

Rīt viņš /viņa /viņi /viņas būs... He /she /they will be

Vakar viņš/viņa/viņi/viņas bija... He /she was,
they were

Šodien mēs esam dārzā.

Rīt mēs būsim... We will be

Vakar mēs bijām... We were

Šodien jūs esat institūtā.

Rīt jūs būsiat ... You will be

Vakar jūs bijāt ... You were

2. Pārveidojiet teikumus nolīguma formā!

Transform the sentences into the negative.

- A. Vakar es biju universitātē. Vakar es nebiju ...
Vakar tu biji ciemos. Vakar tu ...
Vakar viņš bija parkā. Vakar viņš ...
Vakar mēs bijām mājās. Vakar mēs ...
Val r jūs bijāt Liepājā. Vakar jūs ...
Vakar viņi bija institūtā. Vakar viņi ...
- B. Rīt es būšu darzā. Rīt es nebūšu ...
Rīt tu būsi klasē. Rīt tu ...
Rīt viņa būs sporta zālē. Rīt viņa ...
Rīt mēs būsim darbā. Rīt mēs ...
Rīt jūs būsiat Tallinā. Rīt jūs ...
Rīt viņi būs savā dzīvoklī. Rīt viņi ...

3. Pārtulkojiet angļiski! Translate into English.

Vakar es biju ciemos.
Tu biji darbā.
Val tu biji pasta?
Jā, es biju pasta.
Kur jūs bijāt vakar?
Rīt mēs būsim laukos.
Val viņš rīt būs mājās?
Val viņi arī tur būs?

4. Atbildiet uz jautājumiem! Answer the questions.

Kādi ir ziemas mēneši?

Kādi ir pavasara mēneši?

Kādi ir vasaras mēneši?

Kādi ir rudens mēneši?

Cik dienu ir janvārī?

Janvārī ir 31 (trīdesmit viena) diena.

Cik dienu ir februārī?

Cik dienu ir jūnijā?

Cik dienu ir ⁷martā?

Cik stundu ir dienā?

Cik minūšu ir stundā?

Kad? When?

Decembris

P	O	T	C	P	S	S
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30	31					

aizvakar

vakar

šodien

rit

parit

pagājušajā
nedēļā

šnedēļ

nākošajā
nedēļā

(nākošnedēļ)

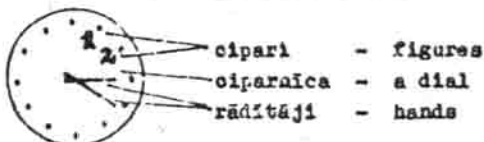
Vai šodien ir 6. decembris?

Kāds šodien ir datums?

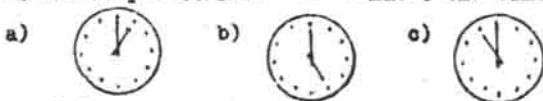
Vai vakar bija 2. decembris?

- Kāds vakars bija datums?
Vai rīt būs 7 decembris?
Kāds rīt būs datums?
Kāds aizvakars bija datums?
Kāds parīt būs datums?
Kad ir 6. decembris?
6. decembris ir šonedēļ.
Kad būs 14. decembris?
14. decembris būs nāšonedēļ.
Kad būs 15. decembris?
Kad bija 1. decembris?

Pulkstenis, A Clock.

A. Cik ir pulkstenis? - What's the time?

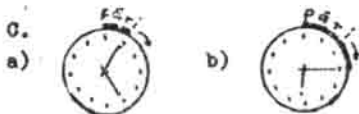

- a) (Pulkstenis) ir viens.
b) (Pulkstenis) ir pieci.
c) (Pulkstenis) ir vienpadsmit.

B.

- a) (Pulkstenis) ir pusastoņi.
b) (Pulkstenis) ir pusdesmit.

C.
a)

b)

- a) (Pulkstenis) ir piecas minūtes pāri piecām.
b) (Pulkstenis) ir piecpadsmit minūtes pāri sešām.
(Pulkstenis) ir ceturksnis pāri sešiem.

B.

b)

- a) (Pulkstenis) ir bez piecām minūtēm septiņi.
b) (Pulkstenis) ir bez divdesmit minūtēm četri.

5. Cik ir pulkstenis?

- a) 5:00 (17:00), b) 9:00 (21:00), c) 11:30 (23:00),
d) 4:07 (16:07), e) 8:15 (20:15), f) 10:30 (22:50),
g) 1:30 (13:30), h) 2:40 (14:40), i) 7:47 (19:47).

Iegaumājiet! Memorizējiet!

priecīgs	glads
noguris	tired
laimīgs	happy
ģudrs	clever
laipns	kind
draudzīgs	friendly
ziņkārīgs	curious
pārliecināts	sure (of)
pārsteigts	surprised
pārsteigums	surprise
brīvs	free
aizņemts	busy

6. Atbildiet uz jautājumiem! Answer the questions.

Vai tu šodien esi brīvs?

Vai tavš draugs pašlaik ir aizņemts?

Es esmu mazliet noguris. Vai tu arī esi noguris?

Vipi vienmēr ir laipni, vai nē?

Kāpēc jūs bijāt tik pārsteigti?
Vai dienas decembrī ir tumšas vai gaišas?
Kad ir vējains?
Vai aprīlis ir saulains mēnesis?
Kad ir auksts (vēss, silts, karsts)?
Vai rudenī ir daudz lietainu dienu?

7. Izlasiet dialogu lomās! Read the dialogue in parts.

- Vai Ivars?
- Jā.
- Labrīt!
- Labrīt!
- Ēit Inta. Daudz laimes dzimšanas dienā!
- Paldies! Tas man ir pārsteigums. Kur tu biji pasūduši?
- Es biju ļoti aizņemta. Pašlaik esmu Valmierā. Būšu Rīgā
nāpošnedē]. Kā klājas tavai māsei?
- Paldies. Viņa bija divas nedēļas slimnīcā un tagad ir
atkal ļoti priecīga, ka ir mājās.
- Esmu pārliecināta, ka viss būs labi. Pasveiciini!
- Tātad kad tu būsi Rīgā?
- Pirmdien vai otrdien. Kāds tur ir laiks?
- Šodien ir vējains, bet vakar bija diezgan silts. Jānuu
piezvanī, kad atbrauksi.
- Noteikti, Jz redzēšanos!
- Uz redzēšanos!

parust - to disappear
kad (tu) atbrauksi - when you come

8. Veidojiet savu dialogu! Make up a dialogue.

Situācija! Jūs runājat ar savu draugu. Jautājiet:

- a) par laika apstākļiem šodien, vakar,
b) cik ir pulkstenis.

Situation! You are talking to your friend.

- a) Speak about the weather today and yesterday,
b) ask what's the time.

I. General outline of the conjugation of Latvian verbs.

Latvian verbs are divided into three conjugations:

I, II and III. There are regular e.g. celt - to lift, reflexive e.g. celt-ies - to get up and irregular verbs e.g. būt - to be, iet - to go and dot - to give, which are conjugated to its own pattern.

To the first conjugation belong all primary verbs consisting of two syllables in the present and past tenses and having a monosyllabic infinitive (Infinitive has the ending -t or -ties: iet, nest, sākt, sākties).

<u>Infinitive</u>	<u>Present Tense</u>	<u>Past Tense</u>
augt (to grow)	es augu, mēs augam	es augu, mēs augām
sākt (to begin)	es sāku, mēs sākam	es sāku, mēs sācām
nākt (to come)	es nāku, mēs nākam	es nācu, mēs nācām
just (to feel)	es jūtu, mēs jūtam	es jutu, mēs jutām
glābt (to save)	es glābju, mēs glābjam	es glābu, mēs glābām

To the second conjugation belong derivative verbs that have two syllables in the infinitive and the present and past tenses have an equal number of syllables. There are four groups according to their infinitive ending with -āt, -ēt, -īt, -ot: runāt, meklēt, medīt and dzīvot.

<u>Infinitive</u>	<u>Present Tense</u>	<u>Past Tense</u>
runāt (to talk)	es runāju, mēs runājam	es runāju, mēs runājām
meklēt (to look for)	es meklēju, mēs meklējam	es meklēju, mēs meklējām
medīt (to hunt)	es mediju, mēs medijam	es mediju, mēs medījām
dzīvot (to live)	es dzīvoju, mēs dzīvojam	es dzīvoju, mēs dzīvojām

Note that the vowel that precedes the ending -t in the infinitive occurs as the ending of the 2nd pers. sg. and the 3rd pers. sg. and pl. in the present tense: tu runā, tu meklē, tu medi, tu dzīvo.

Imperative: sg. runā! meklē! medi! dzīvo!

Pl. runājiet! meklējiet! medijiet! dzīvojiet!

Isteningas izteiksmes. Indicative Mood.

	Person	I Conj.		II Conj.		III Conj.		
		active	reflexive	active	reflexive	active	reflexive	
		1. 2. 3.	ceļš ceļi ceļi	ceļos ceļies ceļās	runāju runā runā	runājos runājies runājas	māc māci māca	mācos mācies mācās
Present	pl.	1. 2. 3.	ceļam ceļat ceļ	ceļamies ceļaties ceļas	runājam runājat runā	runājamies runājaties runājas	mācam mācāt māca	mācāmies mācāties mācās
Past	pl.	1. 2. 3.	ceļu ceļi ceļa	ceļos ceļies ceļās	runāju runāji runāja	runājos runājies runājas	mācīju mācījī mācīja	mācījos mācījies mācījās
		1. 2. 3.	ceļām ceļāt ceļa	ceļāmies ceļāties ceļās	runājām runājāt runāja	runājāmies runājāties runājās	mācījām mācījāt mācīja	mācījāmies mācījāties mācījās
Futuro	pl.	1. 2. 3.	ceļšu ceļsi ceļi	ceļšos ceļšies ceļšies	runāšu runāsi runās	runāšos runāšies runāšies	mācīšu mācīsi mācīs	mācīšos mācīšies mācīšies
		1. 2. 3.	ceļsim ceļsiēt, -it ceļs	ceļsimies ceļsiēties -ities ceļšies	runāsim runāsiēt, -it runās	runāsimies runāsiēties, -ities runāšies	mācīšu mācīsiēt, -sit mācīs	mācīsimies mācīsiēties, -ities mācīšies

To the third conjugation belong all derivative verbs with at least two syllables in the infinitive and one syllable more in the past tense than in the present tense.

Infinitive Present Tense Past Tense
 mācīt (to teach) es mācu, mēs mācām es mācīju, mēs mācījām

The conjugation of the verbs: būt - to be, iet - to go, dot - to give

Person	Present	Past	Future	Present	Past	Future
es	esmu	biju	būšu	oju	gāju	iesu
tu	esi	biļi	būsi	ej	gāji	iesi
viņš/viņa	ir	bija	būs	iet	gāja	ies
mēs	esam	bijām	būsim	ejam	gājām	iesim
jūs	esat	bijāt	būsiet, -it	ejat	gājāt	iesiet, -it
viņi/viņas	ir	bija	būs	iet	gāja	ies -it

Person	Present	Past	Future
es	dodu	devu	došu
tu	dod	devi	dosi
viņš/viņa	dodam	deva	dos
mēs	dodam	devām	dosim
jūs	dodet	devāt	dosiet, -it
viņi/viņas	dod	deva	dos

The conjugation of regular and reflexive verbs.

celt - to lift, celt - ies -to got up
runāt -to speak, runāt - ies -to talk/ speak with smb;
mācīt - to teach, mācīt - ies - to learn/ to study

II.

The Adjective

The qualitative adjectives indicate a quality which can be present in an object to a greater or lesser extent. e.g. Mana grāmata ir liela, bet tava daudz lielāka. - My book is large but yours is much larger.

Some adjectives which denote time or space cannot be graded.

e.g. vakarējā diena - the previous day
augšējais stāvs - the upper floor

The qualitative adjectives have three degrees of comparison:

the positive, the comparative and the superlative degrees.

The comparative degree is formed from the positive degree by the suffix -āk-, and the endings of the comparative are -āks, fem. -āka; indefinite adj.
-ākais, fem. -ākā; definite adj.

<u>Positive</u>	<u>Comparative ind.</u>	<u>Comparative def.</u>
labs /good/	labāks /a better one/	labākais /the better one/
mazs	mazāks	mazākais

The comparative degree can be used both attributively and predicatively.

e.g. Tava istaba ir maza, bet mana vēl mazāka. - Your room is small but mine is smaller.

When the object of comparison is mentioned the comparative is followed either by 1/ the preposition "par" and the accusative:

e.g. Brālis ir vecāks par māsu. - Brother is older than sister.

or 2/ by "nekā" and the same case as the positive,

e.g. Brālis ir vecāks nekā māsa.

If the sentence is negative the comparison is expressed by "kā", e.g. Viņš nav vecāks kā viņa. - He is not older than she.

By comparison two qualities of the same thing; the compa-

rative is formed by adding "vairāk ... nekā" to the positive,

e.g. Grāvis vairāk plats nekā dziļš. The ditch is wider than it is deep.

The superlative degree is formed by:

1. Adding a prefix vis - to the comparative degree of the adjective. The definite ending is more frequently used.

e.g. vislabākais (the best)

vismazākais (the smallest)

Viņš ir mans vislabākais draugs - He is my best friend.

2. By the comparative degree preceded by the pronoun "pats", fem. "pati" (some of self.), the adjective having the definite ending.

e.g. Pats labākais (the very best)

pats lielākais (the biggest)

3. Less frequently forms of the comparative may be used with the meaning of the superlative, followed by the prepositions "par, no".

e.g. Es glaistāks par visu. (Rainis)

Tu tas gaurākais no cilvēkiem. (Rainis)

In the latter form the adjective is preceded by the demonstrative pronoun "tas".

The commonest suffixes for adjective formation are -īgs, -īks and -ains. Adjectives with the suffix -īgs are derived from all classes of words; with the suffix -īks from nouns and adjectives (e.g. saulains, vajains, listains).

III. The Adverb.

is derived from

1) adjectives by adding -i, -u, -ām, e.g. ātri, labi, veikli, klusi, tālu, lēni, gerām; from

2) verbs - -u or -ām, e.g. turpu, atāvu (u), rāpu (a), -āmu -braukāms, lēkams;

3) -i - saucis, mācī.

Adverbs formed from adjectives with the endings -i, -u have the same comparative and superlative suffix as the adjectives:

comparative: -āk, -lābi- labāk; vēlu- vēlāk;
superlative: vis- + comparative, the stress on the main
word, vislabāk, visvēlāk.

Remember the adverbs of place: te, še, tepat, tur, kur,
šur, tur, šurp, turp, prom, ārā, iekšā, augšā, lejā, zemē,
apkārt, citur, kaut kur, nekur, pakal, pretī, priekšā,
tuvu, tālu, visur.

Intensifying adverbs: diezgan, divreiz, drusku, gana,
gandrīz, mazliet, pavisam, pilnīgi, puslīdz, daudz, maz,
nedaudz, nemaz, gluži, ļoti, vietām.

Adverbs of time: drīz, jau, laikus, kad, kaut kad, nu,
pērn, pirmīt, rītā, rītdien, reiz, šoreiz, senāk, tad,
šad, tad, tagad, tūlīt, vakar, aizvakar, agrī, vēl, ilgi.
Adverbs of reason: kāpēc, tāpēc, tādēļ, kādēļ, kālab,
tālab, kamdēļ, tēmdēļ.

IV. Patīkt / nepatīkt: to like / dislike. These expressions
are structured with the logical subject in the dative
and the object in the nominative case. The verb is in the
3rd person.

Man patīk Pēteris - I like Peter. (lit. Peter pleases me).
Viņam patīk rožs. - He likes carnation.

Vai tev patīk šī meitene? - Do you like this girl?

Inesei nepatika skolotājs. Inese didn't like the teacher.

When the 1st or 2nd person pronoun is used in the N.c.,
the verb is conjugated.

e.g. Es patīku Pēterim - I pleased Peter,
tu patīki Pēterim, etc.

Veikties: be proficient / good at, be able to to well.
Man veicas lasīšana. - am good at reading.

Iet: fare / do

Man iet lasīšana labi. I am well in reading.

Kā tev iet? How are you?

Man iet labi. I am doing well.

Likties: seem.

Man liekas, ka Alvars ir kārtīgs skolnieks. It seems to me
that A. is a neat schoolboy.

Piektā stunda. Unit V

- Kāpēc jūs tik ilgi?
- Mēs pavadījām Ingu.
- Ingu?
- Viņa ir Ivara māsiņa. Viņa dzīvo Vecrīgā.
- Vai viņa ir jauka?
- Jā, ļoti.
- Kasparam jau patīk gaišmates.
- Kāda viņa izskatās? Ar zilām acīm?
- Tu esi ziņkārīga! Nu, labi. Ingai ir gari, vilpains mati, pelēkas acis, ovāla seja.
- Inga tiešām ir skaista, slaidā meitene. Viņa ir medicīnas studente.
- Viņas tēvs arī ir gara auguma, bet mamma gan ir maza un apaļīga.
- Kas ir Ingas vecāki?
- Tēvs ir pazīstams ārsts, māte - mājasaimniece.

* * *

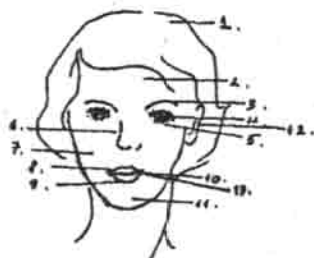
- Labdien! Laimīgu Jauno gadu! Veselību un izturību!
- Paldies, paldies. Tev arī.
- Kā pavadīji veco gadu?
- Šoreiz mājās. Biju slimē. Man sāpēja galva, kakls, mugura.
- Vai tev bija gripa?
- Diemžēl jā. Tagad ir labāk. Bet kā tu jūties?
- Tu jau zini, ka decembra sākumā es biju slimnīcā. Tā pagājušējā gadā bija otrā reize. Man stipri sāpēja kājas un mugura. Pašlaik arī es jūtos labāk.
- Slimnīcas laikā tagad ir pilnas?
- Jā, lēlas ir slidenas, un tad ir roku un kāju lūzumī.
- Jaunajā gadā vairāk veselimo!
- Tu tāpat. Visu labu!

Jaunie vārdi, Vocabulary.

pavadīt	to see home
(mēs) pavadījām	we saw home
gaišmate	a blonde
kāda vīpa izskatās	what does she look like
aca	an eye
acis	eyes
mati	hair
garš	tall
augums	stature
gara auguma	of large stature
viļņains	wavy
ovāls	oval
seja	a face
tiešām	indeed
slāids	slender
maza auguma	short, of small stature
apaļīgs, korpulents	plump, corpulent
mājsaimniece	a housewife
laimīgu Jauno gadu	happy New Year
veselība	health
izturība	hardiness
man sāp	I have a pain
man sāpēja	I had a pain
kakla	a neck
mugura	a back
gripa	a flu
labāk	better
justies	to feel
eize	a time
sākums	beginning
stiprs	strong
kāja	a leg
laikam	perhaps
pilns	full
slidens	slippery
lūzums	a fracture

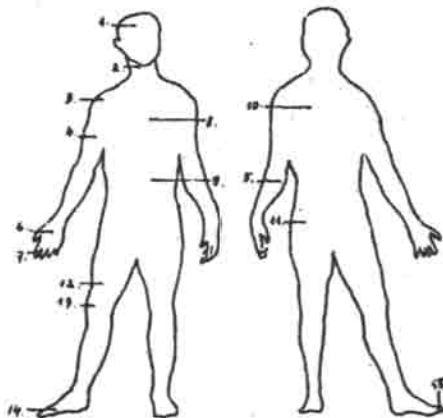
Iegaumējiet! Memorize.

Galva, Seja. Head, Face.

1. mati - hair
2. piere - forehead
3. uzacs - eyebrow
4. acs - eye
5. skropstas - eye-lashes
6. deguns - nose
7. vaigs - cheek
8. augšlūpa - the upper lip
9. apakšlūpa - the lower lip
8. - 9. mute - mouth
10. zobi - teeth
11. zods - chin
12. auss - ear
13. mēle - tongue

Kārmas daļas. Body.

1. galva - head
2. kakls - neck
3. plecs - shoulder
4. roka - arm
5. elkonis - elbow
6. plauksta - hand
7. pirksts - finger
8. krūtis - chest
9. vēders - stomach
10. mugura - back
11. gurns - hip
12. kāja - leg
13. celis - knee
14. pēda - foot
15. nags - nail

Vingrinājumi. Exercises.

I. Aprakstiet jums pazīstamus cilvēkus!

What do those people look like?

Manam draugam ir ... zilas acis
Manai draudzenei ir ... brūnas acis
Manai mātei ir ... pelēkas acis
Manam brālēnam ir ... melnas acis

...

brūni mati
melni mati
tumši mati
gaiši mati
sirmi mati (grey)

...

taisni mati (straight)
sprogaini mati (curly)
vilpāini mati

...

īsi mati
gari mati
biezi mati (thick)
plāni mati (thin)

... taisns deguns
uzrauts deguns (snub-nose)

...

sārti vaigi (rosy)
augsta piere
platas uzacis
šauras zācis
Usas (moustache)
bārda (beard)

...

ovāla seja
apaļa seja (round)

...

gara auguma, maza auguma, vidēja auguma (of medium height)

2. Atrodiet neiederīgos vārdus! Find the unfitting word.

- a) gaiši mati, melni mati, sirai mati, taisni mati, brūni mati,
- b) zilās acis, šūras acis, pelēkas acis, melnas acis, zaļās acis,
- c) ovāla seja, sārtā seja, apaļa seja,
- d) roka, pirksts, plecs, krūtis, elkonis, plauksta,
- e) mati, piere, bārda, ūsas, uzacis,
- f) gara auguma, korpulents, maza auguma, vidēja auguma.

3. Izlasiet dialogus! Iegaumējiet pasvītrotos vārdus un frāzes! Read the dialogues, Memorize the underlined words and phrases.

A. - Tu izskaties noguris /nogurusi. Kā tu jūties?

- Slikti. Man sāp galva.

- Te būs tableta.

tu izskaties - you look

kā tu jūties - how do you feel

B. - Saldējumu, lūdzu?

- Nē, paldies. Man sāp kakls.

- Cik ēl! Tas šoreiz ir ļoti garšīgs.

saldējums - icecream

garšīgs - delicious

C. - Viņš izskatās pavīsum pelainīgs. Vai kas noticis?

- Viņam laicam sāp sirds.

- Nē, viņam sāp zobus.

viņš izskatās - he looks

vai kas noticis - is anything wrong

sirds - heart

4. Veidojiet savu dialogu, izmantojot dotos vārdus un frāzes. Make up a dialogue. Use the following words and phrases.

Tu izskaties, man sāp, gripa, kas noticis, mugura, ausis, auksts, vājains, kā tu jūties, ēl.

5. Iegūmājiesti Memorize.

Cik pulkstenis?

What's the time?

Cikcs ? - Δ^+ what time ?

a) pieci

piecogs

b) pusdivi

pusdivogs

c) desmit minūtes
pāri četrām
(četrām un desmit
minūtes)

desmit minūtes
pāri četriem
(četros un desmit
minūtēm)

d) piecpadsmit minūtes
pāri astoņiem
(ceturksni pāri
astoņiem)

piecpadsmit minūtes
pāri astoņiem
(ceturksni pāri
ast'ņiem)

e) bez divdesmit minūtēm
divpadsmit
(vienpadsmit un
četrdesmit minūtes)

bez divdesmit mi-
nūtēm divpadsmitog
(vienpadsmitog un
četrdesmit minūtēm)

f) bez piecām minūtēm
divi
(viena un piecdesmit
piēcas minūtes)

bez piecām minūtēm
divogs
(vienogs un piecdesmit
piēcās minūtēs)

6. Izlasiet teikumus! Read the sentences.

- a) Pulkstenis ir 19:50. Koncerts sākas 20:00. Tev ir daudz laika.
- b) Pulkstenis ir 14:15. Filma sākas 14:20. Tev ir maz laika.
- c) Pulkstenis ir 17:50. Leksija sākas 18:00. Tev ir vēl mazāks laika.
- d) Pulkstenis ir 8:00. Stundas sākas 8:00. Tev nav laika.
koncerts sākas - the concert has

7. Atbildiet uz jautājumiem! Answer the questions.

Cik ir pulkstenis?

Vai jums ir mazliet laika?

Cikos jums sākas darbs?

Cikos jūs parasti esat universitātē?

Vai jūsu vecāki pēcpusdienā ir mājās?

Cikos jūs esat mājās?

Cikos sākas TV programma "Panorāma"?

8. Jautājiet! Ask questions.

- a) You want to find out what your sister's friend looks like. You say: ...
- b) You want to find out when your acquaintance is at home in the evening. You say: ...
- c) Your relative has been ill. You want to find out how he feels now. You say: ...
- d) Your friend has asked you to meet his uncle at the station. You have to know what he looks like.
You say: ...

I. As it was mentioned before nouns may be adjectives, numerals, pronouns or other nouns.

Agreement of the modifiers with their nouns in the number, gender and case is an important feature of the Latvian language. E.g. vīns zēns, divi zēni, vienam zēnam, diviem zēniem, viena māsa, divas māsas, vienai māsei, divām māsām. The same principles hold when a noun has more than one modifier: abi mani draugi, visas sešas māsas, visas sešas meitenes.

Each noun follows its own declensional pattern; all adjectives, numerals and the pronouns mans, tavš, savš are declined only according to the pattern of the 1st declension of masculine gender and the 4th declension of feminine gender.

II. The adjectival pronoun a kāds (fem. kāda, pl. kādi/kādas) introduce questions that need the predicate adjectives in the answers. The pronoun must have the nominative case and anticipate - the noun also in the number and gender: Kāda viņa izskatās? What does she look like? Viņa izskatās ļoti patīkama. She looks very pleasant.

III. In Unit V the following verbs are used: vadīt, pavadīt, izskatīties, patīkt, sāpēt, justies, zināt, slimo'.

IV. In Unit V the derived nouns augums, lūzum and adjectives laimīgs, apaļīgs, zīpkārīgs and vilcains are used.

Nouns with the suffix -ums indicate the result of an action and are formed from the past tense of the verb:

lūz-a broke; lūz-um-s breaki g;

aug-a grew; aug-um-s stature.

Adjectives with the suffix -īgs derived from a noun or another adjective indicate a quality present either permanently or in excess: laime happiness - laimīgs happy, apaļš round - apaļīgs roundish.

An adjective with the suffix -ain- (vilnis wave - vilcains wavy, saule sun - saulains sunny).

V. Double negation. If a negative pronoun or adverb is used in a sentence, the verb must also be negated in the same sentence. In English it is not used but in Latvian it is the most common feature, e.g. - Ne, es neredzu nevienu māju - No, I don't see any house.

V.1. Adverbs of manner questions are introduced by ka - how: Kā viņa jutās? How did she feel? Viņa jutās slikti/labi - She felt well/unwell.

Reason questions are introduced by kāpēc/kādēļ - why? The reason clause is often introduced by the particle jo - for, because. Kāpēc tu izskaties tik nogurusi? Why do you look so tired? Es izskatos nogurusi, jo es ne-jūtos labi. I look so tired, because I don't feel well. Distinguish the difference between kad and ka.

Es zinu, ka decembrī tu bijī slimnīcā - I know that in december you were in the hospital.

Es zinu, kad tu bijī slimnīcā - I know when you were in the hospital.

There are certain verbs referring to the senses which call for a dative construction. The object is in the nominative case: Man (Dat.) patīk šī meitene (Nom.). I like this girl (see L.3). Man (Dat.) sāp galva (Nom.). I have a headache. Man žēl - I am sorry. Kā tev klājas? How are you? Man klājas labi - I am fine.

VII. Imperative.

When ordering someone to do something the imperative form of a verb is used. There are two imperative forms - the 2nd person singular and the 2nd person plural.

<u>2nd p. sg.</u>	<u>2nd p. pl.</u>
tu esi/jūs esat - esi!	esiet! be!
tu ēd/ jūs ēdat - ēd!	ēdiet! eat!
tu lasi/jūs lasāt - lasi!	lasiet! read!
tu dzīvo/jūs dzīvojat - dzīvo!	dzīvojiet! live!
tu neslimo/jūs neslimojat - neslimo!	neslimojiet! don't be ill!

If there is a palatalization of the consonant in the

indicative (jūs ceļat, jūs sēžat) no palatalization occurs in the 2nd person plural of the imperative (ceļiet! sēdiet!).

VIII. Derived verbs are formed from primary verbs using one or eleven prefixes: aiz-, ap-, at-, ie-, iz-, no-, pa-, pār-, pie-, sa-, uz-. Usually more than one derived verb can be formed from the same primary verb. The prefix adds a prepositional meaning to the verb. The prefix gives a new meaning to the verb, they change the verb to a perfective one, i.e. indicating a completed action, whether in the present, past or future.

Examples:

Meitene aizskrēja aiz koka. The girl runs away behind a tree. Zēns apskrēja apkārt mājai. The boy has run around the house. Atnāc ciemos! Come and visit me! Vilciens atīst divos. The train leaves at two. Ienāc klasē! Come into the classroom! I /a iesaucas. Ieva cries out. Māte iznāk no istabas. Mother is coming out of the room. Izlasī šo grāmatu! Read this book! Mācnieks nonāk pie ezera. The hunter comes to the lake. Vējš nolauza koku. The wind broke the tree. Viņš nokāpa no torņa. He was getting down from the tower. Māsa nokavēja vilcienu. Sister missed the train. Pasniedz grāmatu! Give the book! Pagaidi! Wait a moment! Pacel grāmatu un tad iji! Lift the book and then go! Mašīna pārbrauca pāri tiltam. The car crossed the bridge. Meitene pārskaitīja naivu. The girl recounted the money. Meitene pārēdās šodien. The girl ate too much to-day. Zēns pienāca pie skolas. The boy comes to school. Māsa satrūcas. The sister startled. Vecmāmiņa kārtīgi saģērbj bērnu. Granny dresses the child properly. Kaķis uzlec uz galdā. The cat jumps on to the table. Brālis uzrakstīja vēstuli. Brother wrote a letter.

IX. Sa'ldzini un tulko teikumus! Compare and translate the sentences!

1. Ienāc iekšā! Iznāc ārā!
2. Ieej istabā! Izej sētā!
3. Māte ienāk sētā. Māte iznāca no sētas.

4. Ieva izpēn grāmatu no somas. Ieva ieliek grāmatu somā.
5. Tēvs atver durvis. Tēvs aizver durvis.
6. Zēns papēn bumbu. Zēns saņem dāvanu.
7. Meitene aizskrēja projām. Meitene jau atskrēja mājās.
8. Zēns p'ānāca pie mašīnas. Zēns aizgāja aiz mašīnas.
9. Māsa iekāpa mašīnā. Māsa izkāpa no mašīnas.
10. Meitene pārskaitīja rotaļlietas. Meitene saskaitīja rotaļlietas.
11. Kaķis uzlēca uz galda. Kaķis nolēca no galda.
12. Zēns skrēja pa ceļu. Zēns aizskrēja pa ceļu.
13. Meitene lika grāmatu uz galda. Meitene uzlika grāmatu uz galda.
14. Suns skrēja apkārt ap māju. Suns apskrēja ap māju.
15. Māte vāra logu vaļā. Māte atvēra logu.
16. Skolotājs gāja klasē. Skolotājs iegāja klasē.
17. Māsa lasa grāmatu. Māsa jau izlasīja grāmatu.
18. Ieva mazgāja glāzes. Ieva jau izmazgāja glāzes.
19. Anna lasīja ogas. Anna nolasīja ogas.
20. Viņa runāja pa telefonu. Viņa mazliet parunāja pa telefonu.
21. Studente raksta diktātu. Studente pārraksta diktātu.
22. Viņa lēja ūdeni spainī. Viņa pielēja spainī ar ūdeni.
23. Es meklēju grāmatu. Nu es sameklēju to.
24. Tēvs raksta vēstuli dēlam. Tēvs jau uzrakstīja vēstuli dēlam.

Satura rādītājs

Introduction	3
Latvian Alphabet	5
Spelling and Pronunciation	6
Pirmā stunda. Unit I	8
Otrā stunda. Unit II	21
Trešā stunda. Unit III	36
Ceturtnā stunda. Unit IV	47
Piektā stunda. Unit V	61

MUNĀSĪM LATVISKI

Latviešu valodas elementārkursus

I daļa

Mācību līdzeklis

Atbildīgā par idejamo V.Gurtajevs

Perekrēts iesp. 12.11.71. kop. apl. Nr. 2-0100. kopuma č. 0000
00x24/16. Izdare Nr. 1. 4. s. iz. iesp. lēdi. 4. p. izd. lēdi. 4. p.
3,7 mark. izd. l. 1. izd. l. 1.00 eks. 1.000. 1.000. 1.000. 1.000.

Latvijas Universitāte
20000 Rīga, Raiņa bulv. 19.
Izd. lēdi. 4. p. izd. lēdi. 4. p.
20000 Rīga, Raiņa bulv. 19.

Runāsim latviski

2. daļa

LATVIJAS UNIVERSITĀTE

Sastatāmās valodniecības katedra

RUNĀSIM LATVIŠKI

Latviešu valodas elementārkurss

II daļa

Latvijas Universitāte

Rīga 1991

Brēde M., Gurtaja V., Veisbergs A., Zauberga I. Runāsim latviski. II daļa: Mācību līdzeklis.- Rīga: LŪ, 1991. - 57 lpp.

Mācību līdzeklis "Runāsim latviski" paredzēts latviešu valodas pamatu apgūšanai ar angļu valodas starpniecību. II daļā ietilpst 5 mācību stundas (6 - 10). Katra stunda sastāv no dialoga, leksiskā materiāla, vingrinājumiem un gramatikas skaidrojuma. Mācību līdzeklis ir latviešu valodas elementārkursā kompleksa sastāvdaļa.

The present teaching aid "Runāsim latviski" is designed for beginners. It is the second part of a two-part introductory course of Latvian for students who know English. Each of the 5 units (V - X) comprises a dialogue, lexical material, exercises and grammar.

Recenzenti: filol. zin. kand. B.Ķēde, LMĀA Svešvalodu katedras doc.
filol. zin. kand. J.Silis, LŪ Svešvalodu katedras doc.

Latvijas
Universitāte,
1991

Sestā stunda. Unit VI

- Mana tēva lauku mājas ir Kurzemē. Vasarā tur dzīvo visi viņa bērni un mazbērni. Bieži ierodas arī viesi. Viņi atbrauc gan no Rīgas, gan no citām pilsētām.
- Tavam tēvam droši vien ir daudz draugu.
- Jā, un daži no viņiem dzīvo arī ārzemēs.
- Vai tavs tēvs prot kādu svešvalodu?
- Mans tēvs, māte un brāļi runā angļiski. Māsa mācās vācu valodu. Un tu? Vai tu arī proti kādu svešvalodu?
- Jā. Mēs visi saprotam angļiski, vāciski, krieviski. Man ir draugs Somijā. Es runāju ar viņu angļiski. Šovasar pie mums viesosies tēvocis Ansis no Zviedrijas. Mēs gribam apciemot viņa ģimeni rudenī.
- Vai tavs tēvocis runā latviski?
- Protams. Ar tēvoci es runāju tikai latviski, bet viņš prot arī zviedru un angļu valodu. Ļoti daudzi Zviedrijas iedzīvotāji runā un saprot angļiski un vāciski.
- Ēl, ka man nav ne radu, ne draugu Zviedrijā. Jūtijā braukāu ekskursijā uz Zviedriju un pašlaik mācos zviedru valodu. Tā ir diezgan grūta.
- Labu veiksmi un laimīgu ceļu!

Jaunie vārdi. Vocabulary.

ierasties, atbraukt	to arrive
viesis	a guest
gan ... gan	both ... and ...
cits	another, other
droši vien	probably
ārzemēs	abroad
valoda	a language
svešvaloda	a foreign language
runāt	to speak
angļiski	English
mācīties	to study

vācu valoda	German
prast	can
tu proti	you can (speak)
apraust	to understand
vāciski	German
krieviski	Russian
Somija	Finland
latviski	Latvian
Zviedrija	Sweden
gribēt	to want
viesoties	to stay with
apciemot	to visit
zviedru valoda	Swedish
angļu valoda	English
iedzīvotājs	an inhabitant
ne ... ne ...	neither ... nor ...
braukšu ekakursijā	I'll go on an excursion
grūts	difficult
viegls	easy
latu veiksmi	good luck
rakstīt	to write
vēstule	a letter
vēlēties	to wish
ceļot	to travel
cerēt	to hope
sirenīgi	with all my heart
novēlēt	to wish

Valdamaajiet! Memorize.

valsts - country	nācija - nation	runāt... - to speak(adj.)
Latvija - Latvia	latvieši - the Latvians	latviski - Latvian
Lietuva - Lithuania	lietuvieši - the Lithuanians	lietuviski - Lithuanian
Igaunija - Estonia	igauņi - the Estonians	igauņiski - Estonian
Vācija - Germany	vācieši - the Germans	vāciski - German
Krievija - Russia	krievi - the Russians	krieviski - Russian
Somija - Finland	somi - the Finns	somiski - Finnish
Zviedrija - Sweden	zviedri - the Swedes	zviedriski - Swedish
Norvēģija - Norway	norvegi - the Norwegians	norvēģiski - Norwegian
Dānija - Denmark	dāņi - the Danes	dāņiski - Danish
Islande - Iceland	islandieši - the Icelanders	islandiešu val. - Icelandic
Polija - Poland	poļi - the Poles	poļiski - Polish
Rumānija - Romania	rumāņi - the Romanians	rumāņiski - Romanian
Ungārija - Hungary	ungāri - the Hungarians	ungāriski - Hungarian
Francija - France	francūži - the French	franciski - French
Anglija - England	angļi - the English	angliski - English
Spānija - Spain	spāņi - the Spaniards	spāņiski - Spanish
Itālija - Italy	itāļi - the Italians	itāļiski - Italian
Grieķija - Greece	grieķi - the Greeks	grieķiski - Greek
Amerika - America	amerikāņi - the Americans	angliski - English
Japāne - Japan	japāņi - the Japanese	japāņiski - Japanese
Ķīna - China	ķīnieši - the Chinese	ķīniski - Chinese

- <u>No kurienes</u> jūs esat?	- Where are you from?
- Es esmu <u>no</u> Latvijas,
bet viņa ir <u>no</u> Polijas.	- I am from Latvia,
but she is from Poland.
- <u>Kādas tautības</u> jūs esat?	- What's your nationality?
- Kāda ir jūsu <u>dzimtā</u>
<u>valoda</u> ?	- What's your mother
tongue?
- Mana dzimtā valoda ir
<u>latviešu</u> , bet viņas
dzimtā valoda ir <u>poļu</u> .	- My mother tongue is
Latvian, but hers -
Polish.

Vienpīrādījumi, Exercises.

I. Ievietojiet darbības vārdus pareizā formā! Fill in
the proper form of the verbs.

A.

- Es ... franču valodu. Vai tu arī mācies franču valodu?
- Nē, es ... vācu valodu, bet mana māsa ... norvēģu
valodu (mācīties).
- Es ... , ka tava māsa arī ... vāciski (zināt,
gaprast). Vai tu ... arī mācās vāciski (runāt)?
- Es mācās ... vāciski ar māti (runāt). Viņa ir skolotāja.
Viņa māca latviešu un vācu valodu. Viņas skolnieki ...
labprāt (mācīties).

mācīt - to teach

labprāt - willingly

B.

- .. Kad ... jūsu draugi no Vācijas (ierasties)?
- Domāju, ka nākošajā nedēļā. Viņi viesosies pie mums
vienu mēnesi. Viņi grib braukt arī uz laukiem un ap-
ciemot savus radus.
- Vai kāds no viņiem ... mācīst latviski (runāt)?
- Jurgens ... , taču vēl ... (gaprast, runāt - neg.).
Bet mēs ... vāciski (runāt).

uz laukiem - to the country

2. Pabeidziet teikumus! Complete the sentences.

- Vai tev ir draugi ārzemēs?
- Jā, man ir draugs (-i)/ draudzene (-s) ... (whom?)
Viņš (-i)/ viņa (-s) ir ... (nationality)
- Man arī ir ...
- Kādās valodās tu runā?
- ...
- Vai ... valoda ir grūta/ viegla?
- ...

3. Izlasiet dialogus. Pievērsiet uzmanību prievārdu lietojumam un lietvārdu un vietniekvārdu locījumiem!
Read the dialogues. Pay attention to the use of prepositions and the forms of the following nouns and pronouns.

A.

- Vai tu bieži ej pie saviem draugiem? (pl.-dat.)
- Jā, un viņi arī bieži nāk pie manis. (sg.-gen.)
- Kāpēc pie tevis nenāk Inga? (sg.-gen.)
- Tāpēc, ka viņa dusmojas.

B.

- Šovakar gribu apciemot Albertu. Pie viņa ciemojas draugs no Amerikas (sg.-gen.)
- Varbūt viņš atnāks arī pie mums? (pl.-dat.)
- Varbūt.

dusmoties - to be angry with

C.

- Pie viņiem vismēr ir jautri. Aiziesim!
- Ir jau vēl. Cik tālu ir no skolas līdz viņu mājai (sg.-dat.)
- Nē pilsētas centrā (sg.-gen.) līdz viņu mājai ir 2 km. No skolas ir mazliet tuvāk.

tuvāk - nearer

4. Pārtulkojiet angļu valodā! Translate into English.

Katru dienu es eju uz veikalu.

Cikos tu ej uz arbu?

Katru gadu viņš brauc uz Vāciju.

Vai viņa bieži iet uz tirgu?

Vakarā viņš brauc no Rīgas uz Jūrmalu.

Mēs nākam no institūta piecos.

5. Mēģiniet konjugēt stundā lietotos darbības vārdus tagadnē! Try to conjugate the verbs of Unit VI in the Present. (Key - p.10)

būt	-	to be
(at)brākt	-	to arrive
prast	-	can
saprast	-	to understand
iet	-	to go
nākt	-	to come
dzīvot	-	to live
ierasties	-	to arrive
runāt	-	to speak
viesoties	-	to stay with
apciemot	-	to visit
mācīties	-	to learn, to study

6. Izlasiet dialogu lomās! Veidojiet savu dialogu! Read the dialogue in parts. Make up a dialogue about your own study activities.

- Labdien, Andri!

- Sveika, Anita! Kā klājas? Kā tu dzīvo?

- Paldies, ļoti labi!

- Ko tu te dari? Tu taču dzīvo uz laukiem.

- Es tagad mācos Rīgā. Es studēju universitātē, Svešvalodu fakultātē.

- Cik interesanti! Mana māte šogad beidz skolu. Viņa arī grib studēt Svešvalodu fakultātē. Pastāsti, kādas valodas jūs mācāties?

- Mums ir trīs nodaļas - angļu, vācu un franču, taču

studenti mācās arī spāņu valodu, kā arī skandināvu valodas - zviedru, norvēģu, somu.

- Kurā nodaļā tu studē?
- Es studēju angļu valodas nodaļā. Mācos arī franču valodu. Mana draudzene mācās zviedru valodu. Bez tam mums abām ļoti patīk spāņu valoda. Vai tu pats proti angļu valodu?
- Diemžēl nē. Bet es mazliet runāju vācieki. Vācijā dzīvo mani radi.
- Vai tev tur ir daudz radu?
- Nē, tikai mana ēva māsa ar ģimeni. Es bieži rakstu viņai vēstules.
- Vai viņa runā arī latviski?
- Bez šaubām Viņa prot arī citas valodas - angļu un franču.
- Es ļoti vēlos ceļot. Ceru kādreiz aizbraukt uz Angliju un Spāniju.
- Es tev to sirsniģi novēlu.

7. Pajautājiēt savam sarunu biedram! Ask your partner.

- a) Where he/ she is from,
- b) what is his/ her mother tongue,
- c) what languages he/ she speaks freely,
- d) what languages he/ she understands,
- e) what language he/ she is studying now,
- f) what countries he/ she would like to visit.

Lietojiēt dotās frāces. Use the following phrases.

No kurienes, brīvi runāju, mazliet saprotu, pašlaik mācos, uz kādu valsti/ kādām valstīm, es vēlos, tu vēlies braukt uz .

Atbildes. Key (5).

1.	es	esam	mēs	esam
	tu	esi	jūs	esat
	viņš	ir	viņi	ir
	viņa		viņas	
2.	es	(at)braucu	mēs	(at)braucam
	tu	(at)brauc	jūs	(at)braucat
	viņš	(at)brauc	viņi	(at)brauc
	viņa		viņas	
3.	es	protu	mēs	protam
	tu	proti	jūs	protat
	viņš	prot	viņi	prot
	viņa		viņas	
4.	es	saprotu	mēs	saprotam
	tu	saproto	jūs	saprotat
	viņš	saprot	viņi	saprot
	viņa		viņas	
5.	es	eju	mēs	ejam
	tu	ej	jūs	ejat
	viņš	iet	viņi	iet
	viņa		viņas	
6.	es	nāku	mēs	nākam
	tu	nāc	jūs	nākat
	viņš	nāk	viņi	nāk
	viņa		viņas	
7.	es	dzīvoju	mēs	dzīvojam
	tu	dzīvo	jūs	dzīvojat
	viņš	dzīvo	viņi	dzīvo
	viņa		viņas	

8.	es	ierodos	mēs	ierodamies
	tu	ierodies	jūs	ierodaties
	viņš	ierodas	viņi	ierodas
	viņa		viņas	
9.	es	runāju	mēs	runājam
	tu	runā	jūs	runājat
	viņš	runā	viņi	runā
	viņa		viņas	
10.	es	viesojos	mēs	viesojamies
	tu	viesojies	jūs	viesojaties
	viņš	viesojas	viņi	viesojas
	viņa		viņas	
11.	es	apciemoju	mēs	apciemojam
	tu	apciemo	jūs	apciemojat
	viņš	apciemo	viņi	apciemo
	viņa		viņas	
12.	es	mācās	mēs	mācāmies
	tu	mācies	jūs	mācāties
	viņš	mācās	viņi	mācās
	viņa		viņas	

Gramatika.

Grammar.

There are three compound tenses: the compound present, the compound past and the compound future tense. The three compound tenses in Latvian are formed by using būt (to be) and the active past participle with the endings -is/-usi (sg.) and -uši/-ušas (pl.)

<u>Active verbs</u>		<u>Reflexive verbs</u>		
celt - cēlis, cēlusi		celties - cēlies, cēlušies		
Present	es esmu	} -is, } -usi } -uši, } -ušas	esmu	} -ies, } -ušies, } -ušies, } -ušās
perfect sg.	tu esi		esi	
	viņš ir		ir	
	viņa ir		ir	
	mēs esam		esam	
pl.	jūs esat		esam	
	viņi ir		ir	
	viņas ir	ir		
Past	es biju	} -is, } -usi } -uši, } -ušas	biju	} -ušies, } -ušāc } -ušies, } -ušās
perfect sg.	tu biji		biji	
	viņš bija		bija	
	viņa bija		bija	
	mēs bijām		bijām	
pl.	jūs bijāt		bijāt	
	viņi bija		bija	
	viņas bija	bija		
Future	es būšu	} -is, } -usi } -uši, } -ušas	būšu	} -ies, } -ušies, } -ušies, } -ušās
perfect sg.	tu būsi		būsi	
	viņš būs		būs	
	viņa būs		būs	
	mēs būsim		būsim	
pl.	jūs būsiet(-it)		būsiet(-it)	
	viņi būs		būs	
	viņas būs	būs		

There are six moods in Latvian: infinitive, indicative, imperative, relative, conditional and debitive.

So far only three moods have been discussed: infinitive, indicative and imperative.

The relative mood in Latvian is used to denote indirect speech or to relate events which have doubtful statement. The relative mood has four forms: simple present and future tense as well as corresponding compound tenses. All persons have the same ending -ot.

<u>Infinitive</u>	<u>Present Stem</u>	<u>Relative Present Tense</u>
lasīt	las -	lasot
runāt	runāj -	runājot
iet	ej -	ejot
būt	es -	esot

Es runājot, tu runājot, viņš, viņa runājot
Mēs runājot, jūs runājot, viņi, viņas runājot

The simple future of the relative mood is formed from the future stem with the ending -šot.

<u>Infinitive</u>	<u>Present Stem</u>	<u>Relative Future Tense</u>
lasīt	lasī -	lasīšot
runāt	runā -	runāšot
iet	ie -	iešot
būt	bū -	būšot

Es runāšot, tu runāšot etc.

The compound tenses of the relative mood are formed with the help of the past participle and the relative mood of the verb būt, the form esot is used.

The Compound Present

singular	plural
es esot runājis	mēs esot runājuši
tu esot runājis	jūs esot runājuši
viņš esot runājis	viņi esot runājuši
viņa esot runājuši	viņas esot runājušas

The Compound Future

es būšot runājis	mēs būšot runājuši
tu būšot runājis	jūs būšot runājuši
viņš būšot runājis	viņi būšot runājuši
viņa būšot runājuši	viņas būšot runājušas

The conditional mood is used to express wish, purpose, doubtful statements, and to express supposition which is less likely to be fulfilled. There are only two tenses: present and past.

The Conditional is formed by the infinitive stem + ending - tu (refl. - tos).

Present - runāt: runā - tu - runātu, I should talk
mācīties: mācītos, should learn

Past - es būtu runājis } I should have talked
 es būtu runājusī }

The debitive is the mood to denote necessity or obligation. It is formed with the prefix jā - and the 3rd pers. verb in the present:

Man jāraksta vēstule. I have to / must write a letter.

The debitive of būt: jābūt - man jābūt, tev jābūt etc.

Indicative

Es (nom.) lasu. I am reading
Tu lasī
Viņš lasa
Viņa lasa

Debitive

Man (dat.) jālasa. I have
Tev jālasa to read
Viņam jālasa
Viņai jālasa

The debitive has three tenses:

present, past and future.

Present: jālasa or ir jālasa.

Past: bija jālasa (had to read)

Future: būs jālasa (will have to read).

Es lasu grāmatu (nom.)

Man (dat.) jālasa grāmata (nom.)

Septītā stunda. Unit VII

- Labdien, Ieva!
- Labdien, Jāni!
- Lūdzu, iepazīsties ar manu draugu Edgaru!
- Mēs jau esam pazīstami. Mēs kopā mācījāmies. Vai tu tagad dzīvo Rīgā?
- Jā, es dzīvoju tepat netālu.
- Kāda ir tava adrese?
- Mana adrese ir Tērbatas ielā 8, dzīvoklis 2.
- Tas ir ļoti tuvu manām mājām. Mēs dzīvojam Marijas ielā.
- Vai tev ir telefons?
- Jā. Pieraksti, lūdzu! 283174.
- Paldies. Noteikti piezvanīšu. Un šeit ir mans telefons.
- Kā klājas taviem vecākiem?
- Paldies, labi.
- Vai viņi dzīvo pie tevis?
- Nē, viņi dzīvo turpat, kur agrāk - Ventpilī.
- Un tavs brālis?
- Viņš pašņūšajā gadā beidza skolu un tagad mācās Liepājā.
- Vai viņš ir apmierināts?
- Ļoti. Liepāja ar savu jūrmalu viņam liekas visskaitākā vieta Latvijā. Mēs viņu apciemojām pirms divām nedēļām.
- Man vismīļākā vieta ir Cēsis.
- Nu protams. Tu jau esi no Vidzemes. Ieva, Edgar, vai jūs nevēlaties tur kafijas?
- Labprāt! Kur mēs iesim?
- Iesim uz "Siguldu"!

Jaunie vārdi. Vocabulary.

pazīstams	acquainted
tepat	here
adrese	an address

tuvu	near
piraksti	write it down
(es) piezvanīšu	I'll ring you up
turpat	at the same place
agrāk	earlier
beidza	finished
beigt	to finish
jūrmala	a seaside
viņam liekas	it seems to him
viskaistākā	the most beautiful
mēs apciemojām	we visited
vismīļākā	favourite
tase	a cup
kafijs	coffee
taka	a path
glezna	a picture
uzmanīgi	carefully
klusī	quietly
ienāca	came in
trokšaini	noisily
atpūsties	to have a rest
nekā	than
atvaļinājums	a leave
spēlēt	to play
žurnāls	a magazine
vēsture	history
ķīmija	chemistry
šahs	chess
klarnete	a clarinet
referāts	a report
eseja	an essay
skatīties televizoru	to watch TV
klausīties radio	to listen to the radio
garlaicīgs	boring

Daži noderīgi vārdi un frāzes.

Useful words and phrases.

Labu apetīti!	Bon appétit!
Uz veselību!	To your health! Cheers!
Vai var tev/ jums piedāvāt...	Will you have ...
Ko tu vēlies/jūs vēlaties?	What would you like?
Es vēlos/ gribētu...	I would like...
Vai varu tev/ jums palīdzēt?	Can I help you?
Lūdzu, pagaidi/ pagaidiet!	Wait, please!
Piedod/ piedodiet, lūdzu!	Excuse me, please!
Atvaino/ atvainojiet, lūdzu!	I'm sorry.
Saki/ saki, lūdzu.	Tell me, please....
Parādi/ parādiet, lūdzu!	Show me, please!
A ļauj/ atļaujiet, lūdi!	Please, let me...
Dienā, tas nav iespējams.	(No,) I'm afraid not.
	I'm sorry. You can't.

Pievērsiet uzmanību izrunai! Pronunciation.

draugs /k/	-	draugi /g/
laba /p/	-	labi /b/
dažs /š:/	-	daži /ž/
tava [ta <u>v</u> a]	-	tavi /v/
tēvs [t <u>æ</u> :v <u>s</u>]	-	tēvi /v/
tev [t <u>æ</u> :]	-	tevi /v/
vigi /s:/	-	viegi /s/
maga /s:/	-	māga /s/
ciņi /t:/	-	cietī /t/

Iegaumējiet! Memorize.

Pavēles izteiksme. 2. pers. Imperative mood. 2nd person.

(viensk. - sg.)	(daudzsk. - pl.)
1. Pieraksti!	Pierakstiet!
2. Piezvani!	Piezvaniet!

3. Pagaidī!	Pagaidiet!
4. Sakī!	Sakiet!
5. Parādi!	Parādiot!
6. Beidz!	Beidziet!
7. Apciemot!	Apciemojiet!
8. Sji!	Sjiet!
9. Piedod!	Piedodiet!
10. Atļauj!	Atļaujiet!
11. Mācies!	Mācieties!
12. Vēlies!	Vēlieties!

Vingrinājumi. Exercises.

1. Ievietojiet īpašības vārdus pareizās formās!
Fill in the proper forms of the adjectives.

skatī - skaistāka - viskaistākais

skatā - skaistāka - viskaistākā

Vīpā ir ... speciālists. (labs)

Tā bija ... diena. Tā bija ... diena visā vasarā.
(jauka)

Šis romāns ir Tas ir ... no visiem
romāniem. (garlaicīgs)

Ceļš ir ... nekā taka. (plats)

Ceļš ir ... par taku. (plats)

Mūsu ģimenē Annīpa ir (jauns)

Vīpam ir tikai divi gadi.

Tev ir ... glezna, bet manai mātei ir vēl
(skaista)

Vai Gauja ir ... nekā Venta? (garš)

Tēvocim ir 70 gadu, bet vecmāmiņai, kurai ir 83 gadi, ir
... . Vectēvam, kuram ir 87 gadi, ir ... mūsu
ģimenē. (vecs)

2. Ievietojiet apstāļa vārdus pareizās formās!
Fill in the proper forms of the adverbs.

labi - labāk - vislabāk

tuvu - tuvāk - vistuvāk

Vīpam klājas ļoti ... (labi)
Vīpa ... runā par savu darbu. (interesanti)
Mūsu māja ir ... staci, lai nekā jūšējā (jūsu māja).
(tuvu)
Lūdzu, pieraksti to ... ! (uzmanīgi)
Kurā var ... pieiet pie durvīm? (klusī)
Bērni ... ienāca istabā. (trokšaini)
"Lūdzu, ... ! (klusī) Vecmāmiņa pašlaik atpūšas."
... ir izlasīt tekstu nekā to izskaidrot. (viegli)
Izveidot dialogu ir diezgan ... (grūti)

3. Ievietojiet darbības vārdus tagadnes vai pagātnes formās! Fill in the Present or the Past Forms of the verbs.

Vīpā pašlaik ... uz pilsētas centru. (iet)
Kur jūn ... vakar? (iet)
Kāpēc tu nams ne- ... līdzi? (nākt) - Es ne- ...
(gribēt)
Erlis vakar ... ģeogrāfiju. (mācīties)
Vai vīpi katru gadu ... uz laukiem? (braukt)
Imants bija slims, tāpēc vīpā pagājušajā nedēļā ne-...
savus radus. (apciemot)
Cik bieži tu ... savai māsa? (zvanīt)
Pagājušajā gadā es biju tik aizņemts, ka ne-...
atvaļinājumā. (iet)
Jūs labi ... tenisu, bet vīpā tomēr ... labāk
par jums. (spēlēt)
Vai tu ... vēstuli tantei? (urrakstīt)

4. Izlasiet dialogus, izmantojot tabulu! Read the dialogues completing the sentences. Use the table.

- A. dialogues completing the sentences. Use the table.
- Piedodiet, lūdzu, es gribētu runāt ar Annu.
 - Vīpa pašlaik ir aizņemta.
 - Cik ēl.
 - Jā, vīpa pašlaik / I /.

B.

- Sakiet, lūdzu, vai Jānis pašlaik aizņemts?
- JĀ, viņš / 2 /.
- Un Inta?
- Viņa / 1 /.

C.

- Vai Arta ir pašlaik aizņemts?
- JĀ, viņa / 2 /.
- Un Kristaps?
- Viņš / 1 /.

D.

- Vai varu jums palīdzēt?
- Es gribētu runāt ar Ābola kungu.
- Pagaidiet, lūdzu! Diemžēl, tas nav iespējams. Viņš pašlaik ir aizņemts.
- Patiešām?
- Viņš / 2 /.

/ 1 /		/ 2 /	
lasa grāmatu avīzi žurnālu vēstuli	spēlē tenisu šahu klarneti	raksta vēstules referātu eseju	
mācās franču valodu zviedru valodu vēsturi ķīmiju	strādā savā istabā dārzā		
	skatās televizoru klausās radio		

Septītās stundas darbības vārdi.

Verbs of Unit VII

	<u>Taizāne. The Present</u>	<u>"Iot"</u>	<u>Pagātne. The Past</u>
Es	eju		gāju
Tu	ej		gāji
Vipš	iet		gāja
Vipa			
Mēs	ejam		gājām
Jūs	ejat		gājāt
Vīpi	iet		gāja
Vīpas			

"ļaut"

Es	ļauju		ļāvu
Tu	ļauj		ļāvi
Vipš	ļauj		ļāva
Vipa			
Mēs	ļaujam		ļāvām
Jūs	ļaujāt		ļāvāt
Vīpi	ļauj		ļāva
Vīpas			

"dzīvot", "apciemot"

Es	dzīvoju	apciemoju	dzīvoju	apciemoju
Tu	dzīvo	apciemo	dzīvoji	apciemoji
Vipš	dzīvo	apciemo	dzīvoja	apciemvoja
Vipa				
Mēs	dzīvojam	apciemojam	dzīvojām	apciemojām
Jūs	dzīvojāt	apciemojāt	dzīvojāt	apciemojāt
Vīpi	dzīvo	apciemo	dzīvoja	apciemvoja
Vīpas				

"beigt", "piedot"

Es	beidzu	piedodu	beidzu	piedevu
Tu	beidz	piedod	beidzi	piedovi
Vipš	beidz	piedod	beidza	piedeva
Vipa				
Mēs	beidzam	piedodam	beidzām	piedevām
Jūs	beidzāt	piedodat	beidzāt	piedovāt
Vīpi	beidz	piedod	beidza	piedeva
Vīpas				

"mācīties", "vēlēties"

Es	mācos	vēlos	mācījos	vēlējos
Tu	mācies	vēlies	mācījies	vēlējies
Vipš	mācās	vēlās	mācījās	vēlējās
Vipa				
Mēs	mācāmies	vēlamies	mācījamies	vēlējamies
Jūs	mācāties	vēlaties	mācījāties	vēlējāties
Vipi	mācās	vēlas	mācījās	vēlējās
Vipas				

"rakstīt", "zvanīt"

Es	rakstu	zvanu	rakstīju	zvanīju
Tu	raksti	zvani	rakstīji	zvanīji
Vipš	raksta	zvana	rakstīja	zvanīja
Vipa				
Mēs	rakstām	zvanām	rakstījām	zvanījām
Jūs	rakstāt	zvanāt	rakstījāt	zvanījāt
Vipi	raksta	zvana	rakstīja	zvanīja
Vipas				

"gaidīt", "sacīt"

Es	gaidu	saku	gaidīju	saciņu
Tu	gaidi	saki	gaidīji	saciņi
Vipš	gaida	saka	gaidīja	saciņa
Vipa				
Mēs	gaidām	sakām	gaidījām	saciņām
Jūs	gaidāt	sakāt	gaidījāt	saciņāt
Vipi	gaida	saka	gaidīja	saciņa
Vipas				

"rādīt"

Es	rādu	rādīju
Tu	rādi	rādīji
Vipš	rāda	rādīja
Vipa		
Mēs	rādām	rādījām
Jūs	rādāt	rādījāt
Vipi	rāda	rādīja
Vipas		

Divdabīs - The Participle

The Participle is a non - finite form of the verb with some verbal, adjectival and adverbial features, e.g. Skaistas ir ziedošas puķes.

The Participle is characterized by voice (active and passive), tense (present and past), declination.

The active present participle is formed from the present stem with the ending ošs, fem. -oša, and is used in the sentence more attributively. The participle is declined like an adjective and has both definite and indefinite endings. It agrees with the noun in gender, number and case, e.g.:

ziedēt (to blossom) - ziedošs (m.g.), ziedoša (fem.g.)-blossoming.

Indefinite participle

<u>Singular</u>	<u>m.g.</u>	<u>fem.g.</u>
Nom.	ziedošs (dārzs)	ziedoša (puķe)
Gen.	ziedoša (dārza)	ziedošas (puķes)
Dat.	ziedošam (dārzam)	ziedošai (puķei)
Acc.	ziedošu (dārzu)	ziedošu (puķi)
Loc.	ziedošā (dārzā)	ziedošā (puķē)
<u>Plural</u>	<u>m.g.</u>	<u>fem.g.</u>
Nom.	ziedoši (dārzi)	ziedošas (puķes)
Gen.	ziedošu (dārzu)	ziedošu (puķu)
Dat.	ziedošiem (dārzim)	ziedošām (puķēm)
Acc.	ziedošus (dārzus)	ziedošas (puķes)
Loc.	ziedošos (dārzos)	ziedošās (puķēs)

Definite participle

<u>Singular</u>	<u>m.g.</u>	<u>fem.g.</u>
Nom.	ziedošais (dārzs)	ziedošā (puķe)
Gen.	ziedošā (dārza)	ziedošās (puķes)
Dat.	ziedošajam (dārzam)	ziedošajai (puķei)
Acc.	ziedošo (dārzu)	ziedošo (puķi)
Loc.	ziedošajā (dārzā)	ziedošajā (puķē)

<u>Plural</u>	<u>m.g.</u>	<u>fem.g.</u>
Nom.	ziedošie (dārzi)	ziedošās (puķes)
Gen.	ziedošo (dārzu)	ziedošo (puķu)
Dat.	ziedošajiem (dārziem)	ziedošajām (puķēm)
Acc.	ziedošos (dārzus)	ziedošās (puķes)
Loc.	ziedošajos (dārzos)	ziedošajās (puķēs)

The active past participle with the ending -is is formed from the stem of the past tense:

-is (m.g.), -usi (fem.g.),

e.g. noziedējis, noziedējusi (has been in blossom).

Indefinite participle

<u>Singular</u>	<u>m.g.</u>	<u>fem.g.</u>
Nom.	noziedējis	noziedējusi
Gen.	noziedējuša	noziedējušas
Dat.	noziedējušam	noziedējušai
Acc.	noziedējušu	noziedējušu
Loc.	noziedējušā	noziedējušā
<u>Plural</u>	<u>m.g.</u>	<u>fem.g.</u>
Nom.	noziedējuši	noziedējušās
Gen.	noziedējušu ^o	noziedējušu
Dat.	noziedējušiem	noziedējušām
Acc.	noziedėjusies	noziedējušas
Loc.	noziedējušos	noziedējušās

Definite participle

<u>Singular</u>	<u>m.g.</u>	<u>fem.g.</u>
Nom.	noziedējušais	noziedėjusi
Gen.	noziedējušā	noziedējušās
Dat.	noziedējušajam	noziedējušajai
Acc.	noziedējušo	noziedējušo
Loc.	noziedējušajā	noziedējušajā
<u>Plural</u>	<u>m.g.</u>	<u>fem.g.</u>
Nom.	noziedējušie	noziedējušās
Gen.	noziedējušo	noziedējušo
Dat.	noziedējušajiem	noziedējušajām
Acc.	noziedėjusies	noziedējušās
Loc.	noziedējušie	noziedējušajām

The past participle with the ending -is denotes a

completed action, a result or a state. Mostly it is used in compound tenses: Es esmu lasījis - I have a read etc.

The present passive participle with the endings -ams, -āms, fem. -ama, -āma. The participle is declined like an adjective.

Notice the indeclinable form of the passive participle with the ending -am.

Es rodzēju viņu (acc.) raudam. I saw her crying.

The past passive participle is derived from the infinitive stem with the endings -ts (m.g.), -ta (fem.g.) and -tais (m.g.), -tā (fem.g.):

atvērts, atvērtais logs (opened window, the opened window)
atvērta, atvērtā grāmata (opened book, the opened book).

The participle with the ending -ts is declined like adjectives. They are definite and indefinite.

Notice one more form of the present participle.

The mentioned present participle is formed with -īams, fem. -āma from the infinitive stem. It refers to the subject, agrees with it in number and gender. It has only the nominative case, e.g. rakstīt - rakstīdams.

The indeclinable active participle is formed with the ending -ot from the present stem and is used adverbially e.g. dziedāt - dziedot.

Dziedot dzimu, dziedot augu (a Latvian folk song).

The participle with -ot may be interchanged with -īams.
Bērni gāja pa ielu smējot.

The children went along the street laughing.

Astotā stunda. Unit VIII

- Aija, vai tu šodien esi ļoti aizņemta?
- Esmu gan. Strādāšu līdz pieciem, tad tūlīt braukšu mājās.
- Kas atvedīs Māriti no bērnudārza?
- Jāpā mamma. Viņa šovakar paliks pie mums. Mēs ar Jāni ejam uz teātri.
- Ko jūs skatīsieties?
- "Mariju Stjuarti". Bet tu laikam vēlies parunāt par vasaras plāniem.
- Jā. Vai pidošanās, kur dosīties?
- Vēl ne. Bet nu ir skaidrs, ka mums atvaļinājums būs jūnijā. Rita, vai tu nevari atnākt pie mums rītvakar? Mēs būsim mājās visu vakaru, tad arī perurāsim.
- Labi. Mēs varbūt atnāksim arī ar Eināru. Pirms tam es tev piezvanīšu.
- Gaidīšu.
- Novēlu jums jauku vakaru.
- Paldies. Līdz runām!

* * *

- Vai norunājāt kaut ko par atvaļinājumu?
- Jā, vakar pēc sarādes mēs visu apspriedām. Jānis iesaka doties pārgājienā gar jūru. Ko tu par to domā?
- Tā ir laba doma, bet kur mēs dabūsim teltis?
- Jānis par to parūpēsies.
- Kamu pārliecināta, ka Einārs saņēdār guļamvietas. Cik dienas mēs pavadīsim pie jūras?
- Domāju, ka ar nedēļu pietiks.
- Bet ja nu līs lietu?
- Pēdējos gados jūnijs ir bijis ļoti jauks.
- Cerēsim, ka mums laimēsies.
- Varbūt arī ēdus svinēsim jūras krastā?
- Tes gan būs skaisti.
- Tagad paskatīsimies maršrutu. Te ir karte.

- Vai ceļosim pa Vidzemes vai Kurzemes jūrmalu?
- Mēs domājam, pa Kurzemes jūrmalu. Tur būs interesantāk.

Jaunie vārdi. Vocabulary.

strādāt	to work
braukt	to go
atvest	to take
palikt	to stay
skatīties	to look (at)
skaidrs	clear
norunāt	to agree
izrāde	a performance
apspriest	to discuss
ieteikt	to advise
pārgājiena	a hike
doma	a thought
dabūt, sagādāt	to get
parūpēties	to take care of
telts	a tent
guļammaiss	a sleeping bag
pavadīt (laiku)	to spend
pietikt	to be enough
pēdējais	last
ir bijis	has been
laimētis	to have luck
svinēt	to celebrate
krasts	a shore
maršrūts	a route
karte	a map

Daži noderīgi vārdi un frāzes.

Useful words and phrases.

(Novēlu tev/ jums) jauku vakaru!	Have a nice evening!
Priecīgu svētku!	Congratulations!
Priecīgu Jānu!	Happy Jāni!
Priecīgu Ziemassvētku!	Happy Christmas!
Priecīgu Lieldienu!	Happy Easter!

Laimīgu Jauno gadu!	Happy New Year!
Apsveiculi	Congratulations!
	I congratulate you on...
Laimīgu ceļi!	Have a good journey!
Lai tev/ jums veicas!	Good luck!
Paldies. Tev/ jums tāpat.	Thank you, the same to you.

Vingrinājumi. Exercises.

I. Veidojiet jautājumus, uz kuriem varētu atbildēt šādi:
Form questions to which one could answer with the following sentences:

Pēcpusdienā es dabūšu biļetes uz teātri.
Rīt viņi jau būs Hamburgā.
Viņš atbrauks no laukiem otrdien.
Mēs parūpēsimies par viesiem.
Viņi dosies ceļā sešos.
Bērni atkal skatīsies šo filmu.
Rīt būs 10. jūnijs.
Šovakar viņi spēlēs simfonisko mūziku.

2. Ievietojiet darbības vārdus pareizajās laiku formās!
Fill in the proper tense forms of the verbs.

- A. - Es nevarēju atnākt.
- Vai tu man ... ? (piezvanīt)
- B. - Ir jau tumšs. Es (iet)
- Mēs tevi (pavadīt)
- C. - Vakars viņi ... vēlu. (atnākt)
- Šovakar mēs viņus ne-... . (gaidīt)
- D. - Kad kāš ... parunāties? (varēt)
- Kad es ... no Tallinas. (atbraukt)
- E. - Ko jūs ... pagājušajā svētdienā? (svinēt)
- Mammai jubileju.
- F. - Vai tu parīt ... mējās? (out)
- Vai nezina. Šis laiks ... dārzā (strādāt)

3. Pastāstiet savam sarunu biedram! Tell your partner.

Ko jūs darīšit rīt no rīta?

Vai dienā jūs strādāšit?

Cikos jūs satiksīt draugus?

Zur jūs ēdīsīt vakariņas?

Vai jūs zināt, ko darīsīt sestdien?

Vai jūs iesīt uz teātri vai kino?

Kad jūs izdomāšit, kā pavadīt atvaļinājumu?

Vai jūs nākošgad brauksīt uz ārzemēm?

Ja jūs brauksīt, cik ilgi tur paliksīt?

Kad jūs atkal sāksīt strādāt?

4. Pabeidziet teikumus! Complete the sentences.

Piezvani man no rīta! Tad parunāsim par

Mēs ar Jēni nākošajā gadā brauksim uz

Es domāju, ka visjaukāk vasaru pavadīt ir pie

Vai jūs nākat no ... ? Nē, mēs tikko atbraucām no ...

Kā mēs strādāsim pēc ... ?

Šeit nav daudz darba. Jāms pietiko ar

Tas ir pavisam tuvu. Mēs varam iet pa šo

Cik tālu ir līdz ... ?

5. Pārtulkojiet latviski! Translate into Latvian.

I'll go to Moscow in January.

Tomorrow they will have two lectures.

I am sure they will become good friends.

In the afternoon he will go to the library.

I'll be able to buy the dictionary only the day after tomorrow.

where will you spend summer?

How long will you stay there?

In a year he will graduate from the institute.

He won't be able to see you in the evening. He'll be busy.

The class will begin at nine sharp.

6. Atbildiet uz jautājumiem, izmantojot dotos darbības vārdus! Answer the questions. Use the given verbs.

Ko jūs darīsiet, ja

- a) Jūsu draugs/ draudzene neatnāks norunātajā laikā (the appointed time),
- b) sestdien un svētdien būs labs laiks,
- c) šajās dienās līs lietus,
- d) jūs negaidīti (unexpectedly) apciemos kāds pazīpa?

(braukšu, iešu, palikšu, piezvanīšu, priecāšos, peldēšos, atpūtīšos, skatīšos, lasīšu, rakstīšu, nerunāšu, dusmošos)

7. Ko jūs teiksiet? What would you say in the following situations?

- a) It's your friend's birthday.
- b) Your brother is going to take an exam.
- c) It's New Year's Day.
- d) Your neighbours are going away on holiday.
- e) Your friend is going to a concert.
- f) A colleague's book has been published.

Astotās stundas darbības vārdi. Verbs of Unit VIII

Nākotne. The Future.

"beigt", "braukt", "atvest", "palikt"

Es	beigšu	braukšu	atvedīšu	palikšu
Tu	beigsi	brauksi	atvedīsi	paliksi
Viņš	beigs	brauks	atvedīs	paliks
Viņa				
Mēs	beigsim	brauksim	atvedīsim	paliksim
Jūs	beigsiet	brauksiet	atvedīsiet	paliksiet
Viņi	beigs	brauks	atvedīs	paliks
Viņas				

"iet", "doties"

Es	iešu	došca
Tu	iesi	dosies
Vipā	ies	dosies
Vipa		
Mēs	iesim	dosimies
Jūs	iesiet	dosities
Vipi	ies	dosies
Vipas		

"atnākt", "apspriest"

Es	atnākšu	apsriedīšu
Tu	atnāksi	apsriedīsi
Vipā	atnāks	apsriedīs
Vipa		
Mēs	atnāksim	apsriedīsim
Jūs	atnāksiet	apsriedīšities
Vipi	atnāks	apsriedīs
Vipas		

"parunāt", "domāt", "dabūt", "sagādāt"

Es	parunāšu	domāšu	dabūšu	sagādāšu
Tu	parunāsi	domāsi	dabūsi	sagādāsi
Vipā	parunās	domās	dabūs	sagādās
Vipa				
Mēs	parunāsim	domāsim	dabūsim	sagādāsim
Jūs	parunāšities	domāšities	dabūšities	sagādāšities
Vipi	parunāšu	domās	dabūs	sagādās
Vipas				

"strādāt", "ceļot", "parūpēties"

Es	strādāšu	ceļošu	parūpēšos
Tu	strādāsi	ceļosi	parūpēsies
Vipā	strādās	ceļos	parūpēsies
Vipa			
Mēs	strādāsim	ceļosim	parūpēsims
Jūs	strādāšities	ceļošities	parūpēsities
Vipi	strādās	ceļos	parūpēsies
Vipas			

"varēt", "piesvanīt", "gaidīt", "novēlēt"

Es	varēšu	piesvanīšu	gaidīšu	novēlēšu
Tu	varēsi	piesvanīsi	gaidīsi	novēlēsi
Vipā	varēs	piesvanīs	gaidīs	novēlēs
Vipā				
Mēs	varēsim	piesvanīsim	gaidīsim	novēlēsim
Jūs	varēsiet	piesvanīsiet	gaidīsiet	novēlēsi-
Vipā	varēs	piesvanīs	gaidīs	novēlēs
Vipās				

"pavadīt", "svinēt", "skatīties", "vēlēties"

Es	pavadīšu	svinēšu	skatīšos	vēlēšos
Tu	pavadīsi	svinēsi	skatīsies	vēlēšies
Vipā	pavadīs	svinēs	skatīsies	vēlēšies
Vipā				
Mēs	pavadīsim	svinēsim	skatīsimies	vēlēsimies
Jūs	pavadīsiet	svinēsiet	skatīsieties	vēlēsi-
Vipā	pavadīs	svinēs	skatīsies	vēlēšies
Vipās				

"laimēties"

Man	laimēsies
Tev	laimēsies
Vipam	laimēsies
Vipai	
Kam	laimēsies
Jums	laimēsies
Vipam	laimēsies
Vipām	

Gramatika.

Grammar.

The Diminutive.

The Nouns which have the meaning of smallness, tenderness and have the endings -elis, -ele, -ene, -ēns, - ipš, -ipa, -itis, -ite, -sniņa, -tiņš, -tiņa. They are diminutive nouns, which are very often found in nursery rhymes, children's speech, folklore.

- elis	suns	- šunelis
- ele	roka	- rokēls
- ene	meita	- meitene
- ēns	dēls	- dēlēns
- ipš	dēls	- dēlipš
- ipa	māsa	- mācipa
- itis	brālis	- brālītis
- ite	upe	- upīte
- sniņa	sirda	- sirsniņa
- tiņš	gredzens	- gredzentiņš
- tiņa	zoss	- zostiņa

Note that the stem consonants - k - and - g - are changed into - c - and - dz - before the suffixes - ipš, - ipa e.g. draugs - draudziņš, lauks - lauciņš

Devītā stunda. Unit IX

- Labdien! Vai drīkst?
- Sveicināti! Mēs jūs jau gaidām. Aija, tie ir mani draugi - Juris un Inese.
- Labdien! Ļoti priecājos ar jums iepazīties. Lūzū, nogerbieties! Gaitenis mums gan nav sevišķi ērts. Foties mums ir četras istabas.
- Četras?
- Jā, dzīvojamā istaba, darbastaba, guļamistaba, bērni-istaba un, protams, arī virtuve, vannas istaba un tualete.
- Vai ir arī visas ērtības?
- Jā, - centrālapkure, gāze, siltais un aukstais ūdens, telefons.
- Vai virtuve ir liela? Vai viegli saimniekot?
- Nē, diemžēl virtuve mums nav liela. Tur ir gāzes plīts, ledusakapis, trauku skapis, galds un taburetes. Nu, bet iesim tālāk. Apsēdieties, lūdzu!
- Pie jums ir ļoti mājīgi.
- Mēs dzīvokli iekārtojam pamazām. Mēs nopirkām mēbeles uz nomaksu - vispirms dzīvojamās istabas, tad guļam-istabas iekārtu. Bērniestabu un darbastabu Jānis iekārtoja pats.
- Jums ir skaistas mīkstās mēbeles - dīvāns un atpūtas krēslī.
- Jā, man patīk spilgtas krāsas. (Ieskrien Māriete) Un šī ir mūsu mīta Māriete.
- Labdien!
- Un tagad, meitiņa, ej uz savu istabu! Mēs pie tevis ieliesim vēlāk. Vai jūz, lūdzu, dzeksiet teju vai kafiju?
- Mums, lūdzu, tēju.
- Man kafiju.
- Jāni, parādi tikmēr viesiem savu darbastabu.
- Labprāt! Šeit, lūdzu. Kā redzat, mums nav liels.

tāpēc būvēju plauktus pa visu sienu.

- Vai šis modernie krēslī arī ir tavs darbs?
- Jā gan, un te skapī es glabāju savus instrumentus.
- Vai šis ir rakstāmgalds?
- Nē, mēs to izmantojam dažādām vajadzībām.
- Un tagad, lūdzu, pie galdi!

Jaunie vārdi.Vocabulary.

nogērbties	to undress
sevišķi	particularly
dzīvojamā istaba	a living room
darbistaba	a study
guļamistaba	a bedroom
bērnistaba	a nursery
vannas istaba	a bathroom
tualete	a toilet
ērtības	conveniences
centrālā apkure	central heating
saimniekot	to work (to keep house)
gāzes plīts	a gas-stove
ledusskapis	a refrigerator
trauku skapis	a china closet
taburete	a stool
apsēsties	to sit down
zājīgs	cozy
iekārtot	to furnish
pamazām	little by little
mēbeles	furniture
uz nomaksu	on instalment
vispirms	first
mīksts	soft
dīvāns	a sofa
atpūtas krēsls	an arm-chair
tīkāmēr	meanwhile
kā redzat	as you see
būvēt	to build
glabāt	to keep

instrumenta	an instrument
rakstāmgalds	a writing table
izmantot	to make use of
vajadzība	a need

Daži noderīgi vārdi un frāzes.

Useful words and phrases.

Piedodiet, kā man aizbraukt līdz ... ?	Excuse me, now shall I get to ... ?
Brauciet ar ... tramvaju/ trolejbusu/ autobusu ...	You have to take a No ... tram/ trolley/ bus ...
Cik tālu man jābrauc?	How far shall I go?
Jums jābrauc līdz ...	You have to go as far as ...
Kur ir tuvākā tramvaju/ trolejbusu/ autobusu pietura?	Where is the nearest tram/ trolley/ bus stop?
Ejiet taisni līdz pārejai/ krustojumam ...	Go straight ahead as far as the pedestrian crossing/ crossroads ...
Pagriezieties pa labi/kreisi.	Turn to the right/ left.
Paldies par viesmīlību!	Thank you for your hospitality.
Es jūs pavadišu.	I'll see you home.

Vingrinājumi. Exercises.

I. Aprakstiet sevās dzīvojamās istabas, gulamistabas, darbstabas iekārtojumu, izmantojot dotos vārdus!
Describe your living room, your bedroom and your study. Use the following word.

Man ir ...

Manā ...istabā ir ..

galds	a table
mazs galdiņš	a little table
tualetes galdiņš	a dressing table
rakstāmgalds	a writing table

krēsls	a chair
atpūtas krēsls	an arm-chair
dīvāns	a sofa
kušete	a couch
gulta	a bed
drēbju skapis	a wardrobe
grāmatskapis	a bookcase
bufete	a sideboard
sekcija	a wall unit
plaukts	a shelf
lampa	a lamp
stāvlampa	a standard lamp
sienas lampa	a wall lamp
klavieres	a piano
televizora	a TV set
glezna	a picture
paklājs	a carpet, a rug
aizkars	a curtain

2. Atbildiet uz jautājumiem! Pievērsiet uzmanību prievārdu lietojumam! Answer the questions. Pay attention to the use of prepositions.

A. Vai jums ir dzīvoklis vai māja?

Kurā stāvā jūs dzīvojat?

Cik istabu ir jūsu dzīvoklī/ mājā?

Vai jums ir sava istaba?

Kādas ērtības jums ir?

Kādas mēbeles ir virtuvē?

Vai jūs ēdat virtuvē vai istabā?

Kura ir lielākā istaba jūsu dzīvoklī/ mājā?

Kādas mēbeles ir šajā istabā?

Kur jums ir telefons?

B. Vai pie sienām ir gleznas?

Vai uz grīdas ir paklājs?

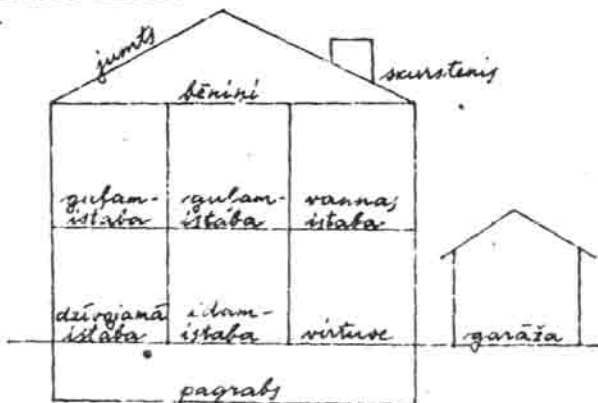
Vai pie loga ir rakstāmgalds?

Vai pie durvīm ir atpūtas krēsls?

Vai pie dīvāna ir stāvlampa?

- Vai uz galda ir vāze?
Vai ap galdu ir krēsli?
Vai zem virtuves galda ir taburete?
Vai virs gultas ir sienas lampa?
Vai aiz loga ir dārzs?

3. Aprakstiet mājas ieliktumu pēc dotā plāna!
Describe the house.

- jumsis - a roof bēniņi - an attic
skurstenis - a chimney pagrabs - a basement
garāža - a garage

4. Uzzīmējiet a) sava dzīvokļa/ mājas plānu,
b) savas istabas plānu; aprakstiet tos!
Draw the plan a) of your flat/ house,
b) of your room. Describe them.
5. Veidojiet dialogu, izmantojot frāzes 35. lpp.!
Make up a dialogue. Use the phrases on p. 36.

Atkārtojums. Revision.

Lietvārdu un personu vietniekvārdu locīšana.
Declension of Nouns and Personal Pronouns.

I. Veidojiet teikumus! Form sentences.

Nominatīvs Nominative	Ģenitīva Genitive			
	I	2	3	4
meitene	meitenes	grāmatas	ir	laipni
Ilga	Ilgas	sporta zāle	nav	skaista
pilsēta	pilsētas	parki	bija	biezs
institūts	institūta	brālis	nebija	jauks
draugi	draugu	mājas	būs	interesantas
students	studenta	māte	nebūs	garlaicīga
Ilze	Ilzes	fotogrāfijas		plaša
radi	radu	žurnāls		zeļi
skola	skolas	dāvana		gudrs
Aivars	Aivara	pazīpas		vecas
lauki	lauku	glezna		jaunas

Iegaumējiet! Memorize.

Prievārdu lietojums ar ģenitīvu.³⁸
Use of prepositions with the Genitive.

A. Vienok. - sg.

1. "aiz" - behind Aiz logs aug koks.
 Aiz mājas ir dārzs.
 Aiz manis ir siens.
2. "virš"- above Virš plaukta ir glezna.
 Virš zemes ir debesis.
 Virš tevis ir jurtis.
3. "zem" - under Zem galda sēž kaķis.
 Zem mājas ir pagrabs.

*³⁸ Biežāk lietotāmie prievārdi. The most frequently used prepositions.

4. "pie" - at
Pie veikala ir rinda.
Pie skolas ir parks.
Pie viņa ir draugi.
5. "no" - from
Viņa nāk no veikala.
Zēns nāk no skolas.
Es nāku no viņas.
6. "pēc" - after
Pēc eksāmena viņi atpūtās.
Mēs iesim uz darbu pēc stundas.
Jūs ejat pēc viņa.
7. "bez" - without
Viņi mācās bez skolotāja.
Bez grāmatas ir garlaicīgi.
8. "kopš" - since
Kopš janvāra viņa šeit nedzīvo.
Es dzīvoju šeit kopš vasaras.
9. "pirms" - before
Tas bija pirms koncerta.
Viņa aizgāja pirms stundas.
10. "uz" - on
(kur? - where?)
Grāmatas ir uz galdā.
Uz ielas ir daudz cilvēku.
11. "dēļ" - for (the sake of)
Tas ir tikai meitas dēļ.
Manis dēļ nenāc.
12. "priekš" - for
Šis platenis ir priekš skolotāja.
Šie žurnāli ir priekš viņas.

B. Daudzāk. - pl.

"dēļ" - for the sake of

Es to izdarīšu draugu dēļ.
Viņi nokavē, manis dēļ.

2. Veidojiet teikumus! Form sentences.

A.

Datīvs Dative			
I	2	3	4
Imantam	ir	labs draugs	pašlaik
Jānim	nav	atvaļinājums	drīz
Annai	bija	brīvdiena(s)	pagājušajā
Inesei	nebija	liels prieks	vasarā
man	bū	pārsteigums	nākošajā
tev	nebūs	dārza	mēnesī
viņam		daudz darba	
viņai			
mums			
jums			
viņiem			
viņām			

B.

I	2	3	4
tēvam		strādāt	no rīta
Andrim		pastaigāties	pēcpusdienā
Rasmai		mācīties	vakarā
mātei	patīk	atpūsties	naktī
man		lasīt	vasarā
tev	nepatīk	runāt pa telefonu	ziemā
viņam		spēlēt futbola	rudenī
viņai		spēlēt šahu	vienreiz
mums		klausīties radio	nedēļā
jums		braukt ar mašīnu	garas reizes
viņiem		skriet	mēnesī
viņām			

G. Kas tev garšo? What do you like?

<u>7ai tev garšo... ?</u>	augļi - fruit
<u>van garšo...</u>	āboli - apples
<u>brāļim garšo ...</u>	ogas - berries
<u>māsai garšo ...</u>	dārzeņi - vegetables
	saldumi - sweets
	kūkas - cakes
	šokolāde - chocolate
	kafija - coffee
	kakao - cocoa
	limonāde - lemonade

Iegaumējiet! Memorizē!

Prievārdu lietojums ar datīvu.

Use of prepositions with the Dative.

A. Viensk. - sg.

"līdz" - till; to

Es šeit būšu līdz vakaram.

Līdz vakardiņai viņš bija laukos.

Līdz pūstam ir 3 kilometri.

Cik tālu ir līdz skolai?

B. Daudzsk. - pl.

Aiz logiem aug koki.

1. "aiz" - behind

Aiz mājām ir dārzi.

Aiz mums ir siens.

2. "virš" - above

Virs plauktiem ir gleznas.

Virs jumta ir jumts.

3. "zem" - under

Zem galdiem ir soli.

Zem mājām ir pagrabi.

4. "pie" - at

Pie veikla ir rindas.

Pie skolām ir parki.

Pie viņiem ir draugi.

5. "no" - from
Vīpa nāk no veikaliem.
Šis nāku no viņiem.
6. "pēc" - after
Pēc eksāmeniem viņi atpūtās.
Pēc stundām mēs iesim mājās.
Jūs esat pēc viņiem.
7. "bez" - without
Viņi mācās bez skolotājiem.
Bez grāmatām ir garlaicīgi.
8. "kopš" - since
Viņš dzīvo šeit kopš seniem
laikiem.
Es dzīvoju šeit kopš brīvdienām.
9. "pirms" - before
Tas bija pirms jūsu koncertiem.
Viņa aizgāja pirms stundām.
10. "uz" - on
Grāmatas ir uz galdiem.
Uz ielām ir daudz cilvēku.
11. "priekš" - for
Šīs plates ir priekš skolotājiem.
Šie žurnāli ir priekš viņiem.
12. "līdz" - till, by;
to
Es šeit būšu līdz pieciem.
Līdz kāzām viņa dzīvoja
laukos.
Līdz veikaliem ir tālu.
Līdz mājām ir 3 kilometri.
13. "ap" - around
Ap galdiem ir krēslī.
Ap mājām ir dārzi.
14. "pār" - above
Pār ezeriem lido putni.
Pār upēm ir tilti.
15. "par" - about
Mēs runājam par žurnāliem.
Viņa runāja par grāmatām.
Viņa runāja par jums.
16. "pret" - against
Viņi gāja pret rītiem.
Tu esi nelaipus pret mums.
17. "starp" - between,
among
Starp dārziem ir taka.
Starp mājām ir laukums.

Iegaumējiet! Memorize.

Prievārdu lietojums ar akuzatīvu.

Use of prepositions with the Accusative.

Vier. k. - sg.

1. "ap" - around	<u>Ap</u> galdu sēž cilvēki.
<u>Ap</u> viņu vienmēr ir draugi.
2. "pār" - above	<u>Pār</u> ezeru lido putni.
<u>Pār</u> upi ir tilts.
3. "par" - about	Mēs runājam <u>par</u> šo žurnālu.
Vai jūs runājat <u>par</u> politiku?
4. "pret" - against	Viņi gāja <u>pret</u> sauli.
Tu esi nelaipns <u>pret</u> mani.
5. "starp" - between	<u>Starp</u> māju un lauku ir ceļš.
6. "caur" - through	Zēns izlīda <u>caur</u> spraugu.
7. "pa" - along	Vai jūs gājāt <u>pa</u> lauku?
Viņi gāja <u>pa</u> ielu.
8. "uz" - to
(uz kurieni?
where(to)?)	Bērni aizgāja <u>uz</u> mežu.
Kad jūs iesī(e) uz universitāti?
9. "ar" - with	Viņš raksta <u>ar</u> zīmuli.
Meitene atnāca <u>ar</u> rozi.

4. Veidojiet teikumus! Form sentences.

1	2	3 Lokatīvs. Locative	
		kur? - where?	kad? - when?
bērni	ir	universitātē	ziemā
dārziņš	iet	mājās	vasarā
aktrise	atpūšas	laukos	pavasari
ārsts	spēlējas	pilsētā	aprīlī
māsa	dzīvo	dārzā	rudenī
studenti	strādā	mežā	dienā
žurnālists	mācās	tirgū	pēcpusdienā
vecīti	sauļojas	jūrmalā	vakarā
agroloms	pastaigājas	istabā	naktī
vecmāte	iepērkas	teātrī	šajā gadā
draugi	lasa	ciemos	šajā laikā

dārziņš - a garden

sauļoties - to bask in the sun

iepirkties - to go shopping

Prievārdu lietošana.

Use of Prepositions.

Ģenitīvs	Datīvs	Akuzatīvs
Vienskaitlis		
aiz, virs, zem, pie, no, pēc, bez, kopš, pirms, dēļ, uz	līdz	ap, pār, par, pret, starp, caur, pa, ar, uz
Daudzskaitlis		
dēļ	aiz, virs, zem, pie, no, pēc, bez, kopš, pirms, uz, priekš, līdz, ap, pār, par, ar, pret, starp, caur pa	

Desmitā stunda. Unit I

Par gulšanu.

Vecāmāte žēlojās: "Nevaru sevā vietā gulēt". Vectēva smējās: "Es varu gulēt visur - pat ugunī un ūdenī".

Gulēt jāmek. Vislabāk jau tomēr ir mājās, savā gultā.

Savā gultā? Nu nē! Tur man nemaz nelikās interesanti. Pie vectēva - tur gar. Vīpš stāstīja par veciem laikiem. Pie tēva - tēv. vakaros dziedāja. Pie mātes - māte zināja pasakas. Apmiļoja mani un teica: "Guli, nu, guli! Saulīte arī naktī atpūšas."

Izaugu liels. Strādāju dažādus darbus. Biju mežstrādnieks, geologs. Braukāju pa pasauli. Gulēju vilcienos, autoostās, lidostās, lauku mājās, viesnīcās, mežā. Bieži no rīta vēl nezināju, kur vakarā gulēšu. Vectēvam taianība - gulēt arī jāmek. Gultā gulēt māc visi. Ārā ne. Lietus un sniegs, aukstums un karstums, un vējš traucē izgulēties.

Gulēšana jaunā vietā man joprojām ir liels piedzīvojums.

Torni.

Ziema vai vasara, saule, lietus vai sniegs, sestdienās un svētdienās es mājās nesēžu. Parasti dodos uz tādu vietu, kur vēl neesmu bijis.

Šodien es eju pa Pierīgas mežiem.

Saulaina novembra diena. Pusdienā silti, bet piovakarē salst. Būs auksta nakts. Dienas otrajā pusē iemaldos vietā, kur aug sīki bērziņi. Pa ledu iet viegli. Bet kur lai gul? Man mugursomā ir tīri plāna sega un trīts. Pamaļē redzu meža ugunsargu torni. Zinu - tādi ir augstākās vietās. Tur noteikti nebūs slapjā. Steidzos turp.

Tornis sen nav lietots. Torpa smailē ir būda. Dāļu sienas, jumts, grīda. Logi gau issieti. Saule vēl ir

viņš kokiem, bet arī mēness ir ja" klāt. Kaut nezinu, kur gulēšu, - stāvu un priecājos par sauli, mēnesi un mežu. Varbūt palikt tornī? Jums pārņās labi. Bet uz plikās grīdas es salšu.

Lejā ap torni aug virši. Griežu viršus. Uznesu tornī. Uznesu vēlreiz. Tresoreiz. Diezgan.

Pa logiem redzu tikai mēnesi un zvaigznes. Liekas, guļu debesis. (Pēc A. Baižas "Kā nakšpo ceļavīro")

Jaunie vārdi. Vocabulary.

gulēt	to sleep
žēloties	to complain
svešs	unknown
smieties	to laugh
uguns	fire
ūdens	water
jāmāk	one must know
dziedāt	to sing
pasaka	a fairy tale
apmīļot	to caress
saulīte	the sun (diminutive)
izaugt	to grow up
geologs	a geologist
braukāt	to be on the move
pasaule	the world
vilciens	a train
autoosta	a bus station
lidosta	an airport
viesnīca	a hotel
teisenība	truth
ārā	outside
sniegs	snow
aukstums	cold
karstums	heat
traucēt	to bother
izgulēties	to have a good sleep
joprojām	still

piedzīvojums	an adventure
tornis	a tower
doties	to make for
(es) neesmu bijis	I haven't been
pievakare	late afternoon
salt	to freeze
iesaldities	to blunder in
sīks	small, tiny
bērze	a birch
bērziņš	a birch (diminutive)
ledus	ice
mugursoma	a knapsack
sega	a blanket
pusmale	the horizon
redzēt	to see
sarga	a watchman
slēpjā	wet
steigties	to hurry
lietots	used
smalle	a spire
būda	a hut
dēlis	a board
izsist	to break
mēness	the moon
klāt	here
pliks	bare
lejā	down
virši	heather
darboties	to act, to work
griest	to cut
uzņemt	to take up
zvaigzne	a star
dabesis	the sky
nakšpot	to spend the night

Vingrinājumi. Exercises.

I. Atbildiet uz jautājumiem! Answer the questions.

Kāpēc bija interesanti gulēt pie vectēva?

Ko darija tēvs un māte vakaros?

Par ko strādāja Atis, kad izauga liels?

Kāpēc ārā gulēt nav viegli?

Kur dodas Atis sestdienās un svētdienās?

Kur Atis devās kādā novembra dienā?

Kas viņam bija līdzī? .

Kāpēc viņš gāja uz torni?

Kāds izskatījās tornis?

Kā Atis gatavojās naktsguļai?

naktsguļa - shelter for the night

2. Pārveidojiet vārdnēs! Transform into the Present.

Vectēvs smējās: "Es varu gulēt visur".

Tur man nemaz nelikās interesanti.

Tēvs vakaros dziedāja.

Māte zināja pasakas.

Māte apmīļoja mani un teica: "Culi nu!"

Es strādāju dažādus darbus. Braukāju pa pasauli.

3. Pārveidojiet nākotnēs! Transform into the Future.

Vislabāk tomēr ir mājās.

Sestdienās un svētdienās es mājās nesēžu.

Šodien eju pa Pierīgas možiem.

Pusdienā ir silti.

Es priecājos par sauli.

Uznesu viršus tornī.

4. Pārveidojiet pagātnēs! Transform into the Past.

Šodien došos uz mežu.

Būs auksta nakts.

Uz grīdas es salšu.

Aukstums traucēs izgulēties.

Jumts pasargās labi.
Pa logu es redzēju zvaigznes.

5. Ievietojiet prievārdus! Fill in prepositions.

... vectēva viennāc ir interesanti. Viņš bieži stāsta
... veciem laikiem.
Man ļoti patīk staigāt ... mežu rudenī.
Ko tu redzi ... savas istabas logiem?
... rīta es redzu sauli, vakarā - mēnesi, ja ir skaists
laiks.
Viņš daudz ceļo ... pasauli.
Vai gulēt ... zemes ir vieglī?
... torni visu dienu lido putni.

6. Ievietojiet atbilstošos vārdus pēc satura!
Fill in the appropriate words.

- Es varu labi ... tikai mājās. Svētdienā viņa grib
labi ... (gulēt, izgulēties)
- Viņi atgriezās vēlu Vēlā rudenī ...
bieži sāk silt.(vakarā, pievakarē)
- Jaukā laikā man patīk ... ar velosipēdu gar
jūru. Vai jūs ... uz darbu ar tramvaju vai
trolejbusu? (braukt, braukāt/braucat, braukājat)
- Viņš cer ... līdz 1. 90 m. Nesaprotu, kāpēc
šis koks ne-... garāks. (augt, izaugt/ aug, izaug)

7. Lietojiet pareizās īpašības vai apstākļu vārdu
formas! Use the proper forms of adjectives or
adverbs.

- A.
- Viņš interesant_ stāstīja par savu ceļojumu.
Tas bija interesant_ piedzīvojums.
 - Ārā ir diezgan aukst_ . Vai tev ir silt_ ? Jā,
šeit ir ļoti silt_ .
 - Nav viegl_ gulēt ārā aukstumā.
Viņi paēda viegl_ vakariņas.

- d) Tu esi plān_ apgērbies.
Tev jau arī ir plān_ nētelis.
- e) Fornis atradās augst_ vietā.
Saulē vēl ir augst_ virs meža.

apgērbies - dressed

B.

- a) Kalniņu ģimenē ir trīs bērni. ... ir Imants.(vecs)
- b) Priedes ir ... nekā bērzi. (liels)
- c) Šis vingrinājums ir grūts. Tev ... ir trešais.
(piemērots)
- d) Liekas, ka šodien ... diena nekā vakar.
(saulains)
- e) Mežmalā aug ... koki un krūmi. (sīks)

priede - a pine

mežmala - a fringe of a forest

8. Pārveidojiet teikumus, lietojot pretējas nozīmes vārdus no teksta! Change the sentences giving the opposite of the underlined words.

Vīpa ir mana pašīpa kopš skolas laikiem.

Ar draugiem nekad nav garlaicīgi.

Dzīvojamā istabā pie sienas ir jauns pulkstenis.

Diemžēl mums ir ļoti mažas istabas.

Mana istaba ir vistumšākā visā mājā.

Pēdējos gados ziemas ir siltas.

To pateikt ir grūti. Es tiešām nezīnu.

Es nevaru izlasīt tik biezu grāmatu divās dienās.

Vīpam šī filma ir nepiemērota. Vīpš ir pārāk jauns.

Dzīvojamā mājā ir daudz zemāki griesti nekā skolā.

9. Izveidojiet stāstījumu no dotajiem fragmentiem!
Nolasiet to savam sarunu biedram! Try to put the
pieces together. Read it out to your partner.

Es bieži šonakt atkal gulēju gulta.
 pamestās mājās. bērņos.
 Jums vir galvas, ja list. pārgāju
 Labprāt tāpēc nokas, pamatā mājā.
 nakšņoju akotās grāmatas bērņos
 dažas mēbeles - Pie sienas Istabā vēl ir bērņos
 skapis, Cilvēki pārgājuši uz zāli, un
 ciematu. Ēit ir arī vecas vecs pulkstenis.
 ābolu smarža.
 brāļu Grimmu pasaku grāmata, durvis, un beigu.
 pulkstenis.
 Piecelties, bet tai nav sākuma, atveru
 Tik-tak ist Istabā ienāk
 burtnīcas.

pamests	-	abandoned
(viņi) pārgājuši	-	(they) have moved (to)
ciemats	-	a village
piecelties	-	to stand up
atvērt	-	to open
pasaka	-	a fairy tale
smarža	-	smell

The Passive Voice.

In Latvian there are two voices: active and passive. The passive voice is formed by the past passive participle and the verbs tikt, tapt, klūt (to become) or būt (to be).

Sakmes tiek pārdotas tirgū - vegetables are sold in the market.

The participle agrees with the subject in gender, number and case. The passive voice which is made with the help of the verbs - tikt, tapt, klūt are used to form simple tenses, e.g.

Viņš tiek mācīts - he is taught,

viņš tika mācīts - he was taught,

viņš tiks mācīts - he will be taught.

The passive voice formed with the auxiliary verb būt has the meaning of a completed action in the past,

e.g. Viņš ir mācīts - he has been taught,

viņš bija mācīts - he had been taught, etc.

In Latvian the passive voice is used mostly in the cases when the doer is not mentioned,

e.g. Māja tiek celta - the house is being built.

Only the transitive verbs convey real passive meaning.

The Passive Voice has three moods:

indicative, conditional and relative.

Indicative Mood - mācīts

Simple Present

Simple Past

Simple Future

Tense

Tense

Tense

Es	tieku mācīts,-ta	tiku mācīts,-ta	tikšu mācīts,-ta
tu	tiec mācīts,-ta	tiki mācīts,-ta	tiksi mācīts,-ta
viņš	tiek mācīts,	tika mācīts,	tiks mācīts
viņa	tiek mācīta,	tika mācīta	tiks mācīta
mēs	tiekam mācīti	tikām mācīti,-as	tiksīm mācīti,-as
jūs	tiekat mācīti,-as	tikāt mācīti,-as	tiksiet mācīti,-as
viņi	tiek mācīti	tika mācīti	(-it) mācīti
viņas	tiek mācītas	tika mācītas	tiks) mācītas

Present Perfect Tense	Past Perfect Tense	Future Perfect Tense
Es esmu mācīts,-ta	biju mācīts,-ta	būšu mācīts,-ta
tu esi mācīts,-ta	biji mācīts,-ta	būsi mācīts,-ta
viņš ir mācīts	bija mācīts	būs mācīts
viņa ir mācīta	bija mācīta	būs mācīta
mēs esam mācīti,-as	bijām mācīti,-as	būsim mācīti,-as
jūs esat mācīti,-as	bijāt mācīti,-as	būsiot mācīti,-as
viņi ir mācīti	bija mācīti	(-it) mācīti
viņas ir mācītas	bija mācītas	būs) mācītas

Conditional Mood

Simple Present Tense	Present Perfect Tense
----------------------	-----------------------

Es tiktu mācīts,-ta	būtu mācīts,-ta
tu tiktu mācīts,-ta	būtu mācīts,-ta
viņš tiktu mācīts	būtu mācīts
viņa tiktu mācīta	būtu mācīta
mēs tiktu mācīti,-as	būtu mācīti,-as
jūs tiktu mācīti,-as	būtu mācīti,-as
viņi tiktu mācīti	būtu mācīti
viņas tiktu mācītas	būtu mācītas

Relative Mood

Simple Present Tense	Simple Future Tense
----------------------	---------------------

Es tiekot mācīts,-ta	tikšot mācīts,-ta
tu tiekot mācīts,-ta	tikšot mācīts,-ta
viņš tiekot mācīts	tikšot mācīts
viņa tiekot mācīta	tikšot mācīta
mēs tiekot mācīti,-tas	tikšot mācīti,-tas
jūs tiekot mācīti,-tas	tikšot mācīti,-tas
viņi tiekot mācīti	tikšot mācīti
viņas tiekot mācītas	tikšot mācītas

Present Perfect Tense	Future Perfect Tense
Ks esot mācīts,-ta	būšot mācīts,-ta
tu esot mācīts,-ta	būšot mācīts,-ta
viņš esot mācīta	būšot mācīta
viņa esot mācīta	būšot mācīta
mēs esot mācīti,-tas	būšot mācīti,-tas
jūs esot mācīti,-tas	būšot mācīti,-tas
viņi esot mācīti	būšot mācīti
viņas esot mācītas	būšot mācītas

The Conjunction

In Latvian conjunctions fall into the following types: coordinating and subordinating conjunctions.

Coordinating conjunctions link words or sentences. They may be simple: un, arī, bet, tomēr, vai and double:

gan - gan; ir - ir; ne - ne; ne vien - bet arī; tiklab - kā arī; ne tikai - bet arī; ne tikvien - bet arī; drīz - drīz; nedz - nedz; te - te; tik - tik;

e.g. Bērni spēlē bumbu un peldas jūrā. Peidējās ne vien leitēnes, bet arī zēni. Tiklab leitēnes, kā arī zēni brauca ekskursijā. Lēkciju klausījās gan skolotāji, gan skolēni.

Subordinating conjunctions connect homogeneous parts of a simple sentence, introduce subordinate clauses:

kaut, lai, lai gan, jebku, kaut, kaut gan, kaut arī, ja, kad, ka, tā kā, tā ka, it kā, vai, jo - jo etc.

Tā bija it kā pasaka.

Lai gan bija saulains laiks, mēs rēdējām istabā.

Satura rādītājs

Sestā stunda Unit VI.....	3
Septītā stunda Unit VII.....	15
Astotā stunda. Unit VIII	26
Devītā stunda. Unit IX	34
Desmitā stunda. Unit X	47

Л А Т В И Й С К И Й У Н И В Е Р С И Т Е Т
Кафедра иностранных языков

УСЛОВИЯ РЕФЕРЕНТНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ СЛОВА

Научные труды

Том 563

Латвийский университет
Рига 1991

А.Г.Рейсбергс

КОНТЕКСТУАЛЬНОВ ПЭМЕНТРИЕ СЕМАНТИКИ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросы использования фразеологических единиц (ФЕ) в речи и связанные с ними семантические процессы представляют большой научный интерес. В этой статье рассматривается окказиональное использование ФЕ — т.е. целенаправленное изменение традиционной семантики, или структуры и семантики ФЕ. Мы ограничиваемся семантическими преобразованиями ФЕ, при которых нарушается устойчивость ФЕ на семантическом уровне. В латышском языке, как и в других языках [1], желаемый стилистический и семантический эффект достигается применением приемов окказионального использования ФЕ. Далее рассмотрены четыре из наиболее часто используемых приемов окказионального использования ФЕ.

Развернутая метафора. Сущность этого приема заключается в развертывании образа ФЕ с целью смещения старшей образности, или лучшей интеграции ФЕ в контексте. При развертывании метафоры сама ФЕ не изменяется, однако происходит конкретизация и раскрытие значений одного или более компонентов ФЕ, вследствие чего создается целый система образов и метафор. Развернутая метафора может охватить предложение, абзац, даже весь текст.

Материал латышского языка показывает, что в основу развернутой метафоры могут быть положены только образные фразеологизмы, хотя образность может быть потеряна.

В отличие от приема двойной актуализации исключается возможность буквального понимания словосочетания, или его компонентов, так как метафора сама по себе является стилистическим приемом, основанным на переносе значения. Картина, созданная развернутой метафорой, составляет метафорический план, тогда как при двойной актуализации происходит отождествление двух планов восприятия. Пере-

осмысленный характер развертывания хорошо раскрывается в контексте.

Очевидно в распространенной чертой развернутой метафоры является тенденция к осложненному и конвергентному использованию. Никакой другой прием окказионального использования не обладает в латышском языке такой продуктивностью в комбинированном фразеупотреблении (свыше 65% всех случаев употребления развернутой метафоры).

Чаще всего развернутая метафора комбинируется с приемом распространения ФЕ, причем метафора является основным приемом окказионального употребления, раскрывая образ, а распространение уточняет значение ФЕ. Например:

liet ūdeni (лить воду):

Atkal nolēji idejiski ūdeni, - Bluzona aiz muguras ierīca. Skaidrību viņa balstī grūti nemanīt.

- Vai tev kāds aizliedzis? - Ervins izmet pār plecu

- Krāni par tievēm. - Bluzona saka un norūšas.

- Visiem jau nav tādas va erklozetes (A. Driņš. Kaķi maīnā. - Rīga, 1977. - lpp. 40).

Таким образом, при развернутой метафоре усиливается переносность ФЕ, развертывается образ, на котором ФЕ звучит, повышается экспрессивность фразеупотребления. Текстобразующая функция приема демонтирует связь приема семантического изменения ФЕ и контекста, выявляет потенциальную динамичность ФЕ.

Двойная актуализация, или буквализация, заключается в обыгрывании значения ФЕ и буквального значения ее временного прототипа в целом или в целом или в буквальной интерпретации одного или нескольких компонентов ФЕ, в результате чего создается новое столкновение двух полюсов восприятия. Двойная актуализация точнее и ярче всех остальных приемов отражает двойную сущность семантики ФЕ, которая в большей степени основана на разделенноформленности и является ее результатом.

структурной организации двойная актуализация представляет собой как минимум двучленное образование — сама ФЕ и ее актуализатор или набор актуализаторов. Второй элемент двойной актуализации (актуализатор) может входить в состав ФЕ, находиться за пределами ее структуры и локализоваться контактно или дистантно. В приведенном выше примере обыгрывание ФЕ было предварительным и последующим, причем обыгрывалось значение сразу двух компонентов.

Чаще всего встречаются случаи с дефразеологизацией значения всего словосочетания после полной актуализации его переносного значения. Например:

stāvēt pašam uz savām kājām (стоять на своих ногах):

— Jaunais cilvēks, cik jums gadu? ...

— Astoņpadsmit ...

— Tad jums laiks stāvēt pašam uz savām kājām, novie uz manām (M. Birze. Nejauši noklausīta saruna.—Rīga, 1965.—Lpp. 21).

В неожиданности и столкновениях ФЕ и ее переменного прототипа заключается яркий стилистический эффект приема двойной актуализации. Противопоставление двух семантических планов резко повышает экспрессивность текста и обычно создает юмористический эффект.

Также часто встречается обыгрывание лексического значения одного компонента после раскрытия переносного значения ФЕ (обыгрывание значения двух или более компонентов ФЕ — явление довольно редкое). Например:

spēlēties ar uguni (играть с огнем):

Spēlēties ar uguni — vienā bijis sīstami, ar olimpisko uguni pat pazemojosi un noīdzīgi (Porta. — 1934. — 25. apr.).

Встречается, хотя и реже, обратное явление — слова, обыгрывающие значение ФЕ, находятся перед ней, то есть читатель вначале воспринимает прямое значение слов, а по-

том только передо мной значение ФЕ. Например:

nebaltas dienas (черные дни)

"Baltas" Dienvidāfrikas nebaltās dienas (Padomju Jaunatne. - 1935. - 7.okt.)

В этом случае столкновение ФЕ и пассивного слова - стилистического актуализатора - происходит на основе антонимии. Например:

sakas laime (чертовское везение):

...bet medn'eki lādēja patronas klusība cerēdami, ka šodien nu beidzot ko nošauņ ... Taču sakām bija saku gudrība un vēl sakas laime turklāt (A.Kolbergs. Fotogrāfija ar sievieti un mežakuili. - Rīga, 1933. - лрр 35).

Во всех перечисленных случаях при разгадке двойной актуализации контекст содержит частичный повтор ФЕ или ее компонентов. Вместе с тем фактический материал показывает, что можно создать эффект двойной актуализации ФЕ и без повтора ее компонентов в контексте. Например:

kur /kāds/ kāju spēr, pat zāle neaug (трава под его ногами не растет);

Vārtisargs - tas ir radījums, ko nolādējās paša liktenis: tur, kur viņš spēr kāju, pat zāle neaug (Padomju Jaunatne. - 1935. - 22.okt.).

Оба значения ФЕ актуализируются параллельно, контекст построен таким образом, что допускает восприятие как переносного, так и прямого значения. О способности языка к одновременно реализации двух сообщений, идущих параллельно, говорит И.Р.Гальперин [3., с.23], называя такую актуализацию контрапунктом информации.

Итак, существуют две главные возможности двойной актуализации: 1) одновременная реализация буквального и переносного значения ФЕ; 2) реализация переносного значения ФЕ и буквального значения одного или нескольких компонентов ФЕ.

Двойная актуализация в латышском языке создается за счет столкновения компонентов ФЕ и слов контекста на основе:

- 1) тождества слова и компонента ФЕ;
- 2) синонимии;
- 3) антонимии;
- 4) принадлежности к одной тематической группе.

Фактический материал показал, что без стилистического актуализатора, т.е. без намеренного актуализирования прямых значений слов или всей ФЕ, эффект двойной актуализации не рождается.

Фразеологическая зевгма. Зевгма является употреблением слова в одинаковых грамматических, но в разных семантических отношениях к другим словам в контексте; при этом семантические отношения, с одной стороны, буквальные, а с другой. — переносные. Следовательно, фразеологическая зевгма — это употребление ФЕ в зевгматической конструкции на основе общего лексического элемента, который благодаря семантической двуплановости актуализирует переносное значение ФЕ и прямое значение переменного словосочетания. Слово, в котором реализуется свободное и фразеологическое значение, является ядерным словом, ибо оно организует смысловое отношение с семантическими, как бы несовместимыми, компонентами. Таким образом, стилистический эффект создается синтаксически. В том и состоит суть этого стилистического приема, что он, не нарушая синтаксической связанности текста, нарушает более или менее резко его смысловую связанность.

Фразеологическая зевгма может содержать три элемента и более, но три элемента — ядерное слово, — слово фразеологического значения и слово свободного значения — минимум для создания конструкции. Например:

strādāt ar galvu (работать головой):

Būt piemājas dārza valniekam reizē nozīmē vairāk
strādāt ar galvu nekā ar rokām (Дарце un darva. —
1984. — Nr.10).

Как правило, лингвисты при анализе фразеологической зевгмы указывают на комический эффект, порождаемый этим приемом, способным выразить оттенки от мягкого смора до иронии и сарказма [4., с. 122]. Такое представление о фразеологической зевгме, по нашему мнению, не полностью отвечает сути приема. Действительно, во многих случаях смористический эффект при использовании этого приема в тексте возникает, но он может и отсутствовать. Например:

likt galvas kopā (думать вместе):

Bet vai nebūtu labāk steidzīgi likt galvas un informāciju kopā, lai izpētītu, ko tad mēs ražā šiem jauniešiem šiem vāgām piedāvāt (Literatūra un Māksla. - 1986. - 10. janv.).

В вышеуказанном употреблении фразеологической зевгмы нет ни малейшей доли комизма, хотя стилистический эффект ее выражен. Этот прием отчетливо показывает и разновидность фразеологической зевгмы с изменением в структуре фл. В латинском языке таких примерно половина, что в какой-то мере ставит вопрос о принадлежности фразеологической зевгмы к семантическим приемам общего тонального использования.

Нам представляется, что семантический эффект зевгмы, да и комизм, порождаемый этим приемом, обусловлены различиями в семантике между фразеологическим и переключенным элементами зевгматической конструкции. Чем больше эти различия, тем больше эти элементы противопоставляются, тем сильнее стилистический эффект.

Нарушение стилистической дистрибуции. Судность этого приема контекстуальной реализации стилистической неприглядности заключается в том, что ФЕ характеризует объект, которому такая характеристика не свойственна [5., с. 114]. Как известно, дистрибуция - это совокупность окружений какого-то элемента языка. Принимая во внимание особенности фразеологии, можно заключить, что дистрибуция ФЕ - это совокупность всех контекстов, в которых она регулярно встречается, а следовательно, употребление ФЕ в не-

своём твёрдом ей контексте квалифицируется как нарушение дистрибутивной нормы. Иными словами, нарушение стилистической дискрипции — это окказиональное расширение диапазона сочетаемости ФБ, некоторая генерализация значения, что подчеркивает старое и придает новые стилистико-семантические оттенки значению. Отметим, что расширение значения в отдельных случаях может перерасти в явление узуальное, что еще раз подчеркивает взаимозависимость окказионального и узуального употребления ФБ.

Конкретно прием заключается в том, что обороты, которые обычно употребляются по отношению к людям, используются по отношению к предметам, животным, абстрактным понятиям, явлениям природы, и наоборот.

Чаще всего неодушевленные предметы включаются в сферу действия ФБ, обычно характеризующей людей. Например:

vadāt kūda aiz deguna (водить за нос):

Dzīva atklājē, ka ceļš bijis neparasti viltīgs (...), Zanis noprata, ka ceļš viņu vajājis aiz deguna, un tam vairā nēklausīja (J. Lapa. Zirga, kas naktī dzied. — Rīga, 1985. — Lpp. 83).

Встречаются и случаи употребления оборотов, характеризующих людей, а также применительно к абстрактным понятиям. Например:

slāpēt zaru uz kura sēd:

Tuvredzība un netauklība pozājē to pašu zaru, uz kura sēdām (Liesma. — 1986. — 18. jūl.).

Редко наблюдается употребление ФБ, характеризующих неодушевленные явления, применительно к людям. Например:

īriet no ierindās :

... bet Taloos — strajā mašīnā no ierindās izkāpa saspāles vadītāja Strazdiņa, kas iepriekšējā tēlā bija demonstrējusi atbilstamu tēlmotienu precizitāti (no 7-9) (Padomju Jaunatne. — 1985. — 9. okt.).

Интересно, что эта ФЕ возникла в человеческой деятельности, но с течением времени переместилась в сферу техники. Такое оживление исконного значения порождает большой стилистический эффект. Неординарное использование ФЕ путем этого приема вносит элемент непредсказуемости, фактор новизны, что, в свою очередь, привлекает внимание читателя. Прием довольно редкий в латышском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вейсберге А.Г. Окказиональное использование фразеологических единиц как семантико-стилистическая универсалия индоевропейских языков //Известия АН ЛССР: Зинатне. - Рига, 1986. - № 10. - С.121-128.
2. Вядьцева С.И. Двойная актуализация в английских пословицах //Фразеологическая система немецкого и английского языков. - Челябинск, 1979. - С. 34-38.
3. Гальперин И.Р. О понятиях "стиль" и "стилистика" //Вопросы языкозн. - 1978. - № 3. - С. 14-25.
4. Faulstich D., Kühn G. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache. - Leipzig, 1975.
5. Кунин А.В. Нарушение стилистической дисприбуции//Сб. науч. трудов МГПИИЯ. - М., 1979. - Вып. 91. - С. 194-198.

SUMMARY

A.Veizberge

Contextual Semantic Change of Phrasological Units in Latvian

There exist several ways of contextual semantic change of phrasological units (idioms). The most widespread of them in Latvian are sustained metaphor, dual actualization, phrasological zeugma, breach of stylistic distri-

bution. By these and other means it is possible to create additional semantic and stylistic effect due to the breach of the stable meaning (both denotational and connotational) of the phraseological unit. These generally universal means of contextual semantic change possess certain peculiarities in Latvian which have been analyzed in this article.

В.Х.Гильманов

ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРЕНТНОЙ СООТНЕСЕННОСТИ СИНКРЕТИЧНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ

Для древневерхненемецкого характерно наличие большого количества прилагательных со специфической широтой значения, которая существенным образом отличается от узкоспециальности современного прилагательного. Подобным прилагательным свойственен особый характер организации эпидеигматических связей, что отражается в неразграниченности их смысловых функций, чрезвычайно развитой полифункциональности, слитности различных оттенков значения. Подобный смысловой синкретизм древневерхненемецких прилагательных обуславливает особый подход при их адекватной семантической интерпретации, поскольку условия референтной соотнесенности этих прилагательных существенно отличаются от колlocations дел в современном языке.

Смысловой синкретизм выразился в том, что многие прилагательные объединили в своем значении смысловые оттенки различной степени абстрактности и обладали большим смысловым потенциалом — способностью организации различных видов смысловых отношений. Так древневерхненемецкое прилагательное *hoiz* "вайф" в своем исходно-номинативном значении указывает на объективное состояние физической среды или определенного лица, например:

un Kultūra Vārds

1992. GADA

18. JŪNIJĀ

DAUGAVPILS PEDAGOĢISKĀ INSTITŪTA LATVIEŠU FĪLOLOĢIJAS UN KULTŪRAS KATEDRAS SPECIĀLIZDEVUMS. STUDIJU MATERIĀLI

4. lpp.

KULTŪRA UN VĀRDS

DIAHRONISKĀS IZMAINĀS BĪBEĻĒS IZCELSMES FRAZEOLĢIJĀ

nevarat Dievam kalpot un mammonai (Mat., 6,24) Tikai pēdējais tulkojums sniedz jaunu variantu - Jūs nevarat kalpot Dievam un mammonai (nantiā) (1988). Acīmredzot frazeoloģists ietaicis no vācu valodas:

Ihr konnt nicht Gott dienen und dem Mammon.

Arī frazeoloģisma "siēt no Pontija pie Pilātā" izcelsme ir savdabīga. Frazeoloģisms balstīts uz bībeles mītu par to, ka Jēzu atveda pie Romas prokurora Pilesfīnā Pontija Pilāta, kas savukārt nosūtīja Jēzu pie Galleijas pārvaldnieka Eroda. Jēzus atteicās atbildēt Erodam un āka sūtīts atpakaļ pie Pontija Pilāta (Luka, 23,1-12). Tādējādi frazeoloģisms faktiski balstās uz mīta personāža vārda

un uzvārda kļūdainu interpretāciju. Jāatzīmē, ka šāds frazeoloģisms eksistē arī abas latviešu valodas galvenajās kontakt- un arī starpvalodās - vācu (Jemanden von Pontius zu Pilatus schicken) un krievu (послать от Понтия к Пилату). Maz ticams, vai šāda specifiska transformācija varētu būt notikusi valodās neatkarīgi citai no citas. Šis apstāklis vedina domāt, ka frazeoloģisma latviešu valodā nav ienācis, balstoties uz bībeles tulkojumu.

Noslēgumā varām secināt, ka lat gaņ bībeles izcelsmes frazeoloģijā piemēri dažādas arhaisma izpausmes, arī tā ir pakļauta valodas diahroniskajām izmaiņām, kas skar gan frazeoloģismu formu,

gan saturu. Verojama arī ne tikai bībeles tulkojumu ietekme uz valodu un frazeoloģijas autonoma attīstība valodā, bet arī valodas ietekme uz bībeles tulkojumu.

Bībeles izcelsmes frazeoloģijā ir ļoti izdevīgs materiāls valodas attīstības pētīšanai, ka arī pasniegšanai studentiem, kas latviešu valodu apguvusi kā svešvalodu, jo tai ir augsta internacionālizācijas pakāpe, kas atvieglo tās apguvi. Šis frazeoloģijas grupas izcelsmes īpatnības padara to par saistošu mācību materiālu nodarbībām, plevēšot uzmanību gan valodu kontaktu problēmai, gan mataforizācijas īpatnībām latviešu valodā.

Literatūra

¹ Харламова И. Библизмы в русской фразеологии. Автореф. дис. канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1987, 27 с.

² Orlovska L. Dažas inovācijas angļu un latviešu frazeoloģijā. // Inovācijas dažādās valodas lmejos. - R., 1975, 50.-64. lpp.

³ B.D.Graff. The Elliptical Idioms Change from Icon and Index to Symbol. // Language Change/ Ed. Rauch. G.F.Carr. Bloomington, 1983, pp.1-9.

LATVIEŠU ĪPAŠVĀRDU ATVEIDE ANĢĻU RAKSTU VALODĀ

A.Veisbergs

Viens no latviešu valodniecībā praktiski neskartiem jautājumiem ir latviešu īpašvārdu atveide svešvalodās. Ja pretējais process, proti, svešvalodu īpašvārdu atveide latviešu valodā, tiek bieži aplūkots lingvistiskajā literatūrā un arī reglamentēts, tad par latviešu īpašvārdu rakstību svešvalodās pētījumu nav ne pirms, ne pēc otrā pasaules kara. Īpašvārdu atveide tagad kļūst aktuāla sakarā ar Latvijas iesaistīšanos pasaules norisēs un latviešu valodas kā valsts valodas funkciju paplašināšanos. Kā zināms, starptautiskajā jomā dominē angļu valoda. Pavērojot jaunāko Latvijā izdoto literatūru, prospektus, pat jau saradušos angļiskotos uzvārdus, kļūst skaidrs, ka atveides problēma ir jāatrisina un, iespējams, pat oficiāli jāreglamentē.

Vel jautājums, vai latviešu rakstībā nav gaidāmas kardinālas izmaiņas. Par to diezgan daudz rakstīja pirms dažiem gadiem, proti par garumzīmju aizstāšanu un mīkstināto līdzskaņu nomaiņu ar burtu kombinācijām, kas varētu atvieglot darbu ar kompjūteriem. Tā kā šī ievirze tālāku risinājumu neguva un radikālas izmaiņas rakstībā nav gaidāmas, varam atgriezties pie īpašvārdu atveides angļu valodā.

Gan latviešu, gan angļu rakstība balstās uz latīņu alfabētu, tomēr tām ir atšķirīgas skaņas un atšķirīgi burti vai to kombinācijas, kas šīs skaņas atveido. No latviešu īpašvārdu rakstības atveides viedokļa pamatjautājums ir — vai, rakstot latviešu īpašvārdus angļiski, tie ir vai nav jāpārveido. Grūtības rada latviešu garumzīmes, mīkstinājuma zīmes, kā arī burtu j, c, o atveide, jo angļu valodā tie apzīmē citas skaņas; jautājums, ko darīt ar vīriešu dzimtes galotnēm, kas angļu lasītājiem daudzos gadījumos var šķīst liekas vai arī asociēties ar daudzskaitļa formu, u.c. Turklāt bieži pašu atveides procesu pastarpināti vai tieši ietekmē krievu valoda vai tajā pieņemtā atveides sistēma.

Vispirms aplūkosim iespējamās īpašvārdu atveides variantus.

1. Daudzos gadījumos iespējams piemeklēt latviešu skaņām atbilstošus burtus vai to kombinācijas, tā tuvinot angļu valodā transkribēto vārdu latviešu vārda izrunai, piemēram, *Mezhaparks*, *Yuris*, *Ikshkyile*, *Shvauksts*. Taču jebkurā gadījumā runa ir tikai par tuvināšanu, turklāt

fonētiskais princips atveidē bieži vien stipri maina vārda rakstību.

2. Iespējams diakritiskās zīmes vienkārši atņemt, saglabājot pārējās vārda latviskās rakstības īpatnības. Tādā veidā īpašvārda rakstība gan tiek vienkāršota, bet tajā vismaz netiek ienests nekas jauns, piemēram, *Riga* (vispārpieņemts Rīgas apzīmējums), *Ziedins*, *Ikškile*, *Cesis*, *Ivans* (Ivāns), *Cakste* (Čakste).

3. Iespējams saglabāt latviešu īpašvārda oriģinālrakstību, t.i., ar visām diakritiskajām zīmēm. Tas var radīt zināmas problēmas izdevniecības darbā un pašu vārdu izrunā.

Un, protams, ir iespējamās dažādas šo variantu kombinācijas pat viena vārda ietvaros, piemēram, *Ziedinsh*, *Ikshkile*, *Keggums*.

Tālāk ielūkosimies valodas praksē — Latvijā un ārzemēs izdotā iespiedprodukcijā, gan pirms kara, gan pēc kara laikā, kur valda minētā principu dažādība un kombinācijas gan viena iespieddarba ietvaros, gan attiecībā uz vienu un to pašu īpašvārdu.

Tā 1928. gadā Ņujorkā izdotā brošūrā par Latviju [1] konsekventi izmantots otrais princips — zudušas visas mīkstinājuma un garuma zīmes, citādi latviešu rakstība ievērota precīzi, piemēram: *Svetupe*, *Kuldīga*, *Jumpravmuiza*, *Milenbachs*, *Kemeri*, *Lielais Vermana darzs*.

Visu trīs atveides principu lietojums atrodams A. Bilmaņa grāmatā par Latviju [2]: transkripcija — *Brastinsch*, *Cimse*, *J. Čakste*, *St. John*, *Beverin*; diakritisko zīmju nelietošana — *Musa*, *Vitols*, *Tervete*, *Pauluks*; oriģinālrakstība — *Liepāja*, *Cēsis*, *F. Bārda*, *J. Vitols*, *J. Čakste*, *Lāčplēsis*, *Ķišezers*. Ir arī jauktie varianti, piemēram, *Kalninsch*, *Gaisin Hill*, *Ķullītis*. Vairāki īpašvārdi sastopami dažādos veidos: *J. Čakste* (18. lpp.), *J. Čakste* (19), *J. Tschakste* (24); *Kalninsch* (27), *Kalniņsch* (28); *Celmiņš* (28), *Celminsch* (27).

Trīsdemitajos gados atkārtoti izdotā brošūrā "Latvia. The Baltic Riviera" ievērota oriģinālrakstība, piemēram: *Liepāja*, *Ķemeri*, *Mežaparks*, *Melūži*.

"Valdības Vēstnesis" [3], kas sniedz informāciju jūrnikiem, arī ievērota oriģinālrakstība, piemēram: *Aināži*,

Oviši, Salacgrīva, Akmenrags. Šis princips parasti ievērots visos izdevumos, kas saistīti ar kartogrāfiju.

1938. gadā Anglijā izdotā grāmatā par Baltijas valstīm [4] Ipašvārdu atveidē dominē otrais un trešais princips, piemēram: *Kalnins, Bastjanis, Cielens, Janis*, kā arī *Cēsis, Čakste*.

Pēckara laikā šī nenoteiktība vēl pastiprinās. Tā kā daudzi darbi tiek vai nu iespiesti Maskavā, vai arī tulkoti no krievu valodas, krievu valodas interference atspoguļojas arī Ipašvārdu atveidē.

Tā V. Lāča romāna «Uz jauno krastu» tulkojumā [5] latviešu Ipašvārdi pakļauti sevišķi nelogišķām izmaiņām. Vīriešu dzimtes vārdu galotnes gandrīz konsekventi noņemtas, piemēram: *Peter, Martin, Artur, Aivar, Anton*, tomēr šie vārdi nav arī angliskoti. *Janis* saglabājis galotni, tāpat kā *Zhanis*, kas kaut kāda iemesla dēļ transliterēts. Uzvārdiem dažas galotnes saglabājušas, piemēram: *Taurins, Paceplis, Purvaji*, bet citiem noņemtas: *Lidum, Zha-gar, Lejnīek*.

Tāda pati nenoteiktība valda «Zvejnieka dēla» tulkojumā [6]. Atrodama gan oriģinālrakstība: *Kļava, Kristaps, Jēkabs, Abolīnš, Lidija, Zālupe, Zviņas, Daugavgrīva, Cēsis, Vītiņš, Pīķieris*, gan angliskoti Ipašvārdi: *Oscar, Yanka, Robert, Edgar, Richard, Theodore, Fred, Sartaputns, Grube*. Ir arī jaukti varianti: *Peter Meņģelis, Alice Krauklis, Karl Ziedīnš* (citur arī *Kārlis*), *Martin Krauklis*. Ja dažos gadījumos to var izskaidrot ar paralēlu Ipašvārdu pastāvēšanu angļu valodā, tad citos gadījumos nav nekādas loģikas, jo ir *Yanka*, bet arī *Lidija*, ir *Sartaputns*, bet arī *Dānis*.

Rūdolfa Blaumaņa stāstu krājuma tulkojumā [7] Ipašvārdiem zudušas garumzīmes un apakšējās mīkstinajuma zīmes, kā arī vairums vārdu galotņu, piemēram: *Raudup, Andž, Kristin, Kvepin*. Daži vārdi angliskoti — *Chuchakok, Maria*; acīmredzot krievu valodas ietekmē (lai gan tulkojusi T. Zālīte) *Ieva* pārvērtusies par *Jeva*, *Pēteris* par *Pieteris*.

1981. gadā Maskavā izdotajā Z. Skujiņa romāna «Vīrietis labākajos gados» tulkojumā [8] beidzot konsekventi ievērota latviskā Ipašvārdu rakstība: *Šašiņš, Stūrtis, Žanis, Ķīšezers, Jugla, Mount Baložu, Lake Bucīšu*. Pat Rīgā, ko pieņemts rakstīt ar Iso patskani, šai darbā saglabā oriģinālrakstību. Protams, ir arī atsevišķas paviršības: *Ergli, Boriss Jāņa dēls Kalsons*, kas angļu valodā nav pieņemams, kaut vai tāpēc, ka *dēls* nav Ipašvārds.

R. Ezeras stāstu krājuma tulkojumā vairums Ipašvārdu atveidoti precīzi [9]: *Ķengarags, Meža Mīķeļi, Aļiks, Arvids*, taču daži savādi pārveidoti: *Kegums, Alec, Victors* (angliskais variants, bet latviešu galotne), *Jeva* (krievu valodas ietekmē?). Ir latviskā *Paļūzības Street*, bet angliskās *Revolution Street, Peace Street*.

Rīgas ceļvedī [10] visi Ipašvārdi lietoti bez diakritiskajām zīmēm: *Gaizinkalns, Ikskile, Troksnu Street, Skarnu*

Street, taču saglabājot galotnes un latviešu pamatburtus: *Janis, Jekabs*. Tiesa, ir *Rudolf Blaumanis*, bet *Janis Rozental* un arī tāds kuriozs kā *Vozdushny Bridge Gaisa tilta* vietā. Pēdējā rakstība liecina, ka tulkotājs apzinās vārda krievisko variantu, jo lietota transliterācija.

Arī latviešu prozas 1991. gada izdevumā [11] valda dažādu variantu pārpilnība. *Viktors Lagzdīns* un *Mežaparks* saglabājuši diakritiskās zīmes, visi citi vārdi tās zaudējuši: *Kārlis Berzins, Eriks, Peteris Sipols, Capsts (Čāpstis)*. *Valentīns* pārvērties par *Valentine*, *Vīlis* par *Willis*, *Ulbroka* par *Ulbraka*. Bet krājuma pirmajā stāstā daļai Ipašvārdu zudušas arī galotnes: *Albert, Girt, Harald*, citiem tās atstātas, bet mainīta rakstība: *Yanis, Yuris, Yugla*; un *Gaisa tilts* atkal ir *Vozdushny Bridge*.

Rīgā izdotā iespiedprodukcijā oriģinālrakstība tomēr galvenokārt tiek saglabāta — vairumā ceļvežu, mākslas albumu pēcvārdos, arī angļu valodā publicētajā «Atmodā» («Awakening»). Taču lietoti arī citi varianti, piemēram, latviešu literatūras antoloģijā [12] ir *Jānis, Cēsis, Oškālns, Ješka*, bet arī *Mikelis, Arvids, Pecis*, u.c.

Pēdējā laikā ārzemēs izdotajā literatūrā rakstība iespēju robežās tiek saglabāta, kas parasti nozīmē tikai diakritisko zīmju zudumu, saglabājot latviešu galotnes un pamatburtus, piemēram: *Meza Park, Vācu Hospital, Daugavgrivas Street, Elmars* [13], *Ivans, Anatolijs, Lāčplēsis, Janis* [14].

Latviešu emigrantu literatūrā angļu valodā Ipašvārdiem parasti saglabāta oriģinālrakstība. Tā, pētījumā par R. Blaumani [15]: *Austrīnš, Jānis, Ērgli, Blind Indriķis, Songs, Trīne's Sins, Bērtulis' Finger*. A. Ezergailja grāmatā par latviešiem boļševiku revolūcijā [16] lietotas garumzīmes un augšējās mīkstinajuma zīmes: *Jānis, Rozīnš, Čīņa, Stučka, Krūmiņš*.

Tādējādi valodas prakse sniedz gaužām jucekliģu ainu, turklāt jāņem vērā, ka aplūkota tika samērā «nopietna» iespiedprodukcija.

Tuvāk pētot transkripcijas variantu, jāatzīst, ka līdzās zināmām priekšrocībām, fonētiskā principa ievērošana var līdz nepazīšanai sakropļot latviešu Ipašvārda rakstību, ņemot vērā to, ka dažas latviešu valodas skaņas angļu valodai ir pilnīgi svešas (divskaņi «ie» un «o», mīkstinaj-tie līdzskaņi), bet citām angļu valodā atbilst citas burtu kombinācijas nekā latviešu valodā. Atvirzes no oriģinālrakstības var sasniegt grotesku līmeni, piemēram varētu minēt dažas iespējamās transkripcijas: *D. Eevarns* (D. Ivāns), *R. Powles* (R. Pauls), *Leevarni* (Livāni), *Shkyunyu Street* (Sķūņu iela), u.c.

Tendenci transkribēt latviešu Ipašvārdus veicina krievu valodas ietekme un paraugs. Taču transliterācija krievu Ipašvārdu atveidē ir neizbēgama sakarā ar pāreju uz citu alfabētu. Atdarīnot šo pāreju, arī latviešu valodas Ipašvārdos bieži ievieš analogiskas burtu kombinācijas, piemēram: *Z. Tchevers* (sal. *Tchaikovsky*), *Y. Yurkans* (*Yudina*).

Otrkārt, vēlreiz jāmin angļu valodā pastāvošā tradīcija citvalodu īpašvārdu atveidē — ja tie balstās uz latīņu alfabētu, tie tiek saglabāti oriģinālformā, ieskaitot diakritiskās zīmes, piemēram: *Nyiregyházi, Sárközy* (ungāri), *Raitawaara* (soms), *Lutoslawski* (polis), un pat stipri sarežģītie čehu īpašvārdi: *Ančerl, Dvořák, Firkušný, Janáček, Růžička*, arī latviešu *M. Jansons* (pretstatā krieviskotajai transliterācijai *M. Yanson*) [19].

Arī daudzi valodas speciālisti un nespeciālisti atbalsta oriģinālrakstības saglabāšanu atveidojumos ne tikai angļu valodā [17]. Tipogrāfiska rakstura problēmas noteikti atvieglo pāreja uz kompjuertersalikumu ar tā praktiski neierobežotajām iespējām.

Ceturtkārt, ir jomas, kur oriģinālrakstība vienmēr ir ievērojama, piemēram, kartogrāfijā, kur dažādās rietumu valodās izdotās kartēs latviešu vietvārdiem ir saglabāta latviskā rakstība. Patīkami, ka arī jaunākajā Rīgas kartē šis princips ievērots.

Arī bibliotēku zinātnē [18] oriģinālrakstība tiek ievērojama, papildus dodot skaidrojumus par latviešu izrunas īpatnībām.

Apkopojot iepriekšminēto, varētu izdarīt šādus secinājumus. Latviešu īpašvārdu rakstībā angļu valodā jā saglabā oriģinālforma. Šo ieteikumu vajadzētu dot arī ārvalstu izdevniecībām, firmām, tulkotājiem, u.c.

Ja kādu iemeslu dēļ diakritisko zīmju lietošana nav iespējama, priekšroka dodama to noņemšanai, nevis aiz-

stāšanai ar transkripciju. Minētais princips tiek bieži lietots angļu avīzēs.

Un, visbeidzot, jautājums būtu izskatāms arī plašākā kontekstā — saistībā ar īpašvārdu atveidi vācu, franču, spāņu un citās valodās. Dažādu principu lietošana atveidei dažādās valodās varētu radīt lielu sajukumu, jo transkripcija katrā valodā var būt citāda. Tāpēc labāk būtu pieturēties pie vienas, t.i. latviskās, oriģinālrakstības.

LITERATŪRA

1. Latvia, Guiding Facts with Hints for Travellers. — New York, 1928.
2. *Bihmans, A.* Latvia in the making. — Riga, 1930.
3. Valdības Vēstnesis. — 1939. Nr. 9. Notices to Mariners.
4. The Baltic States. — London, 1938.
5. *Lācis, V.* Towards New Shores. — Moscow, 1958.
6. *Lācis, V.* The Fisherman's Son. — Moscow, 1968.
7. *Blaumanis, R.* In the Lap of Happiness. — Moscow, 1962.
8. *Skujinš, Z.* A Man in His Prime. — Moscow, 1981.
9. *Ezera, R.* The Swing. — Moscow, 1984.
10. Riga. Moscow, 1982.
11. The Shadow. — Moscow, 1991.
12. Amberland. — Riga, 1967.
13. *Addison, L.* Letters from Latvia. — Guernsey, 1986.
14. Baltic Independence and Russian Empire. — New York, 1991.
15. *Ziedonis, A., Jr.* A Study of Rūdolfs Blaumanis. — Hamburg, 1979.
16. *Ezergailis, A.* The Latvian Impact on the Bolshevik Revolution. — New York, 1983.
17. Literatūra un Māksla, 1991, Nr. 40.
18. *Allen, C. G.* A Manual of European Languages for Librarians. — London, 1975, P. 595 — 613.
19. The Music Diary. — London, 1992.

SPELLING OF LATVIAN PROPER NAMES IN ENGLISH

A. Veisbergs

Summary

Reproduction of Latvian proper names in foreign languages has been a problem for Latvian writing which, though based on Roman alphabet, possesses a number of diacritical and length marks. Also, several letters stand for different sounds in Latvian and in English. Traditionally, 3 modes of Latvian proper name spelling in English have been used: 1) transcription — e.g. Mežaparks, Yuris, Ikshkyile — which, though bringing closer the Latvian to the English pronunciation, often distorts the Latvian spelling; 2) removal of diacritical marks, e.g. Mezaparks, Juris, Ikskile; 3) preservation of the original Latvian spelling, e.g. Mežaparks, Juris, Ikšķile.

The author argues that preservation of the original Latvian spelling is the correct way of reproducing Latvian proper names in English and in other languages that use the Roman alphabet. This also conforms fully with the English tradition of treating the proper names of Czech, French, Polish and other European languages.

Iecienīgts 7.02.92

Latvijas Universitāte
Sastatāmās valodniecības katedra

LATVIEŠU VALODAS SARUNU TĒMAS

Metodiska izstrādne

Latvijas Universitāte
Rīga 1932

Zaunberga J., Veisbergs A., Brēde M., Gurtaja V.
Latviešu valodas sarunu tēmas: Metodiska izstrāde.-
Rīga: LU, 1992.

The teaching aid is meant as a conversational supplement to the basic course of Latvian. It comprises topics with vocabulary and sets of questions which would help students discuss the respective topics. It consists of two parts. Part I includes 10 topics, directly related to the texts of the basic course and is worked out to revise material covered on a conversational level. Part II presents topics for a more advanced level. The themes are of a topical character and are worked out to introduce some background information and current viewpoints as well as the necessary vocabulary to discuss them. Questions presented at the end of the topics of Part II may be also used as themes for essays to be written by students independently as an exercise in writing.

Contents

Part I

Ģimene	4
Gadalaiki	5
Citā pilsētā	7
Transports	10
Mans dzīvoklis	12
Mūsu darbs	15
Mana māja	18
Diens	19
Veikalā	21
Pasts	25

Part II

Pīga	26
Māksla Latvijā	29
Teātris	32
Mūzika	34
Masu komunikācijas līdzekļi	37
Televīzija	40
Reliģija	43
Sports	46
Dabas aizsardzība	48
Veselības aizsardzība I	51
Veselības aizsardzība II	53

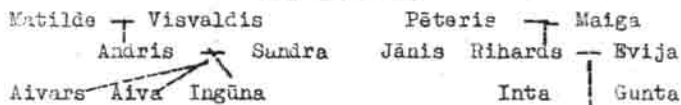
Part I

ĢIMENE

Mēs esam Bērzi : mājās. Bērziņi ir diezgad liela ģimene - kopā dzīvo trīs paaudzes. Ģimenes galva ir Andris Bērziņš. Viņam ir 45 gadi. Viņš ir piecējies. Viņa sievu sauc par Sandru. Abiem Bērziņiem ir trīs bērni. Dēls Aivars ir 19 gadus vecs, viņš jau ir pieaudzis. Meitas Ingūna un Aiva ir skolnieces. Viņas ir padsmitnieces. Kopā ar viņiem dzīvo arī Andra vecāki. - Matilde un Visvaldis. Vecvecāki ir pensio.āri. Viņi vairs nestrādā. Dažreiz pie Bērziņiem viesojas arī viņu radnieki, daudzie brālēni, māsiņas, tantes un onkuļi. Radu viņiem patiešām ir daudz.

Kas ir Aivara māsa? Kas ir Ingūnas brālis? Kas ir Sandras vīrs? Kas ir Visvalža sieva? Vai Visvaldim ir mazbērni?

Kas kurš ir?

tēvs - māte

vīrs - sieva

brālis - māsa

dēls - meita

znots - vedekla

vectēvs - vecāmāte

brālēns - māsiņa

vīratēvs - vīramāte

sievastēvs - sievasmāte

onkulis - tante

mazdēls - mazmeita - mazbērni

Vocabulary:

ģimene - a family

paaudze - a generation

bērns - a baby

padsmitnieks - a teenager

radi - relative
precējies - married
brālērs, māsiņa - a cousin

Answer the questions:

Vai tev ir liela ģimene?
Vai tev ir bērni? Cik?
Vai tev ir daudz radu?
Vai tev patīk radi?
Kas ir tuvāki - radi vai draugi?
Pastāsti par sevi.

Apraksti savus ģimenes locekļus (vecs, jauns, bagāts, interesants, gudrs, garš, resns, liels, mazs ...)
Pastāsti, kad kurš ceļas, ēd, iet uz darbu, nāk no darba, skatās TV, iet gulēt (agri, vēlu, no rīta, vakarā, pusdienā, ilgi).

GADALAICI

Latvijā ir četri gadalaiki - pavasaris, vasara, rudens un ziema. Pavasaris ir prieka un cerību laiks. Ap - rilī un maijā mostas daba, arī cilvēki. Upēs iet ledus, pilnīgi nokūst sniegs. sazaļo zāle un koki. Reizēm maijā jau ir ļoti silts.

Vasara ir viskarstākais gadalaiks. Jūnijā parasti ir ļoti silts un saulains. Jūlijā bieži liet lietus. Augustā laiks parasti ir mākoains un mainīgs. Vasarā dienas ir garas, naktis ir īsas. Ļaudis cenšas atpūsties, kā nu kuram patīk. Vasarā var sauļoties un peldēties (ja ūdens ir tīrs).

Rudenī dienas kļūst īsākas, saule vairs tā nesilda, sākas rudens lieti. Septembris dažreiz vēl ir jauks, arī oktobrī reizēm ir labs laiks (atvasara), bet novembris vienmēr ir drūms, auksts un lietains. Decembrī jau iostājas ziema, uzkrīt sniegs. Janvāris un februāris ir vis - aukstākie ziemas mēneši, un temperatūra reizēm nokrīt līdz -30°C. Bet arī ziemā laiks ir mainīgs. Bieži iostājas atkušņi. Martā jau kļūst siltāks.

Pēdējos gados laiks ir ļoti savāds un mainīgs.
Varbūt tas ir siltumnīcas efekts?

Vocabulary:

gadalaiks - a season
pavasaris - spring
vasara - summer
rudens - autumn
ziema - winter
prieks - joy
ceriba - hope
mosties - to wake up
daba - nature
upe - a river
ledus - ice
kust - to melt
sniegs - snow
zāle - grass
suzālot - to get green
koks - a tree
silts - warm
karsts - hot
saulains - sunny
liet - to rain
iestāties - to get/ become
mākoņains - cloudy
reizēm - at times
dažreiz - sometimes
vienmēr - always
biež - often

mainīgs - changing
diena - a day
nakts - a night
garš - long
īss - short
censties - to try
atpūties - to rest
patikt - to like something
sauļoties - to sunbathe
peldēties - to bathe
ūdens - water
tīrs - clean
jauks - fine, lovely
laiks - the weather
atvasara - Indian summer
drūms - dreary, dull
auksts - cold
(uz)krist - to fall
mēnēsis - a month
atkušnis - thaw
savāds - strange
siltumnīca - a greenhouse

Answer the questions:

Kurš gadalaiks tev patīk visvairāk?
Vai laika maiņas ir patīkamas?
Kāpēc ziemā ir auksts un vasarā silts?
Vai tev patīk saule?
Vai tev patīk lietais laiks?
Kādi ir pavasara, vasaras, rudens un ziemas mēneši?
Kam notiek, ja pavasari ir saulaini?
Vai mēs varam lietot lietus ūdeni?
Kad svin Jāpusi?

Kāds šodien ir laiks?

Vai tu vienmēr nēsā līdzi lietussargu?

Vai laika ziņām var ticēt?

Exercise: Revise the formation of degrees of Comparison of adjectives. Put the adjectives in brackets in the right form.

Jūlijs ir (karsts) nekā aprīlis.

Decembris ir (auksts) nekā oktobris.

Zēni parasti ir (garš) nekā meitenes.

Cenas tirgū pie mums ir (augsts) nekā veikalā.

Kr'evu Rīgā ir (daudz) nekā latviešu.

Jūlijs ir (karsts) gada mēnesis.

Šovasar (slikts) rezultāti bija "A" grupas studentiem.

Use the correct tenses

Šodien (būt) daudz sniega.

Pavasārī parasti vairs ne(līt).

Vakar (snigt).

Man liekas, ka rīt (spīdēt) saule.

Ārā (būt) ļoti auksts, man salst.

Rudenī lapas (kļūt) dzeltenas.

Cik pie mums (tīt) gadalaiki?

Pēc vasaras (nākt) rudens.

CITA PILSĒTĀ

Pēteris ierodas svešā pilsētā. Ir jau vēls. No lidostas viņš ar taksometru brauc uz viesnīcu. Viņš vienmēr dzīvo šai viesnīcā. Viņam tā patīk. Tur ir labs restorāns un bārs. Istabas ir lielas un numurā ir televizors un telefons. Viesnīcā ir arī somu pirts un peldbaseins. Tā nav dārga. Diemžēl šoreiz Pēterim neveicas. Viesnīcā nav brīvu vietu. Tur pašlaik dzīvo daudz amerikāņu. Viņam lūs jādzīvo citā viesnīcā. Pēteris brauc uz pilsētas centru. Tur ir jauna daudzstāvu viesnīca. Viņš prasa administratori, vai viesnīcā ir brīvas vietas. Jā, šajā viesnīcā vienmēr ir brīvas istabas. Pēteris aizpilda veidlapu, saņem atslēgu un dodas uz liftu. Tas ilgi nenāk. Viņš uzbrauc.

dīvdesmit pirmajā stāvā un sameklē savu istabu. Tā ir maza un auksta. Viņš noliek savas mantas un brauc lejā paēst. Bet restorāns jau ir slēgts. Pēteris ir ļoti noguris un neapmierināts. Turpmāk viņš vienmēr pasūtīs istabu iepriekš.

pilsēta - a town / city
ierasties - to arrive
lidosta - an airport
taksometrs - a taxi
braukt - to go / drive
viesnīca - an hotel
istaba - a room
numurs - a flat / room
atrasties - to be (situated)
mežs - wood
malā - a side
soma pirts - a sauna
peldbaseins - a swimming pool
dārga - expensive
diemžēl - unfortunately
veikties - to succeed
brīvs - vacant
vieta - a place / here: room /
pašlaik - at present
daudzstāvu - multistorey
prasīt - to ask / demand
aizpildīt - to fill in
veidlapa - a form
saņemt - to receive
atslēga - a key
doties - to go
sameklēt - to find
manta - a thing
lejā - down
slēgts - closed
noguris - tired
neapmierināts - dissatisfied

turpmāk - further on
pasūtīt - to reserve
iepriekš - beforehand

Answer the questions:

Kur tu parasti dzīvo, kad tu neesi mājās?

Vai tev patīk dzīvot viesnīcā?

Apraksti savu dzimto pilsētu!

Kas tūristiem patīk tavā pilsētā?

Kas tūristiem nepatīk tavā pilsētā?

What can you do where?

Ko kur var darīt?

veikals	paēst
koncerts	izklaidēties
parks	sportot
muzejs	iepirkties
universālveikals	staigāt
tirgus	skatīties
restorāns	atpūsties
izstāde	satīkties ar draugiem
ēdnīca	gari laikoties
vecpilsēta	
stacijas	
kafejnīca	
kino	
teātris	
pils	

Put the words in the right order:

1. nav, vietu, viesnīcā, brīvu.
2. atvērta, restorāns, plkst., no, būs, astoņas, rīta.
3. izsaukt, es, taksometru, gribu.
4. televizors, numurā, vai, ir?
5. lūdzu, plkst., pamodiniet, astoņas, marī!
6. varu, es, vai, Maskavu, piezvanīt, uz?
7. jāmaksā, man, trīs, cik, par, dienām?
8. istaba, vannas, ir, numurā, vai?

Describe a trip of yours:

Apraksti kādu ceļojumu:

Kad tu biji

Ar ko tu brauci ?

/ ar ko tu varēji braukt?

Kur tu dzīvoji ?

/ kur tu varēji dzīvot?

Ko tu darīji

/ Ko tu gribēji darīt?

Ko tu režizēji

/ ko tu gribēji redzēt?

TRANSPORTS

No rīta Pēteris pieceļas agri. Viņam ļoti gribas ēst. Dīvēl visnīdas restorāns ir slēgts. Viņš nodod atslēgu un iziet uz ielas. Pa ielu brauc daudz mašīnu. Tur ir gan vieglās, gan kravas mašīnas, autobusi un trolejbusi. Pēteris kioskā nopērk biļetes un dodas uz tuvāko pieturu. Viņš zin, kur var labi paēst. Tas nav tālu. Jābrauc ir tikai trīs pieturas ar ceturto trolejbusu. Trolejbuss ir pārpildīts, bet Pēteris tomēr tiek iekšā. Viņš izkāpj pie savas iemīļotās kafējnīcas. Tā ir atvērta. Pēc brokastīm viņš nopērk pilsētas karti un domā, kā nokļūt dzelzceļa stacijā. Mājās viņš brouks ar vilcienu. Šorīz viņš iekāpj autobusā, kas brauc vairākus kvartālus uz priekšu, tad nogriežas pa kreisi. Autobuss apstājas galapunktā, turpat netālu ir stacija. Pie kases ir liela rinda, taču tā ir ātri. Pēteris vēlas nopirkt biļeti naktsvilciena kupejā, bet visas biļetes uz šo vilcienu ir pārdotas. Tad jābrauc ar citu vilcienu vai jāpērk biļete par valūtu.

Answer the questions:

1. Ar ko tev patik braukt pilsētā?
2. Ar ko tev patik ceļot?
3. Vai tev patik lidot?
4. Kur var nopirkt trolejbuss biļetes?
5. Cik maksā biļete uzmagājā?
6. Kur var ir tuvāk pieturā?

piecelties - to get up
nodot - to give up / hand in
visglā mašīna - a car
kravas mašīna - a lorry
kiosks - a newspaper stall
biļete - a ticket
tuvāk - closer
pietura - a stop
pārpildīts - overcrowded
iekšā - inside
izkāpt - to get off
īemīļots - favorite
kafejnīca - a cafe
atvērts - open
karte - a map
dzelzceļš - a railway
stacija - a station
vilciens - a train
iekāpt - to get on / in
kvartāls - a block of flats
nogriezties - to turn aside
pa kreisi - to the left
apstāties - a stop
galapunkts - a terminal
kase - a box office / cashier
rinda - a queue
kupeja - a compartment
valūta - hard currency

Put the words in the right order:

1. braucu, Viļņas, Rīgu, uz, es, no.
2. dzīvoju, Londonā, viesnīcā, es.
3. biļeti, parasti, stacijā, es, nopērku.
4. grūti, ar, braukt, tālu, divriteni.
5. dzīvoja, viņš, vienistabas, viesnīcā, numurā.
6. Rīgas, lidot, Stokholmu no, var, lidmašīnu ar, uz.
7. priekšu, taisni, uz, ejiet!

Tell sb how to get to:

the trolley stop / pietura /
the railway station / dzelzceļa stacija /
the airport / lidosta /
food shop / pārtikas veikals /
restaurant / restorāns /
toilet / tualete /

MANS DZĪVOKLIS

Es dzīvoju Rīgā. Rīga ir Latvijas galvaspilsēta. Rīgā ir gan vecas, gan jaunas mājas. Es dzīvoju jaunā mājā. Tā ir piecstāvu māja. Daudzstāvu mājās ir lifti. Manā mājā lifta nav. Jaunajās mājās dzīvokļi nav lieli, parasti ar divām vai trim istabām.

Man pieder trīsistabu dzīvoklis ceturtajā stāvā. Manā dzīvoklī ir arī virtuve, vannas istaba un tualete. Dzīvoklis nav liels. Dzīvoklī ir dažādas ērtības - aukstais un siltais ūdens, gāze, centrālā apkure, telefons.

Viesistaba ir vislielākā mūsu dzīvoklī. Viesistabā atrodas sekcija ar būru, melns grāmatu skapis, televizors, klavieres, dīvāns, žurnālu galdīšs un vairāki sarkani krēsli. Grīdu sedz pelēks paklājs. Pie sienām ir gleznas. Viesistaba ir stāvlampa un pie griestiem ir lustra. Uz palodzēm podos aug daudz puķu. Brīvajā laikā šeit atpūšas. Spēlē klavieres, skatās televizoru, klausās radio vai vienkārši parunājas.

Guļamistabā ir liela gulta, drēbju skapis un spogulis. Arī šeit ir paklājs. Pie logiem ir aizkari.

Dēla istabā ir gulta, nakstāmgalds, orēbju skapis, mazs dīvāns un vairāki grāmatu plaukti.

Koridorā ir drēbju pakaramais, sienas spogulis.

Vannas istabā ir vanna, duša, izlietne ar siltā un aukstā ūdens krāniem. Vannas istabā var mazgāties.

Virtuvē ir gāzes plīts, izlietne, galds, vairāki balti sienas skapji, kā arī ledusskapis un pieļiekamais. Virtuvē mātē gatavo ēdienu. Virtuvē ir arī radioaparāts, ko mēs bieži vien klausāmies, kad ēdam.

Vocabulary:

galvaspilsēta - a capital	laiks - time
māja - a house	atpūsties - to relax, rest
dzīvot - to live	spēlēt klavieres - to play the piano
stāvs - a storey	skatīties televizoru - to watch TV
daudzstāvu - multi-storey	klausīties radio - to lis- ten to radio
piederēt - to have, to own	vienkārši - simply
virtuve - a kitchen	parunāties - to have a chat
vannas istaba - a bathroom	guļamistaba - a bedroom
tualete - toilet	gulta - a bed
ērtības - conveniences	drēbju skapis - a wardrobe
auksts - cold	spoguļis - a mirror
silts - hot	logs - a window
gāze - gas	rakstāmgalds - a writing desk
centrālā apkure - central heating	aizkari - curtains
viesistaba - a drawing room	plaukts - a shelf
sekcija - a wall unit	dīvāns - a sofa
grāmatu skapis - a bookcase	drēbju pakaramais - a coat stand / rack
sarkans - red	vanna - a bath
melns - black	duša - a shower
krēsls - a chair	izlietne - a sink
grīda - floor	krāns - a tap
koridors - a corridor	mazgāties - to wash
segt - to cover	plīts - a cooker
pelēks - grey	galds - a table
paklājs - a carpet	balts - white
siena - a wall	ledusskapis - a fridge
glezna - a picture	pieliekamais - a larder
stāvlampa - a lamp	ēst - to eat
griesti - the ceiling	gatavot - to cook
lustra - a lamp	
palodze - a window sill	
puķu pods - a flower pot	
augt - to grow	
brīvs - free	

Answer the questions:

Vai tavs dzīvoklis ir liels / mazs?
Cik tava dzīvoklī ir istabu?
Vai tevā dzīvoklī ir vanna?
Kur jūs ēdat pusdienas?
Kur jūs atpūšaties?
Vai tu spēlē klavieres / vijoli?
Vai tu mājās strādā?
Ko tu vari redzēt pa savu logu?
Kura ir vislielākā istaba jūsu dzīvoklī?
Kādas mēbeles ir tavā dzīvoklī / istabā?

Try to comment:

Kāpēc viņš tik ilgi ir vannā?
Ko redi pa televīziju?
Kāpēc šeit tik netīrs?
Vai mums kādreiz būs miers pasaulē?
Uzīmē savu dzīvokļa plānu!

Read the dialogue:

Kaimiņš teica, ka pa radio runā Zariņš.
Ieslēdz, lūdzu, radio!

Galīgi nav ūdens!

Atgriez taču krānu līdz galam!

Liekas, ka mājās vairs nav piena.

Atver ledusskapi un paskaties pats!

Joti gribas iedzert.

Atver būru un paskaties, vai tur vēl kas ir!

Exercise: Use the definite ending.

karsts ūdens
auksts ūdens
maza dzīvoklis
liels dzīvoklis
pateka paklajs
melns skapis

Supply the right endings:

Uz (galda) ir grāmatas.
Aiz (logs) ir garāža.
Starp (gultas) ir skapītis.
Uz (televizors) ir avīzes.
Aiz (siena) dzīvo kaimiņi.
Uz (skapis) stāv globuss.

Decline together with a noun:

pelēks.....
balts.....
melns.....
sarkans.....
zaļš.....
mazs.....
jauns.....

MŪSU DĀRZS

Mana ģimene dzīvo Rīgā. Tās centrā ir daudz parku un dārzu. Tomēr ikdienā mēs tur pastaigājamies reti.

Mums ir ģimenes dārziņš Rīgas apkaimē. Tur mēs pavadām savu brīvo laiku pavasarī, vasarā un rudenī. Dārzs ir nāvs liels, taču tur aug vairāki augļu koki, ogu krūmi, saknes un puķes. Mums ir trīs ābeles, viena bumbiere, viena plūme un viens ķirsis. Ābeles parasti dod daudz ābolu. Bumbiere ir jauna, pagaidām tā vēl nedod lielu (bumbieru) ražu. Mēs augļus un ogas nepērkam. Mums pietiek ar to, kas izaug pašu dārzā.

Pavasarī mēs vispirms uzrokam zemi un sagatavojam dobes. Tad mēs sējam dažādus sakņaugus - burkānus, bietes, zirņus, pupas un salātus. Vēlāk mēs stādām sīpolus un tomātus. Vasarā galvenais darbs ir ravēt un laistīt dārzu. Vasaras vidū mēs ievācam zemeses. Jūlija beigās nogatavojas jāņogas.

Man ļoti patīk ziedi. Pavasarī pirmās uzziēd sniegpulkstenītes. Tām seko narcīses, tulpes. Vasaras sākumā zied. ceriņi un jasmīni. Bet viskrāsākais dārzs ir rudenī, kad

zied asteres, dālijas, gladiolas.

Pēc rudens salnām mēs novācam pēdējo ražu, uzrokam dārzus un sagatavojam to ziemai.

Vocabulary:

dārzs
dārziņš - a garden

parks - a park

ikdiena - daily life

pastaigāties - to walk, to have a walk

apkaime - vicinity

pavadīt brīvo laiku - to spend one's free time

augļu koks - a fruit-tree

bumbiere - a pear-tree

bumbieris - a pear

plūme (koks) - a plum-tree

ķirsis (koks) - a cherry tree

ķirsis (auglis) - a cherry

raža - harvest (crop)

pirkt - to buy

pašu (dārzs) - one's own (garden)

uzrakt zemi - to dig up soil

sagatavot dobes - to (make) prepare beds

sēt - to sow

sakņaugi - root-crops, vegetables

biete - a beet root

zirnis - a pea

pupa - a bean

salāti - lettuce

sīpols - an onion

tomāts - a tomato

ravēt - to weed

laistīt - to water

ievākt, novākt - to gather

zemene - a strawberry

jāņoga - a currant

ziedi - flowers

(uz)ziedēt - to bloom

sniegpulkstenīte - a snowdrop

narcise - a daffodil
tulpe - a tulip
ceriņi - lilac
jasmīni - jasmine
krāsps - splendid
ogu krūms - a berry bush
ābele - an apple tree
astere - an aster
dālija - a dahlia
gladiola - a gladiolus
salna - frost
audzēt - to grow

Answer the questions:

Vai tev ir dārzs?

Vai tev patīk strādāt dārzā?

Kādi augļi koki aug tavā dārzā?

Vai tu audzē ogu krūmus?

Ko tu sēj pavasarī?

Kādas puķes tev patīk vislabāk?

Kādus darbus tu dari rudenī (dārzā) ?

Read the dialogue:

A. Labdien!

B. Sveicināti!

A. Nu, kā šodien veicas? Sen nav bijusi tik skaista diena.

B. Paldies. Diena ir laba, bet darba arī daudz. Tikko kā izravēju burkānus. Pirms pusdienām vēl jāpagūst šo to aplaistīt.

A. Jums jau viss aug griezdamies. Prieks skatīties.

B. Šonedēļ iegādājās brīvāks laiks, daru, ko varu.

A. Es arī šodien gribu paravēt. Jā, kā darbojas jūsu ūdens sūkņi?

B. Viss kārtībā. Vēlreiz paldies par palīdzību.

A. Nu, veiksmi darbā!

B. Jums tāpat, Visu labu!

MANA MĀJA

Arī es dzīvoju Rīgā. Es dzīvoju Rīgas nomalē. Mūsu rajonā ir daudz privātmāju. Man pieņem divstāvu mājiņa ar samērā lielu dārzu. Dārzā aug gan koki, gan arī krūmi. Mans kaimiņš dārzā audzē puķes, bet otram kaimiņam ir gan suns, gan vistas. Gluži kā laukos.

Zem manas mājas ir garāža, kur brālis tur savu automašīnu. Manā mājā ir astoņas istabas, virtuve, vannas istaba un divas tualetes. Pagrabstāvā bez garāžas ir arī somu pirts un centrālapkures krāsns. Māja ir celta no ķieģeļiem.

Mums ir daudz grāmatu, tās atrodas vienā istabā. Vēl kādā istabā ir darbnīca, kur atrodas dažādi instrumenti, un katrs var pastrādāt. Ieeja mājā ir tieši no ielas, tāpat kā iebraukšana garāžā.

Dzīvot savā mājā ir patīkami, es šeit jūtos samērā brīvi. Tomēr ir arī savas rūpes, kas nav tiem, kas dzīvo dzīvokļos. Piemēram, jāuztur kārtībā iela, dārzs, jumts, jārūpējas par apkuri.

Vocabulary:

- nomale - a suburb
- rajons - a region
- privātmāja - a private house
- kaimiņš - a neighbour
- audzēt - to grow
- suns - a dog
- vista - a hen
- lauki - the countryside
- garāža - a garage
- automašīna - a car
- somu pirts - a sauna
- centrālapkure - central heating
- krāsns - an oven, heater
- ķieģeļi - bricks
- darbnīca - workshop
- ieeja - an entrance
- patīkams - fine, pleasant

brīvs - free
rūpes - care, trouble
jums - a roof

Answer the question:

Kur ir labāk dzīvot, mājā vai dzīvoklī?
No kā var būt celta māja?
Vai ir labi, ja pie mājas ir dārzs?
Kā var apkurināt māju?
Vai jums ir labas attiecības ar kaimiņiem?
Vai tev ir sava māja?
Kāda ir tava māja (tukša, kārtīga, nekārtīga, tīra, netīra, vienkārša)?

EDIENS

No rīta es ceļos agri. Es brokastuju kopā ar tēvu. Mums ir laba apetīte. Manai mātei un māšai gan no rīta negribas ēst. Viņas brokasto vēlāk. Es vienmēr dzeru tēju ar cukuru un citronu. Mans tēvs dzer kafiju ar pienu, bet bez cukura. Mēs parasti ēdam sviostmaizen ar desu vai sieru, dažreiz darzeņu salātus vai arī vārītu olu.

Pusdienas es parasti ēdu darbā. Tur ir neliela ēdnīca, kur var dabūt zupu, otros ēdienus un saldus. Izvēle nav liela, bet pašst var.

Vakariņas mēs visi ēdam kopā ap septiņiem vakarā. Parasti vakariņās ir kartupeļi ar gaļu vai zivi. Vasarā un rudenī ir arī svaigi salāti, parasti gurķi vai tomāti, bet ziemā kādi konservēti dārzeņi.

Manai māšai patīk ēst. Viņa vairākas reizes dienā iedzer kafiju un uzēd pa bulciņai. Arī vēl vakarā viņa grabz ābolus vai burkānus.

Vocabulary:

ediens - food
brokastot - to have breakfast
apetīte - an appetite
grābēt - to feel like
dzert - to drink
teja - tea

cukurs - sugar	dabūt - to get
citrons - a lemon	zupa - a soup
kafija - coffee	saldais - a dessert
piens - milk	izvēle - a choice
parasti - usually	vakariņas - a dinner/supper
ēst - to eat	kopā - together
sviestmaize - bread and butter	kartupeļi - potatoes
desa - a sausage	gaļa - meat
siers - cheese	zivs - fish
dažreiz - sometimes	svaigs - fresh
dārzeņi - vegetables	gurķis - cucumber
salāti - a salad	tomāts - tomato
vārot - to boil	konservēt - to can
ola - an egg	bulciņa - a bun
pusdienas - lunch	vēlu - late
darbs - a job	grauzt - to nibble
neliels - small	ābols - an apple
ēdnīca - canteen	burkāns - a carrot

Answer the questions:

1. Kad tu ēd brokastis, pusdienas, vakariņas?
2. Cik reizes dienā tu ēd?
3. Vai tu ēd viens vai kopā ar kādu?
4. Kur tev patīk ēst?
5. Vai tev patīk ēst?
6. Kas tev garšo?
7. Kas tev nēgaršo?
8. Vai tev patīk pašam gatavot?

Make up sentences:

Man (nē)garšo ... (N)

Es ēdu (A)

Es dzeru (A)

Es gribu (A)

maize, piens, sviests, gaļa, zivs, siers, dārzeņi, sula, augļi, kafija, olas, makaroni, kartupeļi

Answer the questions using the adjectives and nouns:

Ko tu dzer ... (A) (auksts, karsts, silts) tēja, kafija, piens

Ko tu ēd ... (A) (cepts, vārīts, sautāts) vista, ola, tītars,

makaroni, bietes, saknes, zivs, gaļa, kartupeļi.

VEIKALĀ

Iepirkšanās var būt gan izprieca, gan nepieciešamība. Sestdienas rītā Rasma un Inese iet iepirkties. Vispirms viņas ieliet gaļas veikalā un palūdz pārdevējai lielu vistu. Pēc tam abas dodas pāri ielai uz piena veikalu, kur nopērk pienu, krējumu, sviestu un sieru. Šos produktus viņas šeit iegādājas katru dienu. Pēc tam Rasma steidzas uz maizes veikalu, kur nopērk divus klaipus baltmaizes, radziņu un puskuķuli rupjmaizes. Tād viņa dodas uz tirgu, lai nopirktu ābolus, pupas, burkānus un meloni. Ar to viņas iepirkšanās beidzas. Inese daudz laika pavadā universālveikalā. Tas ir jauns, liels pašapkalpošanās veikals. Viņai ir sagatavots pirkumu saraksts. Viņa paņem iepirkumu ratiņus un dodas uz sporta sekciju. Viņa vēlas nopirkt treniņtērpu, hokeja nūju un ripas dēlam. Parfimērijas sekcijā viņa nopērk zobu suku un pastu, kā arī franču smaržas un šampūnu. Pie rotaļlietām ir liela rinda, un Inese domā, ka laiks doties mājās.

Vocabulary:

iepirkšanās - shopping
izprieca - enjoyment, fun
nepieciešamība - necessity
gaļas veikals - butchers
vista - chicken
pārdevēja - a sales girl
piena veikals - dairy shop
piens - milk
krējums - cream
sviests - butter
siers - cheese
produkti - food
maizes veikals - bakery
klaips, kukulis - a loaf
baltmaize - white bread

rodziņš - a crescent
rupjmaize - rye bread
tirgus - market
āboli - apples
pupas - beans
burkāni - carrots
melone - melon
universālveikals - a supermarket
saraksts - a list
iepirkumu ratiņi - trolley
treniņtērps - a track suit
hokeja nūja - a hockey stick
ripa - a puck
parfimērija - perfumery
zobu sūka - a tooth brush
zobu pasta - tooth paste
smaržas - perfume
šampūns - shampoo
rotāļlieta - a toy
rinda - a queue

Answer the questions:

Kādus veikalus jūs zināt?
Ko pārdod piena veikalā?
Ko pārdod galanterijas veikalā?
Ar ko atšķiras parasts veikals no pašapkalpošanas veikala?
Kadai jābūt pārdevējai?
Kadā laikā veikali parasti strādā?
Kādas rotāļlietas pārdod rotāļlietu veikalā?
Ko pārdod aptiekā?
Vai iepirkšanās ir patikama nodarbība?
Cik maksā maize, ?

Read the dialogue:

- Ko veļaties?
- Maiz, iedzi, kilogramu sviesta un pus kilo sieru.
- Dārzā, vai vēl ko?
- Divdesmit ola un pudeli saulespuķu eļļas.
- Ēdā.

- Un sakiēt, kas tie ir konserviem?
- Tie ir zivju konservi, sardīnes eļļā.
- Nē, tos lūdzu nē. Domāju, ka tas būs viss.
- Simts sešdesmit rubļu.
- Atvainojiet, vēl paciņu rauga.
- Lūdzu, simts sešdesmit četri rubļi.
- Lūdzu.

Vocabulary:

- ola - an egg
- pudele - a bottle
- saulespuķu eļļa - sunflower oil
- konservi - a tin
- sardīnes eļļā - sardines in oil
- paciņa - a pack
- raugs - yeast

PASTA

Mēs esam pastā. Tā ir dzelzceļa pasta n. laja. Šeit ir daudz cilvēku. Gar vienu malu atrodas daudz lodziņu. Tur var nosūtīt vēstules, nosūtīt un saņemt pasta pārvedumus, nopirkt aplokšnes, markas un pasta kartītes. Stāvu zemāk var saņemt un nosūtīt pakas, arī starptautiskas. Otrā pasta galā ir tālsatiksmes telefons un telegrāfs. Tur vienmēr lielas rindas pie tālsatiksmes automātiem. Pastā ir arī vairākas pasta kastītes, kur iemest vēstules. Telpas vidū ir galdi ar veidlapām un paraugiem, kā tās aizpildīt. Pasts strādā no astoņiem rītā līdz astoņiem vakarā. Telegrāfa un telefona nodaļa ir atvērta 24 stundas diennaktī.

Vocabulary:

- pasts - a post - office
- dzelzceļš - railway
- nodaļa - an office, branch
- lodziņš - a small window
- vēstule - a letter
- nosūtīt - to send
- pasta pārvedums - a postal order

nopirkt - to buy
aploksne - an envelope
marka - a stamp
pasta kartīte - a postcard
saņemt - to receive
starptautisks - international
tālsatiksmas telefona saruna - a long distance call
pasta kastīte - a letter box
ierest - to drop
veidlapa - a blank form
paraugs - a sample
aizpildīt - to fill in

Answer the questions:

Kur atrodas pasta?
Kad atver pastu?
Cik maksā parasta aploksne?
Cik jāmaksā par telefona sarunu?

Read the dialogues:

- Es šodien saņēmu vēstuli no mājām. Un pastnieks atnesa arī naudas pārvedumu.
- Tad jau būs jāiet uz pastu pēc naudas. Es arī gribu nosūtīt vēstuli draugam uz Ameriku.

(Pastā)

- Pieņemat, vai šeit var saņemt naudas pārvedumu?
- Jā, bet jums nav aizpildīta veidlapa. Un būs jāuzrāda arī pase.
- Labi, un vai varētu dabūt arī aploksni un marķu?
- Kādu aploksni jūs vēlaties?
- Starptautisko, avio.
- Lūdzu, tā ir ar visu marķu un maksā rubli piecdesmit sešas kapeikas.

Vocabulary:

no mājām - from home
pastnieks - a postman
pase - a passport
maksāt - to cost

- Hallo! Te runā
- Es klausos, runājiet..
- Es jūs slikti dzirdu.
- Kas pie aparāta?
- Lūdzu, atkārtojiet vēlreiz!
- Piezvaniet vēlreiz, lūdzu!
- Es jau zvanīju vairākas reizes, telefons visu laiku aizņemts.
- Nedzirdu, bet man šķiet, ka jūs esat nepareizi piezvanījis.
- Man arī tā liekas, atvainojiet.

Exercise: Decline

Vēstule no

Vēstule uz

(Zviedrija, Anglija, Peru, Vācija, Oslo,
Norvēģija, mājas, draugs, draudzene,
Itālija, Neapole, Daugavpils).

Part II

RĪGA

Rīga atrodas Daugavas upes abos krastos. Rīga ir Latvijas galvaspilsēta, tās politiskais, ekonomiskais un kultūras centrs. Rīga ir ļoti sena pilsēta. Rīgas vārdu pirmo reizi min senā hronika 1201.gadā. Rīga bija osta, kas atrodās izdevīgā vietā blakus svarīgam ūdensceļam - Daugavai. 13.gadsimtā Rīgā apmetās vācu krustneši. Viduslaiku Rīgu cēla pēc Eiropas feodālo pilsētu parauga. Tā kļuva par Hanzas tirdzniecības pilsētu apvienības daļu un līdzinājās Ziemeļvācijas pilsētām - Brēmenei un Lībekai. Livonijas kara (1558.-1583.) rezultātā iznīcināja vācu krustnešu ordeņu. 1582.gadā Rīgu pakļāva Polijai. 17.gadsimtā Rīgā ienāca zviedri. Pēc Ziemeļu kara 1710.gadā Rīgu pievienoja Krievijai.

Rīgas vēsturi atspoguļo Rīgas daudzveidīgā arhitektūra. Skaistākā Rīgas daļa ir Vecrīga. Interesantas ir ne tikai ēkas, bet arī šaurās ieliņas. Ap 80 ēku Vecrīgā ir nozīmīgi arhitektūras pieminekļi. Ievērojama ir Pēterbaznīca. To cēla 13.gadsimta sākumā. Tās torņa augstums ir 123 m. Kādreiz tā bija augstākā koka konstrukcija pasaulē. Tagad tur atrodas izstāžu zāle. 72 metru augstumā ir skatu platforma, no kuras var redzēt Rīgas panorāmu. Otra nozīmīga celtnie ir Doma baznīca. Tā ir lielisks viduslaiku arhitektūras paraugs. Šodien tur atrodas koncertzāle, kas ir slavēta ar savām ērģelēm. Tās ir vienas no labākajām Eiropā. Pamazām Doma baznīca atgūst baznīcas funkcijas. Pēc 40 gadu pārtraukuma 1988.gada oktobrī šeit notika dievkalpojums par godu Tautas frontes dibināšanai. Jēkaba baznīca blakus Augstākās Padomes ēkai ir Patolu centrs.

Tai līdzās redzam senu dzīvojamo ēku kompleksu "trīs brāļi" - viduslaiku amatnieku dzīvojamās mājas. Maza Pils iela, uz kuras atrodas "trīs brāļi", veda uz Rīgas pili, ko uzcēla 14.gadsimta sākumā kā cietoksni. Pils torni 1930.g. dešmitri uz mūžīgiem laikiem pacēla sarkanbaltsarkanā Latvijas nacionālo karogu. Pati Rīga sirds ir Brīvības piemineklis, kuru no 1930.-1935.gadam veidoja izcilais latviešu skulptors Kārlis Zāle. Tas simbolizē tautas ilgas pēc

brīvības.

Rīgas jaunākā daļa aizņem daudz plašāku teritoriju nekā Vecrīga. Tur atrodas dažādas iestādes, uzņēmumi, fabrikas, skolas, veikali, kultūras iestādes, dzīvojamie rajoni. Tur ir arī daudz parku. Pašlaik Rīgā notiek restaurācijas darbi. Mēs ceram, ka kādreiz Rīga bus tikpat skaista kā agrāk.

Vocabulary:

upe - a river
krasts - a bank
galvaspilsēta - a capital city
sens - ancient
minēt - to mention
nosaukums - name
osta - a port
izdevīgs - convenient
krustnosi - crusa ors
apmesties - to settle down
viduslaiki - Middle Ages
celt - to build
paraugs - pattern, sample
tirdzniecība - trade
apvienība - union
līdzināties - to resemble
karš - a war
pievienot - to join to
pakļaut - to subject
vēsture - history
atspoguļot - to reflect
daudzveidīgs - versatile
piemineklis - a monument
šaurš - narrow
nozīmīgs - important
baznīca - church
izcils - prominent
gadsimta - a century
torņa - a tower
izstāde - an exhibition

skatu laukums - a platform
celtne - a building
koncertzāle - a concert hall
slavens - famous
ērģeles - the organ
atgūt - to regain
dievkalpojums - the service
par godu - in honour of
pārtraukums - interruption
dibināt - to found, establish
pamazām - gradually
amatnieks - an artisan
vest - to lead
pils - a castle
cietoksnis - a fortress
pacelt karogu - to hoist a flag
brīvība - liberty, freedom
skulptors - a sculptor
simbolizēt - to symbolize
ilgas - longing
aizņemt - to occupy
plašs - vast
iestāde - an office
uzņēmums - an enterprise
fabrika - a plant
skola - a school
veikals - a shop
kultūras iestāde - a cultural establishment
dzīvojamie rajoni - residential areas
cerēt - to hope

Exercises:

Complete the sentences:

Man Rīgā patīk

Man Rīgā nepatīk

Rīga ir mazāka par

Rīga ir skaistāka par

Rīgas ielas var reizēt

Visskaistākā vieta Rīgā ir

Visinteresantākā vieta Rīgā ir

Describe a picture. Make use of the new words.

You may find the following phrases helpful:

fonā - in the background

priekšplānā - in the foreground

pa labi - on the right hand side

pa kreisi - on the left hand side

tālumā - at a distance

Answer the following questions:

Kādēļ Rīga arhitektūras ziņā ir tik daudzveidīga?

Kuras ir ievērojamākās celtnes Rīgā?

Kur atrodas pilsētas sirds?

Vai varat salīdzināt Rīgu ar kādu citu pilsētu?

Kādi ir jūsu pirmie iespaidi Rīgā?

MĀKSĻA LATVIJĀ

Mākslas darbus parasti iedala glezniecībā, grafikā, skulpturālā mākslā un lietišķajā mākslā. Visās šajās jomās latviešiem ir ļoti panākumi. Latviešu mākslu bieži uzskata par rietumniecisku.

Latvieši mīl dabu, tāpēc visvairāk ir ainavu. Viņi glezno mežus, laukus, jūru gan agri no rīta, gan vakara stundās. Dominē realistiskā maniere. Vairāki mākslinieki glezno portretus, īpaši interesanti ir pašportreti. Ir arī kļusās dabas, kas attēlo sadzīves priekšmetus. Visvairāk ir eļļas gleznu, taču var atrast arī savdabīgus akvareļus. Vismodernākā ir latviešu grafika, reizēm tā ir ļoti avangardiska. Interese par latviešu glezniecību un grafiku ir arī rietumu tirgū.

Latviešu skulptūras ir monumentālas, atturīgas, bet ne vēsas. Latvieši ļoti lepojas ar Kārļa Zāles talantu. Viņš izcilākie darbi ir Brīvības piemineklis un Braļļa kapa ansamblis. Viņa māksla nav dekoratīva, tā runā par latviešu tautas pašu būtiskāko - brīvību, cerību un ticību nākotnei.

Iemīļota ir latviešu lietišķā māksla - keramika, tekstilijas, izšuvumi, juvelierizstrādājumi, īpaši no dzintara, ādas izstrādājumi.

Vocabulary:

māksla - art
glezniecība - painting
grafika - graphic art
lietišķā māksla - applied art
joma - a field
daba - nature
ainava - landscape painting
gleznot - to paint
pašportrets - a selfportrait
klusā daba - a still life
attēlot - to reflect
sadzīve - everyday life
priekšmets - an object
eļļas glezniecība - oil painting
akverelis - a water colour
savdabīgs - peculiar
atvērtīgs - reserved
vēss - cool
lepoties - to be proud of
būtisks - essential
ticība - faith
keramika - ceramics
tekstilijas - textiles
izšuvumi - embroidery
juvelierizstrādājumi - jewelry
dzintars - amber
ādas izstrādājumi - leather wear
izstāžu zāle - an exhibition hall
gleznu galerija - an art gallery
personālizstāde - a one-man exhibition
izstādīt - to exhibit
atpazīt - exhibit
arūklis - canvas

ota - a brush
tonis - a shade, a tinge
pieklusināti toņi - subdued colours
kosas krāsas - bright colours
pasteltoņi - pastel colours
 laba / slikta gaume - good / bad taste

Exercises:

1. Complete the sentences:

Personālizstādēs izstāda

Klusajā dabā galvenais ir

Man patīk ainavas ar

No dzintara var pagatavot

Es eju/ neeju uz mākslas muzejiem, jo

Mana mīļākā krāsa ir, jo

Es domāju, ka visskaistākais piemineklis ir

Mani mīļākie gleznotāji ir

2. Translate:

Latvian artists often paint landscapes because they love nature.

The inhabitants of Riga are proud of the Freedom Monument. We go for a walk to the Memorial Cemetery and remember our past.

Visitors of Riga attend art exhibitions, they are particularly fond of Latvian applied art.

Tourists buy Latvian leather-wear and take it home.

In an Art Gallery one can rest as well as learn new things.

3. Comment on the following statements:

Māksla palīdz dzīvot.

Modernā māksla man krit uz nerviem.

Vislabāk man patīk franču impresionistu darbi.

Māksla ir vienkārši naudas pelnīšanas veids.

4. Answer the following questions:

Kāda ir mākslas nozīme mūsdienu pasaulē.

Kāds mākslas veids ir jums vistuvākais, kāpēc?

Kādi ir jūsu iespaidi par latviešu mākslu?

Vai, jūsuprāt, modernā māksla degenerējas?

TEĀTRIS

Rīdzinieki mīl iet uz teātri, tādēļ uz labām izrādēm ir grūti dabūt biļetes. Biļetes pārdod jau iepriekš. Cilvēki cenšas nokļūt uz pirmizrādēm, taču arī parastās dienas un vakara izrādes ir interesantas. Vismodernākais teātris Rīgā ir Dalles teātris. No jebkuras vietas zālē skatuvi var labi redzēt. Vislielākais teātris Rīgā ir Operas un baleta teātris. Tur bez partera ir arī ložas, beletāža un divi balkoni. Teātri ir arī orķestra būdre, kur darbojas mūziķi un diriģents. Kā visos orķestros, arī šajā ir stīgu instrumenti, metāla un koka pūšamie instrumenti, sitamie instrumenti. Teātra baleta trupa ir pazīstama visā pasaulē. Dienžēl, pati teātra ēka ir nožēlojamā stāvoklī, teātris ir slēgts, un pašlaik notiek remonts. Trešais nozīmīgākais teātris Rīgā ir Nacionālais teātris. Šim teātrim ir senas tradīcijas, tomēr tam ir arī savi trūkumi. Teātris nav radošs, bieži izrādes ir vienmuļas un garlaicīgas. Modernas un intelektuālas izrādes bieži tiek veidotas Jaunatnes teātri, galvenokārt pateicoties teātra galvenajam režisoram.

Parasti izrādēm ir divi vai trīs cēļieni. Starpbrīžos cilvēki staidzas uz kafejnīcu. Viņi grib iedzert vai uzkost. Visumā var teikt, ka šobrīd mūsu teātros trūkst labu aktuālu izrāžu, un teātra popularitāte mazinās. Ja agrāk teātris bija vieta, kur reizēm varēja dzirdēt patiesību, tad šodien patiesību runā ik uz soļa. Līdz ar to teātris zaudē savu agrāko pievilcību. Cilvēki labāk paliek mājās, skatēs televizoru un saka, ka dzīve šobrīd ir labāka nekā teātris.

Vocabulary:

izrāde - a performance

biļete - a ticket

dabūt - to get

biļešu iepriekšpārdošana - booking in advance

kase - a box-office
censties - to strive
pirmizrāde - a first night
skatuve - a stage
parters - stalls
loža - a box
beletāža - the dress-circle
orķestra bedre - the orchestra pit
dirigents - a conductor
stīgu instrumenti - the strings
metāla pūšamie - brass winds
koka pūšamie - wood winds
sitamie instrumenti - the percussion
nožēlojams - miserable
pazīstams - well-known
remonts - repairs
trūkumi - drawbacks
radošs - creative
vienmuļš - dull
garlaicīgs - boring
pateicoties - thanks to
cēliens - an act
starpbrīdis - a break
steigties - to hurry, rush
iedzert - to have a drink
uzkost - to have a snack
mazināties - to decrease
patiesība - truth
ik uz soļa - everywhere
pievilcība - appeal
zaudēt - to lose

Exercises:

1. Translate:

If I want to have a good time I go to the theatre.
Today it is not difficult to get tickets to the theatre
or concert because tickets are rather expensive.
Latvian theatre strives to be modern but it is basically
traditional.

It is better to buy tickets in advance and sit in good seats.

Thanks to the popularity of the cinema the theatre loses its audience.

I want to have a drink when I go to the theatre because often the performances are dull.

2. Answer the questions:

Kā jūs vērtējat teātra veltu mūsdienu dzīvē?

Kādes, jūsprāt, ir teātra priekšrocība, salīdzinot ar kino?

Vai teātris ir populārs jūsu zemē?

Pastāstiet par kādu teātra izrādi, ko esen esat redzējuši!

MUZIKA

Parasti mūziku iedala nopietnajā un popmūzikā. Nopietnā mūzika ir gan klasiskā, gan modernā nopietnā mūzika. Klasiskā mūzika var piesaistīt plašāku auditoriju, bet modernā mūziku saprot un parasti mīl tikai muzikāli izglītoti cilvēki. Tā parasti ir sarežģīta un prasa īpašu sagatavotību. Tikai daļa no tās iztur laika pārbaudi.

Latvijā cilvēkiem visumā trūkst muzikālās izglītības, tāpēc lielākā daļa atzīst tikai popmūziku un nopietno mūziku nemaz neklausās. Pēdējo laikā gan notiek pārmaiņas attieksmē pret opermūziku. To var izskaidrot ar labu jaunu dziedātāju parādīšanos mūsu operteātrī. Diemžēl labs ir arī mūsu simfoniskais orķestris un filharmonijas kamerorķestris. Ja spēlē populāro klasisko mūziku, klausītāju zāle ir pilna. Latvieši ļoti lepojas ar savas kora mūzikas panākumiem. Latviešu kori (Ave Sol, Dzintars u.c.) ieguvuši starptautisku atzinību. Slaveni ir dziesmu svētki, kas ik pa pieciem gadiem sared Rīgā desmitiem tūkstošu dziedātāju un simtiem tūkstošu klausītāju gan no mūsu zemes, gan ārzemēs. Tomēr lielākā daļa latviešu airaugas ar popmūziku - gan tradicionālo estrādes mūziku, gan smagā metāla, gan folk mūziku, gan arī citiem veidos mūzikas paveikā v. Cilvēki grib atpūsties un izklaidēties.

Vocabulary:

- nopietnā mūzika - serious music
piesaistīt - to attract
izglītots - educated
sarežģīts - complicated
sagatavotība - training
izturēt laika pārbaudi - to stand the test of time
trūkt - to lack
atzīt - to recognize
pārmaiņa - a change
attieksme - an attitude
dziedātājs - a singer
kamerorķestris - a chamber orchestra
kora mūzika - choir music
iegūt atzinību - to gain recognition
panākumi - success
Dziesmu svētki - Song Festival
aizrauties - to get carried away
estrādes mūzika - pop music
izklaidēties - to have a good time
apmeklet koncertu - to go to the concert
nopirkt biļetes iepriekš - to get tickets in advance
kameramūzikas koncerts - chamber music concert
džeza - jazz
solo koncerts - a recital
skaidrums - an item (coll. gabals)
repertuārs - repertoire
vieglā mūzika - light music
tautas mūzika - folk music
fona mūzika - background music
instrumentālā un vokālā mūzika - instrumental and vocal music
simfonija - a symphony
klavierkoncerts - a piano concerto
vertūra - overture
svīta - suite
sonāte - sonata
duets, trijs, kvartets, kvintets, sestets

skapdarba daļa - a movement, part
ārija, kantāte, oratorija, rekviems
pūteju orķestris - the woodwind and brass band
koka pūšamie instrumenti - woodwind (flauta, klarnete,
oboja, ragots)
metāla pūšamie instrumenti - the brass (trompete, trom-
bons, mežrags)
stāgu instrumenti - the strings (vijole, alts, čells,
kontrabass)
viesdiriģents - a visiting conductor
viesizrādes - performances on tour
dziedāt uz balsīm - to sing in parts
soprāns, alts, tenors, bass
vīru koris - male voice choir
sieviešu koris - female voice choir
paņemt kādu noti - to reach a note
spēlēt pēc notīm - to play from music
būt muzikālai dzirdei - to have an ear for music
partitūra - the score
mūzikas cienītāji - music lovers
klausīties ar aizturētu elpu - to listen with bated
breath
piesaistīt klausītājus - to attract audience
aizrauties ar mūziku - to get carried away by music
liels, vienreizējs, kolosāls, dievīgs, fantastisks,
kapitāls, brīnišķīgs - good.
garlaicīgs, draņķīgs, zem katras kritikas,
šausmīgs - bad
ciešams, tā nekas - passable
noslēgt kontraktu - sign a contract

Exercises:

Complete the sentences:

- Mans mīļākais komponists ir
- Konservatorijā studenti ievācās
- Diriģenta uzdevums ir
- Kontraktus ar ārvalstu orķestriem noslēdz
- Tā (ne)spēleju
- Kad es strādāju, es (ne)klausos

Answer the questions:

Ko jums dod mūzika?

Kādas ir, jūsuprāt, attiecības starp nopietno un popmūziku, un kādām tām vajadzētu būt?

Kādu mūziku klausās cilvēki jūsu zemē?

Pastāstiet par kādu nesen redzētu koncertu!

MASU KOMUNIKĀCIJAS LĪDZEKĻI

Masu komunikācijas līdzekļi ir radio, televīzija un prese. Tie atrodas sabiedrisko procesu pašā priekšgalā. Cilvēku attieksme pret tiem ir mainījusies. Vēl pirms dažiem gadiem interese par tiem nebija pārāk liela. Liela daļa cilvēku lasīja, klausījās vai skatījās tikai izklaidējoša rakstura rakstus vai pārraides. Kopš cenzūras atcelšanas masu komunikācijas līdzekļi piedalās sabiedriskās domas un viedokļu dažādības veidošanā. Tie pilnībā atspoguļo stāvokli Latvijas ekonomikā, politikā un kultūrā.

Sodien Latvijā ir daudz dažādu preses izdevumu. Galvenās avīzes ir "Diena", "Latvijas Jaunatne", "Neatkarīgā Cīņa", "Lauku Avīze". Pati labākā avīze ir "Diena", kas tiek saukta arī par valdības avīzi. "Diena" grib privatizēties, jo ekonomiskā atkarība parasti noved arī pie politiskās atkarības. "Diena" sniedz nacionalās un ārzemju ziņas, politiskos komentārus, sporta un kultūras jaunumus. "Diena" ievietota arī reklāma, lai nopelnītu naudu. "Dienai" ir pielikums, kurā publicēti valdības lēmumi. "Diena" tiek tulkota un iznāk arī krievu valodā. "Diena" cenšas sniegt objektīvu informāciju un izvairās no sava viedokļa uzspiešanas. Lielākā daļa cilvēku laikrakstus abonē uz visu gadu un saņem tos pa pastu.

Latvijas radio raida trīs programmas. Pirmā ir nacionālā programma, kas raida latviešu valodā no sešiem rītā līdz vienam nakti. Otrā programma sastāv no raidījumiem, kas domāti latvijā dzīvojošo mazākumtautību pārstāvjiem un tiek veidoti lietuviešu, poļu, krievu un citās valodās.

Trešā programma skan vakaros un raida mūziku elitārai gumei. Tagad Latvijā ir arī viena neatkarīga vai privāta radio stacija AA, kas raida ultraīsviļņu diapazonā. Šī programma raida mūziku, ziņas un reklāmu un ir ļoti populāra jaunatnes vidū.

Visi masu komunikācijas līdzekļi šobrīd Latvijā ir stipri politizēti, kas izskaidrojams ar pašreizējo stāvokli. Cilvēki mazāk lasa grāmatas vai interesējas par mākslu. Visu domas nodarbina augstās cenas, okupācijas armijas klātbūtne, pilsonības jautājums, tādēļ arī presē, radio un televīzijā sniedz neskaitāmas variācijas par to, kas bija, varēja būt un droši vien nokad nebūs Latvijas ekonomiskajā un politiskajā dzīvē.

Vocabulary:

masu komunikācijas līdzekļi - mass media

sabiedriska - social

ātrasties priekšgalā - to be in the lead

attieksme - attitude

mainīties - to change

izklaidējošie - entertaining

pārvaide - a broadcast

cenzūra - censorship

atcelt - to lift

sabiedriskā doma - public opinion

veidot - to shape, form

viēdckļa - an opinion

dažādība - variety

atspoguļot - to reflect

avīze - a newspaper

valdība - government

saņemt - to receive

atkarība - dependence

novest - to lead to

sniegt - to present, give

jaunumi - news

ievietot - to place

reklāma - advertisement

nopelnīt - to earn
pielikums - a supplement
lēmums - a decision
iznākt - to come out, to be published
censties - to try hard
izvairīties - to avoid
uzspiest - to press upon
abonēt - to subscribe to
raidīt - to broadcast
sastāvēt - to consist of
mazākumtautība - a minority
gaume - taste
pārstāvis - a representative
neatkarīgs - independent
ultrašviļņi - FM frequency
izskaidrot - to explain
cenas - prices
klātbūtne - presence
pilsonība - citizenship
neskaitāms - endless

EXERCISES:

I. Complete:

Es uzskatu, ka avīzēm pirmkārt jāpublicē

Es nekad nelasu tās avīzes, kas

Man patīk /krit uz nerviem reklāma, jo

Es abonēju

Ja vēlos klausīties mūziku, dodu priekšroku radio /
ierakstiem, jo

Manuprāt, šodien svarīgākās problēmas Latvijā ir

Ir svarīgi, lai latviešu laikraksti iznāktu arī krievu
valodā, jo

II. Read and, using the dictionary, translate the
following article:

IGAUNIJĀ SĀK DARBOTIES 1938.gada PILSONĪBAS LIKUMS
(28.02.92. "Diena")

Vakar Igaunijas parlamentā pieņemts lēmums "Par pilso-
nības likuma spēkā stāšanās kārtību". Ar šo lēmumu ieviesta

1938.gada pilsonības likums. Lēmums stājies spēkā no tā pieņemšanas brīža. Par naturalizācijas perioda sākumu noteikts 1990.gada 30.marts; tas nozīmē, ka personām kas vēlas iegūt IR pilsonību, jābūt pastāvīgi pierakstītām Igaunijā no 1990.gada marta līdz prasības iesniegšanai un pēc iesniegšanas vēl gadu. Lai saņemtu IR pilsonību, jānokārto igauņu valodas zināšanu pārbaude. Personas, kam ir īpaši nopelni Igaunijas labā, varēs saņemt pilsonību bez cenza. Noteikts arī personu loks, kas nevarēs saņemt pilsonību - tie ir ārvalstu aktīvā karadienesta kareivji un virsnieki, bijušie PSRS drošības un izlūkošanas dienestu štata darbinieki, kā arī personas, kas sodītas par smagu noziegumu izdarīšanu..

Saskaņā ar vakardienas lēmumu prasītāja dzīvesbiedrs un viņa bērni, kas jaunāki par 18 gadiem, nesāņem pilsonību automātiski, kā bija paredzēts 1938.gada likumā. Personām, kas prasa Igaunijas pilsonību, jāatsakās no citas valsts pilsonības. Pēc pārn izdarīto socioloģisko pētījumu rezultātiem var spriest, ka IR pilsonību vēlas ap 45% no Igaunijā dzīvojošiem svešautiešiem. Iesniedzumus sāks pieņemt tuvākā mēneša laikā. Valdībai uzdots divu mēnešu laikā sastādīt pilsoņu reģistru un sākt IR pasu izsniegšanu.

III. Answer the following questions:

Kādas, jūsuprāt, ir masu komunikācijas līdzekļu galvenās funkcijas?

Kāds ir jūsu priekšstats par masu komunikācijas līdzekļiem Latvijā?

Kādu vietu jūsu dzīvē ieņem masu mēdiji?

MASU KOMUNIKĀCIJAS LĪDZEKĻI II

Televīzija

Latvijas televīzija gatavo un pārraida divas programmas: pirmo - nacionālo TV programmu latviešu valodā 13 stundas dienā, bet otro - divas stundas krievu un citās Latvijā dzīvojošo mazākumtautību valodās. Kopš 1990. gada TV eksperimentālais kanāls retranslē daļu no Sankt-

pēterburgas, Lietuvas un Igaunijas televīzijas raidīju - mien. Latvijas republikas iedzīvotāji var uztvert un skatīties arī Krievijas televīzijas programmu.

Šķiet, ka televīzija ir visiedarbīgākais masu komunikācijas līdzeklis. Tā prasa vismazāko piepūli, informācija parasti tiek pasniegta jau pārstrādātā veidā. Jātur tikai acis un ausis vaļā, domāt parasti vajag minimāli. Skatoties televizoru, cilvēks atbrīvojas un līdz ar to ir viegli ietekmējams. Tas nosaka televīzijas lielo ietekmi masu apziņas veidošanā.

Daudzās mājās televizors ir ieslēgts visu dienu, televīzija kļūst par narkotiku. No tās vienkārši vairs nevar tikt vaļā. Šī iemesla dēļ reizēm televīzija tiek vērtēta negatīvi. Tā padara cilvēku laisku. Cilvēki skatās sporta pārraides, nevis nodarbojas ar sportu. Cilvēki ceļ uz mākslas izstādēm, bet skatās pārrādus par tām. Mēs klausāmies politiskos komentārus un vairs nedomājam pašī. Tas noved pie stereotipu izveidošanās sabiedrībā un padara indivīdu par vienu no bara. Tomēr nevar noliegt televīzijas nozīmi informācijas pārraidē. 37 % no Latvijas televīzijas raidlaika aizņem informatīvi raidījumi. Daudz laika aizņem arī preses konferenču, parlamenta sēžu, dažādu diskusiju translēšana. Nereti cilvēki saka, ka Latvijas televīzijas programmas ir garlaicīgas un ka televīzija aizmirst, ka tai jāveic arī izklaidējošā funkcija. Tomēr jāatceras, ka Latvijā pats svarīgākais šobrīd ir normāli politiski un ekonomiski funkcionējošas sabiedrības uzcelšana, un tādā virzienā darbojas arī televīzija.

Vocabulary:

- kanāls - a channel
- translēt - to transmit
- uztvert - to receive
- iedarbīgs - effective
- piepūle - effort
- pārstrādāts - processed
- atbrīvoties - to relax
- ietekmēt - to influence, affect

noteikts - to determine
apziņa - consciousness
ieslēgt televizoru - to switch on the TV set
izslēgt - to switch off
narkotika - drugs
tikt vaļā - to get rid of
iemesls - a reason
vērtēt - to estimate
laisks - idle
nodarboties ar sportu - to go in for sports
pārskats - a survey
bars - the mob
noliegt - to deny
sēde - a sitting
Garlaicīgs - boring
aizmirst - to forget
atcerēties - to remember
uzcelt - to build
virziens - a direction

Exercises:

I. Revise tense forms, translate the given sentences into Latvian:

Yesterday my radio set did not receive BBC.

Let us relax and try to rest!

My parents have affected my thinking.

Wait! I will switch off the TV set and talk to you.

If we got rid of the stereotype thinking life would be more interesting.

They denied the fact that they had been to that place.

I will forget about this woman as soon as I get on the train.

Germans have built many buildings in the old town.

Last year she remembered my birthday and sent a letter, but will she remember this year?

If the prices are determined by the government it is no market economy.

II. Answer the questions:

Kādas televīzijas programmas jūs parasti skatāties?
Vai jūs piekrītat uzskatam, ka televīzija ir 20. gadsimta
lāsts (curse)?
Kādas, jūsuprāt, ir televīzijas funkcijas?
Kuram no masu komunikācijas līdzekļiem jūs dodat priekš-
roku?

III. Comment on the statement:

Cilvēki labprātāk skatās uz televīzoru nekā viens uz
otru.

RELIGĪJA

Ilgu laiku pret reliģiju Latvijā bija noraidoša attieksme. Lielais vairums cilvēku baznīcā negāja, arī bērni parasti baznīcā kristīti netika. Ticīgie vairākumā bija veci cilvēki. Ilgus gadus tika izvērta ateistiskā propaganda. Šodien stāvoklis ir parzām izmainījies. Latvijā šobrīd ir spēcīga jaunā garīdzniecības paaudze. Ir diezgan daudz jaunu, labi izglītotu mūcītāju, kas ar savu intelektu, augsto kultūras līmeni un labajam oratora spējām ir aizrāvuši arī lielu daļu jaunatnes. Situācija izmainījusies par labu reliģijai lielā mērā arī tāpēc, ka 20. gadsimta beigās politiskais, ekonomiskais, ekoloģiskais stāvoklis ir diezgan bezcerīgs, un cilvēkiem ir nopietniešams kāds mierinājums. Daudzi atzīst, ka dzīve saucotus jēgu, citi ir vīlušies savos ideālos, bet, lai dzīvotu, ir jātic un jācer, un baznīca šajā ziņā var palīdzēt. Lielākā daļa latviešu pēc savas ticības ir luterāņi, daļa ir katoļi. Krievu tautības iedzīvotāji ir pārsēti ticīgie. Raksturīgi ir tas, ka daudzi cilvēki Dievam tic, bet baznīcā neiet. Daļa baznīcu ir funkcionējošas, daļa kalpo tikai kā arhitektūras pieminekļi. Iejojot baznīcā, cilvēku pārņem špaša noskaņa. Tur ir skaisti vitrāžu logi, kancele, no kuras mūcītājs lasa sprediķi, altāris, plašas ējas. Cilvēki skaita lūgšanu, nonetušies ceļos. Reizēm baznīcā pārmet nevajadzīgu greznību, liekulību,

arī to, ka sprediķi ir primitīvi, šodienas domāšanas līmenim un kritiskajai attieksmei nepieņemami. Tomēr bībeles ētiskās un estētiskās vērtības nav noliedzamas, tās ir pasaules kultūras pamatā, un tās var būt arī indivīda izīves pamatā.

Vocabulary:

baznīca - the church
kristietība - Christianity
noraidošā - rejecting, negative
ticīgie - believers
garīdzniecība - the clergy
bezcerīgs - hopeless
paaudze - generation
spēja - ability
aizraut - to carry smb. away
mierinājums - consolation
atzīt - to admit
zaudēt jēgu - to lose sense
vilties - to get disillusioned
palīdzēt - to help
luterāņi - Lutherans
katoļi - Catholics
pareizticīgie - Orthodox believers
kalpot - to serve
noskaņa - mood
vitrāžu logs - a stained - glass window
kancelle - pulpit
sprediķis - a sermon
altāris - an altar
eja - an aisle
lūgšana - a prayer
nomesties ceļos - to kneel
greznaība - luxury
liksulība - hypocrisy
nepieņemams - unacceptable
vērtības - values
osnats - the basis

Exercises:

Answer the questions:

Kāda ir attieksme pret reliģiju jūsu zemē?

Ko jūs domājat par reliģijas vēsturisko nozīmi?

Ko jūs varat teikt par reliģijas un mākslas attiecībām?

Kura no Rīgas baznīcām jums šķiet visinteresantākā?

Read and translate the following text:

"Bībeles stāsti bērniem"

CILVĒKS, KAS NETICĒJA

Jāņa ev.20: 19-31

Jēzus mācekļi pulcējās aiz slēgtām durvīm. Viņiem bija bailes no maldīgiem jūdjiem.

Kad viņi atkal bija kopā, pats Jēzus nostājās viņu vidū un sacīja: "Miera ar jums!" Jēzu redzot, mācekļu sirdis kļuva liksmas.

Tomēr, viens no Jēzus mācekļiem, nebija tad klāt. Citi viņam sacīja: "Mēs te Kungu esam redzējuši."

"Kamēr es nebūšu licis pirkstu Viņa naglu rētās, es neticēšu, ka Viņš ir dzīvs," atbildēja Toms.

Pēc kāda laika mācekļi atkal bija kopā. Šoreiz arī Toms bija klāt.

Jēzus nostājās viņu vidū un sacīja: "Miera ar jums!" Tad viņš piegāja pie Toma un sacīja: "Ieliec savu pirkstu manās naglu rētās un savu roku manos sānos. Nešaubies vairs, bet ticī."

"Mans Kungs un mans Dievs!" izsaucās Toms un nokrita ceļos pie Jēzus kājām.

"Tu tagad ticī, jo tu esi redzējis," sacīja Jēzus. "Svētīgi ir tie, kas neredz un tomēr ticī."

Četrdesmit dienas pēc savas augšāmcelšanās Jēzus parādījās saviem mācekļiem. Viņš runāja ar tiem un stiprināja viņus ticībā.

Tad Jēzus aizveda savus mācekļus uz Betāniju. Tur kalna galā Viņš tos svētīja un tika uzņemts debesīs. Padebesī Viņš paruda mācekļu acīm.

Jēzu viņi vairs neredzēja, bet viņi atcerējās Jēzus

vārdus, ko Viņš bija tiem teicis: "Es jūs neatstāšu. Es nāķēu pie jums un būšu pie jums ik dienas līdz pasaules galam."

SPORTS

Latvijā daudzi cilvēku nodarbojas ar sportu. Daudzi nodarbojas ar sportu, nevis lai piedalītos un iegūtu godalgotas vietas sacensībās, bet gan lai uzlabotu savu veselību, izskatu un garastāvokli. Ar sportu bērni sāk nodarboties jau skolā. Fizikālās nodarbības parasti notiek divas vai trīs reizes nedēļā. Parasti skolās nodarbojas ar vieglatlētikas: skriešanu, tāllēkšanu, augstlēkšanu, lodes grūšanu. Ziemā notiek slidošanas un slēpošanas nodarbības, kā arī tiek spēlētas sporta spēles - basketbols un volejbols.

Tiek organizēta arī elementārspēlīšu palāšanās. Augstskolās studenti var izvēlēties, ar kādu sporta veidu nodarboties. Nodarbības notiek attiecīgajās sporta sekcijās kvalificētu treneru vadībā.

Visvairāk cilvēku, šķiet, nodarbojas ar skriešanu, jo tam nav vajag ne dz īpašas sagatavotības, ne dz sporta laukumu. Ziemā, ja ir sniegs, daudz cilvēku slēpo. Prestiža sporta veids ir kalnu slēpošana, bet tam vajag dārgu inventāru, arī transportu, lai nokļūtu līdz kalniem, kuru Latvijā nav daudz. Populārs sporta veids ir teniss, taču mums ir pārāk maz tenisa laukumu. Pēdējā laikā sievietes nodarbojas ar aerobiku. Bērni var apmeklēt sporta skolas, bet ne visiem tas ir pa spēkam, jo tur no audzēkņiem prasa labus rezultātus, kā arī piedalīties sacensībās. Tādēļ treniņi notiek ļoti bieži, slodze ir liela, un bērniem grūti apvienot sportošanu ar mācībām skolā.

1992. gada Albervilā Latvijas komanda pēc 50 gadu pārtraukuma atkal piedalījās Olimpiskajās spēlēs, bet diemžēl neguva labus panākumus.

Vocabulary:

nodarboties ar sportu - to go in for sports

iegūt godalgotas vietas - to win prizes
sacensības - competition
uzlabot veselību, izskatu un garastāvokli - to improve
one's health, looks and mood
viņglatlētika - track and field athletics
skriešana - running, racing, jogging
tālākšana - long jump
augstākšana - high jump
lodes grāšana - shot putting
slidošana - skating
daiļslidošana - figure skating
slēpošana - skiing
sporta spēles - sports games
elementārāpmācība - elementary instruction
peldēšana - swimming
izvēlēties - to choose
sporta veidi - a kind of sport
sporta laukums - sports ground
kalnu slēpošana - Alpine skiing
būt pa spēkam - to be strong enough for something
slodze - load
apvienot - to combine
treneris - a coach
pārtraukums - interruption
gūt panākumus - to gain success

Exercises:

Complete using the dictionary:

Vispopulārākie ziemas sporta veidi ir

Vispopulārākie vasaras sporta veidi ir

Mens mīļākais sporta veids ir

Lai slēpota, vajadzīgas

Lai spēlētu tenisu, vajadzīga

Lai peldēta, vajadzīga

Es labprāt piedalītos/piedalītos sporta spēlēs, jo

Aerobika ir

Hobslēda ir

II. Agree or disagree:

Es nedarbojos ar sportu. Man pietiek ar istabu tīrīšanu, rindē stāvēšanu un somu nešanu.

Sports ir visa mana dzīve. Es nedzeru, nesmēķēju, neeju ciemos vai uz teātri. Eju gulēt desmitos, ceļos septiņos, tad skrienu. Kad pārņuku no darba, eju uz sporta zāli. Brīvdienās braucu skriet uz jūrmalu. Esmu laimīgs.

Bērniem obligāti jānodarbojas ar sportu, vislabāk sporta skolē. Tad viņiem nepaliek laika palaidnībām.

Man patīk sportot. Divas reizes nedēļā ar draugiem ejam uz aerobikas nodarbībām. Drusku palēkājām, tad ejam uz kafējnicu. Lieliski atpūšos.

III. Answer the questions:

Vai Latvijas iedzīvotāji jums šķiet sportiski?

Par kādām Latvijas sporta problēmām jūs esat dzirdējuši?

Kādas ir jūsu domas par profesionālo sportu?

DABAS AIZSARDZĪBA

Dabas aizsardzības problēmas saasinājušās visā pasaulē. Latvijā stāvoklis kļuvis katastrofāls. Izmirst daudzas augu un dzīvnieku sugas, arī cilvēku eksistence ir apdraudēta. Tāds stāvoklis radies rūpniecības ekstonoivās attīstības rezultātā, lielā mērā arī cilvēku nolaidības dēļ. Izrādās, ka daba nav bezizmēra atkritumu kaste, kurā var nolobīties būt mūsu dzīves atkritumus. Mirst mūsu jūra, mīrošas vairākas upes un ezeri. Viena no aktuālākajām problēmām ir dzīvā ūdens apgāde. Faktiski dzīvā ūdens piesārņotības līmenis pārsniedz pieļaujamās robežas. Piesārņots ir arī gaiss, ko elpojam, un pūtiņa, ko ēdam. Lai iegūtu labākus ražas, fermeri pielieto daudz minerālmēsli un ķimikāliju. Cilvēks, protams, ir pielāgojies, taču ārsti atzīst, ka republikas ekoloģiskā situācija atstāj nelabvēlīgu iespaidu uz iedzīvotāju veselību. Ekspertu komisijas ir atzinušas, ka vides piesārņotības līmenis Ventpilsē un Olainē ir tik augsts, ka to iedzīvotāji būtu

jāevakuē un rūpniecības uzņēmumi jāslēdz. Tātad nepieciešama nekavējoša rīcība. Ir panākts, ka presē tiek publicēti attiecīgie dati un fakti. Katru dienu avīzēs varam lasīt, kādām briesmām esam pakļauti. Taču no tā gaiss tie-
rāks nekļūst. Aktīvi darbojas vides aizsardzības klubs. Faktiski nacionālā atmoda Latvijā sākas ar zaļo kustības cīņu pret Daugavpils HES celtniecību. Zaļie organizē ielu gājienus, piketus, dažādas akcijas ar domu aktivizēt valdību, jo vienīgi valdības spēkos ir veikt nepieciešamos pasākumus - attīrīšanas iekārtu būvi, kaitīgo uzņēmumu slēgšanu, rūpnieciskās ekspansijas izbeigšanu. Taču līdz šim valdība nav spējusi neko veikt - līdzekļu trūkums un saimnieciskā laosa dūļ. Tāpēc liela iedzīvotāju daļa kļūvusi pesimistiska un netic, ka stāvokli vairs var labot. Ar to zināmā mērā var izskaidrot arī zemo dzimstību re-
publikā.

Kas attiecas uz dzīvās dabas saglabāšanu, jāmin Sarkanā grāmata, kurā ierakstītas tās augu un dzīvnieku sugas, kas īpaši jāsaudzē, un rezervāti, kas iekārtoti to saglabā-
šanai.

Vocabulary:

dabas aizsardzība - Nature Conservation
saasināties - to sharpen, to become more topical
izmirt - to go extinct
suga - species
apdraudēt - to threaten
nolaidība - negligence
bezizmēra - limitless, infinite
atkritumu kaste - garbage bin
bārt - to pour
neierobežoti - without limit
atkritumi - garbage
apgāde - supply
piesārņotība - pollution
pārsniegt - to exceed
pieļaut - to permit
raža - crops

pielietot - to use, apply
minerālmēsli - fertilizers
ķīmikālijas - pesticides
pielāgoties - to adjust to
nelabvēlīgs - unfavourable
veselība - health
vide - environment
nekavējoša rīcība - immediate action
briesmas - danger
pakiņaut - to submit
nacionālā atmoda - national awakening
zaļo kustība - the green movement
HES - Hydroelectric Power station
ielu gājieni - a street march
veikt nepieciešamos pasākumus - to take the necessary
measures
attīrīšanas iekārtas - filtration equipment
kaitīgu - harmful, unhealthy
līdzekļi - means
zema dzimstība - low birth rate
labot - to improve
saudzēt - to spare
saglabāt - to preserve
Sarkanā grāmata - the book of listed species

Answer the questions:

Kuras jums šķiet pašas nopietnākās ekoloģiskās problēmas
pašas ilē?

Kā, jūsu prāt, varētu šīs problēmas risināt?

Kāds jūs iztēlojaties mūsu planētu 2000. gadā?

Kā jūs vērtējat zinātnes un tehnikas sasniegumus?

Ja jums būtu ievēle, kurā gadsimtā jūs gribētu dzīvot?

II. Agree or disagree:

Zinātnes un tehnikas sasniegumi padarījuši mūsu dzīvi
vieglu un patīkamu.

Ja zinātnieki un politiķi nebūtu tik aktīvi, cik šobrīd,
laikā gājām gan mēs visi būtu.

III. Time Capsule.

You have to bury five objects in a time capsule which will represent every-day life today when it is opened in two hundred years time. Prepare the list of five objects, discuss it with your fellow students. In the end you have to reach a consensus about what should be included in the list of five objects.

VESELĪBAS AIZSARDZĪBA I

Medicīniskā apkalpošana Latvijā skaitās bezmaksas. Galvenais veselības aizsardzības virziens ir slimību profilakse. Tiek veiktas profilaktiskās apskates, ar kuru palīdzību iespējams novērst un laikus atklāt slimības. Vienu reizi gadā katram cilvēkam būtu jāiziet vispārējā medicīnas apskate. Viņam jāgriežas pie terapeita, zobārsta, acu ārsta, ausu, kakla un deguna ārsta, neiropato-
loga, ķirurga. Katram pacientam tiek ietaisīta elektro-
kardiogramma, asins analīzes, fluorogrāfiskā iemeklēšana, lai pārbaudītu plaušas. Ja cilvēkam ir vajadzīga darba
nospējas lapa jeb slimības lapa, viņš to nevar dabūt, ja
nav izgājis šo apskati. Rezultātā poliklīnikās veidojas
milzīgas rindas, un ārsti ir pārslodzīti. Ārstam nav laika
pacientu kārtīgi izmeklēt. Tajā pašā laikā ārstam ir jā-
aizpilda slimnieku uzskaites kartīte un vēl daudzi citi
papīri. Ārsts raksta, un slimnieks stāsta - kāds viņam ir
asinsspiediens, cik liela temperatūra utt. Ir cilvēki, kas
šo atļaukli izmanto, lai ilgstoši varētu nestrādāt un dzī-
vēt uz slimības lapas. Turpretī, ja cilvēks ir tiešām
slims, viņš cenšas atrast labu speciālistu, kas viņu ārs-
tētu privāti. Ārsta darbs ir zemu apmaksāts, atbildīgs,
grūts, parasti ārsti ir stipri pārslodzīti, tādēļ nav brī-
nams, ka reizēm viņi kļūst pavirši un nelaimīgi. Tas ir iz-
skaidrojams, bet ne attaisnojams. Ir daudz arī tādu gaidi-
jumu, kad cilvēki cenšas izvairīties no ārstiem. Labāk
slimma iet uz darbu, nekā griezties pie poliklīnikas ārsta
No tā cieš veselība. Tādēļ daudz cilvēku šodien griež uz -

griezties pie slimības kases sistēmas, kas nozīmē, ka regulāri tiek maksāts nodoklis, un slimības gadījumā ārstēšanas izdevumi tiktu segti no slimības kases.

Vocabulary:

bezmaksas - free of charge
profilakse - preventive measures
laikus - in due time
medicīniskā apskate - medical check - up
atklāt - to discover
terapeits - therapist
zobārsts - dentist
acu ārsts - oculist
neiropatologs - neuropathologist
ķirurgs - surgeon
asinu analīze - blood-count
kardiogramma - electrocardiogram
fluorogrāfiskā izmeklēšana - fluorographic test
plaušas - lungs
derba nespējas lapa - a sick list
pārslogots - overloaded
izmeklēšana - an examination
uzskaites kartīte - registration cards
asinsspiediens - blood pressure
izmantot - to use
zemu apmaksāts - low paid
atbildīgs - asking responsibility
paviršs - superficial
nelaipns - unkind
attaisnot - to justify
izvairīties - to avoid
ciest - to suffer
slimības kase - health insurance scheme
segēt izdevumus - to cover the expenses

Exercises:

I. Complete:

Es atzīstu tikai tautas medicīnu (folk medicine), jo ...

Ja man ir klepus un iesnas (if I am coughing and sneezing), es ...

Katram cilvēkam ir vajadzīgs savs ārsts, jo ...

Es ļoti rūpējos par savu veselību. Es ...

II. Answer the questions:

Kādi ir bezmaksas medicīniskās apkalpošanas plusi un mīnusi?

Kāda ir veselības aizsardzības sistēma jūsu zemē?

Kādas izjūtas jūs pārņem, ja ir jāiet pie ārsta?

III. Make up a dialogue between:

- a) vienaldzīgu ārstu un sievieti, kas cieš no regulārām galvas sāpēm;
- b) jaunu, centīgu ārstu un vīrieti, kam ir paaugstināts asinsspiediens;
- c) divām draudzenēm, kam ir gripa, bet kas negrib griezties pie ārsta.

VESELĪBAS AIZSARDZĪBA II

Ja cilvēks ir slims, vispirms viņš dodas uz poliklīniku. Ja slimību nevar ārstēt ambulatoriski, pacientu nosūta uz slimnīcu. Ja stāvoklis ir akūts, pacientu slimnīcā parasti uzņem uzreiz. Dažreiz nākas gaidīt rindā. Vispirms pacients nonāk uzņemšanas nodaļā, kur tiek uzstādīta aptuvena diagnoze, un pacients tiek nosūtīts uz attiecīgo nodaļu. Tad pacients nokļūst kādā no nodaļas palātām. Palātas var būt vienvietīgas, divvietīgas, bet parasti telpā ir vairāki cilvēki. Par pacientu rūpējas ārstējošais ārsts, kas katru rītu slimnieku apskata, medmāses un sanīvēres. Bez palātām nodaļās ir arī procedūru kabineti. Ķirurģiskajā nodaļā ir arī operāciju zāles. Smagos gadījumos slimnieks var nokļūt reanimācijas nodaļā. Katru dienu slimnieks saņem medikamentus - tabletes, mikstūras, kapsulas, pilienus. Dažādi vien tiek iedarītas injekcijas. Ķirurģiskajā nodaļā, kur slimnieks var nokļūt arī traumu gadījumā,

tiek izdarītas pārsiešanas, izmantojot dažādus pārsējus. Katrā nodaļā atradīsies šļirces, skalpeļi, pincetes, termometri, vate, marle. Ievērojot higiēnas noteikumus, medikamenti tiek sterilizēti autoklāvos. Ja slimnieks nevar ierasties pats, viņu uz turieni atved ātrās palīdzības mašīna, ko var izsaukt pa telefonu 03. Tad slimnieku nesaņā nogādā uz nespūvēm. Stipru sāpju gadījumā tiek lietoti anestēzijas līdzekļi.

Vocabulary:

ambulatoriska ārstēšana - treatment when the patient is not put in hospital

uzņemšanas nodaļa - an admission department

palāta - a ward

nodzinātājs - a nurse

sanitārs - a hospital attendant, orderly

operācijas sāle - an intensive care unit

piļienā - drops

nosmierinoši līdzekļi - tranquilizers

trauma - a trauma

pārcīst - to clean and bandage a wound

putuņš - a bandage

šļirce - a syringe

skalpeļis - a scalpel

pincete - a pincette

vate - cotton wool

marle - gauze

sterilizēt - to sterilize

ātrā palīdzība - an ambulance

nestuve - a stretcher

Disease: galvas sāpes, drudzis - fever, iesnas -

running nose, klepus - coughing, iekaisums -

inflammation, čūka - boil, šūns - ulcer, vēzis - cancer,

lūza - bone, lūzums - a kind of fracture, izplatīt - to

spread; bakteriāla šķībiņa - bacillus, čūka -

scarlet fever, nūris - plagi, gripa - the flu; parotīta

karsonis - pneumonia, sirds kaite - heart failure, gremošanas traucējumi - indigestion, bezmiegs - insomnia, venēriskās slimības - venereal diseases, izsitumi - rash, dzeltenā kaite - jaundice, saindēšanās - poisoning.

Answer the following questions:

Kuras no slimībām jūs uzskatāt par pašām bīstākām?
Pastāstiet, kā jūs ārstējāties, kad pēdējo reizi bijāt
slims.

LATVIEŠU VALODAS SARUNU

TĒMAS

Metodiska izstrādne

Atbildīgā par izdevumu V. Žigurs

Parakstīts iesp. 01.06.92. Reg. spl. Nr. 2-0266. Papīra formāts
60x84/16. Papīra Nr. 1. 3,8 fiz. iespiedl. 3,5 uzsk. iespiedl.
2,6 uzsk. izdevn. l. Metiens 300 eks. Pasūt. Nr. 267/11. Cēnā 3.60

Latvijas Universitāte
226058 Rīgā, Raiņa bulv. 19
Iespiests LU rotaprintā
226050 Rīgā, Kalēju ielā 43

**LATVIJAS UNIVERSITĀTES
ZINĀTNISKIE RAKSTI**

ACTA UNIVERSITATIS LATVIENSIS

578

**SASTATĀMĀ UN LIETIŠKĀ
VALODNIECĪBA
CONTRASTIVE AND APPLIED
LINGUISTICS**

Andrejs Veisbergs

ENGLISH - LATVIAN BORROWING OF IDIOMS

Phraseology constitutes the most vivid and stylistically peculiar part of the word stock of a language. Although a lot has been written on the problems of phraseology, there is still no uniform view among linguists even on the most basic questions of phraseology, such as definition of a phraseological unit (PU), the boundaries of phraseology, its scope, etc.

In this paper by a PU we understand a relatively stable word combination with a fully or partially figurative meaning. The definition is general and elastic enough to comprise the biggest possible number of units that bear phraseological character, and particular enough to make it possible to separate occasional formations on the one hand and word combinations without a figurative meaning on the other hand from phraseological units proper. This understanding of a PU is also more or less identical with the English understanding of the term "idiom" (A.P.Cowie, 1984:10) As PUs present a multitude of types from fully opaque combinations to transparent units (A.Makkai, 1978) we suppose the boundary between them will always be a problematic case.

Phraseology is a live, dynamic system and its present, seemingly static, condition is the result of a long diachronic development that never stops.

The changes and the replenishment of the phraseological stock proceed in three ways: structural (new word combina-

tions), semantic (new meanings in word combinations) and by means of borrowing. Thus, the replenishment of phraseology is possible either by means of inner resources of a language or by borrowing from other languages.

Borrowing can occur only in conditions of language contacts. Language contacts present a lot of problems of linguistic, social, ethnographic and historical nature.

The usual and accepted understanding of the term "language contact" supposes ethnic contact i.e. lasting stable communication between two or more nations on one territory or on the verge of their territories, that leads to an exchange of language material, interference and borrowing through bilingualism.

However, there can be also cultural, social, economic, and political contacts between nations often without direct physical contact between the speakers. These contacts do not presuppose close ethnic or geographical proximity. These are so called cultural contacts and they are usually distant.

Distant language contacts can also be either direct- between two nations and their languages, or indirect- through another intermediary language or even several intermediary languages.

Such distant cultural contacts have been and continue to be intensive enough to make widespread borrowing possible. This has already been stressed long ago by O.Jespersen (1925:92), who stated that the biggest changes in languages occur not so much as a result of migration of peoples as by regular contacts in the sphere of culture.

These contacts are primarily conducted by means of printed word - books, newspapers, magazines, journals, and in the modern world the process is enhanced by mass media - TV, radio.

Though lexical borrowing from English had started at the end of the 18th century (Baldunčiks, 1979:60) and English penetrated into Latvian through German, at the end of the 19th century when the Latvian literary language was formed, English still had a comparatively minor influence upon Latvian and especially its phraseology. German - Latvian trilingualism dominated in Latvia at the time. English was not popular even in the enlightened and intellectual circles.

The first translations from English appeared only in the 1880-ies. Thus proper phraseological borrowing started at the very end of the 19-th century, e.g.

Mans nams ir mana pils - ir veca paruna.

(Baltijas Vēstnesis, 1895,10)

/My house is my castle/.

From the beginning borrowing took place mainly through the intermediary languages (German and Russian). However the 1920-ies saw the establishment of direct language contact between English and Latvian. This was mainly due to the economic and political orientation of Latvia towards Britain

and the USA. In the 1922 the English Institute was established in Riga. English gradually became the leading foreign language taught at schools. English loans were not so seriously affected by the purist tendency that existed in Latvia at the time, as it was directed mainly against German and Russian influence. Thus new units were borrowed, e.g. five o'clock, splendid isolation.

After the war the direct contact between the languages came to an end, borrowing diminished and the few units that penetrated, e.g. aukstais karš (cold war), dzelzs priekškars (iron curtain), did so, mainly through Russian. Strady borrowing resumed in the 1960-ies and has been gathering pace ever since.

At present English alongside Russian are the two main languages Latvian is in contact with, and the contact with English is both direct and indirect (through Russian).

Thus English is one of the main sources of phraseological borrowing. The term "borrowing" is widely used in linguistic literature, yet it is used with different meanings. A different types of words and PUs that are borrowed have made it very ambiguous. Besides it is used both to denote the process of borrowing as well as the results of it.

Hereafter by borrowing we mean the process of the reproduction in one language of patterns previously found in another.

We stress that we see borrowing as a process and not as a state, yet, most of the other terms used in discussing it are usually descriptive of the results, rather than of the process itself.

The result of borrowing is a loan.

A phraseological loan is a borrowed stable word combination with a fully or partially figurative meaning. We propose a classification of phraseological loans based on the degree of difference between the original PU and the loan, i.e. on the degree of the replacement of the original elements.

Complete phraseological loan is a borrowed PU reproduced in the target language letter for letter. The corresponding process of borrowing we call a takeover, e.g. hot dog, happy end used in Latvian speech or writing.

Phraseological translation loan is a PU consisting entirely of target language components, e.g. gold fever - zelta drudzis, flower children - puku bērni. Sometimes, though, the PU: in both languages have a common element - an international word or a lexical loan of an earlier date, e.g. gentlemen agreement - dāņtelmenu nolīgums, yellow press - dzeltenā prese.

Phraseological transcription loan is a borrowed PU whose components have not been translated, yet have undergone some morphemic changes, i.e. it is transcribed and adapted to the norms of the target language e.g.: Sherlock Holmes - Šerloks Holms, John Bull - Džons Buls.

Mixed phraseological loan is a borrowed PU at least one of whose components has been translated while at least another one has been transcribed, thus all components have been morphemically changed, e.g. Lynch law - linča tiesa, Uncle Sam - ģēvocis Sems.

All the Latvian phraseological loans from English that we have observed are clearly each of one of the above types.

In the previous centuries in case of distant contact the main borrowers were the translators of literary texts and the chief among them those of the Bible and classical Greek and Roman literature. These translations enriched the European languages with numerous PUs most of which are now viewed as internal ones.

In the 20th century, especially in its latter half, we observe a rapid growth of the importance of the press, and the broadcasting. Therefore it is through mass media and press at present that the greatest influx of borrowed phraseology takes place. This applies especially to distant language contacts. It is interesting to note that these loans do not enrich the colloquial language considerably. In colloquial language oral direct contacts predominate and it is reflected in Latvian in the form of colloquial loans from Russian.

Two factors promote borrowing from English in the above mentioned situation - its high prestige and its role in the process of internationalization of vocabulary and phraseology nowadays.

English acts in most cases as the source language of numerous phrases used in many spheres, e.g.

1) international relations, politics:

summit meeting - virsotņu tikšanās

gunboat diplomacy - lielgaballaivu diplomātija

shadow cabinet - ēnu kabinets / corridors of power -
varas gaiteni

2) economics:

brains trust - smadzeņu trests

brains drain - smadzeņu aizplūde

the free market - brīvais tirgus

open door policy - atvērto durvju politika

3) law

law and order - likums un kārtība

cross examination - nopratināšana jautājumu krustugunīs

lynch law - linča tiesa

the electric chair - elektriskais krēsls

4) military sphere:

the green beret - zaļa berete
star wars - zvaigžņu kari
war games - kara spēles
dirty bomb - netīra bumba

5) journalism, publishing, literature:

the yellow press - dzeltenā prese
stream of consciousness - apziņas plūsma
the lost generation - zudusi / zaudētā paaudze

6) music:

the New wave - jaunais vilnis
heavy metal (rock) - smagais metāls (roks)

7) cinematography:

spaghetti western - spaģeti vesterns
soap opera - ziepju opera

We suppose that for theoretical purposes it is useful to divide the process of borrowing into two stages:

- 1) the initial use of a new PU of foreign origin,
- 2) assimilation of the PU into the target language.

This division of borrowing into two stages is admittedly rather crude and sometimes unnecessary, yet often it makes the discussion easier.

To begin with we have to do something with an English PU when translating text containing it into Latvian. It may well happen that there is no way of designating the notion by the English PU in Latvian, the notion having not been discussed in Latvian before. For example, the following PU is as yet quite new in Latvian:

Lielisks "hat trick", ar kuru Jevgenijs izvirzījās starp līgas rezultatīvākajiem futbolistiem. (Sports, 9.9.1987).

Secondly, there is some language snobism about - psychologically motivated tendency to intersperse one's speech or writing with elements of a prestigious foreign language. This applies mainly to complete loans, but stimulates other types of borrowing as well. Ziniet, ka cilvēki viņu iesaukuši par "tečerieni" jeb dzelzs lēdiju ... (Lauku Dzīve, 1987, 1.p.10)

Thirdly, the use of English PUs in Latvian is to some extent conditioned by stylistic peculiarities of the text being translated, mainly fiction. Often when having to tran-

state an English phrase, that has an analogous PU in Latvian for the English PU - be born with a silver spoon in the mouth, namely. piedzimt kreklīnā, in the following context the occasional use of the unit by the author, makes it necessary to preserve the English image, by means of word for word translation:

England with the silver spoon in her mouth and no longer the teeth to hold it there, or the will to part with it. (Galsworthy J. The Silver Spoon. M., 1976, p. 68).

Anglija ar sudraba karoti mutē! Zobu viņai veirs nav, lai karoti saturētu, bet nav arī gribas šķirties no tās. (Dz.Golvertijs. Sudraba karote. Rīga, (1977, p. 70).

In most of the cases such word for word translations are not subsequently assimilated into Latvian and remain an ephemeral contextual phenomenon.

Finally, people reading much in foreign languages, working abroad, etc. tend to import foreign PUs into their Latvian speech. This is called linguistic interference. It is obvious in the speech of journalists covering foreign policy. Thus, N.Neilands in his broadcasts and newspaper articles used the translation loans "sēdēt vienā laivā" un "šūpot laivu" so often that they became quite popular with the other reporters as well and are often to be seen in Latvian periodicals.

Defective knowledge of the source language and of the target language may lead to faulty translation of the PUs, e.g. champion of peace - miera čempions instead of miera cīnītājs.

The four above mentioned reasons for the initial importation of a PU may, of course, appear both singly and in various combinations.

The initial usage of a new phrase in Latvian is usually accompanied by some formal features:

- 1) italicised or bold type,
- 2) italicised or bold type and inverted commas,
- 3) inverted commas (in Latvian there is a very pronounced tendency to use inverted commas wherever a word or a phrase is used figuratively, including long established phrases),
- 4) explanation in brackets,
- 5) explanation in the preceding or the following text.

However, the mere appearance of a new phrase does not ensure its admittance into the language. We cannot speak of a PU as belonging to the Latvian language unless it has been accepted by the whole nation or a sizeable part of it. Just as with phraseological neologisms (Burmistrovich, 1970) such acceptance is subject to some conditions, both intra- and extralinguistic.

As for the first, translation loans have to satisfy the linguistic norms of Latvian and fall in with the tendencies of its evolution.

This concerns all the aspects of the unit - its meaning, structure and also the phonic aspect - the phrase should sound well and a slight lilt is desirable. Thus, for instance, several attempts to import into Latvian the PU one-armed bandit - vienrocīgais zaglis, vienrocis laupītājs have failed because of the translation loans sounding clumsy.

Among extralinguistic factors we count topicality and the taste of famous people. A speech of a political leader may clear the way for a new PU into the stock of the language or raise an old PU out of oblivion. Anyway, unless this PU is of only local importance it tends to be picked up by other languages.

The PU iron lady - dzelzs lēdija is in fact of Russian origin, as it was first used in the Soviet army newspaper "Krasnaya Zvezda" 23.01.1976. However its appearance would have remained an occasional one, had not the would-be British Prime Minister accepted it as her sobriquet a week later (31.01.1976). From that day on it found its place into English phraseology and was borrowed into many other languages, Russian and Latvian among them.

If an English PU has an equivalent or an analogous PU in Latvian it is usually not borrowed. As pointed out by J.P.Vinay and J.Darbelnet (1978) borrowing in such cases occurs only with bilingual nations where the languages are in constant contact. As English-Latvian language contacts are distant and predominantly written (which presupposes editing here) such instances are extremely rare and usually of occasional character. Thus in sailor's language in the 1930-ies the translation loan "dabūt maisu" (get the sack) was present even though the PU "dabūt vilka pasi" had been well established long before. E.g.:

Kapteiņa kungam! Jūs man Rīgā piesolījāt "maisu".

(V.Lācis. Putņi bez spārniem. R., 1949. p.307)

Uzpurinājies, citādi Rīgā dabūsi maisu! - stjuarts viņu brīdināja. (V.Lācis. Šenču aicinājums. R., 1965. p.122).

Complete phraseological loans

Complete phraseological loans are borrowed PUs reproduced in the target language letter for letter. There are numerous complete phraseological loans in Latvian borrowed mainly from Latin, English, French, German, Italian and Spanish. There are about 40 complete phraseological loans from English.

The trickle of English complete phraseological loans into Latvian seems to have started in the latter half of the 19-th century, e.g.: Un Englantes sakāms vārds: "time is money" - (laiks ir nauda) palīk visur taisnība. (Latviešu avīzes, 1873,48).

In the 1920-ies and 30-ies the by then considerable flow of units was slightly reduced by the setting of Latvian language norms and purist feeling. Yet borrowing did not stop, e.g.:

Ar tām viņi satikās oficiālos rautos un five-o'clock'os.

(Ritums, 1923,2.,p.106)

Barga, neželīga cīņa starp prezidentu Rūzveltu un "big biznes'u" kļūst arvienu asāka. (Stāsti un Romāni, 1938, 11.p.425)

Immediately after the World War 2 the stock of the complete phraseological loans in Latvian got even depleted, mostly due to political causes. The borrowing resumed in the 60-ies and its rate is now steadily increasing. It is also for the first time that English has got to the top of the field. The following complete phraseological loans have come into Latvian since 1960-ies: brain drain, brains trust, tie break, break dance, Fleet Street, heavy metal, hot dog, know how, mass media, hat trick.

Just as any other loans complete phraseological loans have to make their way into the target language. Many PUs never got assimilated into Latvian e.g.: "Fare well, Eveline!" es iesaucos ... (Baltijas Vēstnesis,1870,25).

A would-be complete phraseological loan may have to compete with an equivalent translation loan. In most cases the translation loan wins. Thus the phraseological translation loan "džentelmeņu noruna" seems to have ousted the complete loan "gentlemen agreement" which was stable in Latvian in the 1930-ies.

Sometimes the complete phraseological loan wins and remains the only means of conveying the notion, e.g. fifty-fifty, self-made man, take it easy, hat trick.

And finally in numerous cases both loans have stayed: to be or not to be - būt vai nebūt, hot dog - karstais suns, common sense - veselais saprāts.

Touching on the reasons why such alien bodies as complete phraseological loans do find their way into languages we want to stress that apart from various social factors the introduction of a complete phraseological loan into a text may be a matter of linguistic necessity. Thus, for instance, the PU "know how" is practically untranslatable into Latvian.

These PUs, though well established in Latvian, help to create the atmosphere of foreign environment, by focussing the attention of the reader on the foreign phrase.

The effect is still stronger if the text is not connected with foreign subject.

The feature of foreignness, however, should not be identified with the unit being unmotivated. Cases of using PUs without understanding them do exist, but they would be found more in oral speech. Most of the English PUs borrowed are not fully idiomatic and the average knowledge of English is by far better than, say, of Latin. Besides, many of the complete loans from English are of topical character. However, it should be pointed out that not all the units are used in all the layers of society; most of the people would know them passively, t.e. recognize them in the text. It would be of great interest to have a sociolinguistic research into this phenomenon, without it we can only state that some loans would be popular among teenagers - break dance, heavy metal, others would be used mainly in discussing politics - mass media, Fleet Street, brain drain, while many would be generally known - happy end, to be or not to be, time is money, etc.

Finally, one formal point. In the 1920-ies and 30-ies components of the complete phraseological loans were usually used with Latvian endings e.g. Šeit arī tandē] gribam īsumā raksturot angļu dēntelmeni, amerikāņu self made man'u, frančuburžu un krievu lielnieku. (Burtņieks, 1935, 1.p.82)

This practice seems to have disappeared now, thus we cannot speak of any grammatical assimilation of complete phraseological loans. But we can speak of certain phonetic assimilation of the loans as a result of the speakers not knowing English properly or not caring to pronounce them correctly.

• phraseological translation loans.

Phraseological translation loan is a borrowed PU consisting entirely of target language components i.e. it is a unit created by translating the phraseological prototype. Majority of phraseological loans are translation loans. A question may arise, why is the borrowing in the form of translation loans the dominating one?

First; it is obvious that complete loans cannot meet ⁹all requirements for new expressive means, they always remain

slightly foreign elements in the language, must be learned to be understood and are often difficult to incorporate into a Latvian text. Secondly, word for word translation of a PU often applied in literary translations provides a huge amount of new phrases some of which may gradually gain stability in Latvian.

It is worth pointing out that not every word for word (literal) translation of a PU can turn into a phraseological loan. While literal translation presupposes very close correspondence to the original PU, a phraseological translation loan may have considerable deviations from the original PU. Some of these deviations may be purely objective character, as the languages have different grammatical structures, etc. However other changes are also possible. These transformations are the result of two tendencies present in the process of borrowing - on the one hand that of preserving identity with the prototype (often reflected in word for word translations) on the other hand that of adaptation to the target language (dominating in translation loans). Thus phraseological translation loans often differ considerably from word for word translations of the same PU found in literature before assimilation of the loan. For instance the English PU brain drain had different translations before the loan *smadzeņu aizplūde/aizplūšana* got established in the language, (*smadzeņu pārsūkšanās/noplūde/pārplūde*).

When speaking of the translation loans we can mention also semantic loans. A phraseological semantic loan is a PU created by importing a new meaning into already existing PU in the target language. This type of borrowing in phraseology is extremely rare in Anglo-Latvian language contacts. Only one case can be mentioned. Thus, under the English influence (one way street) the Latvian phrase *vienvirziena ceļš/ielā* acquired the figurative meaning "something not reciprocal."

Another peculiarity of Anglo - Latvian phraseological borrowing that most of the translation loans in Latvian are those of fairly new created English PUs; brain drain - *smadzeņu aizplūde*, iron lady - *dzelzs lēdija*, wind of change *pārmaiņu vēji*, the hot line - *karsta līnija*, etc. This is largely because of the importance of topicality in borrowing and due to mass media that deal with topical information.

Phraseological transcription loans

Phraseological transcription loan is a borrowed PU whose components have not been translated, yet have undergone some morphemic changes, i.e. they are transcribed and adapted to the norms of the target language. Thus, this type of loans as it were occupies an intermediary position between phraseological translation loans and complete phraseological loans. Phonemically they stand rather close to the source language unit while the adaptation allows the loans to function like native units. The adaptation usually complies with the norms of rendering English letters and sounds in Latvian.

Transcription loans are the result of untranslatability. They are English proper names that become generic and acquired a phraseological status in English. The knowledge of the source of some of these PUs also for the Latvian reader makes borrowing (or at least understanding of them) easier.

There are very few transcription loans borrowed from English. Only four of them seem to have gained stability in Latvian:

Džons Buls from John Bull (in the meaning of an Englishman)

Serloks Holms from Sherlock Holmes (in the meaning of any detective, especially an amateur)

Džons Smits from John Smith (in the meaning of an average citizen)

Piters Pens from Peter Pan (in the meaning of the person who never grows up)

Mixed phraseological loans

Mixed phraseological loan is a borrowed PU at least one of whose components has been translated while at least another one has been transcribed, thus all the components have been morphemically changed.

Mixed phraseological loans appear when some component of the original PU is untranslatable and so cannot but be transcribed. Like in phraseological transcription loans this component is usually a proper name:

tēvociš Sems from Uncle Sam

linča tiesa from Lynch law

krusttēvs Toms from Uncle Tom
Merf ja likums from Myrphy's law
asiņainā Mērija from Bloody Mary

Many PUs borrowed from English contain components that are also of English origin: e.g. dzelzs lēdija, lielais bizness, džungļu likums, dzeltenā prese.

However, these components were borrowed as separate words before the unit was borrowed, they also function as separate words today. The phraseological loans containing them are translation loans.

To decide whether a phraseological loan is a mixed loan or a translation loan we may ask a Latvian speaker if he takes the dubious component as an allusion to the PU. In case it is treated as an allusion, e.g. "Sems" the unit is a mixed loan, in case it is treated as a separate lexical unit, e.g. "džungļi" it is a translation loan.

When borrowing a PU two tendencies are present - on the one hand that of preserving identity with a prototype, on the other hand that of adaptation to the target language. The latter usually takes the upper hand and results in different transformations of the borrowed phrase affecting semantic, lexical and grammatical levels of the unit. As these transformations do not affect complete loans and hardly at all transcription loans we deal with translation loans here.

The most frequent and considerable transformations are the following:

- 1) substitution of lexical components of the PU, e.g.
merry old England - vecā labā Anglija (good old England)
- 2) extension of the PU. This transformation usually occurs with the purpose of making the unit easier to understand, e.g.
cross examination - nopratināšana jautājumu krustgūnīs
- 3) ellipsis. Ellipsis takes place when the English PU contains redundant components without which the unit is just as understandable. Usually the elliptical variant of the PU also exists in English, e.g.

he who pays the piper calls the tune - kas maksā, tas pasūta mūziku

- 4) lexicalization of the PU. Lexical and phraseological borrowing go hand in hand. Being borrowed a PU may turn into a word (compound). This often happens to two-component PUs. Lexicalization is widespread in Latvian (also in German) while it is rare in Russian, e.g.

nuclear umbrella - kodollietussargs

nuclear night - kodolnakts

a blue stocking - zilzēķe

a pale face - bālģimis

a sit in - sēdstreiks

5) phraseologization. The opposite process is not so widespread, yet it exists, too. English compounds are sometimes split up into PUs when borrowing, e.g.

brainwashing - smadzeņu skaļošana

ostrichism - strausa politika

6) transposition of components within the loan, e.g.

cloak and dagger - durķa un apmetņa

7) diminutive adjective in the loan. This is a very typical feature of borrowing PUs into Latvian. The ending usually does not bear much semantic weight, e.g.

a dark horse - tumšais zirdziņš

8) changes in the meaning of the unit. Apart from the connotational changes, ideological problems or mistakes of borrowing, we have yet another - the translation loan melnais kontinents (the dark continent) has different association for a Latvian and for an Englishman. The unit was created by G.M. Stanley in 1878 and denoted Africa as a continent that is dark and unknown. For the Latvian reader the association goes along the lines of the colour of the skin of the inhabitants.

References

1. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English by A.P. Cowie, R. Mackin and I.R. McCaig. 1984: Oxford. vol. 2.
2. Makkai A. (1978) Idiomaticity as Language Universal // Universals in Human Language, - Vol. 3. - pp. 401 - 448.
3. Jespersen O. (1925) Die Sprache Ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. - Heidelberg, - 440 S.
4. Baldunčiks J. (1979) Anglicismu aizgūšanas pamatiezīmes latviešu valodā / ZA, Vēstis, - Nr. 3. - pp. 59 - 71.
5. Бурмистрович Д.Н. К проблеме фразеологических неологизмов // Материалы по русско-английскому языкознанию. - Воронеж, 1972. - С. 82-88.
6. Вине Ж.П., Дарбельне Ж. Технические способы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - С. 157-167.

Ieva Zauberga

KULTURAS FONĀ ATVEIDES PROBLĒMAS TULKOJUMOS

Pēdējā laikā sakarā ar krasajām politiskajām pārmaiņām attiecībās starp "austrumiem" un "rietumiem" visā pasaulē pieaugusi interese arī par latviešu valodu un kultūru. Mēģinot atklāt latviešu literatūras savdabību angļiski runājošiem interesentiem, grūtības sagādā tas, ka latviešu literatūra relatīvi maz tulkota angļu valodā. Pieejamie tulkojumi latviešu literatūras ainu atspoguļo visai fragmentāri. Nedaudz plašāk ir pārstāvēta modernā dzeja, taču pagātnes literārais mantojums atveidots visai nevienmērīgi. Tulkoti tikai atsevišķi R. Blaumaņa stāsti, tikai divas K. Skalbes pasakas, daži A. Upīša stāsti, atsevišķi Raiņa dzejoļi un luga "Jāzeps un viņa brāļi" (ārzemēs tulkota arī Raiņa luga "Uguns un nakts"), V. Lāča romāni "Zvejnieka dēls" un "Uz jauno krastu", J. Akurātera "Kalpa zēna vasara", viens J. Poruka stāsts, A. Pumpura "Lāčplēsis" parindepos, daži A. Čaka dzejoļi.³⁸ Praktiski netulkotas ir latviešu tautas dziesmas, vispār nav pārstāvēti tādi autori kā Aspezijs, V. Plūdonis, A. Grīns, J. Jaunsudrabiņš, A. Brigadere. Pie tam tulkojumu kvalitāte ne vienmēr ir apmierinoša. Vairāki no tiem veikti ar krievu valodas starpniecību.

Tam, ka latviešu literatūra tik maz tulkota, ir vairāki iemesli: gan politiski, kas saistīti ar Latvijas ilgstošo nošķirtību no rietumu pasaules, gan tehniski, kā nelielais to cilvēku skaits, kas pārvalda angļu un latviešu valodu tik labi, lai varētu šo darbu veikt kvalitatīvi, gan arī tas, ka latvieši ir senas baltu kultū-

³⁸ Apzināti ir tie latviešu literatūras tulkojumi angļu valodā, kas pieejami Latvijā. Latviešu literatūra ir tulkota arī ārzemēs, taču ne visi no šiem tulkojumiem nonākuši Latvijā.

A. Veisbergs

LATVIAN IDIOMS

LATVIJAS UNIVERSITĀTE

Sastatāmās valodniecības katedra

A.Veisbergs

LATVIAN IDIOMS

Study aid

Latvijas Universitāte
Rīga 1993

Veisbergs A. Latvian idioms: Mācību līdzeklis. -
Rīga: LU, 1993. - 29 lpp.

Mācību līdzeklis paredzēts studentiem, kas apgūst latviešu valodu kā svešvalodu ar angļu valodas starpniecību. Tajā ir raksturotas latviešu frazeoloģijas izveides jautājumi, frazeoloģisku īpatnības, aplūkoti jautājumi, kas varētu radīt grūtības latviešu frazeoloģijas apgūvē. Mācību līdzeklis paredzēts lietošanai pēc valodas elementārkursu apgūšanas.

The present teaching aid is designed for students who learn Latvian as a foreign language. It characterizes Latvian idiom stock development peculiarities of Latvian idioms. Problems that might cause difficulties in the process of learning have been raised. The teaching aid is meant for students of intermediate level.

Recenzenti: Jānis Silis, LU, Ph.D
Ieva Zauberņa, LU, Ph.D.

C

Latvijas
Universitāte
1993

I n t r o d u c t i o n

The linguistic literature on Latvian idiom is sparse. Separate aspects have been studied, however there has been so far little research done on idiom as such. Idioms are practically always overlooked when Latvian has been viewed from the point of view of a foreign learner. Yet idioms are not a separate part of the language which one can choose either to use or to omit, but they form part of the general vocabulary of Latvian. This paper is supposed to give a brief insight into the Latvian idiom stock, its main peculiarities. It touches on the general theoretical problems of idiom study only to the extent of making the reader understand the basic notions of Latvian phraseology and the complexity of issues. For further study one can be referred to the books and dictionaries mentioned.

W h a t i s a n I d i o m

Although much has been written on the problems of phraseology since Ch. Bally (1950) put it forward as an object of linguistic interest, there is still no uniform view among linguists even on the most basic questions of defining idiom as such. Though there is a general feeling what the idiom is, when it comes to individual cases it is often confusing how varied the views on the notion are. There are many approaches to idiomaticity and various definitions of idiom itself. In broad lines the approaches fall into three types. Idiom is often understood as a completely unmotivated unit, often also identified with a word both semantically and syntactically (N. Amosova, A. Babkin), i.e., the narrow understanding of an idiom. In contrast to this there is the broad understanding of idiom which includes almost any stable word group even without a figurative meaning (V. Arkhangel'ski, 1964; M. Shanski). Both understandings seem to stem from applying one criterion as basic for defining idioms - in the first case it is the semantic transfer, in the second - stability of a word group. Yet, it seems that one criterion or property is not enough for defining idiom. Selecting one property, be it the above mentioned ones or metaphoric nature (Vakurov, 1981; Degut, 1973), expressivity (Mokijenko, 1980) or any other as a categorical feature of idiom leaves many idiomatic formations outside the range of definition, or includes non-idiomatic formations within its range.

Many linguists apply a combination of criteria for defining idiom thus Makkai (1972) uses 4 criteria - morphological composition (at least two free morphemes), susceptibility of an idiom to literal interpretation, ambiguity, semantic unpredictability. Fernando (1981) adds institutionalization to them - as idioms are supposed to bind the members of speaking community together - however the same could be said about slang or jargon or perhaps any language in general. Latvian language material suggests the following features characteristic of idiom:

1. an idiom consists of a least two components,
2. an idiom is a relatively stable formation (relative, because it undergoes both diachronic change, and can be modified synchronically),
3. at least one component of the idiom, or all of it, is used with a figurative meaning.

This understanding of idiom falls in line with the definitions used by Kunin (1970), Raihatein (1974), Chernisheva (1977). It allows comprising the biggest possible number of units that are idiomatic, yet it is particular enough to make it possible to separate occasional formations, figures of speech on the one hand and stable word combinations without a figurative meaning on the other.

However many cases remain open to questions. As idioms present a multitude of types from fully opaque combinations to transparent units (A. Makkai 1978, p. 445) the boundary between them will always be a problematic case, especially in the diachronic aspect of phraseology.

Also the morphological composition of idiom can come under a question in situations when two variants coexist in the language, e.g. MEDUS MĒNESIS (honey moon) is certainly an idiom but MEDUSMĒNESIS would be barred from idioms by our definition, likewise DARBA RUKIS (a hard working person) and DARBARŪKIS. Yet, including of compounds in the range of idioms would go very much against the traditional understanding of idioms in Latvian and would also create a chaos in terminology which is supposed to be nonidiomatic e.g. ŪDENRĀDIS (hydrogen).

Thus in this booklet idiom is defined as a relatively stable word formation with a fully or partially figurative meaning. Latvian has a well-developed phraseological system that could approximately be evaluated as consisting of about 20000 units and their variants.

However, the number of units used in everyday conversation and literature is much more limited and in general an enormous quantity of idioms are in a passive state. Many units or their variants have the qualities of dialect units (Kagaine, 1968).

On the other hand, the number of units actively used in press, TV and radio, to large extent also in modern prose, is rather limited and their high frequency of usage often leads to their overuse. They become hackneyed and obtain a cliché character. These units in their turn are then often subject to occasional change thus acquiring an additional expressive and stylistic charge (see the chapter Idioms in Speech). The phraseological stock of the language always undergoes gradual change. Some units disappear as archaisms (e.g., APJŌZT BURNUS, ĀRSTE, DZIEDINI SEVI PATS), other in general bear only occasional character, still others have periods of active use and then slide into half oblivion. The new units entering the language come as a result of several linguistic processes:

1. creation of new idioms (metaphorisation, collocations acquiring idiomaticity),
2. changing the semantics of an existing unit or developing polisemy,
3. borrowing of ready-made units from other languages. Thus idiom can have either native origins or can be borrowed.

N a t i v e L a t v i a n I d i o m s

Though the origins of the older layers of idioms are very vague and hard to investigate, it can be pointed out that there are several sources that have contributed and still contribute to the formation of native phraseological stock: folklore (folksongs), colloquial language, literary sources.

The idioms found in the oldest Latvian secular literature - folksongs (dainas) are usually considered of native origin (Ozols, 1967:452). However, it should be at once mentioned that the question about phraseology in dainas is a rather problematic one. First of all the language of folklore (verse) is specific and making judgement on its basis about old Latvian phraseology is rather risky. Secondly, idioms in our understanding are rather poorly represented in folksongs.

Dainas abound in metaphors, metonymies, similes, etc., but it is next to impossible to judge their stability outside the context.

This peculiarity was pointed out by A.Ozols (1959:235): the semantics of folksongs' idioms is generally semantics determined by the context.

Thus we can hardly speak about these metaphorical formations as idioms as their semantics is contextually determined, i.e., they are not stable language units. They seem to be free word combinations/collocations.

However, if folksongs contain few real idioms, they certainly have numerous formations of metaphoric character, which in modern Latvian have become fully idiomatic units, e.g., CAURU DIENU (all through the day), SAISMA SVĪST (to dawn), DIEVA DĀVANA (god's gift), SALDS MIEGS (sweet sleep), BALTAS DIENAS (good days), also many metaphoric similes VĪRS KĀ OZOLS (a strong man), the traditional "compressed units" TĒVS, MĀMIŅA (parents) KRĪEVI, LEISI (aliens), etc.

Units coming from Latvian folksongs are one of the sources of Latvian idiom stock. Most of the idioms are formed as a result of polysemy and further generalization of the meaning of the collocation.

The second historical source of Latvian phraseological stock is colloquial language. Its older layers are vague, as colloquial language and conversation containing idioms is rarely recorded, idioms are normally not set apart as separate units in dictionaries up to the 20th century.

Moreover, the fact that written language was formed by German clergy and bears a distinctly literary if not scholastic character, further reduces the chances of studying early colloquial idioms. It is only in the 19th century that colloquial language gradually finds reflection in books and periodicals.

However, there are separate examples of colloquial idioms also earlier. Thus in the Appendix of the first dictionary of Latvian - Phraseologia Lettica (Mancelius, 1638) among different samples of Latvian speech (and this is what the author calls phraseologia) we meet obviously authentic phrases, e.g.,

TIKAI KAULI UN ĀDA (skin and bone), VISAS IEKSĀS
 APGRĪEZĀS (to be scared), BIEZA ĀDA (thick skin),
 NE MANA ČUKA, NE MANA DRUVA (not my business),
 VISĀ GALVĀ BRĒKT (to scream).

A 1768 Doctor's Magazine (Latviešu Ārste) contains phrases like BŪT PIE ROKAS (be at hand), PRĀTA CILVĒKS (a calculating person), MĒLI ATVELST (to gossip), LĀPĪT LAISKUMU (to be lazy), JUKU JUKĀM, (in a chaos).

A Latvian Grammar (Lettische 1783) has PĀR GALVU LAIST (not take seriously), LĪDZ ŠO BALTU DIENU (up to this very day),

Also the dictionaries of the 18th century contain some units:

NEZINĀT, KUR DĒTIES (not to know, what to do)
 ŠKAIDRA NAUDA (cash) (Deutsch - Lett., 1782).
 SVILPOŅU, VECAIS (there you are)
 NO SLĪMA GODOU PRASĪT (expect good from a scoundrel)
 (Lettisches Lexikon, 1789).

Bergman's dictionary (Lettisch 1806) has IET POSTĀ (to perish),

BŪT AFAKĀS KĀDA KĀJĀM (to be under somebody's feet).

Apart from the two above mentioned sources, another providing fewer idioms, is Latvian literature. Here units that come in the form of frozen allusions to the most popular Latvian literary titles, heroes, images can be traced. Though there are not too many units of this type, however, they have a relatively high frequency of usage and possess certain Latvian cultural background information.

There are many of them that are fully stable in the language, e.g.,

ATRAITNES DĒLS /after Pludons' poem/ (a poor, aspiring youth),
 SAVS KĀRTĪNĀS, SAVS STŪRĪTIS ZEMES /J. Purupuka/ (private land property),
 MELNAIS BRUNĪNIEKS /A. Pumpurs, Rainis/ (German conquerors),
 GAISMAS PILS /Auseklis/ (spirituality, education).

There are also other units of this type that have a more limited usage and can still be viewed as allusions on the way, to becoming stable idioms, e.g. MUŽĪBAS SKARTIE /A. Čaks/ (Latvian riflemen),

PĒRĻU ZVEJNIEKS /J. Poruks/ (an idealistic youth),
 DĪLLAIS DAUKA /Sudrabu Edžus/ (a dreamer), SALNA PAVASARĪ /R. Blaumanis/ (an early end of something good).

Another group of idioms directly connected with Latvian culture and history are those reflecting important events, phenomena in a metaphoric form, e.g.,

Kalendāru nemieri - public discontent, based on historical uprisings in Riga in 1584-1589 and revitalized at the end of 1980ies when different historic dates were marked by rallies.

Kurzemes katls - the art of Latvian territory that remained under German military rule in 1944/45 while the rest of Latvia was already under soviet regime.

Stūra māja - KGB, the building of which was situated on the corner of two streets in Riga

Dziesmu karš - a singing contest among the choirs before the Song festivals (taking place every 4 - 5 years.

The last unit can be found already in Auseklis' work dedicated to the 1st Latvian Song Festival in 1873:

To tagad pierāda vislabākie dziedātāju kori, kas pēc goda mantojumiem lielajā "dziesmu karā" vēl aizvien dodas "karā", dziesmu bruās metušies (Auseklis Irlase.R., 1955, p.185.).

B o r r o w e d I d i o m s

Borrowing is generally known as one of the ways of vocabulary enrichment. Though native phraseology forms the majority of the phraseological stock in Latvian, borrowed phraseology constitutes approximately 40 % of the total usage, in newspaper language the percentage often reaches 60 - 70 %.

The history of the Latvian people is, as it were, reflected in the language. The historical proximity of other peoples, wars, migration and other processes have found their reflection in phraseology, too. Apart from the direct contacts with different ethnic groups - Russians, Germans, Poles, Swedes, Danes, Lithuanians, Estonians and others, language contacts have been there also in an indirect way - through literature translations and mass media.

Though the latter are 19th and 20th century phenomena their influence upon the language is often much stronger than the ethnic influence.

Language contacts of Latvian have led to widespread borrowing.

There can be distinguished 4 types of phraseological loans.

COMPLETE PHRASEOLOGICAL LOAN is a borrowed idiom reproduced in the target language in its original way, e.g.,

HOT DOG, CHERCHEZ LA FEMME, STURM UND DRANG, FINITA LA COMEDIA used in Latvian speech or writing.

PHRASEOLOGICAL TRANSLATION LOAN (calque) is an idiom consisting entirely of target language components, i.e., it is a unit created by translating the prototype, e.g., FUKU BĒRNI - flower children, SLAPJA LIETA - мокрое дело, (murder).

Sometimes, though, PUs in both languages have a common element - an international word or a lexical loan of an earlier date, e.g.,

DZELTENĀ PRESE - YELLOW PRESS, ZEM KATRAS KRITIKAS-
UNTER ALLER KRITIK, (very bad).

PHRASEOLOGICAL TRANSCRIPTION LOAN is a borrowed idiom whose components have not been translated, yet have undergone some morphemic changes, i.e., it is transcribed and adapted to the norms of the target language, e.g., SERĻOKS HULMSĀ - SHEPLOCK HOLMES, DONS KIHOTS - DON QUIJOTE.

MIXED PHRASEOLOGICAL LOAN is a borrowed idiom at least one of whose components has been translated while at least another one has been transcribed, thus all the components have been morphemically changed, e.g. LINĀ TIESA - LYNCH LAW, POTJOMKINA SĀDŽAS - лотенкинские деревни (unexisting things).

Further the impact of separate languages on Latvian phraseology will be viewed.

Finno-ugric elements in Latvian are generally recognized though mainly on the lexical level. It is much more difficult to investigate the phraseological loans as there are practically no written sources from the early periods of the development of Latvian.

Historically Balts have come into contact with Finno-ugric tribes since the 3rd millenium BC. However, it is the latest contact starting in the 6-8th centuries A.D. and ending in the present century with the full assimilation of the Liivs that can be viewed.

There seems to be direct correspondence between phrases like

NAKT ZEMĒ (come down) and Estonian IHAHA TULEMA, DABŪT ROKĀ (get hold of) - KATTE SAMA, etc. It seems probable that units like

UZ BRŪTĀM KĀJĀM (pregnant), MUTES DOT (to kiss), ZOBUS VADĪT KĀRT (to starve), ĒST AR SALDU MUTI (enjoy eating)

might also have been borrowed from Finno-ugric languages, but this supposition is based only on the fact that there are no corresponding equivalents in German, Russian and Prussian.

Thus while theoretically Finno-ugric influence on Latvian phraseology is beyond doubt, when coming to separate idiom it remains hypothetical (Rāge, 1970).

As in most of modern languages the translation of the Bible was of great importance for the development of Latvian.

Gluck's translation is also the first vast written monument of the language of the 17th century. Comparing the many editions and reprints of the Bible it can be said that biblical phraseology has hardly changed since the

first edition 300 years ago. Also several idioms in use still preserve archaic traces of the first variant, e.g., VAIGA SVIEDROS (by the sweat of one's brow), AIZ SEPTIŅIEM ZIEĢĒJIEM (behind seven seals), PĒC SAVA ĢIMJA UN LĪDZĪBAS (by one's face and image).

As the translation was carried out from the original languages Hebrew and Greek the units are respectively borrowed directly from these languages. There are also mixed cases when the prototype of the same unit is found in two variants in the Old and the New Testaments, e.g., MAZĢĀT ROKAS NEVA²NĪBĀ (wash one's hands of sth).

There are also many idioms of biblical origin for which there are no real prototypes in the Bible, which are allusions to biblical motives,

e.g. BĀBELEŠ TORŅIS (a tower of Babel),
NOASA SKĪRSTIS (Noah's arch), SŪTĪT NO PONTIJA PIE PILĀTA (to send from one official to another).

In many cases these and other units have been borrowed from other languages. For example, the Latvian translation of the Bible until the latest (1988) does not even contain a phrase like ALFA AND OMEGA (alpha and omega), instead we see A un O. (Revelation, I, verse 8), or instead of KĀLPOT MAMONAM (serve the mammon), KĀLPOT MANTAI (Mathew 6.24). Most probably it resulted from the German influence - DIENEN DEM MAMMON.

The biblical units were stabilized in language by the numerous books of religious character, but already at the beginning of the 19th century their use in nonreligious context can be traced.

Apart from the Greek loans from the New Testament there is a whole group of loans connected with Greek mythology and literature. To mention just a few: AHILEJA PAPĒDIS (Achilles' heel), ARIADNES PĀVEDIENS (the thread of Ariadne), AUSEJA STĀLĪ (Augean stables), DAMOKLA ZOBENS (the sword of Damocles), GULBJĀ DZIESMA (swan's song).

These idioms appeared in Latvian in mid 19th century with the formation of the national language and not so much as a result of particular translations from Greek (which came only in the 20th century) as a deliberate attempt to introduce elements of classical literature and thinking into Latvian. Alongside with loans from Greek came Latin phrases. Latin influence is characterized by numerous complete loans with parallel translation loans. Already in the second half of the 19th century many untranslated complete loans are not supplied with translations in the text any more which testifies to their assimilation, e.g.,

ERRARE HUMANUM EST, UBI BENE IBI PATRIA,
QUALIS REX TALIS GREX.

Apart from these there are also quite a few mixed loans, e.g., PIRRA UZVARA (a pyrrhic victory), PĀRIET RUBIKONU (cross the Rubicon), etc.

It seems that German has had the biggest influence on Latvian phraseology, for already since the 13th century there has been a direct contact with German speaking people. With its ups and downs German retained

the role of the main contact language of Latvian up to mid 20th century. German functioned also as the main intermediary language in borrowing. Even more, as the beginnings of Latvian written language and to large extent the formation of Old Latvian was in the hands of Germans, it is natural that they have left a considerable impact on the formation and regulation processes of Latvian phraseology in general.

It seems that the model of the phraseological metaphor itself was to a certain extent taken over from German.

There are numerous parallels in the two languages, numerous loans that preserve syntactic and semantic traces of German, e.g., NOSĀUT .BUKU (to make a mistake) - einen Bock schießen,

TUR TAG SUNS APRAKTS (there is the rub) - da ist der Hund begraben, SPĒLĒT LIELU LOMU (to be of importance) - grosse Rolle spielen, RUNĀT CAUR PUKĒM (to speak ambiguously) - durch die Blume sprechen.

That is not to take into account those many units that were part and parcel of Latvian in the 19th century but have either disappeared, deliberately eliminated or changed since then, e.g., KRIST SVARĀ (to be important) - ins Gewicht fallen, UZ TO LABĀKO (in the best way) - aufs beste. There are also many literary German phrases connected with German literature and culture absorbed in Latvian, e.g., MORIS SAVU DARBU PADARĪJIS, MORIS VAR IET - der Mohr hat seine Arbeit getan, der Mohr kann gehen - (Schiller), VAIRĀK GAISMAS - Mehr Licht - Goethe's last words, etc.

The second biggest influence on Latvian phraseology has been that of Russian. Language contacts have existed for centuries and since the end of the 18th century when all Latvia became part of the Russian empire the influence has been growing. At present Russian is also the main intermediary language of Latvian. All the loans from form as Russian it were several groups. There are literary loans which are practically a 20th century phenomenon, e.g., MIRUSĀS DVĒSELES (the dead souls)

МЕРТВЫЕ ДУШИ originating from Gogol's novel,
TĒVI UN DĒLI (fathers and sons) - ОТЦЫ И ДЕТИ
(Turgenev).

There are also idioms that bear evidence of common or similar history of the two peoples, e.g., LOGS UZ EIROPU (window to the Europe - the Baltic - окно в Европу (Pushkin), MELNĀ SOTŅA (punitive forces) - черная сотня. Numerous idioms have infiltrated Latvian colloquial language, slang and jargon - KARĀTIES GAISA (be uncertain) - висеть в воздухе, PIE LAMPINĀS (of no importance) - до лампочки, not to mention the sphere of taboo phrases which in Latvian is totally dominated by phrases of Russian origin. And finally there is still another field of Russian influence - it is layer that could be called bureaucratic-management phraseology bearing a strong cliché colouring.

e.g., SAURĀ VĒTA (a bottle-neck) - узкое место
 SIST AR RUBLI (punish financially) - бить рублем
 IZNEŠT LĒMUMU (to pass a decision) - вынести решение

There are no complete phraseological loans in Latvian borrowed from Russian, though occasional loans are quite widespread. The only exception might be the taboo phrases.

Borrowing from English in Latvian phraseology started at the end of 19th century. In the 19th century borrowing proceeded mainly through the two intermediary languages - Russian and German, but the 20th century sees direct language contact with English. As the result majority of phraseological loans from English are relatively modern ones mainly covering the field of international activities, economics, law, media: LIELGABALLAIVU DIPLOMĀTIJA (gunboat diplomacy), VIRSOTŅU TIKŠANĀS (summit meeting), SMADZĒNU AIZPLŪDE (brain drain), LINČA TIESA (Lynch law), ZVAIGZŅU KARI (star wars), DZELTENĀ PRESE (yellow press), ZIĒPĻU OPERA (soap opera), ĒNU KABINETS (shadow cabinet), TĒVČIS SEMS (Uncle Sam).

There are also quite complete loans: TO BE OR NOT TO BE, FAIR PLAY, FIFTY FIFTY, HAPPY END, MASS MEDIA, TIME IS MONEY, AMERICAN DREAM, etc. At present in many spheres English is the most dynamic source of new loans borrowed, just to mention the latest borrowings - HAT TRICK, PLAY OFF, TUMSAIS ZIRDZIŅŠ (a dark horse), BUT VIENĀ LAIVĀ (to be in the same boat), etc.

The extent of borrowing from French is similar to that from English, however at the present moment new borrowing has almost ended. The French loans being older, have their very stable place in Latvian phraseology and also represent all the types of loans,

CHERCHEZ LA FEMME, ZELTA JAUNATNE (golden youth),
 JEUNESSE DORRE, PĒC MUMS KAUT VAI ŪDENS PLŪDĪ (after us deluge), APRES NOUS DELUGE.

In general French loans are not distinctly literary character, with a few exceptions that might be characterized as colloquial - TAISĪT SCĒNU (make a scene) - FAIRE UNE SCENE, UZ VISU BANKU - ya banque.

Other Romanic languages have affected Latvian to a much smaller extent, there are few Italian loan translations MĒRKĪS ATTAISĪNO LĪDZEKLĪS - IL FINE GIUSTIFICA I MEZZI; UN TOMĒR VĪNĀ BRIEŽAS - EPPUR SI MUOVE, and complete loans SALTO MORTALE, TUTTI FRUTTI, FATA MORGANA, etc.

In Spanish language has given Latvian a couple of units, like PIEKĀTĀ KOLONNA (the fifth column) - quinta columna, ZILĀS ASINĪS (blue blood) - LA SANGRE AZUL etc.

There are a few loans from Danish, mainly connected with Andersen's fairy tales NEGLĪTAIS PĪLĒNS (ugly duckling), KARALIS IR KĀILS (the king is naked); MĪLAS TRIJSTURIS (love triangle) from Norwegian, and a few units from Czech, Arabic etc.

Stylistic Variety of Latvian Idioms

Latvian idioms possess different stylistic qualities. Some of them have a rather limited scope of use, belonging to peculiar stylistic spheres, others are of more flexible character and their stylistic value to a large extent is determined by context or intonation in speech. The stylistic scale of idioms is rather wide with poetic and bookish phrases at the one end of it and peculiar slang and taboo phrases at the other. Starting from the most elevated use one can differentiate between:

Poetic idioms, e.g., AIZIET AIZSAULĒ, NĒLIKT GALVU, BEIST SAVAS MŪŽA DIENAS (all having the meaning of 'to die'), GARA MANTAS (spiritual values).

Bookish phrases, most of which have a strong cliché character, e.g., ART JURU (to fish), VAINAGOTIES PANĀKUMIEM (to succeed), VIENOTĀ FRONTĒ (united), and are better to be avoided unless for particular stylistic functions.

The biggest group of idioms used in fiction, newspaper language, also conversation, are phrases that could be grouped together under the title of neutral and literary, e.g., SEPTĪTĀJĀS DEBESĪS (in the seventh heaven),

NAV DŪMU BEZ UGUNŠ (no smoke without fire),

BŪT VĒL BĒRNA AUTIŅOS (to be in an infant stage),

BŪT KĀDAM ASINĪS (to be a habit of sb).

There is a large group of conversational idioms containing also a subgroup of low colloquial, which is more expressive and therefore to be used in more intimate relationship and to be differentiated from slang, e.g.,

SAIET MĀTOS (to quarrel), MIEGA MICE (sb sleeping much),

NO DIEVA PUŠS (on no account), LIELĪBAS MAISS

(a boaster),

IETURĒT DUSU (to eat), CTĪK KĀKĪS UZ ASTES VAR AIZNEŠT (little);

and low colloquial, e.g.,

SALAIST DELĪ (to spoil), SADOT PA MIZU (to beat up),

ATSTIEPT KĀJAS (to die), NEMT VABU (to flee), NEST

KĀDU CAURI (to make fun of sb), KLABINĀT MUTI (to speak),

MĒRKAĶĀ ĀTRUMĀ (in no time), BŪT KIRSĪ (be drunk).

Slang and jargon phrases fall into two types. One is the general slang idioms known by most people and used in respective situations, e.g., KLACU BĀBA (a gossip),

JEI BOŠU (for sure), KUNAS BĒRNS (a bastard),

LIKT PA PEDERI (to flee).

Special or professional slang is used in certain subgroups of population, within professional circles, e.g.,

KRUĶĪT BARANKU (to drive) drivers' slang;

BAIŠĀ ŠĀPE (sth unfortunate), BAIŠĀ RĒKA (feel like laughing),

BĀŽT BANANĪS AUSĪS (to lie) students' slang;

TAISNOT AUSĪS (to sleep) much used in schools, etc.

As mentioned before there is the possibility for idioms to move up and down the stylistic ladder. Thus the idiom PUPU MIZAS (rubbish) has moved up from the special slang into low colloquial and can sometimes be already seen in newspapers.

To very large extent low colloquial and slang idioms are of a temporary character - either finding their way into neutral stock or disappearing from the language to be substituted by new, more 'fashionable' phrases.

The lowest stylistic level of Latvian phraseology is constituted by coarse phrases mainly borrowed from Russian. Their taboo character, however, does not mean that they are rarely used!

P o l y s e m y

Like with words, the number of phraseological meanings exceeds the number of units themselves, e.g., RĀDĪT ZOBUS (about boots being torn; show one's teeth), however there are rather great differences in polysemy of the two. Though polysemy is one of the ways of development of phraseological system of the language it is much more limited in scope than lexical polysemy. This is determined by several reasons. First of all new idioms are certainly more expressive than new meanings of old idioms. It seems the language prefers new idioms with new expressiveness, metaphoric image, etc., to a more frequent use of old ones, as frequent use of an idiom leads to its becoming a hackneyed phrase of cliché-like character and loss of expressiveness.

Another aspect of it is that the users seem to have a much more stable idea of the idiom meaning than that of the word. We have to remember that the idioms in most cases already have one direct unidiomatic meaning - which can be contextually revived. Thus polysemy of idioms has a different character. The meanings of the units seem to remain semantically connected in some way and it is also difficult to single out the primary (main) and secondary meaning. Hardly any idioms have more than 2 idiomatic meanings.

The link between the meanings is usually either along the line of the general (abstract) and the more concrete, e.g.,

NĀVES MIEBS	- a deadly sleep
	- death
BŪT MĒLES ĢALĀ	- sth just half forgotten
	- sth one would like to say yet does not
DIENISĶĀ MAIZE	- daily bread, food
	- an essential idea
KĀULS NO KAULA	- one's child, close relative
	- sth dear and respected (an idea, principle)

or is based on the metaphor and its multiple understanding, e.g.,

PALAIST NABUS	- to steal, pinch
	- to grope, to fondle
AIZ MUGURAS	- in the past
	- behind sb's back
KĀ AR NAZI NOGRĪEŽT	- say sth sharply
	- to finish sth abruptly
KĀ SADEDZĪS	- fast
	- burning to do sth

Less than 10 % of Latvian idioms are polysemantic.

I d i o m v a r i a n t s

Though there are numerous idioms in Latvian which do not admit any change of their structure and contents, phraseological variants can be considered to be a typical trait of Latvian phraseology, significantly increasing the number of possible idiom constructions and the scope of contextual variety.

One can distinguish between occasional (contextual) speech variants of idioms, which bear an individual character and are used for additional stylistic purpose, e.g., *Kā zviļa no sirds novelas* (M. Zariņš) - *KĀ AKMENS NO SIRDŠ NOVELĀS* (a relief); *Katram savs krusts jāstībi* (A. Skailis) - *NEŠT SAVU KRUSTU* (to carry one's burden) and fully accepted language variants of idioms. It is the latter that are discussed here.

One should also differentiate between phraseological variants and phraseological synonyms. In some cases the two notions come rather close to each other and may even overlap.

Variants of idioms are their varieties that do not destroy their semantic identity. This includes identical image, identical linguistic function and lexicogrammatical meaning as well as the same meaning in case of polysemy. Of these identity of image is most importance as its absence points towards phraseological synonymy. In a practical way phraseological variants allow their interchangeability within any context with no semantic change of the idiom. However, slight expressive and stylistic variety is possible as a result of the change.

Phraseological variants demonstrate the dynamic nature of the units as a result of separability inherent in all units. It can be seen in Latvian that the more unmotivated the idiom the fewer the variants, the shorter and more fused the idiom the less likely is it to have a variant.

Phraseological variants also demonstrate the contradiction between the form and contents of a unit, as one meaning can be presented by more than one formal structure.

There are different types of phraseological variants in Latvian. There are practically no cases of phonetic variants, like in Russian (Zhukov, 1986, p. 166). The most usual type is that of lexical variants of idioms. One of the most typical subtypes of these are the lexical variants on the basis of synonymy, e.g.,

- PĒRTIES / SISTIES / KULTIES KĀ PLIKAM PA NĀTRĒM*
(to fight hard life)
PŪŠT / LAIST MIBLU ACĪS (to deceive), *BĒRT KĀ ZIRNUS / PUPAS* (talk nineteen to the dozen),
SVAIDĪTIES / MĒTĀTIES AR NAUDU (to squander money),
PIE VELNA / JODA (damn it), *UZ NĀVES BULTAS / CISAM*
(on one's deathbed), *PĀR MATA BALU / TIESU NO NĀVES*
(within a hair's breadth of death), *VIŅĀ PASAĻĒS GALĀ / MALĀ* (at the other end of the world), *ILKT / RAUT / MAUKT ADU PĀR ACIM* (to torture, make use of sb.).

Another source of lexical idiom variants in Latvian is the language development, when a modern word substitutes the old word in the lexical system of the language, but the phraseological system, being more conservative, retains the old form and uses it parallel to the new variant, e.g.,

MEITU BĒGERIS / JUNKURS / MEDNIEKS (Don Juan);
 AIZ SEPTĪNIEM ZIEĢĒLIEM / ZĪMOGIEM (sth kept secret);
 PĒC ĢĪMJA / SEJAS UN LIDZĪBAS / (after one's image and likeness);

PILNĀS ZĒĢELĒS / BURĀS (under full sail, in full speed).

Often variant components are contextual synonyms within the phraseological system, while having fairly different denotational meaning when taken separately, e.g.,

MUTI DZISINĀT / KLĀBINĀT / VĀRSTĪT (talk to no avail);

KERT / GRIEŽT / CIRST MAKĀ (to be too expensive)

PLĀTĀS KĀ PĀVS / TĪTARS. (to boast)

DŪSA / SIRDIS APSKRIENĀS (to lose heart)

PAZUST BEZ MĪNĀS / PĒDĀM / VĒSTS (to disappear, without a trace);

SAVĀRĪT PUTRU / ZĪEPES (make a mess of sth)

Many idioms have morphological variants, differences in the morphological composition of idioms components. It can be variants of the number of nouns, prefixes and suffixes (e.g., deminutives), e.g., UZLIKT PUNKTU UZ I, UZLIKT PUNKTUS UZ I, SALIKT PUNKTUS UZ I (to dot one's "i's" and cross one's "t's"); to put an end to).

Quite many idioms have QUANTITATIVE VARIANTS; these may be longer phrase that have undergone ellipsis, very often sayings and proverbs.

However, often ellipsis leads to a change of meaning in which case we cannot talk of phraseological variants anymore, e.g., the idioms PARTIĶT NO SVAIBA ĢAISA (to live on nothing) and PARTIĶT NO SVAIBA ĢAISA UN MĪLESTĪBAS (to live on love alone) have considerably different semantic scope. Phraseological quantitative variants often contain intensifying words; or precision words:

SARGĀT KĀ (SAVU) ACURĀBU (to guard lik. the apple of one's eye);

PAR (PLIKU) PALDIES (for nothing);

BŪT UZ MĒLES (ĢALA) (be on the tip of one's tongue);

LĒNĀM PAR TILTU (APAKŠA ŪDENS)! (take care!)

Often there are phraseological units combining different variant types, e.g., SARGĀT / ĢĻABĀT KĀ (SAVU) ACURĀBU combining lexical and quantitative elements, etc.

Research based on about 1000 idioms currently used in Latvian shows that approximately 20% of modern idiom stock has variants.

This approximately coincides with another statistical investigation based on 5000 units of the 19-20th century use (Orlovska, 1973) suggesting that slightly more than one fifth of Latvian idioms have variants of which 60% are idioms having two variants, 20% three variants, 13% four variants and the rest five or more.

S y n o n y m y

By phraseological synonyms one understands idioms which have generally synonymous meaning, however they are based on different images, have different origins and as a result have different shades of meaning and/or stylistic colouring and/or function in different language spheres. Synonymy in phraseology greatly extends the expressive possibilities of language, as the synonyms possess different images and shades of meaning.

Unlike phraseological variants, synonyms cannot be interchanged preserving virtual equivalence of speech - thus a foreign learner has to be able to distinguish between them carefully, e.g.,

CIEST BADU, SAJŪZT VĒDERU, KAUTIES AR BADU,
KĀRT ZOBUS VADZI, DŽIVOT NO ZILA GAISA, MIRT (PUSBADĀ)
(all have the general meaning of 'starving')

In comparison with lexical synonyms, the phraseological synonyms are more individual, concrete and elaborate. This less abstract character of phraseological synonyms is the result of a more complicated nature of idioms as compared to words, of the image-bearing character of the unit.

Though usually being the same part of speech, phraseological synonyms can be of a similar but also of a different structure.

The first are usually closer in the meaning, e.g.,

BĒG KĀ VELNS NO KRUSTA, BĒG KĀ VILKS NO UGUNIS
(flee because of being afraid);
VĀRĀS KĀ PUTRĀS KATLS, KLADZĪNA KĀ VECA VISTA
(talks nineteen to the dozen);
AR SIRDĪ UN DVĒSELĪ, AR VISU KRŪTĪ (fully),

than the second, e.g.,

BAĻĪBS KĀ ZAKĪS, TRĪC KĀ APSŪ LAPA,
DŪŠA PAPĒZOS, (as timid as a hare);
LĒNA ČŪKA DZĪLU SAKNĪ ROK, KLUSĪE ŪDĒNĪ IR DZĪLĪ
(still waters run deep)

However, care should be taken of similarly structured units since some close ones, having even identical elements, may be of different semantics altogether, e.g.,

DŽIVO KĀ KAĶĪS AR SUNĪ (to quarrel)
DŽIVO KĀ CIMDS AR ROKU (to be very compatible)

There are many idiom synonyms describing some activity, state, phenomenon and forming a multiple synonym group. The majority of them in Latvian focus on semantic fields having negative connotation, derogatory shades of meaning, e.g., PILNĀ DŪŠĀ, VĪRĀ DŪŠĀ, PILNS KĀ LŪKS, PILNS KĀ MĀRKŠ, PILNS KĀ ZĀBAKS, PILNS KĀ MĀKONIS, PILNS KĀ ZEKE, GODĀ PRĀTĀ, KUNĢĀ PRĀTĀ, PĪESŪCĪES KĀ ODS, PĪESŪCĪES STĪVS etc., (all meaning "drunk")
IZLAIST GARU, NOLĪKT KAROTĪ, ATSTĪEPT KĀJAS, AIZĪET PIE TĒVIEM, DAEUĢ GALU, AIZĪET PIE DIEVA, ŠKĀRTĪES NO DZĪVES, ATSTĀT ŠO PASAULĪ, STĀTĪES DIEVA PRIEKŠĀ, AIZĪET VĪNĀ SAULĒ, AIZĪET UZ VĪNPASAULĪ, AIZVERT ACĪS UZ MŪŽĪBU, BEIGĒ SĪS ZEMES GAITAS, etc. (the meaning "to die")

LAISTIES LAPĀS, NEMT KĀJAS PĀR PLECIEM, SLŪKT PA DIEGU,
NEMT VAGU, DOT KĀJĀM VALU, LAIST LEKAS VALĀ, etc., (to flee)
PLĀNĀ BALDIŅĀ URBEĪS, TŪTIŅU DREIJĀTĀJS, MAKOŅU STĒMĒJS,
VĒJA SLOTA, VĒJA PISTOLE, u.c. (a light minded persc.)
VIENA ALGA, VISS VIENS, NE SILTS, NE AUKSTS,
VIENS PĪPIS, BIJIS NEBIJIS (all the same).

However, not all Latvian idioms have synonyms.

Especially it concerns nominal idioms which are likely to have only lexical synonyms, e.g.,

BADA PĀTAGA, (angling rod), VĒDERA TIESA (food),
SUNU DIENAS (holidays).

Typology of Latvian Idioms

In this chapter an attempt is made to set up a system of most usual idiom patterns in Latvian. Extended commulative structures like proverbs and sayings will not be discussed here. It should be stressed at once that with a few exceptions the absolute majority of idiom structures correspond to the usual Latvian collocation patterns, i.e., they do not manifest any structural peculiarity but are idioms due to their full or partial opacity and figurativeness. The most of Latvian idioms are idioms of decoding (Makkai, 1972) while idioms of encoding are few. Where some structural traits appear, e.g., NE DZĪVS, NE MIRIS they are usually also possible in free word combinations, e.g., ne edis, ne dzeris; ne gul, ne strada, etc.

It is possible for some members of the structures to be optional as well as other members to be inserted. Some idioms (mainly verbal) can undergo inversion in specific situations.

NOMINAL IDIOMS

A + N ASA MELE (a sharp tongue), LIELA MUIŽA (not to worry)
N + N SUNA DZĪVE (dog's life), PUPU MIZAS (rubbish)
N and N KAULI UN ĀDA (skin and bone), SIRPIS UN ĀMURS (a hammer and a sickle)
N prep N(N) SUNS UZ SIENA KAUDZES (dog in the manger)
N + (A) + N + N LAUPIŠANA GAIŠĀ DIENAS LAIKĀ (a daylight robbery),
VILKS AVJU DRĀNĀS (a wolf in a sheep's clothing)

ADJECTIVAL IDIOMS

A and/or A MELNS UN MAZIŅS (of no consequence),
DZĪVS VAI MIRIS (dead or alive)
A as N AUKSTS KĀ LEDUS (as cold as a stone),
SARKANS KĀ VĒŽIS (as red as a beetroot)
neither A nor A NE DZĪVS, NE MIRIS (half alive),
NE CEPTS, NE VARĪTS (neither this nor that)
A prep A MELNS UZ BALTA (clear)

VERBAL IDIOMS

V + N LĀPĪT SLINKUMU (to be lazy), PŪST PĪLĪTES (to tell fibs),

V as N	VELKAS KĀ GLIEMEŽIS (to go at a snail's pace), DZER KĀ LOPS (to drink like a fish)
V as (N) Participle	GUL KĀ NOSISTS (to sleep like a log), STĀV KA OLEKTI NORIJIS (to stand (tiff))
V + N +/prep.	ZĪLĒ, KAFIJAS BIEŽUMOS (to guess, tell fortune) TRĀPĪT NAGLAI UZ GALVAS (to hit the nail on the head),
V + A + N	KULT TUKŠUS SALMUS (to talk without sense) STRĒBT KARSTU PUTRU (to make a mess in haste),
V prep N	BŪT ZEM TUPELES (to be under sb's heel), NOJTĀDĪT UZ KĀJĀM (to put sb in a good position)
V, clause	NEZINĀT, KUR SAVAS ACIS LIKT (not to know where to look in shame), ZINĀT, MO KURAS PUSES VEJS PŪS (to know what is what)

ADVERBIAL IDIOMS

prep N	NO GALVAS (by heart), AIZ RESTĒM (behind bars)
prep N + N	NO DIEVA PUSES (for God's sake), LĪLĪ KĀPA MALAI (until death)
prep A + N	UZ LABŪ LAIMI (at random), UZ ĀTRU ROKU (in a fast and careless way)
Adv + Adv	ĶURPU TURPU (to and fro), SĀ TĀ (carelessly)
Adv and/or Adv	SA VAI TĀ (anyway), CAUR UN CAUR (completely),
A + N	SEPTĪTAJĀS DEBESĪS (in the heaven), PILNĀ SPĀRĀ (in full gait)
N + N	ROKU ROKĀ (hand in hand), VAIBA SVIEDROS (by the sweat of one's brow)
N prep N	SOLI PA SOLIM (step by step), ACI PRET ACI (face to face)
prep N prep N	NO GALVAS LĪDZ KĀJĀM (from head to foot), PA KAKLU PA GALVU (head over heels).

Idioms in Speech

In speech and text idioms undergo various changes. Some of them bear a prescriptive character, i.e., these changes are determined by the introduction of the idiom in a concrete speech situation - adding of the necessary endings, changing the tense of the verb, etc. These changes are stylistically irrelevant as they do not affect the meaning of the idiom.

However, in speech the idiom may acquire a different expressive quality and meaning due to deliberate contextual semantic or structural change. These cases can be qualified as occasional use of idioms.

No dictionary can foresee the actual usage of an idiom transformed by the author/speaker for stylistic purpose. Moreover, occasional use can create big difficulties for a foreign learner, who does not know the idiom stock and

usage well; it may be difficult to find the contextually changed idiom in dictionaries, as the headword might be changed and it is difficult to learn the art of occasional use, namely, in which unit what elements can be changed, inserted, dropped and what elements cannot be touched. Sometimes the occasional change is more important than the idiom itself. Occasional use of idioms is a universal phenomenon and many of its types are actively used in Latvian. The possibility of the transformations of the meaning and structure of the idioms is inherent in the very essence of idiom - namely,

1) in their structural separability which presupposes a possibility of inserting, exchanging or adding of elements and
 2) in the transferred meaning of the idiom which presupposes a possibility of reviving the direct meaning of the idiom or its constituent elements. Not all Latvian idioms can be subject to transformation. Idioms "prone" are more resistant to structural change.

There exist many devices of occasional use of idioms in Latvian. They can be used separately but can also be combined creating very complex idiom transformations. Here follow the most usual transformations of idioms in Latvian.

1. Sustained metaphor. As most of the idioms are based on the metaphor it is possible to sustain the image in the sentence where the idiom occurs or even in the whole paragraph or chapter, e.g.,

KATRS PATS IR SAVAS LAIMES KALĒJS, ja nemāk izkalt,
 iznāk čīks (A. Kolbergs)

Tie labi saprot, ka pie citūdas iekārtas viņi nevarēs
 NOSMELT KREJUMU no lielās piena bļodas Krievijas ...
 (A. Bels)

2. Dual actualization. This device is based on a dual understanding of the idiom in the given context, i.e., the perception of the meaning of the idiom and the perception of the components of the idiom in their direct meaning, e.g.,

Dedzināšot mājas, kāršot un šausot. Pagaidī tās bija
 valodas, taču - NAV DŪMU BEZ UGUNŠ. Gan dūmi, gan
 uguns citos pagāstos jau plētās plašumā. (D. Avotiņa)

- Jaunais cilvēks, cik jums gadu?

- Astoņpadsmit ...

- Tad jums laiks STĀVĒT PAŠĀM UZ SAVĀM KĀJĀM, nevis uz

manām. (M. Birze)

3. Phraseological Zeugma. In phraseological Zeugma a word of the idiom apart from its semantic relation with the other part of the idiom is also in a literal relationship with a word or several words outside the unit.

Būt piemājas dārza saimniekiem reizē nozīmē vairāk STRĀDĀT
 AR GALVU nekā ar rokām. (Dārzs un Drava)

... vafieši prata SĀBLABĀT VĒSU PRĀTU un netrīcosas
 rokas ... (Sports)

4. Breach of the traditional stylistic distribution. This is a stylistic device by which an idiom comes to characterize something that under usual conditions it does not characterize. An idiom usually applied to living beings comes to characterize inanimate objects or vice versa.

Vanis saprata, ka ceļš viņu VADĀJIS AIZ DEBUNA, un tam vairs neklausīja. (J.Lapsa)
 Tuvredzība un nemākulība NOZĀGĒS TO PASŪ ZARU UZ KURA SĒŽAM. (Liesma)

In the following cases the structure of the idioms has been changed, so when necessary they are preceded by the dictionary form of the idiom.

5. Substitution. It is possible to substitute a component within the idiom by another word or even several words, e.g.

VILKS PAĒDIS, KAZA DZĪVA
 VILKS PAĒDIS, KAZA MAZLIET
 PĀPLUCINĀTA ... (E.Rudzītis)

LABĀK ZĪLE ROKĀ NEKĀ MEDNIS KOKĀ
 Tā sakot, LABĀK ZĪLE ROKĀ NEKĀ TRĪS PUNKTI
 KOKĀ (Padomju Jaunatne)

6. Addition or insertion. Addition or insertion is used to give additional information making the idiom more concrete in the given context, e.g.,

Zilbiksis NESASMAĢOZINĀŠANUNASTU
 klusu un nekurnēdams ... (A.Bels)

... kā puikas teiktu - IZGĀZIS KĀDU ĪPAŠI
 DIZĪVU PODU (A.Dripe)
 BAILU, PĀRLIEKĀ RESPEKTA LEDUSIR
 LAUZTS. (Liesma)

Un visā Sudanā "POLITISKĀIS LEDUS" SAKUSTEJIES (Rīgas Balss)

... Jāna slēptais netikums nu ir NĀCIS KOSĀ
 UGUNSBREKĀ GAISMA (Padomju Jaunatne)

7. Phraseological allusion is an allusion to an idiom. The text usually contains only some element of the unit, e.g., MAISAM BALS VALĀ

Pinkēršanās ap MAISA GALU. (Padomju Jaunatne)

LABĀK ZĪLE ROKĀ NEKĀ MEDNIS KOKĀ

Veiksmes MEDNIS pagaidām KOKĀ (Zvaigzne)

PIRMTE KUCĒNI JĀSLĪCINA

Masveidīga KUCĒNU SLĪCINĀSANA notika otrajā darbā
 (Liesma)

8. Phraseological split-up. This device differs from insertion as the inserted part usually a clause does not become part of the idiom, e.g.,

MĀJIENS, kā teikt, AR SĒTAS MIETU (A.Bels)

Tas nekas, ka dažs no gums turētu nīgru prātu, DABŪJIS;
 vulgāri sakot, PA BIKSEM ... (J.Liepiņš)

9. Phraseological apocriphesis consists in clipping off the end of the idiom. It is a device very often in titles, close to allusion, e.g.,

DARI KO DARĪDAMS, APDOMĀ GALU

Dari ko darīdams ... (Padomju Jaunatne)

NE MANA CŪKA, NE MANA DRUVA

Ne mana cūka ... (Rīgas Balss)

10. Ellipsis. Ellipsis is a reduction of the idiom, which preserves its original meaning in a more laconic form.

VISI GALI ŪDENĪ

Jūs neko neesat darījusi un mēs neko nezinām. GALI ŪDENĪ.

(M.Zariņš)

NOPLĒST SEPTIŅAS ĀDAS

Bet pamāgini tu dēļus šodien nopirkt veikalā -
SEPTIŅAS ĀDAS! (A.Kolberga)

11. Occasional transformations of grammatical categories in Latvian usually affect the number of nouns, diminutive endings, degrees of comparison of adjective, derivation, e.g., SIST AUGSTU VILNI

... zaļajā laukumā līksmība SITA V I S AUGSTĀ K O
VILNI. (Sports)

TROJAS ZIRGS

Tāda rangu tabula ... var izradīties arī par savdabīgu

TROJAS ZIRDZ I Ņ U (Zvaigzne)

PŪST ZIEPJU BURBULUS

Jauneklim ... nepieklājas ZIEPJU BURBULĪS U S PŪST

(A.Upīts)

STIEPT GUMIJU

... pret GUMIJAS STIEPĒJIEM, neprasām un dzērājiem

(Padomju Jaunatne).

As pointed out, often several devices of occasional use can be used together applied to one or several idioms. For example:

Kāpēc PIRMAIS UN SMAĢĀKAIS AKMENS
TIKA MESTS V.Kaijaka "ROŽU DĀRZA"? (Literatūra un
Māksla)

- 1) the sentence contains two idioms - MEST FIRMO AKMENI;
MEST AKMENI KĀDA DĀRZINĀ;
- 2) there is the insertion of the adjective "smagākais";
- 3) addition of the adjective "pirmais";
- 4) insertion of the adjective "rožu" which is also an allusion to the V.Kaijaks' story "Visu rožu roze".

In the following example the idiom TIKT UZ ZĀLA ZARA lies at the basis of several transformations:

Pēc ACSK zaudējuma Minskas "Horizontam" T U R N Ī R A
T A B U L Ā S K O K Ā J A U V A R A M S Ā K T
S N I E B S A N O S P Ē C Z Ā L Ā K A Z A R A - O T R Ā
Z A R A". (Padomju Jaunatne)

In this sentence the following devices have been used:

- 1) phraseological allusion
2. sustained metaphor
- 3) change of the paradigmatic form of the adjective.

R e s e a r c h a n d d i c t i o n a r i e s

Latvian phraseology has so far not been theoretically well investigated (Laua, 1992) Linguists started paying attention to it only the second half of the 20th century after A.Ozols (1959,1967) outlined the possible directions of research in this field.

The comparative aspect of the Latvian idiom and idiom mainly in Germanic languages has been studied by L.Orlovska (1972,1973), V.Rūke-Draviņa (1980,1987), E.Kagine (1971), R.Ēckert (1987).

Several problems connected with the structural links and semantics of phraseology have been discussed by A.Laua (1972,1975), principles of idiom dictionary compilation have been set by L.Orlovska (1968).

Latvian proverbs have been studied in comparative aspect of Latvian and German (Kokare, 1988) and Latvian and Lithuanian (Kokare, 1980) as well as aspects of internationalization of proverbs (Kokare, 1978).

Idiom borrowing has been studied (Veisbergs, 1987, 1988, 1989, 1990, Bankava, 1983).

At the present moment there are four bilingual idiom dictionaries: Russian-Latvian (Bauga, 1974) containing about 10000 units, English-Russian (Raškevičs, 1977) containing 6550 units, German-Latvian (Celmrauga, 1980) containing 4200 units and Latvian-Russian Idiom dictionary (Cabuliņa, 1965).

Apart from the last the basic criterion for the selection of idioms in these dictionaries has been the phraseological stock of the respective foreign language. As a result the Latvian counterparts are not always idioms, there is practically no stylistic differentiation in the Latvian stock, it bears obvious purist tendency - Latvian idioms have been 'neutralized'. Lower layers of Latvian phraseology, slang, low colloquial are practically not represented. Also the Latvian idiom stock in the three dictionaries is very varied - mainly extended structures in German-Latvian dictionary, strong occasional influence (sometimes picturesque and very successful) in Russian-Latvian dictionary, rather nondescript in English-Latvian dictionary. In a word, Latvian stock mirrors the respective English, German or Russian idiom stock rather than represents Latvian. Latvian - Russian dictionary slightly differs from the three. However, numerous units are not represented here, purist tendency is all-pervading and at second sight one can get a feeling that the selection has gone along the line of those units which have counterparts in Russian. None of the dictionaries actually contain explanations of the selection principles nor of the definition or the author's understanding of idioms.

There is also a collection of Latvian idioms with excerpts from original texts published abroad (V. Rūķe-Draviņa, 1974) which may be advised to the foreign learner.

Idioms are also represented in most of the 20th century monolingual and bilingual dictionaries.

The most comprehensive dictionary of Latvian (Mulenbach, 1923) contains a large number of idioms, but they can be found mostly in the exemplifying material and have not been set apart as a separate linguistic layer. This dictionary to large extent continues (and also ends) the tradition of Latvian lexicography of viewing idioms as idiomatic language and conversation phenomenon, not as units. The idiom stock of this dictionary has a strong folk-language bias and neglect of literary phrases. Borrowed phraseology of the 19-20th centuries is not represented there at all. The dictionary is bilingual and explanations are in German.

A dictionary of Literary Latvian (*Latviešu Literārās valodas vārdnīca 1972-1990*) gives rather many Latvian literary idioms. It reflects the language of modern Latvian (end of 19th century up to 70ies of the 20th century). It bears a relatively strong purist tendency and, as reflecting idioms has not been its main task, numerous units are not to be found.

A Dictionary of Latvian (*Latviešu valodas vārdnīca, 1987*) is a one volume compilation of modern Latvian. Within its limited scope it gives a rather comprehensive stock of idiom, but it falls short in reflection of colloquial and slang material.

Some idiomatic material is represented also in the synonym dictionary of Latvian (*Latviešu valodas sinonīmu vārdnīca, 1972*) and in the numerous bilingual dictionaries.

L i t e r a t ū r e

- Bally Ch. Linguistique générale et linguistique historique. Berne, 1950. - 440 p.
- Bauga A. Krievu-latviešu frazeoloģiskā vārdnīca. - Rīga, 1974.
- Čaubulīna D. Latviešu-krievu frazeoloģiskā vārdnīca. - Rīga, 1980.
- Celmrauga I. Vācu-latviešu frazeoloģiskā vārdnīca. - Rīga, 1980.
- Degut M.B. Idioms. // Babel. - 1973. - Nr. 4. vol. 18. - pp. 168-169.
Deutsch-Lett. Lexicon. 1782.
- Eckert R. Historische Phraseologie der slawischen Sprachen (unter Berücksichtigung des Baltischen). // Zeitschrift für Slavistik. - 1987. Band 32. - S. 801-807.
- Fernando Ch., Flawell R. On Idiom. - University of Exeter, 1981. - 94 p.
- Kagaina E. Ērģemes izlokšnes frazeoloģismu tipi un uzbūve. // ZA Vēstis. 1968. - Nr. 8-62-71. lpp.
- Kagaina E., Raģe S. Dažas paralēles latviešu valodā un kaimiņvalodās somatiskā frazeoloģismu veidošana. // - Vārda semantika. - Rīga, 1971. 97-146. lpp.

- Kokare E. Latviešu un lietuviešu sakāmvārdu paralēles. - Rīga, 1980.
- Kokare E. Latviešu un vācu sakāmvārdu paralēles. - Rīga, 1988. - 309 lpp.
- Latviešu ārste. Oberpahlen, 1768.
- Latviešu valodas vārdnīca. - Rīga, 1967.
- Latviešu valodas sinonīmu vārdnīca. - Rīga, 1972.
- Latviešu literārās valodas vārdnīca. - Rīga, 1972-1990.
- Laua A. Fraseoloģismu sasaistamība. // Verbu un fraseoloģismu sasaistamība. - Rīga, 1975. - 57-134. lpp.
- Laua A. Latviešu valodas frazeoloģija. - Rīga, 1982. - 77. lpp.
- Laua A. Verbālo fraseoloģismu strukturālie sakari. // Valodniecība, folkloristika, metodika. - Rīga, 1972. 21-25. lpp.
- Letzisch-Deutsches Wörterbuch, 1806.
- Lettische Grammatik, verfasst von Gotthard Friedrich Stender. - Mitau, 1783..
- Makkai A. Idiom Structure in English. - The Hague, 1972.

- Makkai A. Idiomaticity as a Language Universal.//
Universals in Human Language. - California,
1978. - vol. 3. - pp. 401-448.
- Mancelius G. Lettus. Das 1st Wortbuch... - Riga, M. DC. XXXVIII.
- Mūsenbacha Latviesu valodas vārdnīca I-IV. /Pediģējis,
papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. Rīga,
1923-1932.
- Orlovska L. Latviesu valodas frazeoloģiskie varanti//
Latviesu valodas kultūras jautājumi. - Rīga, 1973. -
24-29. lpp.
- Ozols A. Frazeoloģija. //Raksti valodniecībā. - Rīga, 1967. -
451-452. lpp.
- Ozols A. Latviesu tautas dziesmu frazeoloģijas
pamatjautājumi. //LPSR Valodas un literatūras
institūta Raksti. - Rīga, 1959. - 10. sēj. - 201-238. lpp.
- Rīde S. Par dažiem aizguvumiem no igauņu valodas Vidzemē.
//Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. -
Rīga, 1970. - 135-155. lpp.
- Raškevičs J. Angļu-latviesu-krievu frazeoloģiskā vārdnīca. -
Rīga, 1977.
- Rūke-Dravina V. Diachronic Changes in Latvian Phraseology//
IV Vissavienības baltistu konference. - Rīga, 1980.
p. 73-74.
- Rūke-Dravina V. Die Lettische Phraseologie in Vergleich mit zwei
Germanischen Sprachen - dem Deutsch und dem
Schwedischen. //Aktuelle Probleme der Phraseologie:
Zürcher Germanische Studien. - Bern, 1987. Bd. 99.
S. 169-186.

- Rūke-Draviņa V. Vārds istā vietā. - Stockholm, 1974.-338 p.
- Rūke-Draviņa V. "Hand", "Arm" and "Finger" in Latvian and Swedish phraseology: a comparison. /Proverbium Paratum. - Budapest, 1980 - Nr. 1. - pp. 63-81.
- Veisbergs A. Aizgūtās frazeoloģijas dinamika. //Valodas aktualitātes. Rīga, 1987, -62-70 lpp.
- Veisbergs A. Anglo-Latvian Phraseological Borrowing. - Rīga, 1988. 52 p.
- Veisbergs A. Latviešu frazeoloģijas cilmes problēmas. // LPSR ZA Vēstis, 1989. - No 9. -46-57 lpp.
- Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. - Л., 1970. - 263 стр.
- Банкав А. Я. Французско-латышский фразеологический фонд. //Типологические черты языка и контрастивном аспекте. - Рига, 1988. стр. 117-126.
- Вакуров В. Н. Метафорическая природа фразеологических единств русского языка. //Филол. науки. - 1981. Но 4. стр. 48-55.
- Вейсбергс А. Г. Заимствованная фразеология латышского языка (XVII-XX вв.) - Рига, 1990. - 186 стр.
- Жуков В. П. Русская фразеология. - М., 1986. - 310 стр.
- Кокаре Э. Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. -Рига, 1978. -294 стр.
- Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс). - М., 1970. - 344 стр.

- Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1980. - 270 стр.
- Орловская Л. Я. Грамматические дистрибутивные формулы идиом в английской и латышской языках. // Вопросы английской филологии. - Рига, 1973. - стр. 131-144.
- Орловская Л. Я. Эквивалентность латышских идиом других языков. // Вопросы лексикологии и грамматики английского и латышского языков. - Рига, 1972. - стр. 60-69.
- Орловская Л. Я. Сопоставительный анализ фразеологических единиц латышского и английского языков и некоторые принципы составления латышско-английского фразеологического словаря: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1968. - 25 стр.
- Райхштейн Л. Д. Немецкие устойчивые предикативные единицы. Дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1974. - 484 стр.
- Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. - М., 1969. - 231 стр.
- Чернышева И. И. Актуальные проблемы фразеологии. // Вопр. языкозн. - 1977. - No 5. - стр. 34-42.

C o n t e n t s

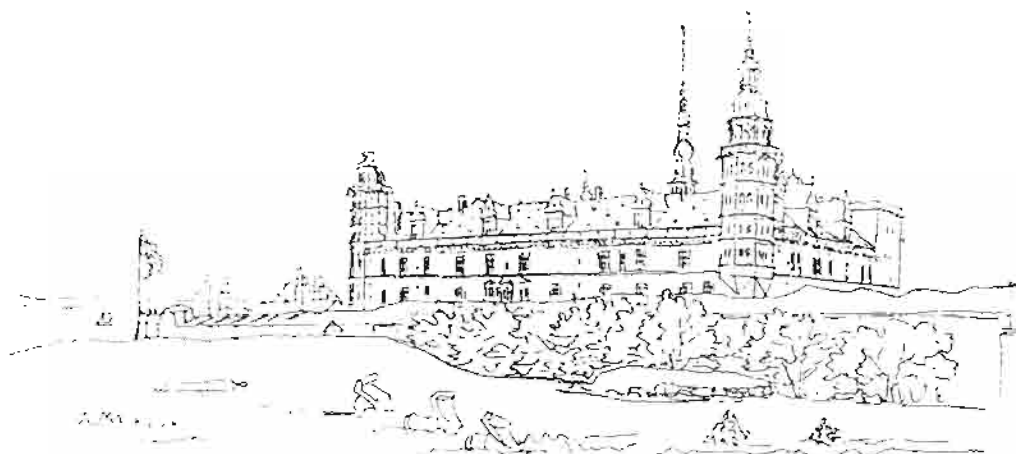
Introduction	3
What is an Idiom	3
Native Latvian Idioms	5
Borrowed Idioms	7
Stylistic Variety of Latvian Idioms	12
Polysemy	13
Idiom Variants	14
Synonymy	16
Typology of Latvian Idioms	17
Idioms in Speech	18
Research and Dictionaries	21
Literature	24

KØBENHAVNS UNIVERSITET
Center for Oversættelsesvidenskab og Leksikografi

UNIVERSITY OF COPENHAGEN
Center for Translation Studies and Lexicography

The Second
'Language International'
Conference

*Teaching Translation and Interpreting
Insights, Aims, Visions
4 June - 6 June 1993
Elsinore, Denmark*

Translating Contextually Transformed Idioms
(A Teaching Aspect)

Texts, especially literary ones, as well as speeches often abound in idioms. Translation of them has been well studied and certain ways applied are often set out - translation by equivalent, analogue, idiom of a different image, descriptive translation, translation by a lexical unit, etc.

However, about 30% of idiom use are constituted by contextually transformed idioms which cause enormous difficulties both for translators and interpreters, the latter having no time to deliberate. The seemingly unpredictable and infinite ways of contextual idiom transformations can yet be reduced to not too large a number of basic transformation types. The knowledge of them is of great importance for would be translators as it gives a framework which helps solving translation problem.

The transformations fall into two types - those affecting the meaning of the idiom (sustained metaphor, zeugma, pun, dual actualization, etc.) and those affecting the structure of the idiom and naturally its meaning, too (insertion, addition, substitution, aposiopesis, allusion, idiomatic contamination, etc.).

In cases of idiom equivalent in the Target language most of the contextual transformation are reproducible in the translation, when analogues or idioms of different image are used the rate of successful retention of the transformation falls sharply. The translator often faces a dilemma - what is more important, the idiom or the occasional transformation which may have a strong textual and stylistic colouring and expressive effect. If the latter is more important for sustaining an adequate translation compensation may be applied, very often by introducing a totally different idiom and subjecting it to transformations necessary.

The knowledge of contextual transformation types, their applicability and functions in text may be of great value for the translator when encountering cases like the following:

- She's the skeleton in the family cupboard, isn't she?
- She wasn't much of a skeleton as I remember her, murmured Euphemia, extremely well covered. (J. Galsworthy)

The material under analysis is that of English and Latvian however the principles used in teaching can be applied almost universally.